

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2020

Том 19. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2020

Volume 19. No. 2

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2020. Vol. 19. No. 2

Academic Periodical

First published in 1998

2 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **III № ФC77-68211** of December 27, 2016)

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

Editorial Staff:

A.S. Skripkin – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);
M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Executive Secretary (Volgograd);
K.S. Kovaleva – Assistant Editor (Volgograd);
V.I. Moiseev – Assistant Editor (Volgograd);
N.G. Glazkova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor of English Texts (Volgograd);
M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof. (Volgograd);
V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);
E.V. Pererva – Cand. Sc. (Volgograd);
A.N. Dyachenko (Volgograd);
N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);
V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc. *A.Yu. Alekseev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc. *A.V. Borisov* (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS *A.P. Buzhilova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *M.S. Gadzhiev* (Makhachkala); Dr. Sc. *I.P. Zasetzkaya* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *E.D. Zilivinskaya* (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité *M.M. Kazanskiy* (Paris, France); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova* (Yekaterinburg); Dr. Sc., Assoc. Prof. *V. Kulchar* (Szeged, Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand. Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov* (Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr. Sc. *M.G. Moshkova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc. *A.M. Oblomskiy* (Moscow); Dr. Sc., Prof., Corr. Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-on-Don); Dr. Sc. *A.V. Simonenko* (Kiev, Ukraine); Dr. Sc. *M.Yu. Treister* (Bonn, Germany); Dr. Sc., Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc., Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*,
Yu.I. Nedelkina

Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing Nov. 27, 2020.

Date of publication, 2020. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 29.2. Published pages 31.4.

Number of copies 500 (1st dublicate 1–53).

Order . «C» 27.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.jvolsu.com>

English version of the Website:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2020. Т. 19. № 2

Научный журнал

Основан в 1998 году

Выходит 2 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68211 от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Редакционная коллегия:

А.С. Скрипкин – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, ответственный секретарь (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – технический секретарь (г. Волгоград);

В.И. Моисеев – технический секретарь (г. Волгоград);

Н.Г. Глазкова – канд. ист. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф. (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – канд. ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышкин – канд. ист. наук (г. Самара)

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);

д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва);

канд. биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пушино); д-р ист.

наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); д-р ист.

наук, проф. *М.С. Гаджиев* (г. Махачкала); д-р ист.

наук *И.П. Засецкая* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук

Э.Д. Зиливинская (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор.

РАН *А.И. Иванчик* (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казан-*

ский (г. Париж, Франция); д-р ист. наук *А.Г. Козин-*

цев (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф.

Л.Н. Корякова (г. Екатеринбург); канд. ист. наук, доц.

В. Кульчар (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук *С.И. Лу-*

кьяшко (г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук *В.Ю. Ма-*

лашев (г. Москва); д-р ист. наук, проф. *С.Ю. Мона-*

хов (г. Саратов); д-р ист. наук, проф. *Н.Л. Моргуно-*

ва (г. Оренбург); д-р ист. наук *М.Г. Мошкова* (г. Мос-

ква); д-р ист. наук, проф. *Л.Ф. Недашковский*

(г. Казань); д-р ист. наук *А.М. Обломский*

(г. Москва); д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН

Н.В. Полосьмак (г. Новосибирск); канд. ист. наук

Б.А. Раев (г. Ростов-на-Дону); д-р ист. наук *А.В. Си-*

моненко (г. Киев, Украина); д-р ист. наук *М.Ю. Трей-*

стер (г. Бонн, Германия); д-р ист. наук, проф.

А.М. Хазанов (г. Мэдисон, США); д-р ист. наук,

проф. *И.Н. Храпунов* (г. Симферополь)

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова,*

Ю.И. Неделькина

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 27.11.2020 г.

Дата выхода в свет . 2020 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 29,2.

Уч.-изд. л. 31,4. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–53 экз.).

Заказ . «С» 27.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет

Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею главного редактора	6
<i>Медведев А.П.</i> Анатолий Степанович Скрипкин и мое поколение сарматологов	8

СТАТЬИ

<i>Балабанова М.А.</i> Антропологический состав населения раннего железного века Нижнего Поволжья (по материалам курганных групп Кривой Луки)	18
<i>Мышкин В.Н.</i> Псалии с зооморфными изображениями у кочевников Самаро-Уральского региона в VI–IV вв. до н.э.	56
<i>Перерва Е.В.</i> Ранние сарматы IV–III вв. до н.э. с территории Нижнего Поволжья по данным палеопатологии	74
<i>Глебов В.П., Дедюлькин А.В.</i> О времени появления ранних сарматов на Нижнем Дону	92
<i>Иванов С.С.</i> Два новых кинжала раннесарматского облика из Чуйской долины	120
<i>Васильев В.Н.</i> Каменные курганы Южного Урала, «ирендыкско-кряктынская группа кочевников» и «оседающие сако-сарматы»	129
<i>Кропотов В.В.</i> Две фибулы из «раннесарматских» погребений Северо-Западного Причерноморья	153
<i>Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.</i> Хронология мечей с кольцевым навершием из меотских памятников правобережья Кубани	164
<i>Раев Б.А.</i> Повозки в сарматских погребениях нижневолжских и нижнедонских курганов. Часть 1	183
<i>Трейстер М.Ю.</i> Печати-многогранники закавказского происхождения II–I вв. до н.э. из погребений кочевников Азиатской Сарматии I – первой половины II в. н.э.	200
<i>Шарапова С.В.</i> Верхняя хронологическая граница саргатской культуры	218
<i>Храпунов И.Н.</i> Склеп с монетами III в. н.э. из могильника Опушки	247

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Тимофеев А.А., Соловьев Д.С., Стукалов Г.В., Васильев Д.В., Бочкарев В.Ю.</i> Захоронения эпохи раннего железного века курганного могильника «Богомольные пески-I»	279
---	-----

CONTENTS

To the Anniversary of Chief Editor	6
<i>Medvedev A.P.</i> Anatoly S. Skripkin and My Generation of Sarmatologists	8

ARTICLES

<i>Balabanova M.A.</i> Anthropological Composition of the Population of the Early Iron Age from the Lower Volga Region (According to the Materials of the Kurgan Group of Krivaya Luka)	18
<i>Myshkin V.N.</i> Cheek-Pieces with Zoomorphic Images of the Samara-Ural Region Nomads in the VI–IV Centuries BC	56
<i>Pererva E.V.</i> Paleopathology Data on the Early Sarmatians of 4 th – 3 rd Centuries BC from the Lower Volga Region	74
<i>Glebov V.P., Dedyulkin A.V.</i> About the First Appearance of the Early Sarmatians in the Lower Don Region	92
<i>Ivanov S.S.</i> Two New Daggers of Early Sarmatian Shape from Chui Valley	120
<i>Vasilev V.N.</i> Stone Kurgans of the Southern Urals, “Irendyk-Kryktyin Group of Nomads” and “Settled Down Sako-Sarmatians”	129
<i>Kropotov V.V.</i> Two Fibulae from “Early-Sarmatian” Burials of the North-Western Black Sea Region	153
<i>Limberis N.Yu., Marchenko I.I.</i> Chronology of the Swords with Ring Pommel from the Maeotian Sites on the Right Bank of Kuban River	164
<i>Raev B.A.</i> Wagons in Sarmatian Burials of the Lower Volga and Lower Don Kurgans. Part 1	183
<i>Treister M.Yu.</i> Polyhedron Seals of the Transcaucasian Origin Dated 2 nd – 1 st CC BC from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia of the 1 st – First Half of the 2 nd Century AD	200
<i>Sharapova S.V.</i> Upper Chronological Boundary of Sargatha Culture	218
<i>Khrapunov I.N.</i> A Crypt with Third-Century Coins in the Cemetery of Opushki	247

PUBLICATIONS

<i>Timofeev A.A., Soloviov D.S., Stukalov G.V., Vasilev D.V., Bochkarev V.Yu.</i> Burials of the Early Iron Age of the Kurgans Cemetery “Bogomolnye Peski-I”	279
--	-----

ЗАМЕТКИ

Монахов С.Ю. Подарок вождю:
римская амфора
с клеймом Сестия из ГМИИ 306

NOTES

Monakhov S.Yu. Gift to the Chief:
A Roman Amphora with the Sestius Stamp
from the Pushkin SMFA 306

TO THE ANNIVERSARY OF CHIEF EDITOR

К ЮБИЛЕЮ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Как же неумолимо быстро течет река времени. Вот и нашему главному редактору, известному историку, археологу с мировым именем Анатолию Степановичу Скрипкину исполняется 80 лет. Половина прожитых им лет отдана родному университету. О достоинствах Анатолия Степановича много уже сказано и написано – нет нужды повторяться. Главной его заслугой, на наш взгляд, является то, что он сумел создать и сохранить на многие годы активный, работоспособный коллектив единомышленников и ту особую атмосферу творчества, доброжелательности и здорового оптимизма, в которой его коллегам и ученикам комфортно работать и просто жить.

Хотим особо отметить издательскую и просветительскую деятельность Анатолия Степановича. Сам он является автором более 300 научных публикаций, в том числе 15 монографий и ряда учебно-методических пособий, в той или иной степени затрагивающих проблемы истории и археологии древних кочевников евразийских степей.

Будучи главным редактором *«Нижеволжского археологического вестника»*, юбиляр способствовал выходу в свет 23 выпусков журнала. Благодаря ему это издание получило подлинное признание и широкую известность не только в России, но и за ее пределами. При участии Анатолия Степановича в качестве автора, главного или научного редактора опубликовано несколько коллективных монографий, отражающих различные аспекты евразийской археологии. В этом ряду следует отметить такие издания, как *«Курганы бронзового века в излучине Дона: опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований»* (2012); *«Археологическое наследие Волгоградской области»* (2013); *«Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований»* (2014); *«Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология»* (2015).

Кроме того, А.С. Скрипкин являлся главным редактором *«Археологической энциклопедии Волгоградской области»*, выдержавшей 2 издания (2009, 2016), – книги, весьма популярной среди профессионалов и всех любителей исторического наследия.

В указанных работах объединены усилия самого Анатолия Степановича, а также его ближайших соратников и учеников.

Уделяя огромное внимание становлению вузовской археологической школы, важное значение А.С. Скрипкин всегда придавал развитию региональной науки и популяризации археологического наследия Волгоградской области. Благодаря его усилиям начала свою работу постоянно действующая Нижеволжская археологическая конференция, и на сегодняшний день проведены заседания пяти форумов в разных городах Нижнего Поволжья. В течение многих лет Анатолий Степанович является бессменным руководителем секции археологии на ежегодных Краеведческих чтениях, где своими мыслями и новыми материалами по археологии и древней истории края делятся исследователи нижеволжских древностей, как маститые, так и начинающие.

В последние годы опубликовано несколько научно-просветительских трудов Анатолия Степановича Скрипкина, посвященных древней и средневековой истории Волгоградского края. Среди них неизменной популярностью пользуются *«История Волгоградской земли до основания города»* (2005) и *«История Волгоградского края от каменного века до Золотой Орды»* (2008). С огромным интересом со стороны научной общественности, краеведов, да и просто любителей истории родного края был встречен выход в свет его фундаментальной книги *«Сарматы»* (2017), где на широком круге источников рассматриваются проблемы происхождения, хронологии и эт-

нической истории ираноязычных кочевников, занимавших степные пространства юга Восточной Европы с IV в. до н.э. по IV в. н.э.

Несмотря на заслуги нашего юбиляра, награды и груз прожитых лет, в нем нет ни капли «забронзовелости», ничто не изменило его деликатный и уважительный подход к людям и мудрое, философское отношение к окружающему миру.

Дорогой Анатолий Степанович, поздравляем Вас с 80-летним юбилеем, желаем счастья, здоровья и творческого долголетия!

Редколлегия

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.1>

UDC 902.01(042)
LBC 63.401я43

Submitted: 22.06.2020
Accepted: 24.11.2020

ANATOLY S. SKRIPKIN AND MY GENERATION OF SARMATOLOGISTS

Alexandr P. Medvedev

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Abstract. The article is dedicated to the 80th anniversary of Anatoly S. Skripkin, professor of the Volgograd State University. It is based on the authors personal memories about several important milestones in the biography of this eminent scientist. His great contribution to the modern Russian sarmatology is assessed.

Key words: Volgograd, Anatoly Stepanovich Skripkin, Russian archaeologists, Asian Sarmatia, sarmatology.

Citation. Medvedev A.P., 2020. Anatoliy Stepanovich Skripkin i moe pokolenie sarmatologov [Anatoly S. Skripkin and My Generation of Sarmatologists]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 8-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.1>

УДК 902.01(042)
ББК 63.401я43

Дата поступления статьи: 22.06.2020
Дата принятия статьи: 24.11.2020

АНАТОЛИЙ СТЕПАНОВИЧ СКРИПКИН И МОЕ ПОКОЛЕНИЕ САРМАТОЛОГОВ

Александр Павлович Медведев

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена 80-летию профессора Волгоградского государственного университета А.С. Скрипкина. Она написана на основе личных воспоминаний автора о некоторых важных вехах в творческой биографии этого выдающегося ученого. Дается оценка его большого вклада в современную российскую сарматологию.

Ключевые слова: Волгоград, Анатолий Степанович Скрипкин, русские археологи, Азиатская Сарматия, сарматология.

Цитирование. Медведев А. П., 2020. Анатолий Степанович Скрипкин и мое поколение сарматологов // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 8–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.1>

В год Большого Юбилея моего друга – Анатолия Степановича Скрипкина, наверное, появится не одна статья, посвященная его научной биографии и оценке огромного вклада ученого в современную российскую сарматологию. Волгоградские коллеги, безусловно, лучше знают своего профессора, основателя волгоградской школы сарматологии, которая с 80-х годов заняла лидирующие позиции в изучении истории и культуры сарматов. Поэтому я поставил перед собой более скромную зада-

чу – поделиться некоторыми моими воспоминаниями и впечатлениями об А.С. Скрипкине, с которым знаком почти 40 лет. Это своего рода некоторые штрихи к биографии ученого на фоне нашего поколения сарматологов. Его расцвет как раз приходится на 80–90-е годы прошлого века, когда шло становление Анатолия Степановича как признанного неформального лидера отечественной сарматологии.

Имя А.С. Скрипкина я впервые услышал от Константина Федоровича Смирнова в

1978 г., когда он читал спецкурс по сарматской археологии в нашем университете. В том же году с его благословения я начал раскопки сарматских курганов I Чертовицкого могильника – в общем, стал заниматься сарматами. Но если литературы по савроматам и ранним сарматам, благодаря тому же К.Ф. Смирнову и М.Г. Мошковой, было немало, то по средне- и позднесарматской культуре в конце 70-х годов прошлого века ощущался ее явный дефицит. Пришлось поехать на стажировку в Москву, где в Архиве Института археологии я получил доступ к неопубликованной кандидатской диссертации А.С. Скрипкина по позднесарматской культуре Нижнего Поволжья (издана в 1984 г.). Диссертация и особенно приложение с рисунками к ней были изучены мной весьма основательно. Они позволили мне досконально познакомиться с керамикой, фибулами и другими характерными элементами позднесарматской культуры. Вскоре эти знания очень пригодились мне при раскопках верхнедонских курганных могильников позднесарматского времени в начале 80-х годов прошлого века.

В 1981 г. от М.Г. Мошковой я узнал, что в Волгограде готовится к изданию сборник научных работ, посвященный памяти К.Ф. Смирнова. Она дала мне адрес А.С. Скрипкина и посоветовала направить ему статью по сарматской археологии – благо к этому времени нового материала у меня было много. Я так и сделал – отправил статью в сборник «История и культура сарматов» (Саратов, 1983), но к стыду своему искажил отчество Скрипкина – обратился к нему как к Анатолию Аркадьевичу. Вскоре получил вежливый ответ – статья в сборник принята, а ниже приписка «Анатолий Степанович Скрипкин». Заочное знакомство состоялось. А через год мы встретились на семинаре в Секторе скифо-сарматской археологии, который тогда еще находился в подвале Института археологии.

Следующий эпизод – конференция в Саратове в 1984 г., посвященная 100-летию со дня рождения П.С. Рыкова. Помню, что мы заседали в очень холодном красном здании в центре Саратова, но, несмотря на холод, наша сарматская секция была весьма представительной и работала активно. Безусловно, главным событием конференции для нас стал доклад А.С. Скрипкина о новой хронологии ран-

не- и среднесарматской культуры, где он очень убедительно доказал, что рубеж между ними надо сдвинуть, как минимум, на век – ближе к рубежу эр. Сейчас это воспринимается как само собой разумеющийся факт, но до окончательного утверждения этой новации потребуются по меньшей мере еще десятилетие.

Не скрою, для меня этот доклад был как бальзам на душу. Дело в том, что годом раньше я представил в скифо-сарматский сектор рукопись кандидатской диссертации, где датировал среднесарматские Чертовицкие могильники I – началом II в. н.э. Такая узкая датировка вызвала принципиальное возражение сотрудников сектора, поскольку среднесарматскую культуру тогда было принято датировать более широко – от рубежа II–I вв. до н.э. до середины II в. н.э. Но в лесостепном Подонье мне не удалось найти ни одного среднесарматского погребения со сколь-нибудь определенными материалами ранее рубежа эр. Поэтому, несмотря на критику старших коллег, я остался при своем мнении, что и нашло отражение в автореферате моей кандидатской диссертации.

Надо отметить, что к середине 80-х годов в сарматской археологии сложилась уникальная ситуация. После кончины Константина Федоровича Смирнова в 1980 г. она, так сказать, оказалась без абсолютного авторитета. С другой стороны, к этому времени на периферии о себе заявило новое поколение археологов, уже прочно ставших на ноги и защитивших кандидатские диссертации. К старшей его генерации, помимо А.С. Скрипкина, принадлежали Борис Федорович Железчиков из Волгограда (1946–2000) и ростовчанин Владимир Евгеньевич Максименко (1939–2014). Моими ровесниками ($\pm$ несколько лет) были: Борис Аронович Раев из Ленинграда, Александр Владимирович Симоненко из Киева, Владимир Иванович Костенко из Днепропетровска (1949–1996), Александр Михайлович Ждановский, а чуть позже к нам присоединился Иван Иванович Марченко (оба из Краснодара). Сформировалось некое неформальное сарматское братство, какого я, признаюсь, не наблюдал ни в классической античной археологии, ни в скифологии. Это отнюдь не означает, что наши конференции и семинары проходили бесконфликтно – были жаркие научные дискуссии, иног-

да спор доходил до того, что докладчик прерывал выступление и спешил в библиотеку за дополнительными аргументами. Но вечером мы все дружно собирались в одном из тесных гостиничных номеров, и как раз там разворачивалась наиболее интересная и продуктивная часть конференции.

Следует напомнить, что помимо традиционной Нижнедонской археологической конференции в то время мы регулярно встречались на семинаре «Античная цивилизация и варварский мир», организованном Б.А. Раевым. Разумеется, тон в нем задавали сарматологи, хотя с интересными докладами выступали и скифологи, и антиковеды. На одном из таких семинаров случился эпизод, который, как мне кажется, мог в одночасье прервать расцвет российской сарматской археологии.

Как было принято на семинаре у Б.А. Раева, один день отводился на экскурсию. Весной 1988 г. Боря повез нас на базу его экспедиции в д. Озерки – там, у старой хижины, уже был накрыт стол, мы хорошо посидели, подискутировали, было произнесено много тостов. Еще засветло вернулись в Новочеркасск к гостинице, и многие почувствовали, что чего-то важного явно не хватает. Тут в мановение ока оказалась старая грузовая экспедиционная машина, за ее рулем сидел незабвенный Женя Беспальный, которого, к сожалению, с нами давно уже нет. Кто предложил продолжить семинар на другой базе в хут. Мишкин, я, откровенно говоря, не помню. Но сарматский народ вдруг стал активно залезать в кузов машины... без тента и номеров, и она тронулась. Я сидел рядом с А.С. Скрипкиным и, думаю, испытал те же эмоции, что и он, когда на трассе за Новочеркасском нас пытались задержать сотрудники ГАИ на «Волге», и как мы уходили от погони вдоль лесополосы почти по свежей пахоте на машине, которая, казалось, от тряски вот-вот развалится. А по другой стороне лесополосы по накатанной дороге ехала милицейская машина. В какой-то момент Женя высунулся из окна кабины и успокоил нас, что скоро наши преследователи остановятся, так как хорошая дорога перекопана. В общем, в хут. Мишкин мы прибыли благополучно.

А дальше был один из самых интересных вечеров (или ночей) в моей научной жизни. Среди нас оказался один довольно моло-

дой, но заводной человек по фамилии Кочубей (имя, к сожалению, уже не помню). Он начал рассказывать о своих необычных раскопках в Западном Казахстане, где якобы открыл погребение воина в пластинчатом панцире, заколотом на плече... фибулой. Тут же почти в один голос завзятые вещеведы – Анатолий Степанович и оказавшийся в нашей компании Марк Борисович Щукин – задали один и тот же вопрос: что это была за фибула, какого типа? После долгого, но невразумительного ее описания, отвечая на наводящие вопросы, Кочубей взял со стола обычную алюминиевую ложку и коротко ответил: «Вот такая!» Завязавшаяся дискуссия о фибулах и о многом другом продолжалась почти до рассвета. Незаметно в какой-то момент дело дошло до того, что мы даже решили принять в партию... Б.А. Раева, чтобы он мог стать директором Новочеркасского музея (это были годы «перестройки» и в партию можно было вступить легко, даже с Бориной национальностью). Впрочем, об этом уже писал один из участников нашего «легендарного» ночного заседания А.В. Симоненко в предисловии к сборнику Б.А. Раева, посвященному его шестидесятилетию. Наутро мы благополучно вернулись в Новочеркасск и сфотографировались перед зданием гостиницы (первая черно-белая фотография).

А осенью того же 1988 г. в г. Новочеркасске наконец-то состоялась I конференция по археологии и культуре сарматов, к которой мы готовились лет пять. Одним из ее активных инициаторов был А.С. Скрипкин. Заранее мы обговорили и поделили темы докладов, чтобы они охватили все проблемы сарматологии. Доклады были изданы в виде сборника и разосланы участникам конференции до ее начала, так что докладчики не столько выступали, сколько отвечали на вопросы, возникшие у коллег при внимательном прочтении текстов выступлений. Среди серии докладов своей концептуальностью и основательностью выделялся доклад А.С. Скрипкина «Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры», который по существу представлял основные тезисы его будущей докторской диссертации, защищенной в 1992 году. Этот доклад содержал новаторскую идею формирования и развития всех сарматских культур в результате

сложного процесса взаимодействия традиций и инноваций. По мнению А.С. Скрипкина, преемственность между ними обеспечивает сохранение старого населения, отдельные элементы культуры которого иногда могут получить значительное распространение в рамках уже новой культуры, признаки, определяющие лицо новой культуры, привносятся в результате новых миграций. На мой взгляд, эта универсалия прослеживается не только в сарматских, но практически во всех степных кочевых культурах вплоть до развитого Средневековья. I Сарматская конференция прошла весьма удачно. Было решено продолжить это начинание, а в сентябре 2019 г. в г. Севастополь (Херсонес) состоялась уже юбилейная X Международная сарматская конференция.

90-е годы ознаменовались появлением работ А.С. Скрипкина по «восточной тематике». Он один из первых обратил внимание на присутствие в ранне-, средне- и позднесарматской культурах целых пучков восточных элементов, связанных по происхождению с древними цивилизациями вплоть до Китая. Об этом писали и другие сарматологи. Но в отличие от них А.С. Скрипкин получил уникальную возможность не только посетить Китай, но и пожить там, изучить богатые коллекции музеев, содержащие прототипы артефактов, которые ранее у нас было принято считать собственно сарматскими. Уже в начале этого тысячелетия «восточные штудии» А.С. Скрипкина вошли в его книгу «Сарматы и Восток».

Вершиной научного творчества профессора А.С. Скрипкина стала его итоговая монография с коротким названием «Сарматы», изданная в Волгограде в 2017 году. Она явилась не только результатом его многолетних исследований, но и глубоким обобщением разработок различных проблем сарматской археологии и истории другими российскими и зарубежными исследователями. В этом смысле, на мой взгляд, сарматологам, особенно начинающим свой путь в науке, повезло, как в свое время повезло скифологам после издания в 1971 г. Б.Н. Граковым книги «Скифы». Монография А.С. Скрипкина – первый обобщающий труд по всей сарматской археологии, которая в силу внутренних законов развития науки становится все более дифференцированной. Сочинение было долгожданным и сразу стало настольной

книгой не только российских сарматологов, но и всех специалистов по археологии раннего железного века Юга Восточной Европы.

А.С. Скрипкин, пожалуй, единственный современный исследователь, который с одинаковым результатом занимается изучением разных периодов всех сарматских культур. Через всю его книгу красной нитью проходит главная мысль, наметившаяся еще в его тезисах 1988 г., о некоем универсальном алгоритме в формировании всех сарматских культур. Он заключался в том, что каждая из них складывалась в результате сложного взаимодействия инноваций, привнесенных с востока новыми волнами кочевников, и традиций, оставленных местным населением, причем без каких-либо существенных hiatusов, которые предполагались еще совсем недавно. Как по объему затронутых в монографии проблем, так и по глубине их решения книга не имеет аналогов в отечественной или зарубежной науке. Отмечу, что по структуре и стилю видно – она написана университетским профессором, посвятившим более полувека не только изучению, но и преподаванию студентам археологии и истории сарматов.

И последнее. Так уж случилось, что благодаря А.С. Скрипкину сложились тесные отношения между археологами Волгоградского и Воронежского университетов. В диссертационном совете при нашем университете защищали кандидатские диссертации многие его ученики. В свою очередь, Волгоградский университет по понятным причинам чаще всего выступал в качестве ведущей организации по диссертациям моих учеников. Воронежские археологи с удовольствием публиковали свои статьи в основанном А.С. Скрипкиным «Нижеволжском археологическом вестнике». Это плодотворное сотрудничество продолжается и поныне.

Дорогой Анатолий Степанович! Для меня Вы мудрый старший наставник, доброжелательный человек, с которым всегда приятно и интересно общаться. В год Большого Юбилея я и мои воронежские коллеги желают Вам – старейшине российских сарматологов – добра, здоровья, новых творческих удач и открытий. В качестве скромного подарка примите фотографии разных лет с вашим участием, которые нашлись в моем фотоархиве.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Цвет сарматской археологии после ночного заседания в хут. Мишкин.
Слева направо: А.П. Медведев, Б.А. Раев, А.В. Симоненко, А.С. Скрипкин.
Новочеркасск, 1988 г.

The cream of Sarmatian archaeology after the night-time session in the village of Mishkin.
From left to right: Alexander Medvedev, Boris Rayev, Alexander Simonenko, Anatoly Skripkin.
Novocherkassk, 1988

На банкете 3-й Кубанской археологической конференции.
Слева направо: А.П. Медведев, А. Наглер, А.С. Скрипкин. Анапа, 2000 г.

At the banquet of the 3rd Archaeological Conference of Kuban.
From left to right: A. Medvedev, A. Nagler, A. Skripkin. Anapa, 2000

Перед защитой А.А. Глухова.
Слева направо: А.П. Медведев, И.В. Сергацков, А.С. Скрипкин. Волгоград, 2002 г.
Before A. Glukhovs viva voce.
From left to right: A. Medvedev, I. Sergatskov, A. Skripkin. Volgograd, 2002

Экскурсия после 5-й Кубанской археологической конференции.
Слева направо: А.П. Медведев, С.И. Лукьяшко, А.С. Скрипкин. Голубицкая, 2010 г.
Sightseeing tour after the 5th Archaeological Conference of Kuban.
From left to right: A. Medvedev, S. Lukyashko, A. Skripkin. Golubitskaya, 2010

VII Сарматская конференция.

Слева направо: А.П. Медведев, В.Е. Максименко, А.В. Симоненко, А.С. Скрипкин.
Ростов-на Дону (Кагальник), 2011 г.

The 7th Sarmatian Conference.

From left to right: A. Medvedev, V. Maximenko, A. Simonenko, A. Skripkin.
Rostov-on-Don (Kagalnik), 2011.

VI Кубанская археологическая конференция под Новороссийском.

Слева направо: С.И. Лукьяшко, А.Н. Подушкин, А.С. Скрипкин, А.П. Медведев. Геленджик, 2013 г.

The 6th Archaeological Conference of Kuban near Novorossiysk.

From left to right: S. Lukyashko, A. Podushkin, A. Skripkin, A. Medvedev. Gelendzhik, 2013

VIII Сарматская конференция в Золотой кладовой с филипповскими оленями.
Слева направо: А.С. Скрипкин, С.И. Лукьяшко, А.Х. Пшеничнюк, А.П. Медведев. Уфа, 2014 г.
The 8th Sarmatian Conference. In the Gold Room with the golden deer from Filippovka.
From left to right: A. Skripkin, S. Lukyashko, A. Pshenichnyuk, A. Medvedev. Ufa, 2014.

VIII Сарматская конференция в Золотой кладовой с филипповскими оленями.
Слева направо: С.Э. Зубов, А.Д. Таиров, А.П. Медведев, А.Х. Пшеничнюк, А.С. Скрипкин. Уфа, 2014 г.
The 8th Sarmatian Conference. In the Gold Room.
From left to right: S. Zubov, A. Tairov, A. Medvedev, A. Pshenichnyuk, A. Skripkin. Ufa, 2014

Х Сарматская конференция.
Слева направо: А.П. Медведев, В.Д. Березуцкий, А.С. Скрипкин.
Херсонес, 2019 г.

The 10th Sarmatian Conference.
From left to right: A. Medvedev, V. Berezutsky, A. Skripkin.
Chersonesus, 2019.

Information About the Author

Alexandr P. Medvedev, Doctor of Science (History), Head of the Archaeology and Ancient History Department, Voronezh State University, Universitetskaya Sq., 1, 394018 Voronezh, Russian Federation, apm1950@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5160-2816>

Информация об авторе

Александр Павлович Медведев, доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет, Университетская пл., 1, 394018 г. Воронеж, Российская Федерация, apm1950@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5160-2816>

www.volsu.ru

СТАТЬИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.2>

UDC 903.5:572(470.4)

LBC 63.48(235.4)-427.1

Submitted: 26.08.2020

Accepted: 24.11.2020

**ANTHROPOLOGICAL COMPOSITION OF THE POPULATION
OF THE EARLY IRON AGE FROM THE LOWER VOLGA REGION
(ACCORDING TO THE MATERIALS
OF THE KURGAN GROUP OF KRIVAYA LUKA)¹**

Mariya A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the craniological materials of the early Iron Age from the kurgans of Krivaya Luka tract in the Astrakhan region, which were excavated during ten field seasons. The rich anthropological material was obtained as a result of the excavations studied by A. V. Shevchenko, A. A. Kazarnitskiy, M. A. Balabanova, L. T. Yablonskiy. The anthropological materials of the Early Iron Age consisted of 85 skulls are studied in the current article using the traditional method of simple and multivariate statistics. As a result of the study, it was found out that the morphological appearance of cultural-chronological groups is similar to the rest of the synchronous population both from other burials grounds of the Lower Volga region and from adjacent territories. The Sarmatian type or the type of the ancient Eastern Caucasian is inherent for a small group of the pre-Savromatian period, as well as for the groups of the Savromatian and Early Sarmatian period. A small Middle Sarmatian male group demonstrates the combinations that characterize the subsequent Late Sarmatian population – the type of long-headed Caucasians. Whereas the female craniological type of the Late Sarmatian time is characterized by a set of features that define it as a Mongoloid-Caucasian mestizo. Both the total group of skulls and individual cultural-chronological groups turned out to be heterogeneous in terms of the intragroup structure. The anthropological type of the Early Iron Age population who left burials in the Krivaya Luka tract demonstrates diachronic variability, which was apparently associated with migrations. However, in the pre-Savromatian period, in comparison with the Late Bronze Age, this territory was occupied mostly by the type of ancient Eastern Caucasians which combines a mesobrachicranial low-vaulted cerebral box with a wide face, the horizontal profiling of which at the upper level is weakened, and the nose protruding sharply towards the profile line. The latter type remained there until the start of the Common era, and starting from the Middle Sarmatian time it changed to the type of long-headed Caucasians, which is associated with the penetration of alien groups. Among these migrants, apparently, there were also found carriers of the mixed Mongoloid-Caucasian complex.

Key words: kurgans of Krivaya Luka tract, Savromats, Sarmatians, anthropological type, statistical methods, ethno genetic relationships, intragroup structure.

Citation. Balabanova M. A., 2020. Antropologicheskiy sostav naseleniya rannego zheleznogo veka Nizhnego Povolzh'ya (po materialam kurgannyh grupp Krivoy Luki) [Anthropological Composition of the Population of the Early Iron Age from the Lower Volga Region (According to the Materials of the Kurgan Group of Krivaya Luka)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 18-55. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.2>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАННЫХ ГРУПП КРИВОЙ ЛУКИ)¹

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучаются краниологические материалы эпохи раннего железного века из могильников урочища Кривая Лука в Астраханской области, которые раскапывались в течение десяти полевых сезонов. Богатый антропологический материал, полученный в результате раскопок, изучался А.В. Шевченко, А.А. Казарницким, М.А. Балабановой, Л.Т. Яблонским. В данной работе антропологические материалы раннего железного века численностью 85 черепов изучаются по традиционной методике простой и многомерной статистики. В результате исследования удалось выяснить, что морфологический облик культурно-хронологических групп схож с остальным синхронным населением как из других могильников Нижнего Поволжья, так и из сопредельных территорий. Для небольшой группы предсавроматского времени, как и для групп савроматского и раннесарматского времени, характерен сарматский тип, или тип древних восточных европеоидов. Небольшая среднесарматская мужская группа демонстрирует сочетания, которые характеризуют последующее позднесарматское население – тип длинноголовых европеоидов. Женский краниологический тип позднесарматского времени характеризуется набором признаков, определяющих его как монголоидно-европеоидных метисов. Как суммарная группа черепов, так и отдельные культурно-хронологические группы оказались по внутригрупповой структуре неоднородными. Антропологический тип населения раннего железного века, оставившего могильники в урочище Кривая Лука, демонстрирует диахронную изменчивость, которая, видимо, была связана с миграциями. Уже в предсавроматское время, по сравнению с поздней бронзой, на этой территории большой вес приобретает тип древних восточных европеоидов, который сочетает мезобрахикранную низкосводчатую мозговую коробку с широким лицом, горизонтальная профилировка которого на верхнем уровне ослаблена, а нос – резко выступающий к линии профиля. Он продержался здесь до рубежа эр, а начиная со среднесарматского времени меняется на тип длинноголовых европеоидов, который связан с проникновением пришлых групп. Среди этих мигрантов, видимо, были и носители смешанного монголоидно-европеоидного комплекса.

Ключевые слова: могильники в урочище Кривая Лука, савроматы, сарматы, антропологический тип, статистические методы, этногенетические связи, внутригрупповая структура.

Цитирование. Балабанова М. А., 2020. Антропологический состав населения раннего железного века Нижнего Поволжья (по материалам курганных групп Кривой Луки) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 18–55. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.2>

Введение. Антропологические материалы, которые публикуются в данной статье, были получены в процессе раскопок могильников в урочище Кривая Лука Поволжской археологической экспедицией с 1973 по 1981 год. Работы проводились в связи с мелиоративными мероприятиями в зоне строительства первой очереди Астрахано-Калмыцкой рисовой оросительной системы. До раскопок курганные группы располагались с севера на юг в 60-километровой зоне высохшего русла Волги, получившего название «урочище Кривая Лука» [Дворниченко и др., 1977, с. 3]. В течение десяти полевых

сезонов было раскопано около трех с половиной сотен курганов. Для более комплексного изучения материалов раскопок наряду с археологами в экспедиции участвовали антропологи, остеологи, почвоведы. Результаты раскопок дали богатый археологический материал, и только данные по первым шести курганным группам были опубликованы [Дворниченко и др., 1977]. Часть материала введена в научный оборот в виде отдельных публикаций [Федоров-Давыдов, 1984; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989; Круглов, 2001; Мимоход, 2005; 2014; 2019; Дворниченко, Демиденко, 2017].

Антропологические материалы, которые были получены при раскопках могильников Кривой Луки и собраны Л.Т. Яблонским, участвовавшим в экспедиции, изучены в большей степени, чем археологические. По мнению этого ученого, благодаря исследованиям материалов Кривой Луки Нижнее Поволжье в палеоантропологическом отношении стало одним из наиболее исследованных регионов России [Яблонский, 2002, с. 29].

Так, довольно значительные краниологические материалы эпохи бронзы были использованы А.В. Шевченко при написании диссертации на соискание степени кандидата исторических наук [Шевченко, 1980], а позднее опубликованы в работе 1986 года. Определяя антропологический тип серии ямной культуры Кривой Луки, он отмечает сходство ее с суммарной серией из Калмыкии и выделенного им типа А, который был одним из компонентов внутригрупповой структуры данного населения. Различия же между этими группами связаны с такими признаками, как более низкая высота свода черепа и лица и «крайне резкое выступание носа» у ямников Кривой Луки. Кроме того, автор отмечает сходство диахронных групп ранних и поздних ямников Кривой Луки, а также участие в их расогенезе каких-то узколицевых групп. Что касается серии ямно-катакомбного времени, которая у него фигурирует под IV группой погребений, то она, по мнению А.В. Шевченко, формировалась под влиянием населения северокавказского происхождения [Шевченко, 1986, с. 143, 144, 168–172].

Небольшая серия черепов без следов искусственной деформации катакомбной культуры из Кривой Луки отличается от группы из Калмыкии более крупными размерами мозговой коробки и широким лицом [Шевченко, 1986, с. 185].

Серию поздней бронзы из курганных групп Кривой Луки наряду с другими группами бассейна Волги этот исследователь определяет как модификацию длинноголового типа со среднешироким лицом и резко выступающим носом [Шевченко, 1986, с. 192–194].

Этот же краниологический материал позднее изучал А.А. Казарницкий [2012]. Проведенный им внутригрупповой анализ показал неоднородность мужской серии ямной куль-

туры, которая состоит из двух морфологических вариантов. Различия у них между широтными размерами и углами профилировки лица на среднем уровне. Немногочисленная женская серия обладает более гомогенной внутригрупповой структурой и отличается от группы черепов из Чограя более длинной и более узкой мезокранной черепной коробкой. Лицевой скелет также более узкий и резче профилированный в горизонтальной плоскости, а переносье более широкое и менее высокое [Казарницкий, 2012, с. 59–66].

Согласно современным культурно-хронологическим определениям, среди материалов Кривой Луки эпохи поздней стадии средней бронзы были выделены погребения лолинской и криволукской культуры, черепа которых изучили А.А. Хохлов и А.А. Казарницкий [Хохлов, Мимоход, 2008; Казарницкий, 2010; 2012; 2013а; 2103б; 2020].

По мнению А.А. Казарницкого, черепа из погребений лолинской культуры могильников Кривая Лука отличаются низким лицом и очень низкими орбитами [Казарницкий, 2012, с. 113, 114]. Отдельное исследование по постакатакомбным культурам показало, что на фоне синхронных групп все три серии (бабинская, криволукская и лолинская) обладают сходством как с выборками из кавказских могильников, так и с сериями шнурокерамических культур. При этом криволукская культурная группа, по мнению А.А. Казарницкого, сформировалась на основе предкавказских катакомбных и закавказских коллективов, а лолинская группа при участии населения упомянутых регионов при преобладающем компоненте потомков представителей катакомбных культур Предкавказья [Казарницкий, 2013б, с. 56, 59].

Сравнительный анализ черепов срубной культуры, который проводил А.А. Казарницкий, показал, что серия из Кривой Луки в среднем более короткоголовая, а также имеет большую симотическую высоту и менее широкую глазницу, чем серии из нижнедонских могильников. Кроме того, она имеет ряд специфических черт, которые были выявлены в результате проведения внутригруппового анализа. В ее структуре выделяются крайние морфологические варианты, на основе которых автор делает вывод о том, что палеопо-

пуляция срубной культуры Кривой Луки (судя по мужской ее части) не была генетически замкнутой [Казарницкий, 2012, с. 123–126].

Материал раннего железного века хотя и изучался мною в ряде работ, но различные культурно-хронологические группы рассматривались либо в суммарных выборках, либо в качестве серий из групп Кривой Луки при межгрупповых сопоставлениях [Балабанова, 1999; 2000; 2005; 2007]. Так, большую часть астраханской серии савроматского времени составляют черепа из курганных групп Кривой Луки, которая оказалась наиболее длинноголовой как по абсолютной длине черепа, так и по указателю, а также с высоким сводом, в отличие от других территориальных групп. При межгрупповых сопоставлениях астраханская локальная группа вместе с заволжской оказалась в кластере с тагарскими группами из Каменки I и Турана I (подгор. этап), предсавроматского времени с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона и др. [Балабанова, 2000, с. 39–42].

При сопоставлении раннесарматских серий мужская и женская серии из Кривой Луки демонстрируют те же самые сочетания признаков, что и остальное синхронное население, то есть тип древних восточных европеоидов. Тем не менее именно краниологический тип групп из астраханского правобережья (Кривая Лука, Старица, Степной IV) и Заволжья (Эльтон, Бережновка II, Калиновка, Верхнепогромное и др.) можно считать характерным раннесарматским. Об этом же свидетельствуют результаты сравнительного анализа [Балабанова, 2000, с. 83, 84, 110, 111].

Немногочисленная мужская среднесарматская выборка из Кривой Луки на фоне других синхронных групп оказалась наиболее длинноголовой как по абсолютному значению продольного диаметра, так и по черепному указателю и вместе с группой Кузин из этого же региона демонстрирует тип длинноголовых европеоидов, который характерен для последующего, позднесарматского населения. При межгрупповых сопоставлениях она тяготеет к синхронному населению Волго-Донского междуречья [Балабанова, 2000, с. 99, 101, 110, 111, 114].

Серии позднесарматского времени из Кривой Луки также использовались при меж-

групповых сопоставлениях. В ходе выявления этногенетических связей населения раннесарматского и среднесарматского времени в сравнительном анализе использовалась только мужская серия недеформированных черепов. На фоне раннесарматских серий она демонстрирует «инаковость», а при аналогичном сопоставлении с группами среднесарматского времени попадает в кластер, в котором оказались как среднесарматские серии из Кузина и сборной серии Маньч-Сальского междуречья, так и позднесарматские. На четырехпольном графике в пространстве I и II канонических векторов позднесарматская серия из Кривой Луки расположилась рядом с позднесарматскими группами из Калмыкии (Купцын Толга, Джангр) и Заволжья (Бережновка I) [Балабанова, 2000, с. 114–117].

Кроме того, материал позднесарматского времени из могильников Кривой Луки рассматривался при изучении половозрастной структуры и краниологии территориальной группы могильников Астраханского Правобережья [Балабанова, 2007]. Численность серии, на основе которой дается анализ демографических структур, насчитывала 54 индивида. В результате исследования оказалось, что мужчин под позднесарматскими насыпями более чем в 2,5 раза больше, чем женщин. Детских захоронений всего три, в двух из которых погребены подростки старше 10 лет. Средний возраст дожития очень высокий – около 45 лет. Большая часть умерших в момент смерти находилась в возрастной когорте *Maturus-Senilis* [Балабанова, 2007, с. 315]. Краниологическую серию по Кривой Луке представляют черепа без следов деформации (только мужские черепа) и с деформацией (мужские и женские черепа), доля которой 70,4 %. Обе мужские серии демонстрируют тип длинноголовых европеоидов, характерный для всего позднесарматского населения. Женская же серия деформированных черепов отличается мезобрахикранией, которая связана с наличием монголоидной примеси. Об этом свидетельствуют и средние размеры группы. Монголоидная примесь встречается и на мужских черепках из Кривой Луки. При анализе внутргрупповой структуры группы поздних сарматов астраханского правобережья монголоидная примесь выделяется второй глав-

ной компонентой. При межгрупповых сопоставлениях обе мужские выборки демонстрируют сходство с аналогичными сериями из других территорий, а женская серия с деформацией – с серией из могильника Кермен Толга [Балабанова, 2007, с. 316–324].

Материал позднесарматского времени из Кривой Луки, а также хронологические серии раннесарматского и позднесарматского времени отсюда использовались при написании моей диссертации на соискание степени доктора исторических наук [Балабанова, 2013].

Что касается антропологических материалов эпохи средневековья, то серии золотоордынского времени были включены в диссертационное исследование Л.Т. Яблонским [1980]. Тема его работы не предполагала более детального их изучения, поэтому черепа из Кривой Луки вместе с другими черепами поздних кочевников использовались в межгрупповом сопоставлении.

Таким образом, разные культурно-хронологические группы антропологических материалов из могильников Кривой Луки были в той или иной степени исследованы. Цель нашей работы – отдельно опубликовать материалы савромато-сарматского населения, уделить внимание антропологическому типу и внутригрупповой структуре и ввести в научный оборот цифровую информацию по индивидуальным измерениям черепов обозначенных культурно-хронологических групп.

Методика и материал. Исследование антропологического материала проводилось по традиционной схеме [Алексеев, Дебец, 1964; Балабанова, 1998]. Индивидуальные характеристики по отдельным черепам использовались при подсчете средних значений и описании общего типа культурно-хронологических групп, а также для проведения внутригруппового анализа методами многомерной статистики, а в случае недостаточной численности выборок проводилась индивидуально-типологическая диагностика [Алексеев, Дебец, 1964; Дерябин, 1983; 1998]. Матрица внутригрупповых корреляций обрабатывалась методом многомерного неметрического шкалирования и кластерным анализом.

Вся антропологическая информация дается по черепам из погребений предсавроматского, савроматского, раннесарматского, сред-

несарматского и позднесарматского времени. Всего было изучено 85 черепов, распределение их по полу, возрасту и культурно-хронологическим группам приведено в таблице 1. Индивидуальные значения краниометрических признаков большей части материала впервые вводятся в научный оборот и представлены в таблице 2.

Антропологическая коллекция, с которой я работала в далекие 90-е годы XX в., хранится в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург.

Анализ. При характеристике культурно-хронологических групп населения раннего железного века урочища Кривая Лука сначала определялся общий тип, затем проводился внутригрупповой анализ всего материала.

Краниология населения предсавроматского времени. Для получения представления об антропологическом типе населения этого времени имеются два черепа, которые были получены из погребений, отличающиеся своим обрядом. Оба черепа принадлежали мужчинам преклонного и зрелого возраста. Костяк, полученный при раскопках погребения 7 кургана 1 курганной группы II, лежал скорченно на левом боку, с согнутыми ногами в коленях, с восточной ориентировкой головы. При нем был обнаружен глиняный сосуд [Дворниченко и др., 1977, с. 15]. Индивидуальные измерения черепа позволяют отнести его к типу широкоголовых европеоидов, так как он сочетает короткую среднеширокую и средневысокую мозговую коробку с широким и высоким лицом, горизонтальная профилировка которого резкая (табл. 2, 1).

Второй костяк, который был получен при раскопках парного погребения 22 кургана 1 курганной группы XXVIII, лежал вытянуто на правом боку с завалом направо, головой был ориентирован на запад-юго-запад. Мужчина был захоронен с ребенком. В погребении были найдены каменное плоское сланцевое точило у основания грудного отдела позвоночника и лежащая под точилом костяная втульчатая стрела. Еще одна костяная втульчатая стрела находилась рядом [Федоров-Давыдов и др., 1979]. Череп мужчины из этого погребения более массивный, чем предыдущий, и характеризуется длинной, широкой и высокой мозговой коробкой, форма которой мезокранная, ортокран-

ная и метриокранная. Лобная кость широкая, плоская в месте перегиба и прямая по линии назион-метопион (табл. 2,2). Лицевой скелет широкий и очень высокий с небольшим уплощением на уровне глазниц и резкой профилировкой на уровне скул, вертикальная профилировка его ортогнатная. Нос средневысокий и узкий, как по абсолютной ширине, так и по указателю. Глазница широкая и средневысокая и по высоте и по указателю (мезоконхная). Переносье узкое и очень высокое, а носовые кости средней ширины и тоже очень высокие с большим углом выступания носа.

Таким образом, несмотря на различия в индивидуальных характеристиках обоих черепов, видно их различие от предшествующего срубного населения, которое сочетало тип длинноголовых европеоидов.

Краниология населения савроматского времени. Мужская выборка состоит из 6 черепов в основном хорошей сохранности. Один череп принадлежал предположительно мальчику, которому на момент смерти было около 10–12 лет. Его череп не учитывался при подсчетах средних значений, но включен в таблицу индивидуальных данных (табл. 2,3–9).

Мужская серия характеризуется длинной, среднеширокой и средневысокой, мезокранной и ортокранной черепной коробкой; широким и длинным основанием; широким и средненаклонным лбом, профилировка которого по углу поперечного изгиба резкая; средневысоким и широким ортогнатным лицом, умеренно профилированным в горизонтальной плоскости; широкими и средневысокими мезоконхными орбитами; средневысоким и среднешироким мезоринным, сильно выступающим носом; переносье и носовые кости средней ширины и высокие, а клыковая ямка глубокая (табл. 3).

Женская группа состоит из двух черепов, которые по средним значениям имеют мозговую коробку узкую, средней длины и высоты; пропорции тотальных размеров укладываются в мезокранию, ортокранию и метриокранию (табл. 3). Основание черепа средней ширины и длины, а лоб прямой, средней ширины и с резкой профилировкой по углу поперечного изгиба. Лицевой скелет мезоморфного строения по скуловой ширине и верхней высоте, с ослабленной горизонтальной и ортогнатной вертикальной профилировками. Нос узкий, низкий

и мезоринный, а глазница низкая, средней ширины и мезоконхная. Переносье узкое и высокое, а носовые кости средней ширины и тоже высокие, резко выступающие. Клыковая ямка средней глубины.

Индивидуальные значения мужской серии позволяют говорить о большом размахе вариаций почти по всем признакам (табл. 2,3–9). При этом в серии представлены черепа, у которых тип широкоголовых европеоидов, характерный для населения этого времени, и тип длинноголовых европеоидов, характерный для предшествующего населения срубной культуры (рис. 1,1).

Краниология населения раннесарматского времени. Серия раннесарматского времени представлена двумя хронологическими периодами: IV–III вв. до н.э. и II–I вв. до н.э. (табл. 4). Ранняя серия немногочисленная и состоит из трех черепов – двух мужских и одного женского. Оба мужских черепа очень длинные по поперечному диаметру и долихокранные по указателю. Лицо средней ширины и высокое с умеренной горизонтальной профилировкой на обоих уровнях; носовые кости в одном случае узкие, а в другом – средней ширины, но высокие и резко выступающие (табл. 2,10–12).

Что касается женского черепа, то он принадлежал пожилой женщине и характеризуется короткой широкой и средневысокой мозговой коробкой брахикранной пропорции (табл. 2,12). Его основание широкое и средней длины, а лоб широкий, резко профилированный по горизонтали и сильно наклонный по вертикали. Лицо низкое, среднеширокое и резко профилированное на обоих горизонтальных уровнях и ортогнатное на вертикальном уровне. И нос, и орбита низкие, узкие; по пропорциям укладываются в мезоринию и хамэконхию. Переносье и носовые кости средней ширины и высокие с резким углом выступания носа.

Разнополюе раннесарматские серии позднего этапа II–I вв. до н.э. более многочисленные и в сумме насчитывают 25 черепов. Как мужские черепа, так и женские относительно хорошей сохранности.

Мужская серия из 13 черепов и ее краниотип характеризуются среднелинней и широкой мозговой коробкой, по форме брахикранной; со среднелинним и широким основани-

ем и широкой затылочной костью; лобная кость средней ширины, слегка наклонная и резко профилированная по линии фронтотемпоральных точек (табл. 4).

Лицо средней ширины и низкое, резко профилированное на верхнем горизонтальном уровне и с умеренной профилировкой на уровне зигомаксиллярных точек, а в вертикальной плоскости обладает ортогнатной профилировкой; нос средней ширины и низкий, платириновый по указателю; глазницы широкие и низкие как по абсолютной высоте, так и по указателю (хамэконхные); переносье средней ширины, высокое, а носовые кости узкие и высокие и выводят нос к линии профиля резко. Клыковая ямка средней глубины.

Женская серия раннесарматского времени включает 12 черепов и по своим средним значениям отличается от мужской тем, что она по продольному диаметру длинная, а по поперечному широкая с мезобрахикранной пропорцией (табл. 4). Высота свода средняя, а основание длинное и широкое. Что касается лобной кости, то она по наименьшей ширине широкая с резкой профилировкой в месте перегиба и слегка наклонная по линии назион-метопион.

Лицевой скелет также отличается от мужского и характеризуется большой шириной и средней высотой с умеренной горизонтальной профилировкой на обоих уровнях и ортогнатной вертикальной профилировкой. Нос мезоморфного строения по всем трем размерам: высоте, ширине и указателю (55; 54; 54:55). Орбиты широкие и средневысокие и по высоте и по указателю (мезоконхные). Переносье и носовые кости среднеширокие и высокие с сильно выступающим носом к линии профиля. Глубина клыковой ямки средняя.

Анализ среднеквадратических отклонений и дисперсий в обеих позднепрохоровских группах показывает завышенные значения по сравнению с приведенными в «Краниометрии...», что, очевидно, свидетельствует о неоднородности разнополюх групп [Алексеев, Дебец, 1964, табл. 12]. Так как анализ внутрigrупповой структуры будет дан ниже, то здесь отметим, что в обеих сериях доминируют брахикранные черепа средних размеров и их тип определяется как тип древних восточных европеоидов, характеризующий облик

савромато-раннесарматского населения Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона (табл. 2, 13–37) [Балабанова, 2000, с. 37, 38, 52–54]. Таким образом, исследуемая группа из могильников урочища Кривая Лука является неотъемлемой частью населения Нижнего Поволжья VI–I вв. до н.э.

Краниология населения среднесарматского времени. Мужская серия насчитывает лишь три черепа хорошей сохранности, и в среднем они характеризуются длинной, среднеширокой и высокой черепной коробкой мезокранной формы; основание черепа длинное и средней ширины; лобная кость среднеширокая по наименьшей ее ширине, с резкой профилировкой (табл. 4). Лицевой скелет среднеширокий и средневысокий с резкой профилировкой на обоих горизонтальных уровнях и с ортогнатной вертикальной профилировкой; нос низкий, узкий и мезоринный; орбиты очень широкие и низкие, и по абсолютной высоте и по указателю (хамэконхные); переносье и носовые кости узкие и высокие, выводят нос к линии профиля сильно.

Индивидуальные измерения этих черепов демонстрируют различия, связанные с размером, а не типологического характера (табл. 2, 38–40).

Краниология населения позднесарматского времени. Серия этого времени самая многочисленная и поделена на две части: серия со следами искусственной деформации (27 – мужских и 8 женских черепов) и серия без деформации (8 мужских черепов) (табл. 2, 41–85). На черепах с деформацией регистрируются следующие типы: кольцевой, лобно-затылочный, комбинированный лобно-затылочный с кольцевым (рис. 1, 2–5). Часть черепов несут на себе следы затылочной и теменно-затылочной деформации. Распределение разных типов деформации по группам существенных различий не имеет.

Обе краниологические серии (деформированные и недеформированные черепа) по средним значениям обладают большим сходством и диагностируются типом массивных длинноголовых европеоидов (табл. 5). Различия по сериям незначительные и в основном связаны с моделирующим эффектом деформации. Черепная коробка в обоих случаях длинная. Причем размах вариаций по продоль-

ному диаметру чаще всего находится в пределах средних и очень больших величин. Короткий продольный диаметр встречается на черепах, у которых визуально определяется монголоидная примесь (рис. 1,2). Ширина черепной коробки в недеформированных группах средняя, а в деформированных – узкая. Соответственно, на деформированных черепах чаще определяются долихокраничные пропорции с очень высоким сводом и от базиона-брегмы, и от порионов, а на недеформированных – долихо-мезокраничные пропорции со средневысоким сводом. Различия затрагивают и основание черепа, лобную кость и лицевой скелет. Так, серия деформированных черепов характеризуется длинным и широким основанием, серия недеформированных черепов – средней длиной и широким основанием. Совершенно очевидно, что лобная кость также претерпевает изменения под давлением деформирующей конструкции. Она более широкая и покатая на деформированных черепах. Что касается лица, то оно выше и резче профилировано по горизонтальной профилировке, чем на недеформированных черепах. Кроме верхней высоты лица, на деформированных черепах нос, глазницы тоже выше. Это, а также небольшое снижение в области переносья и носовых костей, видимо, является результатом влияния деформирующей конструкции на признаки.

Женская часть деформированных черепов несколько отличается от обеих мужских серий, и ее мозговая коробка характеризуется средними значениями по длине и ширине, высоким сводом и мезобрахикраничными формами. Основание черепа длинное и широкое, а лобная кость тоже широкая, резко профилированная в месте перегиба и покатая по линии назион-метопион. Лицо, как и в мужской серии деформированных черепов, широкое и высокое, но умеренно профилированное на обоих горизонтальных уровнях. Нос также высокий, среднеширокий и по абсолютной ширине, и по указателю (мезоринный). Орбиты крупные, широкие и высокие по абсолютной высоте, но средневысокие по указателю (мезоконхные). Переносье, как и в мужской серии, широкое и высокое, а носовые кости среднеширокие и высокие. Угол профиля носа средний (табл. 5).

Таким образом, обе мужские группы описываются по средним значениям одним и тем же типом, а отличия связаны с моделирующим эффектом деформирующей конструкции. Отличие женской серии деформированных черепов по средним значениям от мужской, видимо, связано с присутствием монголоидной примеси, о чем свидетельствуют и индивидуальные значения (табл. 2,41). О наличии монголоидной примеси в женской и мужской сериях из могильника астраханского правобережья я уже писала в отдельной работе [Балабанова, 2007, с. 319, 322].

Таким образом, вышеописанный средний тип культурно-хронологических групп Кривой Луки и проведенная индивидуальная типологическая диагностика свидетельствуют о морфологической неоднородности всех групп. Более детальный анализ внутригрупповой структуры проводился методом главных компонент, результаты которого приводятся ниже.

Внутригрупповой анализ. Для проведения данного анализа была суммирована цифровая информация по всем черепах относительно хорошей сохранности. В результате получили мужскую и женскую серии с выбранной программой признаков, в которой в первую очередь были исключены признаки, претерпевающие моделирующий эффект деформирующей конструкции. Поэтому вместо признаков были включены их производные, индексы и углы (табл. 6). Тем не менее полностью исключить эту проблему, видимо, мне удалось.

В результате анализа мужской серии было извлечено 6 главных компонент, а при анализе женской – 7 главных компонент с собственными числами больше единицы. Вклад первой главной компоненты (далее – I ГК) во внутригрупповую изменчивость невысокий, у мужчин – 20,0 %, а у женщин – 25,0 %. По-видимому, в обоих случаях она является компонентой размера, так как имеет высокие положительные нагрузки прежде всего с общеростовой величиной (ОРВ), условным трансверсальным сечением и объемом (M2 и M3). Кроме того, у мужчин I ГК разграничивает массивный тип, у которого затылочно-теменной индекс находится в вариациях монголоидных популяций, а лицо широкое и высокое (положительный полюс изменчивости), от грацильного типа с европеоидным показателем

затылочном-теменном индексе и узким и низким лицом (отрицательный полюс изменчивости) [Беневоленская, 1980].

Самыми крупными и массивными мужскими черепами оказались черепа со следами искусственной деформации позднесарматского времени из погребения кургана 9 группы XVII и погребения кургана 17 группы XVI. У них общеростовая величина больше 280, условное трансверсальное сечение больше 270, а условный трансверсальный объем больше 2000. Что касается лицевых параметров, то у них скуловая ширина больше 140 мм, а верхняя высота лица больше 80 мм (табл. 2,57,60). Противостоят им черепа раннесарматского времени из погребения 33 кургана 1 группы XVI и погребения 28 (кость 2) кургана 1 группы III. Соответственно, эти же признаки для первого черепа имеют следующие значения: 255; 242,2; 1513,8; 133 и 64, а для второго – 260,9; 266,2; 1597,3; 131; 57 (табл. 2,20,34).

При анализе женской группы I ГК также имеет высокие корреляции с общеростовой величиной (ОРВ), условным трансверсальным объемом (МЗ), скуловой шириной (45) и верхней высотой лица (48). При этом все эти признаки имеют отрицательную нагрузку по этой переменной. С положительной корреляцией оказались максиллофронтальный, дакриальный и симфический указатели и угол профиля носа. Согласно этим данным, на полюсах изменчивости, с одной стороны, локализуются черепа, у которых небольшой объем и значение общеростовой величины сочетается с узким, низким лицом, высоким переносом и сильно выступающими носовыми костями, а с другой – черепа с альтернативными сочетаниями. Первый вариант является доминантой черепов из погребений раннесарматского и савроматского времени (погребение 15 кургана 1 группы VI и погребение 2 кургана 4 группы XXI) (табл. 2,6,22). Вторым же вариантом встречается на позднесарматском черепе – со следами деформации (погребение из кургана 8 группы XVII) (табл. 2,59).

Вторая главная компонента у мужчин отражает 15,6 % внутригрупповой изменчивости и имеет средние и высокие корреляции с шириной лица (45), орбитным указателем (52:51) и профильными размерами (FC; 77;

zm^2 и 75-1). При этом положительные нагрузки падают на ширину лица, глубину клыковой ямки, на оба угла горизонтальной профилировки и угол выступающего носа. С орбитным указателем у него средней степени связь и отрицательная по значению. Таким образом, максимальные положительные значения по этой компоненте имеют черепа, у которых широкое, умеренно профилированное лицо сочетается с низкими глазницами и сильно выступающим носом к линии профиля, а на отрицательном полюсе будут черепа с узким, резко профилированным в горизонтальной плоскости лицом, с высокими орбитами, мелкой клыковой ямкой и умеренно выступающим носом к линии профиля. Первый вариант встречается в большей степени на черепах раннесарматского и савроматского времени: из погребения 7 кургана 5 группы VIII; из погребения 28 костей 2 кургана 1 группы III; из погребения 2 кургана 19 группы XVII и др. (табл. 2,4,20,28). Полное сочетание признаков второго варианта встречается на позднесарматском черепе из погребения кургана 18 группы VI (табл. 2,48).

У второй главной компоненты при анализе женской серии вклад во внутригрупповую изменчивость такой же, что и при анализе мужской группы – 15,5 %, но высокие корреляции с другими признаками. Положительные корреляции у нее с условным трансверсальным сечением и объемом (М2 и М3), а отрицательные – с двумя углами вертикальной профилировки лица (72 и 74). Получается, что эта компонента разграничивает, с одной стороны, крупные черепа, у которых лицевой скелет с тенденцией к прогнатизму (череп из раннесарматского погребения 2 кургана 2 группы II), а с другой – черепа с альтернативным набором (череп из позднесарматского погребения кургана 2 группы I) (табл. 2,16,41).

При анализе и мужской и женской групп III и IV ГК отражают около 12,0 % от общей изменчивости и описывают в основном признаки лицевого скелета. В обеих разнополюсных группах на III ГК наибольшие нагрузки падают прежде всего на угол поперечного изгиба лба, на носовую указатель и угол альвеолярной части лица (УПИЛ; 54:55 и 74). По IV ГК у мужчин высокие корреляции с признаками профиля переноса и носовых костей (MS:MC;

DS:DC; SS:SC), а у женщин – с признаками, описывающими горизонтальный профиль лба и верхней части лица (УПИЛ и 77).

Кроме анализа нагрузок для выявления внутригрупповых зависимостей была построена дендрограмма кластеризации и четырехпольный график неметрического многомерного шкалирования матрицы внутригрупповых корреляций, которые также демонстрируют морфологическую неоднородность исследуемых групп (рис. 2, 3).

Средние значения черепов, объединенных в отдельные кластеры, которые можно считать реально существующими типами, сильно отличаются друг от друга. Таких групп – от двух до 12 черепов – всего девять в мужской серии и четыре в женской. И в мужской, и в женской сериях выделяется группа раннесарматских черепов с широким и низким лицом. Есть объединение черепов, у которых высокое и плоское в горизонтальной плоскости лицо. В эту связку попали черепа савроматского, раннесарматского и позднесарматского времени. Морфологической доминантой группы, в которой объединились оба черепа предсавроматского, два черепа савроматского и по два черепа раннесарматского и среднесарматского времени, является большое значение затылочного-теменного индекса. Отдельный кластер образовали 7 черепов позднесарматского времени со следами деформации. Из них три происходят из погребений курганной группы VI. Все они характеризуются долихокранией и средними значениями общеростовой величины, условного трансверсального сечения и объема. Крайние положения на графике занимают черепа, у которых, с одной стороны, малые размеры мозгового и лицевого отдела сочетаются с плоской горизонтальной профилировкой лица (в левом верхнем углу), а с другой – массивные черепа с резкой горизонтальной профилировкой лица (правый нижний угол графика).

Что касается женских групп, то группа из двух раннесарматских черепов объединилась по строению мозгового отдела, который имеет малые размеры, а угол выступания носа – максимальный в группе. Противостоит этой группе связка из двух черепов, которая сочетает крупные размеры мозгового отдела и умеренный угол выступания носа. В обоих случаях

центральное положение на графике заняли черепа, которые характеризуются типом длинноголовых европеоидов.

Результаты и основные выводы.

Суммируя результаты вышеизложенного анализа можно выделить следующие важнейшие моменты, связанные с антропологией населения раннего железного века, оставившего могильники Кривой Луки:

1. Морфологический облик культурно-хронологических групп схож с остальным синхронным населением, как из других могильников Нижнего Поволжья, так и из сопредельных территорий. Для небольшой группы предсавроматского времени, как и для групп савроматского и раннесарматского времени, характерен сарматский тип, или тип древних восточных европеоидов, который сочетает мезо-брахикранию с умеренной горизонтальной профилировкой лицевого скелета на верхнем уровне при резко выступающем носе. Небольшая среднесарматская мужская группа демонстрирует сочетания, которые характеризуют последующее позднесарматское население. Для него характерен тип длинноголовых европеоидов, который преобладает у мужской части исследуемой популяции. Женский краниологический тип позднесарматского времени характеризуется набором признаков, определяющих тип монголоидно-европеоидных метисов.

2. Как суммарная группа черепов, так и отдельные культурно-хронологические группы оказались по внутригрупповой структуре неоднородными. В группах предсавроматского, савроматского и раннесарматского времени преобладает тип широкоголовых европеоидов с некоторыми внутригрупповыми вариациями по горизонтальной профилировке лица; в группах среднесарматского и позднесарматского времени – тип длинноголовых европеоидов с массивным и грацильным строением мозгового и лицевого отделов черепа.

3. В группах савроматского, раннесарматского и позднесарматского времени встречаются черепа, сочетающие монголоидно-европеоидный комплекс. Особенно велик его вес в женской позднесарматской группе со следами деформации.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что средние значения групп на-

селения раннего железного века, оставившего могильники в урочище Кривая Лука, демонстрируют диахронную изменчивость, которая, видимо, была связана с миграциями. Уже в предсарматское время по сравнению с поздней бронзой на этой территории большой вес приобретает тип древних восточных европеоидов, который сочетает мезобрахикранную низкосводчатую мозговую коробку с широким лицом, горизонтальная профилировка которого на верхнем уровне ослаблена, а нос резко выступающий клинии профиля. Он продержался здесь до рубежа эр, а начиная со среднесарматского времени меняется на тип длинноголовых европеоидов, который связан с проникновением пришлых групп. Среди этих мигрантов, видимо, были и носители смешанного монголоидно-европеоидного комплекса.

Благодарности

Автор выражает благодарность заведующему отделом антропологии Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) и его сотрудникам за предоставленную возможность работать с краниологическими материалами в начале 90-х гг. XX столетия.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Палеоантропология древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)», № 19-09-00471А.

The research was supported by RFBR grant “Paleoanthropology of the ancient and medieval population of the Lower Volga River region (paleopathological aspect)”, № 19-09-00471А.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таблица 1. Перечень антропологического материала из курганных групп Кривой Луки

Table 1. A list of the anthropological material from the kurgan groups of the Krivaya Luka

№ п/п	Курганная группа, курган, погребение	Пол	Возраст (лет)
Предсавроматское время			
1	II, кург. 1, погр. 7	♂	Ст. 50
2	XXVIII, кург. 1, погр. 22	♂	Ст. 50
Савроматское время (V–IV вв. до н.э.)			
3	III, кург. 1, погр. 5	♂	20–25
4	XVII, кург. 19, погр. 2	♂	Ст. 50
5	XXI, кург. 1, погр. 6	♀	Ст. 50
6	XXI, кург. 4, погр. 2	♀	16–18
7	XXVIII, кург. 1, погр. 18	♂	18–20
8	XXXV, кург. 1, погр. 3	♂	18–20
9	XXXV, кург. 1, погр. 13	♂	20–30
Раннепрохоровское время (IV–III вв. до н.э.)			
10	XV, кург. 2, погр. 8	♂	Ст. 50
11	XVI, кург. 1, погр. 20	♂	Ст. 50
12	XVI, кург. 10, погр. 2	♀	Ст. 50
Позднепрохоровское время (II–I вв. до н.э.)			
13	I, кург. 1, погр. 1, костяк 1	♂	35–45
14	I, кург. 1, погр. 1, костяк 2	♂	20–25
15	II, кург. 1, погр. 4	♀	Ст. 50
16	II, кург. 2, погр. 2	♀	Ст. 50
17	II, кург. 2, погр. 8	♂	16–18
18	III, кург. 1, погр. 26, костяк 1	♂	Ст. 50
19	III, кург. 1, погр. 28, костяк 1	♂	Ст. 50
20	III, кург. 1, погр. 28, костяк 2	♂	40–45
21	IV, кург. 1, погр. 10	♀	Ст. 50
22	VI, кург. 1, погр. 15	♀	45–50
23	VIII, кург. 2, погр. 14	♀	Ст. 50
24	VIII, кург. 4, погр. 3	♀	45–55
25	VIII, кург. 4, погр. 4	♀	18–20
26	VIII, кург. 5, погр. 2, костяк 1	♀	30–40
27	VIII, кург. 5, погр. 2, костяк 2	♂	50–60
28	VIII, кург. 5, погр. 7	♂	45–55
29	IX, кург. 2, погр. 10	♀	20–25
30	IX, кург. 2, погр. 15	♀	Ст. 50
31	XII, кург. 1, погр. 6	♀	Ст. 50
32	XIV, кург. 16, погр. 1	♂	Ст. 50
33	XVI, кург. 1, погр. 30	♀	35–45
34	XVI, кург. 1, погр. 33	♂	Ст. 50
35	XVI, кург. 4, погр. 2	♂	Ст. 50
36	XXVIII, кург. 1, погр. 6, костяк 1	♂	Ст. 50
37	KXXVIII, кург. 1, погр. 20, костяк 1	♂	Ст. 50
Среднесарматское время (I – первая половина II в. н.э.)			
38	XVI, кург. 11, погр. 1	♂	Ст. 50
39	XVII, кург. 25, погр. 3	♂	Ст. 50
40	XXII, кург. 1, погр. 2	♂	Ст. 50

Окончание таблицы 1

End of Table 1

№ п/п	Курганная группа, курган, погребение	Пол	Возраст (лет)	Наличие деформации
Позднесарматское время (вторая половина II – IV в. н.э.)				
41	I, кург. 2	♀	35–45	+
42	I, кург. 5	♂	25–35	–
43	I, кург. 7	♂	Ст. 50	+
44	I, кург. 9	♀	Ст. 50	+
45	I, кург. 10	♂	Ст. 50	+
46	VI, кург. 3	♂	Ст. 50	+
47	VI, кург. 4	♂	Ст. 50	+
48	VI, кург. 10	♂	Ст. 50	+
49	VI, кург. 13	♂	40–50	–
50	VI, кург. 14	♂	18–25	–
51	VI, кург. 18	♂	Ст. 50	+
52	VII, кург. 2	♂	40–50	–
53	IX, кург. 5, погр. 2	♂	Ст. 50	+
54	XIV, кург. 9, погр. 3	♂	Ст. 50	+
55	XIV, кург. 10	♂	18–20	+
56	XIV, кург. 11	♂	25–35	–
57	XIV, кург. 14	♂	Ст. 50	+
58	XVI, кург. 1/16, костяк 1	♂	Ст. 50	+
59	XVI, кург. 9	♂	25–35	–
60	XVI, кург. 12	♂	Ст. 50	+
61	XVI, кург. 13	♂	Ст. 50	+
62	XVI, кург. 16	♂	Ст. 50	+
63	XVI, кург. 17	♂	Ст. 50	+
64	XVI, кург. 19	♂	Ст. 50	–
65	XVII, кург. 7	♂	30–40	+
66	XVII, кург. 8	♀	Ст. 50	+
67	XVII, кург. 9	♂	Ст. 50	+
68	XVII, кург. 12	♀	Ст. 50	+
69	XVII, кург. 13	♂	35–45	–
70	XVII, кург. 14	♂	25–30	+
71	XVII, кург. 17	♀	16–18	+
72	XVII, кург. 20	♂	Ст. 50	+
73	XVII, кург. 21	♂	Ст. 50	+
74	XVII, кург. 22	♂	Ст. 50	+
75	XVII, кург. 23	♀?	10–12	+
76	XVII, кург. 30	♀	30–40	+
77	XVII, кург. 32	♀	30–40	+
78	XVII, кург. 33	♂	14–15	+
79	XVII, кург. 39	♀	45–55	+
80	XVII, кург. 41	♂	Ст. 50	+
81	XVII, кург. 42	♀	Ст. 50	+
82	XVII, кург. 44	♂	Ст. 50	+
83	XVII, кург. 45	♂	Ст. 50	+
84	XVII, кург. 51 (?) ¹	♂	Ст. 50	+
85	XVII-КМ (?), п. 1 (?) ²	♂	Ст. 50	+

Примечания. ¹ – при изучении черепа на пакете надпись была подпорчена, но так как череп с искусственной деформацией, то я включила его в позднесарматскую серию; ² – именно такая надпись на пакете, в котором находился череп, но так как в отчете нет такого кургана, а череп с искусственной деформацией, то я включила его в позднесарматскую серию.

Таблица 2. Индивидуальные значения краниометрических признаков и указателей черепов из погребений савроматско-сарматского времени могильников Кривой Луки

Table 2. Individual values of craniometric characters and their indexes of skulls from burials of the Sauromat-Sarmatian period of the Krivaya Luka cemeteries

№ п/п	Номер кургана/погребения	Возраст	Пол	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	8:1. Черепной указатель	17. Высотный диаметр	17:1. Выотно-продольный указатель	17:8. Выотно-поперечный указатель	ОРВ. Общеполовая величина	М2. Условное трансверсальное сечение	М3. Условный трансверсальный объем	5. Длина основания черепа	20. Ушная высота	9. Наименьшая ширина лба	УПЛИЛ. Угол поперечного изгиба лба	9:8. Лобно-поперечный указатель	9:10. Лобный указатель	10. Наибольшая ширина лба	11. Ширина основания черепа	12. Ширина затылка	25. Сакитальная дуга	26. Лобная дуга	27. Теменная дуга	
																									Ср. 50
Предсавроматское время																									
1	II-1/7	Ст. 50	м	177	144	81,4	134	75,7	93,1	264,6	254,9	1707,7	104	114	99	134	68,8	87,6	113	137	116	350	110	120	
2	XXVIII-1/22	Ст. 50	м	187	146	78,1	140	74,9	95,9	275,5	273,0	1911,1	103	125	99	141	67,8	74,4	133	132	110	392	141	135	
Савроматское время (VI-IV вв. до н.э.)																									
3	III-1/5	20-25	м	200	137	68,5	128	64	93,4	274,1	274	1753,6	113	112	104	132,9	75,9	87,4	119	126	—	364	123	121	
4	XVII-19/2	Ст. 50	м	172	135	78,5	130	75,6	96,3	254,4	232,2	1509,3	113	100	92	143,9	68,2	77,3	119	124	101	346	120	123	
5	XXI-1/6	Ст. 50	ж	166	134	80,7	132	79,5	98,5	250,9	222,4	1468,1	95	115	92	136,4	68,7	80	115	123	104	338	117	106	
6	XXI-4/2	16-18	ж	179	131	73,2	125	69,8	95,4	254,6	234,5	1465,6	95	111	92	133,7	70,2	81,4	113	112	107	366	127	121	
7	XXVIII-1/18	18-20	м	180	152	84,4	132	73,3	86,8	270,0	273,6	1805,8	117	99	100	136,4	65,8	77,5	129	134	114	372	135	127	
8	XXXV-1/3	18-20	м	191	142	74,3	140	72,3	98,6	276,1	271,2	1898,5	121	109	106	134	74,6	88,3	120	133	124	389	128	128	
9	XXXV-1/13	20-30	м	183	149	81,4	139	75,9	93,3	273,9	272,7	1895,1	125	99	99	132,1	69,4	86,8	114	128	—	379	142	116	
Раннесарматское время (IV-III вв. до н.э.)																									
10	XV-2/8	Ст. 50	м	193	144	74,6	136	70,5	94,4	276,6	277,9	1889,9	109	115	93	138,8	64,5	79,5	117	129	121	383	130	123	
11	XVI-1/20	Ст. 50	м	190	138	72,6	—	—	—	—	262,2	—	—	—	101	132,9	73,1	—	—	—	—	—	128	—	
12	XVI-1/02	Ст. 50	ж	166	145	87,3	129	77,7	89	255,4	240,7	1552,5	98	114	98	133,7	67,6	80,3	122	125	111	—	115	112	
Раннесарматское время (II-I вв. до н.э.)																									
13	I-1/11	35-45	м	180	147	81,7	132	73,3	89,9	267,3	264,6	1746,4	106	113	95	138	64,6	81,2	117	133	112	—	125	107	
14	I-1/12	20-25	м	173	154	89	134	77,5	87	267,6	266,4	1785	102	113	100	134,4	64,9	78,1	128	132	122	362	127	125	
15	I-4	Ст. 50	ж	185	143	77,3	126	68,1	88,1	265,6	264,6	1666,7	101	111	107	131,7	74,8	88,4	121	132	118	366	127	124	
16	II-2/2	Ст. 50	ж	182	150	82,4	131	72	87,3	269,8	273	1788,2	93	114	99	138,8	66	77,3	128	123	120	394	140	136	
17	II-2/8	16-18	м	180	144	80	140	77,8	97,2	269,7	259,2	1814	103	121	99	121,5	68,8	82,5	120	124	110	365	130	123	
18	III-1/26/1	Ст. 50	м	185	136	73,5	132	71,4	97	264,8	251,6	1660,6	108	116	99	135,2	72,8	83,9	118	120	110	—	121	128	
19	III-1/28/1	Ст. 50	м	181	149	82,3	129	71,3	86,6	267,6	269,7	1739,5	100	111	101	130,6	67,8	82,8	122	130	118	354	121	123	
20	III-1/28/2	40-45	м	174	153	87,9	120	69	78,4	260,9	266,2	1597,3	88	107	99	139,6	64,7	89,2	111	129	—	364	119	130	
21	IV-1/10	Ст. 50	ж	167	147	88	131	78,4	89,1	258,2	245,5	1608	93	118	98	136,2	66,7	84,5	116	132	117	337	104	121	
22	VI-1/15	45-50	ж	169	143	84,6	124	73,4	86,7	253,7	241,7	1498,4	97	110	93	136,8	65,0	78,2	119	124	110	346	121	120	
23	VIII-2/14	Ст. 50	ж	174	140	80,5	130	74,7	92,8	258,4	243,6	1583,4	98	119	98	129,7	70	81,7	120	117	114	361	127	112	
24	VIII-4/3	45-55	ж	—	150	—	124	—	82,7	—	—	—	106	112	94	134,6	62,7	75,2	125	130	116	—	125	—	
25	VIII-4/4	18-20	ж	176	140	79,5	128	72,7	91,4	258,8	246,4	1577	92	112	94	131,9	67,1	81,0	116	117	108	376	135	122	
26	VIII-5/2/1	30-40	ж	178	135	75,8	—	—	—	—	240,3	—	—	—	91	142,4	67,4	78,4	116	—	—	—	124	125	
27	VIII-5/2/2	50-60	м	180	143	79,4	125	69,4	87,4	261,7	257,4	1608,8	101	111	98	126,9	68,5	84,5	116	128	111	357	124	115	
28	VIII-5/7	45-55	м	184	152	82,6	134	72,8	88,5	273,7	279,7	1874	96	116	100	134	63,8	80,6	124	141	114	375	135	133	
29	IX-2/10	20-25	ж	179	141	78,8	130	72,6	92,2	262,3	252,4	1640,5	97	116	102	131,6	72,3	86,4	118	123	107	368	130	118	

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

№ п/п	Номер кургана/погребения	Возраст	Пол	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	8.1. Черепной указатель	17. Высотный диаметр	17.1. Высотно-продольный указатель	17.8. Высотно-поперечный указатель	ОФВ. Общаростовая величина	М2. Условное трансверсальное сечение	М3. Условный трансверсальный объем	5. Длина основания черепа	20. Ушная высота	9. Наименьшая ширина лба	УПНЛ. Угол поперечного изгиба лба	9.8. Лобно-поперечный указатель	9.10. Лобный указатель	10. Наибольшая ширина лба	11. Ширина основания черепа	12. Ширина затылка	25. Сакитальная дуга	26. Лобная дуга	27. Теменная дуга
30	IX-2/15	Ст. 50	ж	180	139	77.2	120	66.7	86.3	257.1	230.2	1501.2	103	105	96	132.7	69.1	84.2	114	121	106	355	122	117
31	XII-1/6	Ст. 50	ж	180	136	75.6	130	72.2	95.6	260.4	244.8	1591.2	105	115	96	133.7	70.6			121	110	352	123	119
32	XIV-1/6/1	Ст. 50	м	183	139	76	136	74.3	97.8	267	254.4	1729.7	101	120	102	123.3	73.4	89.4	118	118	115	381	136	133
33	XVI-1/30	35-45	ж	189	136	72	137	72.5	100.7	270.2	257	1760.7	115	109	104	128.2	76.5	88.9	117	126	109	364	123	118
34	XVI-1/33	Ст. 50	м	173	140	80.9	125	72.3	89.3	255.2	242.2	1513.8	100	111	95	134.4	67.9	81.2	117	128	114	345	112	121
35	XVI-4/2	Ст. 50	м	184	151	82.1	136	73.9	90.1	274.1	277.8	1889.3	101		96	136.8	63.6	76.8	125	129	112	380	137	125
36	XXIII-1/6/1	Ст. 50	м	173	152	87.9	125	72.3	82.2	262	263	1643.5	96	113	102	131.6	67.1	83.6	122	131	110	357	130	117
37	XXVIII-1/20	Ст. 50	м	181	156	86.2	136	75.1	87.2	274.9	282.4	1920	105	115	92	137	59.0	76.0	121	140		365	132	120
Среднесарматское время (I – первая половина II в. н.э.)																								
38	XVI-1/1/1	Ст. 50	м	193	145	75.1	149	77.2	102.8	283.7	279.9	2084.9	108	124	104	130.4	71.7	83.9	124	126	114	396	139	130
39	XVII-25/3	Ст. 50	м	183	145	79.2	131	71.6	90.3	267.7	265.4	1738	105	115	94	133.9	64.8	79.0	119	127	101	356	130	110
40	XXII-1/2	Ст. 50	м	185	141	76.2	136	73.5	96.4	269.4	260.9	1773.8	105	110	93	137.6	65.9	82.3	113	126	110	362	120	119
Позднесарматское время (вторая половина II – IV в. н.э.), черепа со следами искусственной деформации																								
41	I-2/1	35-45	ж	171	134	78.4	134	78.4	100	255.2	229.1	1535.2	107	115	90	138.2	67.2	84.1	107	126	111	343	118	113
42	I-7/1	Ст. 50	м	186	136	73.1	139	74.1	102.2	269.1	253	1758.1	105	122	101	127.2	74.3	86.3	117	124	110	394	135	137
43	I-9/1	Ст. 50	ж	170	142	83.5	134	78.8	94.4	258.9	241.4	1617.4	105	119	93	134.4	65.5	82.4	113	132	114	358	123	110
44	I-10/1	Ст. 50	м	183	136	74.3	149	81.4	109.6	272.4	248.9	1854.2	114	124	96	135.2	70.6	88.1	109	132	97	385	140	123
45	VI-3/1	Ст. 50	м	191	135	70.7	127	66.6	94.1	266.1	257.8	1637.3	107		100	134.8	74.1	84.8	118			368	125	127
46	VI-4/1	Ст. 50	м	185	140	75.7	138	74.6	98.6	269.9	259	1787.1	103	123	109	135.2	77.9	95.6	114	129			131	136
47	VI-10/1	Ст. 50	м	176	137	77.8	138	77.8	100.7	262.3	241.1	1663.7	103	118	100	133.5	73.0	90.9	110	129	106	372.5	122.5	125
48	VI-18/1	Ст. 50	м	187	130	69.5	143	76.5	110	268.9	243	1738.2	107	125	98	128.2	75.4	87.5	112	121	101	395	136	135
49	IX-5/2	Ст. 50	м	186	140	75.3	141	75.8	100.7	272.2	260.4	1835.8	113	121	98	130	70	95.1	103	129	105	382	127.5	132
50	XIV-9/3	Ст. 50	м	190	142	74.7	148	77.9	104.2	279.6	269.8	1996.5	116	130	104	131.2	73.2	82.5	126	132	113	397	139	131
51	XIV-10/1	18-20	м	176	142	80.7	145	82.4	102.1	268.6	249.9	1811.9	102	120	98	143.3	69.0	79.7	123	131		365	127.5	120
52	XIV-14/1	Ст. 50	м	192	141	73.4	149	77.6	105.7	281	270.7	2016.9	110	130	98	128.9	69.5	81.7	120	128	111	392	150	122
53	XVI-1/16/1	Ст. 50	м	191	145	75.9	130	68.1	89.7	272.8	277	1800.2	108	111	101	142.9	69.7	82.1	123	137	107	385	130	130
54	XVI-12/1	Ст. 50	м	179	134	74.9	132	73.7	98.5	259.7	239.9	1583.1	98	118	98	137.4	73.1	84.5	116	121	98	357	127	117
55	XVI-13/1	Ст. 50	м	188	138	73.4	149	79.3	108	276.7	259.4	1932.8	105	130	97	135.2	70.3	82.2	118	128	111	396	137	131
56	XVI-16/1	Ст. 50	м	179	143	79.9	147	82.1	102.8	272.2	256	1881.4	109	122	106	140.8	74.1	85.5	124	136	116	372	131	116
57	XVI-17/1	Ст. 50	м	199	136	68.3	152	76.4	111.8	285	270.6	2056.9	121	126	108	133.9	79.4	86.4	125	127	101	402	140	130
58	XVII-7/1	30-40	м	185	141	76.2	136	73.5	96.4	269.4	260.8	1773.8	110	117	96	135	68.1	81.4	118	124	100	370	130	120
59	XVII-8/1	Ст. 50	ж	178	137	77	152	85.4	110.9	271.2	243.9	1855.3	104	133	93	137	67.9	83.0	112	123	100	380	140	117
60	XVII-9/1	Ст. 50	м	193	141	73.1	150	77.7	106.4	282.2	272.1	2041	111	125	99	138.6	70.2	84.6	117	130	112	383	131	116
61	XVII-12/1	Ст. 50	ж	178	142	79.8	143	80.3	100.7	268.9	252.8	1807.2	110	122	106	133.1	74.7	89.8	118	131	103	358	127	117
62	XVII-14/1	25-30	м	177	143	80.8	132	74.6	92.3	263.1	253.1	1670.5	98	119	95	132.9	66.4	83.3	114	128	106	380	130	127

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

№ п/п	Номер кургана/погребения	Возраст	Пол	1. Проложный диаметр	8. Поперечный диаметр	8:1. Черепной указатель	17. Высотный диаметр	17:1. Высотно-продольный указатель	17:8. Высотно-поперечный указатель	ОПВ, Общеростовая величина	М2. Условное трансверсальное сечение	М3. Условный трансверсальный объем	5. Длина основания черепа	20. Ушная высота	9. Наименьшая ширина лба	УПНЛ. Угол поперечного изгиба лба	9:8. Лобно-поперечный указатель	9:10. Лобный указатель	10. Наибольшая ширина лба	11. Ширина основания черепа	12. Ширина затылка	25. Сопитальная дуга	26. Лобная дуга	27. Теменная дуга	
Позднесарматское время (вторая половина II – IV в. н.э.), черепа со следами искусственной деформации																									
63	XVII-17/1	16-18	м	182	133	73,1	129	70,9	97	259,7	242,1	1561,3	93	116	95	137	71,4	84,8	112	124	103	368	129	124	
64	XVII-20/1	Ст. 50	м	182	133	73,1	135	74,2	101,5	262,8	242,1	1633,9	105	—	92	132,7	69,2	80	115	—	103	374	129	129	
65	XVII-21/1	Ст. 50	м	191	138	72,3	138	72,3	100	273,1	263,6	1818,7	110	119	90	—	65,2	77,6	116	129	108	—	—	135	
66	XVII-22/1	Ст. 50	м	171	135	78,9	143	83,6	105,9	260,6	230,8	1650,6	107	124	94	143,1	69,6	83,9	112	121	103	—	130	125	
67	XVII-23/1	10-12	ж	175	136	77,7	143	81,7	105,1	263,8	238	1701,7	104	123	100	126,9	73,5	87,0	115	116	102	375	125	130	
68	XVII-30/1	30-40	ж	169	134	79,3	130	76,9	97	251,8	226,5	1472	99	110	103	130,6	76,9	86,6	119	123	104	358	121	129	
69	XVII-32/1	30-40	ж	176	135	76,7	131	74,4	97	257,6	237,6	1556,3	105	115	94	129,5	69,6	85,4	110	122	109	347	112	124	
70	XVII-33/1	14-15	м	187	130	69,5	—	—	—	—	243,1	—	—	—	98	134,4	75,4	86,0	114	—	—	375	130	130	
71	XVII-39/1	45-55	ж	178	141	79,2	127	71,3	90	260,2	251	1593,7	100	111	102	137,6	72,3	83,6	122	129	107	359	117	125	
72	XVII-41/1	Ст. 50	м	194	145	74,7	142	73,2	97,9	280,8	281,3	1997,2	112	122	94	140,2	64,8	81,7	115	120	121	377	133	131	
73	XVII-42/1	Ст. 50	ж	174	139	79,9	128	73,6	92,1	256,9	241,9	1547,9	99	117	102	132,5	73,4	87,2	117	124	105	363,5	126	115	
74	XVII-44/1	Ст. 50	м	190	138	72,6	133	70	96,4	269,9	262,2	1743,6	104	120	105	132,3	76,1	88,2	119	124	108	371	128	126	
75	XVII-45/1	Ст. 50	м	185	141	76,2	142	76,8	100,7	272,5	260,8	1852	103	120	97	138,6	68,8	81,5	119	127	104	379	128	135	
76	XVII-51/1(С)	Ст. 50	м	187	140	74,9	147	78,6	105	276	261,8	1924,2	108	123	95	137,2	67,9	86,4	110	132	109	384	129	123	
77	XVII-КМ/1(?)	Ст. 50	м	184	140	76,1	135	73,4	96,4	267,7	257,6	1738,8	93	118	102	132,7	72,9	80,3	127	126	116	368	125	132	
Позднесарматское время (вторая половина II – IV в. н.э.), черепа без искусственной деформации																									
78	I-5/1	25-35	м	186	134	72	132	71	98,5	264,5	249,2	1645	102	114	92	132,3	68,7	90,2	102	125	103	362	126	125	
79	VI-13/1	40-50	м	—	—	—	134	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	132	
80	VI-14/1	18-25	м	185	138	74,6	133	71,9	96,4	266,4	255,3	1697,7	100	115	102	127,6	73,9	83,3	120	130	110	396	138	130	
81	VII-2/1/1	40-50	м	188	141	75	145	77,1	102,8	276,1	265,1	1921,8	107	126	100	132,9	70,9	91,9	111	124	105	374	130	127	
82	XIV-11/1	25-35	м	200	137	68,5	133	66,5	97,1	276,5	274	1822,1	107	109	101	135,6	73,7	85,6	118	133	115	389	124	132	
83	XVI-9/1	25-35	м	183	138	75,4	129	70,5	93,5	263	252,5	1628,9	98	114	97	132,7	70,3	82,9	117	123	110	363	131	124	
84	XVI-19/1	Ст. 50	м	189	148	78,3	137	72,5	92,6	276,4	279,7	1916,1	105	118	108	137,6	73,0	83,1	130	136	111	383	130	129	
85	XVII-13/1	35-45	м	187	153	81,3	127	67,9	83	273	286,1	1816,8	100	114	101	131	66,0	84,9	119	137	—	—	—	130	116

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

№ п/п	28. Затылочная дуга	29. Лобная хорда	30. Теменная хорда	31. Затылочная хорда	29.26. Указатель изгиба лба	30.27. Указатель изгиба темени	28.27. Затылочно-теменной индекс	31.28. Указатель изгиба затылка	ВИЛК. Высота изгиба лба	ВИЗК. Высота изгиба затылка	УВИЛ. Указатель изгиба лба	УВИЗ. Указатель изгиба затылка	УИЛ. Угол изгиба лба	УИЗ. Угол изгиба затылка	40. Длина основания лица	40.5. Указатель выступания лица	45. Скуловой диаметр	45.8. Широтный указатель	48. Верхняя высота лица	48:45. Верхний лицевой указатель	48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	43. Верхняя ширина лица	46. Средняя ширина лица	60. Длина альвеолярной дуги	61. Ширина альвеолярной дуги
1	120	101	105	99	91,8	87,5	—	82,5	18,3	31,2	18,1	31,5	140,2	115,6	101	97,1	143	99,3	74	51,7	55,2	113	105	62	68
2	111	121	119	98	85,8	88,1	—	84,5	30,5	31	25,2	31,6	126,5	115,4	101	98,1	142	97,3	82	57,7	58,6	110	97	60	68
3	120	112	110	89	91,1	90,9	99,2	74,2	24	36	21,4	40,4	133,7	102,1	107	95,5	140	102,2	77	60,2	55	116	105	58	68
4	103	109	108	91	90,8	87,8	83,7	88,4	20,4	18,4	18,7	20,2	139	136	90	90	131	97,0	65,7	50	49,6	104	95	—	—
5	115	106	99	101	90,6	93,4	108,5	87,8	21,2	23,0	20,0	22,8	136,4	131	94	98,9	129	96,3	68	51,5	52,7	102	92	55	64
6	118	109	109	98	85,8	90,1	97,5	83,0	29,4	30,2	27,0	30,8	123,3	116,7	88	92,6	117	89,3	65	52,0	55,6	99	81	48,5	55,5
7	110	117	110	93	86,7	86,6	86,6	84,5	28	25,4	23,9	27,5	128,9	122,7	95	96,0	142	93,4	68	51,5	47,9	110	98	55	66
8	133	118	105	111	92,2	92,9	117,7	83,5	22,8	29,5	19,3	26,6	137,8	124,0	105	96,3	137	96,5	74,5	53,2	54,4	112	99	—	66
6	121	123	106	97	98,9	91,4	104,3	80,2	30,0	30,9	24,4	31,9	128,2	115,1	98	99,0	133	89,3	70	50,3	52,6	105	93	49	64
Раннесарматское время (IV-III вв. до н.э.)																									
10	127	115	112	101	88,5	91,0	105,7	79,5	26,6	35	23,1	34,7	130,4	110,5	104	95,4	136	94,4	79	58,1	58,1	111	88	60	64
11	—	112	—	—	87,5	—	—	—	26,0	—	23,2	—	130,2	—	—	—	—	—	74	—	—	113	96	—	58
12	—	105	98	—	91,3	87,1	—	—	23,8	—	20,7	—	135,0	—	93	94,9	126	86,9	64,5	50,0	51,2	102	91	52	60
Раннесарматское время (II-I вв. до н.э.)																									
13	—	111	95	—	88,8	88,8	—	—	24	—	21,6	—	133,3	—	103	97,2	149	101,4	76	57,6	51,0	116	98	58	62
14	110	111	111	94	87,4	88,8	88,0	85,5	26	21,3	23,4	22,7	129,8	131,2	93	91,2	141	91,6	68	50,7	48,2	112	103	53	64
15	115	110	113	93	86,6	91,1	92,7	80,9	26,4	27	24,5	29	127,8	119,7	96	95	133	93	68	54	51,1	114	99	54	67
16	118	116	117	93	82,9	86	86,8	78,8	34	31	29,3	33,3	119,3	112,7	95	102,2	130	86,7	70	53,4	53,8	110	94	53	60
17	112	116	113	94	89,2	91,9	91,1	83,9	26	25,8	22,4	27,4	131,7	122,6	99,7	96,1,2	130,2	90,3	73	52,1	56,2	102	92	—	67
18	—	110	117	—	90,9	91,4	—	—	24	—	19,8	—	130,8	—	104,7	96,3,7	125	91,9	72	54,3	57,6	107	95	52	59
19	110	106	109	91	87,6	88,6	89,4	82,7	24,8	27,1	23,4	29,8	129,8	118,4	95	95	140	94	68	52,7	48,6	111	95	—	57,5
20	115	100	106	89	84	81,5	88,5	77,4	21,5	29	21,5	32,6	133,5	113,8	80,7	87,5	131,7	85,6	57	47,5	43,5	106	86	—	58
21	112	103	109	97	99	90,1	92,6	86,6	20	26,5	19,4	27,3	137,6	122,7	85	91,4	137	93,2	64	48,9	46,7	106	86	—	59
22	106	106	104	90	87,6	86,7	87,5	84,9	26,4	23,5	21,8	22,4	132,9	131,7	91,7	93,8,7	129	90,2	67	54,0	51,9	100	89	—	—
23	112	113	110	93	89,0	90,2	91,8	83,0	26,2	26,4	23,2	28,4	130,2	120,8	97	99	125	89,3	68	52,3	54,4	104	80	51	56
24	—	110	—	—	88	—	—	—	27	—	24,5	—	128,7	—	105	99,1	134	89,3	69	55,6	51,5	107	95	50	62
25	118	136	112	95	100,7	91,8	96,7	80,2	28	28	20,6	29,5	135,2	118,9	91	98,9	126	90	70	54,7	55,6	102	87	52	59
26	—	107	113	—	86,3	90,4	—	—	28	—	26,1	—	124,9	—	—	—	—	—	67	—	—	97	—	56	—
27	118	104	104	97	86,3	90,4	102,6	82,2	26,7	32	24,9	33	127,1	113,1	99	98	130	90,9	69	56	53,8	106	92	54	62
28	107	118	116	88	87,4	87,2	80,5	82,2	28,3	26,4	24	30	128,7	118,1	94	97,9	143	94,1	61	45,5	42,7	110	93	52	65
29	121	112	109	100	86,2	92,6	103	82,6	28,7	29,5	25,6	29,5	125,8	118,9	103	106,2	126	89,4	74	56,9	58,7	107	95	60	63
30	116	109	106	96	89,3	90,6	99,1	82,8	23,8	29	21,8	30,2	132,9	117,7	95	92,2	125	89,9	67,7	55,8	53,6	102	91	50	—
31	110	111	105	94	90,2	88,2	92,4	85,4	23,4	25,5	21,1	27,1	134,2	123,1	106	101	125	91,9	65	50	52	105	93	—	—

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

№ п/п	28. Затылочная дуга	29. Лобная хорда	30. Теменная хорда	31. Затылочная хорда	29:26. Указатель изгиба лба	30:27. Указатель изгиба темени	28:27. Затылочно-теменной индекс	31:28. Указатель изгиба затылка	ВИЛК. Высота изгиба лба	ВИЗК. Высота изгиба затылка	УВИЛ. Указатель изгиба лба	УВИЗ. Указатель изгиба затылка	УИЛ. Угол изгиба лба	УИЗ. Угол изгиба затылка	40. Длина основания лица	40:5. Указатель выступа лица	45. Скуловой диаметр	45:8. Широтный указатель	48. Верхняя высота лица	48:45. Верхний лицевой указатель	48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	43. Верхняя ширина лица	46. Средняя ширина лица	60. Длина альвеолярной дуги	61. Ширина альвеолярной дуги	
32	112	117	119	95	86	89,5	84,2	84,8	29,4	27	25,1	28,4	126,7	120,8	101	100	127	91,4	61	44,8	48	107	94	55	60	
33	123	106	109	98	86,2	92,4	104,2	79,7	25,8	31,3	24,3	31,9	128,2	114,9	107	93	132	97,1	70	51,1	53	113	93	54	52	
34	112	100	108	93	89,3	89,3	92,6	83	21,5	26,3	21,5	28,3	133,5	121	91	91	133	95	64	51,2	48,1	106	95	—	—	
35	118	117	111	97	85,4	88,8	94,4	82,2	27	29,2	23,1	30,1	130,4	117,9	—	—	137	90,7	74	54,4	54	107	99	56	66	
36	110	112	106	93	86,2	90,6	94	84,5	29,2	26,2	26,1	28,2	124,9	121,2	94	97,9	136	89,5	77	61,6	56,6	108	100	55	65	
37	113	115	107	—	87,2	89,2	94,2	—	27,2	—	23,7	—	129,3	—	94	89,5	144	90	69	51,1	47,9	108	101	51	63	
Раннесарматское время (I – II вв. до н.э.)																										
38	127	117	118	105	84,2	90,8	97,7	82,7	31,5	31	26,9	29,5	123,4	118,9	102	94,4	133	91,7	72	48,3	54,1	112	96	—	—	—
39	116	115	100	98	88,5	90,9	105,5	84,5	28	27	24,3	27,6	128,2	122,2	104	99	138	95,2	72	55	52,2	120	97	—	64	
40	123	106	109	99	88,3	91,6	103,4	80,5	22	32	20,8	32,3	134,8	114,3	97	92,4	136	96,5	77	56,6	56,6	105	97	53	60	
Среднесарматское время (I – первая половина II в. н.э.)																										
41	112	111	98	101	94,1	86,7	99,1	90,2	16,1	21	14,5	19,9	147,7	136,6	100	93,4	131	97,8	76	56,7	58	106	96	54	62	
42	122	120	116	105	88,9	84,7	89,1	86,1	18,1	27	15,1	25,7	146,4	125,6	107	101,9	129	94,8	70	54,3	50,4	106	100	62	64	
43	125	135	98	112	109,8	89,1	113,6	89,6	19,5	23	14,4	20,5	147,9	135,4	100	95,2	136	95,8	63	47,0	46,3	104	99	51	60	
44	122	126	108	112	90	87,8	99,2	91,8	21,8	24,8	17,3	22,1	141,8	132,1	95	84,1	139	102,2	79	56,8	53,0	110	97	43	60	
45	116	114	113	97	91,2	89,0	91,3	83,6	22	28,8	19,2	29,6	138	118,7	102	95,3	136	100,7	74	54,4	58,3	106	95	56	66	
46	—	115	118	—	87,8	86,8	91,1	—	18	—	13,7	—	149,4	—	87	84,5	139	99,3	68	48,9	49,3	118	99	46	64	
47	125	111	103	108	90,6	82,4	100	86,4	17,6	26,5	15,9	24,5	144,7	127,8	93	90,3	136	99,3	68	50,7	49,3	109	90	46	59	
48	124	124	111	110	91,2	82,2	91,9	88,7	20	24,5	16,1	22,3	144,3	131,9	97	90,7	132	101,5	75	56,8	52,5	109	105	—	—	
49	122	116	113	106	91,0	85,6	92,8	86,5	18	27	15,5	25,5	145,6	126	106	93,8	142	101,4	74	52,1	52,5	113	109	55	64	
50	127	125	115	108	89,9	87,8	97	85,0	24,7	28	19,8	25,9	136,8	125,2	105	90,5	135	95,1	72	53,3	48,6	109	97	54	56	
51	118	116	105	105	91,0	87,5	97,9	89,4	20	25	17,2	23,8	142	129,1	97	95,1	138	97,2	71	51,4	49,0	108	101	55	64	
52	120	133	104	111	88,7	85,2	98,4	92,5	24	23	18,0	20,7	140,4	135	105	95,5	135	95,7	77	57	51,7	109	104	57	71	
53	125	117	112	106	90	86,2	96,2	84,8	19	32	16,2	30,2	144,1	117,7	106	101,9	146	100,7	75	51,4	57,7	113	109	59	69	
54	113	127	105	100	92,1	89,7	96,6	88,5	17,2	19,8	14,7	19,8	147,2	136,8	95	96,9	136	101,5	70	51	53,0	108	97	52	62	
55	128	127	110	115	92,7	84,0	98	90	16,7	23,5	13,1	20,4	150,6	135,6	102	97,1	146	105,8	77	52,7	51,7	110	100	57	66	
56	125	120	102	112	91,6	87,9	107,8	89,6	21,2	23,3	17,7	20,8	141	134,8	94	86,2	143	100	79	55,2	53,7	110	96	53	63	
57	132	124	115	116	88,6	88,5	101,5	87,9	23	25,4	18,5	21,9	139,4	132,7	112	92,6	143	105,1	80	55,9	52,6	118	101	56	66	
58	120	121	102	112	93,1	85	—	93,3	20,6	18,8	17	16,8	134	118,1	101	91,8	129	91,5	76	58,9	55,9	101	98	54	62	
59	123	129	104	110	92,1	88,9	105,1	89,4	18	24	14,0	21,8	148,9	132,9	100	96,2	127	92,7	70	46,0	55,1	102	96	52	63	
60	136	123	104	121	93,9	89,7	117,2	89,0	17,8	22,2	14,5	18,3	147,7	139,8	114	102,7	142	100,7	86	61,3	57,3	111	96	64	66	
61	114	118	104	98	92,9	88,9	97,4	86,0	15,5	23	13,1	23,5	150,6	129,7	99	90	141	99,3	82	57,3	58,2	113	95	56	64	
62	123	120	100	107	92,3	87,7	96,9	87,0	18,9	24,8	15,8	23,2	144,9	130,2	98	100	132	92,3	71	53,8	53,8	108	101	54	63	
63	115	122	107	103	94,6	86,3	92,7	89,6	17	22,7	13,9	22	148,9	132,5	94	101,1	133	100	71	53,4	55,0	110	96	54	60	

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

№ п/п	28. Затылочная дуга	29. Лобная хорда	30. Теменная хорда	31. Затылочная хорда	29.26. Указатель изгиба лба	30.27. Указатель изгиба темени	28.27. Затыльно-теменной индекс	31.28. Указатель изгиба затылка	ВИЛК. Высота изгиба лба	ВИЗК. Высота изгиба затылка	УВИЛ. Указатель изгиба лба	УВИЗ. Указатель изгиба затылка	УЛЛ. Угол изгиба лба	УЛЗ. Угол изгиба затылка	40. Длина основания лица	40.5. Указатель выступания лица	45. Скуловой диаметр	45.8. Широтный указатель	48. Верхняя высота лица	48.45. Верхний лицевой указатель	48.17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	43. Верхняя ширина лица	46. Средняя ширина лица	60. Длина альвеолярной дуги	61. Ширина альвеолярной дуги
64	116	117	110	101	90,7	85,3	89,9	87,1	21	24,2	17,9	23,9	140,6	128,9	102	97	122	91,7	73	59,8	54,1	101	92	58	60
65	122	117	118	98	93,8	87,4	90,4	80,3	—	—	—	—	—	—	100	90,9	134	97,1	77	57,5	55,8	—	95	—	—
66	—	122	102	—	93,8	81,6	—	—	16,5	—	13,5	—	149,8	—	107	100	133	98,5	70	52,6	49,0	108	97	—	—
67	120	116	106	106	92,8	81,5	92,3	88,3	19	23,3	16,4	22,0	146,7	132,5	99	99	121	89,0	75	52,4	62	105	89	—	61
68	108	109	110	93	90,1	85,3	83,7	86,1	20,3	21,2	18,6	22,8	139,2	131	95	96	125	93,3	75	57,7	60	107	93	53	63
69	111	106	106	94	94,6	85,5	89,5	84,7	16,2	25,5	15,3	27,1	152	123,1	99	94,3	130	96,3	69	52,7	53,1	106	89	53	60
70	115	118	110	105	90,8	84,6	88,5	91,3	20,2	21,3	18,4	20,2	139,6	136	—	—	130	100	74	—	59,9	103	94	56	65
71	117	107	110	98	91,4	88	93,6	83,8	20	27,5	18,7	28,1	139	121,3	94	94	135	95,7	70	55,1	51,9	108	99	52	60
72	113	121	113	93	91,0	86,2	86,3	82,3	18	28	14,9	30,1	146,8	117,9	102	91,1	145	100	73	50,3	51,4	109	98	55	67
73	122	115	101	102	91,3	87,8	106,5	83,3	19,5	27,3	17,0	26,8	142,4	123,6	96	97	134	96,4	66	51,6	49,3	109	96	—	—
74	117	116	115	100	90,6	91,3	92,9	85,5	21,8	24,5	18,8	24,5	138,8	127,8	96	92,3	133	96,4	66	49,6	49,6	108	91	—	—
75	116	120	113	106	93,8	83,7	85,9	91,4	17,9	19,2	14,9	18,1	146,8	140,2	95	92,2	135	95,7	78	57,8	54,9	107	95	52	—
76	132	109	118	109	84,5	95,9	107,3	82,6	18	27,5	15,3	24,3	146,2	128,2	102	94,4	142	101,4	76	53,5	51,7	112	108	55	66
77	111	111	130	93	88,8	98,5	84,1	83,8	23,5	28	21,2	30	142,4	142,9	93	100	135	96,4	72	53,3	53,3	111	99	52	61
78	111	112	111	95	88,9	88,8	88,8	85,6	23,1	25,7	20,6	27	135,2	123,3	105	102,9	136	101,5	69	52,3	50,7	107	92	51	61
79	125	—	115	102	—	87,1	94,7	81,6	—	32,5	—	31,9	—	114,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
80	117	112	114	96	86,2	89,8	92,1	82,0	27,2	29	24,3	30,2	128,2	117,7	96	96	130	94,2	76	57,1	58,5	105	92	53	65
81	128	123	114	105	89,1	87,7	98,5	82,0	24,2	32,5	19,7	31	137	116,6	102	95,3	138	97,9	72	49,6	52,5	113	103	53	62
82	133	111	117	101	89,5	88,6	100,8	75,9	21,8	39,5	19,6	39,1	137,2	103,8	102	95,3	145	105,8	76	57,1	52,4	122	113	59	70
83	108	116	113	90	88,5	91,1	87,1	83,3	29,7	26,2	25,6	29,1	125,8	119,6	92	93,9	128	92,8	62	48,1	48,4	108	90	50	63
84	124	116	115	106	89,2	89,1	96,1	85,5	26,7	27,2	23	25,7	130,6	125,6	99	94,3	141	95,3	72	52,6	51,1	115	96	56	61
85	—	114	106	—	87,7	91,4	—	—	27,3	—	21,0	—	134,4	—	101	101	141	92,2	67	52,8	47,5	109	93	—	68

Позднесарматское время (вторая половина II – I в. н.э.), черта без искусственной деформации

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

№ п/п	61:60. Альвеолярный указатель	62. Длина неба	63. Ширина неба	63:62. Небный указатель	55. Высота носа	54. Ширина носа	54:55. Носовой указатель	51. Ширина правой глазницы	52. Высота правой глазницы	52:51. Орбитный указатель (правый)	МС. Максилофронтальная ширина	MS. Максилофронтальная высота	MS:MC. Максилофронтальный указатель	ДС. Дакриальная ширина	DS. Дакриальная высота	DS:DC. Дакриальный указатель	SC. Симоптическая ширина	SS. Симоптическая высота	SS:SC. Симоптический указатель	FC. Глубина языковой ямки (правая)	Вимозирная хорда	Вимозирная высота	Вимозирный указатель
1	113,3	49	44	89,8	53	22,5	42,5	43	34	79,1	18,7	10,1	54	20,5	13,5	65,9	7,9	5,4	68,4	2	101,3	17,5	17,3
2	109,7	54	—	—	51	27	52,9	44	33	75	23,2	8,4	36,2	22,5	12,6	56	8,4	4,7	56	5,8	105	20	19,0
Савроматское время (VI–IV вв. до н.э.)																							
3	117,2	48	41	85,4	55	29	52,7	48	35	72,9	21,4	7	32,7	23,2	12	51,7	9	5,5	61,1	3	106	20	18,9
4	—	—	—	—	48	22,5	46,9	41	33	80,5	16	8,5	53	18,6	13,1	70,4	7	6	85,7	9	95	12	12,6
5	116,4	43	—	—	45	23,5	52,2	42,3	31	73,5	15,5	7,4	47,7	17	12,6	74,1	8,9	5,2	58,4	3,4	95,4	14,0	14,7
6	114,4	41	37	90,2	46	21,2	46,1	40	32	80	14,3	6,5	45,5	15,2	11	72,4	6,7	5	74,6	4,5	90,7	15	16,5
7	120	48	42	87,5	50	24,5	49	43	34	79,1	20	8	40	21,5	12,5	58,1	6,8	3	44,1	9,5	99,5	16,5	16,6
8	—	—	40	—	55	26,5	48,2	44	34	77,3	23,5	10,6	45,1	25,4	15,5	61	8,3	6,3	75,9	6,2	104,3	21,5	20,6
9	130,6	51	40	78,4	54	28	51,9	41	31,5	76,8	20,5	8,6	41,9	22,1	11,3	51,1	9,1	4,8	52,7	6,8	97,6	19,2	19,7
Раннесарматское время (IV–III вв. до н.э.)																							
10	106,7	53	40	75,5	54	23	42,6	44	32,5	73,9	19,8	10	50,5	20,4	14,9	73	9,4	5,6	59,6	4,0	103,5	17,2	16,6
11	—	—	—	—	50	24	48	44	32,5	73,9	20,7	7,7	37,2	—	—	—	10,7	5,8	54,2	5	104	18,3	17,6
12	115,4	43	39	90,7	47	22,5	47,9	38,5	29	75,3	17,4	8,6	49,4	20,2	12,6	62,4	9,3	5,1	54,8	5,5	92,5	17	18,4
Раннесарматское время (II–I вв. до н.э.)																							
13	106,9	49	37	75,5	51,5	26	50,5	46,5	35	75,3	18,1	6,5	35,9	19,7	12,8	65	7,9	4,6	58,2	6,2	106	17,5	16,5
14	120,8	47	41	87,2	50	25	50	48	29	60,4	18,7	8,3	44,4	22,4	13,3	59,4	8,8	4,3	48,9	4,2	106	20	18,9
15	124,1	—	47	—	51	23,5	46,1	47	36	76,6	20	5	25	24,5	11,2	45,7	7,9	3,5	44,3	3	106,7	20,4	19,1
16	113,2	48	40	83,3	51	26,5	51,9	42	31,2	74,3	20,2	8,4	41,6	21,8	13,4	61,5	10	4,5	45	7	101	12,5	12,4
17	—	—	—	—	52	22,5	43,3	42,5	34	80	19	—	—	—	—	—	9,4	—	—	0	97,2	23,6	24,3
18	113,5	44	40	90,0	53	23,5	44,3	42,5	35	82,4	18,3	7,5	41	20,5	11,4	55,6	9,8	4,9	50	2,6	98,4	16,5	16,8
19	—	39	—	—	46	23,5	51,1	46	33	71,7	16,4	7	42,7	20,7	13	62,8	7,4	4	54,1	5,5	102,3	19,9	19,4
20	—	—	—	—	45	26	57,8	39	29	74,4	23,1	7,9	34,2	23,8	16,2	68,1	9	4	44,4	9,3	98,5	15	15,2
21	—	43	34	79,1	49	24	49	42	35	83,3	18,2	10,2	56	17,2	12,7	74	6,6	4,5	68,2	4,5	95,1	17,5	18,4
22	—	—	—	—	47	21	44,7	43,5	30	69	14,5	6,4	44,1	18,2	12,6	69,2	7,3	4,9	67,1	7,5	92,8	15,7	16,9
23	109,8	42	—	—	47	22	46,8	43,5	37	85,1	15,5	7,7	49,7	17,9	12,6	70,4	8,1	5,5	67,9	8,2	97	19,8	20,4
24	124	49	39	79,6	48	24	50	43,5	34	78,2	19,8	7	35,4	21,7	12,5	56,7	7,3	3,2	43,8	5	98,4	16,4	16,7
25	113,5	49	36	73,5	51	26	51	40	33	82,5	16,5	6,8	41,2	19,8	11	55,6	6,8	3	44	3,1	91,5	13,5	14,8
26	—	—	—	—	50	22	—	—	37	—	17,9	9,8	54,7	18,6	13,6	73,1	8,5	5,3	62,4	5,2	89	16	18,0
27	114,8	44	40	90,9	50	26	52	42	32	76,2	20	8	40	21,2	13,8	65,1	10,3	4	38,8	4	99	17,7	17,9
28	125	43	44,5	103,5	44	27	61,4	46	31,5	68,5	18,1	8,3	45,9	19,3	13,2	68,4	6,2	3	48,4	4,8	100,5	19,3	19,2
29	105	48	40	83,8	47	26	55,3	43	33	76,7	17,8	6,1	34,3	21	11,8	56,2	9,8	5,5	56	3,4	100,4	17,5	17,4
30	—	40	—	—	48	23	47,9	42	36	85,7	19	6,6	34,7	20,7	11,4	55,1	6,8	3,4	50	5	95,2	20	21
31	—	—	—	—	46	25	54,3	43	30	69,8	17,5	7,5	42,9	19,8	12,4	62,9	8	3,4	42,5	3,8	95,2	17,6	18,5

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

№ п/п	61:60. Альвеолярный указатель	62. Длина неба	63. Ширина неба	63:62. Небный указатель	55. Высота носа	54. Ширина носа	54:55. Носовой указатель	51. Ширина правой глазницы	52. Высота правой глазницы	52:51. Орбитальный указатель (правый)	МС. Максилофронтальная ширина	MS. Максилофронтальная высота	MS:MC. Максилофронтальный указатель	ДС. Дакриальная ширина	DS. Дакриальная высота	DS:DC. Дакриальный указатель	SC. Синотическая ширина	SS. Синотическая высота	SS:SC. Синотический указатель (правый)	FC. Глубина клыковой ямки	Вмозгряная хорда	Вмозгряная высота	Вмозгряный указатель	Раннесарматское время (II – I вв. до н.э.)											
																								32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43
32	109,1	46	39	84,8	42	24	57,1	41	30	73,2	22,2	8,4	37,8	23	16	69,6	9,2	4,2	45,7	5,3	99,2	20,2	20,4												
33	96,3	45	—	—	48,5	25,5	52,6	48	36	75	19	6,3	33,2	21,4	12,1	56,5	8,4	3,6	42,9	5	106	24	22,6												
34	—	—	—	—	46,5	26	55,9	43	34	79,1	17,8	—	—	22	—	—	6,5	—	—	4,7	99	15,8	16												
35	117,9	43	41	95,3	50	26	52	44	33	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5,4	100	19,1	19,1												
36	118,2	45	44	97,8	54	27	50	44	34	77,3	21,5	7,8	36,3	22,2	13,7	61,7	9,2	4	43,5	7	99,8	21	21												
37	123,5	41	43,5	106,1	49	23	46,9	46	33,5	72,8	17	8,8	51,7	19,7	15	76,1	6,9	6,1	88,4	6,8	100,5	19,1	19												
Среднесарматское время (I – первая половина II в. н.э.)																																			
38	—	—	—	—	53	25	47	47	31,5	67	19,4	7,1	36,6	19,3	13,4	69	6	3,4	56,7	5,2	102,5	18	17,6												
39	—	—	—	—	49	24	49	45	34	76	18,4	7,3	39,7	19,8	13,1	66,2	9	5,5	61	4,7	101,8	20	19,6												
40	113,2	44	—	—	49	23	46,9	45	32,5	72,2	17,2	9,6	55,8	20	14	70	6,8	3	44,1	5,2	97	18	18,6												
Позднесарматское время (вторая половина II – IV в. н.э.), черта со следами искусственной деформации																																			
41	114,8	46	40	87,0	54	24	44,4	43	39	90,7	20,2	5,3	26,2	22,5	9	40	8	3,1	38,8	2,2	97,8	18,5	18,9												
42	103,0	—	38	—	49	23	46,9	42	34	80,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5,2	99,5	20,5	20,6												
43	117,6	51	—	—	51	27	52,9	41	37	90	22	7,6	34,5	23	12	52,2	10,3	3,4	33	4	95,2	17,0	17,9												
44	139,5	50	37	74,0	53	24,5	46,2	46	38	82	20	8	40	25,4	15,8	62,2	7,8	5	64	5	104	22,8	21,9												
45	117,9	—	—	—	56	27	48,2	44	38	86,3	19	7,5	40	21	14,6	70	9,5	4,5	47,3	7,5	102,4	20,0	19,5												
46	139,1	45	40	88,9	54	26	48,1	43	34	79,1	27,1	9,9	49	30	14,7	49	10,2	4,5	44,1	3,3	108,8	21,4	19,7												
47	128,3	49	36	73,5	48	23	47,9	43	36	83,7	21,7	8	36,9	24	14,3	59,6	8,4	4,9	58,3	7,4	99,5	15,8	15,9												
48	—	—	—	—	55	27	49,1	44	34,5	78,4	22,6	10	44,2	26,7	16,7	62,9	13	6,2	47,7	2,7	101,8	24,5	24,1												
49	116,4	49	40	81,6	54	27	50	45	34	75,6	21,2	7,8	36,8	22	12,5	56,8	11,1	5,3	47,7	5,8	103,0	22,0	21,4												
50	103,7	47	—	—	50	25	50	43	32	74,4	24	7	29,2	25,5	14,2	55,7	9,6	3,4	35,4	5,7	100,8	20,4	20,2												
51	116,4	45	39	86,7	51	24	47	42	34	81	19	8	42	21,2	14,3	67,5	8,1	5,2	64,2	4,2	97,0	14,8	15,3												
52	124,6	47	43	91,5	56	29	51,8	44	34	77,3	19,2	6,7	34,9	25,5	14	54,9	9,1	5,7	62,6	4,5	99,0	15,5	15,7												
53	116,9	48	48	100	53	26	49,1	44	34	77,3	23,4	5,1	21,8	29	11,5	39,7	5,4	2,4	44,4	7,5	107	13,4	12,5												
54	119	44	42	95,5	50	23	46	40	30,5	76,3	23,8	6,9	29	26,5	12,4	46,8	12,2	4,9	40	7,8	99,5	18,4	18,5												
55	115,8	47	40	85,1	55	26,3	47,8	44	35	79,5	21,2	8	37,7	23	14,6	63,5	12,8	7,5	58,6	3,8	102,2	18	17,6												
56	118,9	43	41	95,3	56	25	44,6	46	38	82,6	17	6,5	38,2	21,2	11,4	53,8	5,2	3,7	71,2	4,2	100,7	15,4	15,3												
57	117,9	47	42	93,3	57	26	45,6	47	38	80,9	22,8	8	35,1	28	15,5	55,4	6,8	4,1	60,3	6,3	109	21	19,3												
58	115	45	42	93,3	54	23,2	43	42	37	88,1	—	—	—	—	—	—	6,5	—	—	3,1	93	18,8	20,2												
59	121,2	46	40	87,0	50	23	46	43	36	83,7	20	6,3	31,5	21,5	10,8	50,2	9,1	3	33	3,6	93	16,5	17,7												
60	103,1	54	—	—	56	24	42,9	47	37	78,7	20,6	7,5	36,4	23,5	13	55,3	10,9	5,8	53,2	8,0	104	20,2	19,4												
61	114,3	45	42	93,3	56	25	44,6	46	36	78,3	24,5	8,1	33,1	27	14,1	52,2	11,4	6	52,6	3,3	103,6	21,4	20,7												
62	116,7	45	37	82,2	55	27	49,1	43,5	33	75,9	24	6,3	26,3	24,4	9	36,9	15,4	3,7	24	4,7	98,6	18,3	19,2												
63	111	45	37	82,2	52	24	46,2	41	35	85,4	23,6	7,8	33,1	25	11	44	12,8	5	39,1	5,7	99	19,6	19,8												

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

№ п/п	Позднесарматское время (вторая половина II – IV в. н.э.), черепа со следами искусственной деформации																						
	61:60. Альвеолярный указатель	62. Длина неба	63. Ширина неба	63:62. Небный указатель	55. Высота носа	54. Ширина носа	54:55. Носовой указатель	51. Ширина правой глазницы	52. Высота правой глазницы	52:51. Орбитный указатель (правый)	МС. Максилофронтальная ширина	МС. Максилофронтальная высота	MS:MC. Максилофронтальный указатель	ДС. Дакриальная ширина	DS. Дакриальная высота	DS:DC. Дакриальный указатель	SC. Симогическая ширина	SS. Симогическая высота	SS:SC. Симогический указатель	ФС. Глубина клыковой ямки (правая)	Вимоллярная хорда	Вимоллярная высота	Вимоллярный указатель
64	103,4	—	37	—	50	24	48	43	33	76,7	21,5	7	32,6	—	—	—	12	5,2	43,3	5,5	94	18	19,1
65	—	—	—	—	55	25,5	46,4	42	34	81	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5,5	—	—
66	—	—	—	—	50	25	50	44	32	72,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7,3	97	18,7
67	—	47	34	72,3	54	22	40,7	41	37	90,2	21	8,8	41,9	21,1	12,3	58,3	9,6	5	52,1	—	96,5	20,4	21,1
68	118,9	46	41	89	52	25	48	43	35	81,4	21,5	6,4	29,8	23,2	10	43	10,5	4,3	41	3	98,5	17,1	17,3
69	113,2	44	40	90,9	51	26,5	52	43	32,5	75,6	21,9	7	32	20,8	12,6	60,6	10,5	5	47,6	5,3	99,6	18,7	18,8
70	116,1	46	39	84,8	54	24	44,4	44	37	84,1	18	6	33,3	23,7	12,4	52,3	11,6	5,0	43,1	4,7	96,2	18,2	18,9
71	115,4	44	38	86,4	50,5	25	49,5	43	34	79,1	21	4	19	23	9,3	40,4	7,9	2	25,3	6,5	98	15,5	15,8
72	121,8	44	—	—	55	28	50,9	46	35	76,1	22	8,5	38,6	20,4	14	68,6	10	5	50	4,5	103	20	19,4
73	—	42	—	—	51	24	47	43	37	86	21,2	6	28,3	26,3	12,3	46,8	5,8	2,2	37,9	3,8	99,2	16,6	16,7
74	—	42	—	—	48	24	50	42	34	81	21	5,4	25,7	28	13	46,4	8	3,1	38,8	4,2	98	15,5	15,8
75	—	42	—	—	51,5	27	52,4	44	34	78,3	19,5	6,8	34,9	22,4	14,8	66,1	8,6	5,4	62,8	6,0	97,8	16,2	16,6
76	120	46	—	—	52	26,3	50,6	44	32,5	73,9	21	7,1	33,8	22,5	12,3	55,2	8,3	4,2	50,6	6,4	102,1	16,2	15,9
77	117,3	—	—	—	50	26	52	44	35	79,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,0	101,5	17,5	17,2
Позднесарматское время (вторая половина II – IV в. н.э.), черепа без искусственной деформации																							
78	119,6	52	44	84,6	52,5	27	51,4	40	32	80	22,8	10	43,9	24	11,8	49,2	8,7	6,5	74,7	2	100,5	17	16,9
79	—	—	—	—	—	—	—	—	31	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4,6	—	—	—
80	122,6	41	32	78,0	57	25	43,9	40	31	77,5	20,7	9,7	46,9	23,7	15,9	67,1	9,5	7,4	77,9	7,2	96,6	21,0	21,7
81	117,0	45	—	—	52	28	53,8	45	33	73,3	20,3	7,8	38,4	21,8	12,8	58,7	7,5	4,7	62,7	4	96	19	19,8
82	118,6	49	44	89,8	52	29	55,8	46	33	71,7	21	9,5	45,2	25,3	15,1	59,7	10,5	6,8	64,8	5,5	111,5	23	20,6
83	126,0	42	44	104,8	48	26	54,2	43	32	74,4	19,8	7	35,4	20	10,1	50,5	8,2	4	48,8	5,7	98,5	16,5	16,8
84	109,0	44	41	93,2	48	21	43,8	48	36	75	15,6	6	38,5	19,5	9,8	50,3	6	3,7	61,7	4,4	105,5	17	16,1
85	—	—	—	—	53	30	56,6	41	33	80,5	21,8	10,9	50	21,4	14,9	63,6	11	7,4	67,3	3,5	101,9	18,7	18,4

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

№ п/п	77. Назом альярный угол	Зитомаклирняя ширина	Зитомаклирняя высота	Зитомаклирний указатель	$Z_{\text{итомаклирний}}$ угол	32. Угол профиля лба от назона	Угол профиля лба от глбелы	72. Обший лицевой угол	73. Средний лицевой угол	74. Угол альевюрной части	75. Угол наклана носовых костей	75-1. Угол выступания носа	Форма черена сврху	Надпереносе	Надбровные дуги	Наружный затылочный бугор	Соцевидный отросток	Нижний край грушевидного отверстия	Передненосовая ось
1	142	94	25,4	27,0	123,3	91	83	89	92	77	56	33	Ovoides	3	3	3	3	Fossa praenasales	5
2	138,4	107,3	29	27,0	123,3	80	71	84	89	73	58	26	Sphaenoides	4	2,5	3	3	Sulcus	3
3	138,6	105	22	20,9	134,6	78	67	91	100	69	66	25	Ellipsoids	4	2,5	3	3	Sulcus	2
4	151,7	97,5	18	18,5	139,4	78	72	91	95	78	51	40	Sphaenoides	2	3	0	2	Anthropina	5
5	147,2	93,8	21	22,4	131,7	87	81	87	93	71	57	30	Sphaenoides	3,5	3	1	2	Fossa praenasales	3
6	143,5	81,2	18,8	23,2	130,2	91	86	92	95	82	61	31	Ovoides	1	1	0	1	Anthropina	5
7	143,3	97	20,2	20,8	134,8	83	76	88	95	68	52	36	Sphaenoides	3	3,5	1	3	Sulcus	4
8	135,2	99,5	25,3	25,4	126,1	75	67	87	92	71	50	37	Ovoides	4	2	3	2	Fossa praenasales	4
9	137,0	88	23,4	26,6	124	87	77	86	89	74	54	32	Sphaenoides	4	3	5	3	Anthropina	5
Раннесарматское время (IV–III вв. до н.э.)																			
10	143,3	93	24	25,8	125,4	82	75	87	93	73	58	29	Ovoides	3,5	3	2	3	Sulcus	2
11	141,2	103	31	30,1	117,9	—	—	—	—	—	—	—	—	4	2,5	2	3	Anthropina	2
12	139,6	90	23,6	26,2	124,7	92	87	93	93	93	60	33	Sphaenoides	2	1,5	—	2	Anthropina	2
Раннесарматское время (I–II вв. до н.э.)																			
13	143,5	97,3	19,2	19,7	137	79	69	89	97	71	54	35	Sphaenoides	4	3	4	3	Anthropina	5
14	138,6	101	23,7	23,5	129,7	87	80	89	94	73	56	33	Pentagonoides	3	3	3	2,5	Anthropina	4
15	138,1	98	21	21,4	133,7	83	73	89	93	75	71	18	Ellipsoids	3	3	3	3	Anthropina	3
16	152,1	90	17,5	19,4	137,6	96	89	82	90	60	62	20	Sphaenoides	2	2	1	2,5	Sulcus	1
17	128,2	93,9	25,3	26,9	123,4	87	84	89	95	73	—	—	Ovoides	3	3	1	2	Fossa praenasales	4
18	142,9	93,5	18	19,3	137,8	85	78	90	94	78	69	21	Ovoides	3	3	1	2	Anthropina	4
19	137,4	95	22	23,2	130,2	85	76	87	91	77	53	34	Pentagonoides	3,5	3	2	3	Anthropina	4
20	146,2	87,6	16,8	19,2	133,9	90	87	90	93	76	56	34	Sphaenoides	3	1,5	4	2,5	Anthropina	3
21	139,6	87,3	18,5	21,2	129,7	79	74	88	91	76	57	31	Sphaenoides	4	1,5	1,5	2	Anthropina	4
22	142,6	85,5	16,1	18,8	138,8	91	84	94	99	80	58	36	Sphaenoides	2,5	2	1	2,5	Anthropina	4
23	135,6	81,6	20	24,5	127,8	85	82	84	91	68	63	21	Sphaenoides	2	2	1	2,5	Anthropina	3
24	143,1	97,4	20,3	20,8	134,8	84	79	91	97	75	66	25	—	2	1	—	2	Fossa praenasales	4
25	147	88	23,7	26,9	123,4	87	78	88	93	72	68	22	Ovoides	2	2	1	2	Anthropina	1,5
26	140,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30	Ovoides	2	1	0	1,5	Anthropina	3
27	140,6	94	22,8	24,3	128,2	87	78	90	97	72	71	19	Sphaenoides	3	3	1	2,5	Fossa praenasales	2
28	138	93,4	21,5	23	130,6	85	77	89	97	68	47	42	Sphaenoides	5	2,5	4	3	Sulcus	1
29	141,6	93,3	24	25,7	125,6	91	86	86	94	70	54	32	Ellipsoids	2,5	2	1	2	Fossa praenasales	2,5
30	134,4	91	21,5	23,6	129,5	80	76	92	95	84	65	27	Ovoides	2	1,5	0,5	2,5	Anthropina	3
31	139,4	92,6	23	24,8	127,2	85	78	93	92	73	57	30	Sphaenoides	3	2,5	1	3	Anthropina	3

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

№ п/п	77. Назов алтарный угол	Зитмаксиярная ширина	Зитмаксиярная высота	Зитмаксиярный указатель	< m ² Зитмаксиярный угол	32. Угол профиля лба от назона	Угол профиля лба отглаблы	72. Обшир лицевой угол	73. Средний лицевой угол	74. Угол альвеолярной части носовых костей	75. Угол наклона носовых костей	75-1. Угол выступания носа	Форма черена сверху	Надбровные дуги	Наружный затылочный бугор	Сосцевидный отросток	Нижний край грушевидного отверстия	Переднебная ось
Раннесарматское время (I – в. до н.э.)																		
32	135,6	90,5	21,5	23,8	129,1	90	84	87	94	71	65	22	Ellipsoids	3	2	1,5	2	Sulcus
33	131,4	104,5	23,3	22,3	131,9	83	78	89	95	74	62	27	Pentagonoids	2,5	2,5	1	2	Anthropina
34	144,5	94,2	19,8	21	134,4	84	76	92	97	76	—	—	Sphenoids	4	2	2	3	Anthropina
35	138,2	99	21	21,2	134	—	—	—	—	—	—	—	Sphenoids	4	3	3	3	Fossa praenasales
36	134,4	99,3	25,2	25,4	126,1	87	81	93	95	87	56	37	Sphenoids	3	3	4	3	Anthropina
37	138,4	100	19	19	138,4	85	77	92	97	78	62	30	Romboids	3	3	5	3	Fossa praenasales
Среднесарматское время (I – первая половина II в. н.э.)																		
38	141,2	97	23	23,7	129,3	97	88	89	93	70	57	32	Ellipsoids	3	3	3	3	Sulcus
39	137,2	98	23,6	24,1	128,5	83	72	88	92	78	55	33	Ellipsoids	4	3	2	3	Fossa praenasales
40	139,2	95,5	24,2	25,3	129,3	79	70	90	93	83	56	34	Ellipsoids	4	3	2	3	Fossa praenasales
Позднесарматское время (вторая половина II – IV в. н.э.), черепа со следами искусственной деформации																		
41	138,6	92,5	21	22,7	131,2	73	66	89	93	77	69	20	—	2	2	1	2	Anthropina
42	135,2	99,4	24,2	24,3	128,2	81	69	87	94	70	59	28	—	4,5	3	4	2,5	Sulcus
43	140,6	100	22,2	22,2	132,1	80	70	87	92	65	70	17	—	3	2	1	1	Anthropina
44	132,7	101	25	24,8	127,2	76	68	87	103	85	68	29	—	4,5	3	5	2,5	Anthropina
45	137,4	98,5	22,6	22,9	130,8	—	—	—	—	—	—	30	—	1	2	2	2,5	Anthropina
46	137,0	97,7	20,5	21	134,4	74	66	93	95	84	60	33	—	4	2	2,5	2	Sulcus
47	144,7	94,4	23,5	24,9	127,1	74	61	92	94	86	52	40	—	5	2,5	4	3	Anthropina
48	128,5	105	32,2	30,7	116,9	77	68	93	94	90	67	26	—	3	3	2	2,5	Fossa praenasales
49	133,7	112	27,4	24,5	127,8	76	67	91	95	73	58	33	—	4	3	4	3	Anthropina
50	136	93,6	22,4	23,9	128,9	89	82	92	97	79	55	37	—	3	3	5	3	Anthropina
51	146	97,7	24	24,6	127,6	78	71	83	89	66	57	26	—	3	2	3	2	Anthropina
52	145,1	103	27,3	26,5	124,2	82	67	92	99	72	60	32	—	4	3	5	3	Infantilis
53	151,9	105	21	20	136,4	74	62	88	91	80	49	39	—	4	3	5	3	Fossa praenasales
54	139,4	96,8	22,9	23,7	129,3	79	70	91	95	79	58	33	—	3,5	2,5	2	3	Fossa praenasales
55	141,2	101	23,3	23,1	130,4	75	65	90	97	70	57	33	—	5	3	5	3	Fossa praenasales
56	146	93,8	20,2	21,5	133,5	75	65	93	95	87	58	35	—	3	2	3	3	Anthropina
57	137,8	103	26,8	26	125,1	81	70	90	96	73	66	24	—	5	3	3	3	Anthropina
58	136	94,8	24,3	25,6	125,8	75	68	93	95	87	—	—	—	3	2,5	2	3	Anthropina
59	141	94,5	22	23,3	130	79	69	88	93	74	71	17	—	1	1	1	1	Anthropina
60	137,6	99,3	25,4	25,6	125,8	72	63	83	90	72	53	31	—	5	3	4	3	Sulcus
61	135	95	24	25,3	126,3	69	62	93	96	85	70	23	—	4	3	1	2	Anthropina
62	138	99	23	23,2	130,2	79	73	89	92	76	70	19	—	2	2	3	2	Anthropina
63	136,8	94,1	20	21,3	133,9	75	66	87	91	74	60	27	—	2	2	1	3	Anthropina

Окончание таблицы 2

End of Table 2

№ п/п	77. Назомаларный угол	Зитомаксиларная ширина	Зитомаксиларная высота	Зитомаксиларный указатель	Z_{m} Зитомаксиларный угол	32. Угол профиля лба от назона	Угол профиля лба от гнабелы	72. Обшии лицевой угол	73. Средний лицевой угол	74. Угол альвеолярной части	75. Угол наклона носовых костей	75-1. Угол выступаания носа	Форма черена сверху	Надпереносье	Надбровные дуги	Наружный затылочный бугор	Сосцевидный отросток	Нижний край грушевидного отверстия	Передненосовая ось	
																				Позднесарматское время (вторая половина II – IV в. н.э.), черена со следами искусственной деформации
64	138,2	92,5	23,8	25,7	125,6	3	2,5	—	—	—	—	—	—	—	3	2,5	2	2	Inflantilis	—
65	—	93	23,7	25,5	126	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2,5	2	3	Anthropina	1
66	137,8	95,4	26,2	27,5	122,4	75	68	84	89	70	—	—	—	—	3	2	2	2,5	Anthropina	5
67	134,2	90	26,1	29	119,7	87	79	88	92	76	65	23	—	—	2	1	2	2,5	Inflantilis	3
68	141,8	92,5	24,8	26,8	123,6	78	72	84	88	73	58	26	—	—	2	2	1	2	Anthropina	3,5
69	138,8	89	21,9	24,6	127,6	83	71	93	98	75	62	31	—	—	3	2,5	1	2,5	Anthropina	4
70	138,6	95	24,2	25,5	126	—	—	—	—	—	—	20	—	—	3	3	2	3	Fossa praenasales	4
71	144,9	92,5	18,9	20,4	135,6	84	76	93	96	84	73	20	—	—	2,5	2	2	2,5	Anthropina	4
72	136,7	100,5	28,5	28,4	120,8	73	63	95	99	80	61	34	—	—	6	3	3	3	Fossa praenasales	4
73	143,1	96,2	19,1	19,85	136,6	82	74	91	94	79	72	19	—	—	2	2	1	3	Anthropina	2
74	144,9	90,4	17,5	19,4	137,6	84	75	90	92	84	64	26	—	—	3	2,8	3	3	Anthropina	3
75	143,3	91,5	17,8	19,5	137,4	77	69	92	94	88	57	35	—	—	3	3	2	3	Anthropina	5
76	144,7	109,4	22,6	20,7	135,0	77	68	88	92	74	52	36	—	—	4	3	4	2,5	Anthropina	3
77	142	94,8	21	22,1	132,3	85	77	85	91	70	—	—	—	—	4	3	5	3	Fossa praenasales	5
Позднесарматское время (вторая половина II – IV в. н.э.), черена без искусственной деформации																				
78	142,6	94,2	21	22,3	131,9	82	71	84	88	70	60	24	Ovoides	5	2,5	3	3	3	Sulcus	2
79	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2,5	Anthropina	—
80	133,1	92	25,9	28,2	121,2	84	79	90	92	82	64	26	Ovoides	2,5	2	3,5	3	3	Sulcus	4
81	136,8	103,8	20,2	19,5	137,4	85	75	90	95	77	57	33	Ellipsoides	4	3	5	3	3	Anthropina	3
82	135,2	113	25,1	22,2	132,1	72	63	88	91	80	47	41	Ellipsoides	5	3	5	3	3	Fossa praenasales	—
83	142,9	90	18	20	136,4	90	81	90	95	71	62	28	Ellipsoides	2	1	1	1	2,5	Anthropina	3
84	144,3	96	22	22,9	130,8	84	78	99	93	76	55	33	Ellipsoides	2	2	3	2,5	Anthropina	5	
85	139,6	94	25,2	26,8	123,6	78	75	84	88	67	49	35	Sphaenoides	3	2	5	3	3	Sulcus	1

Таблица 3. Средние размеры и показатели краниологических серий предсавроматского и савроматского времени

Table 3. Average sizes and indexes of craniological series of the pre-Sauromatian and Sauromat times

№ по Мартину и др.	Мужские серии					Женская серия	
	Предсавроматское время		Савроматское время			n	X
	n	X	n	X	s		
1	2	182,0	5	185,2	10,7	2	172,5
8	2	145,0	5	143,0	7,4	2	132,5
8:1	2	79,8	5	77,4	6,2	2	77,0
17	2	137	5	133,8	5,4	2	128,5
17:1	2	73,5	5	72,2	4,8	2	74,65
17:8	2	94,5	5	93,7	4,4	2	97,0
ОРВ	2	270,0	5	269,7	8,85	2	252,7
M2	2	264,0	5	264,7	18,2	2	228,5
M3	2	1809,4	5	1772,45	159,4	2	1466,8
5	2	103,5	5	103,8	6,2	2	95,0
20	2	119,5	5	117,8	5,2	2	113,0
9	2	99,0	5	100,2	5,4	2	92,0
УШИЛ	2	137,5	5	135,9	4,8	2	135,05
11	2	134,5	5	129,0	4,4	2	117,5
28:27	2	93,0	5	97,4	12,2	2	103,0
45	2	142,5	5	136,6	4,6	2	123,0
40	2	101	5	99	7,0	2	91,0
40:5	2	97,6	5	95,4	3,3	2	95,8
48	2	78	5	70,9	4,85	2	66,5
43	2	111,5	5	109,4	5,0	2	100,5
46	2	101	5	97,8	4,6	2	86,5
54	2	24,8	5	26,1	2,6	2	22,25
55	2	52,0	5	52,4	3,2	2	45,5
54:55	2	47,7	5	49,7	2,5	2	49,2
51	2	43,5	5	43,4	2,9	2	41,0
52	2	33,5	5	33,6	1,1	2	31,5
52:51	2	77,0	5	77,3	2,9	2	76,65
DC	2	21,5	5	22,2	2,5	2	16,1
DS	2	13,05	5	12,9	1,6	2	11,8
DS:DC	2	61,0	5	58,5	7,9	2	73,25
SC	2	8,15	5	8,0	1,1	2	7,8
SS	2	5,05	5	5,1	1,3	2	5,1
SS:SC	2	62,2	5	63,9	16,9	2	66,5
FC	2	3,9	5	6,9	2,6	2	3,95
77	2	140,2	5	141,2	6,6	2	145,4
<zm'	2	123,3	5	132,0	6,6	2	131,0
32	2	85,5	5	80,2	4,8	2	89,0
72	2	86,5	5	88,6	2,3	2	89,5
74	2	75,0	5	72,0	4,1	2	76,5
75-1	2	29,5	5	34,0	5,8	2	31,0

Таблица 4. Средние размеры и указатели краниологических серий раннесарматского и среднесарматского времени

Table 4. Average sizes and indexes of craniological series of the Early Sarmatian and Middle Sarmatian times

№ по Мартину и др.	Мужские серии					Женские серии					Мужская серия		
	IV–III вв. до н.э.		II–I вв. до н.э.			IV–III вв. до н.э.		II–I вв. до н.э.			I – 2-я пол. II в. н.э.		
	n	X	n	X	s	XVI-20/2	n	X	s	n	X	s	
1	2	191,5	13	179,3	4,5	166	11	178,1	6,5	3	187,0	5,3	
8	2	141,0	13	147,4	6,4	145	12	141,7	5,2	3	143,7	2,3	
8:1	2	73,6	13	82,3	4,6	87,3	11	79,2	4,5	3	76,8	2,1	
17	1	136,0	13	131,1	5,8	129	11	128,3	4,6	3	138,7	9,3	
17:1	1	70,5	13	73,1	2,7	77,7	10	72,3	3,2	3	74,1	2,8	
17:8	1	94,4	13	89,1	5,7	89	11	90,3		3	96,5	6,2	
ОРВ	1	276,6	13	266,6	5,8	255,4	10	261,45	5,5	3	273,6	8,8	
M2	2	270,05	13	264,2	11,6	240,7	11	250,9	10,3	3	268,7	9,9	
M3	1	1889,9	13	1732,4	123,8	1552,5	10	1621,5	96,45	3	1865,6	190,8	
5	1	109	13	100,5	5,1	98	11	100,0	6,9	3	106,0	1,7	
20	1	115	12	113,9	4,0	114	11	112,8	4,1	3	116,3	7,1	
9	1	97	13	98,3	3,0	98	12	97,7	4,7	3	97,0	6,1	
УПИЛ	1	135,85	13	132,6	5,6	133,7	12	134,0	4,0	3	134,0	3,6	
11	1	129	13	129,5	6,6	125	11	124,2	5,3	3	126,3	0,6	
28:27	1	105,7	12	91,0	5,6		10	94,7	6,0	3	102,2	4,0	
45	2	133,5	13	135,8	7,3	126	11	129,3	4,2	3	135,7	2,5	
40	1	104	12	95,6	6,4	93	11	97,4	7,1	3	101	3,6	
40:5	1	95,4	12	94,8	4,0	94,9	11	97,4	4,7	3	95,3	3,4	
48	1	76,5	13	68,4	6,2	64	12	68,25	2,6	3	71,7	5,5	
43	2	112	13	108,2	3,5	102	12	105,6	5,1	3	112,3	7,5	
46	2	92	13	95,6	4,6	91	11	91,1	5,2	3	96,7	0,6	
54	2	23,5	13	25,0	1,5	22,5	12	24,0	1,8	3	24,0	1,0	
55	2	52	13	48,8	3,8	47	12	48,6	1,8	3	50,3	2,3	
54:55	2	45,5	13	51,7	5,3	47,9	12	50,0	3,4	3	47,6	1,2	
51	1	44	13	43,9	2,5	38	11	43,4	2,3	3	45,7	1,2	
52	2	32,5	13	32,5	2,1	29	12	34,0	2,6	3	32,7	1,3	
52:51	1	73,9	13	74,3	5,6	75	11	77,8	5,8	3	71,7	4,5	
DC	1	20,4	11	21,3	1,5	20,2	12	20,2	2,1	3	19,7	0,4	
DS	1	14,9	10	13,8	1,5	12,6	12	12,3	0,8	3	13,5	0,4	
DS:DC	1	73,0	10	65,2	5,8	62,4	12	61,4	8,7	3	68,4	2,0	
SC	2	10,05	12	8,4	1,4	9,3	12	8,0	1,1	3	7,3	1,6	
SS	2	5,7	10	4,3	0,8	5,1	12	4,2	0,9	3	4,0	1,3	
SS:SC	2	56,9	10	52,0	13,9	54,8	12	52,8	10,8	3	53,9	8,8	
FC	2	3,5	11	5,5	1,8	5,5	12	5,1	1,7	3	5,0	0,3	
77	2	142,25	13	139,0	4,8	139,6	12	140,45	5,6	3	139,2	2,0	
<zm'	2	121,65	13	131,8	4,6	124,7	11	130,9	4,9	3	128,0	1,6	
32	1	82	12	85,9	2,9	82	11	85,8	5,1	3	86,3	9,5	
72	1	87	12	89,8	1,9	93	11	88,2	3,5	3	89,0	1,0	
74	1	73	12	75,0	4,9	93	11	73,4	6,2	3	77,0	6,6	
75-1	2	31	10	30,7	7,6	33	12	26,8	5,7	3	33,0	1,0	

Таблица 5. Средние размеры и показатели краниологических серий позднесарматского времени

Table 5. Average sizes and indexes of craniological series of the Late Sarmatian time

№ по Мартину и др.	Мужские серии						Женская серия		
	Серия без деформации			Серии со следами искусственной деформации			n	X	s
	n	X	s	n	X	s			
1	7	188,3	5,5	27	185,5	6,4	8	174,2	3,8
8	7	141,3	6,8	27	138,6	3,8	8	138,0	3,5
8:1	7	75,0	4,1	27	74,8	3,1	8	79,2	2,1
17	8	133,8	5,5	27	140,3	7,2	8	134,9	8,5
17:1	7	71,1	3,4	27	75,7	4,2	8	77,4	4,4
17:8	7	94,8	6,2	27	101,3	5,5	8	97,8	4,4
ОРВ	7	270,8	6,0	27	270,9	7,0	8	260,1	6,7
M2	7	266,0	14,3	27	257,2	12,3	8	240,5	9,3
M3	7	1778,3	122,2	27	1805,9	141,9	8	1622,9	135,5
5	7	102,7	3,6	27	106,5	6,4	8	103,6	4,0
20	7	115,7	5,3	25	121,7	4,5	8	117,8	7,3
9	7	100,1	4,9	27	98,7	4,7	8	97,9	6,0
УПИЛ	7	132,8	3,2	26	135,3	4,5	8	134,1	3,3
11	7	129,7	5,8	25	127,6	4,5	8	126,2	3,9
28:27	7	94,0	5,0	26	95,9	7,4	8	98,6	9,7
УИЛ	7	132,6	4,5	26	143,4	4,5	8	146,0	5,1
УИЗ	7	117,4	7,1	24	129,8	7,1	8	129,2	5,9
45	7	137,0	6,2	27	136,7	5,7	8	132,4	5,2
40	7	99,6	4,4	27	100,3	6,3	8	98,9	4,6
40:5	7	97,0	3,5	27	94,4	5,2	8	94,5	4,7
48	7	70,6	5,0	27	74,0	4,4	8	71,4	6,0
43	7	111,3	5,8	26	109,3	3,8	8	106,9	3,3
46	7	97,0	8,2	27	98,7	5,0	8	95,4	3,2
54	7	26,6	3,0	27	25,4	1,6	8	24,9	1,3
55	7	51,7	3,1	27	52,8	2,7	8	51,9	2,1
54:55	7	51,4	5,4	27	48,1	2,5	8	48,0	3,2
51	7	43,3	3,1	27	43,7	1,7	8	43,1	1,4
52	8	32,6	1,6	27	34,6	2,0	8	35,8	2,0
52:51	7	76,1	3,4	27	79,4	3,8	8	83,1	5,5
DC	7	22,2	2,2	21	24,5	2,8	8	23,4	2,2
DS	7	12,9	2,5	21	13,5	1,8	8	11,3	1,8
DS:DC	7	57,0	7,1	21	55,7	9,4	8	48,2	7,0
SC	7	8,8	1,7	23	9,6	2,6	8	9,2	1,9
SS	7	5,8	1,6	22	4,8	1,1	8	3,6	1,4
SS:SC	7	65,4	9,5	22	50,3	11,5	8	38,6	8,6
FC	7	4,6	1,7	27	5,5	1,5	8	4,0	1,4
77	7	139,2	4,3	26	139,6	5,1	8	140,5	3,0
<zm'	7	130,5	6,0	27	128,9	5,1	8	130,4	4,5
32	7	82,1	5,7	24	77,6	4,2	8	78,5	5,2
72	7	87,7	2,7	24	89,9	3,7	8	89,8	3,3
74	7	74,7	5,5	24	77,9	7,1	8	76,5	6,4
75-1	7	31,4	5,8	22	31,2	5,2	8	21,6	4,8

Таблица 6. Элементы главных компонент (ГК) для разнополых суммарных серий черепов из могильников Кривой Луки

Table 6. Elements of the main components (MC) for heterosexual total series of skulls from the cemeteries of Krivaya Luka

№ по Мартину и др.	Мужчины				Женщины			
	I ГК	II ГК	III ГК	IV ГК	I ГК	II ГК	III ГК	IV ГК
8:1	-0.252	0.507	-0.145	0.170	0.331	0.230	0.474	-0.312
OPB	0.907	0.002	-0.221	-0.186	-0.669	0.493	-0.021	0.472
M2	0.668	0.283	-0.356	-0.180	-0.430	0.622	0.160	0.452
M3	0.896	0.060	-0.212	-0.135	-0.656	0.498	0.024	0.381
УПИЛ	0.134	0.533	0.643	-0.091	-0.023	0.244	0.610	-0.498
28:27	0.529	-0.200	0.232	-0.261	-0.310	-0.136	-0.180	-0.308
45	0.600	0.499	0.113	-0.164	-0.511	0.095	0.444	0.038
48	0.706	-0.369	0.372	-0.038	-0.483	-0.219	-0.096	0.245
54:55	-0.364	0.447	-0.483	-0.122	0.024	0.450	-0.577	-0.110
52:51	-0.116	-0.493	0.607	-0.025	-0.362	-0.387	-0.046	-0.458
MS:MC	0.199	0.184	-0.018	0.820	0.800	0.362	-0.089	0.003
DS:DC	0.168	0.298	-0.150	0.764	0.821	0.400	-0.075	0.115
SS:SC	0.361	0.254	0.259	0.509	0.806	0.091	-0.006	0.257
FC	-0.177	0.485	0.247	-0.147	0.360	0.469	0.380	0.229
77	-0.159	0.567	0.440	-0.315	0.127	0.411	0.145	-0.619
<zm	-0.292	0.505	0.247	-0.298	-0.156	0.356	0.651	-0.200
72	0.039	-0.135	0.258	0.279	0.136	-0.541	0.562	0.386
74	0.013	-0.253	0.526	0.274	0.203	-0.646	0.481	0.394
75-1	0.223	0.620	0.230	0.126	0.822	-0.060	-0.051	0.316
Собственные числа	3.828	2.959	2.263	2.128	4.764	2.948	2.350	2.255
% дисперсии	20.148	15.575	11.911	11.201	25.074	15.514	12.369	11.869

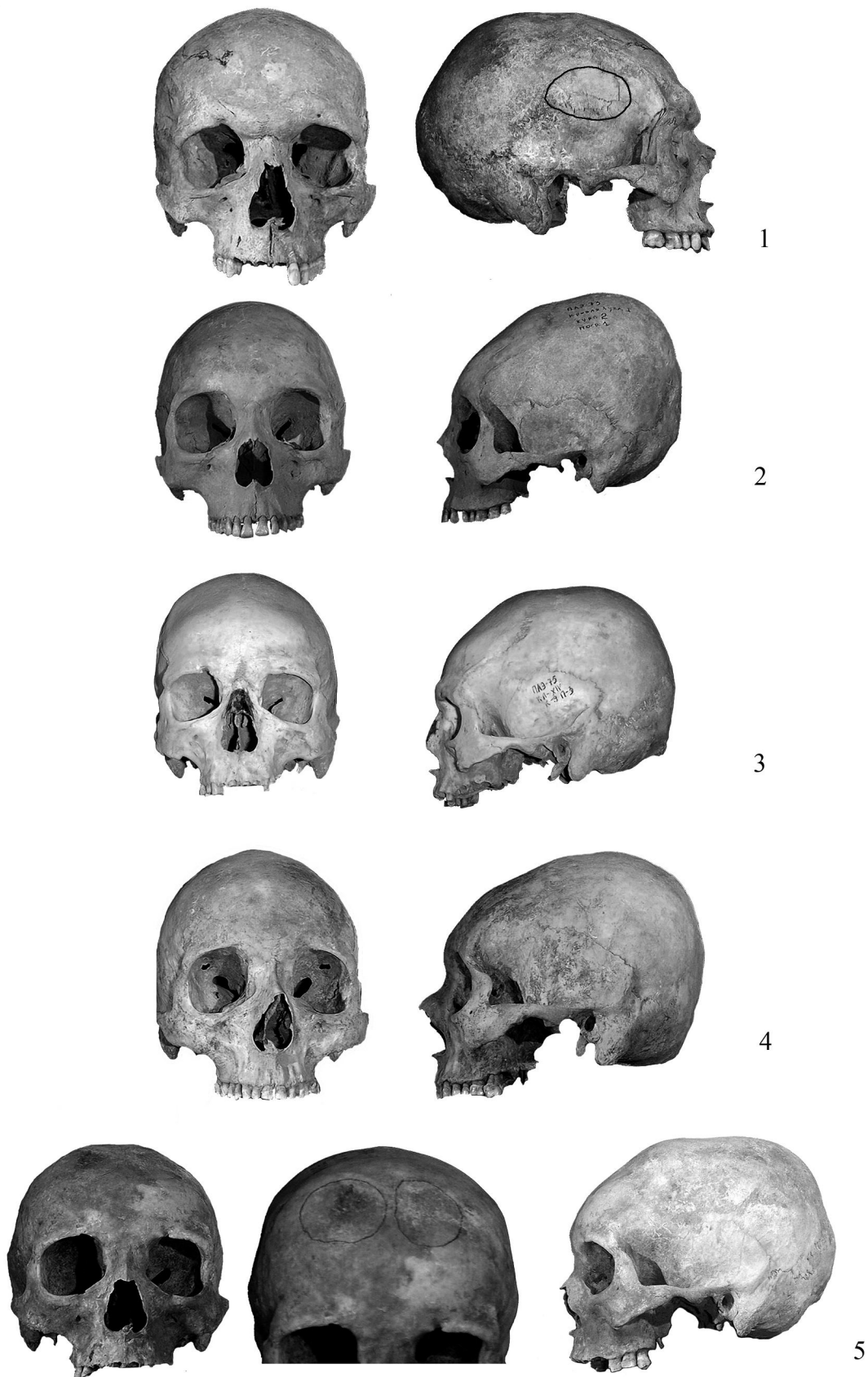

Рис. 1. Краниологические типы населения савроматского и позднесарматского времени из курганных групп Кривой Луки:

1 – длинноголовый европеоидный комплекс на мужском черепе (18–20 лет) из погребения 3 кургана 1 группы XXXV (савроматское время); 2 – смешанный европеоидно-монголоидный комплекс и следы преднамеренной искусственной деформации головы на женском черепе (25–35 лет) из погребения 1 кургана 2 группы I (позднесарматское время); 3 – массивный длинноголовый тип и следы искусственной деформации на черепе мужчины (старше 50 лет) из погребения 3 кургана 9 группы XIV (позднесарматское время); 4 – субрахичранный комплекс с возможной монголоидной примесью и следами искусственной деформации на черепе мужчины (старше 50 лет) из погребения 1 кургана 16 группы XVI (позднесарматское время); 5 – субрахичранный комплекс с возможной монголоидной примесью и следами искусственной деформации на черепе женщины (45–55 лет) из погребения 1 кургана 39 группы XVII (позднесарматское время)

Fig. 1. Craniological types of the population of the Sauromat and Late Sarmatian times from the kurgan groups of Krivaya Luka:

1 – a long-headed Caucasian complex on a male skull (18–20 years old) from burial 3 of kurgan 1 of group XXXV (Sauromatian time); 2 – a mixed Caucasian-Mongoloid complex and traces of deliberate artificial head deformation on a female skull (25–35 years old) from burial 1 of kurgan 2 of group I (late Sarmatian time); 3 – massive long-headed type and traces of artificial deformation on the skull of a man (age 50) from burial 3 of kurgan 9 of group XIV (Late Sarmatian time); 4 – subrachicranial complex with a possible Mongoloid admixture and traces of artificial deformation on the skull of a man (age 50) from burial 1 of kurgan 16 of group XVI (late Sarmatian time); 5 – subrachicranial complex with a possible Mongoloid admixture and traces of artificial deformation on the skull of a woman (45–55 years old) from burial 1 of kurgan 39, group XVII (late Sarmatian time)

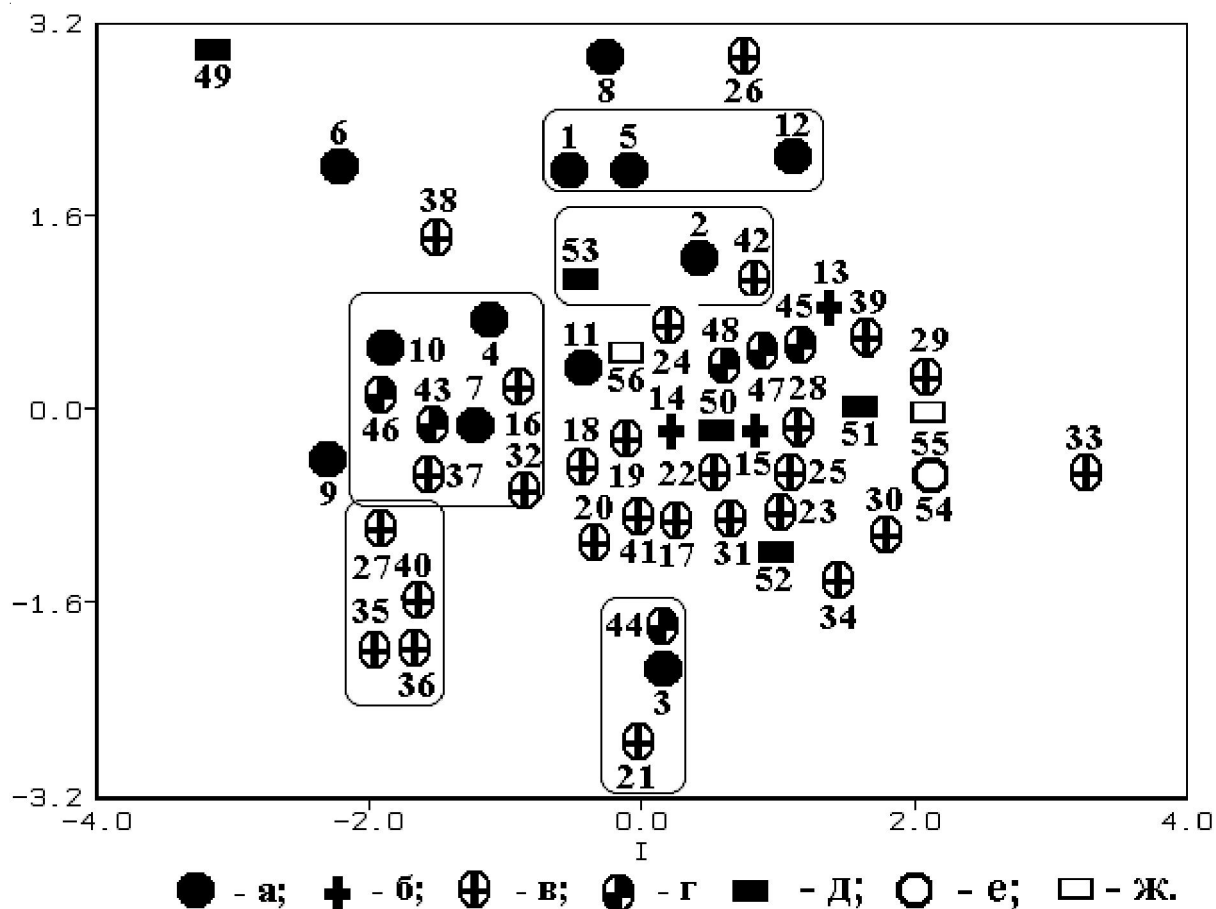

Рис. 2. Результат неметрического многомерного шкалирования и кластерного анализа матрицы внутригрупповых корреляций мужской суммарной серии из могильников Кривой Луки:

- а* – черепа из погребений раннесарматского времени (II–I вв. до н.э.);
- б* – черепа из погребений среднесарматского времени;
- в* – черепа из погребений позднесарматского времени (с искусственной деформацией);
- г* – черепа из погребений позднесарматского времени (без следов деформации);
- д* – черепа из погребений савроматского времени;
- е* – черепа из погребений раннесарматского времени (IV–III вв. до н.э.);
- ж* – черепа из погребений предсавроматского времени.

Черепа из погребений раннесарматского времени (II–I вв. до н.э.): 1 – I-1/1, костяк 1; 2 – I-1/1, костяк 2; 3 – II-2/8; 4 – III-1/26, костяк 1; 5 – III-1/28, костяк 1; 6 – III-1, костяк 2; 7 – VIII-5/2, костяк 1; 8 – VIII-5/7; 9 – XIV-16/1; 10 – XVI-1/33; 11 – XXVIII-1/6; 12 – XXVIII-1/20.

Черепа из погребений среднесарматского времени: 13 – XVI-11/1; 14 – XVII-25/3; 15 – XXII-1/2.

Черепа из погребений позднесарматского времени (со следами искусственной деформации): 16 – I-7/1; 17 – I-10/1; 18 – VI-3/1; 19 – VI-4/1; 20 – VI-10/1; 21 – VI-18/1; 22 – IX-5/2; 23 – XIV-9/3; 24 – XIV-10/1; 25 – XIV-14/1; 26 – XVI-1/1; 27 – XVI-12/1; 28 – 13/1; 29 – XVI-16/1; 30 – XVI-17/1; 31 – XVII-7/1; 32 – XVII-КМ (?); 33 – XVII-9/1; 34 – XVII-13/1; 35 – 14/1; 36 – XVII-17/1; 37 – XVII-20/1; 38 – XVII-22/1; 39 – XVII-41/1; 40 – XVII-44/1; 41 – XVII-45/1; 42 – XVII-50/1.

Черепа из погребений позднесарматского времени (без деформации): 43 – I-5/1; 44 – VI-13/1; 45 – XIV-11/1; 46 – XVI-9/1; 47 – XVI-19/1; 48 – VII-2/1.

Черепа из погребений савроматского времени: 49 – XVII-19/2; 50 – XXXV-1/13; 51 – XXXV-1/3; 52 – III-1/5; 53 – XXVIII-1/18.

Черепа из погребений раннесарматского времени (IV–III вв. до н.э.): 54 – XV-2/8.

Черепа из погребений предсавроматского времени: 55 – XXVIII-1/22; 56 – II-1/7

Fig. 2. Result of non-metric multidimensional scaling and cluster analysis of the matrix of intragroup correlations of the male summary series from the cemeteries of Krivaya Luka:

- a* – skulls from burials of the early Sarmatian period (II-I centuries BC);
- b* – skulls from burials of the Middle Sarmatian period;
- c* – skulls from burials of the Late Sarmatian period (with artificial deformation);
- d* – skulls from burials of the late Sarmatian period (without traces of deformation);
- e* – skulls from burials of the Sauromat time;
- f* – skulls from burials of the early Sarmatian period (IV-III centuries BC);
- g* – skulls from burials of the pre-Sauromatian time.

Skulls from burials of the Early Sarmatian period (II-I centuries BC): 1 – I-1/1, bone 1; 2 – I-1/1, cost 2; 3 – II-2/8; 4 – III-1/26, cost. 1; 5 – III-1/28, cost 1; 6 – III-1, cost 2; 7 – VIII-5/2, cost 1; 8 – VIII-5/7; 9 – XIV-16/1; 10 – XVI-1/33; 11 – XXVIII-1/6; 12 – XXVIII-1/20.

Skulls from burials of the Middle Sarmatian period: 13 – XVI-11/1; 14 – XVII-25/3; 15 – XXII-1/2.

Skulls from burials of the Late Sarmatian period (with traces of artificial deformation): 16 – I-7/1; 17 – I-10/1; 18 – VI-3/1; 19 – VI-4/1; 20 – VI-10/1; 21 – VI-18/1; 22 – IX-5/2; 23 – XIV-9/3; 24 – XIV-10/1; 25 – XIV-14/1; 26 – XVI-1/1; 27 – XVI-12/1; 28 – 13/1; 29 – XVI-16/1; 30 – XVI-17/1; 31 – XVII-7/1; 32 – XVII-KM (?); 33 – XVII-9/1; 34 – XVII-13/1; 35 – 14/1; 36 – XVII-17/1; 37 – XVII-20/1; 38 – XVII-22/1; 39 – XVII-41/1; 40 – XVII-44/1; 41 – XVII-45/1; 42 – XVII-50/1.

Skulls from burials of the Late Sarmatian period (without deformation): 43 – I-5/1; 44 – VI-13/1; 45 – XIV-11/1; 46 – XVI-9/1; 47 – XVI-19/1; 48 – VII-2/1.

Skulls from burials of the Sauromatian time: 49 – XVII-19/2; 50 – XXXV-1/13; 51 – XXXV-1/3; 52 – III-1/5; 53 – XXVIII-1/18.

Skulls from burials of the Early Sarmatian time (IV-III centuries BC): 54 – XV-2/8.

Skulls from burials of the pre-Sauromatian period: 55 – XXVIII-1/22; 56 – II-1/7

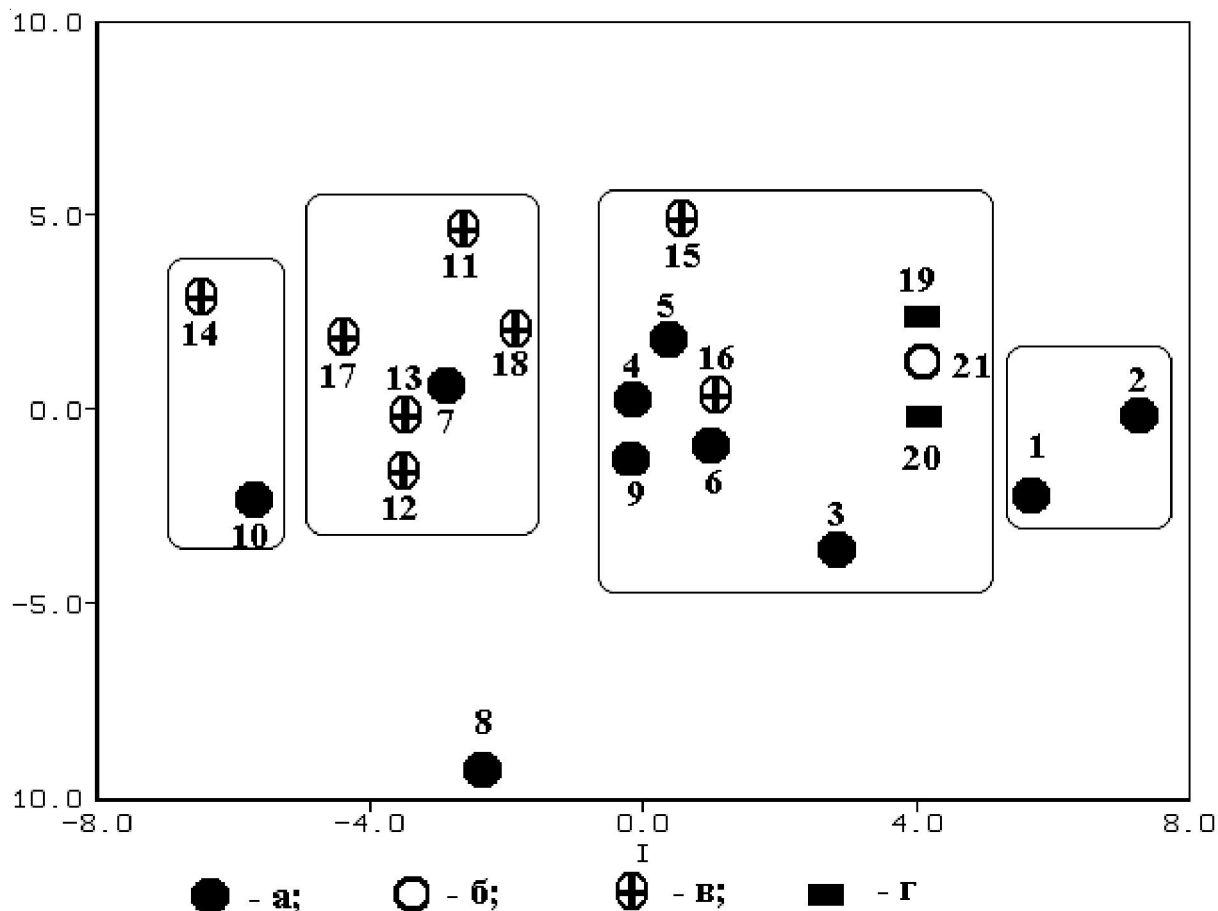

Рис. 3. Результат неметрического многомерного шкалирования и кластерного анализа матрицы внутригрупповых корреляций мужской суммарной серии из могильников Кривой Луки:

- a* – черепа из погребений раннесарматского времени (II–I вв. до н.э.);
- b* – черепа из погребений раннесарматского времени (IV–III вв. до н.э.);
- c* – черепа из погребений позднесарматского времени (с искусственной деформацией);
- d* – черепа из погребений савроматского времени.

Черепа из погребений раннесарматского времени (II–I вв. до н.э.): 1 – IV-1/10; 2 – VI-1/15; 3 – VIII-2/14; 4 – VIII-4/4; 5 – IX-2/15; 6 – XII-1/6; 7 – II-1/4; 8 – II-2/2; 9 – IX-2/10; 10 – XVI-1/30.

Черепа из погребений позднесарматского времени (со следами искусственной деформации): 11 – I-2/1; 12 – I-9/1; 13 – XVII-8/1; 14 – XVII-12/1; 15 – XVII-30/1; 16 – XVII-32/1; 17 – XVII-39/1; 18 – XVII-42.

Черепа из погребений савроматского времени: 19 – XXI-4/2; 20 – XXI-1/6.

Черепа из погребений раннесарматского времени (IV–III вв. до н.э.): 21 – XVI-10/2

Fig. 3. Result of non-metric multidimensional scaling and cluster analysis of the matrix of intragroup correlations of the female summary series from the cemeteries of Krivaya Luka:

- a* – skulls from burials of the early Sarmatian period (II–I centuries BC);
- b* – skulls from burials of the early Sarmatian period (IV–III centuries BC);
- c* – skulls from burials of the Late Sarmatian period (with artificial deformation);
- d* – skulls from burials of the Sauromatian time.

Skulls from burials of the early Sarmatian period (II–I centuries BC): 1 – IV-1/10; 2 – VI-1/15; 3 – VIII-2/14; 4 – VIII-4/4; 5 – IX-2/15; 6 – XII-1/6; 7 – II-1/4; 8 – II-2/2; 9 – IX-2/10; 10 – XVI-1/30.

Skulls from burials of the Late Sarmatian period (with traces of artificial deformation): 11 – I-2/1; 12 – I-9/1; 13 – XVII-8/1; 14 – XVII-12/1; 15 – XVII-30/1; 16 – XVII-32/1; 17 – XVII-39/1; 18 – XVII-42.

Skulls from burials of the Sauromatian period: 19 – XXI-4/2; 20 – XXI-1/6.

Skulls from burials of the Early Sarmatian period (IV–III centuries BC): 21 – XVI-10/2

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниметрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука. 127 с.
- Балабанова М. А., 1998. Методика палеоантропологических исследований : учеб.-метод. пособие. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 80 с.
- Балабанова М. А., 1999. Антропология сарматских погребальных памятников Нижнего Поволжья IV–III вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 54–72.
- Балабанова М. А., 2000. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М. : Наука. 133 с.
- Балабанова М. А., 2005. Антропология населения Восточно-европейских степей в предкифское время // II Городцовские чтения : материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Труды ГИМ. Вып. 145. М. : ГИМ. С. 156–170.
- Балабанова М. А., 2007. Половозрастная структура и краниология населения второй половины II – IV веков нашей эры (по материалам могильников Астраханского Правобережья) // Вестник антропологии. Научный альманах. Вып. 15, ч. II. С. 314–325.
- Балабанова М. А., 2013. Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железа и раннего средневековья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 65 с.
- Беневоленская Ю. Д., 1980. Мировое распределение затылочного указателя // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л. : Наука. С. 70–90.
- Дворниченко В. В., Демиденко С. В., 2017. Погребения савроматского времени из курганной группы Кривая Лука XI // Краткие сообщения института археологии. Вып. 249, ч. 1. С. 187–201.
- Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1977. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука // Древности Астраханского края. Труды Поволжской археологической экспедиции. Вып. 4. М. : Наука. 194 с.
- Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1989. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М. : Наука. С. 5–13.
- Дерябин В. Е., 1983. Многомерная биометрия для антропологов. М. : Изд-во МГУ. 227 с.
- Дерябин В. Е., 1998. О методиках многомерного таксономического анализа в антропологии // Вестник антропологии. Научный альманах. Вып. 4. С. 30–68.
- Казарницкий А. А., 2010. Краниология населения лолинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (12). С. 132–140.
- Казарницкий А. А., 2012. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб. : Наука. 264 с.
- Казарницкий А. А., 2013а. Краниология населения бабинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (21). С. 70–78.
- Казарницкий А. А., 2013б. Краниология носителей посткатакомбных культур // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы : материалы темат. науч. конф. СПб. : Скифия-принт. С. 54–60.
- Казарницкий А. А., 2020. Миграции посткатакомбного населения: возможности реконструкции по краниологическим данным // *Stratum plus*. № 2. С. 275–289.
- Круглов Е. В., 2001. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк : Изд-во ДонНУ. С. 395–446.
- Мимоход Р. А., 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ. С. 70–74.
- Мимоход Р. А., 2014. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской к Волго-Донской бабинской культуре // Краткие сообщения института археологии. Вып. 232. С. 100–119.
- Мимоход Р. А., 2019. Теория оптимального кризиса: экология и адаптация // Природа. № 1. С. 43–49.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1984. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. Кемерово : Изд-во КемГУ. С. 80–94.

- Федоров-Давыдов Г. А., Дворниченко В. В., Паромов Я. М., 1979. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства I очереди Калмыцко-Астраханской рисовой оросительной системы в Черноярском р-не Астраханской обл. в 1979 г. // Архив Астраханского Историко-архитектурного музея-заповедника.
- Хохлов А. А., Мимоход Р. А., 2008. Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // Вестник антропологии. Вып. 16. С. 44–70.
- Шевченко А. В., 1980. Палеоантропология Северо-Западного Прикаспия в эпоху бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва. 23 с.
- Шевченко А. В., 1986. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л. : Наука. С. 121–215.
- Яблонский Л. Т., 1980. Население средневековых городов Поволжья (по материалам мусульманских могильников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 28 с.
- Яблонский Л. Т., 2002. Антропологические данные к этногенезу народов Поволжья (по материалам Поволжской экспедиции) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. С. 24–46.

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry: Technique of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ. 127 p.
- Balabanova M. A., 1998. *Metodika paleoantropologicheskikh issledovaniy: Uchebno-metodicheskoye posobiye* [Methodology of paleoanthropological research: Manual]. Volgograd, VolSU. 80 p.
- Balabanova M.A., 1999. Antropologiya sarmatskih pogrebal'nyh pamyatnikov Nizhnego Povolzh'ya IV-III vv. do n.e. [The Anthropological Analysis of the Lower Volga Sarmatian Materials Dating of the IV-III BC]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 2, pp. 54-72.
- Balabanova M.A., 2000. *Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priuralya i Nizhnego Povolzhya. Ranniy zheleznyy vek* [Anthropology of the Ancient Population of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Early Iron Age]. Moscow, Nauka Publ. 133 p.
- Balabanova M.A., 2005. Antropologiya naseleniya Vostochno-evropeyskikh stepey v predskifskoe vremya [Anthropology of the Population of the East European Steppes in the Pre-Scythian Time]. *II Gorodtsovskie chteniya. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu deyatel'nosti V.A. Gorodtsova v GIM. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya* [II Gorodtsovskie Readings. Materials of the Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov at the State Historical Museum. Proceedings of the State Historical Museum], iss. 145. Moscow, SHM, pp. 156-170.
- Balabanova M.A., 2007. Polovozrastnaya struktura i kranologiya naseleniya vtoroy poloviny II–IV vekov nashey ery (po materialam mogil'nikov Astrahanskogo Pravoberezh'ya) [Age-Sex Structure and Craniology of the Population in the Second Half of the 2nd - 4th Centuries AD (Based on Materials from the Cemeteries of the Astrakhan Right Bank)]. *Vestnik antropologii. Nauchnyy al'manah* [Herald of Anthropology. Scientific Almanac], iss. 15 (II), pp. 314-325.
- Balabanova M.A., 2013. *Pozdnesarmatskoe naselenie Nizhnego Povolzh'ya i sopredel'nyh territoriy v antropologicheskoy kontekste rannego zheleza i rannego srednevekov'ya: avtoref. dis. ... doc. ist. nauk* [Late Sarmatian Population of the Lower Volga Region and Adjacent Territories in the Anthropological Context of the Early Iron and Early Middle Ages. Doc. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 65 p.
- Benevolenskaya Yu.D., 1980. Mirovye raspredelenie zatylochno-temennogo ukazatelya [World Distribution of the Occipital-Parietal Index]. *Sovremennye problemy i novye metody v antropologii* [Modern Problems and New Methods in Anthropology]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 70-90.
- Dvornichenko V.V., Demidenko S.V., 2017. Pogrebeniya savromatskogo vremeni iz kurgannoy gruppy Krivaya Luka XI [Sauromatian Sites from the Krivaya Luka XI Kurgan Group]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 249 (1), pp. 187-201.
- Dvornichenko V.V., Malinovskaya N.V., Fedorov-Davydov G.A., 1977. Raskopki kurganov v urochishche Krivaya Luka [Excavations of Kurgans in the Urochische Krivaya Luka]. *Drevnosti Asrahanskogo kraya. Trudy Povolzhskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Antiquities of the Astrakhan Region. Proceedings of the Volga Archaeological Expedition], iss. 4. Moscow, Nauka Publ. 194 p.

- Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A., 1989. Pamyatniki sarmatskoy aristokratii v Nizhnem Povolzh'e [Monuments of the Sarmatian Aristocracy in the Lower Volga Region]. *Sokrovishcha sarmatskih vozhd'ey i drevnie goroda Povolzh'ya* [Treasures of the Sarmatian Leaders and Ancient Cities of the Volga Region]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-13.
- Deryabin V.E., 1983. *Mnogomernaya biometriya dlya antropologov* [Multidimensional Biometrics for Anthropologists]. Moscow, MSU. 227p.
- Deryabin V.E., 1998. O metodikah mnogomernogo taksonomicheskogo analiza v antropologii [On the Methods of Multidimensional Taxonomic Analysis in Anthropology]. *Vestnik antropologii. Nauchnyy al'manah* [Herald of Anthropology. Scientific Almanac], iss. 4, pp. 30-68.
- Kazarnitskiy A.A., 2010. Kraniologiya naseleniya lolinskoy kul'tury [Craniology with Population of the Lolino Culture]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], no. 1 (12), pp. 132-140.
- Kazarnitskiy A.A., 2012. *Naselenie azovo-kaspiyskih stepey v epohu bronzy (antropologicheskii ocherk)* [Population of the Azov-Caspian Steppes in the Bronze Age (Anthropological Essay)]. Saint-Petersburg, Nauka Publ. 264 p.
- Kazarnitskiy A.A., 2013a. Kraniologiya naseleniya babinskoy kul'tury [Craniology with Population of the Babino Culture]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], no. 2 (21), pp. 70-78.
- Kazarnitskiy A.A., 2013b. Kraniologiya nositeley postkatakombnykh kul'tur [Craniology of the Carriers of Post-Catacomb Cultures]. *Problemy periodizatsii i hronologii v arheologii epohi rannego metalla Vostochnoy Evropy. Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii* [Problems of Periodization and Chronology in the Archaeology of the Early Metal Era of Eastern Europe. Materials of the Thematic Scientific Conference]. Saint-Petersburg, Skifiya-print Publ., pp. 54-60.
- Kazarnitskiy A.A., 2020. Migratsii postkatakombnogo naseleniya: vozmozhnosti rekonstruktsii po kraniologicheskim dannym [Migration of the Post-Catacomb Population: Possibilities for Reconstruction by Craniological Data]. *Stratum plus*, no. 2, pp. 275-289.
- Kruglov E.V., 2001. Pogrebal'nyy obryad oguzov Severnogo Prikaspiya 2-y poloviny IX - 1-y poloviny XI v. [Funeral Rite of the Oguzes of the Northern Caspian Region of the 2nd half of the 9th - 1st half of the 11th century]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazarian Time], vol. 2. Donetsk, DNU, pp. 395-446.
- Mimokhod R.A., 2005. Blok postkatakombnykh kul'turnykh obrazovaniy (postanovka problemy) [Bloc of Post-Catacomb Cultural Communities (Problem Posing)]. *Problemy doslidzhennya pamyatok arheologin Skhidnon Ukraini* [Research Problems of the Archaeological Sites of the Eastern Ukraine]. Lugansk, pp. 70-74.
- Mimokhod R.A., 2014. Postkatakombnyy period v Nizhnem Povolzh'e: ot krivoluk'skoy k Volgo-Donskoy babinskoy kul'ture [Post-catacomb Period in the Lower Volga Region: from the Krivaya Luka Cultural Group to the Volga-Don Babino Culture]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 232, pp. 100-119.
- Mimokhod R.A., 2019. Teoriya optimal'nogo krizisa: ekologiya i adaptatsiya [Theory of Optimum Crisis: Ecology and Adaptation]. *Priroda* [Nature], no. 1, pp. 43-49.
- Fedorov-Davydov G.A., 1984. Pogrebeniya hazarskogo vremeni iz urochishcha «Krivaya Luka» v Nizhnem Povolzh'e [Burials of the Khazarian Period from the Krivaya Luka Tract in the Lower Volga Region]. *Problemy arheologii stepey Evrazii. Sovetsko-vengerskiy sbornik* [Problems of Archaeology of the Eurasian Steppes. Soviet-Hungarian Collection]. Kemerovo, KSU, pp. 80-94.
- Fedorov-Davydov G.A., Dvornichenko V.V., Paromov Ya.M., 1979. Otchet o raskopkah kurganov v zone stroitel'stva I ocheredi Kalmycko-Astrahanskoy risovoy orositel'noy sistemy v Chernoyarskom r-ne Astrahanskoy obl. v 1979 g. *Arhiv Astrakhan Historical and Architectural Museum-Reserve*.
- Khohlov A.A., Mimokhod R.A., 2008. Kraniologiya naseleniya stepnogo Predkavkaz'ya i Povolzh'ya v postkatakombnoe vremya [Craniology of the Population of Steppe Caucasus and Volga Region Post-Catacomb Period]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], iss. 16, pp. 44-70.
- Shevchenko A.V., 1980. *Paleoantropologiya Severo-Zapadnogo Prikaspiya v epohu bronzy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Paleoanthropology of the North-Western Caspian Sea in the Bronze Age. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 23 p.

- Shevchenko A.V., 1986. Antropologiya naseleniya yuzhnorusskikh stepey v epohu bronzy [Anthropology of the Population of the Southern Russian Steppes in the Bronze Age]. *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya Evropeyskoy chasti SSSR* [Anthropology of the Modern and Ancient Population of the European Part of the USSR]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 121-215.
- Yablonsky L.T., 1980. Naselenie srednevekovykh gorodov Povolzh'ya (po materialam musul'manskih mogil'nikov): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Population of medieval cities of the Volga region (based on the materials of Muslim burial grounds). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 28p.
- Yablonskiy L.T., 2002. Antropologicheskie dannye k etnogenezu narodov Povolzh'ya (po materialam Povolzhskoy ekspeditsii) [Anthropological Data on the Ethnogenesis of Peoples Inhabiting the Volga Area (On the Materials Obtained by the Povolzhskaya Expedition)]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 5, pp. 24-46.

Information About the Author

Mariya A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and Foreign History and Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Информация об авторе

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.3>

UDC 903'11634I
LBC 63.442.14(2)-413

Submitted: 25.07.2020
Accepted: 24.11.2020

CHEEK-PIECES WITH ZOOMORPHIC IMAGES OF THE SAMARA-URAL REGION NOMADS IN THE VI–IV CENTURIES BC ¹

Vladimir N. Myshkin

Samara State Social and Pedagogical University, Samara, Russian Federation

Abstract. The article illustrates a study of cheek-pieces with zoomorphic images used by the nomads of the Samara-Ural region at the end of the VI–IV centuries BC. A review of 79 cheek-pieces is presented, as well as their characteristics. As a result of the excavations, two chronological groups of such horse gear are identified. The date of the early group refers to the second half of the VI–V centuries BC. It is characterized by rod-like straight and arcuate curved bronze, iron, bimetallic double-hole bit shank with zoomorphic ends. The most common endings are decorated with realistic sculptural images of the heads of birds of prey / griffins, wolves and horses. Combinations of the heads of a predatory animal and a bird of prey, a predatory animal and a horse, a camel and a horse, as well as the head of a bird of prey and a hoof are rare images. The late group refers to the period of the end of the V–IV centuries BC. This group is characterized by the following cheek-pieces: S-shaped with endings shaped as horse hooves; L-shaped with curved endings shaped as a horse's hoof or an open-work plate, which is a stylized image of a bird's paw, the claws of which are transformed into the heads of birds or animals. A significant difference between these two groups is stated and based on their composition, motives (plots) of images and their stylistics. The mapping of the findings allowed to record the concentration of the most numerous groups of cheek-pieces (straight lines with endings in the form of the heads of birds of prey / griffins, wolves, horses, and S-shaped bit shanks with endings in the form of horse hooves) on the territory of the steppes, adjoining the western slopes of the Ural Mountains. These are mainly steppes in the basin of the middle and lower reaches of the river Ilek.

Key words: Early Iron Age, Samara-Ural region, nomads, Scythian time, horse equipment, bit shanks, zoomorphic images, chronology, localization.

Citation. Myshkin V.N., 2020. Psalii s zoomorfnyimi izobrazheniyami u kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona v VI–IV vv. do n.e. [Cheek-Pieces with Zoomorphic Images of the Samara-Ural Region Nomads in the VI–IV Centuries BC]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 56-73. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.3>

УДК 903'11634I
ББК 63.442.14(2)-413

Дата поступления статьи: 25.07.2020
Дата принятия статьи: 24.11.2020

ПСАЛИИ С ЗООМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ У КОЧЕВНИКОВ САМАРО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В VI–IV ВВ. ДО Н.Э.¹

Владимир Николаевич Мышкин

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию псалиев с зооморфными изображениями, использовавшихся кочевниками Самаро-Уральского региона в конце VI – IV в. до н.э. Представлен обзор 79 псалиев, приведена их характеристика. Вся совокупность этих принадлежностей конской амуниции разделена на две хронологические группы. Дата ранней группы приходится на конец VI – V в. до н.э. Для нее характерны стержневидные прямые и дуговидно изогнутые бронзовые, железные, биметаллические двудырчатые псалии с зооморфными окончаниями. Наиболее распространены окончания, украшенные реалистично выполненными скульптурными изображениями голов хищной птицы / грифона, волков и лошадей. Редкими встречаются сочетания изображений голов хищного животного и хищной птицы, хищного животного и коня, верблюда и коня, а также головы хищной птицы и копыта. Дата поздней группы – конец V – IV в. до н.э. Для поздней группы характерны псалии: S-видные с окончаниями в виде конских копыт; Г-образные, у одного

загнутое окончание оформлено в виде копыта коня или ажурной пластины, представляющей собой стилизованное изображение лапы птицы, когти которой трансформированы в головы птиц или зверей. Констатируется значительное различие этих групп, выражающееся в их составе, мотивах (сюжетах) изображений и их стилистике. Картографирование находок позволило зафиксировать концентрацию наиболее многочисленных групп псалиев (прямых с окончаниями в виде голов хищных птиц / грифонов, волков, лошадей, а также S-видных псалиев с окончаниями в виде конских копыт) на территории степей, прилегающих к западным склонам Уральских гор. Это в основном степи в бассейне среднего и нижнего течения р. Илек.

Ключевые слова: ранний железный век, Самаро-Уральский регион, кочевники, скифское время, конское снаряжение, псалии, зооморфные изображения, хронология, локализация.

Цитирование. Мышкин В. Н., 2020. Псалии с зооморфными изображениями у кочевников Самаро-Уральского региона в VI–IV вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 56–73. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.3>

Введение

Псалии, украшенные зооморфными изображениями, являются характерной деталью конской амуниции у кочевников Самаро-Уральского региона. Мотивы и стилистика изображений отражают специфику культурных традиций кочевого населения и их трансформаций, а также направление и характер связей с окружающими культурами. Поэтому псалии являются объектом постоянного внимания специалистов, исследовавших различные аспекты их появления и бытования у скотоводческих сообществ, населявших южно-уральские степи.

В 1961 г. К.Ф. Смирнов опубликовал типологию псалиев из кочевнических курганов VI–IV вв., раскопанных в Поволжье и Южном Приуралье. В типологическую схему автором были включены и экземпляры с зооморфным оформлением. Это два Г-образных псалия из кургана 2 Мечетсайского могильника, отнесенные к третьему варианту типа I, три S-видных псалия из Акбулакского кургана, которые заканчиваются плоскими расширениями, имитирующими, вероятно, конские копыта и рассматриваемые как особый вариант типа II, один S-видный псалий из кургана 8 урочища Бис-Оба у пос. Благословенский варианта 2 типа III. Пять прямых стержневых псалиев с окончаниями в виде головок животных (лошадей) из курганов 3 и 5 у пос. Матвеевский, кургана 3 группы Алебастрова гора у пос. Нежинский, а также грифонов из кургана у хут. Черниговского выделены исследователем в тип V. Еще один костяной прямой стержневидный псалий, случайно найденный у с. Абрамовка Оренбургской

области, предположительно был связан с ранними кочевниками Южного Приуралья и отнесен к типу VI [Смирнов, 1961, с. 84–87]. Таким образом, в распоряжении К.Ф. Смирнова на период разработки типологии имелось 12 псалиев с зооморфными оформлениями. Постепенное увеличение числа находок этой категории привело к появлению модифицированной типологии псалиев, бытовавших у кочевников, в том числе населявших Южное Приуралье в скифское время [Берлизов, 2011, с. 102–104].

Кроме того, псалии с зооморфным оформлением входят в число предметов, которые использовались для выделения периодов в развитии культуры кочевников Южного Приуралья. Так, особенностью хронологического периода, приходящегося на вторую половину VI – V в. до н.э., являются уздечные наборы, в которые входили стержневидные двудырчатые псалии с зооморфными окончаниями, и прежде всего – в виде головок хищных птиц [Таиров, 2004, с. 3, рис. 6; Очир-Горяева, 2012, ил. 285, с. 263, 271]. Следующий прохоровский период, датированный концом V – IV в. до н.э. [Таиров, 2004, с. 3, рис. 4–11; Берлизов, 2011, с. 186–187; Очир-Горяева, 2012, с. 271], по мнению исследователей, характеризуют псалии стержневидные прямые, стержневидные с зооморфными окончаниями в виде головы лошади или хищника, а также Г-образные с окончаниями в виде зооморфных ажурных пластин [Таиров, 2004, рис. 6; Васильев, 2004, с. 153–158, 169; Очир-Горяева, 2012, с. 263, 269–271, ил. 285].

Так, в число предметов, характерных для периода, приходящегося на вторую половину VI – третью четверть V в. до н.э., включены прямые и изогнутые (С- и S-видные) псалии с

зооморфными окончаниями [Таиров, 2004, рис. 6; 2009, с. 144; Берлизов, 2011, с. 183–184; Очир-Горяева, 2012, с. 259–271]. Раннепрохоровский период, временные рамки которого располагаются в пределах последней четверти V – IV в. до н.э. [Таиров, 2004, рис. 6; 2009, с. 144; Берлизов, 2011, с. 187; Очир-Горяева, 2012, с. 271], характеризуют псалии: прямые стержневидные с окончаниями в виде головы лошади или хищника, прямые с окончаниями в виде ажурных пластин [Таиров, 2004, рис. 6; Васильев, 2004, с. 153–158; Очир-Горяева, 2012, с. 269–270].

Значительное увеличение количества таких предметов конской сбруи в результате раскопок, осуществлявшихся на протяжении последних двух десятилетий, делает возможным и необходимым вновь обратиться к исследованию этой категории находок.

Цель данной статьи – представить максимально полный обзор псалиев с зооморфным оформлением из кочевнических курганов VI–IV вв. до н.э., исследованных на территории Самаро-Уральского региона и опубликованных к настоящему времени (дата наиболее поздней публикации – 2017 г.). Кроме того, предполагается изложить результаты исследования состава и характеристик этих предметов в различные периоды истории кочевников, особенности их пространственной локализации в пределах Самаро-Уральского региона.

В зависимости от формы стержня в профильной (боковой) проекции стержневидные двудырчатые псалии распределены по трем группам, которые можно обозначить как Г-образные, S- и С-видные. Всего учтено 76 псалиев и 5 зооморфных окончаний этих предметов.

Обзор находок псалиев с зооморфным оформлением

Г-образные псалии

1. Псалии (рис. 1,1) в виде прямого стержня, одно из окончаний которого загнуто, изгиб плавный, окончания украшены зооморфными изображениями. По предположению К.Ф. Смирнова, нижние окончания представляют собой конские копыта, верхние – головы какого-то животного. Два таких экземпля-

ра обнаружены в погребении 2 кургана 2 могильника Мечет-Сай. Погребение датировано концом VI – началом V в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 84, рис. 45,5].

2. Псалии (рис. 1,2–3) литые бронзовые в виде прямого стержня, одно из окончаний которого резко загнуто и украшено изображением копыта коня. Второе окончание у двух псалиев отрублено в древности. Один псалий найден в паре с S-видным, поэтому не исключено, что одно из его окончаний также было отрублено. Поверхность окончаний двух экземпляров покрыта ромбическими выемками, стержень третьего украшают валики. Учтено три таких псалия. Они представлены в наборах конского снаряжения из жертвенного комплекса 1 в кургане 4 и погребения 3 кургана 16 могильника Филипповка I [Яблонский, 2013, с. 67, 175, № 35, 2143–2146]. Курганы датированы временем в пределах между рубежом V–IV вв. до н.э. и третьей четвертью IV в. до н.э. [Трейстер, Яблонский, 2012, с. 284].

3. Псалии (рис. 1,4–5) в виде прямого стержня, одно из окончаний которого загнуто и представляет собой ажурную пластину. Пластина располагается под углом к продольной оси стержня и плоскостью развернута перпендикулярно ей. Пластины оформлены в виде зооморфной пальметки – стилизованной лапы птицы, когти которой трансформированы: в одном случае в головы птиц, в другом – в шеи и головы зверей [Канторович, Яблонский, 2009, с. 81]. Четыре таких псалия найдены в поле кургана 3 могильника Филипповка I. Курган датирован началом IV в. до н.э. [Пшеничнюк, 2012, с. 32, 87, рис. 56,4–5]. Предложена также дата, не исключающая середину – вторую половину IV в. до н.э. [Канторович, Яблонский, 2009, с. 84].

4. Бронзовый стержневидный двудырчатый псалий (рис. 1,6), одно окончание которого выполнено в виде плоской пластины, расположенной под прямым углом к стержню, второе – в виде скульптурного изображения головы животного, лошади – как полагал А.Х. Пшеничнюк [Пшеничнюк, 1995, с. 81, рис. 11,14]. М.А. Очир-Горяева рассматривает это изображение как голову лося [Очир-Горяева, 2012, с. 289]. Псалий найден в скоплении принадлежностей конской амуниции на

уровне древней поверхности в кургане 10 могильника Переволочан I [Пшеничнюк, 1995, с. 81, рис. 11,14].

S-видные псалии

1. Железный псалий, найденный в кургане 15 могильника Филипповка I [Балахванцев, Яблонский, 2007, рис. 6,7], имеет вид стержня, окончания которого слабо изогнуты в противоположные стороны. Длина отогнутых окончаний незначительная, они имеют утолщения, которые, возможно, представляют собой корродированные зооморфные изображения (рис. 1,7). Курган датирован временем в пределах между рубежом V–IV вв. до н.э. и третьей четвертью IV в. до н.э. [Трейстер, Яблонский, 2012, с. 284].

2. Металлические двудырчатые псалии, окончания которых резко (в месте изгиба стержня псалия образуется угол около 45°) загнуты в противоположные стороны. Длина загнутых окончаний равна или иногда больше длины стержня псалия от места изгиба до его центральной части. На некоторых экземплярах имеются кольцевые валикообразные утолщения, распределенные по всему стержню либо только в пределах наконечников. Окончания украшены зооморфными изображениями, которые чаще всего интерпретируются исследователями как конские копыта.

В виде таких изображений оформлены бронзовые наконечники, надетые на окончания некоторых экземпляров, изготовленных из железа (рис. 1,8–12). По предположению А.Х. Пшеничнюка, по крайней мере на некоторых экземплярах это могло быть изображение конских фаллосов [Пшеничнюк, 2012, с. 40]. Учтено восемь таких псалиев. Три из них найдены в кургане начала IV в. до н.э. у хут. Веселый I близ с. Ак-Булак [Смирнов, 1961, рис. 47,5; 1964, с. 58]. Еще несколько находок сделаны при исследовании могильника Филипповка I. Два псалия (рис. 1,11–12) входили в состав жертвенного комплекса 1 в кургане 2 этого могильника [Яблонский, 2013, с. 61, № 14–15], один экземпляр происходит из жертвенного комплекса 1 в кургане 4 [Яблонский, 2013, с. 67, № 34], еще два (рис. 1,8,10) обнаружены в погребении кургана 6 [Пшеничнюк, 2012, рис. 86,1]. Эти комплексы датиро-

ваны временем между рубежом V–IV вв. до н.э. и третьей четвертью IV в. до н.э. [Трейстер, Яблонский, 2012, с. 284; Пшеничнюк, 2012, с. 87].

C-видные псалии

1. Металлические двудырчатые псалии, стержни которых дуговидно изогнуты в одну сторону, а на обоих окончаниях имеются зооморфные изображения. К их числу можно отнести 4 псалия, три из которых (рис. 1,13–15) обнаружены в кургане 6 могильника Таксай I, датированном концом VI – началом V в. до н.э. [Лукпанова, 2014, с. 156, рис. 3,2; 6,2–3]. Еще один, вероятно, такой псалий² (рис. 1,16) происходит из кургана второй половины VI в. до н.э., раскопанного у с. Варна [Таиров, Боталов, 1988, с. 107, рис. 5,8].

2. Металлические двудырчатые псалии, стержни которых дуговидно изогнуты в одну сторону, а на одном из окончаний имеется зооморфное изображение. В рассматриваемой выборке такие псалии представлены двумя находками (рис. 1,17–18). Одна из них происходит из кургана 8 могильника Бис-Оба у пос. Благодословенского. К.Ф. Смирнов полагал, что одно окончание этого псалия украшено изображением морды лошади, а второе, уплощенное, оформлено в виде копыта коня. Курган датирован V в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 85, рис. 48,2; 1964, с. 59]. Если трактовка изображения на одном окончании как головы животного (но не обязательно лошади) не вызывает возражений, то с наличием какого-то изображения, в том числе конского копыта, на втором – сложно согласиться, так как предполагаемое изображение в рельефе никак не выражено. Второй такой псалий (рис. 1,17) найден в кургане у с. Варна, отнесенном ко второй половине VI в. до н.э. [Таиров, Боталов, 1988, с. 107, рис. 5,9].

Прямые стержневидные псалии

1. Костяной двудырчатый псалий в виде слегка изогнутого стержня, одно из окончаний которого украшено резным стилизованным изображением головы животного (рис. 1,19), случайно найден у с. Абрамовка Оренбургской губернии. находка датирована второй поло-

виной VI в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 87, рис. 48,8–9; Смирнов, Петренко, 1963, с. 15, табл. 16,26].

2. Металлические двудырчатые псалии (9 экз.), окончания которых украшены скульптурными изображениями головы коня. Головы коней повернуты в одну сторону и расположены под углом (45–90°) к продольной оси псалия (рис. 2,1–9). Они входили в состав уздечных наборов в курганах 3 и 5 группы у пос. Матвеевский (рис. 2,6–7). Эти памятники датированы соответственно IV в. до н.э. и началом V в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 86, рис. 48,6; 1964, рис. 34,4б; Смирнов, Петренко, 1963, с. 16]. Два экземпляра (рис. 2,1–2) найдены в кургане 3 группы Алебастрова гора у пос. Нежинский, отнесенном к рубежу V–IV вв. до н.э. [Смирнов, 1964, с. 59–60, рис. 40,1в]. Такие же псалии (рис. 2,3–5) обнаружены в кургане 16 могильника Кырык-Оба II, курганах 1 и 5 могильника Илекшар I, датированных первой половиной V в. до н.э. [Гуцалов, 2007, с. 89, рис. 12,II,1, 16,III,3; 2009а, с. 75, рис. 3,7]. Еще два экземпляра (рис. 2,8–9) происходят из погребения коня в кургане 9 могильника Лебедевка II. Время сооружения данного памятника приходится, по мнению автора публикации, на период с конца VI в. до н.э. до середины V в. до н.э. [Гуцалов, 2009б, с. 311–312, рис. 7,5].

3. Металлические псалии в виде прямых или слегка изогнутых стержней, окончания которых украшены скульптурными изображениями головы волка. Изображения волчьих голов продольной осью расположены по продольной оси псалия. К их числу уверенно можно отнести один бронзовый экземпляр (рис. 2,10) из кургана 15 могильника Кырык-Оба II. Вероятно, такую же форму имели пять биметаллических псалиев (рис. 2,11–15) из этого же кургана, имевших железные стержни и бронзовые окончания [Гуцалов, 2010, рис. 3,5–6,10–11,14–15], и два (рис. 1,16–17) – из кургана 6 могильника Пятимары I [Смирнов, 1964, с. 51, рис. 29,4а]. Курган 15 могильника Кырык-Оба II датирован временем в пределах конца VI – середины V в. до н.э. [Гуцалов, 2010, с. 64], курган 6 могильника Пятимары I – началом V в. до н.э. [Смирнов, 1975, с. 22, 28].

4. Металлические псалии в виде прямых или слегка изогнутых стержней, окончания

которых украшены скульптурными изображениями голов хищных птиц или грифонов (рис. 3,1–21). Всего учтено 27 экземпляров. Такие псалии обнаружены в погребении 1 кургана 1 могильника Акоба II [Моргунова, Краева, 2012, с. 166–167, рис. 9,5], кургане 5 Аландского III могильника [Мошкова, 1972, с. 61, рис. 5,4], погребении 3 кургана 1 могильника Березки I [Мышкин и др., 2000, с. 72; Мышкин, 2014, с. 308], кургане 4 могильника Бесоба [Кадырбаев, 1984, рис. 1,23; Кузнецова, Курманкулов, 1993, с. 48, рис. 4,9], на межкурганном пространстве могильника Кичигино I [Таиров, Ульянов, 2010, с. 210, рис. 1,4–5], в курганах 12, 15, 16, 17 могильника Кырык-Оба II [Гуцалов, 2011, с. 84–90, рис. 3,1–2,6–7, 5,2, 7,1,4,8,10], кургане 3 могильника Маровый Шлях, кургане 1 могильника Солончанка II [Таиров, 2006, с. 84, рис. 5,2, 8,3], погребении 1 кургана 4 могильника Сара [Федоров, Васильев, 2017, с. 54, рис. 3,1], кургане 6 могильника Таксай I [Лукпанова, 2014, рис. 5,3–4, 7,2, 8,2–3]. По аналогии с вышеперечисленными находками можно предположить, что обломок псалия из кургана у хут. Черниговского, раскопанного в 1888 г., имел два отверстия, а не три, как полагал К.Ф. Смирнов [Смирнов, 1961, с. 86, 88, рис. 49,4]. Судя по предложенным в публикациях датам, время использования кочевниками Самаро-Уральского региона псалиев с окончаниями в виде голов хищных птиц (грифонов) приходится на конец VI – V в. до н.э. и преимущественно на конец VI – первую половину V в. до н.э. [Мышкин, 2014, с. 312].

5. Металлические двудырчатые псалии в виде прямых стержней, выполненных в виде двух голов хищных птиц, обращенных клювами в разные стороны. Утолщения вокруг отверстий псалиев оформлены как собственно головы птиц (кружочками переданы глаза), а стержни, начиная от отверстий, как клювы (рис. 3,22–23). Два таких бронзовых псалия обнаружены в слое погребенной почвы кургана 3 могильника Переволочан II. Предварительно они датированы V в. до н.э. [Сиротин, 2015, с. 247, 251, рис. 1,2].

6. Металлические двудырчатые псалии, одно окончание которых представляет собой скульптурное изображение головы хищного животного, второе – головы хищной птицы /

грифона. Изображения расположены под углом к продольной оси стержня псалия (рис. 4,1–2). Псалии найдены в поле кургана 12 могильника Кырык-Оба II, датированного концом VI – первой половиной V в. до н.э. [Гуцалов, 2011, с. 84, 93, рис. 3,1–2].

7. Металлический двудырчатый псалий, одно окончание которого оформлено в виде головы хищного животного, второе – головы лошади (рис. 4,3). Этот псалий найден в кургане 5 могильника Илекшар I, отнесенном к первой половине V в. до н.э. [Гуцалов, 2007, с. 86, 89, рис. 16,III,2].

8. Металлические двудырчатые псалии (4 экз.), одно окончание которых представляет собой скульптурное изображение головы лошади, другое – головы верблюда. Изображения расположены под углом к продольной оси стержня. Учтенные псалии отлиты из бронзы (рис. 4,4–6). Они обнаружены в кургане 3 могильника Бесоба (рис. 4,4–5), датированном концом VI – V в. до н.э. [Мамедов, 2011, с. 200–203, рис. 2,5–6], и в кургане 1 могильника Илекшар I (рис. 4,6), дата которого, по мнению С.Ю. Гуцалова, приходится на конец VI – первую половину V в. до н.э. [Гуцалов, 2009а, с. 75, рис. 3,6].

9. Металлический двудырчатый псалий, на одном окончании которого помещено изображение головы хищной птицы, а на другом – изображение копыта (рис. 4,7), обнаружен в кургане 1 могильника Солончанка II, датированном концом VI – началом V в. до н.э. [Тайров, 2006, с. 89–90, рис. 8,2].

10. Металлический (бронзовый) двудырчатый псалий в виде слегка изогнутого стержня, выполненного в форме рыбы. Одна часть от отверстия для крепления к узде до окончания оформлена как голова и передняя часть туловища рыбы с передним спинным и грудным плавниками, вторая – как задняя часть туловища и хвост с задним спинным, брюшным и хвостовым плавниками (рис. 4,8). Псалий найден в юго-восточном секторе на уровне материка в кургане 4 могильника Переволочан II. В настоящее время для Южного Приуралья это уникальная находка [Сиротин, 2015, с. 247, рис. 1,3].

11. Металлический двудырчатый псалий в виде слегка изогнутого стержня с тремя выступами в средней части и крестовидным

бронзовым ограничителем, через который продето железное кольцо. Окончания псалия украшены зооморфными изображениями: одно – протомой фантастического существа, сочетающего черты хищника, похожего на волка, но снабженного рогом и ногой, завершающейся копытом, другое – протомой травоядного животного (рис. 4,9). Псалий найден в 100 м к юго-западу от кургана 1 могильника Филипповка I [Яблонский, 2013, с. 223, № 3130]. Этот курган датирован самым началом IV в. до н.э. [Пшеничнюк, 2012, с. 87] и второй половиной V – первой половиной IV в. до н.э. [Трейстер и др., 2012, с. 85].

Наконечники псалиев

Следует отметить отдельные сохранившиеся детали псалиев, которые невозможно отнести к какой-либо группе или типу по причине фрагментарности этих находок.

1. В кургане 1 могильника Филипповка I были найдены железные псалии, форму которых не удалось проследить из-за плохой сохранности. От них остались только четыре окончания (рис. 4,11), обложенные золотой фольгой. Окончания представляли собой изображение головы грифона [Пшеничнюк, 2012, с. 71, рис. 30,2]. Судя по стилистике изображений, эти псалии входили в комплекс конского снаряжения иранского происхождения [Трейстер, 2012, с. 117].

2. Еще два бронзовых фрагмента псалия (рис. 4,10) найдены в составе комплекса конского снаряжения при исследовании южной половины кургана 3 могильника Филипповка I. Наконечники псалия представляют собой стержни с валикообразными утолщениями. Один из них заканчивается скульптурным схематичным изображением головы хищного животного (пантеры?). Голова расположена под прямым углом к продольной оси стержня псалия [Пшеничнюк, 2012, с. 32, рис. 57,10].

Хронологические группы

В соответствии с принятыми в настоящее время датами псалии с зооморфным оформлением можно разделить на две хронологические группы. Время использования кочевниками псалиев одной (ранней) группы прихо-

дится на вторую половину VI – V в. до н.э., другой (поздней) – на конец V – IV в. до н.э. Следует констатировать наличие существенных различий между этими двумя группами, которые проявляются в номенклатуре характерных для каждой группы псалиев, а также мотивах и стилистике зооморфных изображений, украшавших данные предметы. Существует и некоторое сходство двух групп, которое определяется наличием в них небольшого количества однотипных псалиев с зооморфными изображениями.

Первая группа (вторая половина VI – V в. до н.э.). Ее характеризуют и отличают стержневидные металлические (бронзовые, железные, биметаллические) двудырчатые псалии с зооморфными окончаниями (рис. 1,13–16, 2,3–5,7–17, 3,1–21, 4,1–7). Стержни прямые, слегка изогнутые или дуговидно изогнутые (S-видные). Окончания украшены реалистично выполненными скульптурными изображениями голов хищной птицы / грифона (это наиболее распространенный мотив), а также волков и лошадей (рис. 2,3–5,7–17, 3,1–21). Следует отметить устойчивость традиций изготовления таких псалиев. Более редкими являются сочетания изображений голов хищного животного и хищной птицы, хищного животного и коня, верблюда и коня, а также головы хищной птицы и копыта (рис. 4,1–7). Единичными экземплярами представлены костяные и металлические псалии в виде прямого или изогнутого стержня, у которых зооморфным изображением украшено только одно окончание (рис. 1,17–19), а также Г-образные экземпляры с изображением копыта на одном окончании и, вероятно, головы животного – на другом (рис. 1,1).

Вторая группа (конец V – IV в. до н.э.) в количественном отношении значительно меньше первой (ранней). Для поздней группы характерны S-видные псалии с окончаниями в виде конских копыт (рис. 1,8–12). Эту группу отличают также Г-образные экземпляры, у которых только один, загнутый, конец оформлен в виде копыта коня (рис. 1,2–3) или ажурной пластины, представляющей собой стилизованное изображение лапы птицы, когти которой трансформированы в головы птиц или зверей (рис. 1,4–5). Эту группу отличают также единичные находки: Г-образный псалий,

одно прямое окончание которого украшено изображением лося или коня (рис. 1,6), S-видный псалий со слабоизогнутым стержнем и окончаниями, украшенными, как предполагают, зооморфными изображениями (рис. 1,7); псалий в виде слегка изогнутого стержня с тремя выступами в средней части и крестовидным бронзовым ограничителем, через который продето железное кольцо, и окончаниями, одно из которых имеет вид протомы фантастического существа, сочетающего черты хищника, похожего на волка, но снабженного рогом и ногой, завершающейся копытом, а другое – протомы травоядного животного (рис. 4,9). В эту же группу входят наконечники псалия, один из которых выполнен в виде схематично переданной головы хищного животного (пантеры?), расположенной под прямым углом к стержню (рис. 4,10). В это же время, судя по предложенным датам, продолжают использоваться прямые псалии с окончаниями в виде голов лошадей (рис. 2,1–2,6). Зооморфные изображения на псалиях этой группы отличает схематичность, они зачастую плоскостные.

Территориальное распределение

Картографирование наиболее многочисленных групп псалиев с зооморфным оформлением: прямых с окончаниями в виде голов хищной птицы / грифона (27 экз.), волков (8 экз.) и лошадей (9 экз.), а также S-видных с окончаниями в виде конских копыт (8 экз.), – позволило получить следующую картину их распределения в пределах Самаро-Уральского региона.

Во второй половине VI – V в. до н.э., судя по анализируемой выборке, прямые псалии с окончаниями в виде головы хищной птицы / грифона (рис. 1,1–21) встречаются по всей степной территории Южного Приуралья. Отдельные экземпляры найдены в низовьях р. Самара. При этом следует отметить концентрацию таких псалиев в степях нижнего течения р. Илек (рис. 5). Прямые псалии с окончаниями в виде скульптурных изображений голов лошадей (рис. 2,3–5,7–9) встречаются как в западных, так и в восточных районах южноприуральских степей. Однако большая часть находок сделана в курганах, раскопан-

ных на территории, прилегающей к западным склонам Уральских гор, в низовьях Илека и в районе слияния рек Урал и Сакмара (рис. 5). Прямые псалии с окончаниями в виде скульптурных изображений голов волков рассматриваемой в статье выборки (рис. 2, 10–17) найдены только в памятниках среднего и нижнего течения Илека (рис. 5).

Характерные для второй группы (конец V – IV в. до н.э.) S-видные псалии с окончаниями в виде конских копыт (рис. 1, 8–12) также происходят из памятников, расположенных в степях среднего и нижнего течения Илека, то есть в западных районах южноуральских степей (рис. 5).

Заключение

1. Выборка псалиев с зооморфным оформлением, происходящих из курганов Самаро-Уральского региона VI–IV вв. до н.э., включает в себя 79 экземпляров. Зооморфными изображениями украшены псалии всех основных форм: Г-образной, С- и S-видной, прямой стержневидной. Изображения размещены, как правило, на окончаниях псалиев. В отдельных случаях весь стержень псалия представляет собой зооморфное изображение. Основные мотивы (сюжеты): головы хищных птиц / грифонов, лошадей и волков, конские копыта (или фаллические изображения). Реже встречаются изображения голов верблюдов, пантер, птичьих лап, рыб, лосей, фантастических существ, сочетающих черты хищника и травоядного животного. Как правило, на окончаниях изображены головы одного и того же вида животных. Найдены псалии, на окончаниях которых сочетаются изображения головы хищника и хищной птицы, хищника и коня, верблюда и коня, головы хищной птицы и конского копыта.

2. Псалии с зооморфным оформлением разделяются на две хронологические группы. Дата ранней группы приходится на вторую половину VI – V в. до н.э., поздней – на конец V – IV в. до н.э. Можно констатировать наличие существенных различий между этими двумя группами. Они проявляются в номенклатуре псалиев, характерных для каждой группы, мотивах и стилистике изображений на этих предметах. Определенное сходство двух групп проявляется в наличии некоторого количества однотипных псалиев в обеих группах (в частности, прямых стержневидных с окончаниями в виде головы коня).

3. Картографирование показало концентрацию псалиев с окончаниями в виде голов хищной птицы / грифона, волков и лошадей, а также S-видных с окончаниями в виде конских копыт в памятниках, расположенных в бассейне среднего и нижнего течения р. Илек, то есть на территории, прилегающей к западным склонам Уральских гор.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00137 «Культурные и морфогенетические связи на контактных территориях Поволжско-Казахстанских степей в период поздней бронзы и раннего железа».

This work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00137 “Contacts and relationships of the population of the Ural-Volga and Kazakhstan steppes during the Late Bronze Age and Early Iron Age”.

² Псалий деформирован, и авторы публикации интерпретируют его как Г-образный [Таиров, Боталов, 1988, с. 105]. Этот псалий найден в паре с С-видным экземпляром. Поэтому более вероятной представляется именно такая первоначальная форма рассматриваемой находки.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

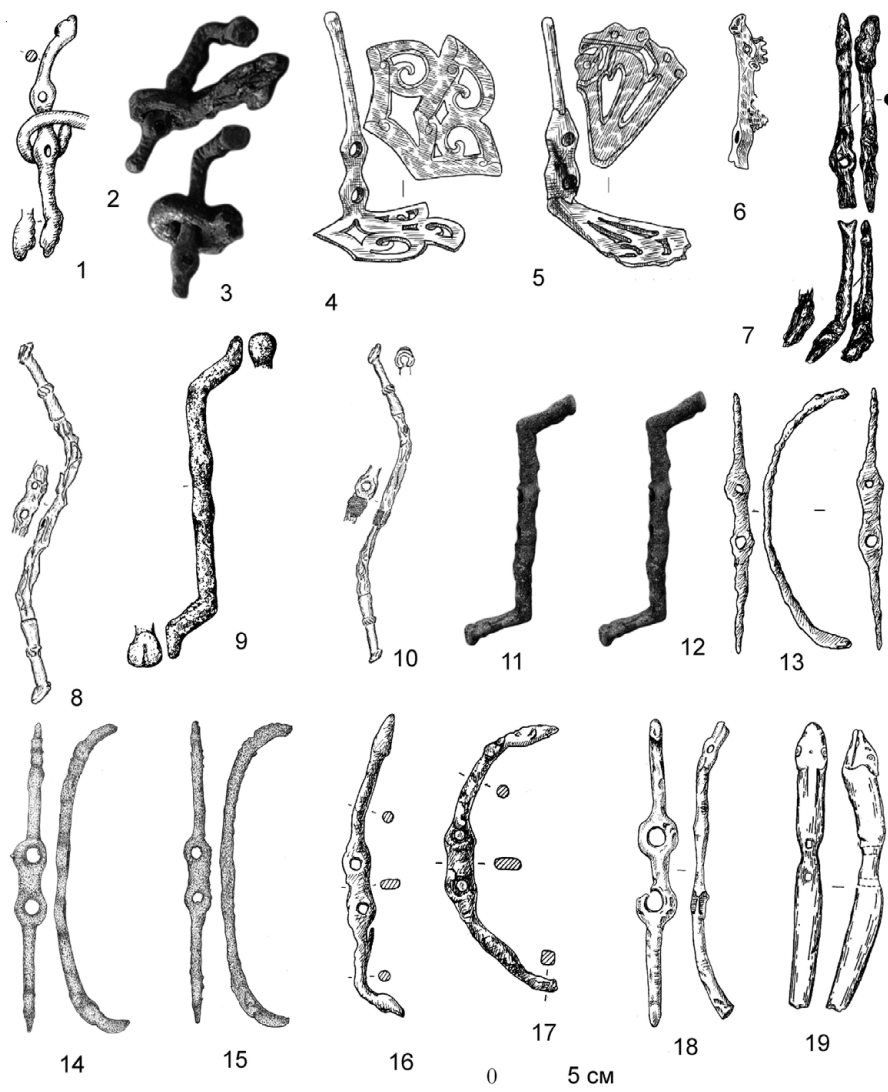

Рис. 1. Псалии с зооморфными окончаниями:

1 – Мечет-Сай, кург. 2, погр. 2 (по: [Смирнов, 1961, рис. 45,5]); 2–3 – Филипповка I, кург. 16, погр. 3 (по: [Яблонский, 2013, № 2143–2146]); 4–5 – Филипповка I, кург. 3 (по: [Пшеничнюк, 2012, рис. 56,4–5]); 6 – Переволочан I, кург. 10 (по: [Пшеничнюк, 1995, рис. 11,4]); 7 – Филипповка I, кург. 15, погр. 1 (по: [Балахванцев, Яблонский, 2007, рис. 6,7]); 8, 10 – Филипповка I, кург. 6 (по: [Пшеничнюк, 2012, рис. 86,2–3]); 9 – хут. Веселый I, с. Ак-Булак (по: [Смирнов, 1961, рис. 47,5–6]); 11–12 – Филипповка I, кург. 2, жертв. комплекс 1 (по: [Яблонский, 2013, № 14–15]); 13–15 – Таксай I, кург. 6 (по: [Лукпанова, 2014, рис. 3,2, 6,3–4]); 16–17 – кург. у с. Варна (по: [Таиров, Боталов, 1988, рис. 5,8]); 18 – Бис-Оба, пос. Благословенский, кург. 8 (по: [Смирнов, 1961, рис. 48,2]); 19 – Абрамовка, случайная находка (по: [Смирнов, 1961, рис. 48,9]).
1, 7, 9 – железо; 2–6, 11–15 – бронза; 8, 10, 16–18 – железо, бронза; 19 – кость

Fig. 1. Check-pieces with zoomorphic endings:

1 – Mechet-Sai, kurgan 2, burial 2 (after: [Smirnov, 1961, fig. 45,5]); 2–3 – Filippovka I, kurgan 16, burial 3 (after: [Yablonskiy, 2013, no. 2143–2146]); 4–5 – Filippovka I, kurgan 3 (after: [Pshenichnyuk, 2012, fig. 56,4–5]); 6 – Perevolochan I, kurgan 10 (after: [Pshenichnyuk, 1995, fig. 11,4]); 7 – Filippovka I, kurgan 15, burial 1 (after: [Balakhvantsev, Yablonskiy, 2007, fig. 6,7]); 8, 10 – Filippovka I, kurgan 6 (after: [Pshenichnyuk, 2012, fig. 86,2–3]); 9 – Veselyy I (Ak-Bulak) (after: [Smirnov, 1961, fig. 47,5–6]); 11–12 – Filippovka I, kurgan 2, sacrificial complex 1 (after: [Yablonskiy, 2013, no. 14–15]); 13–15 – Taksai I, kurgan 6 (after: [Lukpanova, 2014, fig. 3,2, 6,3–4]); 16–17 – kurgan near Varna (after: [Tairov, Botalov, fig. 5,8]); 18 – Bis-Oba, Blagoslovensky, kurgan 8 (after: [Smirnov, 1961, fig. 48,2]); 19 – Abramovka, an accidental find (after: [Smirnov, 1961, fig. 48,9]).
1, 7, 9 – iron; 2–6, 11–15 – bronze; 8, 10, 16–18 – iron, bronze; 19 – bone

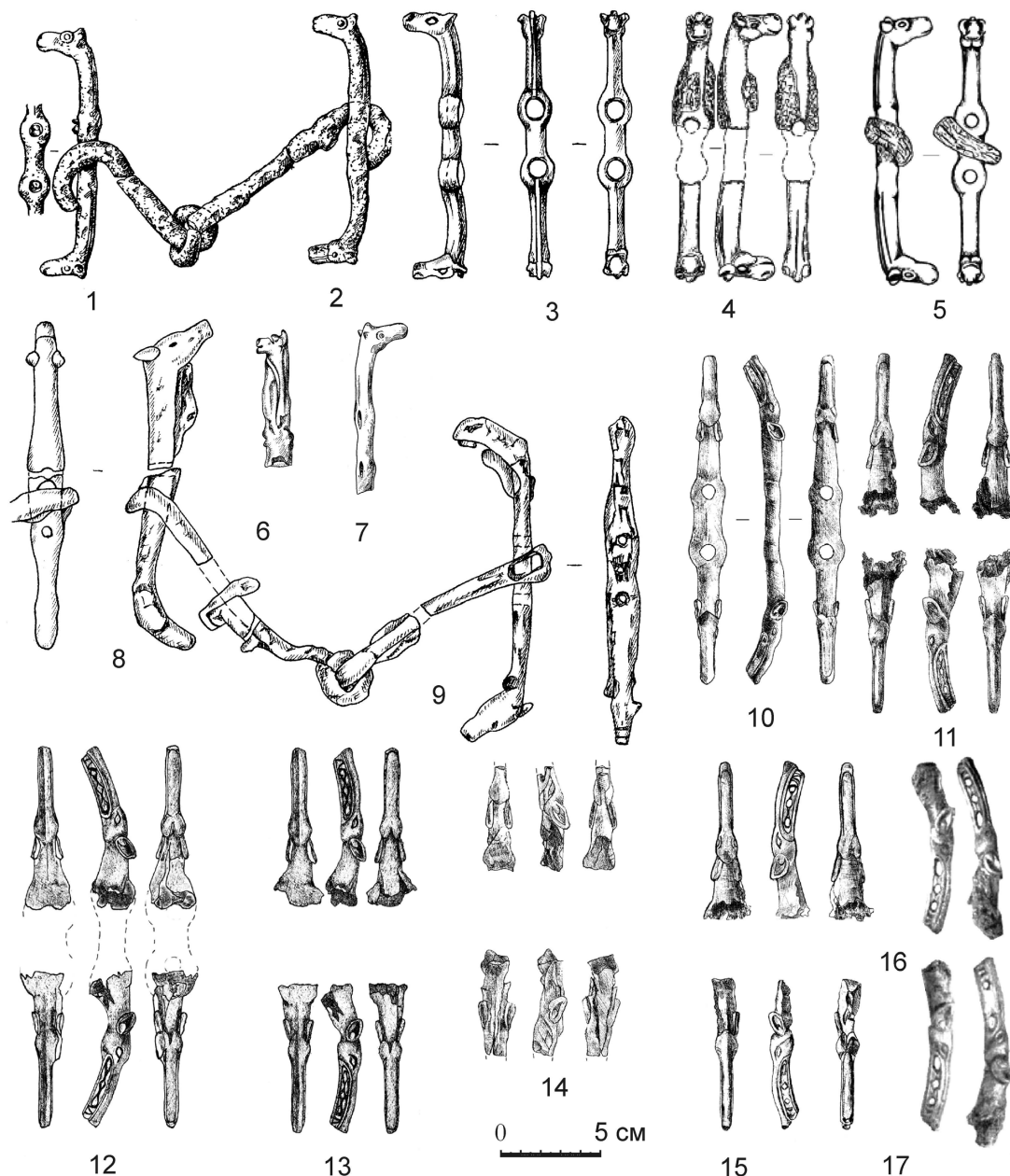

Рис. 2. Псалии с окончаниями в виде голов коней и волков:

1–2 – Алебастрова гора, кург. 3 (по: [Смирнов, 1961, рис. 48,7]); 3 – Кырык-Оба II, кург. 16 (по: [Гуцалов, 2007, рис. 12,II,1]); 4 – Илекшар I, кург. 1 (по: [Гуцалов, 2009а, рис. 3,7]); 5 – Илекшар I, кург. 5 (по: [Гуцалов, 2007, рис. 16,III,3]); 6 – Матвеевский, кург. 3 (по: [Смирнов, 1961, рис. 48,6]); 7 – Матвеевский, кург. 5 (по: [Смирнов, 1964, рис. 34,4б]); 8–9 – Лебедевка II, кург. 9 (по: [Гуцалов, 2009б, рис. 7,5]); 10–15 – Кырык-Оба II, кург. 15 (по: [Гуцалов, 2010, рис. 3,5–6,10–11,14–15]); 16–17 – Пятимары I, кург. 6, погр. коня (по: [Смирнов, 1964, рис. 29,4а]). 6, 8–9 – железо; 1–5, 7, 10–11 – бронза, 12–17 – бронза и железо

Fig. 2. Cheeks with endings in the form of the heads of horses and wolves:

1–2 – Alebastrova Gora, kurgan 3 (after: [Smirnov, 1961, fig. 48,7]); 3 – Kyryk-Oba II, kurgan 16 (after: [Gutsalov, 2007, fig. 12,II,1]); 4 – Ilekshar I, kurgan 1 (after: [Gutsalov, 2009a, fig. 3,7]); 5 – Ilekshar I, kurgan 5 (after: [Gutsalov, 2007, fig. 16,III,3]); 6 – Matveevsky, kurgan 3 (after: [Smirnov, 1961, fig. 48,6]); 7 – Matveevsky, kurgan 5 (after: [Smirnov, 1964, fig. 34,4b]); 8–9 – Lebedyovka II, kurgan 9 (after: [Gutsalov, 2009b, fig. 7,5]); 10–15 – Kyryk-Oba II, kurgan 15 (after: [Gutsalov, 2010, fig. 3,5–6,10–11,14–15]); 16–17 – Pyatimary I, kurgan 6, horse burial (after: [Smirnov, 1964, fig. 29,4a]). 6, 8–9 – iron; 1–5, 7, 10–11 – bronze, 12–17 – bronze and iron

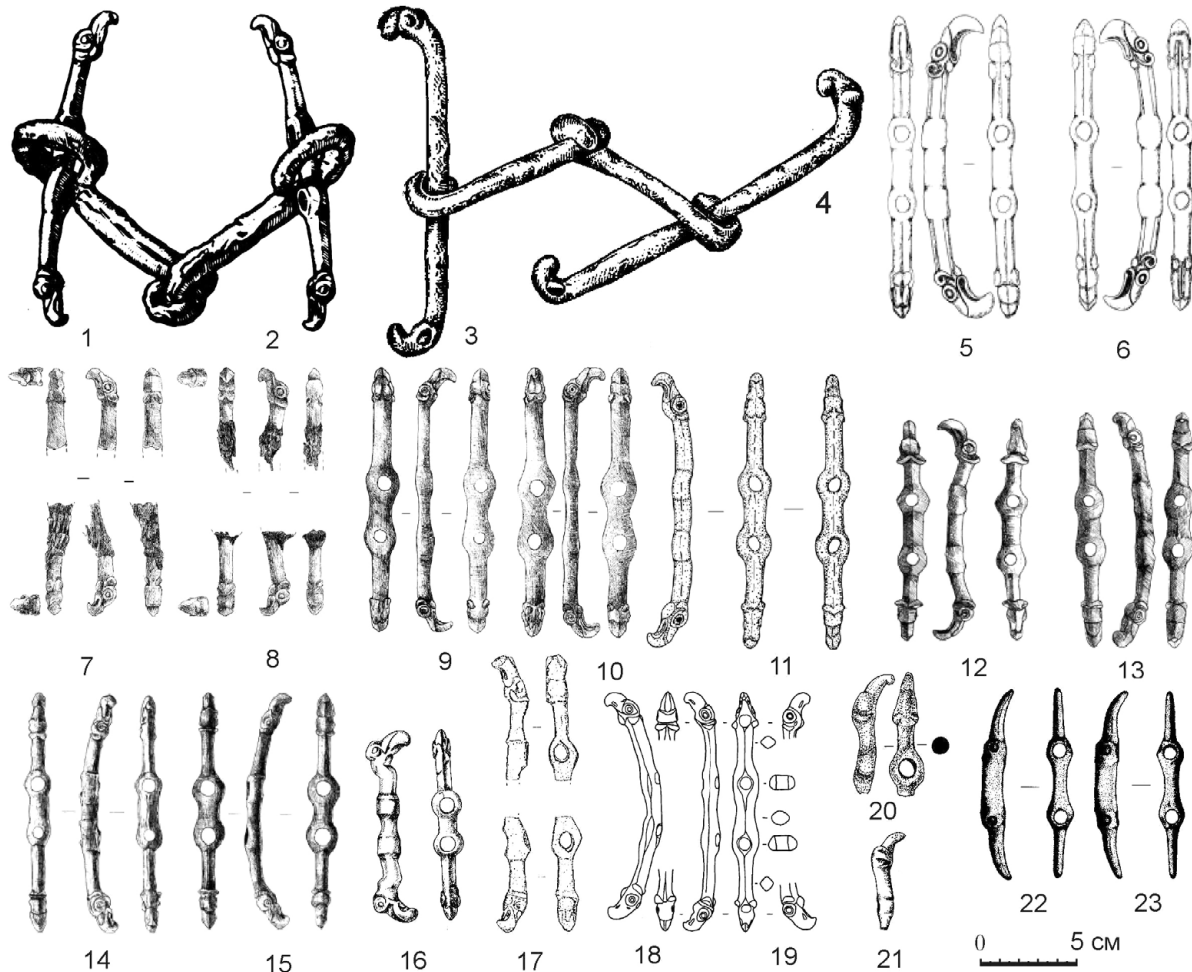

Рис. 3. Псаллии с окончаниями в виде голов хищных птиц:

- 1–2 – Бесоба, кург. 4 (по: [Кадырбаев, 1984, рис. 1,23]); 3–4 – Аландский III, кург. 5 (по: [Мошкова, 1972, рис. 5,4]);
 5–6 – Кырык-Оба II, кург. 12 (по: [Гуцалов, 2011, рис. 3,6–7]);
 7–10 – Кырык-Оба II, кург. 15 (по: [Гуцалов, 2010, рис. 2,2–3; 3,1,1–2]);
 11 – Кырык-Оба II, кург. 16 (по: [Гуцалов, 2011, рис. 5,2]);
 12–15 – Кырык-Оба II, кург. 17 (по: [Гуцалов, 2011, рис. 7,1,4,8,10]);
 16 – Маровый шлях, кург. 3 (по: [Таиров, 2006, рис. 5,2]);
 17 – Солончанка II, кург. 1 (по: [Таиров, 2006, рис. 8,3]);
 18–19 – Кичигино I, межкурганное пространство (по: [Таиров, Ульянов, 2010, рис. 1,4–5]);
 20 – Акоба II, кург. 1, погр. 1 (по: [Моргунова, Краева, 2012, рис. 9,5]);
 21 – кург. у хут. Черниговский (по: [Смирнов, 1961, рис. 49,4]);
 22–23 – Переволочан II, кург. 3 (по: [Сиротин, 2015, рис. 1,2]).
 1–2, 5–6, 9–23 – бронза, 3–4 – железо, 7–8 – железо и бронза

Fig. 3. Cheeks with endings in the form of heads of birds of prey:

- 1–2 – Besoba, kurgan 4 (after: [Kadyrbaev, 1984, fig. 1,23]); 3–4 – Alandsky III, kurgan 5 (after: [Moshkova, 1972, fig. 5,4]);
 5–6 – Kyryk-Oba II II, kurgan 12 (after: [Gutsalov, 2011, fig. 3,6–7]);
 7–10 – Kyryk-Oba II, kurgan 15 (after: [Gutsalov, 2010, fig. 2,2–3; 3,1,1–2]);
 11 – Kyryk-Oba II, kurgan 16 (after: [Gutsalov, 2011, fig. 5,2]);
 12–15 – Kyryk-Oba II, kurgan 17 (after: [Gutsalov, 2011, fig. 7,1,4,8,10]);
 16 – Marovy shlyakh, kurgan 3 (after: [Tairov, 2006, fig. 5,2]);
 17 – Solonchanka II, kurgan 1 (after: [Tairov, 2006, fig. 8,3]);
 18–19 – Kichigino I, inter-kurgan territory (after: [Tairov, Ulyanov, 2010, fig. 1,4–5]);
 20 – Akoba II, kurgan 1, burial 1 (after: [Morgunova, Kraeva, 2012, fig. 9,5]);
 21 – kurgan at the farm of Chernigovsky (after: [Smirnov, 1961, fig. 49,4]);
 22–23 – Perevolochan II, kurgan 3 (after: [Sirotnin, 2015, fig. 1,2]).
 1–2, 5–6, 9–23 – bronze, 3–4 – iron, 7–8 – iron and bronze

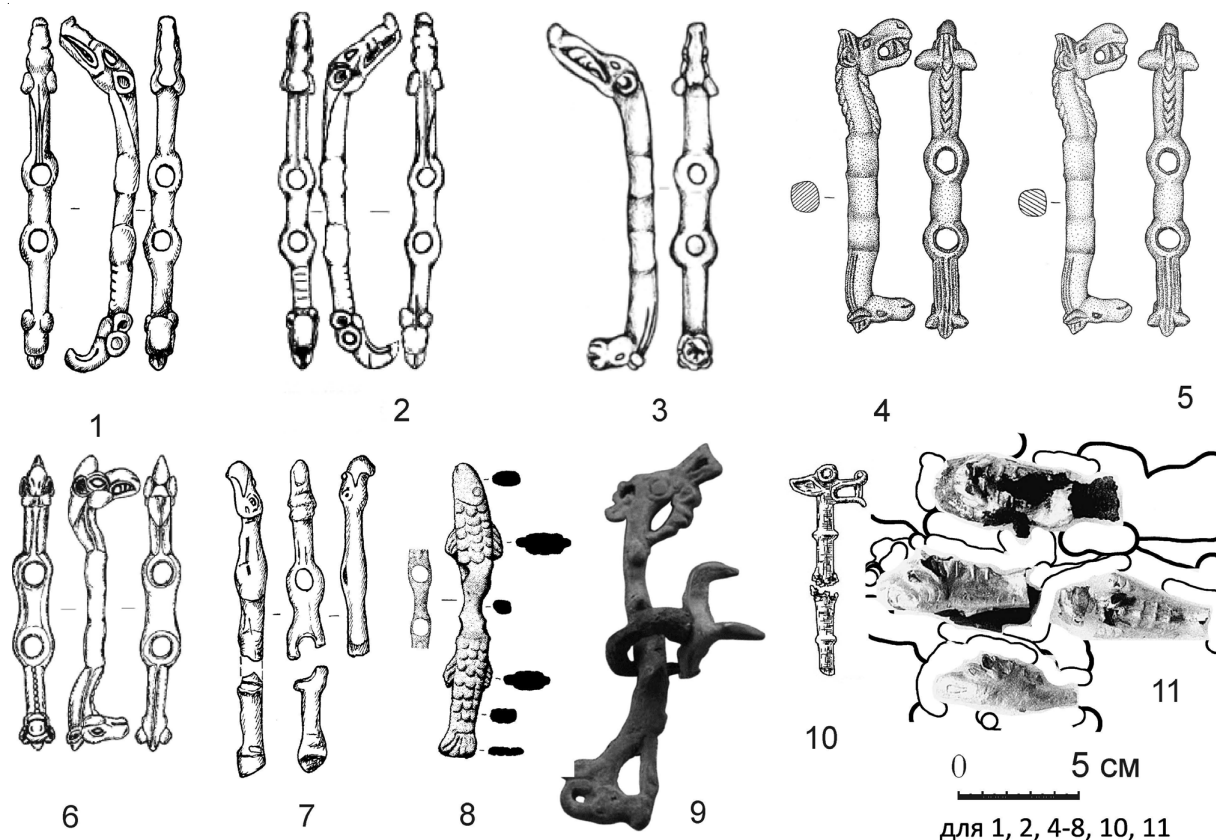

Рис. 4. Псаали с зооморфными окончаниями и зооморфные наконечники псаалиев:

- 1–2 – Кырык-Оба II, кург. 12 (по: [Гуцалов, 2011, рис. 3,1–2]);
 3 – Илекшар I, кург. 5 (по: [Гуцалов, 2007, рис. 16,III,2]);
 4–5 – Бесоба II, кург. 3 (по: [Мамедов, 2011, рис. 2,5–6]);
 6 – Илекшар I, кург. 1 (по: [Гуцалов, 2009а, рис. 3,6]);
 7 – Солончанка II, кург. 1 (по: [Таиров, 2006, рис. 8,2]);
 8 – Переволочан II, кург. 4 (по: [Сиротин, 2015, рис. 1,3]);
 9 – Филипповка I, кург. 1, околокурганное пространство (по: [Яблонский, 2013, № 3130]);
 10 – Филипповка I, кург. 3 (по: [Пшеничный, 2012, рис. 57,10]);
 11 – Филипповка I, кург. 1 (по: [Пшеничный, 2012, рис. 30,2]).
 1–10 – бронза, 11 – золото

Fig. 4. Cheekpieces with zoomorphic endings and zoomorphic cheekpiece tips:

- 1–2 – Курык-Оба II, kurgan 12 (after: [Gutsalov, 2011, fig. 3,1–2]);
 3 – Ilekshar I, kurgan 5 (after: [Gutsalov, 2007, fig. 16,III,2]);
 4–5 – Besoba II, kurgan 3 (after: [Mamedov, 2011, fig. 2,5–6]);
 6 – Ilekshar I, kurgan 1 (after: [Gutsalov, 2009a, fig. 3,6]);
 7 – Solonchanka II, kurgan 1 (after: [Tairov, 2006, fig. 8,2]);
 8 – Perevolochan II, kurgan 4 (after: [Sirotnin, 2015, fig. 1,3]);
 9 – Filippovka I, kurgan 1, near the burial area (after: [Yablonskiy, 2013, no. 3130]);
 10 – Filippovka I, kurgan 3 (after: [Pshenichnyuk, 2012, fig. 57,10]);
 11 – Filippovka I, kurgan 1 (after: [Pshenichnyuk, 2012, fig. 30,2]).
 1–10 – bronze, 11 – gold

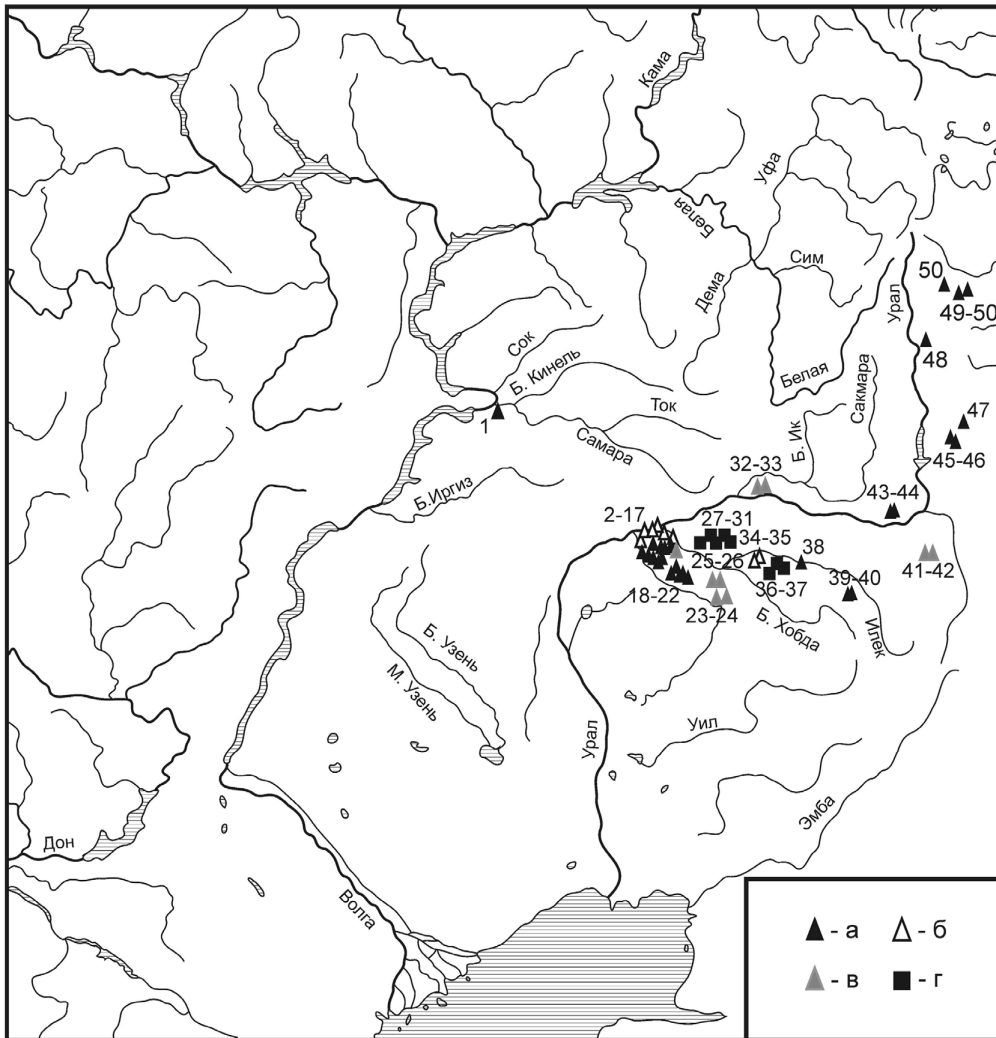

Рис. 5. Карта-схема находок прямых псалиев с окончаниями в виде голов хищной птицы / грифона, коня, волка и S-видных псалиев с окончаниями в виде конских копыт:

Условные обозначения: *a* – прямые псалии с окончаниями в виде головы хищной птицы / грифона, *b* – прямые псалии с окончаниями в виде головы волка, *c* – прямые псалии с окончаниями в виде головы коня, *г* – S-видные псалии с окончаниями в виде конского копыта.

1 – Березки I, кург. 1, погр. 3; 2–17 – Кырык-Оба II, кург. 12, 15, 16, 17; 18–20 – Таксай I, кург. 6; 23–24 – Лебедевка II, кург. 9; 25–26 – Илекшар I, кург. 1, 5; 27–31 – Филипповка I, кург. 2, 4, 6; 32–33 – Алабастрова гора, кург. 3; 34–35 – Пятимары I, кург. 6; 36–37 – Веселый I (Ак-Булак); 38 – Акоба II, кург. 1, погр. 1; 39–40 – Бесоба, кург. 4; 41–42 – Матвеевский, кург. 3, 5; 43–44 – Сара, кург. 4, погр. 1; 45–46 – Аландский III, кург. 5; 47 – Маровый шлях, кург. 3; 48 – курган у хут. Черниговский; 49–50 – Кичигино I; 51 – Солончанка II, кург. 1

Fig. 5. Schematic map of finds of straight cheek-pieces with endings in the form of a head of a bird of prey / griffin, horse, wolf and S-shaped cheek-pieces with endings in the form of horse hooves:

Legend: *a* – straight cheekpieces with endings in the form of the head of a bird of prey / griffin, *b* – straight cheekpieces with endings in the form of a wolf's head, *c* – straight cheekpieces with endings in the form of a horse's head, *d* – S-shaped cheekpieces with endings in the form of a horse hooves.

1 – Berezki I, kurgan 1, burial 3; 2–17 – Kyrak-Oba II, kurgan 12, 15, 16, 17; 18–20 – Taksai I, kurgan 6; 23–24 – Lebedyovka II, kurgan 9; 25–26 – Ilekshar I, kurgan 1, 5; 27–31 – Philippovka I, kurgan 2, 4, 6; 32–33 – Mount Alabastrov, kurgan 3; 34–35 – Pyatimary I, kurgan 6; 36–37 – Veselyy I (Ak-Bulak); 38 – Akoba II, kurgan 1, burial 1; 39–40 – Besoba, kurgan 4; 41–42 – Matveevsky, kurgan 3, 5; 43–44 – Sara, kurgan 4, burial 1; 45–46 – Alandsky III, kurgan 5; 47 – Marovy shlyakh, kurgan 3; 48 – kurgan at the farm Chernigovsky; 49–50 – Kichigino I; 51 – Solonchanka II, kurgan 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балахванцев А. С., Яблонский Л. Т., 2007. Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника) // *Российская археология*. № 1. С. 143–149.
- Берлизов Н. Е., 2011. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. I. Краснодар : КГУКИ, Парабеллум. 320 с.
- Васильев В. Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // *Уфимский археологический вестник*. Вып. 5. С. 153–172.
- Гуцалов С. Ю., 2007. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 2. С. 75–92.
- Гуцалов С. Ю., 2009а. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар // *Российская археология*. № 3. С. 73–78.
- Гуцалов С. Ю., 2009б. Погребение скифской эпохи могильников Лебедевка II–III // *Нижевожский археологический вестник*. Вып. 10. С. 306–324.
- Гуцалов С. Ю., 2010. Погребение сооружения могильника Кырык-Оба в Западном Казахстане // *Российская археология*. № 2. С. 51–66.
- Гуцалов С. Ю., 2011. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // *Российская археология*. № 1. С. 81–96.
- Кадырбаев М. К., 1984. Курганные некрополи верховьев Илек // *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М. : Наука. С. 84–107.
- Канторович А. Р., Яблонский Л. Т., 2009. О северопричерноморских и северокавказских параллелях изображениям в скифо-сибирском зверином стиле на предметах из Филипповских курганов // *Нижевожский археологический вестник*. Вып. 10. С. 73–99.
- Кузнецова Э. Ф., Курманкулов Ж. К., 1993. Бронзовые изделия из памятников савроматской культуры Западного Казахстана (данные спектрального анализа) // *Кочевники урало-казахстанских степей*. Екатеринбург : УИФ Наука. С. 44–52.
- Лукпанова Я. А., 2014. Комплекты конского снаряжения кургана № 6 комплекса Таксай 1 (предварительный обзор) // *Всадники великой степи: традиции и новации*. Астана : Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. С. 149–160.
- Мамедов А. М., 2011. Новое погребение со столом-ложем на р. Илек // *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии : тез. докл. Круглого стола, посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан*. Караганда. С. 199–205.
- Моргунова Н. Л., Краева Л. А., 2012. Курганная группа Акоба II // *Археологические памятники Оренбуржья*. Вып. 10. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 156–199.
- Мошкова М. Г., 1972. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // *Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. Материалы и исследования по археологии СССР*. № 153. М. : Наука. С. 49–78.
- Мышкин В. Н., 2014. Псалии с окончаниями в виде голов хищных птиц у кочевников Самаро-Уральского региона // *Известия СНЦ РАН*. Т. 16, № 3. С. 308–313.
- Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А., Хохлов А. А., 2000. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н.э. // *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Самара : СНЦ РАН. С. 71–84.
- Очир-Горяева М. А., 2012. *Древние всадники степей Евразии*. М. : Таус. 472 с.
- Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // *Курганы кочевников Южного Урала*. Уфа : Гилем. С. 62–96.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Сиротин С. В., 2015. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // *Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск : ОГБУК Челябинский государственный краеведческий музей*. С. 247–255.

- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. Материалы и исследования по археологии СССР. № 101. М. : АН СССР. 170 с.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука. 380 с.
- Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М. : Наука. 176 с.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. Свод археологических источников. Вып. Д1-9. М. : АН СССР. 40 с.
- Таиров А. Д., 2004. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии : проблемы региональной хронологии : докл. к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар. С. 3–21.
- Таиров А. Д., 2006. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Уфа : Гилем. С. 76–91.
- Таиров А. Д., 2009. О трансформации культуры кочевников Южного Урала в конце V – начале IV вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. С. 137–148.
- Таиров А. Д., Боталов С. Г., 1988. Курган у с. Варна // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Изд-во Башкир. гос. ун-та. С. 100–125.
- Таиров А. Д., Ульянов И. В., 2010. Случайные находки предметов раннего железного века на Южном Урале // Гороховские чтения : материалы первой региональной музейной конференции. Челябинск : ОГБУК Челябинский государственный краеведческий музей. С. 210–216.
- Трейстер М. Ю., 2012. Предметы вооружения и конского снаряжения ахеменидского круга из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. I. М. : Таус. С. 115–116.
- Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т., 2012. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. I. М. : Таус. С. 282–284.
- Трейстер М. Ю., Шемаханская М. С., Яблонский Л. Т., 2012. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Покровка // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. II. М. : Таус. С. 85–156.
- Федоров В. К., Васильев В. Н., 2017. Уздечный набор с бляхами в виде рыб из кургана № 4 могильника Сара в восточном Оренбуржье // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 17, № 1. С. 54–62. DOI: 10.14529/ssh170109
- Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Флипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М. : Изд-во ИА РАН. 232 с.

REFERENCES

- Balahvancev A.S., Yablonskiy L.T., 2007. Ahenidnaskaya emal' iz Filippovki (problema hronologii pamyatnika) [Achaemenid Enamel from Filippovka and the Chronology of the Monument]. *Rossiyskaya arkhologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 143-149.
- Berlizov N.E., 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskie plemena Yuzhnoy Rossii v VII v. do n.e. – V v. n.e.* [Rhythms of Sarmatia. Sauromat-Sarmatian Tribes of Southern Russia in the 7th Century BC - V Century AD]. P. I. Krasnodar, KSUCA, Parabellum Publ. 320 p.
- Vasiliev V.N., 2004. K hronologii ranneprophorovskogo kompleksa [On the Chronology of the Early Prokhorovka Complex]. *Ufimskiy arheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 5, pp. 153-172.
- Gutsalov S.Yu., 2007. Pogrebal'nye pamyatniki kochevoy elity Yuzhnogo Priural'ya serediny I tys. do n.e. [Burial Monuments of the Nomadic Elite of the Southern Urals in the Middle of the 1st Millennium BC]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], no. 2, pp. 75-92.
- Gutsalov S.Yu., 2009a. Pogrebenie znatnogo kochevnika skifskogo vremeni v urochishche Ilekshar [Burial of a Noble Nomad at Ilekshar (South Ural), Scythian Time]. *Rossiyskaya arkhologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 73-78.
- Gutsalov S.Yu., 2009b. Pogrebenie skifskoy epohi mogil'nikov Lebedevka II–III [Tombs of the Scythian Period of Burial Ground Lebedevka II]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 10, pp. 306-324.

- Gutsalov S. Yu., 2010. Pogrebenie sooruzheniya mogil'nika Kyryk-Oba II v Zapadnom Kazahstane [Burial Structures of Kyryk-Oba II Cemetery in Western Kazakhstan]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 51-66.
- Gutsalov S. Yu., 2011. Etnokul'turnaya specifika mogil'nika Kyryk-Oba II [The Ethnic and Cultural Specifics of Kyryk-Oba II Cemetery]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 81-96.
- Kadyrbaev M. K., 1984. Kurgannye nekropoli verhov'ev Ilek [Burial Necropolises of the Upper Reaches of the Ilek]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 84-107.
- Kantorovich A. R., Yablonskiy L. T., 2009. O severoprichernomorskih i severokavkazskih parallelyah izobrazheniyam v skifo-sibirskom zverinom stile na predmetah iz Filippovskih kurganov [North-Pontic and North-Caucasian Analogies to the Scytho-Siberian Images Decorating the Objects from the Filippovka Barrows]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 10, pp. 73-99.
- Kuznetsova E. F., Kurmankulov Zh. K., 1993. Bronzovye izdeliya iz pamyatnikov savromatskoy kul'tury Zapadnogo Kazahstana (dannye spektral'nogo analiza) [Bronze Items from the Monuments of the Sauromat Culture of Western Kazakhstan (Spectral Analysis Data)]. *Kochevniki uralo-kazahstanskih stepey* [Nomads of the Ural-Kazakh Steppes]. Ekaterinburg, UIF Nauka Publ., pp. 44-52.
- Lukpanova Ya. A., 2014. Komplekty konskogo snaryazheniya kurgana № 6 kompleksa Taksay 1 (predvaritel'nyy obzor) [Sets of Horse Equipment for Kurgan No. 6 of the Taksai 1 Complex (Preliminary Review)]. *Vsadniki velikoy stepi: traditsii i novatsii* [Riders of the Great Steppe: Traditions and Innovations]. Astana, Publishing group of the FIA named after A. N. Margulan in Astana, pp. 149-160.
- Mamedov A. M., 2011. Novoe pogrebenie so stolom-lozhem na r. Ilek [New Burial with a Table-bed on the River Ilek]. *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokul'turnykh processov stepnoy Evrazii. Tezisy dokladov Kruglogo stola, posvyashchyonnogo 20-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazahstan* [Saki Culture of Saryarka in the Context of Studying the Ethnosocial and Cultural Processes of Steppe Eurasia. Theses of Reports of the Round table Dedicated to the 20th Anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan]. Karaganda, pp. 199-205.
- Morgunova N. L., Kraeva L. A., 2012. Kurgannaya gruppa Akoba II [Kurgan Group of Akoba II]. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of the Orenburg Region], iss. 10. Orenburg, OSPU, pp. 156-199.
- Moshkova M. G., 1972. Savromatskie pamyatniki severo-vostochnogo Orenburzh'ya [Sauromat Monuments of the North-eastern Orenburg Region]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [Monuments of the South Urals and Western Siberia of the Sarmatian Time]. Materialy i issledovaniya po Arkheologii SSSR, no. 153. Moscow, Nauka Publ., pp. 49-78.
- Myshkin V. N., 2014. Psalii s okonchaniyami v vide golov hishchnykh ptic u kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona [Cheek-Pieces with the Tips in the Form of Heads of Birds of Prey Among Nomads of the Samara-Ural Region]. *Izvestiya SNC RAN* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 16, no. 3, pp. 308-313.
- Myshkin V. N., Skarbovenko V. A., Hohlov A. A., 2000. Kochevniki Samarskogo Povolzh'ya vo vtoroy polovine I tysyacheletiya do n. e. [Nomads of the Samara Volga Region in the Second Half of the 1st Millennium BC]. *Rannesarmatskaya kul'tura: formirovanie, razvitie, hronologiya. Materialy IV mezhdunarodnoy konferencii «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology. Materials of the IV international conference "Problems of Sarmatian archaeology and history"]. Samara, SSC RAS, pp. 71-84.
- Ochir-Goryaeva M. A., 2012. *Drevnie vsadniki stepey Evrazii* [Ancient Horsemen of the Eurasian Steppes]. Moscow, Taus Publ. 472 p.
- Pshenichnyuk A. H., 1995. Perevolochanskiy mogil'nik [Perevolochansk Cemetery]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Kurgans of Nomads of the South Urals]. Ufa, Gilem Publ., pp. 62-96.
- Pshenichnyuk A. H., 2012. Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV veka do n. e. na Yuzhnom Urale [Filippovka: Necropolis of the Nomadic Nobility of the 4th Century BC in the South Urals]. Ufa, IHLL USC RAS. 280 p.
- Sirotnin S. V., 2015. Predmety konskoy sbrui iz nasypey kurganov rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (po materialam raskopok 2008–2013 godov) [Items of Horse Harness from the Kurgans of Early Nomads of the Southern Urals (Based on Materials from Excavations in 2008-2013)]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vserossiyskoy nauchnoy konferencii* [Ethnic Interactions in the Southern Urals: Materials of the VI All-Russian Scientific Conference], Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, pp. 247-255.

- Smirnov K.F., 1961. *Vooruzhenie savromatov* [The Armament of the Sauromats]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii*, no. 101. Moscow, AS USSR. 170 p.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Sauromats. Early History and Culture of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 380 p.
- Smirnov K.F., 1975. *Sarmaty na Ilike* [Sarmatians on Ilike]. Moscow, Nauka Publ. 176 p.
- Smirnov K.F., Petrenko V.G., 1963. *Savromaty Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya* [Sauromats of the Volga and Southern Urals Regions]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, iss. Д1-9. Moscow, AS USSR. 40 p.
- Tairov A.D., 2004. Periodizatsiya pamyatnikov rannih kochevnikov Yuzhnogo Zaural'ya 7-2 vv. do n.e. [Periodization of the Monuments of the Early Nomads of the Southern Trans-Urals 7-2 Centuries BC]. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noy khronologii. Doklady k 5 mezhdunarodnoy konferencii «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports for the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Krasnodar, pp. 3-21.
- Tairov A.D., 2006. Saki Priural'ya v stepyakh Yuzhnogo Zaural'ya (po materialam mogil'nika Marovyy shlyah) [Saks of the Aral Sea in the Steppes of the Southern Trans-Urals (Based on Materials from the Marovy Shlyakh Cemetery)]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: Sbornik statey k 70-letiyu Anatoliya Haritonovicha Pshenichnyuka* [Southern Urals and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Time: Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., pp. 76-91.
- Tairov A.D., 2009. O transformatsii kul'tury kochevnikov Yuzhnogo Urala v kontse V – nachale IV vv. do n.e. [About Transformation of the Culture of the Southern Urals Nomads in the End V – Beginning IV Centuries BC]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 10, pp. 137-148.
- Tairov A.D., Botalov S.G., 1988. Kurgan u s. Varna [Kurgan near the Village Varna]. *Problemy arheologii Uralo-Kazahstanskikh stepey* [Problems of Archaeology of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Chelyabinsk, BSU, pp. 100-125.
- Tairov A.D., Ul'yanov I.V., 2010. Sluchaynye nahodki predmetov rannego zheleznoogo veka na Yuzhnom Urale [Accidental Finds of objects of the Early Iron Age in the Southern Urals]. *Gorohovskie chteniya: materialy pervoy regional'noy muzeynoy konferencii* [Gorokhov Readings: Materials of the First Regional Museum Conference]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, pp. 210-216.
- Treister M.Yu., 2012. Predmety vooruzheniya i konskogo snaryazheniya ahemenidskogo kruga iz Yuzhnogo Priural'ya [Items of Weapons and Horse Equipment of the Achaemenid Circle from the Southern Urals]. *Vliyaniya ahemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V-III vv. do n.e.)* [Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (V-III centuries BC)]. Vol. I. Moscow, Taus Publ., pp. 115-116.
- Treister M.Yu., Yablonskiy L.T., 2012. K voprosu ob absolyutnoy dате mogil'nika Filippovka-I [To the Question of the Absolute Date of the Filippovka-I Cemetery]. *Vliyaniya ahemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V-III vv. do n.e.)* [Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (V-III Centuries BC)]. Vol. I. Moscow, Taus Publ., pp. 282-284.
- Treister M.Yu., Shemahanskaya M.S., Yablonskiy L.T., 2012. Kompleksy s predmetami ahemenidskogo kruga mogil'nika Pokrovka [Complexes with Objects of the Achaemenid Circle at the Pokrovka Cemetery]. *Vliyaniya ahemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V-III vv. do n.e.)* [Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (V-III centuries BC)]. Vol. II. Moscow, Taus Publ., pp. 85-156.
- Fedorov V.K., Vasil'ev V.N., 2017. Uzdechnyy nabor s blyahami v vide ryb iz kurgana № 4 mogil'nika Sara v vostochnom Orenburzh'e [Bridle Sets with Plaques in the form of Fish from Sara Burial Mound № 4 in the eastern Orenburg Region]. *Vestnik Yuzhnoural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki»* [Bulletin of the South Ural State University. Series “Social Sciences and the Humanities”], vol. 17, no. 1, pp. 54-62. DOI: 10.14529/ssh170109
- Yablonskiy L.T., 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdov. Elitnyy nekropol' Flippovka I (po materialam raskopok 2004-2009 gg.): katalog kollektzii* [Gold of the Sarmatian Leaders. Elite Necropolis Flippovka I (Based on Materials from Excavations in 2004-2009): Collection Catalog]. Book 1. Moscow, IA RAS. 232 p.

Information About the Author

Vladimir N. Myshkin, Candidate of History, Head of Archaeological Laboratory, Samara State Social and Pedagogical University, Leninskay St., 127, 443041 Samara, Russian Federation, vnm59@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3489-6776>

Информация об авторе

Владимир Николаевич Мышкин, кандидат исторических наук, заведующий археологической лабораторией, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. Ленинская, 127, 443041 г. Самара, Российская Федерация, vnm59@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3489-6776>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.4>UDC 902/904,572
LBC 63.4,28.7Submitted: 25.08.2020
Accepted: 24.11.2020

PALEOPATHOLOGY DATA ON THE EARLY SARMATIANS OF 4th – 3rd CENTURIES BC FROM THE LOWER VOLGA REGION ¹

Evgeniy V. Pererva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The main idea of the article is to study paleoanthropological materials of the nomads dating back to the 4th – 3rd centuries BC from the territory of the Lower Volga region using paleopathological methods. The reason for addressing this topic was an attempt to identify pathological features of the early nomads from the Sarmatian epoch due to the existence of the problem of identifying monuments of 4th – 3rd centuries BC. The standard assessment program of pathological conditions on postcranial skeleton and skull bones developed by A.P. Buzhilova was applied in the course of work with the anthropological material [Buzhilova, 1995; 1998]. The main material for the current study was the bone remains of 16 individuals originating from burials under the barrows of early Sarmatian era within the territory of the Lower Volga region, dated 4th – 3rd centuries BC. As a result of the conducted research it was established that there is a common genetic origin, which unites all nomads of the early Iron Age of the South Russian steppes for the Savromatian-Sarmatian tribes. Furthermore, the settlement of population across the Volgograd Trans-Volga region in the 4th – 3rd centuries BC happened by the arrival of mainly male part of the population who adopted successfully to the negative environmental factors. The diet of the Sarmatians of the early Sarmatian culture development was based on meat and dairy products. A striking feature of the Sarmatians of the 4th – 3rd centuries BC is a lack of signs of inflammatory processes, which indicates an insignificant density of nomadic groups migrating to the Trans-Volga steppes. The high frequency rate of injuries and signs of exposure to low temperatures was detected among early Sarmatians compared to the nomads from a later period may be a result of a complex political situation provoked by a difficult environmental situation due to extremely continental climate and its aridization at that epoch.

Key words: Sarmatians, Lower Volga region, chronological groups, paleopathology, trauma, nomads.

Citation. Pererva E.V., 2020. Rannie sarmaty IV–III vv. do n.e. s territorii Nizhnego Povolzh'ya po dannym paleopatologii [Paleopathology Data on the Early Sarmatians of 4th – 3rd Centuries BC from the Lower Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 74-91. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.4>

УДК 902/904,572
ББК 63.4,28.7Дата поступления статьи: 25.08.2020
Дата принятия статьи: 24.11.2020

РАННИЕ САРМАТЫ IV–III вв. до н.э. С ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПО ДАННЫМ ПАЛЕОПАТОЛОГИИ ¹

Евгений Владимирович Перерва

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Целью исследования является изучение палеоантропологических материалов кочевников, датирующихся IV–III вв. до н.э. с территории Нижнего Поволжья с помощью палеопатологической методики. Причиной обращения к данной тематике была попытка выявления патологических особенностей у ранних кочевников сарматской эпохи в связи с существованием проблемы выделения памятников IV–III вв. до н.э. В процессе работы с антропологическим материалом применялась стандартная программа оценки встречаемости патологических состояний на костях посткраниального скелета и черепа, разработанная А.П. Бужиловой [Бужилова, 1995; 1998]. Материалом для исследования послужили костные останки, происходящие из подкурганых захоронений раннесарматского времени с территории Нижнего Поволжья, датирующиеся IV–III вв. до н.э., в количестве 16 индивидов. В результате проведенного исследования

удалось установить, что для савромато-сарматских племен, вероятно, существование общего генетического начала, которое объединяет всех кочевников раннего железного века южнорусских степей. Заселение Волгоградского Заволжья в IV–III вв. до н.э. происходило путем прихода в основном мужской части населения, которое характеризуется хорошим уровнем адаптации к воздействию негативных факторов окружающей среды. Диета сарматов первого этапа развития раннесарматской культуры базировалась на мясных и молочных продуктах. Яркой чертой сарматов IV–III вв. до н.э. является отсутствие признаков воспалительных процессов, что указывает на незначительную плотность мигрирующих в заволжские степи кочевых групп. Высокие частоты встречаемости травм и признаков воздействия низких температур у сарматов раннего этапа по сравнению с более поздним периодом может быть следствием сложной политической обстановки, спровоцированной непростой экологической ситуацией в виде резкой континентальности и аридизации климата в данное время.

Ключевые слова: сарматы, Нижнее Поволжье, хронологические группы, палеопатология, травмы, кочевники.

Цитирование. Перерва Е. В., 2020. Ранние сарматы IV–III вв. до н.э. с территории Нижнего Поволжья по данным палеопатологии // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 74–91. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.4>

Введение. Одной из важнейших проблем при изучении древних кочевых обществ южнорусских степей является определение четких хронопериодов существования археологических культур. В связи с этим краеугольным камнем современной сарматологии является дискуссия, связанная с периодизацией погребальных памятников Нижнего Поволжья IV–I вв. до н.э. Изучением хронологии раннесарматской или так называемой прохоровской культуры занимались многие ученые: М.И. Ростовцев [1918], К.Ф. Смирнов [1974], М.Г. Мошкова [1974], Л.Т. Яблонский [2000] и т. д.

Статистическая обработка памятников раннесарматской культуры с территории от Дона до Южного Приуралья, проведенная группой исследователей в конце XX в., позволила осуществить деление памятников IV–I вв. до н.э. на два этапа: ранний (IV–III вв. до н.э.) и поздний (III–I вв. до н.э.) [Железчиков, 1997, с. 40–45].

В последние годы хронологические разработки по раннесарматской культуре Нижнего Поволжья проводились волгоградскими археологами А.С. Скрипкиным [1997], И.В. Сергацковым [2000] и В.М. Клепиковым [Скрипкин, Клепиков, 2004].

Благодаря применению метода «зажатых датировок» В.М. Клепиковым в рамках раннесарматского времени было выделено три периода: IV–III вв. до н.э.; III в. до н.э. и II–I вв. до н.э. [Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 99, 100; Скрипкин, 2017, с. 89–91].

Погребения IV–III вв. до н.э. с территории Нижнего Поволжья археологами свя-

зываются с мигрантами, пришедшими в Заволжье и Волго-Донское междуречье с территории Южно-Уральского региона [Скрипкин, 2017, с. 89–91]. Как указывают исследователи, характерной чертой памятников этого периода в Поволжье является сохранение традиций предшествующей культуры, что обуславливает их синкретичный облик [Клепиков, 2002, с. 112–124; 2007, с. 41; Скрипкин, 2017, с. 89].

Существенным подспорьем для археологов в решении проблем хронологии и генезиса раннесарматской культуры Нижнего Поволжья являются работы в области антропологии. Так, М.А. Балабановой было проведено подробное краниологическое исследование антропологических материалов из захоронений IV–III вв. до н.э. В результате ученым был сделан вывод о сложной внутригрупповой структуре сарматов IV–III вв. до н.э., краниологический комплекс которых включает в себя четыре морфотипа: первый – массивный уходит истоками в эпоху бронзы; второй и третий – грацильные происходят с территории Зауралья, Приуралья и Приаралья, место происхождения четвертого – длинноголового и широколицего определить в настоящий момент не удастся [Балабанова, 1999, с. 60–61, 71]. Также М.А. Балабанова указала, что в формировании населения Нижнего Поволжья IV–III вв. до н.э. принимали участие ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI–V вв. до н.э., а население савроматской культуры было не только непосредственными предками, но и близкими родствен-

никами популяции первого этапа раннесарматской культуры [Балабанова, 1999, с. 64].

Заканчивая обзор исследований первого этапа становления раннесарматской культуры IV–III вв. до н.э., необходимо упомянуть и разработки в области палеоэкологии раннего железного века, которые были проведены группой палеопочвоведов во главе с В.А. Демкиным. Характеризуя экологические условия, сложившиеся на территории Нижнего Поволжья в савромато-сарматский период, исследователи приходят к выводу, что на период VI–IV вв. до н.э. приходится похолодание и увлажнение климата. Хронологический интервал VI–I вв. до н.э. описывается исследователями закономерным чередованием гумидных и аридных периодов с изменением количества атмосферных осадков. По мнению В.А. Демкина, первый этап развития раннесарматской культуры IV–III вв. до н.э. является одним из самых засушливых в истории ранних кочевников, который сменяется гумидизацией климата в I в. до н.э. [Демкин и др., 2010, с. 83; 2011, с. 374; 2012, с. 176]. Аридизация климата на фоне его резкой континентальности, как считает исследователь, является одной из основных причин появления мигрантов на территории Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. [Демкин и др., 2012, с. 172].

Целью данной работы является изучение палеоантропологических материалов кочевников, датирующихся IV–III вв. до н.э., с территории Нижнего Поволжья с помощью палеопатологической методики.

Методика и материал исследования. В процессе работы с антропологическим материалом применялась стандартная программа оценки встречаемости патологических состояний на костях посткраниального скелета и черепа, разработанная А.П. Бужиловой [Бужилова, 1995; 1998]. Расчет палеодемографических характеристик проводился на основании построения таблиц смертности [Богатенков и др., 2008]. При фиксации дискретно-варьирующих признаков использовалась оригинальная программа исследования, разработанная автором данной статьи на основе трудов отечественных и зарубежных исследователей [Brothwell, 1972; Finnegan, 1978; Мовсесян и др., 1975].

Материалом для исследования послужили костные останки, происходящие из подкурганных захоронений раннесарматского времени с территории Нижнего Поволжья, датирующиеся IV–III вв. до н.э., в количестве 16 индивидов (рис. 1, табл. 1). Для сопоставления полученных результатов использовались палеоантропологические материалы предшествующей савроматской археологической культуры и заключительного этапа развития раннесарматской культуры III–I вв. до н.э.

В связи с малочисленностью выборки, в особенности женской группы, степень проявления полового диморфизма в рамках рассматриваемой серии статистически не оценивалась. Большая часть индивидов происходит из подкурганных захоронений с территории Волгоградского Заволжья, за исключением мужчины из погребения 7 кургана 10 могильника Солёное Займище, находящегося в Астраханской области.

Описание материалов исследования.
Дискретно-варьирующие признаки. Анализ частот встречаемости эпигенетических маркеров на материалах ранних сарматов IV–III вв. до н.э. показывает, что в процентном соотношении по аналогичным категориям аномалий в серии предыдущей савроматской культуры и группе сарматов III–I вв. до н.э. они находят близкие аналогии (табл. 4). На себя обращают внимание только низкие частоты встречаемости пальцевидных вдавлений у ранних сарматов первого этапа, что, вероятно, связано с низким числом молодых индивидов в группе, у которых обычно этот признак фиксируется чаще всего.

Половозрастные особенности группы. В связи с тем, что изучаемая выборка случайна и искусственна, возможность интерпретации половозрастных показателей ограничена. Поэтому в данном случае было принято решение остановиться лишь на некоторых основных показателях.

Как указывалось выше, исследуемая серия представлена костными останками 16 человек. Серия состоит из 11 индивидов мужского пола и 4 – женского. В одном случае костные останки принадлежали ребенку 6–7 лет. Соотношение по полу в пользу мужчин – 73,3 %, женщин – 26,7 % (табл. 2).

Средний возраст смерти в группе находится на уровне 37,8 лет. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что молодых индивидов в группе незначительное количество. Большая часть исследованных костей скелета принадлежит людям зрелого возраста старше 35 лет, в особенности в женской выборке, хотя она и очень малочисленна. Основной пик смертности у сарматов IV–III вв. до н.э. приходится на возраст 30–40 лет – 43,7 %. В то же время большое количество индивидов в группе было захоронено в возрасте старше 50 лет – 18,8 % (табл. 2).

Преднамеренные и непреднамеренные искусственные манипуляции с костями и зубами человека. В исследуемой группе зафиксирован один случай так называемых интерпроксимальных желобков, которые были обнаружены у мужчины 50–55 лет из погребения 5 кургана 7 могильника Маляевка V (рис. 2, 1). Узурь искусственного происхождения зафиксированы на верхних и нижних молярах и премолярах в области шейки зуба на мезиальной или дистальной поверхности. Ширина дефекта – до 1,5 мм, глубина – до 1 мм. Традиционно такие дефекты отождествляются с применением примитивных зубочисток.

Патология зубочелюстной системы. Кариеса в исследованной серии не выявлено (табл. 5). Признаки развития абсцесса зафиксированы 1 раз на черепной коробке женщины из погребения 8 кургана 10 могильника Эльтон. У нее на верхней и на нижней челюсти с правой стороны на уровне премоляров в области альвеолярного возвышения обнаружены обширные деструкции размером более 15 мм с выходом в вестибулярную норму (рис. 2, 2.1, 2.2). По окружности от отверстия на нижней челюсти зафиксирован воспалительный процесс в острой форме. Вероятнее всего, причиной развития данного отклонения может быть либо проникновение воспалительного процесса через пульпу зуба, так как коронки премоляров верхней и нижней челюсти стертые более чем на половину, либо как следствие пародонтоза, так как корни зубов также оголены более чем на половину, а на нижней челюсти все зубы прижизненно утрачены.

Самыми распространенными патологическими состояниями зубов в исследуемой серии является пародонтоз и зубной камень

(табл. 5). Данные признаки обладают высокой степенью корреляции, что свидетельствует об их прямой взаимосвязи.

Также следует обратить внимание на то, что в группе наблюдается высокая степень встречаемости сильной стертости эмали зубов и дегенеративно-дистрофических изменений в области нижнечелюстного сустава. Данные патологические отклонения также имеют положительную корреляцию между собой. С одной стороны, распространение этих состояний может быть связано с тем обстоятельством, что большая часть исследуемой выборки представлена зрелыми индивидами, поэтому патологическая стертость зубов и изношенность нижнечелюстного сустава являются следствием естественной изношенности организма. С другой – признаки дегенеративных изменений нижнечелюстного сустава, стертость зубов, а также сколы эмали на коронках, которые достаточно часто присутствуют на зубах даже молодых индивидов, могут свидетельствовать о специфичности рациона, состоявшего из твердых и вязких продуктов животного происхождения.

Признаки холодового стресса. Частота встречаемости васкуляризации костной ткани по типу «апельсиновой корки», которые в научной литературе оценивают как маркер воздействия низких температур на организм человека, в серии взрослых индивидов встречается на уровне 91 % (табл. 5). Данный признак чаще наблюдается у мужчин, чем у женщин, что свидетельствует о более активном образе жизни этой части населения.

Маркеры эпизодического стресса и нарушения обмена веществ. В исследуемой серии самыми часто наблюдаемыми признаками стресса являются горизонтально ориентированные линии эмалевой гипоплазии на зубах. Данный маркер выявлен у 5 индивидов и только у мужчин (табл. 5).

Необходимо отметить и еще один важный аспект: эмалевая недостаточность чаще фиксируется у молодых индивидов, у которых были доступны для изучения зубы. У сарматов 35–50 лет такие отклонения фиксируются несколько реже. Данная ситуация свидетельствует о том, что вероятность дожить до старости у индивидов, перенесших серьезный физиологический стресс в детстве, намного

меньше, чем у тех, кто в раннем возрасте жил относительно благополучно.

Маркеры заболеваний, связанных с нехваткой микроэлементов в организме, в исследуемой группе крайне низки. Случай поротического гиперостоза орбит и костей свода черепа был зафиксирован только на костных останках ребенка 6–7 лет из могильника Венгеловка (рис. 2,3.1,3.2). Каких-либо иных патологических отклонений на костях ребенка обнаружено не было, за исключением минерализованных отложений на молочных зубах верхней и нижней челюсти.

Травмы. Из 11 доступных для изучения черепных коробок взрослых индивидов на 4 были зафиксированы травматические повреждения. В двух случаях обнаружены травмы костей свода черепа (табл. 5).

Так, у мужчины из погребения 1 кургана 4 могильника Верхний Балыклей II, возраст которого 25–30 лет, на правой половине лобной кости, в 20 мм от надбровного валика, обнаружена вмятина подовальной формы. Дефект имеет застарелый характер, размером 20 на 15 мм, длинной осью ориентированный поперек стреловидного шва. Поверхность повреждения покрыта новообразованной костной тканью, без следов воспалительного процесса.

У взрослого мужчины в возрасте 25–30 лет из погребения 5 кургана 7 могильника Маляевка V, костяк 1 на левой теменной кости зафиксированы два заживших дефекта. Повреждение № 1 располагается в средней части теменной кости, своим углом несколько затрагивая сагиттальный шов, и длинной осью направлено также в сагиттальном направлении. Длина дефекта 37 мм, а максимальная его ширина достигала 7 мм. Форма в виде узкой линзы, края неровные, но сглаженные. Повреждение № 2 располагается на лобном краю теменной кости, перпендикулярно повреждению № 1. Структура данного дефекта напоминает вышеописанный, имея различия в длине 52 мм и ширине 5 мм (рис. 3,1.1,1.2). Края травмы неровные, но полностью покрылись новообразованной надкостницей. В обоих случаях повреждения имеют благоприятный исход, следов прободения в полость черепа не обнаружено, но наблюдаются остатки репарационного процесса. По форме и ло-

кализации дефектов все они были получены, вероятно, одновременно в результате ударов сбоку тяжелым рубящим предметом. Дополнительно к вышеописанным повреждениям стоит сказать о травме носа у этого же индивида (рис. 3,2). Кости носа деформированы и несколько смещены в правую сторону. Нижний край левой носовой кости был утрачен, вероятнее всего, прижизненно. По краям сломанной кости наблюдается пороз. Носовая перегородка изогнута.

Еще были выявлены две травмы лицевого отдела. Так, у мужчины 35–45 лет из погребения 5 кургана 7 могильника Маляевка V, костяк 2 обнаружена травма нижнего края носовых костей (рис. 3,3). В области дефекта заметно образование костной мозоли. У мужчины 45–55 лет из погребения 9 кургана 10 могильника Эльтон наблюдается деформация носовых костей, а также S-образное искривление носовой перегородки, которое, вероятнее всего, возникло в результате фронтального удара в носовую область (рис. 3,4).

Дегенеративные изменения на костях скелета. Количество доступных для исследования наборов костей посткраниального скелета в серии сарматов IV–III вв. до н.э. незначительное – 5 штук.

В двух случаях у молодых мужчин, происходящих из могильника Верхний Балыклей, погребение 4 кургана 5 и могильника Эльтон, погребение 11 кургана 10, на костях скелета патологий не обнаружено.

Три набора костей посткраниального скелета представляют собой некоторый интерес. Так, у женщины 35–40 лет из погребения 9 кургана 7 могильника Красная Деревня признаки деформирующего артроза выявлены в области правого плечевого и локтевого суставов, а также на левом локтевом и лучезапястном суставах. Наибольшие изменения фиксируются в области малого и большого бугорков правой плечевой кости, к которым прикрепляются мышцы, отвечающие за отведение руки и вращение ее во внутрь и наружу.

Аналогичные изменения на плечевых костях были обнаружены еще у двух индивидов. У мужчины 35–45 лет из погребения 7 кургана 10 могильника Соленое Займище III и у мужчины 30–40 лет из погребения 10 кургана 2 могильника Венгеловка.

В первом случае деформирующий артроз плечевого сустава дополняется сильными дегенеративными изменениями в области правого локтевого сустава, правого и левого коленного и левого голеностопного суставов. Мышечный рельеф на длинных костях посткраниального скелета мужчины развит крайне интенсивно, достигая третьего балла на уровне верхних конечностей и второго балла на нижних конечностях.

У мужчины из могильника Венгеловка также зафиксированы значительные изменения в области правого плечевого, локтевого, лучезапястного и крестцово-подвздошного суставов. К сожалению, левая половина длинных костей скелета не сохранилась. Но на левой тазовой кости по краям ушковидной поверхности, которая предназначена для сочленения с крестцом, наблюдаются краевые разрастания до 4 мм в длину. В отличие от мужчины из могильника Соленое Займище, в данном случае наибольшая степень развития мышечного рельефа отмечается на больших берцовых костях, в то время как места прикрепления мышц костей предплечья и плеча развиты средне.

Обсуждение и основные результаты. В результате проведенного палеопатологического исследования серии сарматов IV–III вв. до н.э. удалось установить следующее.

Анализ частот встречаемости дискретно варьирующих признаков в сравнении с серией предыдущей культуры раннего железного века и с группой сарматов II–I вв. показывает, что во всех савромато-сарматских сериях широко распространены различные аномалии черепа, зубочелюстной системы и посткраниального скелета (табл. 4). С одной стороны, это указывает на значительную изменчивость групп, с другой – на существование некоего общего субстратного ядра. Для сравниваемых серий характерен практически одинаковый процент встречаемости гиподонтии третьего моляра, а чаще всего наблюдается присутствие таких аномалий, как дополнительные косточки в швах черепа и вставные кости на месте родничков. Причем похожие показатели были получены и при сравнении серий раннесарматского, среднесарматского и позднесарматского времени как в суммарных выборках, так и при сопоставлении

локальных групп [Перерва, 2005]. Все это может указывать как на возможное общее генетическое начало, которое объединяет всех сарматов между собой, так и на то, что факторы стресса, стимулирующие проявление аномалий, у кочевников раннего железного века были практически сходны по своему происхождению. В целом данное предположение вполне укладывается в гипотезу, которая была высказана еще в середине XX в. Г.Ф. Дебецем, о существовании единого сарматского ядра, которое выводилось им из андроновской культуры [Дебец, 1948, с. 170–171]. О некоторой схожести антропологических типов сарматов из разных районов Волго-Уральского региона писали Т.С. Кондукторова [1956], М.С. Акимова [1968], Б.В. Фирштейн [1970], М.А. Балабанова [2000].

Анализ основных показателей половозрастной структуры исследуемой группы интерпретировать достаточно сложно из-за малочисленности группы, даже при условии сравнения с серией савроматской культуры Нижнего Поволжья, которая также малочисленна.

Тем не менее следует сделать предположение, что первоначально заселение Волгоградского Заволжья в IV–III вв. происходило путем прихода в основном мужской части населения. Начиная со II в. до н.э., вероятно, происходит массовая миграция, которая распространяется и на территорию Волго-донского междуречья. Именно в это время археологами и антропологами отмечается увеличение числа погребений и появление курганов кладбищ, которые характерны для сарматов II–I вв. до н.э. В отличие от савроматов и сарматов IV–III вв. до н.э., для кочевников раннесарматского времени второго этапа характерно близкое к естественному соотношение между мужчинами и женщинами, высокие показатели детской смертности, незначительные различия в показателях продолжительности жизни между мужчинами и женщинами (табл. 3).

Волна мигрантов IV–III вв. н.э., характеризующаяся по данным палеодемографии высоким уровнем дожития, низкой частотой встречаемости детей в захоронениях и превалированием в них мужчин, по мнению В.М. Клепикова, как раз пришлась на Заволжский регион, вероятнее всего, не получила

серьезного сопротивления со стороны местного – автохтонного – населения, или же эти территории были свободны [Клепиков, 2002, с. 133–137].

Анализ встречаемости патологических отклонений на костных останках сарматов IV–III вв. до н.э. дает возможность оценить группу как выборку индивидов с хорошим уровнем адаптации к воздействию негативных факторов окружающей среды. Скорее всего, данное обстоятельство связано с тем, что ранние кочевники, мигрирующие на территорию Поволжья, уходили с территории, которая по своим экологическим и климатическим характеристикам была схожа и не требовала от населения изменений в хозяйственном укладе и образе жизни.

Диета сарматов первого этапа развития раннесарматской культуры базировалась на мясных и молочных продуктах, и, вероятнее всего, была идентичной рациону практически всех кочевников раннего железного века Нижнего Поволжья. Это подтверждается специфическим комплексом патологий зубочелюстной системы, который характеризуется отсутствием кариеса, низкой частотой встречаемости абсцессов, в сочетании с массовым распространением зубного камня, пародонтоза и как следствие прижизненной утратой зубов. В рацион сарматов IV–III вв. могли входить твердые или вязкие продукты, которые приводили к распространению сколов и ранней патологической стертости эмали, а также к развитию дегенеративных изменений в области нижнечелюстного сустава.

Несмотря на достаточно благоприятный фон, выявленный при анализе распространения заболеваний зубочелюстной системы, у ранних сарматов первого этапа, как и у других кочевников железного века, присутствуют маркеры, указывающие на то, что они подвергались воздействию стрессов, особенно в детском возрасте. Поротический гиперостоз у ребенка из могильника Венгеловка и линии эмалевой недостаточности у половозрелого населения доказывают это. Причинами их появления могут быть периоды голода, которые характерны для кочевников, а также стресс, связанный с переходом от грудного вскармливания к постоянной пище, нехватка специфических микроэлементов в организме

из-за особенностей диеты, или лихорадочные явления, вызванные детскими болезнями. Кроме этого, следует обратить внимание и на то обстоятельство, что у трех индивидов в возрасте от 35 до 55 лет зафиксированы следы разреженности костной ткани в виде порога, локализованные в области альвеолярных отростков верхней и нижней челюсти. Данные признаки, которые в серии раннесарматского времени II–I вв. выявлены в основном у неполовозрелых индивидов или у молодых людей до 25 лет, могут быть следствием витаминной недостаточности.

Характерной чертой сарматов IV–III вв. до н.э. является отсутствие признаков воспалительных процессов, указывая на незначительную плотность мигрирующих в заволжские степи кочевых групп, что в свою очередь отразилось на слабом распространении различного рода инфекционных специфических заболеваний.

Характер распространения маркеров холодового стресса, травм и дегенеративных заболеваний суставов демонстрирует незначительные отличия от серий савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья. Также как и у савроматов и сарматов II–I вв. до н.э., у кочевников IV–III вв. до н.э. наиболее активным населением являлись мужчины, у которых встречаются боевые ранения и доминируют признаки васкулярной реакции (табл. 6).

Более высокие частоты встречаемости травм и признаков воздействия низких температур у сарматов раннего этапа по сравнению с поздним могут быть следствием сложной внутриволжской обстановки, спровоцированной непростой экологической ситуацией, которая характеризуется резкой континентальностью и аридизацией климата в данное время.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00471 «Палеоантропология древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)».

The research was supported by RFBR grant “Paleoanthropology of the ancient and medieval population of the Lower Volga River region (paleopathological aspect)”, no. 19-09-00471.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таблица 1. Материал исследования

Table 1. Research material

№ п/п	Могильник	Курган, погребение	Сохранность		Пол	Возраст
			череп	посткраниальный скелет		
1	Венгеловка, 1982	Кург. 2, погр. 10, костяк 1	1		Ребенок	6–7 лет
2	Венгеловка, 1982	Кург. 2, погр. 10, костяк 2		1	М	30–35
3	Верхний Балыклей, 1979	Кург. 5, погр. 4	1	1	М	30–35
4	Верхний Балыклей, 1979	Кург. 4, погр. 1	1		М	25–30
5	Верхний Балыклей, 1979	Кург. 4, погр. 2	1		М	20
6	Красная Деревня	Кург. 7, погр. 9		1	Ж	35–40
7	Лятошинка, 1990	Кург. 1, погр. 1	1		Ж	35–40
8	Лятошинка, 1990	Кург. 1, погр. 6	1		Ж	35–40
9	Лятошинка, 1990	Кург. 1, погр. 4	1		М	45–50
10	Маляевка V, 1998	Кург. 7, погр. 5, костяк 2	1		М	50–55
11	Маляевка V, 1998	Кург. 7, погр. 5, костяк 1	1		М	25–27
12	Соленое займище, 1987	Кург. 10, погр. 7		1	М	35–45
13	Эльгон, 1983	Кург. 10, погр. 8	1		Ж	45–55
14	Эльгон, 1983	Кург. 10, погр. 1	1		М	25–35
15	Эльгон, 1983	Кург. 10, погр. 9	1		М	45–55
16	Эльгон, 1983	Кург. 10, погр. 11		1	М	20–25

Таблица 2. Половозрастные особенности исследуемой серии ранних сарматов IV–III вв. до н.э.

Table 2. Sex and age characteristics of the studied series of early sarmatians of the 4th – 3rd centuries BC

Возраст	Ранние сарматы IV–III вв. до н.э.			
	♂/11	♀/4	Взрослые (пол не определен)/–	S/16
Новорожденные	0	0	0	0
2–12 месяцев	0	0	0	0
2–4	0	0	0	0
5–9	0	0	0	1
10–14	0	0	0	0
15–19	0	0	0	0
20–24	1	0	0	1
25–29	2	0	0	2
30–34	4	0	0	4
35–39	0	3	0	3
40–44	1	0	0	1
45–49	1		0	1
50+	2	1	0	3
Средний возраст смерти (A)	36,6	41,3	37,8	35,9
Процент индивидов данного пола (PSR)	73,3	26,7		
S50+	18,2	25	18,8	
Процент детской смертности (PCD)			6,3	

Таблица 3. Некоторые основные половозрастные показатели савромато-сарматских серий с территории Нижнего Поволжья**Table 3. Some of the main sex and age indicators of the Sauromato-Sarmatian series from the territory of the Lower Volga region**

Серии/Значения	NR	PCD	A	AA	C50+	AAm	AAf	PSR
Савроматы VI-V вв. до н.э.	20	15	29.3	33.4	0	31.5	47.5	88.2–11.8
Сарматы IV–III вв. до н.э.	16	6.3	35.9	37.8	18.8	36.6	41.3	73.3–26.7
Сарматы III–I вв. до н.э.	232	25	29.1	36.8	11.2	37.7	35.6	57.3–42.7

Примечание. NR – численность выборки; PCD – процент детской смертности; A – средний возраст смерти с учетом детей; AA – средний возраст смерти взрослых индивидов; C50+ – процент индивидов старше 50 лет; AAm – средний возраст смерти мужчин; AAf – средний возраст смерти женщин; PSR – процент по полу.

Таблица 4. Частоты встречаемости дискретно-варьирующих признаков на черепе и костях посткраниального скелета в савромато-сарматских сериях Нижнего Поволжья**Table 4. Frequencies of occurrence of discrete-varying characters on the skull and bones of the postcranial skeleton in the Sauromat-Sarmatian series of the Lower Volga region**

Дискретные признаки	Взрослые, VI–V вв. до н.э.	Взрослые, IV–III вв. до н.э.	Взрослые, III–I вв. до н.э.
	N, %		
s	15/5	11/5	139/112
Диастемы	0 (0 %)	0 (0 %)	13 (9 %)
Краудинг	0 (0 %)	2 (17 %)	8 (6 %)
Гиподонтия 3 моляра	2 (13 %)	2 (17 %)	24 (17 %)
Метопический шов	0 (0 %)	1 (8 %)	14 (10 %)
Остеомы	1 (7 %)	2 (17 %)	18 (13 %)
Шовные кости	4 (27 %)	5 (42 %)	31 (22 %)
Родничковые кости	2 (13 %)	3 (25 %)	18 (13 %)
Пальцевидные вдавления	9 (60 %)	1 (8 %)	40 (29 %)
Межмышечковые отверстия	0 (0 %)	0 (0 %)	9 (8 %)

Таблица 5. Частоты встречаемости патологических отклонений и маркеров стресса у населения из подкурганых захоронений ранних сарматов IV–III вв. до н.э. с территории Нижнего Поволжья

Table 5. Frequencies of pathological deviations and stress markers in the population from the burials of the early Sarmatians under the Kurgan of the 4th – 3rd centuries BC from the territory of the Lower Volga region

Признаки	Взрослые	Дети	Мужчины	Женщины	Adultus	Maturus
	N, %	N, %	N, %	N, %	N, %	N, %
s	11/5	1	8/4	3/1	5/3	6/2
Деформация черепа	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Интерпроксимальные желобки	1 (9 %)	0 (0 %)	1 (13 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	1 (17 %)
Кариес	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Абсцесс	2 (17 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	1 (33 %)	0 (0 %)	1 (17 %)
Зубной камень	11 (100 %)	1 (100 %)	8 (100 %)	3 (100 %)	5 (100 %)	6 (100 %)
Эмалевая гипоплазия	5 (45 %)	0 (0 %)	5 (63 %)	0 (0 %)	3 (60 %)	2 (33 %)
Прижизненная утрата зубов	4 (36 %)	0 (0 %)	3 (38 %)	1 (33 %)	1 (20 %)	3 (50 %)
Пародонтоз	10 (91 %)	0 (0 %)	7 (88 %)	3 (100 %)	4 (80 %)	6 (100 %)
Сколы эмали	4 (36 %)	0 (0 %)	4 (50 %)	0 (0 %)	3 (60 %)	1 (17 %)
Патологическая стертость зубов	9 (81,8 %)	0 (0 %)	6 (75 %)	3 (100 %)	3 (60 %)	6 (100 %)
Дегенеративные изменения нижнечелюстного сустава	7 (64 %)	0 (0 %)	5 (63 %)	2 (67 %)	4 (80 %)	4 (67 %)
Васкулярная реакция костной ткани	10 (91 %)	0 (0 %)	8 (100 %)	2 (67 %)	5 (100 %)	5 (83 %)
Поротический гиперостоз орбит (Cribra orbitalia)	0 (0 %)	1 (100 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Поротический гиперостоз костей свода черепа	0 (0 %)	1 (100 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Пороз костей свода и лицевого отдела черепа	3 (27 %)	0 (0 %)	2 (25 %)	1 (33 %)	0 (0 %)	3 (50 %)
Внутренний лобный гиперостоз	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Воспалительные процессы на черепной коробке	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Воспалительные процессы (посткран)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Артрозы (посткран)	3 (60 %)	0 (0 %)	2 (50 %)	1 (100 %)	3 (33 %)	2 (100 %)
Травмы костей свода черепа	2 (18 %)	0 (0 %)	2 (25 %)	0 (0 %)	2 (40 %)	0 (0 %)
Травмы лицевого отдела черепа	3 (27 %)	0 (0 %)	3 (38 %)	0 (0 %)	1 (20 %)	2 (33 %)
Травмы костей посткраниального скелета	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)

Таблица 6. Сопоставление встречаемости патологических отклонений и маркеров стресса в савромато-сарматских сериях Нижнего Поволжья**Table 6. Comparison of the incidence of pathological abnormalities and stress markers in the Sauromat-Sarmatian series of the Lower Volga region**

Признаки	Взрослые, VI-V вв. до н.э.	Взрослые, IV-III вв. до н.э.	Взрослые, III-I вв. до н.э.
	N, %		
s	17/15/5 *	16/11/5	174/139/112
Деформация черепа	3 (20 %)	0 (0 %)	3 (2 %)
Интерпроксимальные желобки	2 (13 %)	1 (9 %)	9 (6,5 %)
Кариес	0 (0 %)	0 (0 %)	8 (5,8 %)
Абсцесс	2 (13 %)	2 (17 %)	32 (23 %)
Зубной камень	14 (93 %)	11 (100 %)	130 (94 %)
Эмалевая гипоплазия	5 (33 %)	5 (45 %)	68 (49 %)
Прижизненная утрата зубов	4 (27 %)	4 (36 %)	48 (35 %)
Пародонтоз	9 (60 %)	10 (91 %)	89 (64 %)
Сколы эмали	6 (40 %)	4 (36 %)	32 (23 %)
Патологическая стертость зубов	5 (33 %)	9 (81,8 %)	70 (50,4 %)
Дегенеративные изменения нижнечелюстного сустава	3 (20 %)	7 (64 %)	74 (53 %)
Васкулярная реакция костной ткани	13 (87 %)	10 (91 %)	88 (63 %)
Поротический гиперостоз орбит (Cribra orbitalia)	0 (0 %)	0 (%)	28 (20 %)
Поротический гиперостоз костей свода черепа	1 (7 %)	0 (0 %)	10 (7 %)
Пороз костей свода и лицевого отдела черепа	0 (0 %)	3 (27 %)	16 (12 %)
Внутренний лобный гиперостоз	1 (7 %)	0 (0 %)	12 (8,6 %)
Пальцевидные вдавления	9 (60 %)	0 (0 %)	40 (29 %)
Воспалительные процессы на черепной коробке	0 (0 %)	0 (0 %)	13 (9 %)
Травматизм	5 (29,4 %)	4 (25 %)	24 (13,8)
Воспалительные процессы на костях посткраниального скелета	0 (0 %)	0 (0 %)	13 (9,4 %)
Артроз	4 (80 %)	3 (60 %)	60 (54 %)

Примечание. * Первая цифра – всего индивидов (при учете травматизма), вторая – количество исследованных черепов, третья – количество посткраниальных скелетов.

Рис. 1. Карта-схема расположения могильников, из которых происходят палеоантропологические материалы раннесарматского времени IV–III вв. до н.э.

Fig. 1. Map-diagram of the location of the cemeteries from which the paleoanthropological materials of the Early Sarmatian period of the 4th – 3rd centuries BC come

Рис. 2. Непреднамеренные изменения на зубах и некоторые патологические отклонения на костных останках ранних сарматов IV–III вв. до н.э.:

1 – Интерпроксимальные желобки у мужчины 50–55 лет из погребения 5 кургана 7 могильника Маляевка V;
 2.1 – признаки развития абсцесса правой верхнечелюстной кости женщины из погребения 8 кургана 10 могильника Эльтон; 2.2 – признаки острого воспалительного процесса на нижней челюсти женщины из погребения 8 кургана 10 могильника Эльтон; 3.1 – следы поротического гиперостоза орбиты (cribra orbitalia) у ребенка 6–7 лет из могильника Венгеловка; 3.2 – следы поротического гиперостоза теменной кости у ребенка 6–7 лет из могильника Венгеловка

Fig. 2. Unintentional changes in the teeth and some pathological abnormalities in the bone remains of the early Sarmatians of the 4th – 3rd centuries BC:

1 – Interproximal grooves in a 50–55-year-old man from burial 5, kurgan 7, Malyaevka V;
 2.1 – signs of the development of an abscess of the right maxillary bone of a woman from burial 8, kurgan 10 of the Elton cemetery; 2.2 – signs of an acute inflammatory process in the lower jaw of a woman from burial 8, kurgan 10 of the Elton cemetery; 3.1 – traces of porotic hyperostosis of the orbit (cribra orbitalia) in a 6–7 year old child from the Vengelovka; 3.2 – traces of porotic hyperostosis of the parietal bone in a 6–7 year old child from the Vengelovka

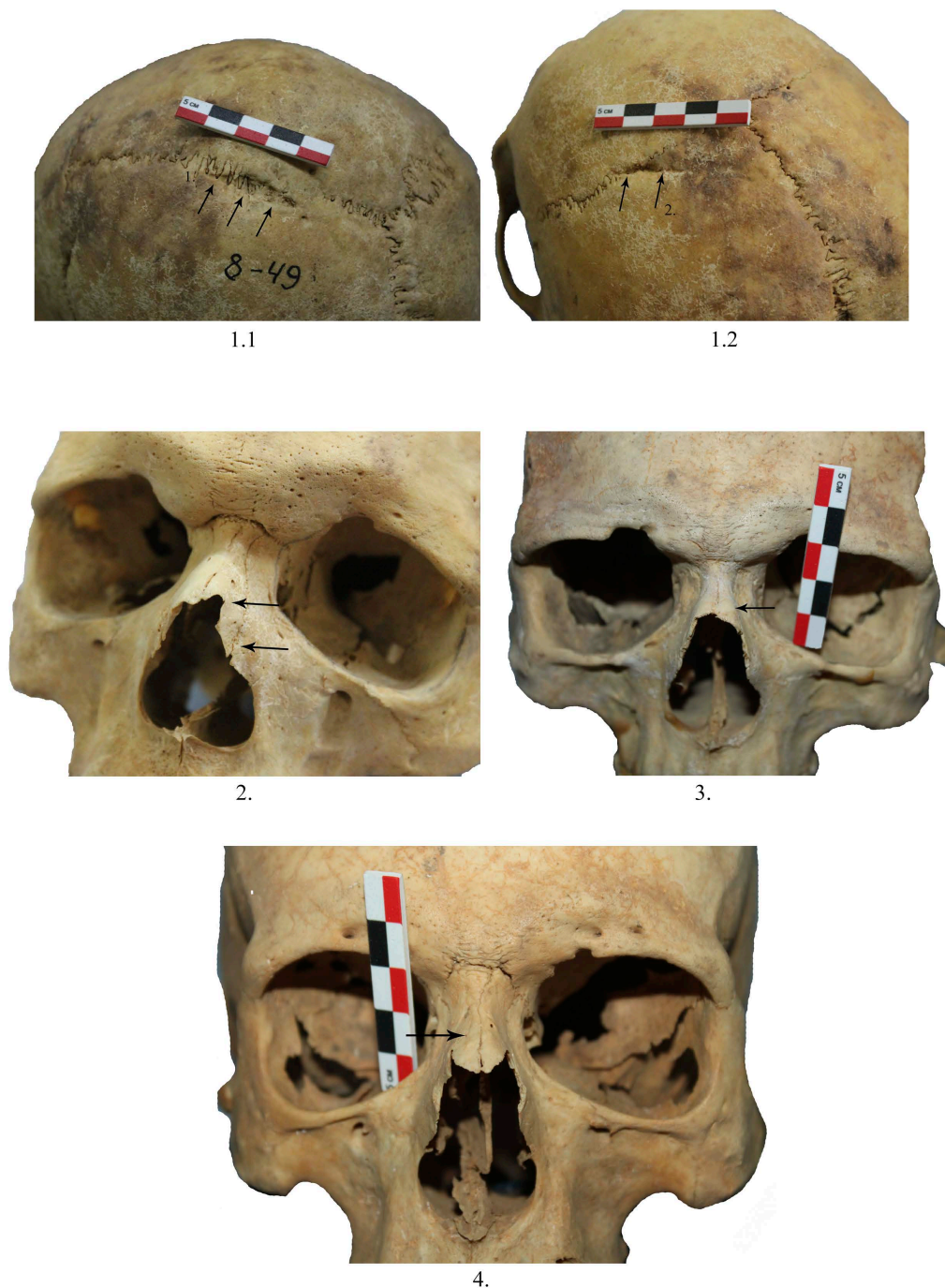

Рис. 3. Травматические повреждения на черепных коробках сарматов IV–III вв. до н.э.:

1.1 – следы от зажившего ранения теменных костей мужчины 25–30 лет из погребения 5 кургана 7 могильника Маляевка V, костяк 1; 1.2 – следы от зажившего ранения на лобном краю левой теменной кости мужчины из погребения 5 кургана 7 могильника Маляевка V, костяк 1; 2 – травма носа у мужчины из погребения 5 кургана 7 могильника Маляевка V, костяк 1; 3 – травма носа у мужчины 35–45 лет из погребения 5 кургана 7 могильника Маляевка V, костяк 2; 4 – травма носа у мужчины 45–55 лет из погребения 9 кургана 10 могильника Эльтон

Fig. 3. Traumatic injuries on the skulls of the Sarmatians of the 4th – 3rd centuries BC:

1.1 – traces of a healed wound of the parietal bones of a 25–30 year old man from burial 5, kurgan 7, skeleton 1, Malyaevka V; 1.2 – trace of a healed wound on the frontal edge of the left parietal bone of a man from burial 5, kurgan 7, skeleton 1, Malyaevka V; 2 – trauma to the nose of a man from burial 5, kurgan 7, skeleton 1, Malyaevka V; 3 – injury to the nose of a 35–45-year-old man from burial 5, skeleton 2, kurgan 7, Malyaevka V; 4 – injury to the nose of a 45–55 year old man from burial 9, kurgan 10 of the Elton cemetery

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова М. С., 1968. Антропология Древнего населения Приуралья. М. : Наука. 120 с.
- Балабанова М. А., 1999. Антропология сарматских погребальных памятников Нижнего Поволжья IV–III вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 54–72.
- Балабанова М. А., 2000. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М. : Наука. 133 с.
- Богатенков Д. В., Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б., 2008. Реконструкции демографических процессов в прикаспийском Дагестане эпохи бронзы (по материалам раскопок археологического комплекса Великент в 1995–1998 гг.) // OPUS : Междисциплинарные исследования в археологии. № 6. С. 196–213.
- Бужилова А. П., 1995. Древнее население (палеопатологические исследования). М. : ИА РАН. 189 с.
- Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биореологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М. : Старый Сад. С. 87–147.
- Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. 4. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 392 с.
- Демкин В. А., Борисов А. В., Демкина Т. С., Хомутова Т. Э., Золотарева Б. Н., Каширская Н. Н., Удальцов С. Н., Ельцов М. В., 2010. Волго-Донские степи в древности и средневековье. Пушкино : SYNCHROBOOK. 120 с.
- Демкин В. А., Борисов А. В., Ельцов М. В., Демкина Т. С., Хомутова Т. Э., Каширская Н. Н., Удальцов С. Н., Золотарева Б. Н., 2011. Палеоэкология нижневолжских степей в эпоху раннего железа // Труды III (XIX) всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. ; М. ; В. Новгород : Новгородский технопарк. С. 373–374.
- Демкин В. А., Скрипкин А. С., Ельцов М. В., Золотарева Б. Н., Демкина Т. С., Хомутова Т. Э., Кузнецова Т. В., Удальцов С. Н., Каширская Н. Н., Плеханова Л. Н., 2012. Природная среда Волго-Уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Пушкино : Изд-во ИФХиБПП РАН. 215 с.
- Железчиков Б. Ф., 1997. Анализ сарматских погребальных памятников IV–III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). М. : ИА РАН. С. 46–128.
- Клепиков В. М., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 216 с.
- Клепиков В. М., 2007. Формирование раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы Семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 37–58.
- Кондукторова Т. С., 1956. Материалы по палеоантропологии Украины. Палеоантропологический материал сарматского времени // Антропологический сборник. № 1. Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. 33. М. : Изд-во АН СССР. С. 166–203.
- Мовсесян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г., 1975. Программа и методика исследования аномалий черепа // Вестник антропологии. Вып. 51. С. 127–150.
- Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М. : Наука. 52 с.
- Перерва Е. В., 2005. Население сарматской эпохи по антропологическим материалам из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 25 с.
- Ростовцев М. И., 1918. Эллинизм и иранство на юге России. Петроград : Огни. 190 с.
- Сергацков И. В., 2000. О конечной дате раннесарматской культуры // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. С. 113–122.
- Скрипкин А. С., 1997. Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 103 с.
- Скрипкин А. С., Клепиков В. М., 2004. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар. С. 95–106.
- Скрипкин А. С., 2017. Сарматы. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 293 с.
- Смирнов К. Ф., 1974. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Волги и Дона в IV в. до н.э. – II в. до н.э. (историко-археологический очерк) // Советская археология. № 3. С. 33–45.

- Фирштейн Б. В., 1970. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т. А., Фирштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л. : Наука. 201 с.
- Яблонский Л. Т., 2000. Антропологические аспекты формирования раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара : Изд-во СНЦ РАН. С. 29–40.
- Brothwell D. R., 1972. Digging up Bones. London : Trustees of British Museum. 316 p.
- Finnegan M., 1978. Non-Metric Variation of the Infracranial Skeleton // Journal of Anatomy. Vol. 125, iss. 1. P. 23–37.

REFERENCES

- Akimova M.S., 1968. *Antropologiya Drevnego naseleniya Priuralia* [Anthropology of the Ancient Population of the Urals]. Moscow, Nauka Publ. 120 p.
- Balabanova M. A., 1999. Antropologiya sarmatskikh pogrebalnykh pamiatnikov Nizhnego Povolzhia IV–III vv. do n.e. [The Anthropological Analysis of the Volga Sarmatian Materials Dating to the IV-III BC]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 2, pp. 54-72.
- Balabanova M.A., 2000. *Antropologiya drevnego naseleniya Iuzhnogo Priuralia i Nizhnego Povolzhia. Rannii zheleznyi vek* [Anthropology of the Ancient Population of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Early Iron Age]. Moscow, Nauka Publ. 133 p.
- Bogatenkov D.V., Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Mednikova M.B., 2008. Rekonstruktsii demograficheskikh protsessov v prikaspiiskom Dagestane epokhi bronzy (po materialam raskopok arheologicheskogo kompleksa Velikent v 1995–1998 gg. [Reconstruction of Demographic Processes in the Caspian Dagestan of the Bronze Age (Based on Materials from the Excavations of the Velikent Archaeological Complex in 1995-1998)]. *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arheologii* [OPUS: Interdisciplinary Studies in Archeology], no. 6, pp. 196-213.
- Buzhilova A.P., 1995. *Drevnee naselenie (paleopatologicheskie issledovaniia)* [Ancient Population (Paleopathological Research)]. Moscow, IARAS. 189 p.
- Buzhilova A.P., 1998. Paleopatologiya v bioreologicheskikh rekonstruktsiiakh [Paleopathology in Biorheological Reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical Human Ecology. Biological Research Technique]. Moscow, Staryy Sad Publ., pp. 87-147.
- Debets G.F., 1948. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Proceedings of the Institute of Ethnography named after N.N. Miklukho-Maklay. Vol. 4. Moscow, Leningrad, AS USSR. 392 p.
- Demkin V.A., Borisov A.V., Demkina T.S., Khomutova T.E., Zolotareva B.N., Kashirskaia N.N., Udaltsov S.N., Eltsov M.V., 2010. *Volgo-Donskie stepi v drevnosti i srednevekov'e* [Volga-Don Steppes in Antiquity and the Middle Ages]. Pushchino, SYNCHROBOOK Publ. 120 p.
- Demkin V.A., Borisov A.V., Eltsov M.V., Demkina T.S., Khomutova T.E., Kashirskaia N.N., Udaltsov S.N., Zolotareva B.N., 2011. Paleoekologiya nizhnevolzhskikh stepei v epokhu rannego zheleza [Paleoecology of the Lower Volga Steppes in the Early Iron Age]. *Trudy III (XIX) vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress], vol. II. Saint Petersburg, Moscow, Veliky Novgorod, Novgorodskiy Tekhnopark Publ., pp. 373-374.
- Demkin V.A., Skripkin A.S., Eltsov M.V., Zolotareva B.N., Demkina T.S., Khomutova T.E., Kuznetsova T.V., Udaltsov S.N., Kashirskaia N.N., Plekhanova L.N., 2012. *Prirodnaia sreda Volgo-Uralskikh stepei v savromato-samatskuiu epokhu (VI v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Natural Environment of the Volga-Ural Steppes in the Sauromat-Sarmatian Era (VI BC - IV AD)]. Pushchino, IPCBPSS RAS. 215 p.
- Zhelezchikov B.F., 1997. Analiz sarmatskikh pogrebalnykh pamiatnikov IV–III vv. do n.e. [Analysis of the Sarmatian Burial Sites of the 4th-3rd Centuries BC]. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii. Vyp. II: Rannesarmatskaia kultura (IV–I vv. do n.e.)* [Statistical Study of Funeral Antiquities of Asian Sarmatia. Issue II: Early Sarmatian Culture (IV-I Centuries BC)]. Moscow, IARAS, pp. 46-128.
- Klepikov V.M., 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzhia v IV–III vv. do n.e.* [Sarmatians of the Lower Volga Region in the IV-III Centuries BC]. Volgograd, VolSU. 216 p.

- Klepikov V.M., 2007. Formirovanie rannesarmatskoi kultury v Nizhnem Povolzhe [Generation of Early Sarmatian Culture in the Lower Volga Region]. *Regionalnye osobennosti rannesarmatskoi kultury. Materialy Seminara Tsentra izucheniia istorii i kultury sarmatov* [Regional Features of the Early Sarmatian Culture. Materials of the Seminar of the Center for the Study of the History and Culture of the Sarmatians]. Volgograd, VolSU, pp. 37-58.
- Konduktorova T.S., 1956. Materialy po paleoantropologii Ukrainy. Paleoantropologicheskii material sarmatskogo vremeni [Materials on Paleoanthropology of Ukraine. Paleoanthropological Material of the Sarmatian Time]. *Antropologicheskii sbornik* [Anthropology Collection], no. 1. Proceedings of Institute of Ethnography named after N.N. Miklukho-Maklay, vol. 33. Moscow, AS USSR, pp. 166-203.
- Movsesian A.A., Mamontova N.N., Rychkov Yu.G., 1975. Programma i metodika issledovaniia anomalii cherepa [Program and Methodology for the Study of Skull Anomalies]. *Vestnik antropologii* [Anthropological Issues], vol. 51, pp. 127-150.
- Moshkova M.G., 1974. *Proiskhozhdenie rannesarmatskoi (prokhorovskoi) kultury* [The Origin of the Early Sarmatian (Prokhorovka) Culture]. Moscow, Nauka Publ. 52 p.
- Pererva E.V., 2005. *Naselenie sarmatskoi epokhi po antropologicheskim materialam iz mogilnikov Nizhnego Povolzhia i Nizhnego Dona: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Population of the Sarmatian Era According to Anthropological Materials from the Cemeteries of the Lower Volga and the Lower Don Region. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 25 p.
- Rostovtsev M.I., 1918. *Elinstvo i iranstvo na iuge Rossii* [Elinism and Iranism in the South of Russia]. Petrograd, Ogni Publ. 190 p.
- Sergatskov I.V., 2000. O konechnoi date rannesarmatskoi kultury [On the Final Date of the Early Sarmatian Culture]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 3, pp. 113-122.
- Skripkin A.S., 1997. *Etiudy po istorii i kulture sarmatov* [Studies on the History and Culture of the Sarmatians]. Volgograd, VolSU. 103 p.
- Skripkin A.S., Klepikov V.M., 2004. Khronologiya rannesarmatskoi kultury Nizhnego Povolzhia [Chronology of the Early Sarmatian Culture of the Lower Volga Region]. *Sarmatskie kultury Evrazii: problemy regionalnoi khronologii: dokl. k 5-y Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports for the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Krasnodar, pp. 95-106.
- Skripkin A.S., 2017. *Sarmaty* [Sarmatians]. Volgograd, VolSU. 293 p.
- Smirnov K.F., 1974. Sarmaty Nizhnego Povolzhia i mezhdurechia Volgi i Dona v IV v. do n.e. – II v. do n.e. (istoriko-arkheologicheskii ocherk) [Sarmatians of the Lower Volga Region and the Interfluvium of the Volga and Don in the IV Century BC - II Century BC (Historical and Archaeological Essay)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 33-45.
- Firshtein B.V., 1970. Sarmaty Nizhnego Povolzhia v antropologicheskom osviashchenii [Sarmatians of the Lower Volga Region in Anthropological Consecration]. *Tot T.A., Firshtein B.V. Antropologicheskie dannye k voprosu o velikom pereselenii narodov. Avary i sarmaty* [Anthropological Data on the Issue of the Great Migration of the Avars and Sarmatians]. Leningrad, Nauka Publ. 201 p.
- Yablonskiy L.T., 2000. Antropologicheskie aspekty formirovaniya rannesarmatskoi kultury [Anthropological Aspects of the Formation of Early Sarmatian Culture]. *Rannesarmatskaia kultura: formirovanie, razvitie, khronologiya: materialy IV Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii»* [Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology: Materials of the IV International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”], iss. 1. Samara, SSC RAS, pp. 29-40.
- Brothwell D.R., 1972. *Digging up Bones*. London, Trustees of British Museum. 316 p.
- Finnegan M., 1978. Non-Metric Variation of the Infracranial Skeleton. *Journal of Anatomy*, vol. 125, iss. 1, pp. 23-37.

Information About the Author

Evgeniy V. Pererva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Информация об авторе

Евгений Владимирович Перерва, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.5>

UDC 902.6
LBC 63.44

Submitted: 11.09.2020
Accepted: 24.11.2020

ABOUT THE FIRST APPEARANCE OF THE EARLY SARMATIANS IN THE LOWER DON REGION

Vyacheslav P. Glebov

OOO Archaeological Research Bureau, Rostov-on-Don, Russian Federation

Anton V. Dedyulkin

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. There are different points of view regarding the date of the appearance of the early Sarmatian archaeological culture of the 2nd – 1st centuries BC within the Lower Don region. However, most researches have been of the view that the Lower Don region and the Northeastern Black Sea region were developed by the Sarmatians relatively late, namely not earlier than the second half of the 2nd century BC. The main objective of this study is to define the date of the first appearance of the Sarmatians on the territory of the Don region based on the analysis of the archaeological data from Sarmatian and ancient archeology, as well as information from the literary and epigraphic sources. According to the scale of the relative chronology there is plenty of early monuments in the Sarmatian antiquities within the 2nd century BC. However, the number of chronological indicators in Sarmatian burials of this time horizon is relatively low. On the basis of the Rhodian amphora with stamps, black-glazed cantharoi and Megarian bowls, the date of the earliest complexes can be set within the second or third quarters of the 2nd century BC. The arrival of the Sarmatians had a general destabilizing effect on the situation in the Don region and the Northeastern Black Sea region. The destruction of settlements and the devastation of territories were recorded on the Bosphorus. The city of Tanais in the Lower Don region was fortified in the second quarter of the 2nd century BC. The first reliable mentions of the Sarmatians in official documents are dated to the end of the first – the beginning of the second quarter of the 2nd century BC (the treaty is dated 179 BC, Delphic manumissions). Further the authors conclude that the first appearance of the Sarmatians in the Lower Don region and the Northeastern Black Sea region is associated with the movement of nomadic tribes as a result of the expansion of the Xiongnu state, formed at the end of the 3rd century BC, which reached the Russian southern steppes as a result of domino effect.

Key words: Early Sarmatian culture, Lower Don region, nomads, Hellenism, fortifications of Tanais, chronology.

Citation. Glebov V.P., Dedyulkin A.V., 2020. O vremeni poyavleniya rannih sarmatov na Nizhnem Donu [About the First Appearance of the Early Sarmatians in the Lower Don Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 92-119. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.5>

УДК 902.6
ББК 63.44

Дата поступления статьи: 11.09.2020
Дата принятия статьи: 24.11.2020

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ РАННИХ САРМАТОВ НА НИЖНЕМ ДОНУ

Вячеслав Петрович Глебов

Археологическое научно-исследовательское бюро, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Антон Владимирович Дедюлькин

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В сарматологии существуют различные точки зрения относительно времени появления на Нижнем Дону носителей раннесарматской культуры II–I вв. до н.э. Большинство исследователей придержи-

ваются мнения о довольно поздней дате освоения сарматами Нижнего Подонья и Северо-Восточного Причерноморья – не ранее второй половины II в. до н.э. Задачей исследования является определение даты прихода сарматов в Подонье на базе анализа данных сарматской и античной археологии, а также сведений нарративных и эпиграфических источников. В сарматских древностях по шкале относительной хронологии выделяется большой пласт ранних памятников в рамках II в. до н.э., однако количество хроноиндикаторов в сарматских погребениях этого горизонта сравнительно невелико. На основании родосской амфоры с клеймами, лаковых канфаров и «мегарских» чаш дата наиболее ранних комплексов может быть установлена в пределах второй или второй – третьей четвертей II в. до н.э. Приход сарматской миграционной волны вызвал общую дестабилизацию обстановки в Подонье и Северо-Восточном Причерноморье. На Боспоре фиксируются разрушение поселений и опустошение сельских территорий, на Нижнем Дону в Танаисе во второй четверти II в. до н.э. строится мощная система укреплений. Первые достоверные упоминания о сарматах в официальных документах относятся к концу первой – началу второй четверти столетия (договор 179 г. до н.э., дельфийские манумиссии). Появление сарматов в Нижнем Подонье и Северо-Восточном Причерноморье связывается нами с подвижкой кочевых племен в результате экспансии державы хунну, образовавшейся в конце III в. до н.э., докатившейся по принципу домино до южнорусских степей.

Ключевые слова: раннесарматская культура, Нижнее Подонье, кочевники, эллинизм, фортификация Танаиса, хронология.

Цитирование. Глебов В. П., Дедюлькин А. В., 2020. О времени появления ранних сарматов на Нижнем Дону // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 92–119. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.5>

Целью данного исследования является уточнение времени появления на Нижнем Дону памятников раннесарматской культуры, традиционно датированных в рамках II–I вв. до н.э. В Нижнем Подонье, в отличие от более восточных регионов, не прослеживается непрерывной линии развития раннесарматской культуры с IV по I в. до н.э. – сарматские памятники IV – начала III в. до н.э. и II–I вв. до н.э. разделены временным хиатусом. Кочевники II–I вв. до н.э. не являлись прямыми потомками нижнедонских номадов IV – начала III в. до н.э., а представляли собой новый миграционный импульс с востока, гораздо более мощный, чем в IV в. до н.э. На протяжении большей части III в. до н.э. в степной части Нижнего Подонья постоянное кочевое население, видимо, отсутствовало, можно предположить лишь эпизодическое проникновение отдельных групп номадов или военных отрядов [Глебов и др., 2005, с. 59–60; Глебов, 2007, с. 66]. Сходная ситуация – исчезновение погребальных памятников кочевников – наблюдается в это время и в соседних регионах – Поднепровье [Полин, 1992, с. 67–71], Предкавказье [Берлизов, 1996, с. 31; Шевченко, 2011, с. 50–51]. Плотное освоение нижнедонских степей носителями раннесарматской культуры произошло лишь во II в. до н.э., о чем свидетельствует появление здесь в большом количестве семейно-родовых сарматских могильников.

Относительно времени, причин и обстоятельств прихода этой миграционной волны существуют различные мнения.

М.П. Абрамова, рассмотрев известные к началу 60-х гг. прошлого столетия раннесарматские погребения Подонья и Северного Причерноморья, датировала их временем не ранее II в. до н.э. [Абрамова, 1961, с. 95–99]. Однако Д.А. Мачинский, основываясь на сведениях письменных источников, высказал мнение, что Нижнее Подонье было сарматским уже в IV в. до н.э., а нашествие сарматов на Скифию, описанное Диодором (Diod., II, 43–46), имело место в конце IV – на рубеже IV–III вв. до н.э. [Мачинский, 1971, с. 42–54]. Близкой точки зрения придерживался К.Ф. Смирнов, считавший, что хотя «основные массы ранних сарматов в IV–III вв. до н.э. жили еще за Танаисом-Доном, ...отдельные их отряды и даже племенные группы... прорывались уже далеко вглубь Скифии». По мере ослабления Скифии военное давление сарматов усиливалось и в III в. до н.э. это закончилось разорением и гибелью Великой Скифии [Смирнов, 1984, с. 66–72]. По мнению В.И. Костенко, этому длительному завоевательному периоду соответствуют немногочисленные разрозненные погребения, в основном воинские. Стабилизация обстановки в северопричерноморских степях и окончательное освоение их сарматами относят-

ся ко времени не ранее II в. до н.э. [Костенко, 1983, с. 68–70].

Эти гипотезы легли в основу концепции сарматского разгрома Великой Скифии, в которой Подонью отводилась роль одной из тех территорий, откуда в конце первой трети III в. до н.э. совершались походы сарматов, ставшие причиной гибели Великой Скифии, а также разрушений и прекращения жизни на большинстве поселений греков и варваров в Северном Причерноморье [Виноградов и др., 1997, с. 101–103; Виноградов, 1997, с. 122–123].

Принципиально иная концепция была предложена С.В. Полиным. Проведя тщательный анализ скифских и сарматских комплексов Северного Причерноморья и прилегающих территорий, С.В. Полин пришел к выводу, что, во-первых, памятники номадов скифской эпохи в Северном Причерноморье исчезают в начале III в. до н.э. из-за резкого ухудшения природно-климатических условий, во-вторых, раннесарматские погребения якобы III в. до н.э. в большинстве своем неправильно датированы или неверно атрибутированы [Полин, 1992]. Согласно этой версии, никакого завоевания сарматами Великой Скифии не было, сарматы заняли пустующие причерноморские степи более чем через 100 лет после исчезновения скифов. Появление сарматов в Нижнем Подонье С.В. Полин относит ко II в. до н.э. [Полин, 2018, с. 280], первые сарматские комплексы на правом берегу Дона датирует второй четвертью или серединой II в. до н.э., освоение сарматами донского правобережья и днепро-донского междуречья – серединой – второй половиной II в. до н.э. [Полин, 1992, с. 68, 81, 117].

А.В. Симоненко в совместной с С.В. Полиным статье поддержал тезис о появлении сарматов в Северном Причерноморье не ранее середины II в. до н.э. [Полин, Симоненко, 1997, с. 96], однако в собственных работах А.В. Симоненко предпочитает более широкую хронологию памятников раннесарматского периода в Северном Причерноморье, не исключаящую и первую половину II в. до н.э. [Симоненко, 1994, с. 45; 2004, с. 135–140; 2013, с. 205–206].

В.Е. Максименко на основании анализа нижнедонских древностей савроматского и раннесарматского времени сделал вывод о

том, что сарматы-прохоровцы – это новая миграционная волна кочевников из Поволжья и Приуралья, вытеснивших носителей савроматской культуры предшествующего периода. По его мнению, сарматы-прохоровцы продвинулись с востока вдоль левого берега Дона в конце III в. до н.э. и переправились на правобережье в начале II в. до н.э. [Максименко, 1983, с. 128–129; 1997, с. 46–48; 2000, с. 161–162]. Вместе с тем В.Е. Максименко отмечал, что на донском левобережье ни одно прохоровское погребение не может быть с полной уверенностью датировано концом III в. до н.э., а на правобережье сарматские погребальные комплексы появляются не ранее середины II в. до н.э. [Максименко, 1983, с. 48, 65].

В.П. Глебов, уточнив хронологию погребальных комплексов нижнедонских номадов, отнесенных В.Е. Максименко к IV–III вв. до н.э., пришел к заключению, что практически все они датируются не позже начала III в. до н.э., некоторые – II–I вв. до н.э., а на протяжении большей части III в. до н.э. в степном Нижнем Подонье, как и в Северном Причерноморье, отсутствуют кочевнические погребения, как сарматские, так и скифские [Глебов, 2002, с. 190–194; 2007, с. 64–66]. Выделив ранний горизонт раннесарматской культуры Нижнего Подонья и сопоставив датировки наиболее ранних комплексов со сведениями письменных источников, В.П. Глебов определил время освоения сарматами нижнедонского региона как конец III или рубеж III–II вв. до н.э., а скорее всего, начало II в. до н.э. [Глебов, 2005, с. 34–43; 2007, с. 66–70; 2010, с. 22–23].

Н.Е. Берлизов на основании анализа сарматских погребений, поддающихся сколь угодно узкой датировке, отнес появление сарматских памятников в междуречье Волги и Дона к концу III в. до н.э., а на территориях к западу от Дона – к концу II в. до н.э. [Берлизов, 2011, с. 198–203].

В.Ю. Зуев разделяет памятники кочевников V–IV и II–I вв. до н.э. уральского региона на отдельные культуры (соответственно филипповскую и прохоровскую), друг с другом генетически не связанные и разделенные хиатусом III в. до н.э. Появление сарматов-прохоровцев в Поволжье и Подонье В.Е. Зуев

относит ко времени не ранее второй половины или последней трети II в. до н.э. [Зуев, 1998, с. 18–19; 2000, с. 94–97; 2013, с. 514–520], допуская сложение прохоровской культуры где-то «в землях, лежащих к востоку от Каспийского моря» в более раннее время – в конце III – первой четверти II в. до н.э. [Зуев, 2000, с. 96–99].

Развернутая гипотеза, увязывающая археологические данные и письменные источники о сарматах Северного Причерноморья с историческими событиями, происходившими далеко на востоке, принадлежит А.С. Скрипкину. Волгоградский исследователь выделяет сарматские памятники II–I вв. до н.э. в заключительный этап раннесарматской культуры, характеризующийся, среди прочего, большим количеством инноваций восточного облика, зачастую очень близких китайским, хуннским, южносибирским, среднеазиатским образцам: длинные мечи с небольшими ромбическими перекрестьями, миниатюрные бронзовые модельки котлов и горитов, ложковидные наконечники ремней, мечи с кольцевыми навершиями, бронзовые ажурные пряжки с изображением лежащих верблюдов или сцен терзания верблюда кошачьим хищником, гагатовые поясные пряжки, а также некоторые элементы погребального обряда: гробовища с двумя параллельными выступами в головной части, северная ориентировка погребенных [Скрипкин, 2000, с. 17–26; 2017, с. 151–158]. В появлении в волго-донских степях новой волны кочевников восточного происхождения А.С. Скрипкин видит результат миграционных процессов, вызванных экспансией державы хунну, возникшей в конце III в. до н.э., вытеснением юэчжей из Ганьсуского коридора в Семиречье и последующим уходом их вместе с другими племенами в центральные и южные районы Средней Азии. Вторжение новых кочевников в Среднюю Азию привело к падению Греко-Бактрийского царства в 140–130 гг. до н.э., хотя давление кочевников на Греко-Бактрию, вероятно, начало ощущаться раньше – предположительно, с середины II в. до н.э.¹ [Скрипкин, 2017, с. 99]. С вторжением кочевников, сокрушившим Греко-Бактрийское царство, связывается возникновение огромных курганных могильников с подбойными и катакомбными погребениями в некоторых рай-

онах Средней Азии [Вайнберг, 1992, с. 119–121; Мандельштам, 1992, с. 107–115; Обельченко, 1992, с. 68–90, 219–228].

А.С. Скрипкин обратил внимание на сходство ситуации в столь отдаленных друг от друга областях, как Средняя Азия и восточноевропейские степи – в обоих этих регионах примерно в одно и то же время массово появляются новые памятники и фиксируются неизвестные ранее этнонимы: тохары, асии, пасаианы, сакарауки в Бактрии, верхние аорсы, аорсы, сираки, роксоланы, сатархи в Сарматии (Strab., VII, 3; IX, 8, 2; XI, 5, 8), и предположил, что это звенья одной цепи. По его мнению, «все это свидетельствует об освоении степей юга Восточной Европы в рассматриваемый период племенами, принимавшими участие в среднеазиатских событиях» [Скрипкин, 2017, с. 161]. Основываясь на дате падения Греко-Бактрийского царства, А.С. Скрипкин определяет время прихода новой миграционной волны в волго-донской регион приблизительно серединой II в. до н.э. [Скрипкин, 2000, с. 27–29; 2017, с. 99].

Таким образом, расхождения во мнениях о времени и причинах появления ранних сарматов в волго-донских и причерноморских степях весьма значительны. Появление новых данных и новых гипотез дает нам повод вновь вернуться к этому вопросу.

Начнем с хронологии раннесарматских древностей. Анализ взаимовстречаемости различных типов вещей позволяет выделить в вещевом материале нижнедонской раннесарматской культуры две хронологические группы [Глебов, 2004, с. 127–128; 2010, с. 15–16].

На раннем этапе колчаные наборы состоят главным образом из железных черешковых наконечников стрел с трехгранными головками или трехлопастными головками с невыраженными лопастями, часто с длинными гранеными черешками. Наборы железных втульчатых наконечников стрел очень редки, наборы бронзовых наконечников стрел отсутствуют, зафиксированы лишь единичные находки. Среди клинкового оружия преобладают мечи с серповидными навершиями, хотя встречаются и экземпляры с кольцевидными навершиями. Зеркала представлены преимущественно образцами большого диаметра с клиновидной ручкой и валиком по

краю. Основу керамического комплекса составляют лепные сосуды, среди которых довольно много округлодонных и выпуклодонных форм, импортная посуда встречается относительно редко. Из ранних вещей можно еще назвать восьмерковидные пряжки с неподвижным язычком, чашевидные курильницы и др.

Со временем в вещевом комплексе раннесарматской культуры Нижнего Подонья происходят изменения: господствующим типом клинкового оружия становятся мечи с кольцевидными наконечниками, в колчаных наборах начинают преобладать трехлопастные наконечники с выраженными лопастями, с короткими или средними черешками, зеркала с валиком по краю постепенно сменяются зеркалами в виде плоского диска небольшого диаметра, округлодонные лепные сосуды почти исчезают, количество лепной посуды уменьшается, процент кружальной импортной посуды (боспорской, кубанской, предкавказской) растет.

Следует оговориться, что это деление материала на хронологические группы достаточно условно. Во-первых, вещи ранней хронологической группы часто запаздывают, иногда доживают до финала раннесарматской культуры, известны даже в среднесарматское время. Во-вторых, многие из вещей поздней хронологической группы (мечи с кольцевидными наконечниками, зеркала в виде плоского диска небольшого диаметра) начинают встречаться уже на раннем этапе. Тем не менее исследователи обычно относят сарматские погребения и могильники с вещами раннего облика (особенно в сочетании друг с другом) к раннему этапу в рамках периода II–I вв. до н.э., что представляется нам вполне резонным, за исключением случаев, когда можно предположить запаздывание.

Наиболее ранние памятники тяготеют к восточным районам донского левобережья, среднему течению и низовьям рек Сал и Маныч. Здесь они исследованы в большом количестве: могильники Подгорненские, Ясырев, Попов, Холодный, Донской, Веселый, Отрадный, Усьман, Балабинский и др. Ранние комплексы выявлены также в низовьях Дона в могильниках Койсуг, Кулешовка, Красноровка, Высочино и др.

На правом берегу Дона ранних комплексов значительно меньше. Вещи ранней хронологической группы присутствуют и здесь – мечи с серповидными наконечниками (Поляков, кург. 3, погр. 5; Северо-Западный I, кург. 1, погр. 8), зеркала большого диаметра с валиком по краю (Новочеркасская ГРЭС, кург. 2, погр. 12; Ливенцовский VII, кург. 19, погр. 1, кург. 22, погр. 7; Золотые горки IV, кург. 9, погр. 2; Кадамовский, разрушенный курган), округлодонная лепная посуда (Керчик, кург. 16, погр. 11; Ливенцовский VII, кург. 14А, погр. 2, 3, 7, 9, кург. 20, погр. 3; Роцца, кург. 1, погр. 8; Св. Колодезь III, кург. 1, погр. 1; Кастырский VIII, кург. 3, погр. 2)². Однако в большинстве погребений ранние вещи единичны и могут запаздывать. Яркий пример – кург. 1 мог. Северо-Западный I, где в семейно-родовом могильнике (пять сарматских захоронений, составляющих ряд) в одном из комплексов (погр. 8) был найден меч с серповидным наконечником, а в соседнем (погр. 3) – лучковая фибула [Власкин, 2000, с. 10–12, рис. 2, 7, 4, 1].

Традиционно ситуацию с неравномерным распределением ранних памятников в Нижнем Подонье принято объяснять тем, что сарматами прежде было освоено донское левобережье, а на правый берег первоначально переправились лишь отдельные группы кочевников, и только со временем, не ранее середины – второй половины II в. до н.э., сарматы освоили донское правобережье и продвинулись далее на запад. Заметим, что такая картина, возможно, отражает не только очередность занятия сарматами территорий на левом и правом берегах Дона, но и особенности рельефа долины р. Дон. На правобережье памятников раннесарматской культуры вообще относительно немного – чуть более сотни. Скорее всего, малочисленность сарматских погребений на правом берегу объясняется отсутствием у него поймы. Памятники левобережья (их насчитывается около 400) тяготеют к обширной пойме, террасам и ближайшим водоразделам рек Дон, Сал, Маныч. Аналогичная ситуация – концентрация сарматских памятников в левобережной пойме и весьма скромное число их на правом берегу, отмечена и для волгоградского Подонья [Мамонтов, 2000, с. 84].

Так или иначе, очевидно, что правобережные памятники в целом запаздывают по сравнению с левобережными, но вряд ли на полвека или даже больше, как считают некоторые исследователи. О том, что сарматы переместились через Дон довольно рано, свидетельствует наличие сарматских комплексов раннего облика с мечами с серповидными навершиями, втульчатыми железными наконечниками стрел, зеркалами с валиком по краю и клиновидной ручкой, округлодонными лепными сосудами далее к западу, в доднепровском междуречье и левобережном Поднепровье: Червонопартизанск, Виноградное, Преображенка, Жемчужное, Терны, Привольное, Большая Белозерка, Соколово, Днепророзаводстрой, Хорол, Сергеевка и др. [Симоненко, 1994; 2004, с. 135–140, рис. 1–4; 2007, с. 99–102; 2019]. А.В. Симоненко считает наиболее ранними в Северном Причерноморье (период I, фаза А1) комплексы с крупными фибулами среднелатенской схемы со скрепой (В-Костшевский), которые он датирует по аналогии с застежками оксывской и пшеворской культур первой половиной II в. до н.э. [Симоненко, 2001, с. 78–79; 2004, с. 157; 2013, с. 206]. Однако анализ взаимовстречаемости фибул с другими датирующими вещами в позднекифских и сарматских комплексах показывает, что появление застежек среднелатенской схемы в Северном Причерноморье произошло не ранее второй половины или последней четверти II в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 43–44].

Отдельного упоминания заслуживает ритуальный клад из кургана у пос. Острый в Донецкой области, содержащий в числе прочих вещей меч с серповидным навершием и «двухтавровой» рукоятью, все аналогии которому происходят из сарматских комплексов III–II вв. до н.э. южно-уральского региона [Федоров, 2013, с. 43–45]. Найденные в этом кургане фрагменты амфор А.В. Симоненко датировал концом третьей – последней четвертью III в. до н.э., а сам комплекс – концом III – II в. до н.э. [Симоненко, 2007, с. 106–109]; правда, определения А.В. Симоненко амфорного материала из Острога вызывают вполне обоснованные, на наш взгляд, сомнения [Зайцев, 2012, с. 65].

Таким образом, с датировкой наиболее ранних сарматских комплексов в Северо-Во-

сточном Причерноморье все достаточно неопределенно. В большинстве же сарматских погребений отсутствуют вещи, способные дать узкую дату.

Похожая картина наблюдается и на Нижнем Дону. Предметы импорта, встреченные в сарматских погребениях – лаковые канфары, «мегарские» чаши, унгвентарии, фибулы и пр., позволяют установить хронологию раннего этапа нижнедонской раннесарматской культуры приблизительно в пределах II в. до н.э. Однако при попытках определить узкие даты наиболее ранних комплексов мы сталкиваемся с тем, что эти импорты в большинстве случаев бытуют в широком диапазоне.

Единственный узкодатируемый артефакт – родосская амфора с клеймами эпонима Аристона II и фабриканта Аминты (рис. 1, 1), встречен не в погребении, а в насыпи кургана 4 1-й Веселовской группы в составе комплекса, обозначенного в публикации как «тризна I–II» [Мошкова, Максименко, 1974, с. 42, табл. XXII, 1–3, XXV, 1–4]. Деятельность Аристона II относится к периоду Ше (169/167–164/162 гг. до н.э.) хронологической схемы Дж. Финкельштейна [Finkielsztejn, 2001, р. 123, 124, 192, 193]. Вместе с амфорой были найдены три лепных сосуда, точильная плитка и кость КРС. Лепные сосуды по форме и орнаментации вполне вписываются в раннесарматскую керамическую традицию. Несколько необычен, пожалуй, лишь высокий узкодонный горшок с раздутым туловом и раструбным горлом [Мошкова, Максименко, 1974, табл. XXV, 4], однако сосуды похожей формы иногда попадают в сарматских погребениях: Подгорненский IV, кург. 5, погр. 5; Попов, кург. 50/18, погр. 10; Темерницкий I, кург. 6, погр. 7; Поляков, кург. 5, погр. 3 и др.

Канфары с орнаментом в стиле West Slope (рис. 1, 4, 5) встречены в двух комплексах: Кулешовка I, кург. 1, погр. 29А [Глебов, 2017, рис. 6, 1], Веселый, кург. 2, погр. 6 [Артамонов, 1949, рис. 19; Глебов, 2005, рис. 3, 1]. Т.В. Егорова первоначально датировала канфары с S-видным профилем первой четвертью II в. до н.э. или несколько более поздним временем [Егорова, 2009, с. 50]. Однако позже она пересмотрела свою точку зрения и отнесла производство этих сосудов к периоду с конца III в. до н.э. до середины или третьей

четверти II в. до н.э. [Егорова, 2018, с. 516; 2020, с. 174, илл. 2]. Таким образом, находки эллинистических канфаров с S-видным профилем не позволяют как-то уточнить дату комплексов в пределах II в. до н.э., особенно если учесть возможность довольно долгого их бытования. Наглядным примером продолжительности использования чернолаковой керамики является канфар с росписью в стиле West Slope из погребения 1в могильника меотского Старокорсунского городища № 2. Сосуд с хорошей сохранностью лака и краски, датированный 270–260 гг. до н.э., был найден вместе с родосской амфорой с клеймом эпонима Аристонида, 206 г. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2017, с. 188].

«Мегарские» чаши из донских сарматских комплексов (рис. 1,2,3), вероятно, ионийского производства. Ввоз «мегарских» чаш из Ионийской Греции в Северное Причерноморье начался во второй четверти II в. до н.э., был наиболее интенсивным во второй половине столетия и резко снизился к концу II в. до н.э. [Коваленко, 2002, с. 82, 91–93]. Безусловным хроноиндикатором II в. до н.э. «мегарские» чаши считаться не могут, так как «инерционно» они продолжают бытовать и в I в. до н.э. [Кропотов, Лесков, 2006, с. 32–37; Шевченко, 2013, с. 20–21]. Чаша из погр. 17 кург. 1 мог. Кулешовка встречена в раннем контексте – с мечом с серповидным навершием и наконечниками стрел с длинными гранеными черешками [Глебов, 2017, с. 145–146, рис. 4]. Чаша из погр. 3 кург. 1 мог. Северо-Западный I явно запаздывает – она найдена вместе с лучковой фибулой 1-го варианта [Власкин, 2000, с. 10, рис. 1,4, 2,7].

Лаковая миска эллинистического типа из погр. 1 кург. 26 мог. Валовый I (рис. 1,6) [Беспалый и др., 2007, табл. 78,5], вероятно, изготовлена в каком-то из неаитических центров. По материалам афинской агоры миски подобных пропорций и профилировки датируются в диапазоне с последней четверти III в. до н.э. до конца II в. до н.э. [Rotroff, 1997, fig. 60].

Унгвентарии с вытянутым туловом, высокой ножкой и высоким горлом (Алитуб, кург. 20, погр. 3; разрушенное захоронение у пос. Кадамовский; Подгорненский I, кург. 6, погр. 8 и др.) (рис. 1,7,8) относятся к поздним типам веретенообразных унгвентариев и бы-

туют в рамках II – первой половины I в. до н.э. [Anderson-Stojanovic, 1987, p. 109–110; Марченко, 1996, с. 41–44, рис. 6; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 177–178].

Фибулы из раннесарматских погребений принадлежат к различным типам: среднелатенской схемы, фибулы-броши, ближе к рубежу эр появляются «воинские» фибулы, ранние варианты лучковых фибул (рис. 1,9–13). Наиболее интересны в плане датировки раннего горизонта раннесарматской культуры застежки среднелатенской конструкции. А.К. Амброз датировал их I в. до н.э. [Амброз, 1966, с. 21–22], Б.Ю. Михлин – концом II – серединой или третьей четвертью I в. до н.э. [Михлин, 1980, с. 199–201]. Позднее, вслед за пересмотром хронологии собственно латенских древностей, проявилась тенденция к удревнению таких фибул – появление их в Северном Причерноморье начали относить к первой половине или середине II в. до н.э. [Марченко, 1996, с. 32; Берлизов, Еременко, 1998, с. 26; Симоненко, 2001, с. 78–79; Глебов, 2009, с. 72]. Однако, как показало исследование В.В. Кропотова, основанное на гораздо более полной источниковой базе, появление в Северном Причерноморье фибул среднелатенской схемы, как скрепленных, так и надвязных, датируется второй половиной или последней четвертью II в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 44, 50].

Прочие импорты из раннесарматских погребений Нижнего Подонья относятся к более позднему времени: синопская амфора (Ливенцовский VII, кург. 30, погр. 5) – конец II – начало или первая половина I в. до н.э., сковорода Айлесфорд (Алитуб, кург. 3, погр. 20) – 90–50 или 90–10 гг. до н.э., буролоковая чаша с изогнутыми отставленными ручками (Пирожок, кург. 7, погр. 5) – I в. до н.э. – начало I в. н.э. Бронзовые ситулы (Арбузовский, кург. 7, погр. 8, несколько находок из ритуальных кладов) и котелки с подвижными ручками (Алитуб, кург. 5, погр. 29; Сагванский I, кург. 12, погр. 2, кург. 14, погр. 3 и др.) датируются в широком диапазоне – II–I вв. до н.э., однако, судя по контексту находок, тяготеют к комплексам финала нижнедонской раннесарматской культуры. Массовой категорией находок в сарматских погребениях является боспорская столовая посуда – в комплексах нижнедонской раннесарматской культуры учтено

более 70 находок различных боспорских сосудов, чаще всего кувшинов. Однако большинство типов красноглиняной боспорской посуды датируются широко, обычно в рамках II–I вв. до н.э. или даже шире, в силу этого они редко способны уточнить дату кочевнических комплексов, в которых найдены.

Подведем итог краткому анализу импортов, маркирующих комплексы раннего горизонта нижнедонской раннесарматской культуры. Родосская амфора с клеймами из 1-й Веселовской группы датируется 60-ми гг. II в. до н.э. Хронология лаковых мисок и канфаров с орнаментом в стиле West Slope не исключает и конца III – первой четверти II в. до н.э., но такая датировка комплексов, в которых они найдены, представляется нам маловероятной. Косвенно это подтверждает находка канфара в семейно-родовом могильнике в кургане 1 у с. Кулешовка (погр. 29А), хронология которого устанавливается в пределах второй – третьей четверти II в. до н.э. [Глебов, 2017, с. 146–151], датировать серию захоронений из кургана 1 более ранним временем не позволяет «мегарская» чаша из погр. 17. В Северном Причерноморье находки канфаров с S-видным профилем зафиксированы в самом разном контексте и в очень широком хронологическом диапазоне [Егорова, 2018, с. 516]. Из хорошо датированных комплексов следует упомянуть жертвенник в кургане у станицы Вышестеблиевской на Тамани с обломками подобных канфаров, «мегарской» чашей и родосской амфорой с клеймами фабриканта Марсия и эпонима Сосикла (158–154 гг. до н.э.) [Паль, 2018, с. 255, рис. 6]³. Прочие импорты не могут маркировать погребения раннего горизонта, так как время их производства и бытования включает и I в. до н.э. На наш взгляд, наиболее вероятная дата для ранних комплексов нижнедонской раннесарматской культуры с импортами-хроноиндикаторами может быть установлена в пределах второй, или, возможно, второй – третьей четверти II в. до н.э.

Не исключено, что некоторые могильники (Подгорненские I, IV–VI, Попов, Ясырев I и III, Холодный, Донской, Койсуг и др.), в которых преобладают вещи раннего облика, могут относиться к несколько более раннему времени. Однако при наличии в этих памят-

никах вещей, характеризующих заключительный этап раннесарматской культуры (колчаные наборы из железных наконечников стрел, в подавляющем большинстве черешковых, мечи с кольцевидными навершиями, прямоугольные рамчатые пряжки с изображением лежащего верблюда, модельки котелков и горитов, каменные «молоточки» и др.), в них отсутствуют индикаторы III – ранней части II в. до н.э. – смешанные наборы бронзовых и железных наконечников стрел⁴, втуки копий, бронзовые ворворки, лепные сосуды с примесью талька в тесте [Клепиков, 2000, с. 117–119; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 66–68; Скрипкин, 2017, с. 91]. Таким образом, даже самые ранние по шкале относительной хронологии сарматские памятники Нижнего Подонья вряд ли могут претендовать на датировку поздней частью III – началом II в. до н.э.

Итак, комплексы раннего горизонта нижнедонской раннесарматской культуры отчетливо выделяются по шкале относительной хронологии, но их абсолютное датирование строится на очень небольшой базе – фактически, на единичных находках. На весь пласт сарматских погребений раннего этапа (около 150 комплексов) приходится всего несколько артефактов, способных дать абсолютные даты. Количество импортных предметов в раннесарматских комплексах вообще невелико в сравнении со скифскими или меотскими памятниками, что затрудняет датирование сарматских комплексов и делает проблематичным построение дробной периодизации раннесарматской культуры на основе импортов-хроноиндикаторов. Кроме того, даже когда вещи способны дать узкую дату (как в случае с амфорой из 1-й Веселовской группы), всегда существует вероятность их запаздывания.

Для проверки наших выводов сопоставим хронологию нижнедонской раннесарматской культуры с данными античной археологии и сведениями письменных источников.

Событие, вероятно, имеющее прямую связь с появлением сарматов в Нижнем Подонье – это строительство укреплений в Танаисе. Следы каких-либо оборонительных сооружений периода раннего Танаиса, несмотря на многолетние раскопки городища, не выявлены. На протяжении большей части III в. до н.э.

Танаис обходится без серьезных укреплений, очевидно потому, что в этот период отсутствовала опасность нападений номадов – памятники кочевников на протяжении большей части III в. до н.э. в нижнедонской степи не известны. И лишь возникновение угрозы со стороны пришедших с востока носителей раннесарматской культуры подвигло жителей Танаиса на строительство полноценной системы обороны, включающей основную четырехугольник стен («цитадель»), стены западного городского района и западного пригорода. Итоги многолетних раскопок позволили исследователям реконструировать весь комплекс укреплений – стены с башнями и протейхизмой, ров, проходивший вдоль восточного и северного края цитадели и опоясывавший пригород и западный район, а также, помимо собственно городских укреплений, внешняя линия обороны – один или два вала со рвами на расстоянии от 50 до 200 м к С, В и З от городских стен, с напольной стороны [Ильяшенко и др., 2015, с. 179–187]. Таким образом, в Танаисе в первой половине II в. до н.э. была создана мощная эшелонированная система укреплений, обращенная в сторону степи. Это трудоемкое и дорогостоящее мероприятие, очевидно, было мотивировано угрозой самому существованию города, созданной сарматами, занявшими в это время нижнедонские степи [Глебов, 2007, с. 68–69; 2010, с. 22; Глебов, Ильяшенко, 2019, с. 81–82]. Со временем отношения кочевников и жителей Танаиса, видимо, стабилизировались, письменные источники говорят об активной торговле с сарматами (Strab., XI, II, 3), следы каких-либо боевых действий не зафиксированы, рвы со временем затекают землей и мусором и подновляются только перед нападением Полемона.

На взаимосвязь создания системы обороны Танаиса с возникновением сарматской угрозы первым обратил внимание С.В. Полин, определивший дату возведения укреплений в Танаисе со ссылкой на мнение Д.Б. Шелова как вторую четверть или середину II в. до н.э. [Полин, 1992, с. 68, 117]. Это не совсем так – время возведения крепостных стен Танаиса было определено Д.Б. Шеловым в пределах конца III – начала II в. до н.э. на основании находок синопского и родосского клейм в слое на уровне основания стены 5 [Шелов, 1970,

с. 114–115; 1975, с. 113, кат. 428, с. 140, кат. 557]. По современным представлениям датировка клейма синопского астинома Дионисия, сына Дионисия, внука Клейтагора, должна быть удревнена – примерно до 205–195 гг. до н.э. [Кац, 2007, с. 441, № 158], или до 220 г. до н.э. [Федосеев, 2017, с. 184, № 42–45], а деятельность родосской женщины-фабриканта Никагиды относится к более позднему времени – периоду III схемы Дж. Финкельштейна, 198–161 гг. до н.э. [Кац, 2007, с. 423]. Несмотря на эту корректировку, общая дата обоих клейм осталась прежней. В публикациях результатов исследований участка, где смыкаются куртины 5 и 5А, участка с башнями 3 и 4, а также прилегающей части стены западного городского района, для наиболее ранних укреплений была принята дата, предложенная Д.Б. Шеловым [Арсеньева, Науменко, 2004, с. 29; 2006, с. 21; Арсеньева и др., 2010, с. 316]. Рубеж III–II вв. до н.э. был принят и в качестве времени строительства северной стены 37 западного пригорода [Циркунова 2008, с. 384], эта датировка некоторыми исследователями используется вплоть до настоящего времени [Егорова, 2020, с. 174]. В публикации, посвященной оборонительным рвам Танаиса II–I вв. до н.э., возведение стены 37 западного пригорода было отнесено к первой четверти II в. до н.э. [Ильяшенко и др., 2015, с. 183], а время формирования всего комплекса фортификационных сооружений города определено в рамках первой половины II в. до н.э. [Ильяшенко и др., 2015, с. 187].

В распоряжении Д.Б. Шелова был достаточно ограниченный материал, на основании которого исследователь дал максимально объективную на тот момент датировку. Подробные публикации результатов исследований куртин 5 и 5А, а также башни 3 [Арсеньева, Науменко, 2004; 2006] ввели в научный оборот представительную серию родосских и несколько синопских клейм, что позволяет уточнить время и последовательность строительства укреплений Танаиса. Хронология синопских клейм представлена в настоящее время в четырех вариантах – Н. Коновичи, достаточно близких между собой схем И. Гарлана и В.И. Каца, а также системой Н.Ф. Федосеева, в которой нет групп и для каждого астинома предложена датировка. Во

всех этих схемах расхождения в количестве магистратов минимальны, соответственно примерно одинаково определяется продолжительность синопского клеймения. Однако на данном этапе датировки многих синопских клейм менее надежны, чем родосских, поскольку нет единства мнений относительно даты начала и прекращения астиномного клеймения в Синопе. Для большинства родосских эпонимов, датировка которых указана по схеме Дж. Финкельштейна, разброс возможных вариантов не превышает 10 лет.

Материалы, предшествующие строительству укреплений. Из ям, перекрытых материковым грунтом, снятым при возведении стен 5 и 5А, происходят два синопских клейма. Эмблема Ника на колеснице-биге принадлежит астиному Каллисфену, сыну Гестиея [Garlan, 2004, p. 87–88], время деятельности которого определялось В.И. Кацем около 259 г. до н.э. [Кац, 2007, с. 439, № 102], а Н.Ф. Федосеевым – 231 г. до н.э. [Федосеев, 2017, с. 195, № 99, 101, 102]. Второе клеймо принадлежит астиному Анфестерию сыну Невмения, деятельность которого по В.И. Кацу относится к 250-м гг. до н.э. [Кац, 2007, с. 440, № 110], по Н.Ф. Федосееву – к 238 г. до н.э. [Федосеев, 2017, с. 195, № 99, 101, 102].

Время строительства укреплений⁵. Принципиальное значение имеют находки родосских клейм из башни 3, поскольку она возведена на едином фундаменте с куртиной 5А основного четырехугольника городища, а их стены построены в переплет – то есть башня и куртина строились одновременно [Арсеньева, Науменко, 2004, с. 30–31; Арсеньева и др., 2010, с. 318]. Наиболее раннее клеймо – эпонима Симилина (период IIIb, 219–211 гг. до н.э., возможно чуть позже) – найдено в канавке под слоем самого нижнего пола; к самой башне это клеймо не имеет отношения. В яме 1 в юго-западной части башни найдено клеймо фабриканта Диодота (период III, 198–161 гг. до н.э.). В слое на новых каменных ступенях внутри башни найдено клеймо фабриканта Аристокла II (его клейма сочетаются с эпонимами периодов IIId-Vc, 170–117-е гг. до н.э.). Под вымосткой из крупных плит (фаза 2), выше глинистых полов 1 и 2, примазанных к стенам башни, было клеймо эпонима Архилаида (169/167–164/162 гг. до н.э.). В слое поверх вымос-

тки из крупных плит (фаза 2) было клеймо фабриканта Фесмокрита (период V, 145–108 гг. до н.э.). Около входа, в слое поверх вымостки из крупных плит найдено клеймо эпонима Астимеда II (144 г. до н.э.). За внешними стенами башни, в яме 2, было найдено клеймо эпонима Симмаха (175/173–173/171 гг. до н.э.). В мусорном слое над ямами 1 и 2 за внешними стенами башни обнаружено клеймо фабриканта Агоранакта (период III, 198–161 гг. до н.э.). Судя по клеймам Фесмокрита и Астимеда II, вымостка перед входом и внутри башни была сделана после строительства башни, в 150–140-е гг. до н.э.

Учитывая, что стены 5, 5А и башня 3 являются самыми ранними из исследованных укреплений, важнейшим хронологическим репером является найденное на самых ранних глиняных полах башни 3 под плитами вымостки клеймо эпонима Архилаида (169/167–164/162 гг. до н.э.) – *terminus ante quem* для башни и стен Танаиса. Обустройство полов производилось на завершающем этапе строительства, после выведения стен и перекрытий башни. Следовательно, время строительства башни надо датировать в рамках 70-х – первой половины 60-х гг. II в. до н.э.

Период после строительства укреплений. Из слоя мостовой, расположенной с внешней стороны стен 5 и 5А, происходит представительная серия родосских клейм: эпонима Пифодора (150–147 гг. до н.э.), фабриканта Нания (период IV, 160–146 гг. до н.э.), эпонима Аристомаха I (157–155 гг. до н.э.), фабриканта Агоранакта (период III, 198–161 гг. до н.э.), эпонима Тимуррода (159/158 гг. до н.э.), фабриканта Каллона (145–108 гг. до н.э.), эпонима Аристогейта (140–138 гг. до н.э.). В слое над мостовой представлены следующие родосские клейма: фабриканта Драконтида (периоды IV–V, 160–108 гг. до н.э.), эпонима Павсания III (152 г. до н.э.), фабриканта Зенона II (период III, 198–161 гг. до н.э.). В шурфе 1, примыкавшем к куртине 5, обнаружена мостовая, при зачистке которой выявлены родосские клейма: эпонима Архилаида (169/167–164/162 гг. до н.э.), фабриканта Агесила (его клейма сочетаются с эпонимами периода IIIa, 198–190 гг. до н.э.), эпонима Алексимаха (150–147 гг. до н.э.). Кроме того, здесь же найдено одно квидское клеймо эпо-

нима Полита и фабриканта Никасибула (период III, 220–188 гг. до н.э. по В. Грэйс, 255–215 гг. до н.э. по Н.В. Ефремову) [Внуков, Ефремов, 2017, с. 78] – возможно, попало сюда случайно, но скорее всего, столь ранняя дата объясняется недостаточной разработанностью хронологии книдских клейм [Внуков, Ефремов, 2017, с. 78–79]. В шурфе 2, примыкавшем к куртине 5А, в слое мостовой обнаружено несколько родосских клейм: фабриканта Полемона (период V, 145–108 гг. до н.э.), эпонима Дамайнета (159/158 гг. до н.э.). Хронология родосских клейм позволяет предположить, что мостовые вдоль стен строились позже башен и куртин – в 150–140 гг. до н.э., что отмечали и исследователи Танаиса [Арсеньева, Науменко, 2006, с. 21].

Вывод. Клейма III в. до н.э. никак не связаны со строительством укреплений Танаиса – они найдены либо около стен, либо в ямах и неровностях более раннего времени⁶. Период основных фортификационных работ – строительство стен и башен выпадает на начало и середину второй четверти II в. до н.э. Некоторые работы (достройка башен, мощная дорога вдоль стен и пр.) продолжались и после возведения основных укреплений, в конце второй – начале третьей четверти столетия и, вероятно, позже.

Строительство укреплений в Танаисе – не единственный факт, указывающий на некую внешнюю угрозу, возникшую в начале II в. до н.э. Различные свидетельства дестабилизации обстановки – возведение или обновление укреплений, сокрытие кладов, следы разрушений и запустение хор городов – фиксируются в это время в различных областях Северного Причерноморья: на Боспоре [Масленников, 1995, с. 93; 1999, с. 186], в Крымской Скифии [Колтухов, 1999, с. 32 и сл.; Зайцев, 2017, с. 127], в Херсонесе [Щеглов, 1978, с. 130–131; Кац, 1994, с. 71–77; Гилевич, 1973, с. 11], в Ольвии [Буйских, 1986, с. 24; Крыжицкий, Лейпунская, 1988, с. 28–30], в Тире [Самойлова, 1988, с. 100; Булатович, 1997, с. 226]. Возможно, дестабилизирующим фактором для Северного Причерноморья в начале II в. до н.э. являлись не одни сарматы. Приблизительно в это же время существовала и достаточно реальная угроза с запада – галаты и скиры, а также, возможно, бастарны [Са-

мойлова, 1988, с. 100; Щукин, 1994, с. 116–119]; разрушения на хоре Херсонеса традиционно принято связывать с действиями скифов [Щеглов, 1978, с. 131]. Однако события в Нижнем Подонье (строительство укреплений в Танаисе) и в Крыму (разрушения поселений и опустошение сельской территории европейского Боспора) с наибольшей вероятностью могут быть связаны с продвижением на Нижний Дон и в Северо-Восточное Причерноморье носителей раннесарматской культуры.

Дату этих событий позволяют уточнить данные нарративных и эпиграфических источников. Как известно, сведения о сарматах появляются у античных авторов IV–III вв. до н.э., однако С.В. Полиным и А.В. Симоненко убедительно доказано, что все упоминания сарматов в этих источниках неопределенны, спорны, часто носят легендарный характер и не дают никаких оснований для предположения о массовом проникновении сарматов в Северное Причерноморье ранее II в. до н.э. [Полин, Симоненко, 1997, с. 87–96]. Сведения о сарматах на р. Танаис, приводимые авторами IV в. до н.э. Эвдоксом Книдским (Eud., I, 1) и Псевдо-Скилаком (Ps.-Skil., 68), видимо, относятся к памятникам номадов восточного происхождения, локализованных на правом и левом берегах р. Дон [Глебов, 2007, с. 61–62; 2010, с. 19]. Упоминание о сарматах в Крыму в декрете «О несении Диониса», датирующемся по данным палеографии не позднее первой четверти III в. до н.э. [Виноградов, 1997, с. 104–124], достаточно неопределенно из-за фрагментированности текста. Прочтение Ю.Г. Виноградова – «[готовилось вторжение] полчищ сарматов» и предположение о вывозе захваченных в плен херсонеситов в Сарматю – не более чем гипотеза. Локализация сарматов декрета «О несении Диониса» и характер их участия в описываемых событиях не могут быть определены однозначно.

Вероятно, первым надежно датированным источником, фиксирующим сарматов в Северо-Восточном Причерноморье, является договор 179 г. до н.э. между Фарнаком Понтийским и рядом малоазийских государств, в тексте которого среди европейских властителей упоминается сарматский царь Гатал (Γάταλος ὁ Σαρμάτης – Pol., XXV, 2, 12–13). Свидетельство Полибия о сарматском царе

Гатале имеет принципиальное значение, поскольку хорошо согласуется со временем дестабилизации в Северном Причерноморье. Мирный договор между Понтом, Малой Арменией и Пергамом, Вифинией, Каппадокией, в котором упоминается Гатал, относится к первому году 150-й олимпиады [Walbank, 1979, р. 20, 57, 271], то есть к 180–179 гг. до н.э. При этом совершенно не обязательно, что упоминаемый Полибием мирный договор, в котором царь Гатал и Херсонес указаны в числе гарантов, и известный эпиграфический памятник IOSPE I2, 402 – договор о союзе между Херсонесом Таврическим и Фарнаком I, близки по времени или синхронны. Поэтому возможные изменения датировки херсонесской надписи IOSPE I2, 402 [Габелко, 2012] никак не повлияют на датировку мирного договора, завершившего Понтийскую войну 183–179 гг. до н.э., в котором упоминается сарматский царь Гатал.

Вопрос о местонахождении царства Гатала не прояснен до конца. Мнение об отсутствии сарматских памятников II–I вв. до н.э. в Крыму и малочисленности их в Северном Причерноморье (по А.В. Симоненко – немногим более 50 погребений, несколько ритуальных кладов и отдельные находки – всего 74 комплекса [Симоненко, 2004, с. 134–136]) породило гипотезы о локализации владений Гатала в Прикубанье [Полин, 1992, с. 91–94, 121; Марченко, 1996, с. 124–126; Полин, Симоненко, 1997, с. 91–92], на Дону или даже в Поволжье [Скрипкин, 2017, с. 163]. Однако, судя по исследованиям В.В. Кропотова, сарматские захоронения в Крыму все же есть, а количество памятников раннесарматского периода Северного Причерноморья у А.В. Симоненко, видимо, занижено [Кропотов, 2016, с. 22–30; 2019, с. 155–156]. В случае корректировки численности раннесарматских памятников в этом регионе исчезает необходимость переносить куда-то царство Гатала, как и границу Европы и Азии, что само по себе спорно [Виноградов, 1997, с. 104–105, примеч. 3; Скрипкин, 2017, с. 163].

Расселение сарматов в нижнедонских и северопричерноморских степях и вступление их в контакты с местными греками, очевидно, маркируется появлением имен рабов-сарматов во II в. до н.э. в текстах дельфийских

манумиссий (актов об отпуске рабов на волю под видом их продажи божеству). На этот важный источник первым обратил внимание Б.Н. Граков, включив в свою сводку и наиболее раннюю надпись с упоминанием сарматки Филы [Граков, 1939, с. 304–305]. С.В. Полин отметил, что этот факт косвенно фиксирует время появления сарматов в северопричерноморском регионе [Полин, 1992, с. 94]. А.В. Симоненко отметил, что из текстов манумиссий не следует именно северопричерноморское происхождение этих рабов [Симоненко, 1994, с. 33]. Нам ближе точка зрения С.В. Полины – очевидно, что речь идет о сарматах из Северного Причерноморья или из какого-то близкого региона – Подонья, Прикубанья, междуречья Дона и Волги. Безусловно, ближайшим пунктом для приобретения таких рабов был Танаис или какой-то из боспорских городов. Для восточных сарматов (прикаспийских, южноуральских), вероятно, были ближе рынки Хорезма и Парфии. В таком случае для того, чтобы рабы из восточных сарматов попали в Дельфы, придется представить какой-то сложный путь перепродаж их через Хорезм, Парфию, царство Селевкидов и т. д.

Следует подчеркнуть, что речь идет не о единичном случае, а целой серии манумиссий (10 рабов и рабынь в надписях из Дельф, 1 из Навпакта, 1 из Фискей в Локриде), а также надгробиях (3 из Аттики, 3 с Родоса), преимущественно относящихся к II в. до н.э.⁷ [Avram, 2007, р. 242–243]. Очевидно, что это следствие установления постоянных торговых связей северопонтийских греков с новыми соседями – сарматами, освоившими донские и причерноморские степи, а не случайное попадание на греческие рынки рабов из каких-то дальних степных регионов. Б.Н. Граков отмечает, что рабы-скифы исчезают на греческих рынках со II в. до н.э., их заменяют сарматы [Граков, 1939, с. 291]. О продаже сарматами рабов боспорянам пишет Страбон (Strab. XI, II, 3), о перепродаже этих рабов далее на рынки Средиземноморья упоминает Полибий (Polib. IV, 38).

Манумиссии представляют значительный интерес для уточнения хронологии появления сарматов. Благодаря упоминаниям должностных лиц, они могут быть датированы с

точностью до десятилетия, а иногда и до года. Примечательно, что С.В. Полин указал, что надписи с упоминанием сарматов появляются около середины II в. до н.э., эту же дату принимает А.В. Симоненко. Эта ситуация была обусловлена тем, что в сводке Б.Н. Гракова была приведена широкая датировка манумиссии Филы в рамках IV жречества, 170–157/156 гг. до н.э. [Граков, 1939, с. 305]. А. Моммзен установил, что жрецы Аполлона, упоминаемые в дельфийских манумиссиях, исполняли свои обязанности пожизненно, по двое. Уже в XIX в. для жречеств были предложены хронологические группы [Никитский, 1894/95, с. 127–128], датировки которых в основном сохранили актуальность вплоть до настоящего времени, с некоторыми уточнениями. Сложнее обстояло дело с датировками архонтов из этих же надписей. В монографии Ж. До [Daux, 1943], опубликованной спустя четыре года после выхода статьи Б.Н. Гракова, была представлена хронологическая последовательность многих архонтов. Срок исполнения обязанностей Клеона, сына Диона, при котором была освобождена Фила, выпадает на 168/167 гг. до н.э. [Daux, 1943, р. 52]. Д. Мюлье предложил ряд уточнений относительно хронологии IV жречества, но датировка архонства Клеона, сына Диона, осталась без изменений [Mulliez, 1998, р. 232]. Соответственно, речь идет не о середине II в. до н.э., а о начале второй четверти этого столетия. Помимо самой ранней надписи об освобождении Филы, шесть сарматов упоминаются в надписях [Avram, 2007, р. 242–243], относящихся к VI жречеству, датируемому Ж. До 153/2–144/3 гг. до н.э. [Daux, 1943, р. 55]. Эту датировку VI жречества разделяет и Д. Мюлье [Mulliez, 2006, р. 2237, 2244, 2254]. Две сарматки упоминаются в надписи, относящейся к VIII жречеству, датируемому Ж. До 142/141–140/139 гг. до н.э. Деятельность упоминаемого в надписи архонта Клевдама относится к 142/141 гг. до н.э. Самой поздней из дельфийских манумиссий является надпись с упоминанием сармата Сополия, которая относится к XII жречеству, датируемому Ж. До 113–100 гг. до н.э. [Daux, 1943, р. 62], Р. Бушон и Н. Кириакидис отодвигают верхнюю границу до 94/93 гг. до н.э. [Bouchon, Kyriakidis, 2017, р. 218, renvoi 23]. Манумиссия из На-

впакта датируется временем вскоре после 137/136 гг. до н.э., из Фискей в Локриде около середины II в. до н.э. [Avram, 2007, р. 243]. Таким образом, манумиссия Филы не является какой-то обособленной и уникальной.

Что касается времени появления сарматов в Северном Причерноморье, отметим еще одно интересное обстоятельство – рабыня-сарматка названа греческим именем Фила. Рабы из варварских земель, впервые попадавшие на греческие рынки, назывались не именами, а этниконами: сириец, иллириец, фракиянка, кариец и т. д. [Граков, 1939, с. 290], и только потом новые владельцы давали им греческие имена. Из этого следует, что женщина-сарматка была продана в рабство, прожила рабыней какое-то время в Греции, получив имя Фила, и только потом была освобождена в Дельфах. То есть с момента продажи ее до освобождения в 168/167 гг. до н.э. прошло, по видимому, несколько лет.

Итак, сведения нарративных и эпиграфических источников – упоминание царя Гатала и манумиссия Филы – являются *terminus ante quem* для появления ранних сарматов в Нижнем Подонье и Северо-Восточном Причерноморье.

Сопоставим даты рассмотренных нами различных групп источников. Данные сарматской и античной археологии очень близки: появление наиболее ранних сарматских комплексов практически совпадает со строительством укреплений в Танаисе во второй четверти II в. до н.э. Похожую дату дает и манумиссия Филы. Однако договор 179 г. до н.э., в котором фигурирует царь Гатал, фиксирует сарматов в Северном Причерноморье уже в конце первой четверти столетия, причем этот документ отражает реалии, сложившиеся несколько ранее – царство Гатала к моменту подписания договора уже существовало в течение какого-то времени.

Датирующие возможности рассмотренных источников неравноценны. Хронология сарматских памятников весьма приблизительна в силу очень небольшого количества узкодатирующих артефактов, содержащихся в кочевнических погребениях. Как уже отмечалось, мы не исключаем, что некоторые нижнедонские сарматские памятники могут датироваться несколько более ранним временем.

Однако, что касается времени строительства укреплений в Танаисе, то оно определяется достаточно точно, благодаря хорошо разработанной хронологии амфорных клейм (в первую очередь родосских). Но наиболее достоверные и узкие даты – с точностью до года – в нашем случае дают эпиграфические и нарративные источники. Датировка манумиссии Филы опирается на хорошо разработанную хронологию дельфийских жрецов и архонств, упоминание Полибием царя Гатала в связи с договором 179 г. до н.э. надежно привязано к дате окончания Понтийской войны. Никаких оснований не доверять этим источникам мы не видим. Небольшое запаздывание фортификации Танаиса по сравнению с появлением сарматов в Нижнем Подонье и Северном Причерноморье в общем-то не удивительно. Выполнение большого объема строительных работ при сравнительно скромных финансовых возможностях и ограниченных людских ресурсах затянулось на достаточно долгий срок, о чем свидетельствует хронология амфорных клейм.

Полученная нами дата появления сарматов в Подонье и Северном Причерноморье – конец первой четверти II в. до н.э. – несколько более ранняя, чем у большинства исследователей, и не стыкуется с общепринятым мнением о завоевании Греко-Бактрии восточными номадами в 140–130 гг. до н.э.⁸, что ставит под вопрос правомерность гипотезы о взаимосвязи этих событий.

Впрочем, А.С. Скрипкин допускает, что ряд миграций кочевников с востока, достигших Сарматии, могли произойти в период с начала образования хуннского объединения (самый конец III в. до н.э.)⁹ до падения Греко-Бактрии, и что какая-то часть кочевых племен, теснимых хунну, могла продвинуться на запад по степному коридору, минуя Среднюю Азию [Скрипкин, 2017, с. 99]. В таком случае эти миграционные группы восточных номадов могли попасть в волго-донские и причерноморские степи уже в первой четверти II в. до н.э. [Глебов, 2010, с. 25].

Очевидная преемственность погребальных традиций и вещевого материала не оставляет сомнений в том, что раннесарматская культура II–I вв. до н.э. развивалась главным образом на основе сарматских памятни-

ков предшествующего периода. Однако исследователи отмечают при этом сильное восточное влияние, объясняя это включением в состав раннесарматской культуры миграционных групп среднеазиатского и южно-сибирского происхождения [Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 99–100; Гуцалов, 2004, с. 122–124; Скрипкин, 2017, с. 161; Федоров, 2018, с. 189–190].

Основу мигрантов, вероятно, составляли сарматы из восточных и юго-восточных регионов Сарматии, где не были редкостью различные вещи восточного происхождения и ощущалось сильное влияние восточного хуннского и юэчжийско-усуньского мира. Эти группы пришельцев были близкородственны, если не идентичны, поволжским сарматам, но вместе с тем несли некоторые погребальные традиции и элементы материальной культуры, заимствованные у восточных соседей – своеобразную восточную «вуаль». Разумеется, это не исключает продвижения на территорию Сарматии отдельных групп собственно юэчжей-тохаров. Если принять версию об идентичности тохаров с тагорами, сатархами, тафриями эпиграфических и письменных источников, то надо признать, что какие-то восточные номады добрались до Нижнего Подонья и Северного Причерноморья [Десятчиков, 1973; Скрипкин, 2017, с. 161].

Очевидно, эти группы были малочисленными и быстро смешались с сарматами, так как археологически они не выделяются. Восточные элементы погребального обряда (северная ориентировка, гробы-колоды с выступами) редки, в ряде случаев зафиксированы в сарматских семейно-родовых могильниках, вещи восточного происхождения также чаще всего происходят из обычных сарматских погребений.

Таким образом, раннесарматская миграционная волна II в. до н.э. – это переселение части номадов из восточных регионов Сарматии (вероятно, с включением инородных групп), сдвинутых по принципу домино из мест обитания в результате подвижки кочевых племен евразийского степного коридора в начале II в. до н.э. Причиной этих миграционных процессов, видимо, послужила экспансия хуннской державы Модэ-шаньюя, еще до изгнания юэчжей при Лаошаншаньюе и завоевания ими Бактрии. Этот

миграционный толчок привел к продвижению сарматов в первой четверти II в. до н.э. на территории к западу и юго-западу от Волги – в Нижнее Подонье, Северо-Восточное Причерноморье, Предкавказье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь уместно вспомнить знаменитую «угрозу Евтидема» о постоянной опасности для Бактрии и других государств региона со стороны кочевников, существовавшей уже в конце III в. до н.э. (Pol., XI, 34, 2–5). Евтидем не называет кочевников, угрожающих границам Бактрии, но, скорее всего, он имел в виду даев, об активности которых (в частности, о захвате даями-апарнами Парфии) во второй половине III в. до н.э. нам известно из других источников (Strab., IX, 9, 2; Just., XLI, 4, 6–9). Эта угроза была реализована несколько позже, во II в. до н.э., но уже другими номадами, пришедшими с северо-востока: «кочевники...», которые отняли у греков Бактриану – тохары, асии, пасианы и сакарауки, переселившиеся из области на другом берегу Яксарта» (Strab., XI, 8, 2) – они же большие юэчжи, усуни и сэ китайских хроник.

² Вероятно, к этому списку следует добавить погр. 1 кург. 26 мог. Валовый I – кенотаф, содержащий только лаковую миску II в. до н.э. [Беспальный и др., 2007, с. 66, табл. 78, 1, 5].

³ В кратком сообщении Е.П. Паля не указываются типы канфаров. А.В. Дедюлькин, определявший по просьбе А.В. Кияшко амфорные клейма из этого комплекса, осматривал и остальную керамику. Вместе с амфорой и «мегарской» чашей было найдено два чернолаковых канфара с S-видным профилем.

⁴ Известны единичные бронзовые наконечники стрел в колчаных наборах с железными наконечниками (Подгорненский I, кург. 1, погр. 9; Ясырев III, кург. 1, погр. 7) или отдельные находки (Под-

горненский IV, кург. 30, погр. 7; Донской (Новочеркасская ГРЭС), кург. 5, погр. 23 и др.).

⁵ Описание стратиграфии и контекста находок амфорных клейм дается по: [Арсеньева, Науменко, 2004; 2006].

⁶ Ранний материал III в. до н.э. (херсонесское клеймо конца IV – начала III в. до н.э., родосское клеймо конца III – начала II в. до н.э., фрагмент терракоты) зафиксирован в нижней части более поздней башни 4-«северной», пристроенной к стене с внешней стороны [Арсеньева и др., 2010, с. 321, 318–319]. Полы, очаги, ямы в башне отсутствуют, нижняя часть башни, видимо, была забутована мусорным грунтом более раннего времени.

⁷ Единственное упоминание рабыни-сарматки (?) Мелиссы в эпитафии из Рамнунта (Аттика) предположительно III в. до н.э. [Avram, 2007, p. 243] – случай не вполне очевидный. Отнесение этой эпитафии к III в. до н.э. основано лишь на данных палеографии. Этноним в надписи сохранился не полностью, хотя такое восстановление его выглядит достаточно вероятным.

⁸ Существуют мнения о более ранней дате выхода юэчжей к границам Греко-Бактрийского царства – 145 г. до н.э. [Бернар, Абдуллаев, 1997, с. 68], конец 60-х гг. II в. до н.э. [Боровкова, 2001, с. 111–114].

⁹ Сведения об этих событиях мы можем почерпнуть из китайских летописей: «В прошлые времена процветания [царство] Юэчжи пренебрежительно относилось к хуннам. Когда же Маодунь вступил на трон, то напал и нанес поражение Юэчжи. А хуннский Лаошан-шаньюй убил правителя Юэчжи и сделал из его головы чашу для питья. Первоначально юэчжи жили между Дуньхуаном и Цилянью, а когда были разгромлены хуннами, ушли далеко, прошли к западу от Давань и нанесли удар по Дася (Бактрии)» («Ши цзи», гл. 123, с. 3161–3162). Правление шаньюя Маодуня (Модэ) современными исследователями относится к 205–174 гг. до н.э., правление его сына Лаошан-шаньюя – к 174–162 гг. до н.э. [Боровкова, 2001, с. 45–66].

ИЛЛЮСТРАЦИИ

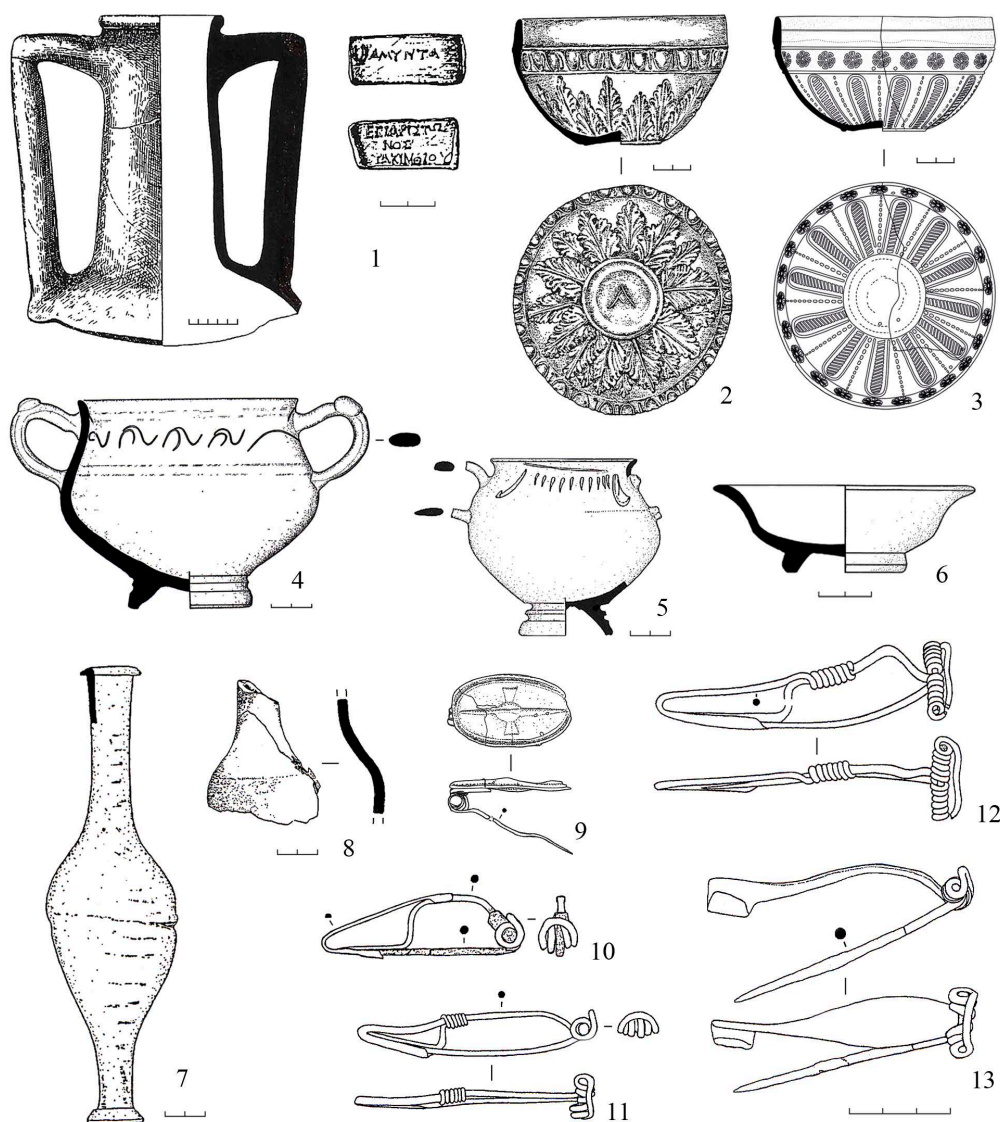

Рис. 1. Хронологические индикаторы из комплексов раннесарматской культуры Нижнего Подонья II–I вв. до н.э.:

1 – 1-я Веселовская группа, кург. 4 (по: [Мошкова, Максименко, 1974, табл. XXV,1-3]); 2 – Северо-Западный II, кург. 1, погр. 3 (по: [Власкин, 2000, рис. 1,4]); 3 – Кулешовка, кург. 1, погр. 17 (по: [Глебов, 2017, рис. 4,6]); 4 – Кулешовка, кург. 1, погр. 29А (по: [Глебов, 2017, рис. 5,1]); 5 – Веселый, кург. 2, погр. 6 (по: [Глебов, 2005, рис. 3,1]); 6 – Валовый I, кург. 26, погр. 1 (по: [Беспальный и др., 2007, табл. 78,5]); 7 – Алитуб, кург. 3, погр. 20 (по: [Глебов, 2007, рис. 5,6]); 8 – Подгорненский I, кург. 6, погр. 8 (по: [Глебов, 2007, рис. 5,8]); 9 – Чалтырский XI, кург. 11, погр. 4 (по: [Яценко, 2018, рис. 61]); 10 – Никитин I, кург. 3, погр. 5 (по: [Глебов, 2009, рис. 1,5]); 11 – Ливенцовский VII, кург. 31, погр. 1 (по: [Глебов, 2009, рис. 1,8]); 12 – Валовый I, кург. 40, погр. 3 (по: [Глебов, 2009, рис. 1,1]); 13 – Аюта I, кург. 1, погр. 3 (по: [Глебов, 2009, рис. 1,11])

Fig. 1. Chronological indicators from the Early Sarmatian culture complexes of the Lower Don region of the 2nd-1st centuries BC.:

1 – 1st Veselovskaya group, kurgan 4 (after: [Moshkova, Maksimenko, 1974, tabl. XXV,1-3]); 2 – Severo-Zapadnyy II, kurgan 1, burial 3 (after: [Vlaskin, 2000, fig. 1,4]); 3 – Kuleshovka, kurgan 1, burial 17 (after: [Glebov, 2017, fig. 4,6]); 4 – Kuleshovka, kurgan 1, burial 29A (after: [Glebov, 2017, fig. 5,1]); 5 – Veselyy, kurgan 2, burial 6 (after: [Glebov, 2005, fig. 3,1]); 6 – Valovyy I, kurgan 26, burial 1 (after: [Bespaly etc., tabl. 78,5]); 7 – Alitub, kurgan 3, burial 20 (after: [Glebov, 2007, fig. 5,6]); 8 – Podgornenskiy I, kurgan 6, burial 8 (after: [Glebov, 2007, fig. 5,8]); 9 – Chaltskyi XI, kurgan 11, burial 4 (after: [Yatsenko, 2018, fig. 61]); 10 – Nikitin I, kurgan 3, burial 5 (after: [Glebov, 2009, fig. 1,5]); 11 – Liventsovskiy VII, kurgan 31, burial 1 (after: [Glebov, 2009, fig. 1,8]); 12 – Valovyy I, kurgan 40, burial 3 (after: [Glebov, 2009, fig. 1,1]); 13 – Ayuta I, kurgan 1, burial 3 (after: [Glebov, 2009, fig. 1,11])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., 1961. Сарматские погребения Дона и Украины // Советская археология. № 1. С. 91–110.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. САИ. Вып. Д1-30. М. : Наука. 112 с.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А., 2004. Новые данные о фортификации Танаиса // Древности Боспора. Т. 7. М. : ИА РАН. С. 29–73.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А., 2006. Оборонительные укрепления Танаиса (по материалам раскопок 2003–2004 гг.) // Древности Боспора. Т. 10. М. : ИА РАН. С. 18–61.
- Арсеньева Т. М., Ильяшенко С. М., Науменко С. А., 2010. Укрепления в центре западной оборонительной линии Танаиса конца III – II в. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. М. ; Магнитогорск ; Новосибирск : ИА РАН. С. 315–323.
- Артамонов М. И., 1949. Раскопки курганов на р. Маныч // Советская археология. Вып. XI. С. 305–336.
- Бернар П., Абдуллаев К., 1997. Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации) // Российская археология. № 1. С. 68–86.
- Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А., 2007. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1». Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. 186 с.
- Берлизов Н. Е., 1996. Сарматы в Предкавказье. Некоторые аспекты исследования // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»). М. : ИА РАН, ГИМ. С. 27–31.
- Берлизов Н. Е., 2011. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. I. Краснодар : Изд-во Краснодар. гос. ун-та культуры и искусств : Парабеллум. 320 с.
- Берлизов Н. Е., Еременко В. Е., 1998. Латенские импорты в сарматских погребениях Причерноморья: проблема интерпретации // Древности Кубани. Вып. 7. Краснодар : КГИАМЗ. С. 25–33.
- Боровкова Л. А., 2001. Царства «Западного края». М. : Крафт+. 356 с.
- Буйских С. Б., 1986. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития Ольвийской хоры (VI–II вв. до н.э.) // Ольвия и ее округа. Киев : Наукова думка. С. 17–28.
- Булатович С. А., 1997. Тира и Нижнее Поднестровье в IV–III вв. до н.э. по данным монетных находок // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса : ИА НАНУ : Одес. археол. музей. С. 223–227.
- Вайнберг Б. И., 1992. Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. : Наука. С. 116–122.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я., 1997. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Вестник древней истории. № 3. С. 93–103.
- Виноградов Ю. Г., 1997. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // Вестник древней истории. № 3. С. 104–124.
- Власкин М. В., 2000. Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона : сб. науч. ст. Вып. 1. Ростов н/Д : Терра. С. 9–26.
- Внуков С. Ю., Ефремов Н. В., 2017. Керамические клейма из раскопок городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Крым в эпоху эллинизма: межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований : сб. науч. ст. Симферополь : Тарпан. С. 19–120, 279–287.
- Габелко О. Л., 2012. Продолжая дискуссию о понтийской царской эре // Studia historica. Вып. XII. С. 61–74.
- Гилевич А. М., 1973. Хронология и топография кладов херсонесских монет IV–II вв. до н.э. и некоторые вопросы скифо-херсонесских взаимоотношений // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир : крат. тез. докл. к науч. конф. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 10–11.
- Глебов В. П., 2002. Еще раз о проблеме III в. до н.э. // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища : материалы междунар. науч. конф. Ч. 2. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 186–197.
- Глебов В. П., 2004. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии : проблемы региональной хронологии : докл. к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар : Изд-во КубГУ. С. 127–133.
- Глебов В. П., 2005. О некоторых проблемах хронологии раннесарматской культуры Нижнего Подонья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. С. 34–50.

- Глебов В. П., 2007. Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 59–82.
- Глебов В. П., 2009. Фибулы раннесарматской культуры Нижнего Подонья // Пятая Кубанская археологическая конференция : материалы конф. Краснодар : Изд-во КубГУ. С. 70–76.
- Глебов В. П., 2010. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 26 с.
- Глебов В. П., 2017. Сарматские погребения из кургана 1 могильника у с. Кулешовка (раскопки 1982 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 16, № 1. С. 143–161. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2017.1.9>.
- Глебов В. П., Ильяшенко С. М., Толочко И. В., 2005. Погребения с оружием эллинистического времени из некрополя Танаиса // Древности Боспора. Т. 8. М. : ИА РАН. С. 52–97.
- Глебов В. П., Ильяшенко С. М., 2019. Сарматы и Танаис во II–I вв. до н.э. по археологическим и письменным источникам // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). V. Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : ООО Фирма Салта ЛТД. С. 80–89.
- Граков Б. Н., 1939. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // Вестник древней истории. № 3. С. 231–312.
- Гуцалов С. Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья в VII–I вв. до н.э. Уральск : Западно-Казахстанский центр истории и археологии. 136 с.
- Десятчиков Ю. М., 1973. Сатархи // Вестник древней истории. № 1. С. 131–144.
- Егорова Т. В., 2009. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М. : Изд-во МГУ. 253 с.
- Егорова Т. В., 2018. Еще раз об S-видных эллинистических канфарах // Причерноморье в античное и раннесредневековое время : сб. науч. тр., посвящ. 70-летию проф. В.П. Копылова. Ростов н/Д : Юж. федер. ун-т : Археол. о-во «Наследие». С. 510–519.
- Егорова Т. В., 2020. Общие тенденции и региональные особенности импорта чернолаковой керамики в Танаисе // *Nomina omnium horarum* : сб. ст. в честь 70-летия А. В. Подосинова. М. : Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского. С. 169–188.
- Ильяшенко С. М., Арсеньева Т. М., Науменко С. А., 2015. Оборонительные рвы Танаиса во II–I вв. до н.э. // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М. : Русский фонд содействия образованию и науке. С. 174–188.
- Зайцев Ю. П., 2012. Античная керамика в ритуальных (вотивных) кладах Северного Причерноморья // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. : сб. науч. ст. Тирасполь : Изд-во Приднестров. гос. ун-та им. Т. Г. Шевченко. С. 55–66.
- Зайцев Ю. П., 2017. Крепость Ак-Кая в эпоху эллинизма // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь : Тарпан. С. 121–133.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2004. Варварские погребения Крыма 2 в. до н.э. – 1 в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар : Изд-во КубГУ. С. 174–204.
- Зуев В. Ю., 1998. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 32 с.
- Зуев В. Ю., 2000. Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара : СНЦ РАН. С. 85–104.
- Зуев В. Ю., 2013. О появлении сарматов в степях Евразии по археологическим данным // Боспорский феномен : греки и варвары на Евразийском перекрестке : материалы Междунар. науч. конф. СПб. : Нестор-история. С. 512–522.
- Кац В. И., 1994. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов : Изд-во СГУ. 170 с.
- Кац В. И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь ; Керчь : Изд-во крым. отд-ния Ин-та востоковедения. 480 с.

- Клепиков В. М., 2000. Памятники III в. до н.э. в Нижнем Поволжье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара : СНЦ РАН. С. 116–124.
- Клепиков В. М., Скрипкин А. С., 2002. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. С. 47–81.
- Коваленко С. А., 2002. О структуре и динамике импорта позднеэллинистической рельефной керамики в Северное Причерноморье // Археология. № 3. С. 80–96.
- Колтухов С. Г., 1999. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь : Сонат. 224 с.
- Костенко В. И., 1983. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н.э. – середины III в. н.э. Днепропетровск : Изд-во ДнепрГУ. 104 с.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДЕФ-Украина. 384 с.
- Кропотов В. В., 2016. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // Нижневолжский археологический вестник. Т. 15, № 1. С. 22–39. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2016.1.2>.
- Кропотов В. В., 2019. К проблеме выделения раннесарматских памятников Северного Причерноморья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). V. Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : ООО Фирма Салта ЛТД. С. 154–160.
- Кропотов В. В., Лесков А. М., 2006. Курган с «коллективным погребением» у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // Культура народов Причерноморья. № 84. Симферополь : Межвузовский центр «Крым». С. 25–39.
- Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А., 1988. Комплекс западных ворот Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. Киев : Наукова думка. С. 10–32.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2017. Атрибуция и хронология чернолаковых канфаров из меотских памятников Прикубанья // Stratum plus. № 3. С. 181–198.
- Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д : Изд-во РГУ. 224 с.
- Максименко В. Е., 1997. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии // Донские древности. Вып. 5. Сарматы и Скифия : сб. науч. докл. III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов : Азов. краевед. музей. С. 41–49.
- Максименко В. Е., 2000. О времени и путях проникновения племен прохоровской культуры в Подонье – Приазовье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. Самара : СНЦ РАН. С. 158–169.
- Мандельштам А. М., 1992. Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до н.э. и первые века н.э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. : Наука. С. 107–115.
- Мамонтов В. И., 2000. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград : Изд-во ВолГУ. 194 с.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар : Изд-во КубГУ. 336 с.
- Масленников А. А., 1995. Древние греки в Крымском Приазовье // Вестник древней истории. № 2. С. 78–93.
- Масленников А. А., 1999. Греки и варвары на «границах» Боспора : (Взгляд на проблему к концу тысячелетия) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности : Вопросы источниковедения. М. : Восточная литература. С. 170–192.
- Мачинский Д. А., 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 13. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 30–54.
- Михлин Б. Ю., 1980. Фибулы Беляусского могильника // Советская археология. № 3. С. 194–213.
- Мошкова М. Г., Максименко В. Е., 1974. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Ч. II. М. : Наука. С. 5–80.
- Никитский А. В., 1894/95. Дельфийские эпиграфические этюды. I–VI. Одесса : Тип. Штаба Округа. 368 с.
- Обельченко О. В., 1992. Культура античного Согда. По археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. н.э. М. : Наука. 256 с.

- Паль Е. П., 2018. Охранно-спасательные археологические исследования ООО Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз на Кубани (2015–2016 гг.) // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 16. Армавир ; Краснодар : НАО «Наследие Кубани». С. 253–281.
- Полин С. В., 1992. *От Скифии к Сарматии*. Киев : ИА АНУ. 201 с.
- Полин С. В., 2018. Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы) // *Древности. Исследования. Проблемы : сб. ст. в честь 70-летия Н. П. Тельнова*. Кишинев ; Тирасполь : Stratum plus. С. 267–288.
- Полин С. В., Симоненко А. В., 1997. Скифия и сарматы // *Донские древности*. Вып. 5. Сарматы и Скифия : сб. науч. докл. III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов : Азов. краевед. музей. С. 87–98.
- Самойлова Т. Л., 1988. *Тира в VI–I вв. до н.э.* Киев : Наукова думка. 119 с.
- Симоненко О. В., 1994. Раннесарматський період у Північному Причорномор'ї // *Археологія*. № 1. С. 32–48.
- Симоненко А. В., 2001. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // *Российская археология*. № 4. С. 77–91.
- Симоненко А. В., 2004. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар : Изд-во КубГУ. С. 134–173.
- Симоненко А. В., 2007. Мечи и кинжалы прохоровского типа на территории Украины // *Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Челябинск : Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та. С. 99–113.
- Симоненко А. В., 2013. Римский и провинциальный импорт у сарматов Северного Причерноморья. Типология и хронология. Берлин : Palmarium Academic Publishing. 369 с.
- Симоненко А. В., 2019. Раннесарматские памятники Орель-Самарского междуречья // *Нижневолжский археологический вестник*. Т. 18, № 1. С. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.7>.
- Скрипкин А. С., 2000. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // *Нижневолжский археологический вестник*. Вып. 3. С. 17–40.
- Скрипкин А. С., 2017. *Сарматы*. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 293 с.
- Скрипкин А. С., Клепиков В. М., 2004. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар : Изд-во КубГУ. С. 95–106.
- Смирнов К. Ф., 1984. *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии*. М. : Наука. 184 с.
- Федосеев Н. Ф., 2017. Керамические клейма поселения «Полянка» в Восточном Крыму // *Крым в эпоху эллинизма: межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований : сб. науч. ст.* Симферополь : Тарпан. С. 169–250.
- Федоров В. К., 2013. Кинжал из Талалаевки и сарматские элементы в оформлении рукоятей прохоровских клинков // *Нижневолжский археологический вестник*. Вып. 13. С. 33–47.
- Федоров В. К., 2018. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI–I вв. до н.э. // *Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей*. Труды ИИМК РАН. Т. 47. СПб. : ИИМК РАН : Гос. Эрмитаж. С. 181–191.
- Циркунова И. В., 2008. Чернолаковый канфар из западного пригорода Танаиса // *Novensia*. Т. 18–19. С. 381–385.
- Шевченко Н. Ф., 2011. Степи Прикубанья и сираки в IV–III вв. до н.э. // *Историко-археологический альманах*. Вып. 10. Армавир ; Краснодар ; М. : ИА РАН : Армавирский краеведческий музей. С. 44–57.
- Шевченко Н. Ф., 2013. Племена Восточного Приазовья на рубеже эры. Ростов н/Д : Альтаир. 152 с.
- Шелов Д. Б., 1970. *Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э.* М. : Наука. 252 с.
- Шелов Д. Б., 1975. Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М. : Наука. 167 с.
- Щеглов А. Н., 1978. *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Л. : Наука. 158 с.
- Щукин М. Б., 1994. *На рубеже эр*. СПб. : Фарн. 324 с.
- Яценко В. В., 2018. Отчет о раскопках курганов 11, 14, 15, 16 «Курганной группы “Чалтырский XI” и курганов 2, 3, 4 “Курганной группы “Мокро-Чалтырский I”» в 2015 г. в Мясниковском р-не Ростовской области // *Архив ООО АНИБ*. № 118.

- Anderson-Stojanovic V. R., 1987. The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // *American Journal of Archaeology*. Vol. 91, № 1. P. 105–122.
- Avram A., 2007. Some Thoughts about the Black Sea and the Slave Trade before the Roman Domination (6th – 1st centuries BC) // *The Black Sea in Antiquity : Regional and Interregional Exchanges*. Aarhus : Aarhus University Press. P. 239–251.
- Bouchon R., Kyriakidis N., 2017. La prêtrise d'Apollon Pythien à Delphes, observatoire des dynamiques sociales dans la Grèce sous domination romaine (IIe. s. av. J.-C. - Ie s. apr. J.-C.) // *Social dynamics under Roman rule. Mobility and status change in the provinces of Achaia and Macedonia*. Meletemata 74. P. 211-240.
- Garlan Y., 2004. Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue. Avec la collaboration de H. Kara. *Varia Anatolica XVI, Corpus international des timbres amphoriques 10*. Paris : Institut français d'études anatoliennes Georges Dumézil, De Boccard. 310 p.
- Daux G., 1943. Chronologie delphique (supplément au tome III des Fouilles de Delphes). Paris : E. de Boccard. 131 p.
- Finkielsztejn G., 2001. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan. *BAR International Series 990*. Oxford : Archaeopress. 260 p.
- Mulliez D., 1998. La chronologie de la prêtrise IV (170/69-158/7) et la date de la mort d'Eumène II // *Topoi*. Vol. 8/1. P. 231–241.
- Mulliez D., 2006. Les fils d'Ariane: quelques questions de chronologie delphique // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 150e année. No. 4. P. 2233–2255.
- Rotroff S. I., 1997. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Tableware. *The Athenian Agora*. Vol. XXIX. Part 2 : Illustrations. Princeton : American School of Classical Studies at Athens. 612 p.
- Walbank F. W., 1979. *A Historical Commentary on Polybius*. Vol. III : Commentary on Books XIX–XL. Oxford : The Clarendon Press. XXI + 834 p.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1961. Sarmatskiye pogrebeniya Dona i Ukrainy [Sarmatian Burials of the Don and Ukraine]. *Sovietskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 91-110.
- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly yuga yevropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Fibulae of the South of the European Part of the USSR, II Century BC - IV Century AD]. *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov*, iss. 11-30. Moscow, Nauka Publ. 112 p.
- Arsenyeva T.M., Naumenko S.A., 2004. Novyye dannyye o fortifikatsii Tanaisa [New Information on the Fortification of Tanais]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus], vol. 7. Moscow, IA RAS, pp. 29-73.
- Arsenyeva T.M., Naumenko S.A., 2006. Oboronitel'nyye ukrepleniya Tanaisa (po materialam raskopok 2003–2004 gg.) [Defensive Fortifications of Tanais (Based on Materials from Excavations in 2003-2004)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus], vol. 10. Moscow, IA RAS, pp. 18-61.
- Arsenyeva T.M., Il'yashenko S.M., Naumenko S.A., 2010. Ukrepleniya v tsentre zapadnoy oboronitel'noy linii Tanaisa kontsa III – II v. do n.e. [Fortification in the Center of Tanais Western Defenses of the Late 3rd – 2nd CC. B.C.]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, and Culture], no. 1, Moscow, Magnitogorsk, Novosibirsk, IA RAS, pp. 315-323.
- Artamonov M.I., 1949. Raskopki kurganov na r. Manych [Excavation of Burial Mounds on the River Manych]. *Sovietskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], iss. XI, pp. 305-336.
- Bernar P., Abdullaev K., 1997. Nomady na granitse Baktrii (k voprosu etnicheskoy i kul'turnoy identifikatsii) [Nomads on the Bactrian Border (on the Issue of Ethnic and Cultural Identification)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 68-86.
- Bespaly E.I., Bepalaya N.E., Raev B.A., 2007. *Drevneye naseleniye Nizhnego Dona. Kurgannyi mogil'nik «Valovyy 1»* [Ancient Population of the Lower Don. Burial Mound “Valovy 1”]. Rostov-on-Don, SSC RAS. 186 p.
- Berlizov N.E., 1996. Sarmaty v Predkavkaz'ye. Nekotoryye aspekty issledovaniya [Sarmatians in the Ciscaucasia. Some Aspects of Research]. *Aktual'nyye problemy arkheologii Severnogo Kavkaza (XIX «Krupnovskiy chteniya»)* [Actual Problems of Archaeology of the North Caucasus (XIX “Krupnovskie Readings”)]. Moscow, IA RAS, SHM, pp. 27-31.

- Berlizov N.E., 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskiye plemena Yuzhnoy Rossii v VII v. do n.e. – V v. n.e. Chast' I* [Rhythms of Sarmatia. The Sauromato-Sarmatian Tribes of Southern Russia in the VII Century BC - V Century AD. Part I]. Krasnodar, Krasnodar State University of Culture and Arts, Parabellum Publ. 320 p.
- Berlizov N.E., Eremenko V.E., 1998. Latenskiye importy v sarmatskikh pogrebeniyakh Prichernomor'ya: problema interpretatsii [Laten Imports in Sarmatian Burials of the Black Sea Region: the Problem of Interpretation]. *Drevnosti Kubani* [Antiquities of the Kuban], iss. 7. Krasnodar, KSHAMR, pp. 25-33.
- Borovkova L.A., 2001. *Tsarstva «Zapadnogo kraya»* [Kingdoms of the “Western Territory”]. Moscow, Kraft+ Publ. 356 p.
- Buiskikh S.B., 1986. Nekotoryye voprosy prostranstvenno-strukturnogo razvitiya Ol'viyskoy khory (VI–II vv. do n.e.). [Some Questions of Spatial and Structural Development of the Olbian Hora (VI-II Centuries BC)]. *Ol'viya i yeyo okrug* [Olbia and its Districts]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 17-28.
- Bulatovich S.A., 1997. Tira i Nizhneye Podnestrov'ye v IV–III vv. do n.e. po dannym monetnykh nakhodok [Tira and Lower Dniester in the IV-III Centuries BC According to Coin Finds]. *Nikoniy i antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya* [Nikoniy and the Ancient World of the Northern Black Sea Region]. Odessa, IA ASU, OAM, pp. 223-227.
- Vaynberg B. I., 1992. Pamyatniki skotovodcheskikh plemon v levoberezhnom Khorezme [Monuments of Cattle Breeding Tribes in the Left-Bank Khorezm]. *Stepnaya polos*a Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya [The Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 116-122.
- Vinogradov Yu.A., Marchenko K.K., Rogov E.Ya., 1997. Sarmaty i gibel' «Velikoy Skifii» [Sarmatians and the Death of the “Great Scythia”]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 93-103.
- Vinogradov Yu.G., 1997. Khersonesskiy dekret o «nesenii Dionisa» IOSPE P 343 i vtorzheniye sarmatov v Skifiyu [Chersonesus Decree on “Carrying Dionysus” IOSPE P 343 and the Sarmatian Invasion of Scythia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 104-124.
- Vlaskin M.V., 2000. Rannesarmatskiye pogrebeniya mogil'nika Severo-Zapadnyy I [Early Sarmatian Burials of the Burial Ground Severo-Zapadny I]. *Sarmatii i ih sosedi na Dony. Materialy i issledovaniya po arheologii Dona: sb. nauch. st.* [Sarmatians and their Neighbors on the Don. Materials and Research on the Archaeology of the Don. Collection of Scientific Articles], iss. 1. Rostov-na-Donu, Terra Publ., pp. 9-26.
- Vnukov S.Yu., Yefremov N.V., 2017. Keramicheskiye kleyma iz raskopok gorodishcha Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu [Ceramic Stamps from the Excavations of the Settlement Kara-Tobe in the North-Western Crimea]. *Krym v epokhu ellinizma: mezukul'turnyye protsessy po dannym noveyshikh arkheologicheskikh issledovaniy: sb. nauch. st.* [Crimea in the Era of Hellenism. Intercultural Processes According to the Latest Archaeological Research. Collection of Scientific Articles]. Simferopol', Tarpan Publ., pp. 19-120, 279-287.
- Gabelko O.L., 2012. Prodolzhat'ya diskussiyu o pontiyskoy tsarskoy ere [Continuing the Discussion About the Pontic Royal Era]. *Studia historica*, iss. XII. Moscow, pp. 61-74.
- Gilevich A.M., 1973. Khronologiya i topografiya kladov khersonesskikh monet IV–II vv. do n.e. i nekotoryye voprosy skifo-khersonesskikh vzaimootnosheniy [Chronology and Topography of the Treasures of Chersonesus Coins of the IV-II Centuries BC and Some Questions of the Scythian-Chersonesus Relationship]. *Antichnyye goroda Severnogo Prichernomor'ya i varvarskiy mir: krat. tez. dokl. k nauch. konf.* [Antique Cities of the Northern Black Sea Region and the Barbarian World. Brief Theses of Reports for the Scientific Conference]. Leningrad, State Hermitage Museum, pp. 10-11.
- Glebov V.P., 2002. Yeshche raz o probleme III v. do n.e. [Once Again About the Problem of the III Century BC]. *Bosporskiy fenomen. Pogrebal'nyye pamyatniki i svyatilishcha: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Bosporan Phenomenon. Funeral Monuments and Sanctuaries: Materials of the International Scientific Conference], part 2. Saint Petersburg, State Hermitage Museum, pp. 186-197.
- Glebov V.P., 2004. Khronologiya rannesarmatskoy i srednesarmatskoy kul'tur Nizhnego Podon'ya [Chronology of the Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures of the Lower Don Region]. *Sarmatskiye kul'tury Yevrazii: problemy regional'noy khronologii: dokl. k 5-y Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports for the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Krasnodar, KSU, pp. 127-133.
- Glebov V.P., 2005. O nekotorykh problemakh khronologii rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Podon'ya [About Some Problems of Chronology of the Early Sarmatian Culture of the Lower Don Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 7, pp. 34-50.

- Glebov V.P., 2007. Spetsifika stanovleniya rannesarmatskoy kul'tury na Nizhnem Donu [Specificity of the Formation of the Early Sarmatian Culture in the Lower Don]. *Regional'nyye osobennosti rannesarmatskoy kul'tury. Materialy seminara Tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov* [Regional Features of the Early Sarmatian Culture. Materials of the Seminar of the Center for the Study of the History and Culture of the Sarmatians], iss. II. Volgograd, VolSU, pp. 59-82.
- Glebov V.P., 2009. Fibuly rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Podon'ya [Fibulae of the Early Sarmatian Culture of the Lower Don Region]. *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy konf.* [Fifth Kuban Archaeological Conference. Conference Materials]. Krasnodar, KSU, pp. 70-76.
- Glebov V.P., 2010. *Rannesarmatskaya kul'tura Nizhnego Podon'ya II–I vv. do n.e.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Early Sarmatian Culture of the Lower Donets of the II-I Centuries BC. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 26 p.
- Glebov V.P., 2017. Sarmatskiye pogrebeniya iz kurgana 1 mogil'nika u s. Kuleshovka (raskopki 1982 g.) [Sarmatian Burials from the Barrow 1 of Burial Mound near Kuleshovka Village (Excavations of 1982)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 16, no. 1, pp. 143-161. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2017.1.9>.
- Glebov V.P., Ilyashenko S.M., Tolochko I.V., 2005. Pogrebeniya s oruzhiyem ellinisticheskogo vremeni iz nekropolya Tanaisa [Burials with Weapons from the Hellenistic Time from the Necropolis of Tanais]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus], vol. 8. Moscow, IA RAS, pp. 52-97.
- Glebov V.P., Ilyashenko S.M., 2019. Sarmaty i Tanais vo II–I vv. do n.e. po arkheologicheskim i pis'mennym istochnikam [Sarmatians and Tanais in the Second and First Centuries BC According to Archaeological and Written Sources]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – V v. n.e.). V. Materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Crimea in the Sarmatian Era (II Century BC - V Century AD). Materials of the X International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Simferopol', OOO Firma Salta LTD Publ., pp. 80-89.
- Grakov B.N., 1939. Materialy po istorii Skifii v grecheskikh nadpisyakh Balkanskogo poluoostrova i Maloy Azii [Materials on the History of Scythia in the Greek Inscriptions of the Balkan Peninsula and Asia Minor]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 231-312.
- Gutsalov S.Yu., 2004. *Drevniye kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v VII–I vv. do n.e.* [Ancient Nomads of the Southern Urals in the VII-I Centuries BC]. Ural'sk, West Kazakhstan center of history and archaeology. 136 p.
- Desyatchikov Yu.M., 1973. Satarhi [Satarkhi]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 1, pp. 131-144.
- Egorova T.V., 2009. *Chernolakovaya keramika IV–II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma* [Black-Lacquered Ceramics of the IV-II Centuries BC from the Monuments of the North-Western Crimea]. Moscow, MSU. 253 p.
- Egorova T.V., 2018. Yeshche raz ob S-vidnykh ellinisticheskikh kanfarakh [Once Again About the S-Prominent Hellenistic Canfars]. *Prichernomor'ye v Antichnoye i rannesrednevekovoye vremya: sb. nauch. tr., posvyashch. 70-letiyu professora V.P. Kopylova* [Black Sea Region in Antique and Early Medieval Times. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 70th Anniversary of Professor V.P. Kopylov]. Rostov-on-Don, SFU, Archaeological Society “Heritage”, pp. 510-519.
- Egorova T.V., 2020. Obshchiye tendentsii i regional'nyye osobennosti importa chernolakovoy keramiki v Tanais [General Trends and Regional Characteristics of the Import of Black Glazed Pottery in Tanais]. *Homo omnium horarum: sb. st. v chest' 70-letiya A.V. Podosinova* [Homo Omnium Horarum. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of A.V. Podosinova]. Moscow, University of Dmitry Pozharsky, pp. 169-188.
- Ilyashenko S.M., Arsenyeva T.M., Naumenko S.A., 2015. Oboronitel'nyye rvy Tanaisa vo II–I vv. do n.e. [Defensive Ditches of Tanais in the 2nd–1st Centuries BC]. *S Mitridata duyet veter. Bospor i Prichernomor'ye v antichnosti. K 70-letiyu V.P. Tolstikova* [Wind Blows Down the Mount Mithridates. The Bosphorus and the Black Sea in Antiquity. Studies Presented to V.P. Tolstikov on the Occasion of his 70th Birthday]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, pp. 174-188.
- Zaitsev Yu.P., 2012. Antichnaya keramika v ritual'nykh (votivnykh) kladakh Severnogo Prichernomor'ya [Ancient Ceramics in Ritual (Votive) Hoards of the Northern Black Sea Region]. *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III–II vv. do n.e.: sb. nauch. st.* [Antiquities of the Northern Black Sea Region of the III-II Centuries BC. Collection of Scientific Articles]. Tiraspol', Pridnestrovian State University, pp. 55-66.
- Zaitsev Yu.P., 2017. Krepost' Ak-Kaya v epokhu ellinizma [The Fortress Ak-Kaya in the Hellenistic Period Research]. *Krym v epokhu ellinizma. Mezhhul'turnyye protsessy po dannym noveyshikh arkheologicheskikh*

- issledovaniy* [Crimea in the Era of Hellenism. Intercultural Processes According to the Latest Archaeological Research]. Simferopol', Tarpan Publ., pp. 121-133.
- Zaitsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2004. Varvarskiye pogrebeniya Kryma 2 v. do n.e. – 1 v. n.e. [Barbarian Burials of the Crimea 2 Century BC - 1 Century AD]. *Sarmatskiye kul'tury Yevrazii: problemy regional'noy khronologii: dokl. k 5-y Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports for the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Krasnodar, KubSU, pp. 174-204.
- Zuev V.Yu., 1998. *Prokhorovskiye kurgany v Yuzhnom Priural'ye i problema khronologii rannesarmatskoy kul'tury: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Prokhorov Kurgans in the Southern Urals and the Problem of the Chronology of the Early Sarmatian Culture. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 32 p.
- Zuev V.Yu., 2000. Osnovnyye problemy khronologii «rannesarmatskoy» kul'tury [The Main Problems of the Chronology of the “Early Sarmatian” Culture]. *Rannesarmatskaya kul'tura: formirovaniye, razvitiye, khronologiya: materialy IV Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Materials of the IV International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”], iss. 1. Samara, SSC RAS, pp. 85-104.
- Zuev V.Yu., 2013. O poyavlenii sarmatov v stepyakh Yevrazii po arkheologicheskim dannym [About the Appearance of Sarmatians in the Steppes of Eurasia According to Archaeological Data]. *Bosporskiy fenomen: greki i varvary na Yevraziyskom perekrestke: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [The Bosporan Phenomenon: Greeks and Barbarians at the Eurasian Crossroads: Materials of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, Nestor-istoriya Publ., pp. 512-522.
- Kats V.I., 1994. *Keramicheskiye kleyma Khersonesa Tavricheskogo* [Ceramic Stamps of Tauric Chersonesos]. Saratov, SSU. 170 p.
- Kats V.I., 2007. *Grecheskiye keramicheskiye kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya). Bosporskiye issledovaniya* [Greek Ceramic Stamps of the Classical and Hellenistic Era (Experience of Complex Study). Bosporan Research], iss. XVIII. Simferopol', Kerch', Crimean branch of the Institute of Oriental Studies. 480 p.
- Klepikov V.M., 2000. Pamyatniki III v. do n.e. v Nizhnem Povolzh'ye [Monuments of the III Century BC in the Lower Volga Region]. *Rannesarmatskaya kul'tura: formirovaniye, razvitiye, khronologiya: materialy IV Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Materials of the IV International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”], iss. 1. Samara, SSC RAS, pp. 116-124.
- Klepikov V.M., Skripkin A.S., 2002. Khronologiya rannesarmatskikh pamyatnikov Nizhnego Povolzh'ya [Chronology of the Early Sarmatian Monuments in the Lower Volga Area]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 5, pp. 47-81.
- Kovalenko S.A., 2002. O strukture i dinamike importa pozdneellinisticheskoy rel'yefnoy keramiki v Severnoye Prichernomor'ye [About Structure and Dynamics of the Import of Late Hellenistic Relief Pottery in the Northern Black Sea Region]. *Arkheologiya* [Archaeology], no. 3, pp. 80-96.
- Koltukhov S.G., 1999. *Ukrepeleniya Krymskoy Skifii* [Fortifications of the Crimean Scythia]. Simferopol, Sonat Publ. 224 p.
- Kostenko V.I., 1983. *Sarmatskiye pamyatniki Dnepro-Don'skogo mezhdurechia III v. do n.e. – serediny III v. n.e.* [Sarmatian Monuments of the Dnieper-Don Interfluvium III Century BC-Mid-Third Century BC]. Dnepropetrovsk, Izd-vo DneprGU. 104 p.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Epoch]. Kiev, ADEF-Ukraine Publ. 384 p.
- Kropotov V.V., 2016. Sarmatskiye pogrebal'nyye pamyatniki Stepnogo Kryma [Sarmatian Burial Monuments of the Steppe Crimea]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 15, no. 1, pp. 22-39. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2016.1.2>.
- Kropotov V.V., 2019. K probleme vydeleniya rannesarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [On the Problem of Identifying Early Sarmatian Monuments of the Northern Black Sea Region]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – V v. n.e.). V. Materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Crimea in the Sarmatian Era (II Century BC - V Century AD). V. Materials of the X International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Simferopol', OOO Firma Salta LTD Publ., pp. 154-160.
- Kropotov V.V., Leskov A.M., 2006. Kurgan s «kollektivnym pogrebeniyem» u s. Krinichki (po materialam rabot 1957 g.) [The Burial Mound with “Collective Burial” Near Village Krynichki (Based on the Works of 1957)].

- Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Peoples of the Black Sea Region], no. 84. Simferopol', Interuniversity Center "Crimea" Publ., pp. 25-39.
- Kryzhitsky S.D., Leypunskaya N.A., 1988. Kompleks zapadnykh vorot Ol'vii [The Complex of the Western Gate of Olbia]. *Antichnyye drevnosti Severnogo Prichernomor'ya* [Antique Antiquities of the Northern Black Sea region]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 10-32.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2017. Atributsiya i khronologiya chernolakovykh kanfarov iz meotskikh pamyatnikov Prikuban'ya [Attribution and Chronology of Black Lacquer Canfars from Meotian Monuments of the Kuban Area]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 181-198.
- Maksimenko V.E., 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu* [Savromats and Sarmatians in the Lower Don]. Rostov-on-Don, Rostov State University. 224 p.
- Maksimenko V.E., 1997. Nachalo proniknoveniya sarmatov v Severnoye Prichernomor'ye i zavoyevaniye Skifii [The Beginning of the Penetration of the Sarmatians into the Northern Black Sea Region and the Conquest of Scythia]. *Donskie drevnosti. Vyp. 5. Sarmaty i Skifiya: sb. nauch. dokl. III Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Don Antiquities. Iss. 5: Sarmatians and Scythia: Collection of Scientific Reports. 3rd International Conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History"]. Azov, Azov Regional Museum, pp. 41-49.
- Maksimenko V.E., 2000. O vremeni i putyakh proniknoveniya plemen prokhorovskoy kul'tury v Podon'ye – Priazov'ye [About the Time and Ways of Penetration of the Tribes of the Prokhorovka Culture in the Don – Azov Region]. *Rannesarmskaya kul'tura: formirovaniye, razvitiye, khronologiya: materialy IV Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Materials of the IV International Conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History"], iss. 2. Samara, SSC RAS, pp. 158-169.
- Mandelstam A.M., 1992. Kochevoye naseleniye Sredneaziatskogo mezhdurech'ya v posledniye veka do n.e. i pervyye veka n.e. [The Nomadic Population of the Central Asian Interfluvium in the Last Centuries BC and the First Centuries AD]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya. Arkheologiya SSSR* [The Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time. Archaeology of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., pp. 107-115.
- Mamontov V.I., 2000. *Drevnee naselenie levoberezh'ya Dona (po materialam kurgannogo mogil'nika Pervomayskiy VII)* [Ancient Population of the Left Bank of the Don (Based on Materials from the Pervomaisky VII Kurgan Cemetery)]. Volgograd, VolSU. 194 p.
- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani* [Siraki Kuban]. Krasnodar, KubSU. 336 p.
- Maslennikov A.A., 1995. Drevniye greki v Krymskom Priazov'ye [Ancient Greeks in the Crimean Azov Region]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 2, pp. 78-93.
- Maslennikov A.A., 1999. Greki i varvary na «granitsakh» Bospora: (Vzglyad na problemu k kontsu tysyacheletiya) [Greeks and Barbarians on the "Borders" of the Bosphorus (A Look at the Problem by the End of the Millennium)]. *Drevneyshniye gosudarstva Vostochnoy Yevropy. 1996–1997 gg. Severnoye Prichernomor'ye v antichnosti: Voprosy istochnikovedeniya* [The Most Ancient States of Eastern Europe. 1996-1997. Northern Black Sea Region in Antiquity: Questions of Source Study]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., pp. 170-192.
- Machinskiy D.A., 1971. O vremeni pervogo aktivnogo vystupleniya sarmatov v Podneprov'ye po svдетельstvam antichnykh pismennykh istochnikov [About the Time of the First Active Attack of Sarmatians in the Dnieper According to the Ancient Written Sources]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Papers of the State Hermitage Museum], iss. 13. Leningrad, State Hermitage Publ., pp. 30-54.
- Mikhlin B. Yu., 1980. Fibuly Belyausskogo mogil'nika [Fibulae of the Belyaussky Burial Ground]. *Sovietskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 194-213.
- Moshkova M.G., Maksimenko V.E., 1974. Raboty Bagayevskoy ekspeditsii v 1971 g. [Works of the Bagaevsky Expedition in 1971]. *Arkheologicheskiye pamyatniki Nizhnego Podon'ya* [Archaeological Monuments of the Lower Don Region], part II. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-80.
- Nikitskiy A.V., 1894/95. *Del'fiyskiye epigraficheskiye etyudy* [Delphic Epigraphic Studies]. I-VI. Odessa. 368 p.
- Obel'chenko O.V., 1992. *Kul'tura antichnogo Sogda. Po arkheologicheskim dannym VII v. do n.e. – VII v. n.e.* [The Culture of Ancient Sogd. According to Archaeological Data of the VII Century BC - VII Century AD]. Moscow, Nauka Publ. 256 p.
- Pal E.P., 2018. Okhranno-spatatel'nyye arkheologicheskiye issledovaniya OOO Inzhenerno-tehnicheskiiy tsentr spetsial'nykh rabot i ekspertiz na Kubani (2015–2016 gg.) [Security-Rescue Archeological Researches of

- ООО “Engineering-Technical Center of Special Works and Expertise” in Kuban (2015-2016)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus], iss. 16. Armavir, Krasnodar, NJC “Heritage of the Kuban”, pp. 253-281.
- Polin S.V., 1992. *Ot Skifii k Sarmatii* [From Scythia to Sarmatia]. Kiev, IAASU. 201 p.
- Polin S.V., 2018. Sarmatskoe zavoevanie Severnogo Prichernomor'ya (sovremennoe sostoyanie problemy) [Sarmatian Conquest of the Northern Black Sea Region (Current Studies)]. *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy: sb. st. v chest 70-letiya N.P. Telnova* [Antiquities. Studies. Issues. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N.P. Telnov]. Kishinev, Tiraspol, Stratum Plus, pp. 267-288.
- Polin S.V., Simonenko A.V., 1997. Skifiya i sarmaty [Scythia and Sarmatians]. *Donskie drevnosti. Vyp. 5. Sarmaty i Skifiya: sb. nauch. dokl. III Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Don Antiquities. Iss. 5: Sarmatians and Scythia: Collection of Scientific Reports. 3rd International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Azov, Azov Regional Museum, pp. 87-98.
- Samoylova T.L., 1988. *Tira v VI-I vv. do n.e.* [Tira in the VI-I Centuries BC]. Kiev, Naukova dumka Publ. 119 p.
- Simonenko O.V., 1994. Rann'osarmat-s'kyu period u Pivnichnomu Prichernomor'yi [Early Sarmatian Period in the Northern Black Sea Region]. *Arkheologiya* [Archaeology], no. 1, pp. 32-48.
- Simonenko A.V., 2001. Yevropeyskiye alany i alany-tanaity v Severnom Prichernomor'ye [European Alans and Alans-Tanaites in the Northern Black Sea Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 77-91.
- Simonenko A.V., 2004. Khronologiya i periodizatsiya sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [Chronology and Periodization of the Sarmatian Monuments of the Northern Black Sea Region]. *Sarmatskiye kul'tury Yevrazii: problemy regional'noy khronologii: dokl. k 5-y Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports for the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Krasnodar, KubSU, pp. 134-173.
- Simonenko A.V., 2007. Mechi i kinzhaly prokhorovskogo tipa na territorii Ukrainy [Swords and Daggers of the Prokhorov Type on the Territory of Ukraine]. *Vooruzheniye sarmatov. Regional'naya tipologiya i khronologiya: dokl. k VI Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Reports for the VI International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Chelyabinsk, SUSU, pp. 99-113.
- Simonenko A.V., 2013. *Rimskiy i provintsial'nyy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya. Tipologiya i khronologiya* [Roman and Provincial Imports from the Sarmatians of the Northern Black Sea Region. Typology and Chronology]. Berlin, Palmarium Academic Publ. 369 p.
- Simonenko A.V., 2019. Rannesarmatskiye pamyatniki Orel'-Samarskogo mezhdurech'ya [Early Sarmatian Monuments of the Orel-Samara Interfluve]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 1, pp. 81-96. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.7>.
- Skripkin A.S., 2000. Novyye aspekty v izuchenii istorii material'noy kul'tury sarmatov [New Aspects in the Investigation of the History of Sarmatian Material Culture]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 3, pp. 17-40.
- Skripkin A.S., 2017. *Sarmaty* [Sarmatians]. Volgograd, VolSU. 293 p.
- Skripkin A.S., Klepikov V.M., 2004. Khronologiya rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Povolzh'ya [Chronology of the Early Sarmatian Culture of the Lower Volga Region]. *Sarmatskiye kul'tury Yevrazii: problemy regional'noy khronologii: dokl. k 5-y Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports for the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Krasnodar, KubSU, pp. 95-106.
- Smirnov K.F., 1984. *Sarmaty i utverzhdeniye ikh politicheskogo gospodstva v Skifii* [Sarmatians and the Assertion of their Political Domination in Scythia]. Moscow, Nauka Publ. 184 p.
- Fedoseyev N.F., 2017. Keramicheskiye kleyma poseleniya «Polyanka» v Vostochnom Krymu [Ceramic Stamps of the Settlement “Polyanka” in the Eastern Crimea]. *Krym v epokhu ellinizma: mezhkul'turnyye protsessy po dannym noveyshikh arkheologicheskikh issledovaniy: sb. nauch. st.* [Crimea in the Era of Hellenism. Intercultural Processes According to the Latest Archaeological Research. Collection of Scientific Articles]. Simferopol', Tarpan Publ., pp. 169-250.
- Fedorov V.K., 2013. *Kinzhal iz Talalayevki i savromatskiye elementy v oformlenii rukoyatey prokhorovskikh klinkov* [A Dagger from Talalaevka and “Sauromatic” Elements in the Oramentation of Handles

- of Prokhorovsky Type Blade Weapons]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 13, pp. 33-47.
- Fedorov V.K., 2018. Vtorzheniya v mogily yedinoplemennikov pri sovershenii novykh zakhoroneniy u rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala VI–I vv. do n.e. [Encroaching of Tribe-Mate Graves During the Creation of New Burials Among Nomads of Southern Urals at VI–I Centuries B.C.]. *Drevniye nekropoli – pogrebal'no-pominal'naya obryadnost', pogrebal'naya arkhitektura i planirovka nekropoley. Trudy IIMK RAN* [Ancient Necropolises – Funeral and Memorial Ritualism, Architecture and Planning of Necropolises. Proceedings of the IHMK RAS], vol. 47. Saint Petersburg, IHMK RAS, State Hermitage Museum, pp. 181-191.
- Tsirkunova I.V., 2008. Chernolakovyy kanfar iz zapadnogo prigoroda Tanaisa [Black-Glazed Canfar from the Western Suburb of Tanais]. *Novensia*, vol. 18-19, pp. 381-385.
- Shevchenko N.F., 2011. Stepi Prikubanya i siraki v VI–III vv. do n.e. [The Steppes of Kuban and the Siraks During VI–III Century BC]. *Istoriko-arkheologicheskiy almanakh* [Historical and Archaeological Almanac], vol. 10. Armavir, Krasnodar, Moscow, IA RAS, Armavir Regional Museum, pp. 44-57.
- Shevchenko N.F., 2013. *Plemena Vostochnogo Priazov'ya na rubezhe ery* [Tribes of the Eastern Azov Region at the Turn of the Era]. Rostov-on-Don, Al'tair Publ. 152 p.
- Shelov D.B., 1970. *Tanais i Nizhniy Don v III–I vv. do n.e.* [Tanais and the Lower Don in the III–I Centuries BC]. Moscow, Nauka Publ. 252 p.
- Shelov D.B., 1975. *Keramicheskiye kleyma iz Tanaisa III–I vv. do n.e.* [Ceramic Stamps from Tanais III–I Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 167 p.
- Shcheglov A.N., 1978. *Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu epokhu* [North-West Crimea in Ancient Times]. Leningrad, Nauka Publ. 158 p.
- Shchukin M.B., 1994. *Na rubezhe er* [At the Turn of the Era]. Saint Petersburg, Farn Publ. 324 p.
- Yatsenko V.V., 2018. Otchet o raskopkakh kurganov 11, 14, 15, 16 «Kurgannoy gruppy “Chaltyrskiy XI” i kurganov 2, 3, 4 “Kurgannoy gruppy “Mokro-Chaltyrskiy I”» v 2015 g. v Myasnikovskom r-ne Rostovskoy oblasti [The Report on the Excavation of Kurgans 11, 14, 15, 16 of the “Kurgan Group” Chaltyrsky XI” and Kurgans 2, 3, 4 of the “Kurgan Group “Mokro-Chaltyrsky I” in 2015 in the Myasnikovsky District of the Rostov Region]. *Arkhiv OOO ANIB*, no. 118.
- Anderson-Stojanovic V.R., 1987. The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria. *American Journal of Archaeology*, vol. 91, no. 1, pp. 105-122.
- Avram A., 2007. Some Thoughts about the Black Sea and the Slave Trade before the Roman Domination (6th – 1st Centuries BC). *The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Exchanges*. Aarhus, Aarhus University Press, pp. 239-251.
- Bouchon R., Kyriakidis N., 2017. La prêtrise d'Apollon Pythien à Delphes, observatoire des dynamiques sociales dans la Grèce sous domination romaine (IIe. s. av. J.-C. - IIe s. apr. J.-C.). *Social dynamics under Roman rule. Mobility and status change in the provinces of Achaia and Macedonia*. Meletemata 74, pp. 211-240.
- Garlan Y., 2004. *Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue*. Avec la collaboration de H. Kara. *Varia Anatolica XVI, Corpus international des timbres amphoriques* 10. Paris, Institut français d'études anatoliennes Georges Dumézil, De Boccard. 310 p.
- Daux G., 1943. *Chronologie delphique (supplément au tome III des Fouilles de Delphes)*. Paris, E. de Boccard. 131 p.
- Finkielsztejn G., 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan*. BAR International Series 990. Oxford, Archaeopress. 260 p.
- Mulliez D., 1998. La chronologie de la prêtrise IV (170/69-158/7) et la date de la mort d'Eumène II. *Topoi*, vol. 8/1, pp. 231-241.
- Mulliez D., 2006. Les fils d'Ariane: quelques questions de chronologie delphique. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 150e année, no. 4, pp. 2233-2255.
- Rotroff S.I., 1997. *Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Tableware. The Athenian Agora*, vol. XXIX, part 2: Illustrations. Princeton, American School of Classical Studies at Athens. 612 p.
- Walbank F.W., 1979. *A Historical Commentary on Polybius. Vol. III: Commentary on Books XIX–XL*. Oxford, The Clarendon Press. XXI +834 p.

Information About the Authors

Vyacheslav P. Glebov, Candidate of Sciences (History), Researcher, ООО Archaeological Research Bureau, Ul'yanovskaya St, 50, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, glebov-63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9692-4616>

Anton V. Dedyulkin, Assistant, Department of Archaeology and History of the Ancient World, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St, 33/43, 344082 Rostov-on-Don, Russian Federation, donrumata@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0100-8007>

Информация об авторах

Вячеслав Петрович Глебов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Археологическое научно-исследовательское бюро, ул. Ульяновская, 50, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, glebov-63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9692-4616>

Антон Владимирович Дедюлькин, ассистент кафедры археологии и истории древнего мира, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 33/43, 344082 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, donrumata@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0100-8007>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.6>

UDC 903'1(575.2):623.444.1
LBC 63.442.7(5Кир)-411

Submitted: 27.06.2020
Accepted: 24.11.2020

TWO NEW DAGGERS OF EARLY SARMATIAN SHAPE FROM CHUI VALLEY

Sergei S. Ivanov

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. The article is concerned with the publication of two new finds of early Sarmatian shape iron daggers, found in the southern foothill zone of the Chui valley (Kyrgyzstan). This category of weapons is considered as a rare find on the territory of the spread of the Saka culture of Tien Shan region. Therefore, each new find of such items significantly expands the understanding of the features of the formations and development of the blade weapons in this territory. The first dagger by its morphological features was dated to the late half of the 5th – first half of the 4th centuries BC. Similar analogies were discovered on the territory of the Forest-Steppe Altai, the Volga region and the South Urals, which allowed to clarify its chronological framework. The second dagger was dated by the author back to the first half of the 3rd century BC. At the same time the closest morphological parallels are found mainly in the Sarmatian materials of the South Urals region. Analysis of the data of the two daggers showed that Tien Shan region was already quite early in the southern periphery of the original territory of formation of the early Sarmatian-type blade weapons. It is noteworthy that cultural interrelationships not only with the territories of the Southern Urals and Volga region, but also with the Forest-Steppe Altai, played a significant role in appearance and spread of the daggers there.

Key words: Early Iron Age, ancient nomads, Tien Shan region, weapons, iron daggers.

Citation. Ivanov S.S., 2020. Dva novykh kinzhala rannesarmatskogo oblika iz Chuyskoy doliny [Two New Daggers of Early Sarmatian Shape from Chui Valley]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 120-128. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.6>

УДК 903'1(575.2):623.444.1
ББК 63.442.7(5Кир)-411

Дата поступления статьи: 27.06.2020
Дата принятия статьи: 24.11.2020

ДВА НОВЫХ КИНЖАЛА РАННЕСАРМАТСКОГО ОБЛИКА ИЗ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

Сергей Сергеевич Иванов

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Киргизия

Аннотация. Статья посвящена публикации двух новых находок железных кинжалов раннесарматского облика, найденных в южной предгорной зоне Чуйской долины (Киргизия). Данная категория вооружения считается достаточно редкой на территории распространения сакской культуры Притяньшанья. Поэтому каждая новая находка подобных предметов существенно расширяет представления об особенностях формирования и развития клинкового оружия на этой территории. Первый кинжал по своим морфологическим особенностям был датирован второй половиной V – первой половиной IV в. до н.э. Он находит близкие аналогии на территории Лесостепного Алтая, Поволжья и Приуралья, которые позволили уточнить его хронологические позиции. Второй кинжал был отнесен автором к первой половине III в. до н.э. При этом ближайšie морфологические параллели он находит преимущественно в сарматских материалах Южного Урала. Анализ данных двух кинжалов показал, что Притяньшанье уже достаточно рано входило в южную периферию первоначальной территории сложения клинкового оружия раннесарматского типа. Примечательно, что в его появлении и распространении здесь значительную роль сыграли культурные взаимосвязи не только с территориями Южного Приуралья и Поволжья, но и также с Лесостепным Алтаем.

Ключевые слова: ранний железный век, ранние кочевники, Притяньшанье, вооружение, железные кинжалы.

Цитирование. Иванов С. С., 2020. Два новых кинжала раннесарматского облика из Чуйской долины // Нижневожский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 120–128. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.6>

Комплекс вооружения сакской культуры Притяньшанья все еще остается недостаточно изученной научной областью. По этой причине каждая новая находка предметов вооружения в заметной мере расширяет и детализирует наши представления об этой категории материальной культуры.

Настоящая статья посвящена двум новым находкам железных кинжалов случайного характера, сделанных в Чуйской долине. Поскольку здесь они отмечены впервые, подобный факт приобретает особое значение, так как позволяет включить этот район в зону распространения клинкового оружия раннесарматского облика в пределах Притяньшанья.

Первый кинжал был обнаружен в ущелье Чункурчак, расположенном в южной предгорной зоне Чуйской долины. Он хорошей сохранности и не имеет утрат и повреждений.

Кинжал обладает небольшим слабоизогнутым навершием и прямой гладкой рукоятью, подпрямоугольной в разрезе. Перекрестье изделия узкое, дуговидной формы, с загнутыми вверх концами. Клинок широкий, вытянуто-треугольной формы, ромбический в сечении (рис. 1, 1, 2, 1).

Общая длина кинжала – 29 см, из которых 19 см приходится на клинок, ширина перекрестья – 7,5 см, ширина рукояти – 2,6 см, максимальная ширина клинка – 5,4 см.

Типологически сходные образцы клинкового оружия были и раньше известны на территории сакской культуры Притяньшанья. Так, рассматриваемому кинжалу достаточно близок экземпляр из кургана 12 могильника Джал-Арык II на Западном Тянь-Шане (Кетмень-Тюбинская долина), который датируется IV в. до н.э. [Кожомбердиев, 1977, с. 13, рис. 3,2; Ташбаева, 2011, с. 68, рис. 59,2; Иванов, 2018б, с. 215, рис. 1,2]. Также близкими морфологическими особенностями обладает рукоять длинного меча из кургана Иссык, надежно датирующегося IV в. до н.э. [Акишев, 1978, с. 30, табл. 43].

Аналогии кинжалу из Чункурчака известны также в других районах Средней Азии. В частности, относительно сходный экземпляр зафиксирован в кургане 9 могильника Памирская I на Восточном Памире, который также отнесен к IV в. до н.э. [Бернштам, 1956, рис. 4; Литвинский, 1972, с. 117, табл. 40,6].

Близкий кинжал, но не с прямой, а эллипсоидной рукоятью, происходит из окрестностей с. Берел в Восточном Казахстане, который был датирован в пределах IV–III вв. до н.э. [Самашев и др., 2004, с. 233, рис. 9,1].

В значительном количестве аналогичные кинжалы и мечи известны из раннесарматских погребальных памятников Поволжья и Южного Приуралья, где они относятся к IV в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 26–27, рис. 7,9–11; Мошкова, 1963, с. 33, табл. 18,10; Клепиков, 2002, с. 27–28, рис. 2,6–10]. Сходный экземпляр короткоклинкового оружия также происходит с территории Горного Алтая и датирован IV в. до н.э. [Кочеев, 1995, с. 133–135, рис. 1,2].

Стоит еще остановиться на такой особенности первого чуйского кинжала, как наличие загнутых вверх концов перекрестья, которая, как оказалось, позволяет уточнить его хронологию. Так, целый ряд кинжалов с аналогичной морфологической особенностью известны в погребальных комплексах каменной культуры Лесостепного Алтая. Но практически все они имеют узкое перекрестье в виде сломанного под углом бруска. П.И. Шульга склонен отнести данные кинжалы к V–IV вв. до н.э. [Шульга, 2007, с. 147, рис. 2,8,10]. К сходному мнению о более ранней хронологической позиции кинжалов с загнутыми вверх концами перекрестья приходят публикаторы очень близкого кинжала из пос. Новоберезовский (Агрос) в Самарском Поволжье, который отличается от чуйского лишь наличием прорезной рукояти [Мышкин и др., 2007, с. 41, рис. 3,2]. Но они склонны датировать данный экземпляр второй половиной V – первой половиной IV в. до н.э.

Вероятнее всего, первый кинжал из Чуйской долины датируется в этих же хронологических рамках. Отсутствие ему параллелей в оформлении перекрестья на территории Притяньшанья заставляет думать, что он мог здесь появиться в результате влияния каменной культуры Лесостепного Алтая, тесные культурные и этнические контакты с которой местная сакская культура демонстрирует на протяжении второй половины VI – первой половины II вв. до н.э. (подробнее см.: [Иванов, 2016, с. 869–885]). Это тем более возможно, если учесть, что, по-видимому, именно этот регион был изначальным мес-

том формирования железных кинжалов с ранними формами перекрестий с загнутыми концами. На это указывает то, что отмеченный выше кинжал из Самарского Поволжья обладает таким характерным «восточным» признаком, как прорезная рукоять – основная часть кинжалов, обладающая ею, концентрируется в Восточном Казахстане и на Алтае [Мышкин и др., 2007, с. 41].

Все это дает нам основание предполагать, что и чуйский кинжал мог появиться здесь в результате сложных процессов формирования и распространения ранних железных кинжалов раннесарматского типа на территории от Алтая до Южного Урала, отмечая при этом южную периферию данных процессов.

Второй кинжал был найден в юго-восточной предгорной части Чуйской долины (район пос. Бордунский). Он имеет хорошую сохранность, но у него утрачено навершие.

Кинжал имеет узкое изогнутое перекрестье. Рукоять у него обладает эллипсоидной формой, то есть сужается к перекрестью и навершию, в сечении она округлая. На ее верхнюю часть надета небольшая обойма, над которой расположен прямоугольный в разрезе черенок, на котором было закреплено не сохранившееся навершие. Клинок прямой, в средней части незначительно расширяется, но затем сужается к острию. На клинковой части хорошо просматриваются два продольных неглубоких дола, образующие центральное ребро жесткости на нем (рис. 1,2, рис. 2,2).

Общая длина сохранившейся части кинжала – 27 см, из которых 18,5 см приходится на клинок, ширина перекрестья – 5,2 см, диаметр рукояти – 1,6 см, максимальная ширина клинка – 3,2 см.

Как отмечалось выше, кинжалы с дуговидным перекрестьем получают наибольшее распространение в IV – начале III в. до н.э.

Дополнительным аргументом в пользу отнесения второго чуйского кинжала к этому времени выступает наличие у него эллипсоидной рукояти, характерной для целого ряда кинжалов и мечей раннесарматского облика как в Притяньшанье, так и за его пределами.

На территории рассматриваемого региона образцы клинкового оружия с подобными рукоятями отмечены на нескольких кинжалах из погребальных памятников на Западном

Тянь-Шане (Кетмень-Тюбинская долина), где они датируются IV–III вв. до н.э. [Ташбаева, 2011, с. 68–69, 86–87, рис. 59,1,2, 60,1–3; Иванов, 2018а, с. 167–168, рис. 1,1–3]. Они известны у кинжала и меча из кургана Иссык IV в. до н.э. в Семиречье [Акишев, 1978, с. 28–30, табл. 23–24].

Кинжал с аналогичной рукоятью был найден в соседнем Приферганье, в Исфаринской долине, и отнесен к IV–III вв. до н.э. [Негматов, 1987, с. 53–54, рис. 3]. Рукоять этого типа имеется у одного кинжала из Храма Окса (Тахти-Сангин) в Северной Бактрии, отнесенного Б.А. Литвинским к концу IV – III в. до н.э., который отмечает при этом, что более склоняется к концу предложенной им датировки [Литвинский, 2001, с. 207, 244–245, 248, табл. 58,5].

Серия кинжалов с эллипсоидными рукоятями отмечены также на территории каменной культуры в Лесостепном Алтае, где они датируются IV – началом III в. до н.э., с возможным заходом также в V в. до н.э. [Могильников, 1997, с. 43–46, рис. 37,3,5,6,8, 39,5; Шульга, 2007, с. 147, рис. 2,10]. Отдельные их экземпляры известны из соседних Восточного Казахстана [Самашев и др., 2004, с. 233, рис. 9,1], Горного Алтая [Кочеев, 1995, с. 83, рис. 1,2], Минусинской котловины [Красниенко, Субботин, 2013, табл. 1, X–10] и Тувы [Семенов, 2003, с. 28, табл. 32,23].

Единичные мечи и кинжалы с подобными рукоятями происходят с территории распространения раннесарматской культуры в Южном Приуралье [Смирнов, 1961, с. 26–27, рис. 7,11; Мошкова, 1963, с. 34, табл. 18,9,11], а также в соседнем Зауралье [Смирнов, 1961, с. 25, рис. 5,5; Мошкова, 1974, с. 25–26, рис. 5,9], где они датируются в пределах IV–III вв. до н.э.

Итак, хронология эллипсоидных рукоятей на кинжалах и мечах раннесарматского, в том числе и на территории распространения сакской культуры Притяньшанья, облика достаточно твердо укладывается в IV–III вв. до н.э., что позволяет датировать второй кинжал из Чуйской долины в этих же хронологических рамках.

Также обращает на себя внимание наличие долов на клинке у второго чуйского кинжала, достаточно редких для кинжалов и ме-

чей скифо-сакского периода. Они впервые отмечены на клинковом оружии в Притяньшанье. На территории ближайших регионов аналогичный прием оформления клинковой части имеется на целой серии кинжалов и мечей раннесарматского периода в Южном Приуралье, причем преимущественно характерен для его завершающего этапа [Исмагил, 2001, с. 119–120, табл. III,22, IV,31,34–38, V,39–48, VI,50–53,57–58, X,95,97–98,100,107,109, XIII,141,144; Мошкова, 1963, с. 34].

Показательно также то, что заметная часть кинжалов с долами из Южного Приуралья имеет сходную форму клинка, что также указывает на их определенную хронологическую близость с чуйским.

За пределами Южного Приуралья удалось найти только одну аналогию с долами на лезвийной части – это длинный железный меч из с. Ключи в Лесостепном Алтае. Данный меч имеет характерные черты раннесарматского клинкового оружия – дуговидное навершие и прямое перекрестье, но в то же время он обладает одной архаичной деталью – прорезной рукоятью, типичной для кинжалов преимущественно в VI–III вв. до н.э. [Мышкин

и др., 2007, с. 41; Денисов, 2010, с. 202–204]. С учетом сочетания всех этих морфологических признаков меч был не без оснований отнесен к IV–III вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 45, рис. 39,2].

С учетом наличия у второго чуйского кинжала такой детали, как долы на лезвийной части, характерные преимущественно для клинкового оружия в основном в III–II вв. до н.э., его датировку можно сузить, по крайней мере до начала – первой половины III в. до н.э.

Новые находки железных кинжалов раннесарматского облика в Чуйской долине впервые отмечены, что не только закрывает своего рода «белое пятно», но и позволяет включить этот район в рамках Притяньшанья в зону их распространения. С другой стороны, находка кинжала из Чункурчака дает основания расширить традиционную дату их проявления в регионе и отнести ко второй половине V в. до н.э., то есть уже к начальному периоду их оформления на соседних территориях. Что, в свою очередь, дает основания включить Притяньшанье в южную периферию ареала сложения клинкового оружия раннесарматского облика.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

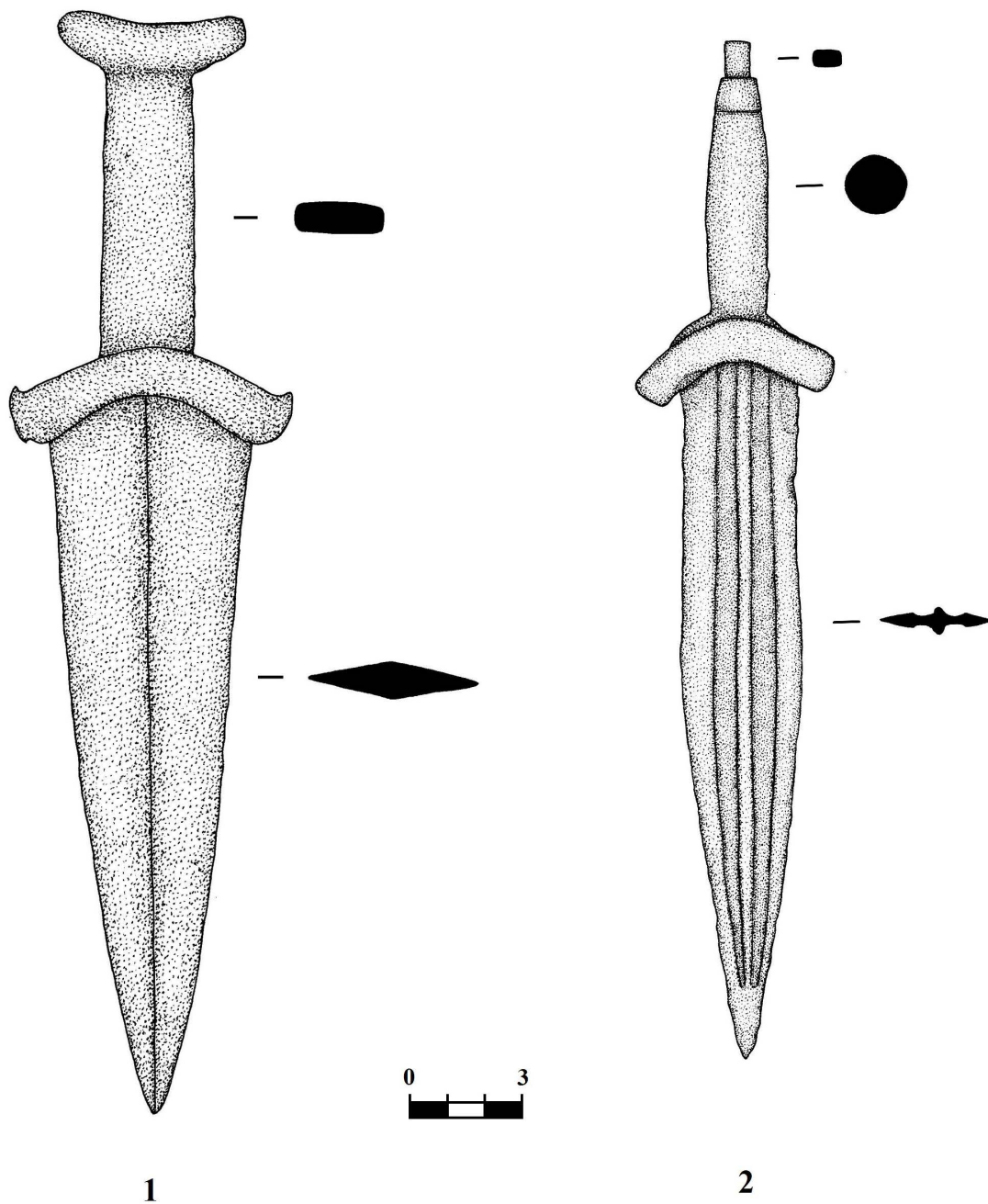

Рис. 1. Кинжалы раннесарматского облика из Чуйской долины (прорисовки автора):
1 – ущелье Чункурчак; 2 – район пос. Бордунский

Fig. 1. Daggers of early Sarmatian type from Chu valley (authors drawings):
1 – Chunkurchak gorge; 2 – area of Bordunskiy settlement

Рис. 2. Кинжалы раннесарматского облика из Чуйской долины (автор фото П.И. Мокин)
Fig. 2. Daggers of early Sarmatian type from Chu valley (photo by P.I. Mokin)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К. А., 1978. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство. 132 с.
- Бернштам А. Н., 1956. Саки Памира // Вестник древней истории. № 1. С. 121–134.
- Денисов А. В., 2010. Мечи и кинжалы с прорезными рукоятями с территории Самарского Поволжья и Южного Приуралья // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа : БГПУ им. М. Акмуллы. С. 202–204.
- Иванов С. С., 2016. Этнокультурные взаимосвязи ранних кочевников Притяньшанья и Алтая в скифо-сакскую эпоху // Мир Большого Алтая. № 2 (4.2). С. 869–885.
- Иванов С. С., 2018а. Мечи и кинжалы с раннесарматского облика с эллипсоидными рукоятями в Средней Азии // Мир Большого Алтая. № 4 (1). С. 166–176.
- Иванов С. С., 2018б. Кинжалы раннесарматского облика с территории сакской культуры Притяньшанья // XXI Уральское археологическое совещание. Самара : Изд-во СГСПУ. С. 214–217.
- Исмагил Р. Б., 2001. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. С. 117–147.
- Клепиков В. М., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 216 с.
- Кожомбердиев И. К., 1977. Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе // Кетмень-Тюбе. Археология и история. Фрунзе : Илим. С. 9–24.
- Кочеев В. А., 1995. Два кинжала из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ. № 1. С. 83–84.
- Красниенко С. В., Субботин А. В., 2013. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб. : ИИМК РАН. 200 с.
- Литвинский Б. А., 1972. Древние кочевники «крыши мира». М. : Наука. 272 с.
- Литвинский Б. А., 2001. Храм Окса в Бактрии. Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М. : Восточная литература. 530 с.
- Могильников В. А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М. : ИА РАН. 195 с.
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д1-10. М. : Изд-во АН СССР. 55 с.
- Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М. : Наука. 52 с.
- Мышкин В. Н., Денисов А. В., Сташенков Д. А., 2007. Находки клинкового оружия савроматского времени в Самарском Поволжье // Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара : СОИКМ им. П.В. Алабина. С. 39–45.
- Негматов Н. Н., 1987. Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины и их историко-культурное значение // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск : Наука. С. 49–55.
- Самашев З. С., Базарбаева Г. А., Жумабекова Г. С., Куц Г. А., Суворова Г. И., 2004. Археологические изыскания в казахском Алтае // Известия НАН РК. Серия общественных наук. № 1. С. 223–235.
- Семенов Вл. А., 2003. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб. : Петербургское востоковедение. 240 с.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. МИА. № 101. М. : Изд-во АН СССР. 168 с.
- Ташбаева К. И., 2011. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. Бишкек : Илим. 274 с.
- Шульга П. И., 2007. Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ. С. 142–156.

REFERENCES

- Akishev K.A., 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazahstana* [Issyk Kurgan. The Art of Sakas of Kazakhstan]. Moscow, Iskusstvo Publ. 132 p.
- Bernshtam A.N., 1956. Saki Pamira [The Sakas of Pamirs]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 1, pp. 121-134.
- Denisov A.V., 2010. Mechi i kinzhaly s proreznymi rukoyatyami s territorii Samarskogo Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya [The Swords and Daggers with Slotted Handles from the Territory of Samara Volga Region and

- South Urals]. *XVIII Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie: kul'turnye oblasti, arheologicheskie kul'tury, hronologiya* [XVIII Ural Archaeological Meeting: Cultural Areas, Archaeological Cultures, Chronology]. Ufa, BSPU, pp. 202-204.
- Ivanov S.S., 2016. Etnokul'turnye vzaimosvyazi rannih kochevnikov Prityan'shan'ya i Altaya v skifo-sakskuyu epohu [Ethno-Cultural Relationship of Early Nomads of the Tianshan Region and Altai in Scythian-Saka Era]. *Mir Bol'shogo Altaya* [World of Great Altai], no. 2 (4.2), pp. 869-885.
- Ivanov S.S., 2018a. Mechi i kinzhaly s rannesarmatskogo oblika s ellipsoidnymi rukoyatyami v Sredney Azii [Daggers and Swords of Early Sarmatian Shape with Ellipsoidal Handles in Central Asia]. *Mir Bol'shogo Altaya* [World of Great Altai], no. 4 (1), pp. 166-176.
- Ivanov S.S., 2018b. Kinzhaly rannesarmatskogo oblika s territorii sakskoy kul'tury Prityan'shan'ya [Daggers of Early Sarmatian Type from the Territory of Saka Culture of Tien Shan Region]. *XVI Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie* [XVI Ural Archaeological Meeting]. Samara, SSSPU, pp. 214-217.
- Ismagil R.B., 2001. Klinkovoe oruzhie epohi rannih kochevnikov iz Yuzhnogo Priural'ya (sluchaynye nahodki) [Bladed Weapons of Ancient Nomads Epoch from South Urals]. *Ufimskiy arheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 3, pp. 117-147.
- Klepikov V.M., 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya v IV-III vv. do n.e.* [The Sarmatians of Lower Volga Region in IV-III Centuries BC]. Volgograd, VolSU, 216 p.
- Kozhombardiev I.K., 1977. Osnovnye etapy istorii kul'tury Ketmen'-Tyube [The Main Stages of Cultural History of Ketmen'-Tyube]. *Ketmen'-Tyube. Arheologiya i istoriya* [Ketmen'-Tyube. The Archaeology and History]. Frunze, Ilim Publ., pp. 9-24.
- Kocheev V.A., 1995. Dva kinzhala iz Gornogo Altaya [Two Daggers from Altai Mountains]. *Izvestiya laboratorii arheologii* [Proceedings of Laboratory of Archaeology]. Gorno-Altaysk, GAGU Publ., no. 1, pp. 83-84.
- Krasnienko S.V., Subbotin A.V., 2013. *U Solgonskogo kryazha. Arheologicheskie pamyatniki Uzhurskogo rayona (Krasnoyarskiy kray): istoriya izucheniya i sovremennoe sostoyanie* [Near Solgon Ridge. The Archaeological Monuments Uzhur Area (Krasnoyarsk Region)]. Saint Petersburg, IHMC RAS. 200 p.
- Litvinskiy B.A., 1972. *Drevnie kochevniki «kryshi mira»* [The Ancient Nomads of "Roof of the World"]. Moscow, Nauka Publ. 272 p.
- Litvinskiy B.A., 2001. *Khram Oksa v Baktrii. T. 2. Baktriyskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste* [The Temple of Oxus in Bactria. Vol. 2. Bactrian Armament in the Ancient Eastern and Greek Context]. Moscow, Vostochnaya literature Publ. 530 p.
- Mogil'nikov V.A., 1997. *Naselenie Verhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tys. do n.e.* [The Population of the Upper Ob' Region in the Middle-Second Half of the 1st Millennium BC]. Moscow, IA RAS. 195 p.
- Moshkova M.G., 1963. *Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury* [The Monuments of Prokhorovka Culture]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-10. Moscow, USSR Academy of Sciences. 55 p.
- Moshkova M.G., 1974. *Proiskhozhdenie rannesarmatskoy (prokhorovskoy) kul'tury* [The Origins of Early Sarmatian (Prokhorovka) Culture]. Moscow, Nauka Publ. 52 p.
- Myshkin V.N., Denisov A.V., Stashenkov D.A., 2007. Nahodki klinkovogo oruzhiya savromatskogo vremeni v Samarskom Povolzh'e [Finds of Bladed Weapons of Sauromatian Period in Samara Volga Region]. *Samarskiy kray v istorii Rossii* [Samara Region in History of Russia], iss. 3. Samara, Samara Regional Museum of History and Local Lore named after P.V. Alabin, pp. 39-45.
- Negmatov N.N., 1987. Bronzovye skul'ptury iz Isfarinskoy doliny i ih istoriko-kul'turnoe znachenie [Bronze Sculptures from Isfara Valley and their Historical and Cultural Value]. *Skifo-sibirskiy mir. Iskusstvo i ideologiya* [Scythian-Siberian World. The Art and Ideology]. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 49-55.
- Samashev Z.S., Bazarbaeva G.A., Zhumabekova G.S., Kushch G.A., Suvorova G.I., 2004. Arheologicheskie izyskaniya v kazakhskom Altai [Archaeological Investigations in Kazakh Altai]. *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk* [Proceedings of National Academy of Science, Social Science Series], no. 1, pp. 223-235.
- Semenov V.I.A., 2003. *Suglug-Khem i Khaiyrakan – mogil'niki skifskogo vremeni v Central'no-tuvinskoy kotlovine* [Suglug-Khem and Khaiyrakan – the Cemeteries of Scythian Period in Central Tuva Basin]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ. 240 p.
- Smirnov K.F., 1961. *Vooruzhenie savromatov* [The Weapons of Sauromats]. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, no. 101. Moscow, USSR Academy of Sciences. 168 p.

Tashbaeva K.I., 2011. *Kul'tura rannih kochevnikov Tyan'-Shanya i Alaya* [The Culture of Ancient Nomads of Tien Shan and Alai]. Bishkek, Ilim Publ. 274 p.

Shul'ga P.I., 2007. Vooruzhenie na Altae v VI–III vv. do n.e. [The Weapons in Altai in VI–III Centuries BC]. *Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya* [The Weapons of Sarmatians: Regional Typology and Chronology]. Chelyabinsk, SUSU, pp. 142–156.

Information About the Author

Sergei S. Ivanov, Candidate of Science (History), Associate Professor, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Frunze St, 547, 720033 Bishkek, Kyrgyzstan, sak@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4081-3749>

Информация об авторе

Сергей Сергеевич Иванов, кандидат исторических наук, доцент, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, ул. Фрунзе, 547, 720033 г. Бишкек, Киргизия, sak@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4081-3749>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.7>

UDC 903'1:905.5(470.5)

LBC 63.442.7(235.55)-427

Submitted: 10.09.2020

Accepted: 24.11.2020

**STONE KURGANS OF THE SOUTHERN URALS,
“IRENDYK-KRYKTYN GROUP OF NOMADS”
AND “SETTLED DOWN SAKO-SARMATIANS”**

Vitaliy N. Vasilev

Independent researcher, Bonn, Federal Republic of Germany

Abstract. Based on the available archaeological material, the article covers a number of issues related to the kurgans of nomads from the middle of the 1st millennium BC within the sub-mountain zone of the Bashkir Trans-Urals, embankments of which were built using stone. The author analyses the representativeness of archaeological records, provides typological and chronological attribution of the burial complexes. Previously these materials allowed to identify the “Irendyk-Kryktyn nomadic group” which existed in the considered landscape zone. According to the author, the investigated stone kurgans are divided into two groups. The first one might be dated back to the Saka Age (VII-VI centuries BC), the second one belongs to the Savromatian-Sarmatian period (not earlier than the mid of V-IV centuries BC). Within the existing chronology there is no explanation for the time gap between those periods. Hereby, this fact may indicate the presence of two culturally unrelated nomadic groups. The analysis of the archaeological material allows us to say that the signs of the burial rite, which are typical for the monuments of the foothill strip of the Bashkir Trans-Ural (Irendyk-Kryktyn group), are widespread far beyond this landscape zone, and are common for nomads who left stone kurgans in the steppe part of the region on both sides of the Ural Ridge. Furthermore, the author draws attention to the existing statement about the process of sedentarization of nomads of this region in the middle of the 1st millennium BC. The study of the source base on this issue shows that single finds of ceramic in “settlements” of nomads are their common locations. Settlement monuments in the mountainous Urals and steppe Trans-Urals, where few fragments of Kenotkel and Gafurian tableware were found, demonstrate the lack of dwellings, tools and remnants of handicraft production. This fact testifies to the temporary or episodic nature of the appearance of small groups of population at such monuments, and is not associated with nomads. Moreover, the sedentarization of nomads in the northern marginal zone is not confirmed by either historical or ethnographic sources. The article contains materials to supplement the archaeological records for studying issues related to stone kurgans.

Key words: stone kurgans, nomads of the 7th – 4th centuries BC of the South Trans-Urals, Irendyk-Kryktyn group of monuments, nomadic settlements of the South Urals, sedentarization, ethnographic parallels.

Citation. Vasilev V.N., 2020. Kamennye kurgany Yuzhnogo Urala, «irendyksko-kryktinskaya gruppa kochevnikov» i «osedayushchie sako-sarmaty» [Stone Kurgans of the Southern Urals, “Irendyk-Kryktyn Group of Nomads” and “Settled Down Sako-Sarmatians”]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 129-152. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.7>

УДК 903'1:905.5(470.5)

ББК 63.442.7(235.55)-427

Дата поступления статьи: 10.09.2020

Дата принятия статьи: 24.11.2020

**КАМЕННЫЕ КУРГАНЫ ЮЖНОГО УРАЛА,
«ИРЕНДЫКСКО-КРЫКТИНСКАЯ ГРУППА КОЧЕВНИКОВ»
И «ОСЕДАЮЩИЕ САКО-САРМАТЫ»**

Виталий Николаевич Васильев

Независимый исследователь, г. Бонн, Федеративная Республика Германия

Аннотация. В статье на основании имеющегося археологического материала исследуется ряд вопросов, связанных с курганами номадов середины I тыс. до н.э. предгорной полосы Башкирского Зауралья, насыпи которых сооружены с применением камня. Автор анализирует представительность источниковой базы, дается типологическая и хронологическая характеристика погребальных комплексов, которые позволили в свое время выделить на их материале «ирендыкско-крыктинскую группу кочевников», существовавшую в рассматриваемой ландшафтной зоне. По мнению автора, исследованные каменные курганы делятся на две части, одна из которых относится к сакскому времени (VII–VI вв. до н.э.), другая – к «савромато-сарматскому» периоду (не ранее середины V – IV в. до н.э.), причем существующая хронология не в состоянии преодолеть временной разрыв между ними. Этот факт может свидетельствовать о наличии двух не связанных между собой в культурном отношении групп кочевников. Анализ материала позволяет говорить, что признаки погребального обряда, характерные для памятников предгорной полосы Башкирского Зауралья (ирендыкско-крыктинской группы), распространены далеко за пределами этой ландшафтной зоны, и являются общими для номадов, оставивших каменные курганы в степной части региона по обе стороны Уральского хребта. Кроме этого, автор обращает внимание на имеющееся утверждение о процессе седентаризации кочевников данного региона в середине I тыс. до н.э. Изучение источниковой базы по этому вопросу показывает, что единичные находки керамики на «поселениях» номадов являются обычными местонахождениями. Поселенческие памятники на территории горного Урала и степного Зауралья, где найдены немногочисленные фрагменты посуды кеноткельского и гафурийского типов, демонстрируют отсутствие жилищ, орудий труда и остатков ремесленного производства. Этот факт свидетельствует о временном или эпизодическом характере появления небольших групп населения на таких памятниках, и не связан с кочевниками. Более того, седентаризация номадов в северной маргинальной зоне не подтверждается как историческими, так и этнографическими источниками. В статье публикуются материалы, дополняющие источниковую базу для исследования вопросов, связанных с каменными курганами.

Ключевые слова: каменные курганы, номады VII–IV вв. до н.э. Южного Зауралья, ирендыкско-крыктинская группа памятников, поселения кочевников Южного Урала, седентаризация, этнографические параллели.

Цитирование. Васильев В. Н., 2020. Каменные курганы Южного Урала, «ирендыкско-крыктинская группа кочевников» и «оседающие сако-сарматы» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 129–152. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.7>

В своей статье 1984 г. при публикации материалов двух каменных курганов из Гирьяла и Рычковки я предположил их этнокультурное различие от общего массива савромато-сарматских памятников, основываясь на ряде отличительных черт, и прежде всего на широком применении камня при сооружении насыпи [Васильев, 1984, с. 36]. Спустя несколько лет, публикуя результаты экспедиционных работ под руководством В.А. Иванова в восточном Оренбуржье, А.В. Фалалеев, напротив, не увидел в каменных курганах ничего необычного, подчеркнув ординарность рассматриваемого типа погребальных сооружений на фоне раннекочевнических памятников рассматриваемого региона [Иванов и др., 1989, с. 125–126]. С конца 90-х гг. прошлого века исследованиями каменных курганов Южного Зауралья занимается Н.С. Савельев, который выделил среди них особую, «ирендыкско-крыктинскую группу кочевников» (историографию вопроса см. ниже).

Настоящая работа посвящена введению в научный оборот неопубликованного материала и анализу существующей ситуации, связанной с этой проблемой.

Ивановский V курган

Находится в 3,5 км юго-восточнее с. Ивановка и 4,5 км северо-западнее с. Байгускарово Хайбуллинского района Республики Башкортостан на краю мысообразной, коренной террасы, образованной р. Тиргамыш и впадающим в нее безымянным ручьем (рис. 1, I–I). Курган раскапывался Ф.А. Сунгатовым 10–13 августа 1991 г. в рамках археологической экспедиции под руководством А.Х. Пшеничнока.

Диаметр каменной насыпи – 14 м, высота – 0,69 м, состоит из плитняка размером 0,4–0,7 м. Наличие какой-либо конструкции, по наблюдениям автора раскопок, не выявлено¹. В южной поле кургана, в бровке, зафиксирован частичный нахлест камней по панцирному принципу. Скорее всего, памятник подвергался ограблению (или попытке ограбления), о чем свидетельствуют несколько камней, покоящихся в наклонном положении в центре насыпи (рис. 1, 2).

На глубине 0,68 м от уровня современной поверхности, на погребенной почве, были найдены следующие вещи:

– развал глиняного сосуда черного цвета высотой 11 см, диаметром горла 7 см, с примесью шамота в тесте (рис. 2,2). Горшочек представляет собой, вероятно, миниатюрную копию кувшина с высоким каннелированным горлом [Васильев, 2004, с. 165, рис. 7,10]²;

– агатовая бусина эллипсоидной формы, молочного цвета с едва заметными поперечными прожилками.

Усть-Дергамышский курган

Расположен на вершине плоской горы, в 1,7 км к С от с. Федоровка, Хайбуллинского района Республики Башкортостан, в 1,3 км на ССВ от устья р. Тиргамыш (рис. 1,1–2). Раскапывался 20–22 августа 1998 г. Г.Н. Гарустовичем в рамках нашей совместной с ним экспедиции ИИЯЛ УНЦ РАН³.

Судя по плану, условный диаметр каменной насыпи составлял около 6 м, при высоте 0,3–0,4 м. К юго-западному сектору кургана примыкал небольшой «отросток» длиной 60 см и шириной 40 см, среди камней которого обнаружен тлен от кожи, вероятно позднего происхождения. Такой же тлен найден и в юго-восточном секторе кургана (рис. 2,1).

В центральной части кургана на уровне погребенной почвы, среди камней и верхних слоев заполнения южной части могилы, были найдены фрагменты от одного глиняного сосуда.

Контуры могильной ямы, размером 2,65 × 1,44 м, деформированные особенно в северной части ограблением и разрушением, выявлены по цвету на уровне материка. Размеры погребения на дне, на глубине 0,53 м от уровня материка, составляли 2,0 × 1,2 м, судя по которым могила имела овальную форму со скошенными ко дну стенками (рис. 3,1).

Сохранившиеся в неповрежденном состоянии берцовые кости дают основание предполагать, что скелет человека лежал вытянуто на спине, на органической подстилке коричневого цвета, головой на ЮЮЗ. В центральной части ямы найдены фрагменты тазовой кости и остатки кисти руки. Чуть выше предполагаемого левого колена обнаружено два бронзовых наконечника стрелы. В юго-западном углу могилы найдено три камня и несколько человеческих ребер.

Погребальный инвентарь

Глиняный сосуд имел раструбообразное горло, высоту 17 см и уплощенное дно диаметром 8,0 см. Орнаментирован под венчиком тремя горизонтальными резными линиями и тройным зигзагом (рис. 2,3). Цвет бежевый (песочный) снаружи и изнутри, в изломе – красноватый. В глиняном тесте примесь талька и шамота тальковых сосудов – черная шамотная крошка с блестками талька. Поверхность подлощена, у самого дна – два отверстия диаметром 0,5 см, просверленные уже в обожженном сосуде.

Наконечники стрел представлены двумя экземплярами, один из которых, длиной 3 см, имеет дуговидную головку и выступающую втулку, слегка деформированную бронзовыми окислами по граням и литейным швам. Второй наконечник – с внутренней втулкой и трехгранной головкой, длиной 2,2 см (рис. 3,2).

Датировка Ивановского V кургана хорошо определяется по форме глиняного сосуда. Горшки с прямым и каннелированным горлом, на мой взгляд, являются хронологическим репером для второй половины – конца IV в. до н.э. [Васильев, 2004, с. 168; Васильев и др., 2019, с. 106]. Подобная форма керамики, вероятнее всего, восходит к джетыясарским сосудам второй группы, ручной лепки и горнового обжига [Левина, 1992, с. 66–68, 371, табл. 21,19,20,31]. Не исключено, что в ряде случаев мы имеем дело не с копиями, а оригиналами, которые кочевники рассматриваемого региона получали во время своих сезонных контактов с оседлым населением нижней Сырдарьи. Вполне вероятно, что одним из таких сосудов является экземпляр из погребения 5 кургана 9 Лебедевского V могильника, который был найден в комплексе с зеркалом типа 5.3, по классификации А.С. Скрипкина [Железчиков и др., 2006, с. 81, рис. 30,3; Скрипкин, 1990, с. 95]. Если в целом сосуды указанного типа помещены Л.М. Левиной в рамки хронологического периода I а – второй половины I тыс. до н.э., то находки аналогичной керамики в материалах этапа II чиркирабатской культуры позволяют установить более узкую дату – вторая половина IV – III в. до н.э., что собственно не противоречит моим выводам [Левина, 1992, с. 68].

Относительная дата Усть-Дергамышского кургана устанавливается по находкам наконечников стрел. Один из них, с выступающей втулкой, относится к типу VI по классификации К.Ф. Смирнова и характерен для колчаных наборов в широком диапазоне от VI до IV в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 47]. На более точную датировку указывает второй экземпляр, вероятно, соответствующий типу XIV, отдела трехгранных наконечников, по классификации того же автора, относящийся, скорее всего, ко второй половине – концу IV в. до н.э. Аналогичные наконечники были найдены в комплексах этого времени: кургана 13 Ново-Кумакского могильника, кургана 8 Ушкаттинского I могильника и Ново-Мусинского 3 кургана [Смирнов, 1977, с. 16–18; Ушаков, 2013, с. 69, рис. 4; Васильев, Сиротин, 2004, с. 177, рис. 3,2].

На мой взгляд, не противоречит этой дате и такой элемент керамического орнамента, как многорядовый – тройной или двойной зигзаг, нанесенный прямым штампом. Аналогичный орнамент можно видеть на горшке из погребения 2 кургана 25 Ново-Кумакского могильника, датированного временем не позже конца IV в. до н.э. [Мошкова, 1972, с. 37, 44, рис. 5,7]. Определенно, к концу IV до н.э. можно отнести сосуд, включающий в состав своего орнамента двойной зигзаг, нанесенный при помощи той же техники, из кургана Темир [Васильев, 2004, с. 161]. Горшок с тройным зигзагом, как одним из элементов орнамента из Ишкулово-5, был датирован IV в. до н.э. [Савельев, 2019а, с. 58].

В свое время, как уже говорилось выше, топографические, планиграфические и архитектурные особенности позволили Н.С. Савельеву обосновать правомерность объединения каменных курганов предгорной полосы Южного Зауралья «в особую «ирендыкско-крыктинскую» группу кочевников середины I тыс. до н.э.» [Савельев, 2006а, с. 80–82]. Для того чтобы определить, насколько аргументировано такое выделение, необходимо рассмотреть особенности источниковой базы и убедительность группообразующих признаков⁴.

Из «около 30»⁵ раскопанных курганов, составляющих источниковую базу по исследованию рассматриваемого района, можно выделить три хронологические группы.

В раннюю, бобровско-гасмолинскую, VII–VI вв. до н.э., входят два кургана из могильников Давлетшино (курган 1) и Целинный, материал которых, по мнению А.Д. Таирова, отражает связи кочевников Южного Зауралья с саками Приаралья [Таиров, 2017, с. 101–102, 242–244].

Вторую хронологическую группу, не ранее середины V – начала или первой половины IV в. до н.э., составляют курганы Сагитово III (курган 1), Давлетшино (курган 2), Юмаш-тау-4 (курганы 1 и 2), Давлетово III (курган), одиночный Тепяновский курган, одиночный курган Гадельша III, Гадельша IV (курган 1), Манхар-1, Манхар-2, курган Кушалыкуак-1⁶, одиночный курган Чебаркуль I [Рафикова, Федоров, 2017, с. 98] и Валитово-3 (курган 0)⁷.

Определенно серединой или второй половиной – концом IV в. до н.э. датируются курганы третьей хронологической группы – Исянбетово (курган 1), Ишкулово 5, одиночные Усть-Дергамышский и Ивановский V курганы.

Эта периодизация принципиально не отличается от датировки Н.С. Савельева [Савельев, 2000а, с. 33; 2000б, с. 43–44; 2006а, с. 82; 2006б, с. 101; 2015б, с. 253; 2019а, с. 58]. Но справедливости ради, необходимо добавить, что курганы Сагитово, Усть-Дергамышский и Ивановский V не имеют отношения к хребту Ирендык, южная часть которого заканчивается на широте устья р. Бузавлык.

Кроме этого, следует отметить, что из восьми раскопанных Н.С. Савельевым курганов полностью были опубликованы только Кушалыкуак-1 и Ишкулово-5. Такие памятники, как Юмаш-тау-4, Манхар-1, Манхар-2, введены в научный оборот лишь частично, а про упоминавшиеся в литературе курганы Майлыбай-2 и Семеновский-6 вообще ничего не известно. В сущности, о них можно было бы и забыть, но неоднократное упоминание Н.С. Савельевым рассматриваемых комплексов в своих последующих работах, посвященных этой теме, в качестве группообразующих памятников, и в прежнем публикационном статусе, позволяет ставить вопрос о соответствии подобных работ таким критериям научности, как эмпирическая проверяемость и достоверность материала.

Рассуждая об этнокультурной принадлежности рассматриваемой группы памятников, Н.С. Савельев пришел к выводу о том, что ее носители являются отдельной родоплеменной группой сакского происхождения [Савельев, 2000а, с. 37] бобровско-тасмолинского этапа культуры ранних кочевников Южного Зауралья [Савельев, 2000б, с. 48]. По мнению автора, в Южном Зауралье в VI–V вв. до н.э. существовали два культурных мира – «сакский» и «савромато-сарматский», занимающие соответственно горно-степную и степную части региона [Савельев, 2006а, с. 83]. О том, что горно-степная группа кочевников не была однородной, по всей вероятности, свидетельствуют материалы кургана Кушалыкуак-1, истоки погребального обряда которого уводят на восток «к населению Саяно-Алтайского нагорья раннескифского времени» [Савельев, 2006б, с. 103].

Однако уже в 2015 г. Н.С. Савельев на основании совместных находок в кургане 2 могильника Улек-Хазы-1⁸ V в. до н.э. гафурийского сосуда и керамики с примесью кварцевой дресвы заключил, что кочевники Южного Зауралья VII–VI вв. до н.э. являлись носителями кеноткельского типа керамики [Савельев, 2015б, с. 253]. По мнению автора этого умозаключения, совместное нахождение таких сосудов в погребениях ирендыкско-крыктинской группы, на примере кургана Манхар, дело обычное и почти заурядное, однако это не совсем так. Я бы сказал, что это совсем не так⁹. Из всех представленных к анализу памятников рассматриваемой ландшафтной зоны [Савельев, 2006а, с. 80] такой факт зафиксирован лишь однажды, в ограбленном и не имеющем статуса закрытого комплекса кургане Кушалыкуак-1 [Савельев, 2006б, с. 98]. Кроме этого, просто дресва (неизвестно какая) в тесте сосуда 3 фигурирует в материалах Тепяновского кургана [Савельев, 2000а, с. 23].

Ну и наконец, список сакских памятников пополнился такими комплексами, как Новотроицкий-1, Черемуховый овраг, Шаншар, Гумарово, Тупаково-2, Янтышево и Макан-1 [Савельев, 2015б, с. 248, рис. 1]. Если три первых кургана по всем параметрам можно отнести к бобровскому этапу, то саргаринский Макан-1 ни хронологически, ни территориально не по-

падает в эту группу [Гарустович, 2000]. Янтышевский курган (Янтышево-2), судя по описанию Р.Б. Исмагилова и Ф.А. Сунгатова, был ограблен (разрушен) в 2007 г. и даже не доисследовался [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 57–58]. Материал середины V – начала IV в. до н.э. хранится в местной школе, погребальный обряд не известен и не может быть привлечен в качестве источника для этнокультурных реконструкций.

Здесь необходимо уточнить, что к ирендыкско-крыктинской группе относятся только Улек-Хазы-1 и Тупаково-2, которые, как и все остальные названные курганы (не входящие в эту группу), по мнению Н.С. Савельева, являются доказательством существования одного культурного комплекса погребальных и поселенческих памятников (Улак-6, Майлыбай-1, Улек-Хазы-2, Лаимберды-5, Новокумакское II), объединенных единой раннесакской гончарной традицией [Савельев, 2015б, с. 252–253].

Анализ материала показывает, что комплексы бобровско-тасмолинского времени из погребения 5 кургана 2 Черемуховый овраг¹⁰ и Новотроицкий-1 [Бытковский, 1998, с. 120–121] вообще не содержат керамики¹¹, а посуда из других рассматриваемых памятников, которая якобы должна объединить погребальные и поселенческие комплексы Южного Зауралья, не имеет ничего общего с сосудами кеноткельского типа.

Это замечание относится, прежде всего, к могильникам Гумарово и Валиново-3, принадлежность которых к сакскому миру далеко не очевидна, а их связь с памятниками бобровско-тасмолинского времени имеет серьезное препятствие в виде хронологического разрыва от 50 до 100 лет. Скорее всего, на примере этих комплексов мы имеем дело с особенной группой номадов V–IV вв. до н.э., которые оказались втянуты в орбиту влияния восточных «савроматов» и были интегрированы не только в их материальную и духовную культуру (абсолютное единство типов оружия, зеркал, жертвенников и ложечек), но и хозяйственно-кочевую систему, в плане сезонных передвижений к зимним пастбищам в юго-восточном Приаралье. Можно предполагать, что такая интеграция произошла на раннем этапе культурогенеза в первой половине

V в. до н.э. в процессе освоения степной зоны Южного Урала, поиска, стабилизации кочевых маршрутов и распределения летних пастбищ между родоплеменными подразделениями. Впрочем, этнокультурная ситуация вокруг кочевников савроматского времени (стадия В по А.Д. Таирову) и без этого остается чрезвычайно сложной за счет смешения в рассматриваемом регионе различных групп пришлого населения [Таиров, 2004; 2006, с. 76–77; Гуцалов, 2011, с. 95].

Для выделения ирендыкско-крыктинской группы памятников Н.С. Савельев определил семь признаков, из которых первые четыре, поисковые, должны стать группообразующими: топография, состав могильников, внекурганые конструкции и архитектура насыпей [Савельев, 2006а, с. 80–81].

Однако профессиональный подход к исследованию показывает, что топографический фактор должен быть выведен из их числа, поскольку он является универсальным для кочевнических курганов, как для заданных географических рамок, так и вне их, причем вне зависимости от культурной принадлежности. Так, например, на вершине каменистой горы расположены позднесарматские Хворостяньские курганы, а Байгускаровский II одиночный курган конца XIV в. – на вершине коренной террасы р. Тиргамыш [Иванов и др., 1989, с. 120; Сунгатов, Сафин, 1995, с. 58] в 3,5 км юго-восточнее от публикуемого Ивановского V кургана. Здесь необходимо обратить внимание на высказывание Н.С. Савельева, что в южной части Ирендыка, где сосредоточены памятники с каменными насыпями, «полностью отсутствуют классические “савромато-сарматские” земляные курганы» [Савельев, 2003, с. 16], что не соответствует действительности. Так, в 6,5 км к СЗ от Ивановки V, находятся известные земляные Ивановские I курганы, в 5,5 км к ССВ – Яковлевские, в 5,5 км на ВЮВ – Переволочанские.

Таким образом, совершенно очевидно, что топографические признаки автоматически нивелируют и обесценивают последующие, которые, по мнению Н.С. Савельева, должны указать на принадлежность нераскопанных курганов к ирендыкско-крыктинской группе, и тем самым создать видимость увеличения их скромного на самом деле количества. Если

не обращать внимания на фантазии автора по поводу внекурганых конструкций (выкладки рядом с курганами), происхождение, назначение и хронология которых неизвестны, выступающие камни в «архитектуре» насыпей, которые «могут быть интерпретируемы, как стелы» (а могут, как известно, и нет), верхушки каменных ящиков на поверхности курганов (которые при раскопках могут оказаться и не ящиками), то все оставшиеся особенности так же являются универсальными для восточной части савромато-сарматского мира. Причем это замечание относится и к другим показателям: каменные крепиды (хорошо известны как в Приуралье, так и Зауралье), сожжение деревянных конструкций, находки в насыпи и т. д.

В целом к основным признакам погребального обряда ирендыкско-крыктинской группы я бы отнес каменные «склепы-мавзолеи»¹², каменный ящик и формы могил.

Склепы встречены в двух случаях¹³ – это Тулубай и, скорее всего, курган 0 могильника Валитово-3, причем в обоих случаях каменные конструкции были перекрыты земляными насыпями [Исмагил, Сунгатов, 2009, с. 118, рис. 1,А; 2013, с. 61, рис. 33,2]. Имеющийся материал позволяет говорить, что склепы рассматриваемого типа не являются эксклюзивным признаком рассматриваемой группы памятников. Так, например, аналогичное сооружение, предназначенное для одного человека, высотой 0,5–0,6 м было исследовано в кургане 1 могильника Урус-Кескен-2 экспедицией В.А. Иванова в бассейне р. Суундук на востоке Оренбургской области [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 53–54, рис. 23,2].

Каменный склеп овальной формы, высотой 1,25 м, был обнаружен под земляной насыпью во время раскопок кургана 6 могильника Сапибулак на р. Тамды (бассейн верхнего Илека), причем авторы публикации совершенно справедливо отметили его сходство как с курганом Тулубай [Мамедов, Китов, 2015, с. 51], так и с аналогичными памятниками северного и западного Устюрта типа Тасастау-1 и Терен [Онгарулы и др., 2017, с. 22–33, рис. 26, с. 39–41, рис. 52], которые маркировали пути движения кочевников на Мангышлак и южнее, где располагались их зимние кочевья. Здесь, вблизи восточного побережья Кара-

Бугаза, каменный склеп круглой формы, не ранее середины IV в до н.э., известен как сооружение 1 в могильнике Джанак II [Мандельштам, 1976, с. 24, рис. 4–5]. В Южном Приуралье, по данным Р. Исмагила и Ф.А. Сунгатова, известна еще одна аналогичная каменная конструкция под земляной насыпью в кургане 2 группы Юрматы-1, где было исследовано погребение с конем [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 28, рис. 5,7].

Наиболее распространенной формой погребений в ирендыкско-крыктинской группе курганов кочевников, как показывает материал, составляющих источниковую базу, являются простые и неглубокие могилы с вертикальными или сужающимися ко дну стенками (Давлетшино, курган 2; Исянбетово, курган 1; Мунтаево; Гадельша III; Гадельша IV, курган 1; Давлетово III; Юмаш-Тау-4, курганы 1 и 2; Манхар-1 и возможно Манхар-2?; Ишкулово-5; Чебаркуль I; Усть-Дергамыш; Валитово-3). Публикации новых данных по этой теме ненамного увеличили количество каменных курганов с рассматриваемыми признаками обряда – это курганы 1–3 могильника Валитово-2 и Тупаково-2 [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 59–60; Рафикова, Федоров, 2017, с. 62]. Подсчет комплексов, характеризующихся простой формой могил, и сравнение их с известными каменными курганами, расположенными вне изучаемой территории от оз. Жетыколь на востоке до д. Рычковка на западе, показывает, что и этот признак не является исключительным показателем ирендыкско-крыктинской группы могильников [Васильев, 1984, с. 34–35, рис. 2,7; Иванов и др., 1989, с. 120, 123, рис. 1,4,7].

Необходимо сказать, что Н.С. Савельев упоминает еще такую форму могильных ям, как глубокая катакомба. Возможно, она была обнаружена в курганах Майлыбай-2 или Семеновский-6, однако я не должен гадать, где она была исследована. Если материал недоступен для работы, то имеются все основания игнорировать этот факт.

Кроме перечисленных признаков погребального обряда в ирендыкско-крыктинской группе, было исследовано два кургана, не имеющих следов погребения – Тепяново и Ивановка V. Сейчас можно предполагать лишь два варианта похоронного ритуала для этих комп-

лексов: в первом случае погребения были совершены на уровне древнего горизонта (а под каменными и незадернованными насыпями кости часто не сохраняются), или погребений не было вообще. В любом случае и такие признаки не являются группообразующими, так как они известны среди курганов верхнего Суундука. Так, например, аналогичный комплекс представлен материалами кургана 1 Аландского I могильника [Мошкова, 1961, с. 115–125].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что единственным памятником, обладающим оригинальными признаками, резко отличающими его от других каменных курганов, является Кушалыкуак-1, который и определяет особенности ирендыкско-крыктинской группы курганов кочевников. Вполне вероятно, что если исследовать подобные памятники (а они, по словам Н.С. Савельева, имеются, но только не раскопаны) хотя бы со скоростью один курган раз в пять лет, то к концу текущего столетия действительно появятся основания для выделения рассматриваемой группы. Все остальные курганы, фигурирующие в этом исследовании, ничем не отличаются от других подобных памятников, расположенных по р. Урал и его притокам – Ургазе, Сакмару, Суундуке, Ори и Илеку, и являются составной частью обширного савромато-сарматского мира. Нет никаких веских причин рассматривать их отдельно и тем более видеть в них неких «изолятов», которые были «законсервированы» горно-долинным ландшафтом [Савельев, 2003]. Скорее всего, автор забыл, что имеет дело не с оседлым населением, а с кочевниками, которые находились в постоянном движении.

Общеизвестно, что курган (курганы) являлся не только погребальным памятником, но и правовым маркером контролируемой территории определенного кочевого линиджа. Однако это вовсе не означает, что такой маркер был единственным на пути кочевого маршрута, и номады одной и той же группы не имели возможности пасти скот вне его зоны¹⁴ по традиционной летней схеме: лошадей в радиусе 8–10 – 12–15 км от водного источника, а овец – 3–5 км [Масанов, 1995, с. 109]. Реальные границы кочевий проходили за десятки и сотни километров от родо-

вых «герросов», а транспортировка умерших членов кочевой патронимии к месту погребения не являлась большой проблемой и за 150–200 км, так как это расстояние легко преодолевалось степной лошастью в течение суток (мировой рекорд 1956 г. для коня адаевской породы – 360 км). Не исключено, что поза «всадника» погребенного человека является последствием именно такого способа перемещения трупа.

Вполне вероятно, что в засушливые годы степное население эпизодически использовало ограниченные биоресурсами горные (холмистые) долины рассматриваемого региона в качестве дополнительной кормовой базы, но в любом случае в сентябре – октябре кочевники были вынуждены возвращаться на зимние пастбища, а это значит, что ни о какой изоляции не может быть и речи.

Согласно существующей и общепринятой научной парадигме, обоснованной комплексом археологических, исторических и этнографических источников, степное население Южного Урала, в том числе оставившее каменные курганы, проживало на этой территории лишь 5–6 месяцев в году и с наступлением холодов откочевывало на постоянные зимние пастбища. Правда, в последнее время Н.С. Савельев на основании сходства керамических комплексов пытается доказать, что номады рассматриваемого региона (или их часть) переходили к оседлости в районе гафурийских городищ в Приуралье [Савельев, 2017, с. 26], и имели поселения типа Улек-Хазы-2 в Зауралье [Савельев, 2007]. Дополнительным аргументом в пользу приуральского вектора седентаризации, судя по всему, должны стать поселенческие памятники горнолесной зоны [Савельев, 2015а] ¹⁵. Впрочем, сам автор интерпретирует рассматриваемые комплексы как кратковременные охотничьи стоянки, не объясняя ни причин изменения характера традиционной для кочевников обильной, степной охоты, ни причин освоения ими этой специфической ландшафтной зоны Южного Урала. Можно, конечно, допустить наличие у них пушного промысла, но охота за «мягким золотом» осуществлялась только в зимние месяцы, а в это время, как известно, кочевники находились на своих кстау, вне пределов данного региона.

По мнению Н.С. Савельева, номады филипповско-переволочанского типа (круга) заселили эту территорию, двигаясь как из Южного Приуралья, «прямо через горы», так и «широким фронтом с территории Сакмаро-Таналыкской степи по долинам рек и водораздельным плато», и вели комплексное скотоводческо-охотничье хозяйство [Савельев, 2015а, с. 75]. Однако такое движение ни по «фронтам», ни по «флангам» невозможно при кибиточном способе кочевания ¹⁶, а любой тип хозяйства требует погребальных комплексов, как правового маркера на данную территорию. Отсутствие таких памятников лишний раз доказывает, что горно-лесная зона не могла быть и не являлась местом летних кочевков рассматриваемого населения. Впрочем, сама идея преодоления никому не нужных препятствий в широтном направлении была лишена смысла, при условии, что проникновение как в Приуралье, так и Зауралье осуществлялось менее оригинальным способом, по традиционным маршрутам с юга на север.

Поселение (вероятно, кратковременную стоянку) Улек-Хазы-2 по керамическим аналогиям Н.С. Савельев связывает с такими памятниками Центрального и Северного Казахстана, как Кеноткель X, Таскора, Таскора-1, Едирей и другие, полагая, что она принадлежит кочевникам раннесакского времени [Савельев, 2007, с. 98], однако это «эпохальное» открытие выглядит методологически уязвимо.

Дело в том, что перечисленные памятники находятся в совершенно другой ландшафтной зоне, и в отличие от Южного Урала располагаются в местах традиционных кочевых зимников, где существование поселений со стационарными жилищами, в том числе каменными, выглядит вполне естественно и теоретически безупречно. Кроме того, керамический материал этих памятников демонстрирует переход от эпохи финальной бронзы к раннему железному веку [Хабдулина, 1994, с. 66–67; Бейсенов, 2016, с. 147–148], что, впрочем, не означает коренного изменения хозяйственного уклада и перехода населения от оседлости к кочевому скотоводству.

Предположение А.З. Бейсенова о том, что поселения сакского времени Восточной Сарыарки являются остатками зимников постдонгальского кочевого населения [Бейсенов,

2016, с. 151; 2018, с. 394], имеет серьезный контраргумент в виде отсутствия кеноткельской керамики в погребениях ранней тасмолы. Более предпочтительной и логически стройной выглядит точка зрения А.Д. Таирова, согласно которой поселения сакского времени Восточной Сарыарки были оставлены немногочисленными автохтонными группами, потомками племен эпохи бронзы и ведущими оседлый образ жизни [Таиров, 2017, с. 39]. По его мнению, это население сосуществовало с кочевниками VII–V вв. до н.э., которые использовали данную экосистему в качестве своих кстау.

Если говорить о степи и лесостепи Южного Урала, то она традиционно рассматривается исследователями, как места летних кочевий, где круглогодичное содержание скота на подножном корму невозможно. Учитывая интенсивный ритм летнего кочевания, появление и строительство здесь стационарных поселений не являлось необходимостью и было лишено всякого смысла. Между тем установлено, что седентаризация номадов происходила именно в орбите кстау-кочевий и была детерминирована минимальной амплитудой передвижений и близостью земледельческих оазисов. Так, по мнению Н.А. Гаврилюк, оседание и переход к земледелию у обедневших скифов происходили на зимних пастбищах [Гаврилюк, 2005, с. 99], об оседании кочевников на «зимних убежищах» пишет Г.А. Федоров-Давыдов, а постепенный переход к оседлости на зимниках ахтубинской поймы прослеживается и у обедневших кочевников XIV в. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 202; Ракушин, 2006, с. 222]. Наблюдатели казахов начала XIX в. сообщают, что «земледелие имело известное распространение только на южных границах степей...» [Марков, 2010, с. 140].

В этом случае, по аналогии с казахскими кочевыми маршрутами, такого объединения Младшего жуза, как алимулы и частично жетыру, места и следы зимовок-поселений «савромато-сарматских» племен следует искать на Эмбе, песках Барсуки и Каракумы, низовьях Амударьи и Сырдарьи, северо-западному побережью Аральского моря [Масанов, 1995, с. 62–63]. По мнению В.Н. Ягодина, кочевники Южного Урала располагали свои

могильники (Дэвкескен-3, Дэвкескен-4, Каскажол, Казы-баба 1, 2, Сызлыгуй) в южной части юго-восточного выступа Устюрта, перед выходом на зимние пастбища в дельте Амударьи. Именно в этом месте находился естественный проход, ограниченный «неприступными чинками» и выводящий не только к зимникам, но и к хорезмийским оазисам, которые рассматривались номадами как рынки сбыта скотоводческой продукции [Ягодин, 2008, с. 117].

Возвращаясь к Улек-Хазы-2, можно предполагать, что памятник был оставлен малочисленной группой оседлого населения, связанной своим происхождением с племенами Сарыарки постдонгальского времени. Скорее всего, мигранты заняли освободившуюся после исчезновения саргаринцев привычную для них степную экологическую нишу. Количество памятников (Улек-Хазы-2, Майлыбай-1, Улак-6, Новокумакское II), а самое главное, мизерное количество материала (судя по фрагментам около 17 сосудов), заставляет предположить, что судьба населения, производившего керамику с жемчужным орнаментом, оказавшегося в открытой степи на пути кочевых маршрутов, была очень короткой и не оставила заметного следа в этнокультурной истории Южного Урала.

В любом случае выводы, сделанные Н.С. Савельевым, следует считать преждевременными, а статус самого комплекса неопределенным, поскольку керамический материал, состоящий из 27 фрагментов керамики (из которых только 2 орнаментированных венчика), нельзя назвать представительным, характер их попадания в слой неясен, следы производственной деятельности (мотыги, зернотерки) не найдены, хронологические позиции расплывчаты, архитектурные особенности (наличие стационарных построек и их типы) неизвестны. Все это говорит о том, что для опровержения аксиом теоретического номадизма необходимы масштабные полевые исследования, а материалы раскопов типа «шурф» и траншея площадью 5 м² не смогут преодолеть фактор случайности и перейти к тенденции закономерности. Вышесказанное в полной мере относится и к другим памятникам, содержащим единичные находки аналогичной керамики – Лаимбер-

ды-5, Майлыбай-1 и комплекс Улак-6, Новокумакское II¹⁷ [Савельев, 2015б, с. 246–253; Бытковский, 2013, с. 19–21].

Применительно к Южному Приуралью, по мнению Н.С. Савельева, «к середине – концу IV в. до н.э. фиксируется оседание части приуральских кочевников в предгорном правобережье Белой...» [Савельев, 2019б, с. 40]. Если этот процесс обозначен только сходством керамики, то еще никто не определил, какая часть посуды была изготовлена, собственно, в самой кочевой среде¹⁸. Общеизвестно, что ремесло, и в частности гончарство, у кочевников не выделилось в самостоятельную сферу производства [Крадин, 1992, с. 73]. Так, например, у печенегов и половцев следов керамики почти нет [Федоров-Давыдов, 1966, с. 197–198], отсутствует глиняная посуда собственного производства у кыпчаков Южного Урала XII–XIV вв. [Иванов, Кригер, 1988, с. 16], аналогичная ситуация наблюдается и у этнографических кочевников [Левин, Чебоксаров, 1955, с. 9]. Можно уверенно говорить, что если часть керамики номады рассматриваемого региона получали в результате контактов в маргинальных зонах¹⁹, посредством торгово-обменных операций, то она не может являться для них культурным индикатором²⁰. Других ощутимых признаков «фиксации» оседания пока не существует и никаких сарматских могильников на этой территории не найдено²¹, хотя использование правобережья р. Белой в качестве пастбищных территорий вполне допустимо²². Однако, поднимая данный вопрос, автор не объяснил причину этого оседания, а она должна быть более чем серьезной²³. Седентаризация номадов – процесс для них всегда вынужденный, болезненный, происходивший под влиянием различных экстремальных факторов (массовый голод, военная угроза, поиски убежища), который в рассматриваемый период (вторая половина IV в. до н.э.) мы не наблюдаем, но напротив, фиксируем расцвет культуры кочевников Южного Урала. В этой связи гораздо логичнее и правомернее предполагать, что оседлое население гафурийских городищ предоставляло номадам продукцию своего ремесленного производства от керамики до металла, тем более, что такие формы взаимодействия кочевого и оседлого населения засви-

детельствованы в археологических и исторических источниках на примере сюнну, сяньби и др. [Крадин, 1992, с. 59–60; 2007, с. 127].

Скорее всего, прав В.А. Иванов, реконструируя этнокультурную ситуацию на правобережье Средней Белой, без участия кочевников, но при сильном влиянии «зауральско-западно-сибирских угров» [Иванов, 2017, с. 51, 54], которым не нужно было адаптироваться к привычной ландшафтной зоне при наличии имеющихся у них ремесленных навыков.

В целом, подводя итог вышесказанному, необходимо выделить несколько моментов:

1. Памятники бобровско-тасмолинского типа следует рассматривать отдельно от основной массы каменных курганов V–IV вв. до н.э., так как их объединение не может преодолеть имеющийся между ними временной разрыв, особенно при существующей и далеко не совершенной хронологии периода VI–V вв. до н.э. Можно лишь предполагать, что население, оставившее эти памятники, появилось в степях Южного Урала одновременно с кочевниками «савроматского» круга, в первой половине – середине V в. до н.э., сосуществуя и взаимодействуя с ними в сфере духовной и материальной культуры, сохраняя при этом свое отличие (возможно, социальное, этническое или религиозное). Прямое отождествление рассматриваемой группы кочевников с носителями тасмолинской культуры не бесспорно и преждевременно, а проблема истоков ее происхождения нуждается в дальнейшем изучении и накоплении материала.

2. Никакой иренддыкско-крыктынской группы «кочевников» не существует, а ее появление обусловлено стремлением Н.С. Савельева таким вот образом обозначить в археологической литературе весьма скромное количество раскопанных им лично, или под руководством А.Ф. Яминова, не имеющих резонансного значения курганов.

3. Появление керамики «гафурийского» типа в погребениях кочевников Южного Урала было детерминировано исключительно сезонными связями с оседлым населением маргинальных зон, имеющим профессиональные гончарные традиции. При этом такая посуда не является для номадов культурным признаком, как, собственно, и та, которую они получали в результате торговли или обмена на

южных границах своих ареалов. Исходя из этого, памятники горного Урала, содержащие подобную керамику, следует связать с оседлым населением, которое ее и производило, независимо от самого характера таких памятников. Немногочисленные стоянки являются скорее квазифакториями, маркирующими специфические охотничьи или металлургические маршруты.

4. Желание Н.С. Савельева видеть в населении «гафурийских» городищ оседающих кочевников можно только приветствовать, однако очень слабое теоретическое обоснование, тенденциозность и отсутствие внятной археологической аргументации в его исследованиях, к сожалению, не дают такой возможности.

5. Появление в Южном Зауралье небольшой группы оседлого населения, носителей керамики кеноткельского типа, носило миграционный характер, вероятно, связанный с культурогенетическими процессами на территории Казахского мелкосопочника в начале эпохи раннего железного века. Судя по количеству материала, существование этой группы было очень коротким по времени, а характер памятников, которые она оставила, пока не ясным, и по своим масштабам совершенно несопоставимым с поселениями Сарыарки.

6. Участие кочевников, оставивших каменные курганы, в прохоровском культурогенезе следует считать минимальным, поскольку в погребальном обряде сарматской элиты, который являлся концентрированным выражением всей системы социально-идеологического мироустройства номадов, сколько-нибудь заметное использование камня не зафиксировано.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Искренне признателен Ф.А. Сунгатову за консультации по данному вопросу и разрешение опубликовать этот материал.

² В этой статье, к сожалению, вкралась ошибка, и горшок фигурирует, как происходящий из кургана 8 Сибайского I могильника.

³ Я отсутствовал во время раскопок кургана и основные черты погребального обряда были реконструированы Г.Н. Гарустовичем по полевым планам и его воспоминаниям в 2002 году.

⁴ Название типа «ирендыкско-крыктинская группа кочевников», на мой взгляд, более приемле-

мо для исторического или этнографического объединения номадов. В археологическом отношении для соответствия материала и его предполагаемого содержания необходимо введение такого дефиниционного признака, как «памятники» или «курганы». В этом случае наименование «ирендыкско-крыктинская группа памятников/курганов кочевников...» будет более корректным.

⁵ В реальности к настоящему времени из 25-ти раскопанных курганов (29 погребений) только 18 могут быть привлечены для этнокультурных реконструкций. Такие памятники, как Давлетшино (кург. 1), Мунтаевский, Гадельша IV (курган 2), Давлетово III, Тепяново, Юмаш-Тау-5, Ивановский V, должны быть исключены из этой выборки, поскольку их погребальный обряд представлен во фрагментированном состоянии. Аргументы в виде подъемного материала, случайных находок, безинвентарных погребений, или визуально-интуитивного (не подтвержденного раскопками) определения культурно-хронологических позиций памятников, не могут приниматься всерьез.

⁶ В «миру» этот памятник, расположенный всего лишь в 500 м к северо-западу от д. Татлыбаево, Баймакского района, на возвышенности Ызма-тау, может носить более благозвучное и менее труднопроизносимое название, типа Татлыбаевский I одиночный курган.

⁷ Мне представляется, что нижняя дата этого памятника несколько завышена авторами публикации [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 63].

⁸ Курган 2 могильника Улек-Хазы-1, известный из работ Н.С. Савельева, как восьмиугольный, да еще и купольный мавзолей, может быть датирован по наконечнику стрелы в рамках V–IV вв. до н.э. Памятник ограблен и не является закрытым комплексом, что делает его уязвимым для этнокультурных интерпретаций, так как допускает наличие разновременных погребений, одно из которых разрушило другое. К сожалению, этот «эпохальный» комплекс-мавзолей до сих пор, как обычно, не опубликован (хотя был раскопан в 2010 г.), что, в свою очередь, приводит к появлению тревожных мыслей о его реальном существовании, по крайней мере в том виде, в котором он заявлен. В любом случае, для доказательства именно купольной формы данного архитектурного сооружения Н.С. Савельев должен представить проверяемую реконструкционную методику, что является одним из основных принципов научности.

⁹ В ссылке на курганы Манхар нет ни слова о кварцевой дресве в примеси сосудов [Савельев, 2000б, рис. 1, 1, 4, 2, 1, 5].

¹⁰ Я глубоко признателен В.А. Иванову за возможность использовать этот материал и право на его дальнейшую и полноценную публикацию.

¹¹ В этой связи следует коротко остановиться на кургане из могильника Черемуховый овраг, который уже известен в литературе, как курган 1 Верхне-Кардаиловского VIII могильника [Васильев, 1998, с. 26, рис. 1, 1]. В научном отчете В.А. Иванова он фигурирует, как курган 2 Верхне-Кардаиловской IV группы, расположенной в 1 км к СВ от с. Верхне-Кардаилово Кваркенского района Оренбургской области [Иванов, 1993]. Здесь под каменной наброской насыпи было расчищено два каменных кольца овальной формы размером 8 × 6 м, внутри которых обнаружено семь кострищ-жертвенников и исследовано пять погребений, два из которых (1 и 4) носят условный характер, так как представляют собой скопления костей животных, часть человеческого черепа, керамики, угля, золы, находки зеркала с закраиной и бронзовый наконечник стрелы. Реконструкция погребального обряда представляется чрезвычайно сложной, но можно уверенно говорить, что подобное погребение 5, где были найдены жертвенник ладьевидной формы и зеркало с бортиком и петлей на обороте, не связано с другими комплексами этого кургана.

¹² На мой взгляд, следует ограничиться словом «склеп» и отказаться от излишней помпезности. Более совершенные архитектурные и монументальные сооружения, типа Тубежик-2, Баскудук-5 или Баланды-2, которые, вероятно, так впечатлили Н.С. Савельева, на сарматских летовках можно найти лишь при условии наличия глубокой концептуальной мотивированности. Даже у могущественных степных семей, захороненных в Филипповском могильнике, хватило сил и ресурсов лишь на то, чтобы соорудить только земляные, погребальные, полые конструкции, которые, возможно, и копировали аналогичные памятники Мангышлака и нижней Сырдарьи.

¹³ У Н.С. Савельева фигурируют три случая встречаемости каменных «склепов-мавзолеев», однако, где именно, не отмечено. В сущности, это может быть любой памятник, введенный в научный оборот автором выделения ирендыкско-крыктинской группы [Савельев, 2006а, с. 80], поскольку фрагментарный уровень его публикаций заставляет предполагать именно такой вариант. По этой причине я не рискую включить в этот список и курган 2 могильника Улек-Хазы-1, так как никому не известно, что мы получим в итоге после его полной публикации, если она состоится.

¹⁴ Совершенно беспомощными выглядят попытки ограничить территорию кочевых ареалов строго по условным границам расположения курганных могильников, и тем более «рисовать» некие «мертвые зоны» между номадами и оседлыми племенами [Овсянников, 2009, с. 145].

¹⁵ Обзор 10 представленных памятников показывает, что пять из них (Атиково 1, Акбута 2, Чу-

юнчи-Чупаново, Крепостной Зилаир) можно отнести к поселенческим лишь при большой фантазии, поскольку они являются или обычными местонахождениями, или неопределяемыми в культурном отношении (Шульганово 5). Обстоятельства попадания в слой других комплексов, немногочисленных находок керамики эпохи раннего железного века неизвестны, однако наиболее правдоподобное их объяснение – «металлургические» или охотничьи маршруты непосредственных производителей этой посуды, населения гафурийских городищ.

¹⁶ Появление решетчатого, переносного жилища (юрты), способа его завьючивания, как и других кочевнических изобретений (стремян, жесткого седла), относят к середине I тыс. н.э. [Вайнштейн, 1976, с. 46; Масанов, 1995, с. 45].

¹⁷ Поселение сакского времени Майлыбай-1 определено по керамической примеси фрагментов от 5 сосудов и фрагменту орнаментированного шестого сосуда, который вообще не имеет никакого отношения к сакскому комплексу [Савельев, 2015б, с. 247–249]. Топографические особенности этого многослойного памятника, однако, позволили Н.С. Савельеву сделать предположение о долговременном (?) существовании «поселения» в эпоху раннего железа. То же самое можно говорить и о недоисследованном комплексе Улак-6, который получил «статус» кочевнического поселения на основании находок 9-ти фрагментов керамики, два из которых (один неорнаментированный) близки к кеноткелю, а остальные семь – к ранней прохоровке.

¹⁸ Предположение Л.А. Краевой о существовании у кочевников-сарматов собственного и профессионального гончарного производства не представляется мне полностью очевидным, хотя бы потому, что автор исследовала лишь технологический процесс, но не объяснила механизм такого рода хозяйственной деятельности [Краева, 2011, с. 59]. Если это был «штатный» гончар определенной кочевой патронимии, то почему он делал посуду по образцу оседлых племен зауральского происхождения? Если это был керамический центр(ы), обслуживающий более широкую кочевую группу, то где его следы? Представляется особенно важным заключение Л.А. Краевой о возможности изготовления кочевниками низкокачественной посуды, обожженной при низких температурах, предназначенной только для погребений [Краева, 2015, с. 94], причем создается впечатление, что это и есть аутентичная кочевническая керамика, которая символизировала дорогостоящую бронзовую посуду. Впрочем, совершенно очевиден вотивно-однообразный (односезонный) характер использования керамики, получаемой в результате торговли или обмена с оседлыми племенами на северной границе степи

(иначе ее бы не помещали в погребение), которая в силу своей технологической примитивности и хрупкости находила применение преимущественно на летовках, проигрывая во всех отношениях традиционной кочевнической посуде, сделанной из дерева, кожи и металла, способной выдержать частые перекочевки, в том числе и на большие расстояния.

¹⁹ Например, В.Н. Ягодин предполагает, что городище Большая Айбугир-кала могло быть местом торговых контактов хорезмийского населения и кочевников савромато-сарматского времени [Ягодин, 1982, с. 77–78].

²⁰ В этой связи попытки реконструкции этнокультурной карты степной части региона с помощью «керамических» манипуляций, без четкого разделения самой керамики на собственно кочевническую и заимствованную, надо признать безуспешными и бесперспективными.

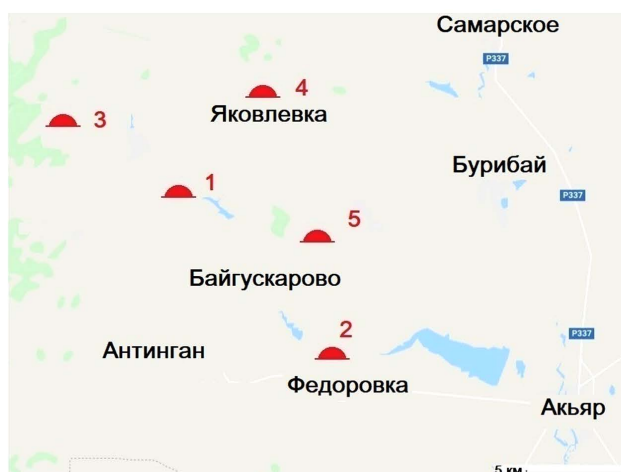
²¹ Вероятно, в пользу идеи о беспричинной седентаризации номадов в качестве косвенного аргумента должно послужить утверждение некоторых исследователей о возможности «брачных» отношений между сарматами и оседлым населением правобережья р. Белой [Савельев, 2000а, с. 38; 2019б, с. 40; Овсянников, 2009, с. 145; 2014, с. 177; Воробьева, 2014, с. 62]. Однако такое предположение не находит подтверждения в исторических и этнографических источниках в принципе и не должно рассматриваться всерьез, поскольку противоречит нормам обычного права потестарного кочевого общества. Результатом подобной «дальней» экзогамии является неизбежная делегитимизация потомства в глазах всей патронимии (исключая, разумеется, слу-

чай династических союзов) и «обнуление» родословной нуклеарной семьи, поколенческая многоступенчатость которой имела очень большое значение в жизни кочевых обществ. Другими словами, женщина из противоположной цивилизационной среды могла оказаться в степном кочевье или в качестве наложницы-домашней рабыни, или невольницы на продажу-обмен, а это уже другой общественный институт.

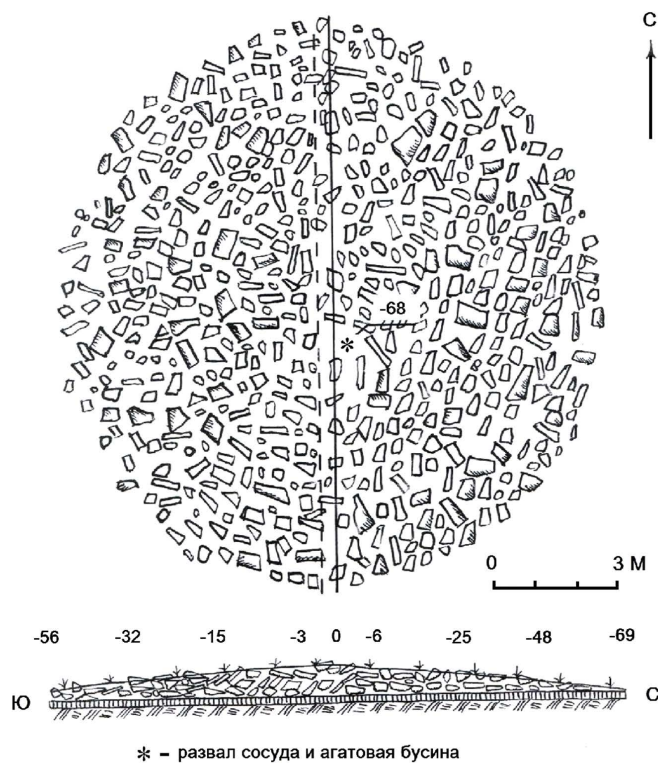
²² Переправа скота через р. Белую в районе ее излучины (как и по притокам ее бассейна) не представляла особой трудности, а для вооруженного всадника река вообще не являлась серьезной преградой на всем ее протяжении.

²³ Автором идеи о седентаризации сармат в северной, маргинальной зоне, можно считать К.Ф. Смирнова, на авторитет которого, кстати, и ссылается Н.С. Савельев [Савельев, 1998, с. 53]. На основании находок вещей, выполненных в зверином стиле, керамических форм и орнаментов К.Ф. Смирнов не исключил возможность оседания и смешения отдельных сарматских групп с местным, оседлым населением [Смирнов, 1964, с. 272], позднее он же писал об этом уже в утвердительной форме. По его мнению, иллекские сарматы были кочевниками, а номады бассейна р. Белой, под влиянием лесостепных племен, переходили к оседлому и полuosедлому образу жизни [Смирнов, 1975, с. 172, 175; 1984, с. 117]. Однако взаимооборот предметов материальной культуры между двумя пограничными группами населения не является доказательством изменения хозяйственного уклада, а лишь свидетельствует о наличии, характере и интенсивности экономических связей.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1

2

Рис. 1:

- 1 – карта-схема расположения археологических памятников (1 – Ивановка V; 2 – Усть-Дергамыш; 3 – Ивановка I; 4 – Яковлевка; 5 – Переволочан);
 2 – план и профиль Ивановского V кургана (рисунок В.Н. Васильева)

Fig. 1:

- 1 – a schematic map of the location of archaeological sites (1 – Ivanovka V; 2 – Ust-Dergamysh; 3 – Ivanovka I; 4 – Yakovlevka; 5 – Perevolochan);
 2 – plan and profile of Ivanovskiy V kurgan (drawnings by V.N. Vasilev)

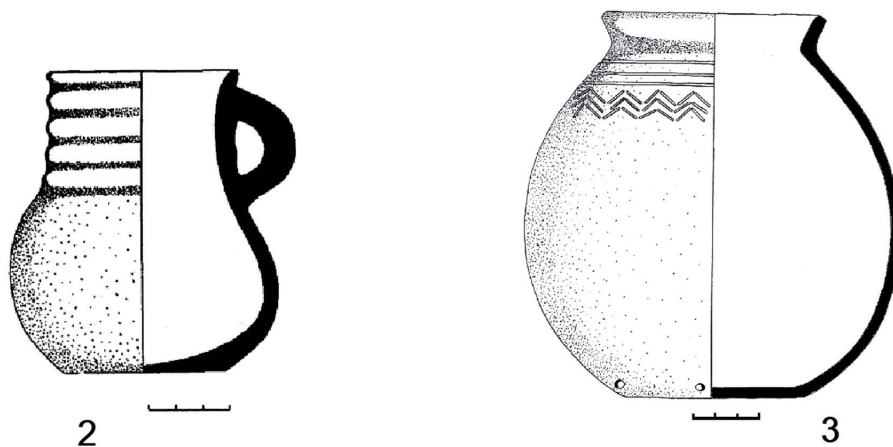
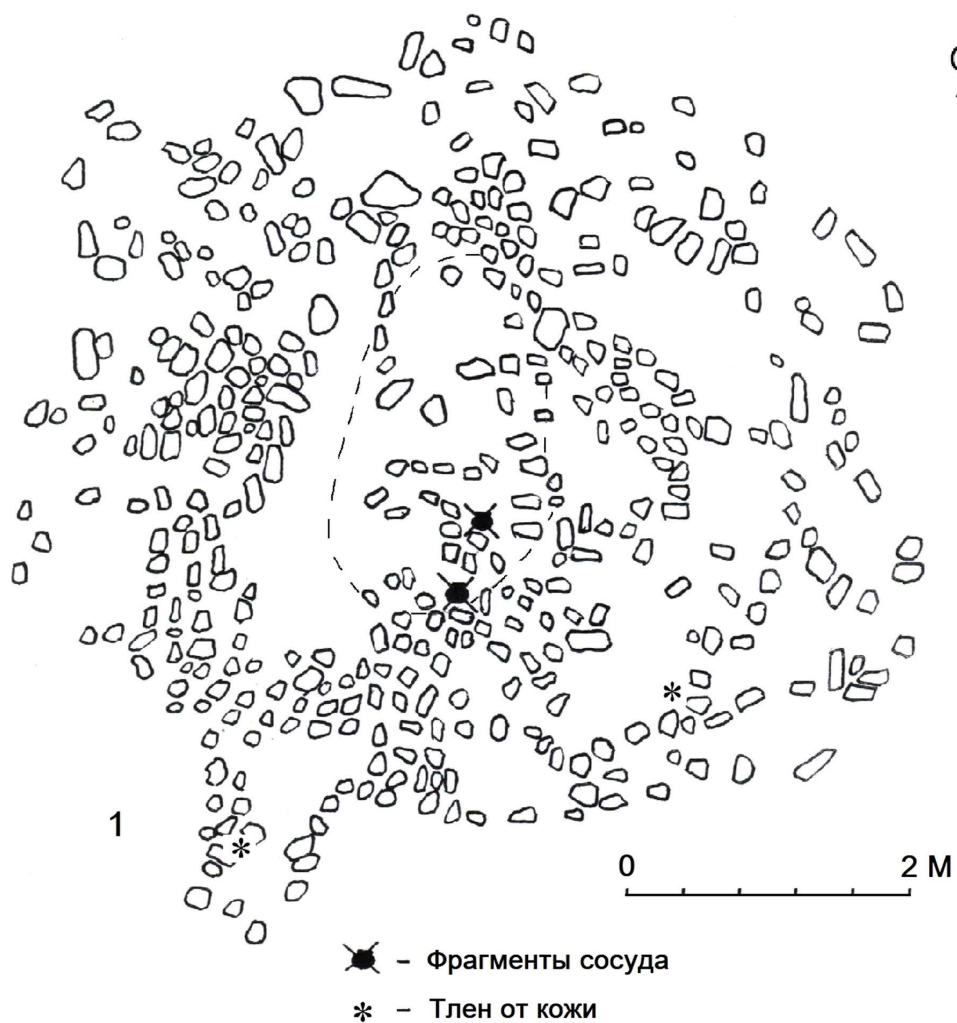

Рис. 2:

1 – план кургана Усть-Дергамыш; 2 – сосуд из кургана Ивановка V;
3 – сосуд из кургана Усть-Дергамыш (рисунок В.Н. Васильева)

Fig. 2:

1 – plan of the Ust-Dergamysh kurgan; 2 – a vessel from the Ivanovka V kurgan;
3 – a vessel from the Ust-Dergamysh kurgan (drawings by V.N. Vasilev)

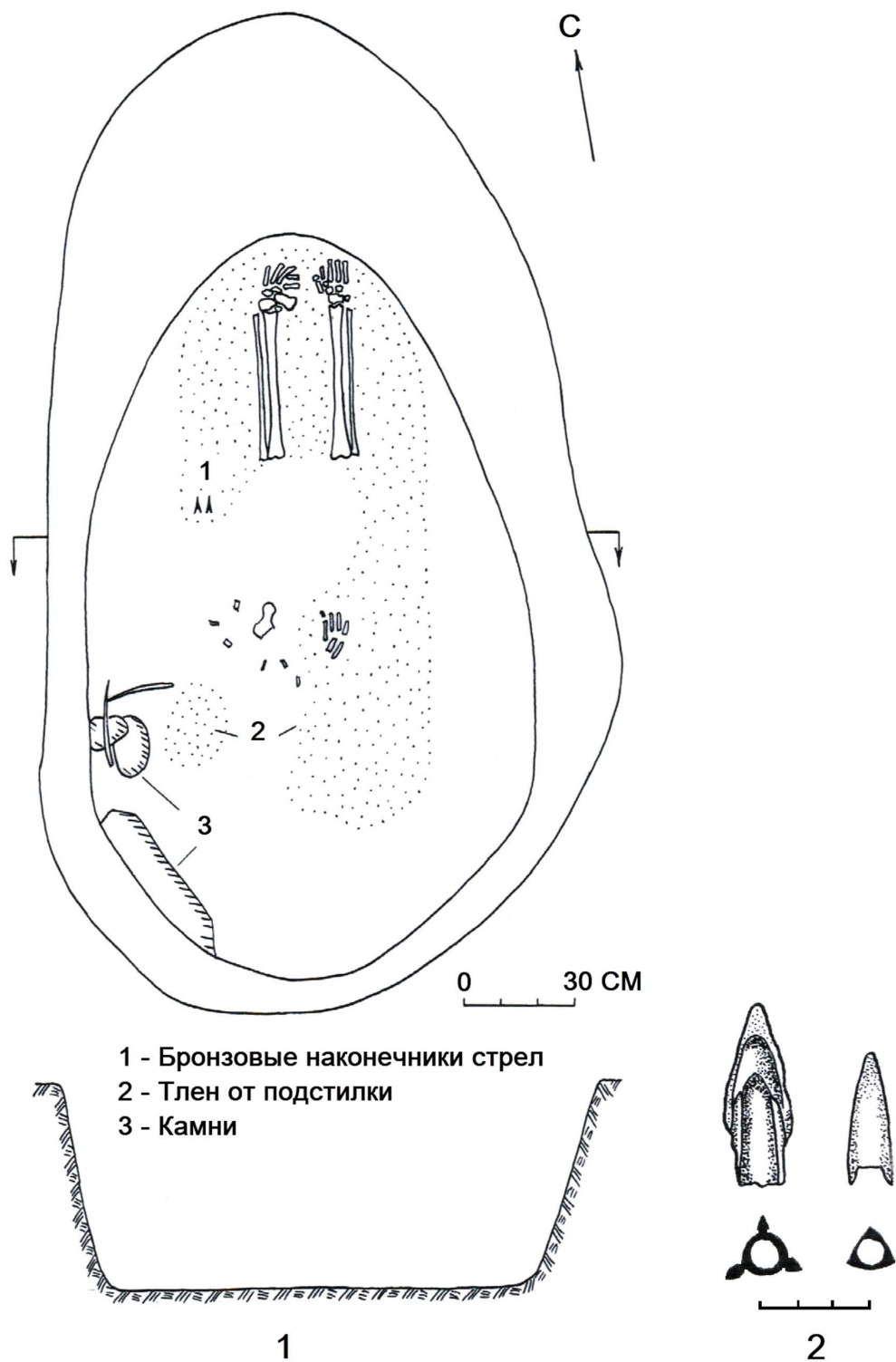

Рис. 3:

1 – план погребения из кургана Усть-Дергамыш; 2 – наконечники стрел из погребения кургана Усть-Дергамыш (рисунок В.Н. Васильева)

Fig. 3:

1 – burial plan from the Ust-Dergamysh kurgan; 2 – arrowheads from the burial of the Ust-Dergamysh kurgan (by V.N. Vasilev)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейсенов А. З., 2016. Раннесакские поселения близ горы Едирей в Центральном Казахстане // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 18, № 3. С. 146–152.
- Бейсенов А. З., 2018. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (27). С. 386–396.
- Бытковский О. Ф., 1998. Савроматские погребения Новотроицкого I могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 120–126.
- Бытковский О. Ф., 2013. Поселение раннесакского времени в Оренбургском Зауралье // Современные тенденции в образовании и науке : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 3. Тамбов. С. 19–21.
- Вайнштейн С. И., 1976. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. № 4. С. 42–62.
- Васильев В. Н., 1984. Новые данные о каменных курганах ранних кочевников Южного Урала // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. С. 31–36.
- Васильев В. Н., 1998. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. С. 25–43.
- Васильев В. Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 153–172.
- Васильев В. Н., Сиротин С. В., 2004. Ново-Мусинский 3 курган // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 173–180.
- Васильев В. Н., Обыденнова Г. Т., Федоров В. К., 2019. Курганы в окрестностях села Верхняя Кардаилровка на р. Урал (по материалам раскопок 1993 года) и заметки к хронологии опорных комплексов второй половины IV в. до н.э. // Вестник Оренбургского государственного университета. Электронный научный журнал (Online). № 4 (32). С. 90–111. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.32.7>.
- Воробьева С. Л., 2014. Взаимоотношения кара-абызской культуры с кочевниками Южного Урала в IV–III вв. до н.э. // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. С. 54–65.
- Гаврилюк Н. А., 2005. Степная Скифия: палеоэкономический подход // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета. С. 34–64.
- Гарустович Г. Н., 2000. Погребения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. С. 123–128.
- Гуцалов С. Ю., 2011. Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI – V в. до н.э. : истоки // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России : сб. ст. Вып. 3. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 88–104.
- Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В., 2006. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М. : Восточная литература РАН. 159 с.
- Иванов В. А., Кригер В. А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М. : Наука. 96 с.
- Иванов В. А., Фалалеев А. В., Ягофарова И. М., 1989. Новые памятники ранних кочевников в Южном Приуралье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа : БНЦ УрО АН СССР. С. 120–126.
- Иванов В. А., 1993. Отчет о раскопках курганных могильников в верховьях р. Урал в 1992 г. // Архив ИА РАН. № 17384. С. 1–43.
- Иванов В. А., 2017. Археология сарматского влияния на культуру лесных племен Южного Урала: источники и их интерпретация // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск : Государственный исторический музей Южного Урала. С. 50–55.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф. А., 2009. Тулубай. Савромато-сарматский склеп в Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 9. С. 118–126.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф. А., 2013. Памятники яицкой культуры последней четверти V – IV в. до н.э. на Южном Урале // Материалы охранных раскопок и исследований по археологии Южного Урала. Т. 3. Уфа : Белая река. 223 с.

- Крадин Н. Н., 1992. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток : Даль-наука. 240 с.
- Крадин Н. Н., 2007. Кочевники Евразии. Алматы : Дайк-Пресс. 416 с.
- Краева Л. А., 2011. Технология изготовления керамики из погребений раннесарматской культуры Южного Приуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (48). С. 51–60.
- Краева Л. А., 2015. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана // Самарский научный вестник. № 3 (12). С. 90–100.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н., 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. № 4. С. 3–17.
- Левина Л. М., 1992. Памятники джетыясарской культуры середины I тыс. до н.э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 61–72.
- Мамедов А. А., Китов Е. П., 2015. Погребальный обряд ранних кочевников верхнего Илека по материалам могильника Сапибулак // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. № 6 (304). С. 19–60.
- Мандельштам А. М., 1976. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // Краткие сообщения института археологии. Вып. 147. С. 21–26.
- Марков Г. Е., 2010. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М. : Красанд. 318 с.
- Масанов Н. Э., 1995. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Алматы : Социнвест ; М. : Горизонт. 320 с.
- Мошкова М. Г., 1961. Сарматские курганы Оренбургской области // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 83. С. 115–125.
- Мошкова М. Г., 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. Материалы и исследования по археологии. № 153. М. : Наука. С. 27–48.
- Овсянников В. В., 2009. Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху // Уфимский археологический вестник. Вып. 9. С. 144–156.
- Овсянников В. В., 2014. Общие элементы в погребальном обряде и инвентаре населения кара-абызской культуры и сармат лесостепи Южного Предуралья (по материалам Шиповских, Старо-Киишкинских и Бишунгаровских курганов) // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. С. 168–177.
- Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р., 2017. Древние святилища Устюрта и Восточного Приуралья. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. 320 с.
- Ракушин А. И., 2006. Кочевые улусы Золотой Орды (по материалам курганных могильников Нижнего Поволжья XIII–XV вв.) // Археология восточноевропейской степи. Вып. 4. Саратов : Научная книга. С. 214–239.
- Рафикова Я. В., Федоров В. К., 2017. Курганы Южного Зауралья. Кн. I. Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа : Китап. 244 с.
- Савельев Н. С., 1998. К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. С. 53–57.
- Савельев Н. С., 2000а. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. С. 17–48.
- Савельев Н. С., 2000б. Курганы Байшевской долины в контексте культурогенеза ранних кочевников Южного Урала // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара : Изд-во СНЦ РАН. С. 41–52.
- Савельев Н. С., 2003. Горно-долинные ландшафты хребта Ирэндык как фактор сохранения этнокультурных изолятов в эпоху ранних кочевников // Человек в пространстве древних культур : материалы Всерос. науч. конф. Челябинск : Изд-во ЧелГУ. С. 15–16.
- Савельев Н. С., 2006а. Ирэндыкско-крыкитинская группа кочевников Южного Урала: критерии выделения и поисковые признаки памятников // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы III Регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск : Изд-во ЧелГУ. С. 80–83.
- Савельев Н. С., 2006б. Курганы эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Ирэндык // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа : Гилем. С. 92–104.

- Савельев Н. С., 2007. Поселение раннесакского времени Улек-Хазы-2 в горно-степной зоне Южного Зауралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 8. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 93–98.
- Савельев Н. С., 2015а. Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. С. 62–84.
- Савельев Н. С., 2015б. Поселения раннесакского времени Южного Зауралья // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии : сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. Алматы : НИЦИА «Бегазы-Тасмола». С. 246–254.
- Савельев Н. С., 2017. О происхождении убаларского культурного типа в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 17. С. 18–38.
- Савельев Н. С., 2019а. Детские погребения кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. // Уральский исторический вестник. № 1 (62). С. 55–62. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1\(62\)-55-62](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-55-62).
- Савельев Н. С., 2019б. Южный Урал в I тыс. до н.э. – особая контактная зона на крайнем востоке Европы // Уфимский археологический вестник. Вып. 19. С. 39–50.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во СГУ. 300 с.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. Материалы и исследования по археологии СССР. № 101. М. : Изд-во АН СССР. 163 с.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука. 379 с.
- Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М. : Наука. 176 с.
- Смирнов К. Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. С. 3–51.
- Смирнов К. Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М. : Наука. 184 с.
- Сунгатов Ф. А., Сафин Ф. Ф., 1995. Исследование курганных могильников в Зауралье в 1991 г. // Наследие веков. Вып. 1. Уфа : Национальный музей Республики Башкортостан. С. 58–63.
- Таиров А. Д., 2004. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар : ООО «Фирма НСС». С. 3–21.
- Таиров А. Д., 2006. Саки Приуралья в степях Южного Приуралья (по материалам могильника Маровый Шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа : Гилем. С. 76–91.
- Таиров А. Д., 2017. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья VIII–VI вв. до н.э. // Материалы и исследования по культурному наследию. Т. VIII. Астана : Казахский научно-исследовательский институт культуры. 392 с.
- Ушаков А. М., 2013. Символизация коня в погребальном ритуале ранних кочевников Южного Урала в V–IV вв. до н. э. // Вестник Южно-Уральского ГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 13, № 1. С. 64–70.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Изд-во МГУ. 276 с.
- Хабдулина М. К., 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы : Гылым. 170 с.
- Ягодин В. Н., 1982. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приуралья. Вып. I. Ташкент. С. 39–81
- Ягодин В. Н., 2008. Кочевники и Хорезм в Приуральском микрорайоне в IV–III вв. до н.э. – IV–V вв. н.э. // Археология Приуралья. Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау. Вып. VII. Ташкент : ФАН. С. 116–124.

REFERENCES

- Beisenov A.Z., 2016. Rannesakskie poseleniya bliz gory Edirey v Central'nom Kazahstane [Early Saka Settlements Near the Mount Yedirey in Central Kazakhstan]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 18, no. 3, pp. 146-152.

- Beisenov A.Z., 2018. Tasmolinskaya kul'tura Central'nogo Kazakhstana v issledovaniyah nachala XXI veka [Tasmola Monuments of Central Kazakhstan in Studies of the Beginning of the XXIst Century]. *Arkheologiya i davnaya istoriya Ukrainy* [Archaeology and Ancient History of Ukraine], iss. 2 (27), pp. 386-396.
- Bytkovskiy O.F., 1998. Savromatskie pogrebeniya Novotroitskogo I mogilnika [Savromatians Graves of Novotroitsky I Kurgan Cemetery]. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhya* [Archaeological. Monuments of the Orenburg Region], vol. 2. Orenburg, OGPU, pp. 120-126.
- Bytkovskiy O.F., 2013. Poselenie rannesakskogo vremeni v Orenburgskom Zaurale [Settlement of the Early Saka Time in the Orenburg Trans-Urals]. *Sovremennye tendentsii v obrazovanii i nauke: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Modern Trends in Education and Science. Materials of the Int. Scient. and Pract. Conf.], part 3. Tambov, pp. 19-21.
- Vaynshteyn S.I., 1976. Problemy istorii zhilishcha stepnykh kochevnikov Evrazii [Problems of the History of the Dwelling of the Steppe nomads of Eurasia]. *Sovetskaya Etnografiya* [Soviet Ethnography], no. 4, pp. 42-62.
- Vasilev V.N., 1984. Novye dannye o kamennykh kurganah rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [New Data on Stone Kurgans of Early Nomads of the Southern Urals]. *Pamyatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Monuments of the Nomads of the South Urals]. Ufa, BF AS USSR, pp. 31-36.
- Vasilev V.N., 1998. K voprosu o sarmatskikh kamennykh zhertvennikah kochevnikov Yuzhnogo Urala [On the Question of the Sarmatian Stone Altars of the Nomads of the Southern Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 1, pp. 25-43.
- Vasilev V.N., 2004. K khronologii ranneprohorovskogo kompleksa [To the Chronology of the Early Prokhorovka Complex]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 5, pp. 153-172.
- Vasilev V.N., Sirotin S.V., 2004. Novo-Musinskiy 3 kurgan [Kurgan from Novo-Musino]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 5, pp. 173-180.
- Vasilev V.N., Obydenova G.T., Fedorov V.K., 2019. Kurgany v okrestnostyakh sela Verkhnyaya Kardailovka na r.Ural (po materialam raskopok 1993 goda) i zametki k khronologii opornykh kompleksov vtoroy poloviny IV v. do n.e. [Mounds in the Vicinity of Verkhnyaya Kardailovka Village on the Ural River (Based on the Excavations of 1993) and Notes on the Chronology of Supporting Complexes of the Second Half of the 4th Century B.C.]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal (Online)* [Bulletin of the Orenburg State University. Electronic Scientific Journal (Online)], no. 4 (32), pp. 90-111. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.32.7>.
- Vorobyeva S.L., 2014. Vzaimootnosheniya kara-abyzskoy kultury s kochevnikami Yuzhnogo Urala v IV–III vv. do n.e. [Mutual Relations of the Population of the Kara-Abyz Culture with Nomads of Southern Urals in the IV–IIIrd Centuries B.C.]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 14, pp. 54-65.
- Gavrilyuk N.A., 2005. Stepnaya Skifiya: paleoekonomicheskiy podhod [Steppe Scythia: Paleoeconomical Approach]. *Social'naya struktura rannih kochevnikov Evrazii* [Social Structure of Early Nomads in Eurasia]. Irkutsk, Irkutsk State University, pp. 34-64.
- Garustovich G.N., 2000. Pogrebeniya perekhodnogo perioda ot epohi bronzy k rannemu zheleznomu veku v Bashkirskom Zaurelye [Burials of the Transition Period from the Bronze Age to the Early Iron Age in the Bashkir Trans-Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 2, pp. 123-128.
- Gucalov S.Yu., 2011. Pogrebalnyy obryad kochevnikov Yuzhnogo Priuralya v konce VI – V v. do n.e.: istoki [The Funeral Rite of the Nomads of the Southern Urals at the End of the VI - V Centuries BC.: Origins]. *Pogrebalnyy obryad rannih kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arheologii Yuga Rossii* [The Burial Ritual of the Early Nomads of Eurasia. Materials and Research on Archeology of the South of Russia], vol. 3. Rostov-na Donu, SSC RAS, pp. 88-104.
- Zhelezchikov B.F., Klepikov V.M., Sergacskov I.V., 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.)* [Antiquities of Lebedevka (VI-II Centuries BC)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 159 p.
- Ivanov V.A., Kriger V.A. 1988. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.)* [Kurgans of the Kypchak Time in the South Urals (XII–XIV Centuries)]. Moscow, Nauka Publ. 96 p.
- Ivanov V.A., Falaleev A.V., Yagofarova I.M., 1989. Novye pamyatniki rannih kochevnikov v Yuzhnom Priuralye [New Monuments of Early Nomads in the Southern Urals]. *Materialy po epokhe bronzy i rannego zheleza Yuzhnogo Priuralya i Nizhnego Povolzhya* [Materials on the Bronze Age and Early Iron Age of the Southern Urals and the Lower Volga Region]. Ufa, BSC UrB AS USSR, pp. 120-126.

- Ivanov V.A., 1993. Otchet o raskopkakh kurgannyh mogilnikov v verkhovyah r. Ural v 1992 g. [Report on the Excavation of Kurgans in the Upper Reaches of the River. Ural in 1992]. *Arkhiv IA RAS*, no. 17384, pp. 1-43.
- Ivanov V.A., 2017. Arheologiya sarmatskogo vliyaniya na kulturu lesnyh plemen Yuzhnogo Urala: istochniki i ih interpretatsiya [Archeology of the Sarmatian Influence on the Culture of the Forest Tribes of the Southern Urals: Sources and Their Interpretation]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ih okruzhenie: materialy VII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Sarmatians and their Environment. Proceedings of VII All-Russia (with International Participation) Scient. Conf.]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, pp. 50-55.
- Ismagil R., Sungatov F.A., 2009. Tulubay. Savromato-sarmatskiy sklep v Zauralye [Tulubay. The Sarmatian Crypt in the Transural]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 9, pp. 118-126.
- Ismagil R., Sungatov F.A., 2013. Pamyatniki yaikoy kultury posledney chetverti V–IV vv. do n.e. na Yuzhnom Urale [Monuments of the Yaik Culture of the Last Quarter of the V-IV Centuries BC in the Southern Urals]. *Materialy ohrannykh raskopok i issledovaniy po arheologii Yuzhnogo Urala* [Materials of Protective Excavations and Research of Archeology of the Southern Urals], vol. 3. Ufa, Belaya Reka Publ. 223 p.
- Kradin N.N., 1992. *Kochevye obshchestva (problemy formacionnoy karakteristiki)* [Nomadic Societies (Problems of Formational Characteristics)]. Vladivostok, Dalnauka Publ. 240 p.
- Kradin N.N., 2007. *Kochevniki Evrazii* [Nomads of Eurasia]. Almaty, Dayk-Press Publ. 416 p.
- Kraeva L.A., 2011. Tekhnologiya izgotovleniya keramiki iz pogrebeniy rannesarmatskoy kultury Yuzhnogo Priuralya [Technology of Making Ceramics from Burials of the Early Sarmatian Culture of the Southern Urals]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], no. 4 (48), pp. 51-60.
- Kraeva L.A., 2015. Bytovoe i sakralnoe ispolzovanie keramiki u sarmatov Yuzhnogo Priuralya i Zapadnogo Kazahstana [Household and Sacred use of Ceramics Among the Sarmatians of the Southern Urals and Western Kazakhstan]. *Samarskiy nauchny vestnik* [Samara Scientific Bulletin], no. 3 (12), pp. 90-100.
- Levin M.G., Cheboksarov N.N., 1955. Hozyaystvenno-kulturnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti [Economic and Cultural Types and Historical and Ethnographic Areas]. *Sovetskaya Etnografiya* [Soviet Ethnography], no. 4, pp. 3-17.
- Levina L.M., 1992. Pamyatniki dzhetyasarskoy kultury serediny I tys. do n.e. [Monuments of the Jetyasar Culture of the Middle of the 1st Millennium BC]. *Stepnaya polosnaya Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period]. Moscow, Nauka Publ., pp. 61-72.
- Mamedov A.A., Kitov E.P., 2015. Pogrebalny obryad rannih kochevnikov verhnego Ileka po materialam mogilnika Sapibulak [Funeral Ceremony of Early Nomads from the Top Ilek (on the Materials of the Kurgan Cemetery Sapibulak)]. *Izvestiya Natsionalnoy akademii nauk Respubliki Kazahstan* [News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan], no. 6 (304), pp. 19-60.
- Mandelshtam A.M., 1976. K karakteristike pamyatnikov rannikh kochevnikov Zakaspiya [On the Characteristics of Monuments of Early Nomads of Transcaspia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology], iss. 147, pp. 21-26.
- Markov G.E., 2010. *Kochevniki Azii. Struktura hozyaystva i obshchestvennoy organizatsii* [Nomads of Asia. The Structure of the Economy and Social Organization]. Moscow, Krasand Publ. 318 p.
- Masanov N.E., 1995. *Kochevaya civilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva* [Nomadic Civilization of Kazakhs (Fundamentals of Vital Activity of a Nomadic Society)]. Almaty, Sotcinvest Publ., Moscow, Gorizont Publ. 320 p.
- Moshkova M.G., 1961. Sarmatskie kurgany Orenburgskoy oblasti [Sarmatian Kurgans in the Orenburg Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology], iss. 83, pp. 115-125.
- Moshkova M.G., 1972. Sarmatskie pogrebeniya Novo-Kumakskogo mogilnika bliz g. Orska [Sarmatian Burials of the Novo-Kumaksky Kurgan Cemetery Near Orsk]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priuralya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [Monuments of the Southern Urals and Western Siberia of Sarmatian Times]. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, no. 153. Moscow, Nauka Publ., pp. 27-48.
- Ovsyannikov V.V., 2009. Opyt vydeleniya zon aktivnogo vzaimodeystviya osedlogo i kochevogo naseleniya Preduralya v savromato-sarmatskuyu epokhu [Experience of Allocation of Zones of Active Interaction of Settled and Nomadic Population Antearals During the Savromato-Sarmatian Epoch]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 9, pp. 144-156.

- Ovsyannikov V.V., 2014. Obshchie elementy v pogrebalnom obryade i inventare naseleniya karaabyzskoy kultury i sarmat lesostepi Yuzhnogo Preduralya (po materialam Shipovskih, Staro-Kiishkinskih i Bishungarovskih kurganov) [Common Elements in the Funerary Rites and Inventory of the Kara-Abyz Culture Population and Sarmatians of the South Steppes of the Ural Foothills (On Materials of the Shipovo, Starye Kiishki and Bishungarovo Mounds)]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 14, pp. 168-177.
- Ongaruly A., Olkhovskiy V., Astafyev A., Darmanov R., 2017. *Drevnie svyatilishchya Ustyurta i Vostochnogo Priaralya* [Ancient Sanctuaries of Ustyurt and Eastern Aral Sea]. Almaty, Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan. 320 p.
- Rakushin A.I., 2006. Kochevye ulusy Zolotoy Ordy (po materialam kurgannykh mogilnikov Nizhnego Povolzhya XIII–XV vv.) [Nomadic Uluses of the Golden Horde (Based on Materials from the Kurgans of the Lower Volga Region of the 13th-15th Centuries)]. *Arheologiya vostochnoevropeyskoy stepi* [Archaeology of the Eastern European Steppe], vol. 4. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., pp. 214-239.
- Rafikova Ya.V., Fedorov V.K., 2017. *Kurgany Yuzhnogo Zauralya. Kn. I. Uchalinskiy i Abzelilovskiy rayony Respubliki Bashkortostan* [The Southern Trans-Ural Kurgans. Book 1. Uchalinskiy and Abzelilovskiy Districts of the Bashkortostan Republic]. Ufa, Kitap Publ. 244 p.
- Savelev N.S., 1998. K voprosu o poselencheskih pamyatnikah rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [On the Question of the Settlement Monuments of the Early Nomads of the South Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 1, pp. 53-57.
- Savelev N.S., 2000a. Kamennye kurgany vostochnykh predgoriy Yuzhnogo Urala i nekotorye voprosy formirovaniya prokhorovskoy kultury [Stone Mounds of the Eastern Foothills of the South Urals and Some Issues of the Prokhorov Culture Formation]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 2, pp. 17-48.
- Savelev N.S., 2000b. Kurgany Baishevskoy doliny v kontekste kulturogeneza rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [Mounds of the Baishevskoe Valley in the Context of the Cultural Genesis of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Rannesarmatskaya kultura: formirovaniye, razvitiye, khronologiya: materialy IV Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii». Vyp. 1* [Early Sarmatian culture: Formation, Development and Chronology. Proceedings of the 4th International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Samara, SSC RAS, pp. 41-52.
- Savelev N.S., 2003. Gorno-dolinnye landshafty hrebta Irendyk kak faktor sohraneniya etnokulturnykh izolyatov v epohu rannih kochevnikov [Mountain-Valley Landscapes of the Irendyk Ridge as a Factor in the Preservation of Ethnocultural Isolates in the Early Nomads Era]. *Chelovek v prostranstve drevnih kultur: materialy Vseros. nauch. konf.* [Man in the Space of Ancient Cultures. Materials of All-Russian Scien. Conf.]. Chelyabinsk, CSU, pp. 15-16.
- Savelev N.S., 2006a. Irendyksko-krykhtinskaya gruppa kochevnikov Yuzhnogo Urala: kriterii vydeleniya i poiskovye priznaki pamyatnikov [The Irendyk-Krykhta Group of Nomads of the Southern Urals: Criteria for Identification and Search Signs of Monuments]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy III Region. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Materials of the III Regional (with International Participation) Scien. and Pract. Conf.]. Chelyabinsk, CSU, pp. 80-83.
- Savelev N.S., 2006b. Kurgan epohi rannih kochevnikov Kushalykuak-1 v vostochnykh predgoryah hrebta Irendyk [Kurgan of the Early Nomads Era Kushalykuak-1 in the Eastern Foothills of the Irendyk Ridge]. *Yuzhnyy Ural i sosednyye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: sb. st. k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka* [Southern Ural and Adjacent Regions in Scythian-Sarmatian Time. The Collected Papers to the 70th Anniversary of Anatoliy Haritonovich Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., pp. 92-104.
- Savelev N.S., 2007. Poselenie rannesakskogo vremeni Ulek-Hasy-2 v gorno-stepnoy zone Yuzhnogo Zauralya [Settlement of the Early Saka Time Ulek-Khazy-2 in the Mountain-Steppe Zone of the Southern Trans-Urals]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzhya* [Archaeological Monuments of the Orenburg Region], vol. 8. Orenburg, OGPU, pp. 93-98.
- Savelev N.S., 2015a. Poselencheskie pamyatniki kochevnikov skifo-sarmatskogo vremeni v yuzhnoy chasti gorno-lesnoy zony Yuzhnogo Urala [Settlement Monuments of Scythian-Sarmatian Time Nomads in Southern Mountain and Forest Area of South Ural]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 15, pp. 62-84.
- Savelev N.S., 2015b. Poseleniya rannesakskogo vremeni Yuzhnogo Zauralya [Settlements of the Early Saka Time of the Southern Trans-Urals]. *Sakskaya kultura Saryarki d kontekste izucheniya etnosotciokulturnykh*

- protcessov stepnoy Evrazii* [Saka Culture of Saryarka in the Context of Studying the Ethnosocial and Cultural Processes of the Steppe Eurasia]. Almaty, NITcIA “Begazy-Tasmola”, pp. 246-254.
- Savelev N.S., 2017. O proiskhozhdenii ubalarskogo kulturnogo tipa v lesostepi Yuzhnogo Priuralya [A Contribution to the Origin of Ubalar Cultural Type in the Forest-Steppe of Southern Cisurals]. *Ufimskiy arkhеologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 17, pp. 18-38.
- Savel'ev N.S., 2019a. Detskie pogrebeniya kochevnikov Yuzhnogo Urala serediny I tys. do n.e. [Child Burials of the South Urals Nomads of the Mid-First Millennium BC]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], no. 1 (62), pp. 55-62. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1\(62\)-55-62](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-55-62).
- Savelev N.S., 2019b. Yuzhnyy Ural v I tys. do n.e. – osobaya kontaktnaya zona na kraynem vostoке Evropy [Southern Urals in the I Millennium BC as a Special Contact Zone in the Far East of Europe]. *Ufimskiy arkhеologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 19, pp. 39-50.
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya: problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt* [Asian Sarmatia: Problems of Chronology and Its Historical Aspect]. Saratov, Saratov University. 300 p.
- Smirnov K.F., 1961. *Vooruzhenie savromatov* [Weapons of the Sauromatian]. Materialy i issledovaniya po arkhеologii SSSR. No 101. Moscow. 163 p.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannyya istoriya i kultura sarmatov* [Sauromats. Early History and Culture of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 379 p.
- Smirnov K.F., 1975. *Sarmaty na Ilike* [Sarmatians on the Ilek River]. Moscow, Nauka Publ. 176 p.
- Smirnov K.F., 1977. Orskie kurgany rannih kochevnikov [The Orsk Kurgans of Early Nomads]. *Issledovaniya po arkhеologii Yuzhnogo Urala* [Research in the Archeology of the South Urals]. Ufa, BF AS USSR, pp. 3-51.
- Smirnov K.F., 1984. *Sarmaty i utverzhdenie ih politicheskogo gosподstva v Skifii* [The Sarmatians and Establishment of their Political Reign in the Scythia]. Moscow, Nauka Publ. 184 p.
- Sungatov F.A., Safin F.F., 1995. Issledovaniya kurgannykh mogilnikov v Zauralye v 1991 g. [Investigation of Kurgans in the Trans-Urals in 1991]. *Nasledie vekov* [The Legacy of the Ages], vol. 1. Ufa, NM RB, pp. 58-63.
- Tairov A.D., 2004. Periodizatsiya pamyatnikov rannih kochevnikov Yuzhnogo Zauralya 7–2 vv. do n.e. [Periodization of Monuments of Early Nomads of the Southern Trans-Urals 7-2 Centuries BC]. *Sarmatskie kultury Evrazii: problemy regionalnoy khronologii: dokl. k 5-y Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkhеologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports Int. Conf. “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Krasnodar, OOO “Firma HCC”, pp. 3-21.
- Tairov A.D., 2006. Saki Priuralya v stepyakh Yuzhnogo Priuralya (po materialam mogilnika Marovyy Shlyah) [Saki of the Aral Sea Region in the Steppes of the Southern Trans-Urals (on the Materials of Kurgan Marovyy Shlykh)]. *Yuzhnyy Ural i sopredelnye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: sb. st. k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka* [Southern Ural and Adjacent Regions in Scythian-Sarmatian Time. The Collected Papers to the 70th Anniversary of Anatoliy Haritonovich Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., pp. 76-91.
- Tairov A.D., 2017. Rannie kochevniki Zhayyk-Irtyshskogo mezhdurechya VIII–VI vv. do n.e. [Early Nomads of the Zhayyk-Irtysh Interfluvium in VIII–VI cc. BC]. *Materialy i issledovaniya po kulturnomu naslediyu* [Cultural Heritage: Materials and Researches]. Vol. VIII. Astana, Kazakh Research Institute of Culture. 392 p.
- Ushakov A.M., 2013. Simvolizatsiya konya v pogrebalnom rituale rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala v V–IV vv. do n.e. [Symbolization of a Horse in a Funeral Ritual of South Ural Early Nomads In V–IV Century B. C.]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo GU. Seriya «Socialno-gumanitarnye nauki»* [Bulletin of South Ural State University. Humanities and Social Sciences Series], vol. 13, no. 1, pp. 64-70.
- Fedorov-Davydov G.A., 1966. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlastyu zolotoordynskikh hanov* [East European Nomads under the Reign of Golden Horde Khans]. Moscow, MSU. 276 p.
- Habdulina M.K., 1994. *Stepnoe Priishimye v epokhu rannego zheleza* [Steppe Ishim in the Early Iron Age]. Almaty, Gylym Publ. 170 p.
- Yagodin V.N., 1982. Arkhеologicheskoe izucheniye kurgannykh mogilnikov Kaskazhol i Berniyaz na Ustyurte [Archaeological Study of the Kaskazhol and Berniyaz Kurgan Cemeteries on Ustyurt]. *Arkhеologiya Priuralya* [Archeology of the Aral Sea Region], vol. I. Tashkent, pp. 39-81.
- Yagodin V.N., 2008. Kochevniki i Horezm v Priaralskom mikrorayone v IV–III vv. do n.e. – IV–V vv. n.e. [Nomads and Khorezm in the Aral Microdistrict in the IV–III Centuries BC. – IV–V Centuries AD]. *Arkhеologiya Priuralya. Kompleks arkhеologicheskikh obyektov na vozvysheynosti Krantau* [Archeology of the Aral Sea Region. A Complex of Archaeological Sites on the Krantau Upland], vol. VII. Tashkent, FAN Publ., pp. 116-124.

Information About the Author

Vitaliy N. Vasilev, Candidate of Sciences (Historical), Independent Researcher, Bonn, Federal Republic of Germany, sarmat1963@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3131-5326>

Информация об авторе

Виталий Николаевич Васильев, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Бонн, Федеративная Республика Германия, sarmat1963@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3131-5326>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.8>

UDC 903'1(47+57):687.078
LBC 63.442.1(2)-41

Submitted: 08.09.2020
Accepted: 24.11.2020

TWO FIBULAE FROM “EARLY-SARMATIAN” BURIALS OF THE NORTH-WESTERN BLACK SEA REGION

Viktor V. Kropotov

Institute of Archaeology of the Crimea (RAS), Simferopol, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the metal fibulae found in 2 burials: the first one in the burial No. 4 from the Kholmskoe cemetery and the second one in the burial No.7 from the kurgan No. 1 near to the Nikolskoe village. These burials appear in most of the generalizing works as the most ancient Sarmatian monuments of the North-Western Black Sea Region, although their exact date is still debatable. Furthermore, the researchers date the complex from the burial Kholmskoe to the different time periods such as: the beginning / first half/ the end of the 1st century BC, or even later time. While the burial near to the Nikolskoe village is dated by various time intervals – from the second half of the 3rd century BC to the middle of the 2nd century BC. Acquaintance with the original fibula from the burial No. 4 of the Kholmskoe cemetery, stored in the Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine, has allowed the author to identify this sample with the latest form of fibula of the Early La Tene scheme, which existed in the 2nd century BC, possibly in the second half of this century. Additionally, the fibula from the burial No.7 of the kurgan close to the Nikolskoye village should be dated within the 2nd century BC, since it belongs to the “dismembered” fibulae of the Middle La Tene scheme. It is important to highlight that both items, regardless of their narrow dating, are undoubtedly more ancient artifacts compared to the majority of fibulae of the Northern Black Sea region, marking the earliest Sarmatian monuments in the region. Sarmatian antiquities, which are synchronous to the mentioned particular artifacts are inherent only to the Volga-Don steppes and further to the east. In this regard, it is more relevant to correlate the studied complexes under consideration with the simultaneous and territorially close monuments of the Tiraspol group, reasonably associated with the Late Scythian culture.

Key words: North-Western Black Sea Region, cemetery, kurgan, barrow, fibula, Late Scythians, Sarmatians, Hellenistic period.

Citation. Kropotov V.V., 2020. Dve fibuly iz «rannesarmatskih» pogrebeniy Severno-Zapadnogo Prichernomor'ya [Two Fibulae from “Early-Sarmatian” Burials of the North-Western Black Sea Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 153-163. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.8>

УДК 903'1(47+57):687.078
ББК 63.442.1(2)-41

Дата поступления статьи: 08.09.2020
Дата принятия статьи: 24.11.2020

ДВЕ ФИБУЛЫ ИЗ «РАННЕСАРМАТСКИХ» ПОГРЕБЕНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Виктор Валерьевич Кротов

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

© Кротов В.В., 2020

Аннотация. В статье анализируются металлические застежки-фибулы из погребения 4 грунтового могильника Холмское и погребения 7 из кургана 1 у с. Никольское. Эти захоронения фигурируют в большинстве обобщающих работ в качестве наиболее древних сарматских памятников Северо-Западного Причерноморья, хотя их точная датировка до сих пор остается дискуссионной. Так, комплекс из Холмского исследователи относят то к началу / первой половине I в. до н.э., то к концу этого столетия, то к еще более позднему времени, а погребение из Никольского датируют различными временными промежутками от второй половины III в. до н.э. до середины II в. до н.э. Ознакомление с оригиналом фибулы из погребения 4 могильника Холмское, хранящимся в Одесском археологическом музее НАН Украины, позволило автору отождествить

данный образец с наиболее поздней формой фибул раннелатенской схемы, бытовавшей во II в. до н.э., возможно – второй половине этого столетия. Также в пределах II в. до н.э., по-видимому, следует датировать и фибулу из погребения 7 кургана 1 у с. Никольское, относящуюся к «расчлененным» застежкам среднелатенской схемы. Важно подчеркнуть, что оба изделия, независимо от их узкой датировки, несомненно являются более древними артефактами по сравнению с основным массивом фибул Северного Причерноморья, маркирующих самые ранние сарматские памятники региона. Синхронные им древности сарматов известны только в волго-донских степях и далее к востоку. В этой связи рассматриваемые комплексы логичнее соотнести с одновременными и территориально близкими им памятниками Тираспольской группы, обоснованно связываемыми с позднескифской культурой.

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, могильник, курган, погребение, фибула, поздние скифы, сарматы, эллинистический период.

Цитирование. Кротов В. В., 2020. Две фибулы из «раннесарматских» погребений Северо-Западного Причерноморья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 153–163. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.8>

Среди погребальных памятников Северного Причерноморья, традиционно связываемых с раннесарматской культурой, особого внимания заслуживают два комплекса, расположенные в западной части региона на значительном удалении от других раннесарматских захоронений и отличающиеся от них рядом индивидуальных особенностей. Это погребение 4 из грунтового могильника у с. Холмское, открытое вблизи дельты р. Дунай [Гудкова, Фокеев, 1984, с. 8–10], и погребение 7 в кургане 1 у с. Никольское на левобережье р. Днестр [Levinschi, Agulnicov, 1998, р. 87; Агульников, Сава, 2004, с. 11–12].

Первое из них совершено в могиле с «заплетиками» головой на юго-запад и, возможно, первоначально было перекрыто невысокой курганной насыпью, полностью распаханной до начала раскопок. Усопшую (ее возраст не определен) сопровождал достаточно многочисленный инвентарь, состоящий из гончарного красноглиняного кувшина, двух серебряных двухвитковых проволочных браслетов с концами, украшенными в виде змеиных головок, двух проволочных полуторавитковых браслетов с гладкими концами, серебряной фибулы, золотых умбововидных бляшек, железных ведровидных подвесок, разнообразных бус и пр. (рис. 1).

Второе погребение находилось в насыпи кургана эпохи энеолита на небольшой глубине, контуры вмещавшего его погребального сооружения проследить не удалось. При покойном (ребенке 4–6 лет), ориентированном головой на юг, обнаружены только лепной сосуд и бронзовая фибула (рис. 3).

Оба памятника играют большую роль в определении времени проникновения сарматов в Северо-Западное Причерноморье и в этноисторической реконструкции связанных с этим событий. Вместе с тем точная датировка захоронений до сих пор остается дискуссионной, а их интерпретация в качестве древностей сарматского круга – во многом интуитивной.

Важно отметить, что в указанных комплексах были найдены металлические застежки-фибулы, являющиеся общепризнанными точными и надежными хронологическими индикаторами. Настоящее сообщение посвящено их типолого-хронологическому анализу с целью уточнения датировки данных захоронений.

Обе фибулы опубликованы и достаточно подробно описаны [Гудкова, Фокеев, 1984, с. 8, 23, рис. 2, 11; Levinschi, Agulnicov, 1998, р. 87–89, fig. 1, 2].

Фибулу из погребения 4 грунтового могильника у с. Холмское, сохранившуюся лишь фрагментарно, авторы раскопок памятника А.В. Гудкова и М.М. Фокеев идентифицировали как застежку среднелатенской схемы со свободным концом ножки, скрепленным со спинкой с помощью скрепы-муфты, и датировали I в. до н.э. [Гудкова, Фокеев, 1984, с. 8, 23]. Предложенное ими типологическое определение стало общепринятым (см., например: [Щукин, 1989а, с. 35, 37; Гросу, 1990, с. 41; Дзиговский, 1993, с. 55]). Именно как гладкая скрепленная фибула среднелатенской схемы застежка вошла в свод фибул юга Восточной Европы сарматского времени, подготовленный автором [Кротов, 2010,

с. 44–45]. Дискуссия развернулась лишь по поводу датировки всего комплекса в целом – его предлагали относить либо к началу / первой половине I в. до н.э. [Симоненко, 1994, с. 35, 45; Дзиговский, 2003, с. 69], либо к концу этого столетия [Щукин, 1989а, с. 37; 1989б, с. 70; Гросу, 1990, с. 41; Дзиговский, 1993, с. 71], либо даже к еще более позднему времени [Кропотов, 2001, с. 187; Сергацков, 2007, с. 410].

Ознакомление с оригиналом, хранящимся в Одесском археологическом музее НАН Украины, позволило иначе интерпретировать этот предмет.

Как уже было указано выше, фибула представлена не полностью. В фондах ОАМ (№ 54620) хранится только ее корпус с симметричной восьмивитковой пружиной, намотанной на бронзовую ось; тетива верхняя. Прямая прямоугольная в сечении спинка изделия резко изогнута перед пружиной и несколько нависает над ней. Плавно сужающийся корпус переходит в ножку, сгибаясь под прямым углом. На корпусе частично сохранилась припаянная к нему дополнительная пластина, полностью повторяющая его по форме. Ножка, приемник и игла фибулы утрачены. Длина сохранившегося фрагмента 5,9 см, высота 2,2 см, максимальная ширина корпуса 0,5 см (рис. 2, 1–4).

Первое, что следует отметить при анализе описываемого экземпляра, – это форма спинки, не типичная для гладких скрепленных фибул среднелатенской схемы, к которым принято относить данный образец. Она прямоугольная в сечении, а не круглая проволочная, как у всех фибул указанной группы. Вместе с тем аналогичные уплощенные спинки-дужки хорошо известны у фибул раннелатенской схемы и некоторых форм среднелатенских «расчлененных», широко бытовавших в предшествующее время (см., например: [Кропотов, 2010, рис. 17, 1–3, 23, 4]).

Вторая важная особенность данного изделия – отсутствие на корпусе каких-либо следов скрепы или муфты, с помощью которой к спинке мог быть прикреплен свободный конец ножки. А.В. Гудкова и М.М. Фокеев, скорее всего, указали на ее наличие лишь гипотетически, основываясь на интерпретации накладной пластины на корпусе как свобод-

ного конца ножки, скрепленного со спинкой с ее помощью.

К сожалению, ни ножка, ни приемник фибулы не сохранились, что существенно затрудняет типологическое определение изделия. Однако об их первоначальной форме можно судить по фотографии, представленной в отчете о полевых исследованиях могильника [Гудкова и др., 1978, табл. 67, 10], на которой застежка изображена еще до очистки от патины и реставрации, частично укрытая остатками ткани (рис. 2, 5). На фотографии хорошо заметна ровная прямая ножка со свободным концом, загнутым вверх под острым углом. И хотя эта деталь в месте соединения с корпусом уже надломана и смещена со своего первоначального положения, достаточно отчетливо видно, что ее конец закруглен, не доходит до края спинки и не соединен с дополнительной пластиной, припаянной к корпусу. На этом же фото присутствует и отпавшая от ножки часть с приемным аппаратом. Этот элемент представляет собой отогнутый от края ножки выступ-язычок, что необычно для гладких фибул среднелатенской схемы, имеющих, как правило, приемник-«лодочку», зато весьма характерно для тех же фибул раннелатенской схемы и отдельных форм среднелатенских «расчлененных», для которых типичен низкий прямоугольный в плане корпус с уплощенным сечением спинки.

Указанные признаки явно противоречат интерпретации рассматриваемого образца как гладкой скрепленной фибулы среднелатенской схемы. Напротив, такие отличительные черты, как низкий прямой корпус, прямоугольное сечение спинки, восьмивитковая пружина с верхней тетивой, не закрепленный на корпусе свободный конец ножки, приемник в виде язычка-выступа и т. д., сближают рассматриваемую фибулу с наиболее поздними формами застежек раннелатенской схемы, хорошо известными по находкам в позднеэллинистических захоронениях Ольвии и позднескифских склепах-катакомбах из Центрального и Северо-Западного Крыма (рис. 2, 7–9) [Фурманська, 1953, с. 78, табл. 1, 5–10; Амброз, 1966, с. 21, табл. 1, 12; Михлин, 1980, с. 195–197, рис. 1, 1–8; Храпунов, Мульд, 2004, с. 255, рис. 12, 4; Кропотов, 2010, с. 38, рис. 17, 1–3]. Погребальный инвентарь этих захоронений

позволяет датировать данные изделия в пределах II в. до н.э., предположительно – второй половиной столетия [Кропотов, 2010, с. 38–39]. По-видимому, к этому же временному промежутку следует относить и фибулу из погребения 4 могильника Холмское.

Особого внимания заслуживает любопытная особенность рассмотренной фибулы, а именно – наличие накладной пластины на ее корпусе. Схожий элемент был встречен лишь однажды – на аналогичном, к сожалению так же сильно фрагментированном, образце из склепа 34 Беляусского могильника [Михлин, 1980, рис. 1,6; Дашевская, 2014, табл. 20,16]. На других застежках подобная черта не отмечена – дужки абсолютно всех фибул одночастные. В этой связи аргументированно обосновать функциональное предназначение указанного элемента не представляется возможным, однако с высокой долей вероятности можно предположить, что его появление связано с ремонтом изделия.

Как известно, из-за постоянной механической нагрузки многие части фибулы быстро изнашивались и приходили в негодность. Чаше других повреждения получали пружина и игла. Следы их ремонта заметны на многих застежках, в частности на идентичных образцах из склепа 17 Беляусского могильника и катакомбы 18 могильника Левадки (рис. 2,9) [Михлин, 1980, рис. 8,7; Дашевская, 2014, табл. 43,7; Храпунов, Мульд, 2004, рис. 12,4]. Оба украшения были поломаны в месте перехода пружины в иглу. Чтобы продлить срок их службы, древний мастер из отдельного куска железной проволоки изготовил новую иглу, которую свободным концом закрепил на головке фибулы [Кропотов, 2012, с. 87–88]. Застежка из погребения 4 могильника Холмское, по-видимому, получила повреждение в месте соединения корпуса с ножкой. Чтобы как можно прочнее скрепить распавшиеся части, мастер выковал для фибулы дополнительную деталь – накладную пластину, с помощью которой надежно соединил между собой корпус и ножку изделия. Новый конструктивный элемент принял на себя всю механическую нагрузку, позволив использовать образец и в дальнейшем.

И хотя на данный момент отсутствие близких аналогий не позволяет подкрепить

высказанное предположение конкретным примером, не исключено, что в будущем с увеличением числа находок появятся новые образцы, не только подтверждающие, но и дополняющие предложенную трактовку.

Не менее дискуссионной является проблема датировки фибулы из погребения 7 в кургане 1 у с. Никольское. Застежка сохранилась хорошо: она проволочная, одночленная, имеет среднелатенскую конструкцию. Свободный конец ее ножки загнут вверх, закручен в пятивитковую спираль, растянутую вдоль спинки, и завязан на головке фибулы. Пружинный аппарат – восьмивитковый с внешней тетивой, приемник – односторонний, в виде лодочки (рис. 3,3). Многочисленные аналогии среди кельтских фибул периода Латен C1 позволили исследователям отнести образец к достаточно раннему времени. Так, М.Б. Щукин датировал его последней четвертью III – первой половиной II в. до н.э. [Щукин, 1989а, с. 33], В.И. Гросу – второй половиной III – началом II в. до н.э. [Grosu, 1995, p. 167], А.Г. Левинский и С.М. Агульников – II в. до н.э., скорее всего серединой этого столетия [Levinschi, Agulnicov, 1998, p. 89–91]. При этом точка зрения двух последних авторов объяснялась не столько поздним временем бытования привлеченных ими аналогий, сколько желанием «подтянуть» дату всего комплекса к датировкам остальных сарматских памятников региона, отнесенных к первым векам н.э., чтобы свести к минимуму разделяющий их временной промежуток [Levinschi, Agulnicov, 1998, p. 89].

Здесь следует отметить, что достаточно близкий аналог рассматриваемого образца происходит из погребения 2 кургана 33 некрополя у с. Глиное, расположенного всего в 20 км к югу от с. Никольское [Тельнов и др., 2016, с. 232, рис. 117,8]. Эта застежка также имеет среднелатенскую конструкцию, украшена аналогичной проволочной спиралью, являющейся продолжением ножки, но отличается более широкой пластинчатой спинкой и иной формой приемника, имеющего вид язычка-выступа, ножка дополнительно украшена ложной пружиной (рис. 4,1). Эта находка датируется второй – третьей четвертями III в. до н.э. на основе наличия в комплексе с ней гераклейской амфоры, бронзовых трехлопастных втуль-

чатых наконечников стрел, глазчатых бус и пр. [Тельнов и др., 2016, с. 955–956].

Более близкий в типологическом плане образец – проволочная фибула с идентичным по форме приемником и спиральным украшением на спинке, имеющая лишь несколько большие размеры (рис. 4,2), – известен в склепе 50 Беляусского могильника [Дашевская, 2014, с. 34, табл. 78,8]. Надежно датированных находок вместе с ним встречено не было. Б.Ю. Михлин отнес застежку ко второй половине II в. до н.э., опираясь только на хронологические разработки Я. Филипа [Михлин, 1980, с. 209]. Последние ныне заметно откорректированы: К.В. Каспарова, М.Б. Щукин, В.Е. Еременко и другие исследователи датируют подобные украшения в основном в пределах конца III – первой половины II в. до н.э. [Каспарова, 1993, с. 170 и сл.; Щукин, 1994, с. 50–51; Еременко, Щукин, 1998, с. 70]. В соответствии с их построениями беляусскую фибулу также необходимо отнести к более раннему периоду, однако материалы, которые могли бы безоговорочно подтвердить такое уточнение, на Беляусском могильнике отсутствуют. В этой связи застежку из Беляуса, типологически, несомненно, более позднюю, чем образец из Глиного, в настоящее время следует осторожно датировать II в. до н.э., никак не сужая этот временной интервал без дополнительных уточняющих материалов.

В свою очередь, фибула из погребения 7 кургана 1 у с. Никольское по своим конструктивным особенностям, безусловно, располагается хронологически ближе к застежке из Беляуса, чем к образцу из Глиного, а потому ее также следует датировать скорее II в. до н.э., чем второй половиной или концом предшествующего столетия.

Важно подчеркнуть, что вне зависимости от того, какие именно узкие датировки для обеих рассмотренных фибул мы предложим, они, несомненно, останутся более ранними по сравнению с основным массивом фибул из раннесарматских памятников Северного Причерноморья, представленных более поздними типами – гладкими проволочными застежками среднелатенской схемы, ранними формами лучковых подвязных фибул, так называемыми воинскими и др. [Кропотов, 2016, с. 103–105]. А поскольку последние маркируют наиболее

древние сарматские памятники региона, комплексы из Холмского и Никольского, в случае их сарматской атрибуции, оказываются самыми ранними не только в Поднестровье – Подунавье, но и во всем Северном Причерноморье в целом. Синхронные им бесспорно сарматские древности известны лишь в волгодонских степях и далее к востоку, на удалении не менее чем в тысячу километров (!).

В этой связи погребение 4 из могильника Холмское и погребение 7 из кургана 1 у с. Никольское логичнее соотносить с синхронными и территориально близкими им памятниками Тираспольской группы, для которых характерны сходные черты погребального обряда, в частности: положение усопшего вытянуто на спине, его меридианальная (в том числе южная) ориентировка, подстилка из растительного материала и пр. (см., например: [Тельнов и др., 2016, с. 764, 772]). При этом отсутствие в Никольском типичной для Тираспольских курганов могилы камерного типа не должно смущать, так как тип погребального сооружения этого захоронения остался неизвестным. Могила погребения 4 из некрополя Холмское своей трапециевидной формой, значительной глубиной и наличием «заплечиков» очень напоминает входные ямы катакомб III типа, наиболее характерные для Тираспольских памятников [Тельнов и др., 2016, с. 676–683]. В этой связи нельзя исключать, что данное сооружение также начинали строить как катакомбу, однако строительство по какой-то причине не довели до конца, и захоронение в итоге осуществили на дне незавершенного погребального сооружения, получившего внешне сходство с «заплечиковой» могилой.

Таким образом, подробный типолого-хронологический анализ металлических застежек-фибул из погребения 4 грунтового могильника Холмское и погребения 7 кургана 1 у с. Никольское позволил не только уточнить существующие датировки этих комплексов, наметив их в пределах II в. до н.э., но и поставить вопрос об иной их культурной атрибуции. По всей видимости, данные захоронения следует исключить из списка ранних сарматских памятников Северо-Западного Причерноморья и отнести к кругу древностей Тираспольской группы, обоснованно связываемой с позднескифской культурой.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

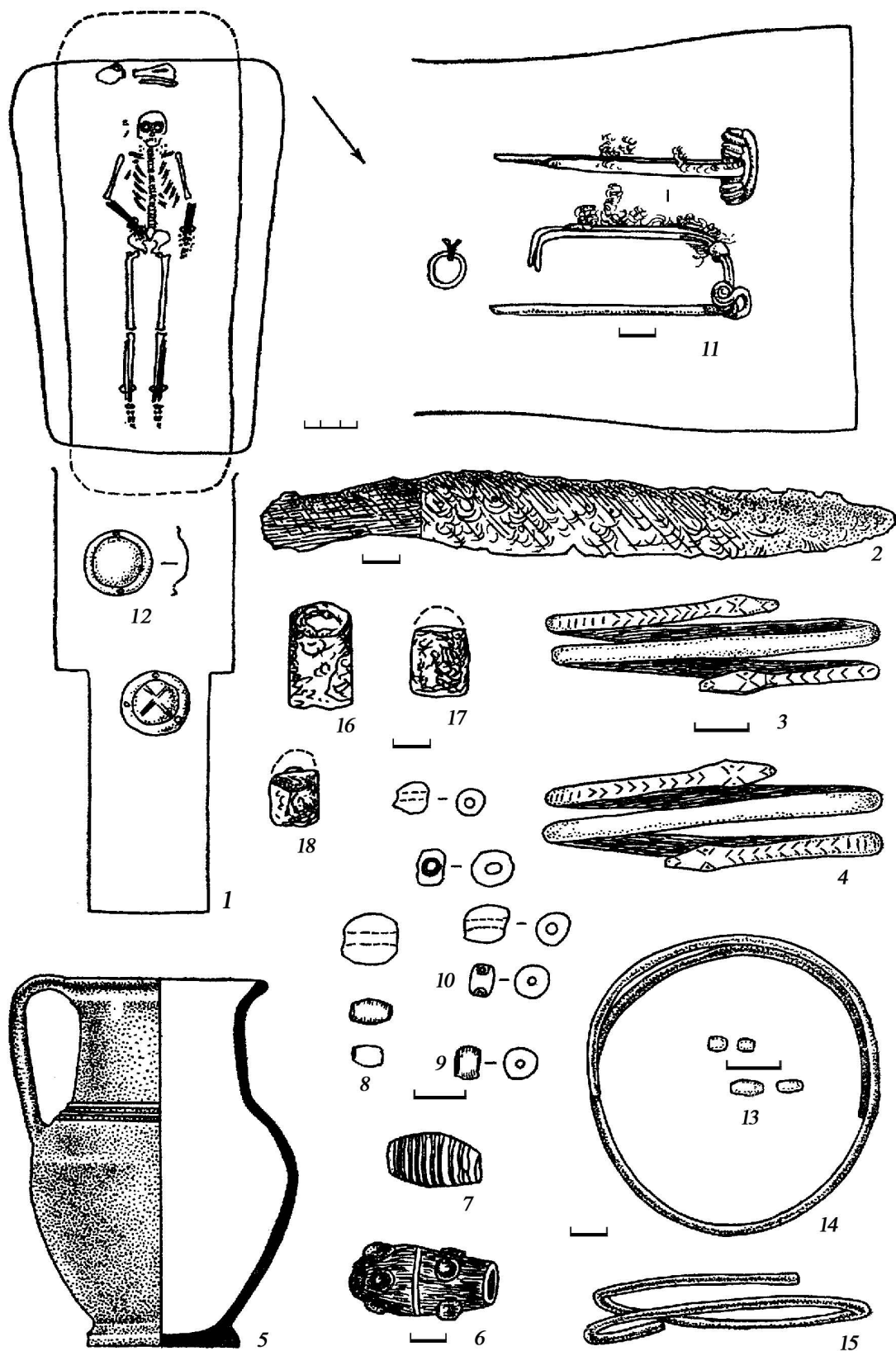

Рис. 1. План и инвентарь погребения 4 могильника Холмское (по: [Гудкова, Фокеев, 1984, рис. 2])
Fig. 1. The plan and grave goods of burial 4 from Kholmское cemetery (after: [Gudkova, Fokeyev, 1984, fig. 2])

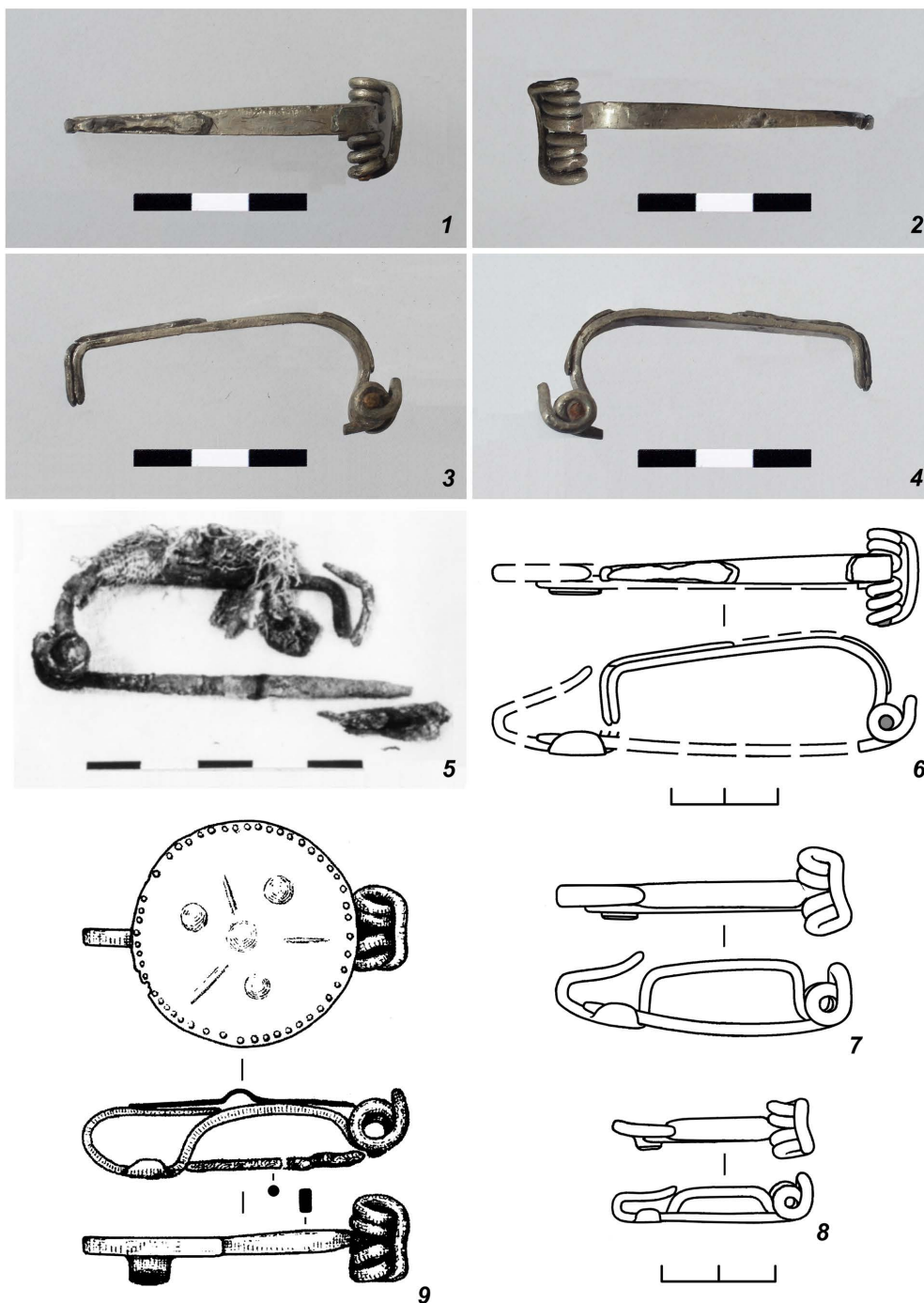

Рис. 2. Фибулы раннелатенской схемы из погребальных памятников Северного Причерноморья:

- 1–4 – погребение 4 могильника Холмское (фото Д.А. Масюты);
- 5 – погребение 4 могильника Холмское (по: [Гудкова и др., 1978, табл. 67,10]);
- 6 – погребение 4 могильника Холмское (реконструкция В.В. Кропотова);
- 7, 8 – склеп 1 Беляуского могильника (по: [Кропотов, 2010, рис. 17,1–2]);
- 9 – катакомба 18 Левадковского могильника (по: [Храпунов, Мульд, 2004, рис. 12,4])

Fig. 2. Fibulae of Early-Laten scheme from funeral monuments at North Pontic Region:

- 1–4 – burial 4 from Kholmskoe cemetery (photo by D.A. Masiuta);
- 5 – burial 4 from Kholmskoe cemetery (after: [Gudkova et al., 1978, taf. 67,10]);
- 6 – burial 4 from Kholmskoe cemetery (reconstruction by V.V. Kropotov);
- 7, 8 – crypt 1 from Belyaus cemetery (after: [Kropotov, 2010, fig. 17,1–2]);
- 9 – catacomb 18 from Levadki cemetery (after: [Khrapunov, Muld, 2004, fig. 12,4])

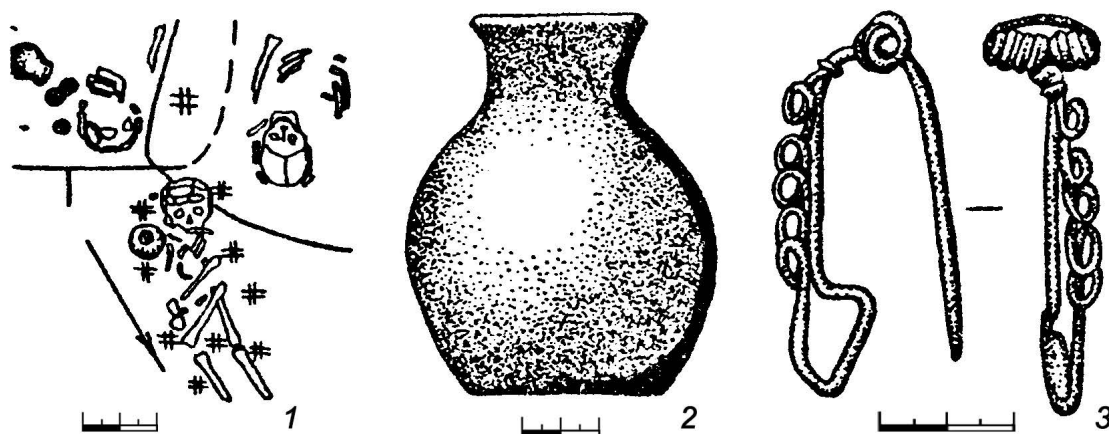

Рис. 3. План и инвентарь погребения 7 из кургана 1 у с. Никольское (по: [Levinschi, Agulnicov, 1998, fig. 1]):

1 – план погребения, 2 – лепной сосуд, 3 – бронзовая фибула

Fig. 3. The plan and grave goods of burial 7 from kurgan 1 near Nikolskoe village (after: [Levinschi, Agulnicov, 1998, fig. 1]):

1 – plan of burial; 2 – hand-made vessel; 3 – bronze fibulae

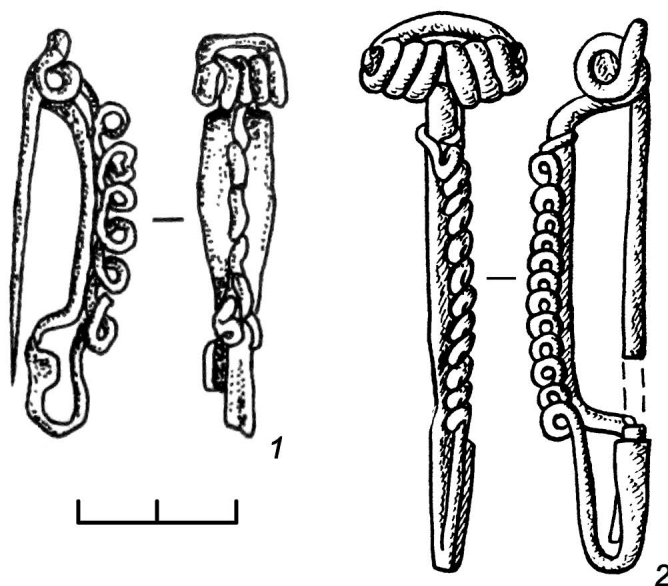

Рис. 4. Фибулы среднелатенской схемы со спиралевидными украшениями:

1 – погребение 2 из кургана 33 у с. Глиное (по: [Тельнов и др., 2016, рис. 117,8]);

2 – склеп 50 Беляуского могильника (по: [Дашевская, 2014, табл. 78,8])

Fig. 4. Fibulae of Middle-Laten scheme with spiral decoration:

1 – burial 2 from kurgan 33 near Glinoe village (after: [Telnov et al., 2016, fig. 117,8]);

2 – crypt 50 from Belyaus cemetery (after: [Dashevskaya, 2014, taf. 78,8])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агульников С., Сава Е., 2004. Исследование курганов на левобережье Днестра. Кишинэу : СЕР USM. 243 p.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. Свод археологических источников. Д1-30. М. : Наука. 150 с.
- Гросу В. И., 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев : Штиинца. 204 с.
- Гудкова А. В., Алексеева И. Л., Тощев Г. Н., Фокеев М. М., Черняков И. Т., 1978. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1978 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 8746 (1978/15). 139 с.
- Гудкова А. В., Фокеев М. М., 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. Киев : Наукова думка. 120 с.
- Дашевская О. Д., 2014. Беляусский могильник. Симферополь : ЧП «Предприятие Феникс». 284 с.
- Дзиговський О. М., 1993. Сармати на заході степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н.е. – першій половині IV ст. н.е. Київ : Інститут археології АН України. 204 с.
- Дзиговский А. Н., 2003. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса : Гермес. 240 с.
- Еременко В. Е., Щукин М. Б., 1998. К вопросу о хронологии восточного Латена и позднего предримского времени // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 33. С. 61–89.
- Каспарова К. В., 1993. О времени возникновения зарубинецкой культуры // Археологические вести. № 2. С. 169–190.
- Кропотов В. В., 2001. Погребение с фибулой среднелатенской схемы из могильника Нейзац // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. С. 182–189.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДЕФ-Украина. 384 с.
- Кропотов В. В., 2012. О ремонте северопричерноморских фибул в сарматское время // Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки» (Київ, 14–16 листопада 2011 г.). Київ. С. 87–92.
- Кропотов В. В., 2016. Фибулы второй половины / конца II в. до н.э. – первой половины I в. н.э. из сарматских погребений Северного Причерноморья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : материалы V Междунар. Нижневолж. археол. конф. Элиста : Изд-во КалмГУ. С. 103–107.
- Михлин Б. Ю., 1980. Фибулы Беляусского могильника // Советская археология. № 3. С. 194–213.
- Сергацков И. В., 2007. Фибулы из погребений Азиатской Сарматии I – первой половины II вв. н.э. // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М. : ТАУС. С. 408–431.
- Симоненко О. В., 1994. Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї // Археологія. № 1. С. 32–48.
- Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С., 2016. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь : Stratum plus. 1096 с.
- Фурманська А. І., 1953. Фібули з розкопок Ольвії // Археологія. Т. VIII. С. 76–94.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А., 2004. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. С. 239–269.
- Щукин М. Б., 1989а. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов) : материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск. С. 31–56.
- Щукин М. Б., 1989б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. н.э. в Центральной и Восточной Европе // Советская археология. № 1. С. 70–83.
- Щукин М. Б., 1994. На рубеже эр. Санкт-Петербург : Фарн. 324 с.
- Grosu V., 1995. Sarmații în spațiul geto-dacic răsăritean // Arheologia Moldovei. T. XVIII. P. 130–187.
- Levinschi A., Agulnicov S., 1998. Complexe sarmatice timpurii în tumulii Nistrului de Jos // Tyragetia. T. VI/VII. P. 87–93.

REFERENCES

- Agulnikov S., Sava E., 2004. *Issledovanie kurganov na levoberezh'e Dnestra* [Exploration of Kurgans on the Left Bank of the Dniester]. Kishineu, СЕР USM. 243 p.

- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly iuga Evropeiskoi chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Brooches of the South of European Part of USSR of 2nd cent. BC – 4th cent. AD]. Svod arkhelogicheskikh istochnikov, Д1-30. Moscow, Nauka Publ. 150 p.
- Grosu V.I., 1990. *Khronologia pamyatnikov sarmatskoy kultury Dnestro-Prutskogo mezhdurechiya* [Chronology of Monuments of the Sarmatian Culture of the Dniester-Prut Interfluvium]. Kishinev, Shtiintsa Publ. 204 p.
- Gudkova A.V., Alekseeva I.L., Toshchev G.N., Fokeev M.M., Chernyakov I.T., 1978. Otchet o rabote Izmailskoy novostroechnoy ekspeditsii IA AN USSR v 1978 g. [The Report on the Work of the Izmail Archaeological Expedition of IAAS USSR in 1978]. *Nauchnyy arkhiv IA NANU*, Д. 8746 (1978/15). 139 p.
- Gudkova A.V., Fokeev M.M., 1984. *Zemledeltsy i kochevniki v nizoviyakh Dunaya I–IV vv. n.e.* [Farmers and Nomads in the Lower Danube in 1st – 4th cent. AD]. Kiev, Naukova dumka Publ. 120 p.
- Dashevskaya O.D., 2014. *Belyausskiy mogilnik* [The Belyaus Cemetery]. Simferopol, ChP “Predpriyatie Feniks” Publ. 284 p.
- Dzigovskiy O.M., 1993. *Sarmaty na zakhodi stepovogo Prichornomoriya naprykintsi I st. do n.e. – pershiy polovyni IV st. n.e.* [The Sarmatians in the West of North Pontic Region Steppe at the End of 1st cent. BC – first half of 4th cent. AD]. Kiev, IAASU. 204 p.
- Dzigovskiy A.N., 2003. *Ocherki istorii sarmatov Karpato-Dneprovskikh zemel* [Essays on the History of the Sarmatians in the Carpathian-Dnieper Lands]. Odessa, Germes Publ. 240 p.
- Eremenko V.E., Shchukin M.B., 1998. K voprosu o khronologii vostochnogo Latena i pozdnego predrimskogo vremeni [To the Question of Chronology of the Eastern Laten and Late Pre-Roman Time]. *Arkheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Papers of the State Hermitage], vol. 33, pp. 61-89.
- Kasparova K.V., 1993. O vremeni vozniknoveniya zarubinskoy kultury [About the Time of the Emergence of the Zarubintskaya Culture]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], no. 2, pp. 169-190.
- Kropotov V.V., 2001. Pogrebeniye s fibuloy srednelatenskoj skhemy iz mogilnika Neyzats [The Burial with a Brooch of the Middle-Laten Scheme from the Neizats Cemetery]. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskij sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collected Works], vol. 2, pp. 182-189.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi* [Brooches of the Sarmatian Age]. Kiev, ADEF-Ukraine Publ. 384 p.
- Kropotov V.V., 2012. O remonte severoprichernomorskikh fibul v sarmatskoe vremya [About the Repair of the North Pontic Brooches in the Sarmatian Time]. *Museyni chitannya. Materialy naukovoi konferentsii «Yuvelirne mistetstvo – poglyad kriz viky» (Kuyv, 14–16 lystopada 2011 g.)* [The Museum Readings. The Materials of Scientific Conference “Jewelry Art – Look Through the Ages” (Kiev, 14–16 november 2011)]. Kiev, pp. 87-92.
- Kropotov V.V., 2016. Fibuly vtoroj poloviny/kontsa II v. do n.e. – pervoj poloviny I v. n.e. iz sarmatskikh pogrebenij Severnogo Prichernomor'ya [Brooches of the Second Half / End of 2nd Cent. BC – First Half of 1st Cent. AD from the Sarmatian Burial of North Pontic Region]. *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya. Materialy V Mezhdunarodnoj Nizhnevolzhskoj arkheologicheskoy konferentsii* [The Problems of Archaeology of Lower Volga Region. Materials of the 5th International Lower Volga Archaeological Conference]. Elista, KalmGU, pp. 103-107.
- Mikhlin B.Yu., 1980. Fibuly Belyausskogo mogilnika [Brooches of the Belyaus cemetery]. *Sovetskaya arkheologia* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 194-213.
- Sergatskov I.V., 2007. Fibuly iz pogrebeniy Aziatskoy Sarmatii I – pervoj poloviny II vv. n.e. [Brooches from the Burials of the Asian Sarmatia of 1st – First Half of 2nd Cent. AD]. *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke* [North Caucasus and the World of Nomads in the Early Iron Age]. Moscow, TAUS Publ., pp. 408-431.
- Simonenko O.V., 1994. Rann'osarmatskiy period u Pivnichnomu Prichornomorii [The Early Sarmatian Period in the North Pontic Region]. *Arkheologiya* [Archaeology], no. 1, pp. 32-48.
- Telnov N.P., Chetverikov I.A., Sinika V.S., 2016. *Skifskiy mogilnik III–II vv. do n.e. u s. Glinoe* [Scythian Cemetery of 3rd – 2nd Cent. BC Near Glinoe Village]. Tiraspol, Stratum plus Publ. 1096 p.
- Furmanska A.I., 1953. Fibuly z rozkopok Olvii [Brooches from the Excavations of Olbia]. *Arkheologiya* [Archaeology], vol. VIII, pp. 76-94.
- Khrapunov I.N., Muld S.A., 2004. Katakomby iz mogilnikov Fontany i Levadki v svyazi s proiskhozhdeniem pozdneskifskoy kultury [Catacombs from the Cemeteries of Fontany and Levadki in Connection with the Origin of the Late Scythian Culture]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], vol. XIV, pp. 239-269.

- Shchukin M.B., 1989a. Na zapadnykh granitsakh Sarmatii (nekotorye problemy i zadachi issledovaniya) [On the Western Borders of Sarmatia (Some Problems and Task of Research)]. *Kochevniki evraziyskikh stepey i antichnyy mir (problemy kontaktov). Materialy 2-go arkheologicheskogo seminara* [The Nomads of the Eurasian Steppes and Ancient World (Contact Problems). Materials of 2nd Archaeological Workshop]. Novocherkassk, pp. 31-56.
- Shchukin M.B., 1989b. Sarmaty na zemlyakh k zapadu ot Dnepra i nekotorye sobyitiya I v. n.e. v Tsentralnoy i Vostochnoy Evrope [The Sarmatians in the Lands West of the Dnieper and Some Events of 1st Cent. AD in Central and Eastern Europe]. *Sovetskaya arkheologia* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 70-83.
- Shchukin M.B., 1994. *Na rubezhe er* [On the Turn of Erae]. Saint-Petersburg, Farn Publ. 324 p.
- Grosu V., 1995. Sarmatii în spațiul geto-dacic răsăritean [The Sarmatians in eastern Geto-Dacian space]. *Arheologia Moldovei* [Archaeology of Moldova], vol. XVIII, pp. 130-187.
- Levinschi A., Agulnicov S., 1998. Complexe sarmatice timpurii în tumuli Nistrului de Jos [The Early Sarmatian complexes of the Lower Nistru kurgans]. *Tyragetia* [Tyragetia], vol. VI/VII, pp. 87-93.

Information About the Author

Viktor V. Kropotov, Candidate of Science (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology of the Crimea (RAS), Prosp. Vernadskogo, 2, 295053 Simferopol, Russian Federation, v-kropotov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8317-0272>

Информация об авторе

Виктор Валерьевич Кропотов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Вернадского, 2, 295053 г. Симферополь, Российская Федерация, v-kropotov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8317-0272>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.9>UDC 930.26(270+571)
LBC 63.48(2)Submitted: 22.07.2020
Accepted: 24.11.2020**CHRONOLOGY OF THE SWORDS WITH RING POMMEL
FROM THE MAEOTIAN SITES ON THE RIGHT BANK OF KUBAN RIVER¹****Natalya Yu. Limberis**

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Ivan I. Marchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The article focuses on the chronological analysis of the Maeotian burials, which contained ring-topped swords. Nowadays, there is a wide range of dating of this type of weapon starting from the 1st century BC until the 2nd century AD. Recently, as a result of new excavations, the collection of swords of this type extracted from the Maeotian sites on the right bank of the Kuban river has increased significantly, and it has become possible to clarify their chronology in the region. There were found two types of swords and daggers with a ring pommel (62 pieces): I – with a straight bar-shaped cross-guards; II – no cross-guards. There are also 2 types of blade shape. Swords with a bar-shaped (45 pieces) prevail quantitatively as a result of those excavations. Swords of this type were discovered only in the necropolis of the Spornoye settlement. On the contrary, there was only a single dagger of type II among 11 swords found at the Elizavetinskaya cemetery No. 2. Most of the well-dated assemblages come from the cemeteries of the Spornoye, Starokorsunskaya No. 2 and Elizavetinskaya No. 2 settlements. Only two swords are classified as the earliest pieces, which can be referred to the first half of the 1st century BC, according to the accompanying inventory. Another 8 assemblages are dated around the 1st century BC. It is typical of burials containing swords of the 1st century AD to show the presence of fibulae (“Aucissa” type, enamel-less hinged type, etc.), glass cast skyphos and other dating objects, which help to specify the chronology of the assemblages in many cases. Five burials belong to the first half of the 1st century AD, other 11 burials are dated back to the second half of the 1st century AD. The chronology of the rest assemblages is questionable, but only a few burials can be dated to the beginning – the first half of the 2nd century AD. The swords with ring pommel of the Maeotians from the right Kuban bank prevail in the period from the 1st century BC – the beginning of the 2nd century AD. The latter, most probably indicates that this type of swords with a straight cross-guard was borrowed from the Sarmatians.

Key words: Kuban region, Maeotians, dirt cemetery, swords with ring pommel, chronology.

Citation. Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2020. Hronologiya mechey s kol'tsevym navershiem iz meotskih pamyatnikov pravoberezh'ya Kubani [Chronology of the Swords with Ring Pommel from the Maeotian Sites on the Right Bank of Kuban River]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 164-182. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.9>

УДК 930.26(270+571)
ББК 63.48(2)Дата поступления статьи: 22.07.2020
Дата принятия статьи: 24.11.2020**ХРОНОЛОГИЯ МЕЧЕЙ С КОЛЬЦЕВЫМ НАВЕРШИЕМ
ИЗ МЕОТСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ КУБАНИ¹****Наталья Юрьевна Лимберис**

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Иван Иванович Марченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена хронологическому анализу меотских погребений, содержавших мечи с кольцевыми навершиями. В настоящее время существует большой разброс в датировках этого типа оружия –

от I в. до н.э. до II в. н.э. За последнее время в результате новых раскопок коллекция мечей данного типа из меотских памятников правобережья Кубани значительно увеличилась, появилась возможность уточнить их хронологию в этом регионе. Мечи и кинжалы с кольцевым навершием (62 экз.) представлены двумя типами: I – с прямым брусковидным перекрестием; II – без перекрестия. По форме клинка выделено 2 варианта. Количественно преобладают мечи с брусковидным перекрестием (45 экз.). В некрополе городища Спорное встречены только мечи этого типа. Из 11 мечей, найденных на Елизаветинском могильнике № 2, лишь один относится к типу II. Большинство хорошо датированных комплексов происходит из могильников городищ Спорное, Старокорсунское № 2 и Елизаветинское № 2. К самым ранним экземплярам относятся всего два меча, которые по сопровождающему инвентарю можно датировать первой половиной I в. до н.э. Еще 8 комплексов датируются в пределах I в. до н.э. Для погребений с мечами I в. н.э. характерно присутствие фибул (типа «Авцисса», шарнирных без эмали и др.), стеклянных литых скифосов и других датирующих предметов, что дает возможность во многих случаях конкретизировать хронологию комплексов. К первой половине столетия относятся 5 погребений, 11 датируются второй половиной I в. н.э. Хронология остальных комплексов – широкая, однако только несколько погребений могут по датировке «заходить» в начало – первую половину II в. н.э. Основное время бытования мечей с кольцевым навершием у меотов правобережья Кубани следует ограничить I в. до н.э. – началом II в. н.э. Преобладание мечей с прямым перекрестием, вероятно, свидетельствует о заимствовании этого типа меча у сармат.

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, грунтовый могильник, мечи с кольцевым навершием, хронология.

Цитирование. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2020. Хронология мечей с кольцевым навершием из меотских памятников правобережья Кубани // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.9>

Проблемы хронологии мечей с кольцевым навершием не раз затрагивались в работах разных исследователей, но разрабатывались они главным образом на материалах из сарматских памятников. В классической работе А.М. Хазанова, посвященной сарматскому вооружению, основной период использования мечей и кинжалов этого типа на Северном Кавказе ограничивается I в. до н.э. – I в. н.э., хотя отдельные экземпляры из грунтовых могильников, как он отмечал, могут заходить и во II в. н.э. [Хазанов, 1971, с. 10]. Хронология сарматских мечей с кольцевым навершием успешно разрабатывалась на материалах сарматских памятников Азиатской Сарматии [Скрипкин, 1990, с. 120–125; 2010, с. 336–342; Сергацков, 2007, с. 59, 61].

В данной работе мы не будем затрагивать вопросы датировки мечей с кольцевым навершием из сарматских памятников, а остановимся только на хронологии меотских комплексов правобережья Кубани. Н.В. Анфимов, опираясь на материалы Усть-Лабинского могильника № 2, относил мечи этого типа ко второй половине I в. до н.э. – II в. н.э., отмечая, что в I в. н.э. мечи с кольцевидным навершием постепенно вытесняются мечами без металлического навершия. Нижнюю временную границу он определил, исходя из датировки четвертой хронологической группы погребений [Анфимов, 1951, с. 191, 202]. Хро-

нология мечей с кольцевым навершием из сарматских погребений Нижней Кубани была ограничена И.И. Марченко рамками I в. до н.э. – II в. н.э. При этом привлекались и материалы меотских грунтовых могильников [Марченко, 1996, с. 54–55]. Количество известных в то время погребений было невелико, а комплексов, датирующихся в пределах одного века или половины столетия, еще меньше. Поэтому мы в свое время датировали мечи с кольцевым навершием из памятников Прикубанья I в. до н.э. – II в. н.э. [Лимберис, Марченко, 1989, с. 81]. С.П. Кожухов, опираясь на меотские и сарматские комплексы Закубанья, находки этого типа вооружения датировал I в. до н.э. – серединой II в. н.э. [Кожухов, 1994, с. 7]. М.Ю. Лунев, проанализировав имеющиеся на то время погребения кочевников и оседлого населения Северо-Западного Кавказа, ограничил хронологию мечей с кольцевым навершием второй половиной I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э., не исключив возможность их бытования и в третьей четверти указанного столетия [Лунев, 2005, с. 171]. Следует отметить, что в распоряжении всех вышеназванных исследователей не было надежных хронологических реперов для датировки меотских комплексов с мечами этого типа I в. до н.э.

За последнее время в результате новых раскопок коллекция мечей с кольцевым навершием из Прикубанья значительно увеличи-

лась, и появилась возможность уточнить время их бытования в этом регионе. В данной работе учтено 62 меча с кольцевым навершием из меотских памятников правобережья Кубани: могильников городищ Старокорсунского № 2 (СК–2), хут. Ленина № 1 (Л–1), Усть-Лабинского № 2, (УЛ–2), Воронежского № 3, Пашковского № 5, Спорное (СП), Елизаветинского № 2 (ЕЛ–2)² и Тбилисского № 1.

В этих могильниках мечи и кинжалы с кольцевым навершием представлены двумя типами: I – с прямым брусковидным перекрестием (45 экз.); II – без перекрестия (17 экз.). По форме клинка их можно разделить на два варианта: 1 – с параллельными лезвиями, сужающимися в нижней части клинка, ближе к острию; 2 – с удлиненно-треугольным в плане клинком. Клинки мечей второго типа представлены двумя разновидностями: а – основание клинка срезано под прямым углом к рукояти; б – основание срезано под тупым углом. Рассматриваемые экземпляры различаются размерами. А.В. Симоненко предлагает называть кинжалами экземпляры с длинной клинка до 30 см, а остальные относить к мечам [Симоненко, 2010, с. 32]. В принципе, это условное распределение приемлемо и для меотского клинкового оружия.

Нами выделено 12 экземпляров кинжалов, длина клинков которых колеблется от 20 до 30,5 см. Из них для кинжалов из погребений УЛ–2 № 9/1931 г., 7/1936 г. нам известна лишь общая длина – 28 и 30 см [Анфимов, 1951, с. 197], которая указывает на малые размеры клинков. Остальные экземпляры относятся к мечам, из которых самый большой имеет длину 75 см (размерные характеристики указаны в таблице).

Отметим также, что наблюдаются различия в форме навершия. Большая часть наверший мечей имеет правильную круглую форму кольца, встречаются навершия овальной формы, а один экземпляр из погребения СК–2 № 404з имеет прямоугольно-рамчатое навершие (рис. 3,8). Рукояти у мечей обычно уплощенные, иногда немного расширяющиеся к основанию. Перекрестия узкие, со слабо выступающими концами. Меч из погребения СП № 133 (рис. 1,1) выделяется длинным, слегка изогнутым перекрестием с сильно выступающими, немного расширенными, опу-

щенными концами. Рукоять этого меча квадратного сечения. На некоторых экземплярах сохранились следы деревянных ножен и обкладок рукояти.

К сожалению, технологический анализ мечей не проводился. Лишь на мече из погребения СК–2 № 461з могильника Старокорсунского городища № 2 восстанавливается способ изготовления перекрестия благодаря тому, что на одном конце сварка разошлась. Узкую пластину сгибали пополам, а затем полученную «скобу» заводили сбоку на основание рукояти и клинка, после чего горячей ковкой приваривали к мечу.

О технологии изготовления мечей, которыми пользовалось местное население Северо-Западного Кавказа, дают представление материалы из Цемдолинского некрополя. Три меча с кольцевидным навершием и брусковидным перекрестием из этого памятника были подвергнуты металлографическому изучению. Клинки этих мечей оказались цельностальными. У двух экземпляров это сырцовая сталь, а у одного – высокоуглеродистая цементированная сталь с последующей термической обработкой – твердой закалкой [Розанова, Терехова, 2008, с. 269].

Ранняя группа комплексов (всего – 10) с мечами относится к I в. до н.э. В погребениях этого времени крайне редко встречаются предметы, которые могут сузить хронологические рамки. Главным образом, датировки основываются на местных типах сероглиняных и лепных сосудов.

В погребении СП № 136 вместе с мечом типа I, 2 (рис. 1,2) были найдены псевдокосская амфора [Монахов, 2014, с. 216, 219, рис. 13,64] и литой стеклянный скифос типа Па, варианта 1 [Засецкая, Марченко, 1995, с. 96; Лимберис, Марченко, 2003, с. 108]. Эти находки позволили нам ограничить датировку погребения первой половиной I в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2019а, с. 205, рис. 5,6,7,10].

Для датировки погребения Ел–2 № 192/2013 г. с мечом типа I, 2 определяющей находкой является сероглиняный канфар на низком кольцевом поддоне, форма которого характерна для последней четверти II – начала I в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 238, рис. 23,4, 40,5, 51,4]. Здесь же встречен скарабей из египетского фаянса фиолетового цве-

та с изображением птицы в картуше на обратной стороне (тип 48б), который широко датируется I в. до н.э. – II в. н.э. [Алексеева, 1975, с. 41, табл. 10,2]. На этом основании мы можем ограничить датировку погребения началом или первой половиной I в. до н.э.

Погребения СК–2 № 32в и 246з (рис. 1,8,9) с мечами типа I, 1 могут быть датированы по находке однотипных сероглиняных кувшинов с высоким цилиндрическим горлом и округлым туловом на ложнокольцевом поддоне. Такой же кувшин был найден в погребении СП № 136 [Лимберис, Марченко, 2019, с. 206–207, рис. 4,8]. Этот тип кувшинов, появившийся в последней четверти II в. до н.э., существовал синхронно с боспорскими красноглиняными образцами, от которых были заимствованы трехлепестковое устье и ложновитые ручки. Эти два признака, как и плоское дно, получили развитие в I в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 232, рис. 24,5]. На I в. до н.э. указывает и находка в погребении СК–2 № 32в кухонного горшка с загнутым краем, изготовленного на гончарном круге. Такие горшки в I в. н.э. на Старокорсунском городище уже не производились [Лимберис, Марченко, 2005, с. 240]. Наконечник копья из этого же погребения относится к типу III, 4, IV, 2 по нашей классификации, широко распространенному в I в. до н.э. – I в. н.э., а наконечник дротика типа IIIб с узкой удлиненной головкой и длинными жальцами характерен для II–I вв. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2006, с. 173; 2012, с. 412–413]. Наиболее вероятной датой обоих комплексов представляется I в. до н.э., возможно – его первая половина.

При раскопках А.А. Миллера в 1925 г. на могильнике Усть-Лабинского городища № 2 в погребении № 5 был найден меч типа I, 1. В комплекс вооружения входили также наконечники копья и дротика, лепной горшок, сероглиняные миска и кувшин с носиком-сливом и резным орнаментом [Миллер, 1926, с. 89–90, рис. 14,2–4, 18]. Кувшины с носиком сливом характерны для памятников Усть-Лабинской группы. Н.В. Анфимов, публикуя материалы из разрушенного кургана у ст-цы Воронежской, датировал аналогичный кувшин с резным орнаментом I в. н.э. на том основании, что он без кольцевого поддона, а второй кувшин (верхняя часть горла отбита) с рез-

ным орнаментом на кольцевом поддоне отнес к I в. до н.э. [Анфимов, 1952, с. 78–81, рис. 20,1,3]. Однако современные материалы показывают, что проводить хронологическую границу по рубежу эр для керамических сосудов только по наличию или отсутствию поддонов вряд ли правомерно. Так, в погребении № 96 могильника городища Спорное вместе с кувшином со сливом, без поддона, была найдена амфора «круга Родоса» второй половины II в. до н.э. [Бочковой и др., 2005, с. 173, рис. 4,3,4]. Тип железного наконечника копья (II, 5, IV, 2 по нашей классификации) наиболее широко использовался меотами в период II в. до н.э. – I в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2006, с. 165, рис. 1, 2]. Аналогичный наконечник (II, 5, IV, 1) был встречен в погребении с амфорой прикубанской серии второй половины II в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 228–229, рис. 41,2,3]. На датировку погребения УЛ–2 № 5/1925 г. I в. до н.э. указывает и тип лепного горшка с загнутым краем [Лимберис, Марченко, 2005, с. 240].

Набор сероглиняных сосудов (кружка-кувшинчик, кувшин с ойнохоевидным сливом, миска с вертикальным краем и миска с отогнутым венчиком на поддоне) из погребений Л–1 № 132, 195, 209, 348, 413/1981 г. с мечами типов I, 2; II, 1а; II, 1б и II, 2а (рис. 2,1,5, 3,1,3) позволяет датировать эти комплексы I в. до н.э.

Многочисленную группу составляют погребения I в. н.э. (всего – 26), для которых характерно присутствие фибул и других датированных предметов, что дает возможность во многих случаях конкретизировать хронологию комплексов.

В четырех погребениях среди инвентаря присутствовали стеклянные литые скифосы, типология и хронология которых была разработана И.П. Засецкой и И.И. Марченко [Засецкая, Марченко, 1995, с. 92–97] и довольно надежно себя зарекомендовала. В погребениях СК–2 № 28в кинжалу типа I, 1 (рис. 1,11) сопутствовал скифос типа IIIб, 2. Аналогичный скифос встречен вместе с кинжалом типа I, 2 (рис. 2,8) в погребении Л–1 № 367. Однотипные скифосы дают возможность синхронизировать эти комплексы и ограничить их хронологию первой половиной I в. н.э., чему не противоречит наличие в погребении Л–1

№ 367 серебряного канфара и местных сероглиняных сосудов характерных форм [Лимберис, Марченко, 2019б, с. 237–238, рис. 1–3; Marčenko, Limberis, 2008, S. 297, 386, 387, Kat. Nr. 123, 134].

Одинаковые скифосы (тип Ша, 3), встреченные в погребении ЕЛ–2 № 122/2013 г. с мечом типа I, 2 и в погребении СП № 297/2004 г. с кинжалом этого же типа, также позволяют датировать указанные комплексы первой половиной I в. н.э. [Засецкая, Марченко, 1995, с. 96–97]. Мечу этого же типа I, 2 из погребения ЕЛ–2 № 130/2013 г. сопутствовал сероглиняный биконический кувшин, схожий по основным морфологическим признакам (форме поддона и биконического тулова) с кувшином из ЕЛ–2 № 122/2013 г. Вероятно, оба погребения очень близки по времени, но все-таки для погребения № 130 у нас нет достаточных оснований сужать датировку, поэтому мы относим его к I в. н.э.

Первой половиной I в. н.э. ограничивается хронология погребения СП № 133/2003 г. с мечом типа I, 1 (рис. 1,1), в котором была найдена фибула типа «Авцисса» [Лимберис, Марченко, 2019а, с. 205, 207, рис. 3,6,10].

В погребениях ЕЛ–2 № 182/2013 г. и УЛ–2 № 55/1938 г. вместе с мечами типа I, 1 были найдены римские шарнирные круглые фибулы с крестовидным центром, без эмали [Анфимов, 1951, рис. 18,12]. А.К. Амброз датировал этот тип застёжек второй половиной I – началом II в. н.э. [Амброз, 1966, с. 31, табл. 14,17]. Их западная хронология не выходит за пределы I в. н.э. Э. Этлингер выделила эти фибулы в тип 40, 1 (Radifibeln, einfach) и датировала 20–50 гг. н.э. [Ettlinger, 1973, S. 29, Taf. 12,14]. Аналогичные фибулы из лагеря Камбодунум входят в группу середины I в. н.э. [Schleiermacher, 1993, S. 35, Taf. 22, Kat. Nr. 303–304], а в лагере Август (тип 7. 6) датируются 40–80 гг. н.э. [Riha, 1994, Taf. 78]. Фибулы этого типа присутствуют в погребениях первой половины I в. н.э. некрополей Золотое [Корпусова, 1983, с. 110–111, табл. I,21] и Усть-Альминского городища в Крыму [Высотская, 1994, с. 100, табл. 31, рис. 32]. В.В. Кропотов, опираясь на западные датировки, относит эти фибулы ко второй – третьей четвертям I в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 305]. В елизаветинском погребении вместе с рим-

ской фибулой была найдена лучковая подвязная фибула серии I варианта 2 второй половины I – начала II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 72–74]. Взаимовстречаемость фибул позволяет датировать это погребение, как и Усть-Лабинское, третьей четвертью I в. н.э.

Погребения СП № 262 и 264/2004 г. с мечами типа I, 1 датируются второй третью I в. н.э. на основании находок в них железных «дугоконечных» пряжек провинциально-римских форм по классификации А.А. Труфанова, который разработал их хронологию для памятников Северного Причерноморья [Труфанов, 2004, с. 164–168].

Хронология погребения Л–1 № 126/1981 г. с мечом типа I, 2 (рис. 2,4) определяется фибулой с овально расширенной спинкой и узкой ножкой, так называемой лебязьинской серии, 2-го варианта, хронология которого ранее определялась I в. н.э. [Амброз, 1966, с. 55–57]. В.В. Кропотов этот вариант фибул датировал второй половиной I – началом II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 261]. В крымских материалах такие застёжки имеют более узкую дату: в пределах середины – третьей четверти I в. н.э. [Пуздровский, 2007, с. 86, 176]. А.В. Симоненко обоснованно датирует подобные фибулы второй половиной I в. н.э. [Симоненко, 2004, с. 144]. К этому времени мы склонны отнести и погребение № 126.

Вместе с мечом типа I, 1 в погребении ЕЛ–2 № 36/1978 г. находилась фибула с узкой пластинчатой спинкой и завитком на конце приемника [Анфимов, 1984, с. 90, 93, табл. VII,10,17]. В.В. Кропотов относит такие застёжки к форме 2 причерноморской серии I и датирует второй половиной I – началом II в. н.э., отмечая, что они встречаются и в более поздних комплексах [Кропотов, 2010, с. 185, 196, рис. 55,8,9]. Хронологию фибул группы IV с завитком на конце приемника из некрополя Кобякова городища В.М. Косяненко в целом ограничивает I в. н.э. [Косяненко, 1987, с. 58; 2008, с. 101]. Это наблюдение нам кажется правильным для памятников оседлого населения Нижнего Дона и Прикубанья.

Одинаковые фибулы с расширенной, выпуклой пластинчатой спинкой и завитком на конце приемника (серия I, форма 1 по В.В. Кропотову) происходят из погребений ЕЛ–2 № 78/2013 г. и УЛ–2 № 7/1936 г. [Анфимов,

1951, с. 198, рис. 18,11], в которых были найдены меч и кинжал типа I, 1 (рис. 2,10). Фибулы датируются, как и вся серия I, второй половиной I – началом II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 185, рис. 55,3]. В комплексе ЕЛ–2 № 78/2013 г. присутствует также лучковая подвязная фибула серии I, варианта 2 второй половины I – начала II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 72–74]. Взаимовстречаемость фибул этих типов позволяет определить датировку погребения № 78 в пределах второй половины I в. н.э. Погребение же УЛ–2 № 7/1936 г., как и ЕЛ–2 № 36/1978 г., отдавая предпочтение датировкам фибул с завитком на конце приемника, предлагаемым В.М. Косянченко, мы относим к I в. н.э.

Датировку погребения УЛ–2 № 88/1938 г. с мечом типа I, 1 определяет совместная находка скифоса из дутого стекла [Анфимов, 1951, с. 197, рис. 17,12]. К. Айсингс приводит большую сводку сосудов этой формы, не делая различия по способу изготовления, и датирует их в пределах I в. до н.э. – I в. н.э. [Isings, 1957, p. 55–56]. Среди стеклянных сосудов из Трира усть-лабинский скифос близок типу 29а I в. н.э. [Goethert-Polaschek, 1977, S. 349, Formeltafel A, 29a]. Этого же типа скифос из Керчи датирован Н.З. Куниной I в. н.э. [Кунина, 1997, с. 310, № 282]. Опираясь на хронологию скифоса, погребение № 88 мы отнесли к I в. н.э. [Marčenko, Limberis, 2008, S. 298, Taf. 112,4].

Меч с кольцевым навершием (тип I, 2) и брусковидным перекрестием был найден в северной камере земляного склепа 1944 г. могильника Тбилисского городища № 1. К сожалению, Н.В. Анфимов в своей статье не указал размеры меча, отметил только широкий массивный клинок, но в отчете даны его размеры: длина меча – 61 см, ширина клинка – 6 см [Анфимов, 1945, л. 18–19]. Данный комплекс автор справедливо отнес к I в. н.э., правда без аргументации [Анфимов, 1947, с. 152, 154, рис. 52]. Рисунок меча приведен в статье Н.Е. Берлизова и И.Н. Анфимова, которые опубликовали материалы из рукописного архива Н.В. Анфимова [Берлизов, Анфимов, 2005, с. 118, рис. 3,Б,2]. С мечом были найдены две сероглиняные вазы на высоком полом поддоне [Анфимов, 1947, рис. 54]. М.Ю. Лунев датировал вазы этого типа I в. н.э. [Лу-

нев, 2005, с. 169], что подтверждается и новыми находками. Так, вазу из погребения № 289 могильника Старокорсунского городища № 3 по лучковой подвязной фибуле варианта 2 серии I можно датировать второй половиной I – началом II в. н.э. Такая же ваза происходит из погребения ЕЛ–2 № 122/2013 г. со стеклянным скифосом первой половины I в. н.э. В погребении СП № 125 I в. н.э. также присутствуют сероглиняная ваза и бронзовый браслет с коническими шишечками на концах [Лимберис, Марченко, 2019а, с. 193, рис. 2,14]. Проведенный нами хронологический анализ комплексов с браслетами этого типа позволил ограничить время их бытования в Прикубанье I – началом II в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2020]. Датировка погребения из Тбилисского могильника, скорее всего, не выходит за пределы I в. н.э.

В комплексе СК–2 № 461з с кинжалом типа I, 1 (рис. 1,7) встречен листовидный наконечник копья (тип II, 1, I, 1 по нашей классификации), аналогичный экземпляру из погребения СК–2 № 402з, которое на основании находки фибулы «Авцисса» было датировано нами первой половиной I в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2006, с. 154–155; Marčenko, Limberis, 2008, S. 387, Taf. 151]. Из этих комплексов происходят и близкие по форме сероглиняные кружки. Однако этих данных недостаточно для того, чтобы сузить дату погребения СК–2 № 461з до половины столетия. Поэтому его следует датировать I в. н.э.

Так же широко I в. н.э. датируются погребения СК–2 № 115в и 146з с мечами и кинжалами типа II, 1, б (рис. 3,9) по набору характерных для этого времени сероглиняных сосудов. В погребении СК–2 № 75в, кроме местной керамики, был найден наконечник копья типа II, 5, I, 2 [Лимберис, Марченко, 2006, с. 164, рис. 1, 2].

Анализ разнообразного погребального инвентаря (деталей портупейного набора, оружия, украшений, железных бритв) из комплексов СП № 98, 125, 143 с мечами типа I вариантов 1 и 2 позволил нам датировать эти погребения также в пределах I в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2019а, с. 205–207]. Еще два погребения из указанного могильника (СП № 263/2004 г. и № 291/2004 г.) с мечами типа I, 1 и II, 2 можно отнести к этому же вре-

мени по набору керамики, находке железной бритвы и идентичных костяных квадратных ворворок.

Из погребения ЕЛ–2 № 104/2013 г. происходит меч типа II, 2, а. Здесь же встречен набор бус, в состав которого входит экземпляр из многоцветного стекла со сложным орнаментом в виде чередующихся человеческих лиц. Такие бусы относятся к типам 410–411 и датируются I–II вв. н.э. [Алексеева, 1982, с. 38, табл. 48, 27, 28]. Однако сероглиняные кувшин и миска из этого комплекса по форме тяготеют к I в. н.э., что и определяет датировку комплекса.

Хронология остальных погребений с мечами (всего – 25) определяется в еще более широких рамках.

Погребение УЛ–2 № 71/1938 г. с мечом типа I, 1 относится к четвертой хронологической группе могильника второй половины I в. до н.э. – II в. н.э. Найденный здесь кувшин с ойнохоевидным сливом [Анфимов, 1951, с. 197, рис. 16, 1, 18, 2] позволяет сузить хронологию погребения и датировать его I в. до н.э. – I в. н.э.

В погребении СК–2 № 90з вместе с кинжалом типа II, 1, а (рис. 3, 10) найдены удила с подвижными колесовидными псалиями, которые надеты на стержни удила, и железный наконечник копья с треугольно-ромбовидным пером. Такие наконечники копий характерны для меотских комплексов, которые мы отнесли к типу III, 4, IV, 2. Наконечники копий данного варианта появляются во второй половине II в. до н.э. и широко используются в I в. до н.э. – I в. н.э. Вероятно, они захоронены и во II в. н.э., судя по широким датировкам некоторых комплексов [Лимберис, Марченко, 2006, с. 172–173]. Подвижные колесовидные удила имеют очень широкую хронологию [Марченко, 1996, с. 75, 76; Лимберис, Марченко, 2013, с. 110–111]. Однако формы сероглиняных кувшина и миски на поддоне больше тяготеют к I в. до н.э. – I в. н.э.

Для датировки некоторых погребений единственной привязкой могут быть лишь наборы меотских сероглиняных сосудов и наконечники копий с треугольно-ромбовидным пером, характерные для I в. до н.э. – I в. н.э.: Л–1 № 400 с мечом типа I, 2 (рис. 2, 6), СК–2 № 153з, 404з, Л–1 № 252, 387 с мечами и кин-

жалом типа II, 1, б (рис. 3, 2, 7, 8, 11), Л–1 № 28/1983 г. (в этом парном погребении было два одинаковых меча) и Л–1 № 355 с мечами II, 1, а (рис. 3, 4, 5, 6).

Погребение СП № 151 с кинжалом типа I, 2 ранее было датировано нами I в. до н.э. – I в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2019а, с. 206, 207, рис. 7].

Погребение СП № 277/2004 г. с мечом типа I, 1 по браслету с коническими шишечками на концах следует датировать I – началом II в. н.э., так как этим периодом мы ограничиваем время их бытования в Прикубанье [Лимберис, Марченко, 2020].

В нескольких погребениях (Л–1 № 14/1981 г., СК–2 № 503з, ЕЛ–2 № 22, 61, 80, 84/2013 г.) с мечами типа I, 1 (рис. 1, 10, 2, 2) были встречены лучковые подвязные фибулы варианта 2, которые и определяют хронологические рамки комплексов в пределах второй половины I – начала II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 72–73].

Погребение № 73/1966 г. из могильника Воронежского городища № 3, где был найден кинжал типа I, 1, Н.В. Анфимов датировал в отчете I–II вв. н.э. [Анфимов, 1967, л. 42–43, 75, черт. 75]. Эта датировка подтверждается находкой в погребении маленькой фибулы I – начала II в. н.э. с кнопкой на конце приемника, варианта 1 [Кропотов, 2010, с. 213].

Из погребения ЕЛ–2 № 157/2013 г. (с мечом типа I, 2) происходит наконечник копья типа III, 5, I, 2 по нашей классификации, который датируется по фибулам I – первой половиной II в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2006, с. 174, рис. 1, 2].

Меч типа II, 1, б из погребения № 197/1967 г. могильника Воронежского городища № 3 – самый длинный в нашей коллекции. В отчете Н.В. Анфимова указана его общая длина – 75 см. С мечом был найден только железный нож, который не позволяет установить узкую датировку. Автор раскопок датировал погребение I–II вв. н.э. [Анфимов, 1968, л. 48, 63, 65, черт. 77].

Невыразительный инвентарь (сероглиняный кувшин, форма которого не восстанавливается, бусина и железная пряжка) сопровождал меч типа I, 1 в погребении № 3/1972 г. Пашковского городища № 5. Н.В. Анфимов в своем отчете отнес это погребение к I–II вв. н.э. [Анфимов, 1973, л. 3–4, черт. 4].

В погребении УЛ–2 № 10/1925 г., кроме меча типа I, 1, были найдены удила с колесовидными псалями, наконечник дротика, сероглиняная миска и лепной горшок с отогнутым венчиком [Миллер, 1926, с. 91–92, рис. 14,3, 17]. Детали конструкции удила, которые являются хронологическими признаками, неизвестны. Удила с колесовидными псалями, появившиеся у сармат и меотов Прикубанья в I в. до н.э., использовались ими на протяжении длительного периода, если точнее – до середины III в. н.э. [Лимберис, Марченко, 2013, с. 110–111]. Тип наконечника дротика также остается неясным. Этот вид метательного оружия, особенно широко распространенный у меотов во II в. до н.э., редко применялся в I–II вв. н.э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 413]. Горшки с отогнутым венчиком, встречающиеся в погребениях Усть-Лабинского могильника значительно реже горшков с загнутым краем [Анфимов, 1951, с. 192, рис. 15,4], скорее всего датируются I–II вв. н.э., как и в меотских памятниках Краснодарской группы. Для населения же городища Спорное этот тип кухонных горшков остается весьма популярным с IV в. до н.э. до первых веков н.э. В упоминавшемся уже погребении СП № 136 первой половины I в. до н.э. среди инвентаря присутствуют горшок с отогнутым краем и удила с колесовидными псалями [Бочковой и др., 2005, рис. 2,2, 4,2, 5,3, 8,4, 10,6, 17,4]. Также и в погребении СП № 151, которое мы датировали I в. до н.э. – I в. н.э., имеется горшок с отогнутым краем [Лимберис, Марченко, 2019, рис. 7,5]. Все сказанное дает нам основания только для широкой датировки погребения № 10 в пределах I в. до н.э. – II в. н.э.

Так же широко датируются погребения из УЛ–2 № 9/1931 г. (кинжал типа I, 1) и 22/1932 г. (меч типа I, вариант неизвестен), которые Н.В. Анфимов отнес к четвертой хронологической группе – второй половины I в. до н.э. – II в. н.э. [Анфимов, 1951, с. 197].

К I в. до н.э. – II в. н.э. нужно отнести и погребение Л–1 № 11/1980 г., так как здесь не было другого инвентаря, кроме меча типа I, 1 (рис. 2,7).

Хронологический анализ погребений позволяет сделать некоторые выводы. К самым ранним экземплярам из погребений СП № 136

и ЕЛ–2 № 192/2013 г. относятся всего два меча типа I, 2, которые по сопровождающему инвентарю можно датировать первой половиной I в. до н.э. Еще 8 комплексов с мечами разных типов датируются в пределах I в. до н.э.

Датировка 26 комплексов с мечами ограничивается пределами I в. н.э. Из них к первой половине столетия относятся 5 погребений с мечами типов I, 1 и I, 2. Узкую дату в пределах второй половины I в. н.э. имеют 4 погребения с мечами типа I, 1.

Хронология остальных 25 комплексов с мечами и кинжалами разных типов – очень широкая – I в. до н.э. – II в. н.э., причем датировка 10 погребений не выходит за рамки I в. до н.э. – I в. н.э., и только 9 погребений могут по датировке «заходить» в начало – первую половину II в. н.э.

Количественно преобладают мечи с брусковидным перекрестием (45 экз.), что, вероятно, может свидетельствовать о заимствовании этого типа меча у сармат. Но все же меоты сохранили свою традицию изготовления мечей без металлического перекрестия. В некрополе городища Спорное встречены только мечи типа I (с перекрестием). Из 11 мечей, найденных на Елизаветинском могильнике № 2, лишь один относится к типу II (без перекрестия). Большинство хорошо датированных комплексов с мечами происходит из могильников городищ Спорное, Старокорсунское № 2 и Елизаветинское № 2. Основное время бытования мечей с кольцевым навершием у меотов правобережья Кубани можно ограничить I в. до н.э. – началом II в. н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ, грант № 18-09-00619 «Военное дело меотов правобережья Кубани (VI в. до н.э. – III в. н.э.)».

The work was funded by RFBR, grant no. 18-09-00619 “Military Affairs of the Maeotians of the Kuban Right Bank (6th century BC – 3rd century AD)”.

² Выражаем благодарность Б.А. Раеву за возможность ознакомиться с материалами раскопок могильника городища Спорное (2004 г.) и М.Ю. Луневу, предоставившему материалы раскопок могильника Елизаветинского городища № 2 (2013 г.).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Мечи с кольцевым навершием (размерные характеристики)

Ring-topped swords (size characteristics)

№ п/п	№ погр.	Длина меча (см)	Длина клинка (см)	Ширина клинка (см)	Длина рукояти (см)	Диаметр навершия (см)	Тип	Дата погребения
Могильник городища № 1 хут. Ленина								
1	11/1980 г.	45,4	36	2,6	6,4	3	I,1	I в. до н.э. – II в. н.э.
2	14/1981 г.	45 * ≈ 50,6	31 * ≈ 36,6	4	9,2	4,8	I,1	2-я пол. I в. н.э. – начало II в. н.э.
3	126/1981 г.	48 * ≈ 51,9	36 * ≈ 39,9	3,8	8	4	I,1	2-я пол. I в. н.э.
4	132/1981 г.	≈ 54,5	40	6	8,5	6	I,2	I в. до н.э.
5	195/1981 г.	42 * ≈ 59,1	39,4 * ≈ 47,3	4	2,5 * ≈ 7,8	≈ 4	II,1,a	I в. до н.э.
6	209/1981 г.	≈ 65,1	53	4	7,7	4,4	II,1,b	I в. до н.э.
7	252/1981 г.	59	46	3,5	9	4	II,1,b	I в. до н.э. – I в. н.э.
8	348/1981 г.	57	45	4	9	3	II,2,a	I в. до н.э.
9	355/1981 г.	55	42,7	4,5	8,9	3,4	II,1,a	I в. до н.э. – I в. н.э.
10	367/1981 г.	41	30	4,5	6,5	4,5	I,2	I-я пол. I в. н.э.
11	387/1981 г.	49	36	5	7	6	II,1,b	I в. до н.э. – I в. н.э.
12	400/1981 г.	43 * ≈ 46,1	34	3,8	8	≈ 4,1	I,2	I в. до н.э. – I в. н.э.
13	413/1981 г.	46,5 * ≈ 59,2	42 * ≈ 43,3	4,6	9,5	6,4	I,2	I в. до н.э.
14	28/1983 г.	50 * ≈ 53,5	43	4,5	5,9	4,6	II,1,a	I в. до н.э. – I в. н.э.
15		50 * ≈ 57	42 * ≈ 43,7	4	7	≈ 6,3 × 8,6	II,1,?	
Могильник городища Спорное								
16	98/2003 г.	44,1	32,3	4,7	7,3	4,9 × 4,5	I,2	I в. н.э.
17	125/2003 г.	49,6	37,8	3,7	8,3	3,5	I,1	I в. н.э.
18	133/2003 г.	60	47,2	3,4	7,8	5 × 4,4	I,1	I-я пол. I в. н.э.
19	136/2003 г.	53	39	6,2	9,4	6,8 × 4,6	I,2	I-я пол. I в. до н.э.
20	143/2003 г.	46,7 * ≈ 48,2	35,6 * ≈ 37,2	5,5	7,2	3,8	I,2	I в. н.э.
21	151/2003 г.	38,8	26,6	5,1	7,3	4,9	I,2	I в. до н.э. – I в. н.э.
22	262/2004 г.	≈ 60	≈ 47	4	9	4	I,1	2-я треть I в. н.э.
23	263/2004 г.	59,7	48,7	4	7,5	5,2 × 3,5	I,1	I в. н.э.
24	264/2004 г.	40 *	31,3 *	3,8	8,7 *	–	I,1	2-я треть I в. н.э.
25	277/2004 г.	44	33	3,5	7	4	I,1	I – нач. II в. н.э.
26	291/2004 г.	48	37	5,1	8,4	2,6	I,2	I в. н.э.
27	297/2004 г.	38,2 *	27,8	5,9	9,2 *	–	I,2	I-я пол. I в. н.э.
Могильник Старокорсунского городища № 2								
28	28в	37,8	28,2	4,9	6,6	3	I,2	I-я пол. I в. н.э.
29	32в	≈ 54,4	40 * ≈ 41,5	4,2	8,5	4,4 × 5,8	I,1	I в. до н.э.
30	75в	32,8	21,5	3,5	7,5	3,8	II,1,b	I в. н.э.
31	90з	38 * ≈ 42,4	30	4,3	8	≈ 4,2	II,1,a	I в. до н.э. – I в. н.э.
32	115в	45,8	34	3,4	8,3	3,7 × 3,5	II,1,b	I в. н.э.
33	146з	38 *	26,7	4,6	9,5	Ок. 3,5	II,1,b	I в. н.э.
34	153з	42,1	30,5	3,5	8,3	3,3 × 4,5	II,1,b	I в. до н.э. – I в. н.э.
35	246з	48,6	36,5	3,8	8,1	4	I,1	I в. до н.э.
36	404з	46,2	34,2	3,2	8	4 × 2,8	II,1,b	I в. до н.э. – I в. н.э.
37	461з	57,2	45	4,4	8	4,2	I,1	I в. н.э.
38	503з	39,3	26,2	2,6	10,8	2,3	I,1	2-я пол. I – начало II в. н.э.

Окончание таблицы

End of Table

№ п/п	№ погр.	Длина меча (см)	Длина клинка (см)	Ширина клинка (см)	Длина рукояти (см)	Диаметр навершия (см)	Тип	Дата погребения
Могильник Елизаветинского городища № 2								
39	36/1978 г.	49 * ≈ 56	35,3 * ≈ 42,5	3,4	9,2	4,3	I,1	2-я пол. I в. н.э.
40	22/2013 г.	52,4	39,2	3,4	9,2	4	I,1	2-я пол. I – начало II в. н.э.
41	61/2013 г.	40	29	2,8	11		I,1	2-я пол. I – начало II в. н.э.
42	78/2013 г.	33,4 *	18,9 *	2,8	12,1	2,4	I,1	2-я пол. I в. н.э.
43	80/2013 г.	55,4 * ≈ 58	43,4 * ≈ 46	4,2	8	4	I,1	2-я пол. I – начало II в. н.э.
44	84/2013 г.	55,4	44,6	5	6,6	4,2	I,1	2-я пол. I – начало II в. н.э.
45	104/2013 г.	55,2	41,7	6	7,7	5,8	II,2,a	I в. н.э.
46	122/2013 г.	50*	37,5 *	4,6	7,5	5	I,2	1-я пол. I в. н.э.
47	130/2013 г.	55,4	42,6	5,2	8,2	4,6	I,2	I в. н.э.
48	157/2013 г.	33 *	24 *	3,4	8	3	I,2	I – 1-я пол. II в. н.э.
49	182/2013 г.	43	32	3,2	11		I,1	3-я четверть I в. н.э.
50	192/2013 г.	51,5 *	40,3 *	6,5	7,8	3,4	I,1	1-я пол. I в. до н.э.
Могильник Тбилисского городища № 1								
51	Земляной склеп/1944 г.	61	–	6	–	–	I,2	I в. н.э.
Могильник Усть-Лабинского городища № 2								
52	5/1925 г.	51,5	–	–	–	–	I,1	I в. до н.э.
53	10/1925 г.	58	–	–	–	–	I,1	I в. до н.э. – II в. н.э.
54	9/1931 г.	28	–	3	–	–	I,1	2-я пол. I в. до н.э. – II в. н.э.
55	22/1932 г.	40	–	4	–	–	I,?	2-я пол. I в. до н.э. – II в. н.э.
56	7/1936 г.	30	–	3	–	–	I,1	I в. н.э.
57	55/1938 г.	47	35	4	8	4	II,1,б	3-я четверть I в. н.э.
58	71/1938 г.	49	38	4	7	4	I,1	I в. до н.э. – I в. н.э.
59	88/1938 г.	57	45	4	8	4	I,2	I в. н.э.
Могильник Воронежского городища № 3								
60	73/1966 г.	≈ 30	–	–	–	–	I,1	I – начало II в. н.э.
61	197/1967 г.	75	–	–	–	–	II,1,б	I–II вв. н.э.
Могильник Пашковского городища № 5								
62	3/1972 г.	50	–	–	–	–	I,1	I–II вв. н.э.

Примечание. * – сохранившаяся длина; ≈ – реконструированная длина.

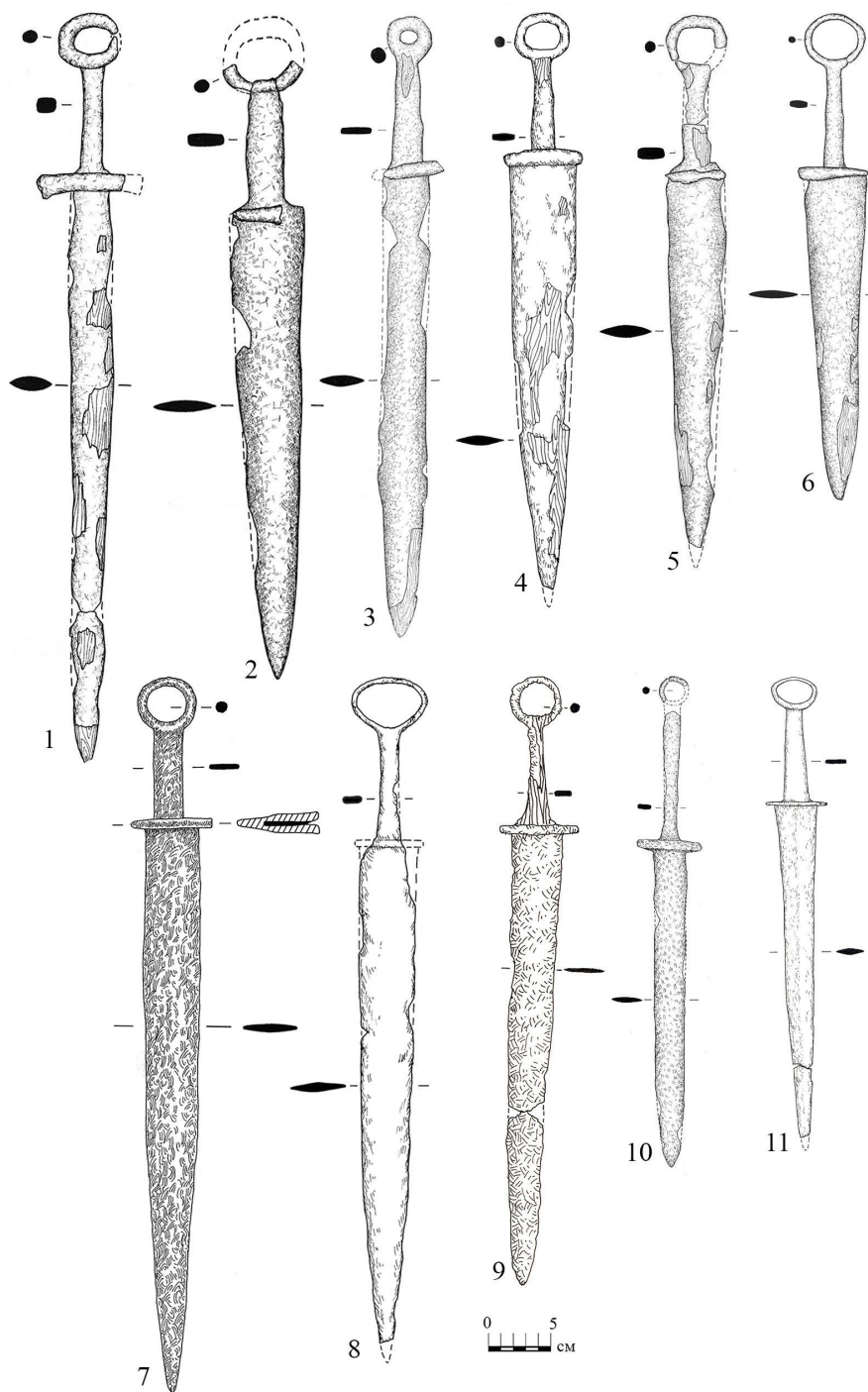

Рис. 1. Мечи с кольцевым навершием:

1–6 – могильник городища Спорное (1 – погр. 133, 2 – погр. 136, 3 – погр. 125,
4 – погр. 143, 5 – погр. 98, 6 – погр. 151);
7–11 – могильник Старокорсунского городища № 2 (7 – погр. 461з, 8 – погр. 32в,
9 – погр. 246з, 10 – погр. 503з, 11 – погр. 28в)

Fig. 1. Swords with a ring top:

1–6 – cemetery of the Spornoye settlement (1 – burial No. 133, 2 – burial No. 136, 3 – burial No. 125,
4 – burial No. 143, 5 – burial No. 98, 6 – burial No. 151);
7–11 – cemetery Starokorsunskaya settlement No. 2 (7 – burial No. 461z, 8 – burial No. 32v,
9 – burial No. 246z, 10 – burial No. 503z, 11 – burial No. 28v)

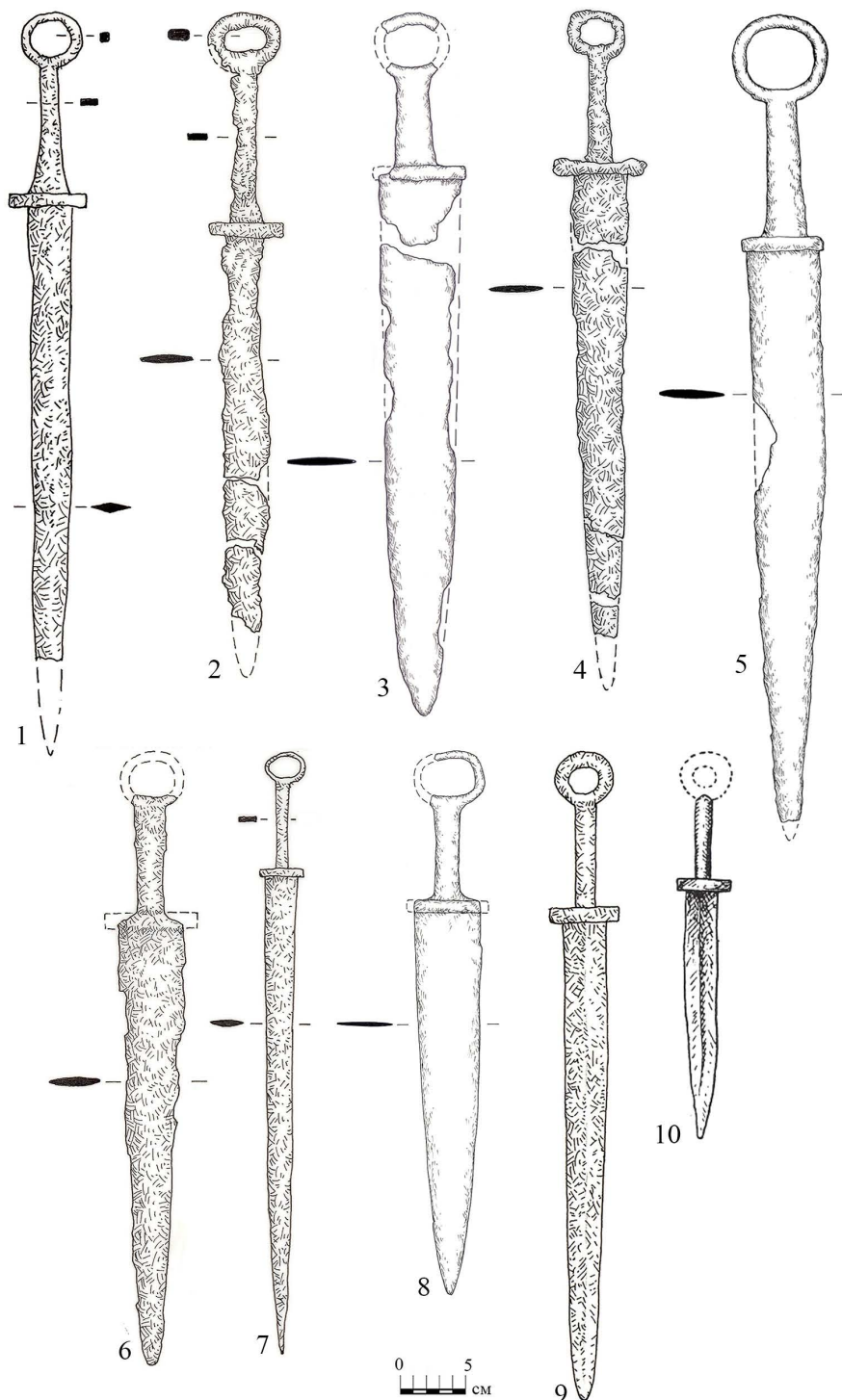

Рис. 2. Мечи с кольцевым навершием:

1 – погр. 36/1978 г. Елизаветинского могильника № 2; 2–8 – могильник городища № 1 хут. Ленина
 (2 – погр. 14, 3 – погр. 132, 4 – погр. 126, 5 – погр. 413,
 6 – погр. 400, 7 – погр. 11/1980 г., 8 – погр. 367);
 9–10 – могильник Усть-Лабинского городища № 2 (9 – погр. 71/1938 г., 10 – погр. 7/1936 г.)

Fig. 2. Swords with a ring top:

1 – burial No. 36/1978 of the Elizavetinskaya cemetery No. 2; 2–8 – cemetery of the settlement No. 1 of Lenin's farm
 (2 – burial No. 14, 3 – burial No. 132, 4 – burial No. 126, 5 – burial No. 413,
 6 – burial no. 400, 7 – burial No. 11/1980, 8 – burial No. 367);
 9–10 – cemetery of the Ust-Labinsk settlement No. 2 (9 – burial No. 71/1938, 10 – burial No. 7/1936)

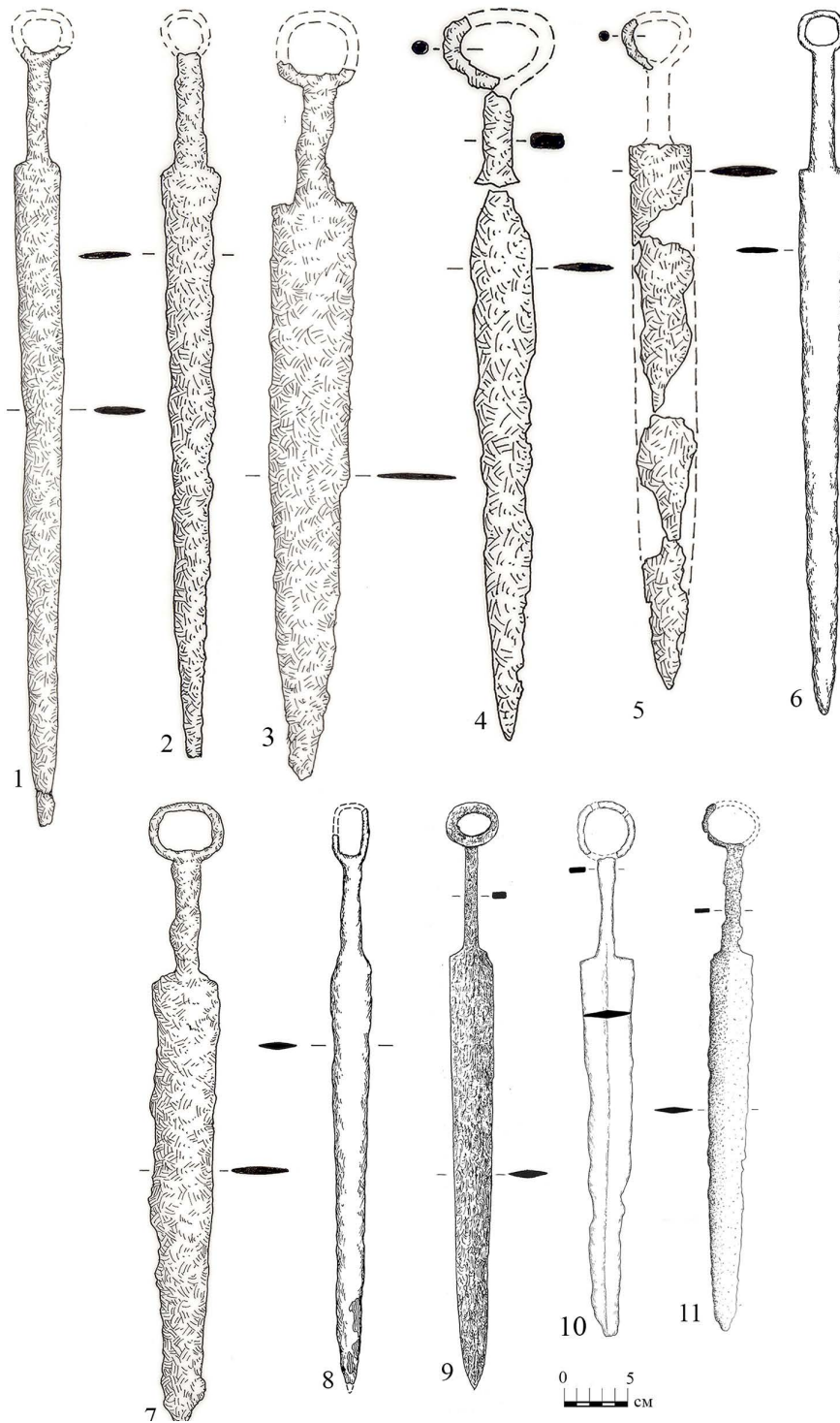

Рис. 3. Мечи с кольцевым навершием:

1–7 – могильник городища № 1 хут. Ленина (1 – погр. 209, 2 – погр. 252,
3 – погр. 348, 4, 5 – погр. 28/1983 г., 6 – погр. 355, 7 – погр. 387);
8–11 – могильник Старокорсунского городища № 2 (8 – погр. 404з, 9 – погр. 115в,
10 – погр. 90з, 11 – погр. 153з)

Fig. 3. Swords with ring top:

1–7 – cemetery of the settlement No. 1 of Lenin's farm (1 – burial No. 209, 2 – burial No. 252,
3 – burial No. 348, 4, 5 – burial No. 28/1983, 6 – burial No. 355, 7 – burial No. 387);
8–11 – cemetery of the Starokorsunskaya settlement No. 2 (8 – burial No. 404з, 9 – burial No. 115в,
10 – burial No. 90з, 11 – burial No. 153з)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1–12. М. : Наука. 94 с.
- Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1–12. М. : Наука. 104 с.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. САИ Д1–30. М. : Наука. 111 с., 28 табл.
- Анфимов И. Н., 1984. Меотский могильник I–II вв. н.э. близ станицы Елизаветинской // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп : Адыгейский НИИ ЭЯЛИ. С. 83–114.
- Анфимов Н. В., 1945. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Тбилисском и Ладожском районах Краснодарского края в 1944 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5. 39 л., 17 ил.
- Анфимов Н. В., 1947. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // Краткие сообщения института истории и материальной культуры. Вып. 16. С. 148–157.
- Анфимов Н. В., 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Материалы и исследования по археологии СССР. № 23. М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР. С. 155–207.
- Анфимов Н. В., 1952. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // Краткие сообщения института истории и материальной культуры. Вып. 46. С. 72–85.
- Анфимов Н. В., 1967. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Краснодарском крае в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3806.
- Анфимов Н. В., 1968. Отчет об археологических работах, связанных с охраняемыми мероприятиями, проведенных в 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3807.
- Анфимов Н. В., 1973. Отчет о раскопках Пашковского 5-го могильника в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6505.
- Берлизов Н. Е., Анфимов И. Н., 2005. Могильники Среднего Прикубанья эпохи позднего эллинизма и римского времени (по материалам рукописного архива Н.В. Анфимова) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир : АГПУ. С. 113–125.
- Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар : КубГУ. С. 172–218.
- Высотская Т. Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Материалы по археологии Крыма. Киев : Академия Евробизнеса. 208 с.
- Засецкая И. П., Марченко И.И., 1995. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 32. С. 90–104.
- Кожухов С. П., 1994. Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья в меото-сарматское время (III в. до н.э. – III в. н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : ИА РАН. 22 с.
- Корпусова В. Н., 1983. Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). Киев : Наукова Думка. 184 с.
- Косяненко В. М., 1987. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // Советская археология. № 2. С. 45–62.
- Косяненко В. М., 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Донские древности. Вып. 9. Азов : Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. 544 с.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : ИА НАНУ; АДЕФ-Украина. 384 с.
- Кунина Н., 1997. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб. : Государственный Эрмитаж ; АРС. 358 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 1989. Хронология мечей из сарматских памятников Прикубанья // Первая кубанская археологическая конференция. Краснодар : КубГУ. С. 80–82.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2003. Стеклянные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар : КубГУ. С. 106–183.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар : КубГУ. С. 219–324.

- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2006. Типология и хронология железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 6. Краснодар : КубГУ. С. 152–181.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2012. Меотские дротики // *Золото, конь и человек : сб. ст. к 60-летию Александра Владимировича Симоненко*. Киев : Скиф. С. 411–416.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2013. Всадническое погребение с умбоном из Среднего Прикубанья // *Stratum plus*. № 4. С. 105–115.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019а. Погребения с мечами с кольцевым навершием из могильника меотского городища Спорное // *Stratum plus*. № 4. С. 189–209.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019б. Меотские погребения со стеклянными скифосами зубовского типа // *Нижеволжский археологический вестник*. Т. 18, № 2. С. 235–244. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.15>
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2020. Хронология браслетов с коническими шишечками на концах из меотских памятников Прикубанья // *Археология и древняя история Украины*. Киев. (В печати).
- Лунев М. Ю., 2005. Мечи с кольцевидным навершием в погребениях I в. до н.э. – II в. н.э. Северо-Западного Кавказа // *Четвертая Кубанская археологическая конференция : тез. и докл.* Краснодар : КубГУ. С. 167–171.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар : КубГУ. 336 с.
- Миллер А. А., 1926. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг. // *Сообщения Государственной академии истории материальной культуры*. Вып. 1. Ленинград : Государственная академия истории материальной культуры. С. 82–99.
- Монахов С. Ю., 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // *Stratum plus*. № 5. С. 195–222.
- Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь : Бизнес-Информ. 480 с.
- Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2008. Две производственные традиции в изготовлении предметов вооружения из Цемдолинского некрополя // *Аспургинане на юго-востоке азиатского Боспора. По материалам Цемдолинского могильника*. М. : ИА РАН. С. 267–271.
- Сергацков И. В., 2007. Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья // *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : доклады к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Челябинск : ЮУрГУ. С. 58–64.
- Симоненко А. В., 2004. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : доклады к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар : КубГУ. С. 134–173.
- Симоненко А. В., 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, Нестор-История. 328 с.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во СГУ. 299 с.
- Скрипкин А. С., 2010. Сарматы и Восток. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 370 с.
- Труфанов А. А. 2004. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // *Российская археология*. № 3. С. 160–170.
- Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М. : Наука. 169 с.
- Ettlinger E., 1973. Die römischen Fibeln in der Schweiz. Bern : Francke. 198 S.
- Goethert-Polaschek K., 1977. Katalog der Römischen Gläser des Rheinischen Landsmuseums Trier // *Trier Grabungen und Forschungen*. Bd. IX. Mainz : von Zabern. 352 S.
- Isings C., 1957. Roman Glass from Dated Finds. Djakarta : Groningen. 183 p.
- Marčenko I. I., Limberis N. Ju., 2008. Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // *Archäologie in Eurasien* Bd. 25. S. 265–400. 222 Taf.
- Riha E., 1994. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975 // *Forschungen in Augst*. Bd. 18. 206 S., 79 Taf.
- Schleiermacher M., 1993. Die römischen Fibeln von Kempten-Cambodunum // *Cambodunumforschungen*. Bd. V. Lasselben : Kallmünz/Opf. 114 S.

REFERENCES

- Alekseeva E.M., 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Antique Beads of the Northern Pontic Region]. Svod Arkheologicheskikh istochnikov. ГИ-12. Moscow, Nauka Publ. 94 p.
- Alekseeva E.M., 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Antique beads of the Northern Pontic Region]. Svod Arkheologicheskikh istochnikov. ГИ-12. Moscow, Nauka Publ. 104 p.
- Ambroz A. K., 1966. *Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR II v. do n. e. – IV v. n. e.* [Fibulae of the South European Part of USSR 2nd Century BC – 4th Century AD]. Svod Arkheologicheskikh istochnikov. Д1-30. Moscow, Nauka Publ. 111 p., 28 tabl.
- Anfimov I.N., 1984. Meotskiy mogil'nik I–II vv. n.e. bliz stanitsy Elizavetinskoy [Maeotian Cemetery of the First Centuries AD near the Village of Elizavetinskaya]. *Voprosy arheologii Adygei* [Issues of Archaeology of Adygea]. Maykop, Adygean Research Institute of Economics, Language, Literature and History, pp. 83-114.
- Anfimov N.V., 1945. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh v Tbilisskom i Ladozhskom rayonakh Krasnodarskogo kraya v 1944 g. [The Report on the Archaeological Research, Working in Tbilisskaya and Ladozhskaya Regions of the Krasnodar Territory in 1944]. *Arkhir IA RAN*, Ф-1. P-1. № 5, 39 p., 17 ill.
- Anfimov N.V., 1947. Zemlyanye sklepy sarmatskogo vremeni v gruntovykh mogil'nikakh Prikuban'ya [Earth Crypts of the Sarmatian Time in the Burial Grounds of the Kuban Region]. *Kratkie soobshcheniya instituta istorii i material'noy kul'tury* [Brief Reports of the Institute of the History of Material Culture], iss. 16, pp. 148-157.
- Anfimov N.V., 1951. Meoto-sarmatskiy mogil'nik u stanitsy Ust'-Labinskoy [Maeotian-Sarmatian Burial Ground near the Village of Ust-Labinsk]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on Archaeology of North Caucasus]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, vol. 23, pp. 155-207.
- Anfimov N.V., 1952. Novye materialy po meoto-sarmatskoy kul'ture Prikuban'ya [New Materials on the Maeotian-Sarmatian Culture of the Kuban Region]. *Kratkie soobshcheniya instituta istorii i material'noy kul'tury* [Brief Reports of the Institute of the History of Material Culture], iss. 46, pp. 72-85.
- Anfimov N.V., 1967. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh v Krasnodarskom kraye v 1966 g. [The Report on the Archaeological Research, working in the Krasnodar Territory in 1966]. *Arkhir IA RAN*, P-1, № 3806.
- Anfimov N.V., 1968. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh, svyazannykh s okhrannymi meropriyatiyami, provedennykh v 1967 g. [The Report on the Archaeological Works, related to conservation activities, carried out in 1967]. *Arkhir IA RAN*, P-1, № 3807.
- Anfimov N.V., 1973. Otchet o raskopkakh Pashkovskogo 5-go mogil'nika v 1972 g. [The Report on the Excavations of the 5th Pashkovskaya Burial Ground in 1972]. *Arkhir IA RAN*, P-1, № 6505.
- Berlizov N.E., Anfimov I.N., 2005. Mogil'niki Srednego Prikuban'ya epohi pozdnego ellinizma i rimskogo vremeni (po materialam rukopisnogo arkhiva N.V. Anfimova) [The Cemeteries of the Middle Kuban Region of the Late Hellenistic and Roman Times (based on the materials of N.V. Anfimov's manuscript archive)]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on Archaeology of the North Caucasus], iss. 5. Armavir, Armavir State Pedagogical University, pp. 113-125.
- Bochkovoy V.V., Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2005. Pogrebeniya s amforami iz mogil'nika gorodishcha Spornoye [The Burials with Amphorae from the Cemetery of the Spornoye Settlement]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 5. Krasnodar, KubSU, pp. 172-218.
- Vysotskaya T.N., 1994. Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'. Materialy po arheologii Kryma [Ust-Alma Fortified Settlement and Necropolis. Materials on the Archaeology of Crimea]. Kiev, Eurobusiness Academy. 208 p.
- Zasetckaya I.P., Marchenko I.I., 1995. Klassifikatsiya steklyannykh kanfarov pozdneellinisticheskogo i rannerimskogo vremeni [Classification of Glass Kantharoi of the Late Hellenistic and Early Roman Times]. *Arheologicheskii sbornik gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Papers of the State Hermitage Museum], iss. 32, pp. 90-104.
- Kozhukhov S.P., 1994. *Vooruzheniye i konskoye snaryazheniye u plemen Zakuban'ya v meoto-sarmatskoye vremya (III v. do n.e. – III v. n.e.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Armament and Horse Equipment among the Trans-

- Kuban Tribes in the Maeotian-Sarmatian Time (III century BC - III century AD). Cand. hist. sci. abs. diss]. Moscow, IA RAS. 22 p.
- Korpusova V.N., 1983. *Nekropol' Zolotoe (K etnokul'turnoy istorii evropeyskogo Bospora)* [Necropolis of Golden (On the Ethnocultural History of the European Bosporus)]. Kiev, Naukova Dumka Publ. 184 p.
- Kosyanenko V.M., 1987. Bronzovye fibuly iz nekropolya Kobyakova gorodishcha [Bronze Fibulae from the Necropolis of the Kobyakov Fortified Settlement]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, pp. 45-62.
- Kosyanenko V.M., 2008. Nekropol' Kobyakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956–1962 gg.) [Necropolis of the Kobyakovo Settlement (Based on Excavations from 1956–1962)]. *Donskie drevnosti* [Don Antiquities], vol. 9. Azov, Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve. 544 p.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Epoch]. Kiev, IA NASU, ADEF-Ukraina Publ. 384 p.
- Kunina N., 1997. *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha* [Antic Glass in Hermitage Collection]. St. Peterburg, State Hermitage, ARS. 358 p.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 1989. Khronologiya mechey iz sarmatskikh pamyatnikov Prikuban'ya [Chronology of Swords from the Sarmatian Monuments of the Kuban Region]. *Pervaya kubanskaya arheologicheskaya konferenciya* [First Kuban Archaeological Conference]. Krasnodar, KubSU, pp. 80-82.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2003. Steklyannye sosudy pozdneellinisticheskogo i rimskogo vremeni iz Prikuban'ya [Late Hellenistic and Roman Glass Vessels from Kuban Region]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 3. Krasnodar, KubSU, pp. 106-183.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2005. Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani [Chronology of the Ceramics Complexes with Antique Imports from the Excavations of the Maeotian Burial Grounds on the Right Bank of the Kuban River]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 5. Krasnodar, KubSU, pp. 219-324.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2006. Tipologiya i khronologiya zheleznykh nakonechnikov kopiy iz pamyatnikov pravoberezh'ya Kubani [Typology and Chronology of the Iron Spearheads from the Sites of the Kuban River Right Bank]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 6. Krasnodar, KubSU, pp. 152-181.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2012. Meotskie drotiki [Maeotian darts]. *Zoloto, kon' i chelovek: sbornik statey k 60-letiyu Aleksandra Vladimirovicha Simonenko* [Gold, horse and man. Papers of articles to the 60th anniversary of Alexandr Vladimirovich Simonenko]. Kiev, Skif Publ., pp. 411-416.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2013. Vsadnicheskoye pogrebeniye s umbonom iz Srednego Prikuban'ya [The Equestrian Burial with Shield-Boss from Middle Kuban]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 105-115.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2019a. Pogrebeniya s mechami s kol'cevim navershiem iz mogil'nika meotskogo gorodishcha Spornoye [Graves with Ring-Topped Swords from the Burial Ground of the Maeotian Fortified Settlement Spornoye]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 189-209.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2019b. Meotskie pogrebeniya so steklyannymi skifosami zubovskogo tipa [Maeotian Burials with Glass Skyphos of Zubovsky Type]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 235-244. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.15>
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2020. Khronologiya brasletov s konicheskimi shishechkami na kontcakh iz meotskikh pamyatnikov Prikuban'ya [Chronology of the arm-rings with conical cones at the ends from the Maeotian monuments of the Kuban Region]. *Arhaeologiya i drevnyaya istoriya Ukrainy* [Archaeology and Ancient History of Ukraine]. Kiev. (in print).
- Lunyov M. Yu., 2005. Mechi s kol'cevidnym navershiem v pogrebeniyakh I v. do n.e. – II v. n.e. Severo-Zapadnogo Kavkaza [Swords with a Ring Top in the North-West Caucasus Burials of the 1st century BC – II century AD]. *Chetvertaya Kubanskaya arheologicheskaya konferenciya. Tezisy i doklady* [Fourth Kuban Archaeological Conference. Abstracts and Reports]. Krasnodar, KubSU, pp. 167-171.
- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani)* [Siraces of the Kuban (Based on the materials from burial mounds of the Lower Kuban)]. Krasnodar, KubSU. 336 p.

- Miller A.A., 1926. Kratkiy otchet o rabotakh Severo-Kavkazskoy ekspeditsii Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury v 1924 i 1925 gg. [The Short Report on the Work of the North Caucasian Expedition of the State Academy of the History of Material Culture in 1924 and 1925]. *Soobshcheniya GAIMK* [Reports of the State Academy of the History of Material Culture], iss. 1, pp. 82-99.
- Monakhov S.Yu., 2014. Kosskiye i psevdokosskiye amfory i kleyma [Koan and Pseudo-Koan Amphorae and Stamps]. *Stratum plus*, no. 5, pp. 195-222.
- Puzdrovskiy A.E., 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia II Century BC – III Century AD. Funeral Monuments]. Simferopol, Business Inform Publ. 480 p.
- Rozanova L.S., Terekhova N.N., 2008. Dve proizvodstvennye traditsii v izgotovlenii predmetov vooruzheniya iz Tsemdolinskogo nekropolya [Two Manufacturing Traditions in the Production of Weapons from the Tsemdolina Necropolis]. *Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora. Po materialam Tsemdolinskogo mogil'nika* [Aspurgians in the South-Est of the Asian Bosphorus. Based on Materials from the Tsemdolina Burial Ground]. Moscow, IARAS, pp. 267-271.
- Sergatkov I.V., 2007. Mechi i kinzhaly v srednesarmatskikh pamyatnikakh Nizhnego Povolzh'ya [Swords and Daggers in the Middle Sarmatian Monuments of the Lower Volga]. *Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i hronologiya. Doklady k VI mezhdunarodnoy konferencii «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [Armament of the Sarmatians: regional typology and chronology. Reports to the VI international conference "Problems of Sarmatian archeology and history"]. Chelyabinsk, SUSU, pp. 58-64.
- Simonenko A.V., 2004. Khronologiya i periodizatsiya sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [Chronology and Periodization of the North Pontic Region Sarmatian Monuments]. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noy khronologii. Doklady k 5-y mezhdunarodnoy konferencii «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports to the V international conference "Problems of Sarmatian archeology and history"]. Krasnodar, KubSU, pp. 134-173.
- Simonenko A.V., 2010. Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya [Sarmatian Riders of North Pontic Region]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts of the St. Petersburg State University, Nestor-Historia Publ. 328 p.
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt* [Sarmatia Asiatica. Problems of Chronology and its Historical Aspect]. Saratov, SSU. 299 p.
- Skripkin A.S., 2010. *Sarmaty i Vostok* [Sarmatians and East]. Volgograd, VolSU. 370 p.
- Trufanov A.A., 2004. Pryazhki rannikh provincial'no-rimskikh form v Severnom Prichernomor'e [Buckles of the Early Provincial Roman Forms in the North Pontic Region]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 160-170.
- Khazanov A.M., 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on Military Affairs of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 169 p.
- Ettlinger E., 1973. *Die römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern: Francke. 198 S.
- Goethert-Polaschek K., 1977. Katalog der Römischen Gläser des Rheinischen Landsmuseums Trier. *Trier Grabungen und Forschungen*, Bd. IX. Mainz am Rhein, von Zabern. 352 S.
- Isings C., 1957. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen, Diakarta. 183 p.
- Marčenko I.I., Limberis N.Ju., 2008. Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. *Archäologie in Eurasien*, Bd. 25. S. 265-400, 222 Taf.
- Riha E., 1994. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975. *Forschungen in Augst*. Bd. 18. 206 s., 79 taf.
- Schleiermacher M., 1993. Die römischen Fibeln von Kempten-Cambodunum. *Cambodunumforschungen*. Bd. V. Lassleben, Kallmünz/Opf. 114 S.

Information About the Authors

Natalya Yu. Limberis, Senior Researcher, Scientific Research Institute of Archaeology, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Ivan I. Marchenko, Candidate of Sciences (History), Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

Информация об авторах

Наталья Юрьевна Лимберис, старший научный сотрудник НИИ археологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Иван Иванович Марченко, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.10>

UDC 930.26(470+571):636.083.7

LBC 63.48(2)-413

Submitted: 12.07.2020

Accepted: 24.11.2020

WAGONS IN SARMATIAN BURIALS OF THE LOWER VOLGA AND LOWER DON KURGANS

*Part 1*¹

Boris A. Raev

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article deals with two burial sites from the Sarmatian kurgans located in the Lower Volga region. Three wheels and two axles of the wagon covering the grave in a wooden frame were discovered in the burial close to the Merkel village excavated in 1929 in the upper reaches of the Karamysh River, on the territory of the Volga German Autonomous Soviet Socialist Republic. Some details have shown that few parts of the wagon were placed in the grave in unfinished form. The diary records of the excavations author Paul Rau, which were found in archives, contained important information. The second burial was explored in the early 1970s in the Astrakhan region. Two wheels were preserved in the grave closing the access to the inner chamber. An analysis of the construction of the graves and wagons parts enables to speak about two types of grave structures in which wagons were placed – simple graves, and graves with inner chambers. The simple graves are contained not only of wheels but also of body parts and other parts of wagon as well. While graves with inner chambers includes only wheels, closing the inner chamber. Parts of old wagons, their unfinished parts, optionally defective ones, have been used in the burial ceremony. The search for analogs refers to the burials of Central Asia and Altai region, which possesses the evidences of two-axle wagons genesis. The one-axle wagons which appeared in the Eastern European steppes at later time are connected originally to the same region. The second part of this article will focus on the origin of the burial rite itself, as well as the spreading time of the tradition, its ways, and mechanism - from the eastern to the western regions of the Eurasian steppes.

Key words: Lower Volga region, excavations of Paul Rau, Volga expedition of the Academy of Sciences of the USSR and Moscow State University, Sarmatian wagons, Central Asian traditions.

Citation. Raev B.A., 2020. Povoзки v sarmatskikh pogrebeniyah nizhnevolzhskikh i nizhnedonskikh kurganov. Chast' 1 [Wagons in Sarmatian Burials of the Lower Volga and Lower Don Kurgans. Part 1]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 183-199. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.10>

УДК 930.26(470+571):636.083.7

ББК 63.48(2)-413

Дата поступления статьи: 12.07.2020

Дата принятия статьи: 24.11.2020

ПОВОЗКИ В САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ НИЖНЕВОЛЖСКИХ И НИЖНЕДОНСКИХ КУРГАНОВ

*Часть 1*¹

Борис Аронович Раев

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются два погребения из сарматских курганов на Нижней Волге. В погребении у с. Меркель, раскопанном в 1929 г. в верховьях р. Карамыш на территории АССР немцев Поволжья, были обнаружены три колеса и две оси повозки, перекрывающие захоронение в деревянной раме. Некото-

рые детали свидетельствуют о том, что части повозки были помещены в могилу в незавершенном виде. Важную информацию содержали дневниковые записи автора раскопок Пауля Рау, обнаруженные в архиве. Второе погребение исследовалось в начале 1970-х гг. в Астраханской области. Здесь в закладе подбойного захоронения сохранились два колеса. Анализ конструкции могильных ям и деталей повозок позволяет говорить о двух типах могильных сооружений, в которые помещались повозки, – простых ямах и ямах с подбоями. В первые иногда укладывали не только колеса, но и отдельные части кузова и иные части повозки. В погребениях подбойных для перекрытия устья подбоя использовали только колеса. Для погребальной церемонии применяли части старых повозок или их не доделанные до конца, может быть бракованные, части. Поиски аналогий заставляют обратиться к захоронениям Центральной Азии и Алтая, где есть свидетельства генезиса двусных повозок. Одноосные повозки, появляющиеся в Восточноевропейских степях в более позднее время, связаны своим происхождением с этим же регионом. Происхождению, а также времени, путям и механизму распространения традиции из восточных в западные регионы степей Евразии будет посвящена вторая часть представленной здесь работы.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, раскопки Пауля Рау, Поволжская экспедиция ИА АН СССР и МГУ, повозки сарматского времени, центральноазиатские традиции.

Цитирование. Раев Б. А., 2020. Повозки в сарматских погребениях нижеволжских и нижедонских курганов. Часть 1 // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 183–199. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.10>

Три года назад В.М. Клепиков опубликовал статью, посвященную использованию повозок и их частей в закладе могильных ям раннесарматских погребений в Нижнем Поволжье [Клепиков, 2017]. Целью моей работы является уточнение характеристики некоторых деталей повозок по архивным материалам, исправление неточностей, допущенных авторами некоторых публикаций, и сравнение нижеволжских повозок и повозок из сарматских курганов Нижнего Подонья. Отдельной темой во второй части работы будет связь повозок из курганов Юго-Восточной Европы с повозками пазырыкского времени и колесницами эпохи Хань.

Прежде всего, следует исправить несправедливость, допущенную по отношению к Паулю Рау – одному из самых грамотных и успешных археологов 20-х гг. XX в., тонкие и точные полевые наблюдения которого до настоящего времени не утратили своего историко-научного значения. Именно им, а не Иваном Васильевичем Сеницыным [ср.: Клепиков, 2017, с. 21] летом 1929 г. были исследованы несколько курганов у с. Меркель на территории Автономной Республики немцев Поволжья², в том числе курган G2, в третьем погребении которого были найдены части деревянной повозки: две разрушенные оси и три колеса со спицами. Через 18 лет подготовленный П. Рау отчет [Рау, 1929] в полном объеме со всеми беловыми чертежами и описаниями был перепечатан И.В. Сеницыным [Сеницын,

1947]. Поскольку провинциальная публикация 1947 г. стала раритетом, считаю важным опубликовать эту часть отчета Пауля Рау, тем более что она невелика по объему [Рау, 1929, с. 21–23]³.

Могила 3-я, впускная.
Западная половина кургана.
Северный конец траншеи D.

Удлиненная с закругленными углами могильная яма, врезанная в
21/22

материк до глинистой подпочвы. Длина 2,40, ширина в головах (южный конец) 1,04, в ногах – 0,85. Расположение по длине с С на Ю с уклоном к СВ–ЮЗ. Могильная яма уже отметилась в верхних слоях насыпи сырым и рыхлым составом заполнявшей ее почвы. Уже с поверхности попадались разрозненные березовые сучья, лежавшие ближе к горизонту сплошным слоем, будучи вдавлены в промежутки между колесами и осями, заслонявшими гроб. Осей было 4, а колес 3. Оси дубовые. Из дуба сделаны также спицы в колесах, ступицы же и ободы – из мягкой породы и плохой сохранности. От ободов сохранились лишь незначительные следы. Оси, повидимому, не были еще в употреблении, так как стержни их сохранились четырехгранными. Все 4 экземпляра до положения их в могилу были приведены в негодность: у каждой отрублен один из стержней. Располагались они в могиле следующим образом: одна прислонена к западной стенке могилы, уцелевшим стержнем вверх; две упирались поврежденным концом в дно у западной стенки, а в стержни их были вставлены колеса⁴, заслонявшие таким образом гроб сверху; четвертая ось лежала горизонтально

вдоль ямы, покоясь на колесах; третье колесо, наконец, лежало в северной половине могилы на крышке гроба. *За неимением консервирующих средств взята лишь в обломках одна ось* (фраза не вошла в текст статьи. – Б. Р.).

На дне ямы, ближе к восточной стенке, сохранились остатки деревянного гроба, в котором лежал скелет женщины в вытянутом положении на спине, головой к ЮВЮ (*опечатка исправлена в тексте статьи на «ЮЗ». Правильней ЮЮЗ – БР*). Между головным концом гроба и южной стенкой могилы стоял треснувший глиняный сосуд <шаровидной формы, высотой 27 см>. Рост костяка 1,53 <м>. Рядом с левым плечом, в гробу, 2 <два небольших> глиняных сосулика <с округлым дном, грубой ручной работы, без орнамента>. В юго-западном углу гроба, рядом с глиняным сосуликом, лежало в кучке: <круглое> алебастровое пряслице, осколок бронзового зеркала, четыре деревянных чурка (чурки) и кучка желтого порошкообразного вещества.

22/23

Между левой рукой и тазом – кусок мела и кусочек желтоватого вещества. Рядом с правым коленом – клинок железного ножа. У левого бедра 2-ая кучка желтого порошкообразного вещества. Гроб имел форму прямоугольного ящика.

Длина гроба 1,82 <м>, ширина в головах 0,60 <м>, ширина в ногах 0,50 <м>, высоту удалось установить до 0,18 <м>. Толщина боковых дощечек 0,8 см., порода – липа. Толщина крышки 0,5 см. Толщина концевой головной дощечки 1 см., порода – липа. Мест скреплений *наблюдсти* (заметить) не удалось. От дна *замечены* (найлены) незначительные следы поперечных дощечек и на них остатки продольных, очень тонких.

В том же архивном деле сохранился полевой дневник Пауля Рау, заметки и зарисовки в котором не только дают дополнительную чрезвычайно ценную информацию, но и свидетельствуют о высоком уровне полевых исследований и скрупулезной фиксации ценной информации, которые были присущи автору дневника. Большая часть дневниковых заметок к схематическим наброскам сделана на немецком языке и по каким-то причинам не вошла в текст отчета, хотя и содержит описание важных для понимания всей конструкции и обряда погребения деталей. Публикуемые страницы дневника сопровождаются прочитанными записями, которые для удобства пронумерованы и собраны в таблицу с параллельным переводом на русский язык⁵.

В отличие от авторов публикаций, автор раскопок можно поправить, кажется, только в одной неверной интерпретации. Пауль Рау отмечает, что в погребении были найдены три колеса и четыре оси, у которых перед погребением были отрублены по одному стержню для насадки колеса (рис. 2,1). На самом деле осей было всего две. Если попытаться соединить самую длинную ось 1 с самой короткой 4-й, мы получим ось А с длиной плеча около 1,8 м (рис. 2,2А). V-образный косою поруб в центральной части плеча мог образоваться при обычном в таком случае нанесении ударов топором с двух сторон. Ось Б, образованная соединением 2-й (с насаженным колесом) и 3-й (с реконструированным автором положением колеса), располагается симметрично оси А (рис. 2,2Б). Расстояние между колесами в этом случае составит около 1,9–2,0 м, что соответствует расстоянию между колесами повозки из Пятого Пазырыкского кургана [Грязнов, 1955, с. 31] и колесниц Китая от эпохи бронзы [Wagner, 2004, S. 110, Abb. 3; S. 111, Abb. 4] до ханьских [Liu Yonghua, 2002, p. 8].

В оси А выдолблены пять сквозных прямоугольных отверстий, часть которых сделана под дроги, скрепляющие между собой оси повозки, в оси Б такое отверстие одно, оно точно соответствует отверстию на оси А, верхняя часть которого разрушена (рис. 2,2, левая часть плеча). Несмотря на то что на вторую и четвертую оси колеса были насажены, стержни осей, как отмечал Пауль Рау, сохранились четырехгранными, что свидетельствует о том, что они не были в употреблении [Рау, 1929, с. 22]. Недоструганные стержни, не выдолбленные под дроги отверстия, три колеса, вместо четырех, отсутствие в могиле частей кузова и дышла – все это говорит о том, что детали повозки были положены в могилу в процессе их изготовления.

Непонятно, почему в публикации В.М. Клепикова реконструировано расположение колес «на провалившемся перекрытии» [Клепиков, 2017, с. 21]. В последовательном описании заполнения Пауль Рау отмечает, что разрозненные сучья [перекрытия], встречавшиеся в верхней части заполнения ямы, лежали «ближе к горизонту сплошным слоем будучи вдавлены в промежутки между колесами и осями,

заслонявшими гроб» [Рау, 1929, с. 22]. На поперечном сечении могильной ямы в дневнике, обозначенном «Разрез»⁶ (рис. 1а,13), и в отчете (рис. 3,3) отчетливо видно, что оси два и четыре, на стержни которых были надеты колеса, установлены наклонно – так, что их нижние концы легли на западную стенку рамы и сильно деформировали ее, а колеса только перекрывали раму с погребенной, но не лежали на ней. На раме горизонтально лежит только третье колесо, частично перекрывающее восточную стенку рамы в северной части, где стенка деформирована слабо (ср. сечение «гроба» на рис. 3,3).

В публикациях также искажена система крепления спиц в ступице. В машинописном тексте отчета Пауля Рау этот узел конструкции колеса не описан, но на рисунке в публикации И.В. Сеницына появляется схема крепления спиц в ступице [Сеницын, 1947, с. 76, рис. 49, справа внизу], которой нет на приложенных к отчету перебеленных на ватман рисунках (ср.: рис. 2,1, 3,1,3). Не исключено, что И.В. Сеницын видел дневник Пауля Рау, но воспроизвел его зарисовку с существенным искажением. Описание вставленных в ступицу клиновидно зауженных концов спиц (всадов) на листе 107 архивного дела сопровождается карандашным наброском в правом нижнем углу, где хорошо видно, что тонкие концы спиц доходят до втулки, прорезая ступицу насквозь (рис. 1б,24). Аналогично устроено крепление спиц в сравнительно хорошо сохранившейся ступице колеса из погребения 3 кургана 3 у хутора Антонов в междуречье Волги и Дона (рис. 4,3) [Мамонтов, 1994, с. 24–25, рис. 5,3]. По описанию П.Д. Степанова, концы спиц были видны внутри ступицы колеса из Сусловского кургана 1 [Степанов, 1925, с. 77]. Такая конструкция технически не рациональна: сила трения ступицы об ось возрастает, а сама ступица делается более хрупкой. Она возможна в двух случаях: или в ступицу дополнительно вставлялась металлическая втулка, как это делалось на колесах китайских колесниц [Liu Yonghua, 2002, p. 17, fig. 3; Миняев, Сахаровская, 2007, с. 132, 135, рис. 4,3,4], или повозка изначально не предназначалась для езды и изготавливалась только для погребального церемониала. Мне неизвестны металлические втулки в сарматских

погребениях с деталями повозок, и я рискну предположить, что здесь речь может идти о втором варианте. Не исключено также, что в погребения укладывались отдельные детали старых повозок, чаще всего пара колес – с протертыми до спиц ступицами, как предположил П.Д. Степанов [Степанов, 1925, с. 77], или колеса, из которых изымали годные металлические детали, или, как в погребении у с. Меркель, не доделанные до конца части повозки.

В небольшой заметке о сарматских повозках П.М. Кожин подробно остановился на деталях повозки из с. Меркель, опубликованных И.В. Сеницыным. Отметив примитивную и грубую форму осей, не соответствующую совершенной форме колес, он предположил, что колеса при вращении на четырехгранных осях создавали бы непрерывную резкую тряску экипажа [Кожин, 1969, с. 93–94]. Предположение тем более странное, что автор неоднократно ссылается на описание Пауля Рау в передаче И.В. Сеницына, где отмечено, что стержни осей не были доделаны. А в следующем абзаце прямо указывает на то, что повозки могли быть изготовлены специально для погребального ритуала [Кожин, 1969, с. 94]. Там же опровергаемое дневниковой зарисовкой и комментарием (рис. 1а,17) утверждение П.М. Кожина о том, что на стержнях осей нет отверстий для чеки.

По дневниковой зарисовке Пауля Рау, при соблюдении общих принципов конструкции ступицы колес имели необычную форму. Дневникового описания ступиц нет, сохранился только их схематичный поперечный разрез. Утолщенная часть ступицы, в которую вставлялись спицы (они обозначены на схеме четырьмя штрихами, рис. 1б,15), к внешнему концу сужается, образуя длинную втулку. На внешнем конце ступицы в противовес массивной центральной части с утолщением к центру оси обычно делалось утолщение, которое вместе с длинной втулкой обеспечивало устойчивость колеса и уменьшало амплитуду его колебания в вертикальной плоскости при движении (рис. 4,2,4). К сожалению, внешний конец ступиц повозки из погребения у с. Меркель не сохранился, судить о его форме мы не можем. Необычной у них была форма центральной части ступицы – сторона, обращен-

ная к центру оси, была не плоской, а полукруглой, хотя у сохранившихся ступиц она плоская (рис. 4,2,3) или слабовыпуклая (рис. 4,5). Вероятно, эта часть детали также не была окончательно обработана. У всех осей угол перехода плеча в стержень скруглен, что минимизировало вероятность поломки оси в этой точке (рис. 2,1). На схеме колесо плотно насажено на стержень – так, что ступицы прижимают к широкой части плеча, при этом вращаться на стержне оси, который к плечу становится прямоугольным в сечении, колесо просто не могло. Как решалась эта проблема – видно на ступицах колес повозки из Пятого Пазырыкского кургана. Обращенная к центру оси часть втулки воронковидно расширяется, что позволяет ступице, сохраняя круговое движение вокруг оси, вращаться этой частью вокруг прямоугольной детали (рис. 4,5). Необходимостью такого воронковидного расширения продиктован большой диаметр этой части ступицы.

Заклад могилы, но совершенно другого вида был исследован Поволжской археологической экспедицией в 1974 г. в кургане 5 могильника Кривая Лука VIII в Астраханской области, где колеса закрывали вход в подбой. Обе публикации этого комплекса фрагментарны и не верны в деталях, поэтому я счел возможным привести здесь его описание и план (рис. 5) по отчету⁷ [Федоров-Давыдов и др., 1975, с. 70–73, рис. 67–69].

Погребение 15 (впускное)

Яма погребения размерами 2,2 × 2,3 м выявлена на глубине 378 от ЦК, к востоку от погребения 13. Западный борт ямы на глубине -422 от ЦК имел ступеньку шириной 30 см, вырытую в материковом песке. На ступеньке найдены бронзовый втульчатый трехгранный наконечник стрелы и сильно окислившийся железный наконечник. Ступенька спускается до глубины -452 от ЦК. На этой глубине яма имеет размеры 2,25 × 1,3 м. Яма ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В центре ямы в деревянном гробу совершенно погребение. На глубине -424–442 от ЦК, в юго-западном углу ямы и вдоль ступеньки расчищены отпечатки ступиц четырех колес, положенных, очевидно, на край ступеньки и частично перекрывавших западную стенку гроба. В гробу из деревянных плах шириной 4–5 см совершенно парное захоронение женщины и подростка. Длина гроба 1,90 м, ширина 0,60–0,75 м. В центре гроба лежал костяк женщины, обернутый

в бересту. Костяк хорошей сохранности. Все кости скелета сохранились *in situ* и фиксировали вытянутое на спине положение погребенной, ориентированной головой на юго-восток. Череп лежал на затылочной кости со склонением к правому плечевому суставу. Правая рука погребенной вытянута вдоль корпуса, плотно прижата к нему. Кисть правой руки находилась в области правого тазобедренного сустава. Левая рука была слегка отодвинута от корпуса, согнута в локте. Кисть левой руки лежала на левом тазобедренном суставе. Ноги погребенной вытянуты, параллельны. Стопы вытянуты и направлены в разные стороны. Береста, в которую была обернута погребенная, лучше всего сохранилась на стопах.

На костях грудной клетки, острием к левому плечу, лежал костяной кочедык с отверстием в утолщенной части. На правом крыле таза найдена литая бронзовая круглая пряжка с язычком. У левого плечевого сустава обнаружен пучок железных черешковых трехгранных стрел. Стрелы очень плохой сохранности. Взять их не удалось. Правая кисть погребенной покоилась на рукояти короткого железного меча с прямым перекрестием и серповидным (?) навершием. Под лучевыми костями обеих рук находились истлевшие железные предметы крестовидной формы.

В северо-восточном углу гроба, вдоль правого бедра погребенной, лежал костяк подростка. Костяк сильно сжат, буквально втиснут в гробовину. Сохранность костяка удовлетворительная; все кости скелета находились *in situ* и фиксировали вытянутое на спине положение погребенного, ориентированного головой на юго-восток. Череп лежал на затылочной кости. Руки были плотно прижаты к корпусу и слегка согнуты в локтях. Кисти рук находились на тазовых костях. Ноги вытянуты, соединены в коленях и пяточных костях. Стопы вытянуты. У правой голени погребенного лежали железные черешковые трехгранные наконечники стрел. Между бедренными костями обнаружена железная массивная пряжка. На запястьях были найдены браслеты из мелких пастовых бусинок. Под черепом, в области шеи обнаружено ожерелье из пастовых и гешировых бусин. Удалось проследить порядок бусин: 5–6 гешировых – пастовая – 5–6 гешировых...

В изголовье гроба, у южной стенки подбоя, лежали кости ног и лопатка барана, а в юго-западном углу, на глубине -435 от ЦК (очевидно, на подсыпке) стоял лепной орнаментированный сосуд с узким горлом, слегка отогнутым венчиком и ручкой. Тулово сосуда раздутое, сужающееся ко дну.

При расчистке женского костяка, на 20 см выше него, в области грудной клетки найдены фрагменты железной, сильно окислившейся пряжки.

Это парное захоронение относится к сарматскому периоду и датируется III–II вв. до н.э. Парное захоронение сарматского периода (костики 1 и 2) нарушило, очевидно, более раннее подбойное захоронение, ориентированное по линии запад – восток.

Остановлюсь на нескольких важных деталях захоронения, которые требуют безусловной корректировки, и прежде всего – на форме могильной ямы. В тексте отчета она описана как «яма». В.М. Клепиков определяет ее как «прямоугольную яму» [Клепиков, 2017, с. 21]. В статье Ф.Р. Балонова форма ямы не названа, но в таблице она отмечена как яма с подбоем [Балонов, 1980, с. 81, табл. 2]⁸. Информация об устройстве ямы была получена Ф.Р. Балоновым от руководителя экспедиции, имевшего основания для реконструкции, и он описывает ее как катакомбную, или яму с подбоем [Балонов, 1980, 83–84, примеч. 7 и 43]. Сооружение могильной ямы погребения 15 в мешаном заполнении сложной связки из шести ям не позволяло проследить конструкцию подбоя, но некоторые детали говорят именно о такой ее форме. Во-первых, ступенька в яме фиксировалась вдоль одной из длинных сторон – юго-западной. Считать частью второй ступеньки поверхность перемычки между погребениями 15 и 16 не позволяет то обстоятельство, что рама и погребенный сдвинуты к северо-восточной, задней стенке, что обычно для подбоев. Глубина дна ямы от уровня ступеньки составляет 0,3 м, что необычно мало для ямы с заплечиками. Ни на «заплечиках», ни в заполнении не были обнаружены какие-либо следы перекрытия, что странно для неограбленной могилы. Наконец, расположение колес на ступеньке вдоль длинной стенки ямы обычно для заклада подбоя.

Из необычных деталей отмечу устройство рамы не на дне ямы, а в специально подготовленном углублении (рис. 5,1, разрез А–А), стенки которого обложены деревянными плахами шириной 4–5 см, составляющими раму [Федоров-Давыдов и др., 1975, рис. 290–293].

В.М. Клепиков, основываясь на тексте отчета, где упомянуты ступицы четырех колес, категорически не согласен с Ф.Р. Балоновым, упоминающим в начале описания три колеса (с вопросом), а потом, после сопостав-

ления параметров сохранившихся отпечатков, предположившим, что колес, возможно, было не три, а два [Балонов, 1980, с. 77]. Ни чертеж погребения (рис. 5,1), ни полевые фотографии [Федоров-Давыдов и др., 1975, рис. 287–289] не позволяют говорить о четырех ступицах. Я попытался вновь осуществить реконструкцию колес, используя возможности компьютерной графики. Результаты ее (рис. 5,2) заставляют присоединиться к предположению Ф.Р. Балонова о двух колесах разного диаметра. При том что отпечатки колес можно было фиксировать с изрядной долей условности, реконструированные размеры колес очень близки: у Ф.Р. Балонова 0,92–1,04 до 1,30 м [Балонов, 1980, с. 77] или 100 (130) <см> [Балонов, 1996, табл. 2, 12], и 0,9 м (меньшее) и 1,15 м (большее) колеса по реконструкции автора. Из-за сильной деформации и сохранности колес в виде тонкой прослойки тлена нельзя, впрочем, исключить ошибки в расчетах. Колеса в Кривой Луке, как в большинстве захоронений, когда их размер восстанавливается точно, могли быть одного диаметра.

Подбой, как отмечалось выше, был сооружен в заполнении ранних погребений, его обрушение произошло, вероятно, вскоре после захоронения, из-за чего установленные под углом колеса разломались, легли горизонтально, а отдельные их части переместились, судя по плану, в южном направлении

Для заклада подбоя использовали обычно два колеса, которые при большом диаметре перекрывали его на всю длину. Заклад подбоя тремя колесами известен один – погребение 13 кургана 4 у с. Политотдельское [Клепиков, 2017, с. 22, 27, рис. 5]. Три колеса из погребения у с. Меркель (рис. 3,1) или четыре колеса из погребения 12 в кургане 17 у с. Быково [Смирнов, 1960, с. 220, рис. 19,2а,б) найдены не в подбойных, а в прямоугольных ямах. И только в прямоугольных ямах вместе с колесами, даже если колесо было одно [Смирнов, 1959, с. 268–270, рис. 24,1], всегда находили детали осей или кузовов повозок, которых нет в закладах подбоев.

Анализ конструкции могильных ям и деталей повозок, найденных в двух описанных погребениях, позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, можно говорить о существовании в раннесарматское время на тер-

ритории Нижнего Поволжья двух типов могильных сооружений, в которые помещались повозки, – простых ям и ям с подбоями.

В первые, помимо колес (от одного до трех), иногда укладывали отдельные части кузова и иные части повозки. В погребениях подбойных для перекрытия устья подбоя использовали только колеса. За исключением одного случая, колес было два, и за счет большого диаметра они закрывали устье по всей длине.

Особенности обработки отдельных узлов и деталей повозок, помещавшихся в погребения, дают возможность предполагать, что для погребальной церемонии использовали части старых повозок или их не доделанные до конца, может быть бракованные на стадии изготовления, части.

Поиски аналогий самой идее помещения повозки в могилу или замещения ее отдельными частями, среди которых обязательны колеса как самый зримый символ повозки, заставляют обратиться к захоронениям Центральной Азии и Алтая, где есть свидетельства генезиса двусосных повозок [Гук, Николаев, 2012, с. 454]. Одноосные повозки, появляющиеся в Восточноевропейских степях в более позднее время, связаны своим происхождением с этим же регионом. Их сходство с повозками из раннесарматских курганов, как и отличия от транспортных средств предшествующего времени, заслуживают специального исследования. Этому, а также времени, путям и механизму распространения традиции из восточных в западные степи Евразии будет посвящена вторая часть представленной здесь работы.

Продолжение следует...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы в рамках базовой темы НИР «Изучение межкультур-

ных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до нового времени», № гос. регистрации 01201354248.

The work was supported by the program of fundamental scientific research of state academies of sciences for 2013–2020 in the framework of basic research topic “Study of the Intercultural Interactions of the Population of the Lower Don from Ancient Times to the New Age”, state registration no. 01201354248.

² На карте [Клепиков, 2017, с. 23, рис. 1] с. Меркель нанесено неверно. От с. Верхняя Добринка оно находится не к юго-западу, а к северо-востоку, на р. Карамыш, примерно в 1,5 км от границы Саратовской области.

³ Орфография и пунктуация текста отчета сохранены, дополнения И.В. Сеницына выделены угловыми скобками, замена им отдельных слов – круглыми скобками, а измененные слова – курсивом.

⁴ Правильно: стержни их были вставлены в колеса. Опечатка в отчете Пауля Рау повторена в статье И.В. Сеницына [1947, с. 76].

⁵ Заметки 2, 9, 13 и 14 в дневнике написаны по-русски. Неразборчивый почерк рукописных документов Пауля Рау создает определенные трудности для чтения, на что уже обращалось внимание [Детлова и др., 2019, с. 226–227], не говоря о специфике диалекта жителей АССР Немцев Поволжья. Прочтение дневниковых заметок и их перевод на русский язык – заслуга Frau Dr. Adele Bill (Universität Heidelberg), которой я выражаю искреннюю признательность за неоценимую помощь. Я также пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Herr Dr. Anatoli Nagler (Deutsches Archäologisches Institut), с которым обсуждались и уточнялись некоторые формулировки и термины русского текста.

⁶ То, что на схеме в дневнике и в отчете названо разрезом, является схемой расположения частей повозки при виде с юго-запада, совмещенной с разрезом, в котором показаны: первая ось, ступицы колес и рама («гроб») на дне ямы. Третья ось показана вертикально, а четвертая перекрывает вторую, чего в разрезе быть не может.

⁷ В тексте отчета опущены ссылки на рисунки в альбоме и отсылка к номерам находок на плане погребения.

⁸ Многочисленные опечатки и неточности в статье, допущенные редакцией, не высланной автору корректурный оттиск, исправлены им в приложении к диссертации [Балонов, 1996, табл. 2].

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таблица. Заметки Пауля Рау на полевых чертежах деталей повозки

Table. Notes by Paul Rau to his field drawings of vehicle parts

1	<i>neue, ungebrauchte Achse / Achse im Zuschnitt des dritten Grabes</i>	новая, неиспользованная ось / ось в разрезе третьей могилы ¹
2	–	толщ[ина] 0,07 [м]
3	<i>Nabe</i>	Ступица
4	<i>schräg durchgehauen im Altertum</i>	косо перерублено в древности
5	<i>3. Achse. Höhe der Achsenbrust 16,5 cm Unten abgehauen Dm. des Achsenschenkels 7 cm</i>	3-я ось. Ширина плеча оси 16,5 см. Внизу отрублено. Дм. окончания оси 7 см
6	<i>ins.(?)<...> Aschsen(?)</i>	ins.(?) <нрзб.> зола(?)
7	<i>2. Achse</i>	2-я ось
8	<i>Birkenholz. Reisig</i>	Березовые сучья. Хворост
9	–	<нрзб.> пято ²
9a	<i>3. Rad[es]</i>	3-е колесо
10	<i>Etwa 0,40 über Bodenniveau im Hügelaufschnitt</i>	Около 0,40 [м] над уровнем земли в разрезе кургана ³
11	<i>Länge der Speichen 0,45. Durchschnitt – 3,5 cm x 2 cm. Eiche</i>	Длина спиц 0,45 [м]. Сечение 3,5 см × 2 см. Дуб
12	<i>4. Achse</i>	4-я ось
13	–	Разрез [З–В]
14	–	Отодвинуть к югу на 20 см
15	<i>2. Achse</i>	2-я ось
16	<i>Querschnitt der Nabe mit dem Achsenschenkel, der nicht rund, sondern rechteckig in der Nabe steckt</i>	Поперечный разрез ступицы с осью, которая не круглая, а прямоугольная, вставленная в ступицу
17	<i>Achsensplitter mit Lohnenschlitz</i>	Обломок оси с намеренно сделанным отверстием ⁴
18	<i>gemeißeltes Loch</i>	Выдолбленное отверстие
19	<i>Achsenbrust, Länge 63 cm, Höhe 15 cm. Unten stark angekohlt</i>	Плечо оси, длина 63 см, высота 15 см. Внизу сильно обуглено
20	<i>abgehauener Achsenschenkel, den Grund berührend</i>	Обломанное окончание оси, касается дна [ямы]
21	<i>Dm. des Achsenschenkels 7 cm. Eiche</i>	Дм. окончания оси 7 см. Дуб
22	<i>4. Achse – Länge des gemeißelten Loches 6 cm. Breite 4 cm. Darin Holzreste – emporstrebend, senkrecht zur Achse. Es ist die Achse des südlichen Rades. Höhe der Achsenbrust 17,5 cm. Westlich nach unten gesenkt, der westliche Achsenschenkel abgehauen. Das Loch scheint die Mitte einzunehmen</i>	4-я ось – длина выдолбленного отверстия 6 см, ширина 4 см. Из него [вверх] торчат остатки дерева перпендикулярно оси. Это ось южного колеса. Высота плеча оси 17,5 см. Западная часть опустилась вниз, западное окончание оси отломано. Отверстие, видимо, было в середине
23	<i>3 Rad, unter dem nördlichen. senkrecht mit dem Achsenloh. Dm der Nabe 23 cm. Am 4 Teil des Nabenkreis 7 Speichen senkrecht Gänzlich zerfallen</i>	3-е колесо, под северным [колесом]. Перпендикулярно отверстию оси. Дм. втулки 23 см. На 4-й части окружности ступицы [сохранились] 7 перпендикулярных [ей] спиц. Полностью распались
24	<i>Vom Radkranz hat sich nur eine unvollständige Felge erhalten. Die Speichen waren an der Wurzel schmal und steckten keilartig in der Nabe</i>	От обода колеса сохранилась только небольшая часть. Спицы у корня [основания] клиновидно заужены и вставлены в ступицу

Примечания. ¹ – на рисунке первой оси (рис. 1,верху) под стержнем и справа от поруба на плече показаны спицы и ободья колес 2 и 3, поверх которых она лежала; ² – вероятно, отпечатки спиц колеса на стенке могильной ямы; ³ – над уровнем погребенной почвы (?); ⁴ – выдолбленное отверстие для чеки, закрепляющей колесо на оси.

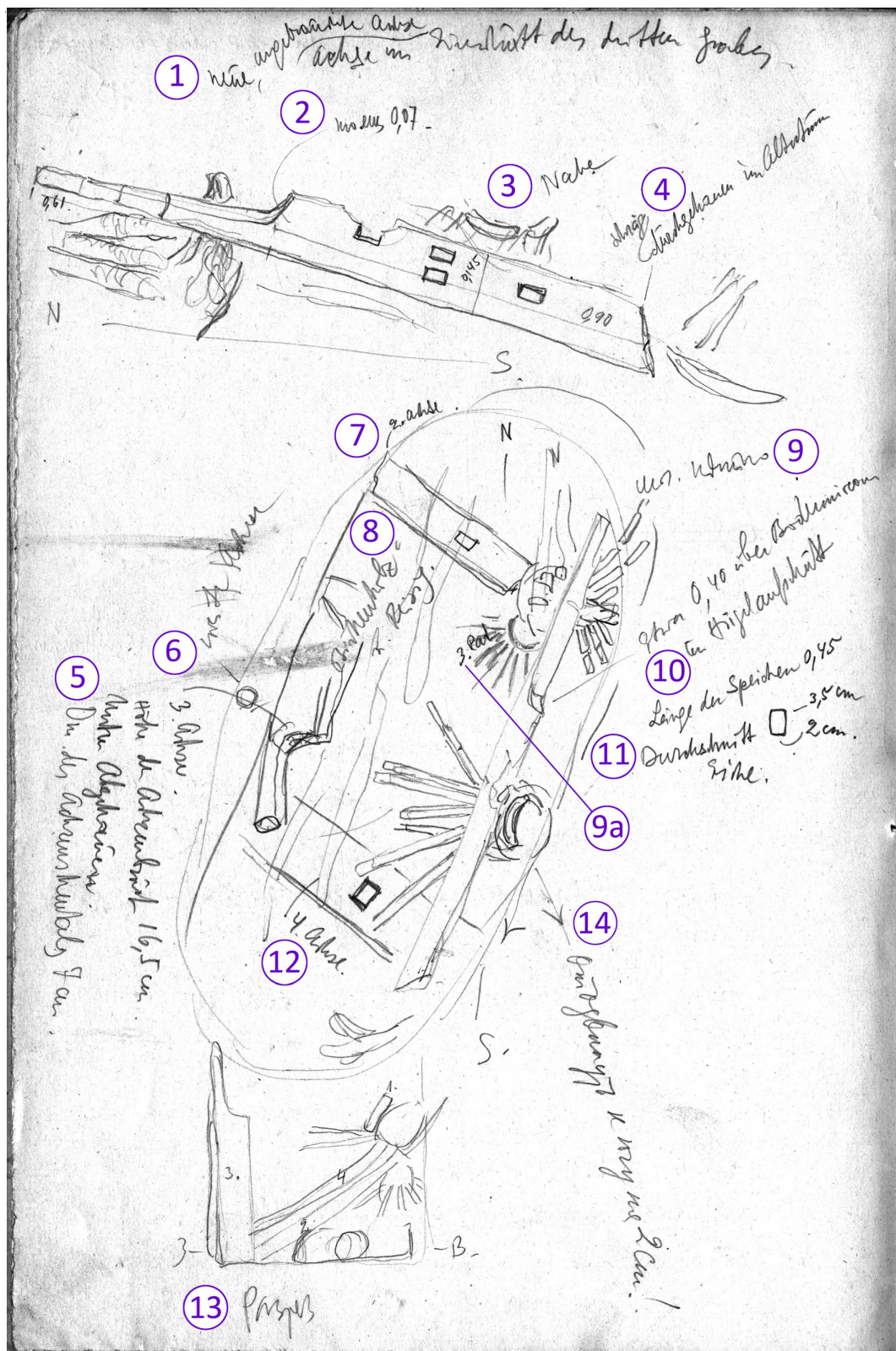

Рис. 1а. Дневник раскопок Пауля Рау 1929 года (Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1929, д. 149, л. 106 об.).
Нумерация заметок на листах отчета проставлена Б.А. Раевым

Fig. 1. 1929 Paul Rau Excavation Diary (Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. F. 2, 1929, no. 149, sheet 106 back side).
Numbering notes on copy' sheets by B.A. Raev

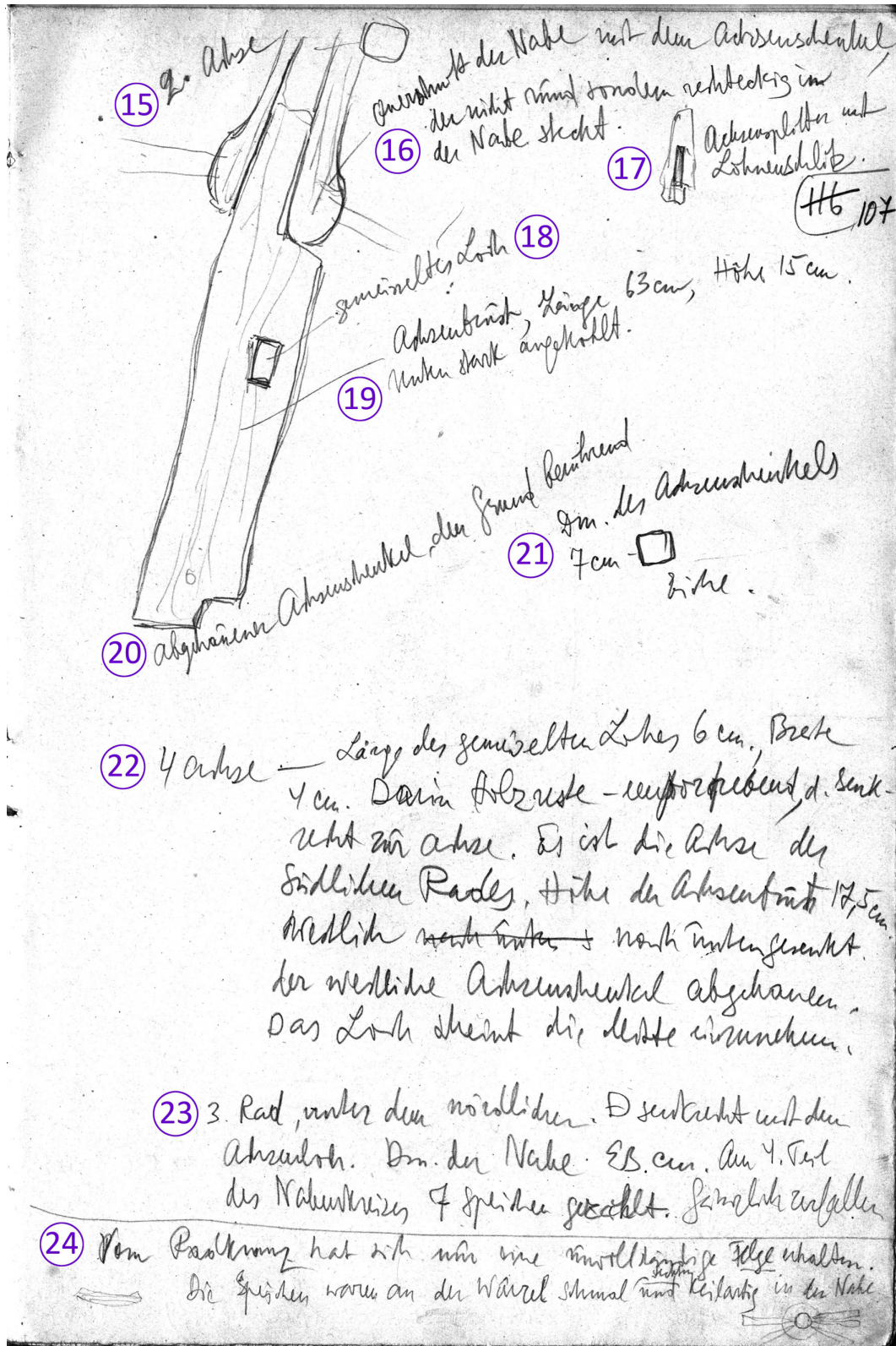
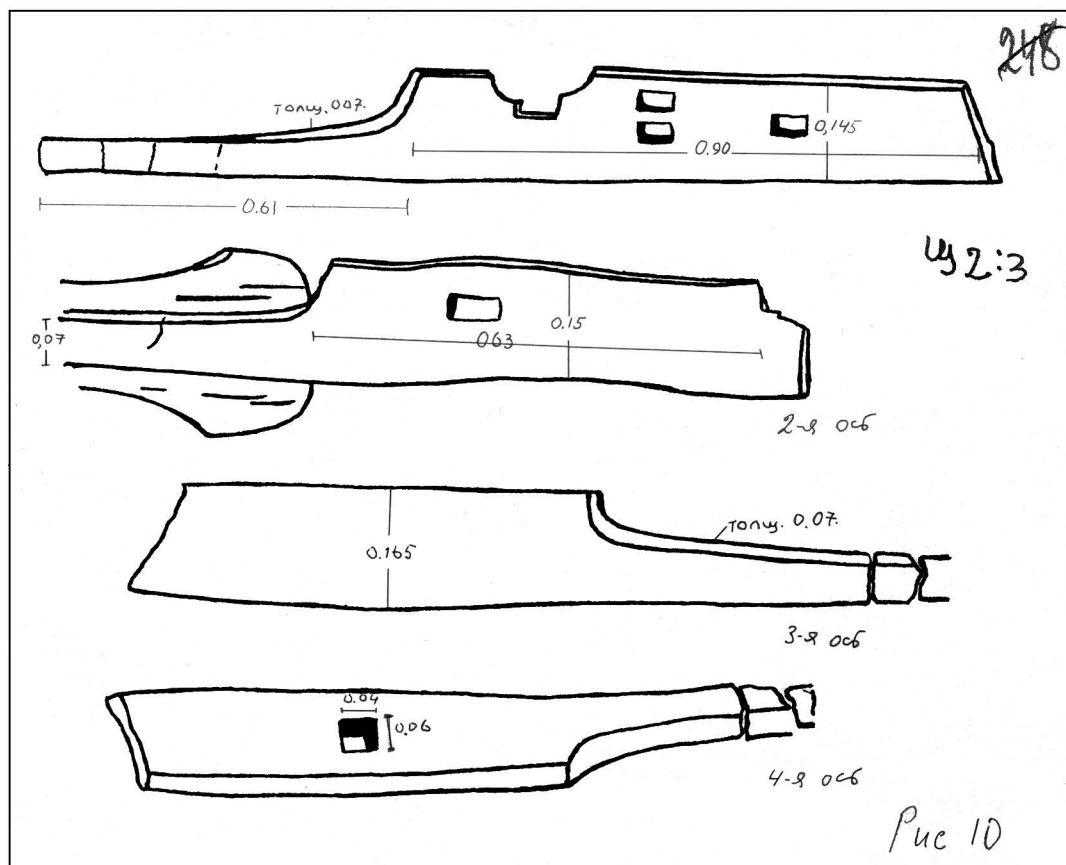

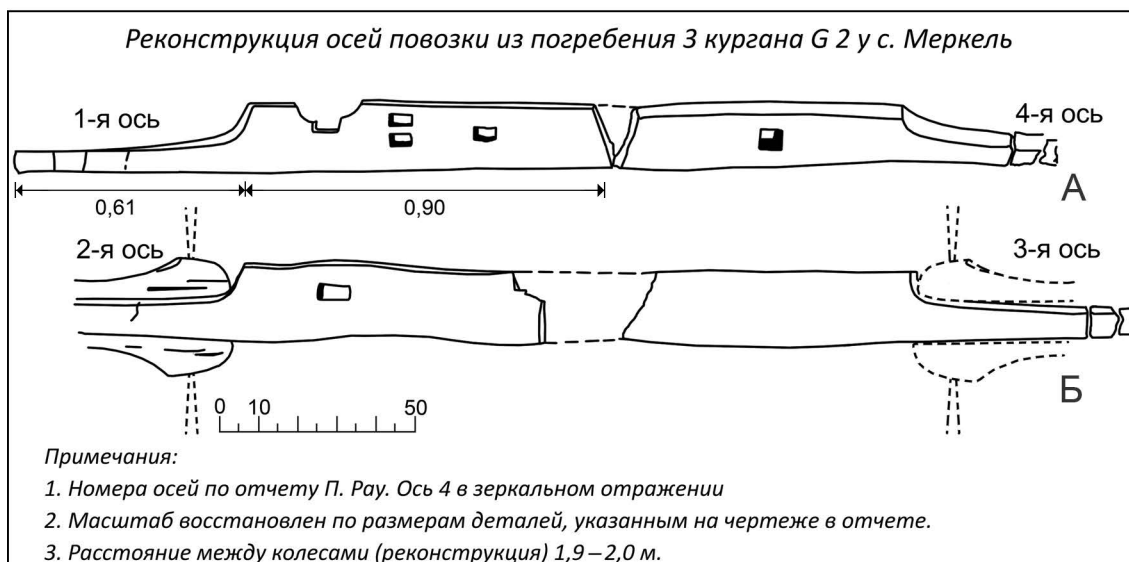
Рис. 16. Дневник раскопок Пауля Рау 1929 года (продолжение; Ф. 2. 1929, д. 149, л. 107)

Fig. 1. 1929 Paul Rau Excavation Diary (continuation: Scholarly archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. F. 2, 1929, no. 149, sheet 107)

1

2

Рис. 2. С. Меркель, курган G2, погребение 3:

1 – оси повозок по полевому отчету Пауля Рау (Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1929, д. 149, л. 209);
2 – реконструкция устройства осей (компьютерная графика автора)

Fig. 2. Village of Merkel, kurgan G2, grave 3:

1 – vehicle axles according to the field report of Paul Rau (Scholarly archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. F. 2, 1929, d. 149, l. 209);
2 – reconstruction of the axles construction (computer graphics by the author)

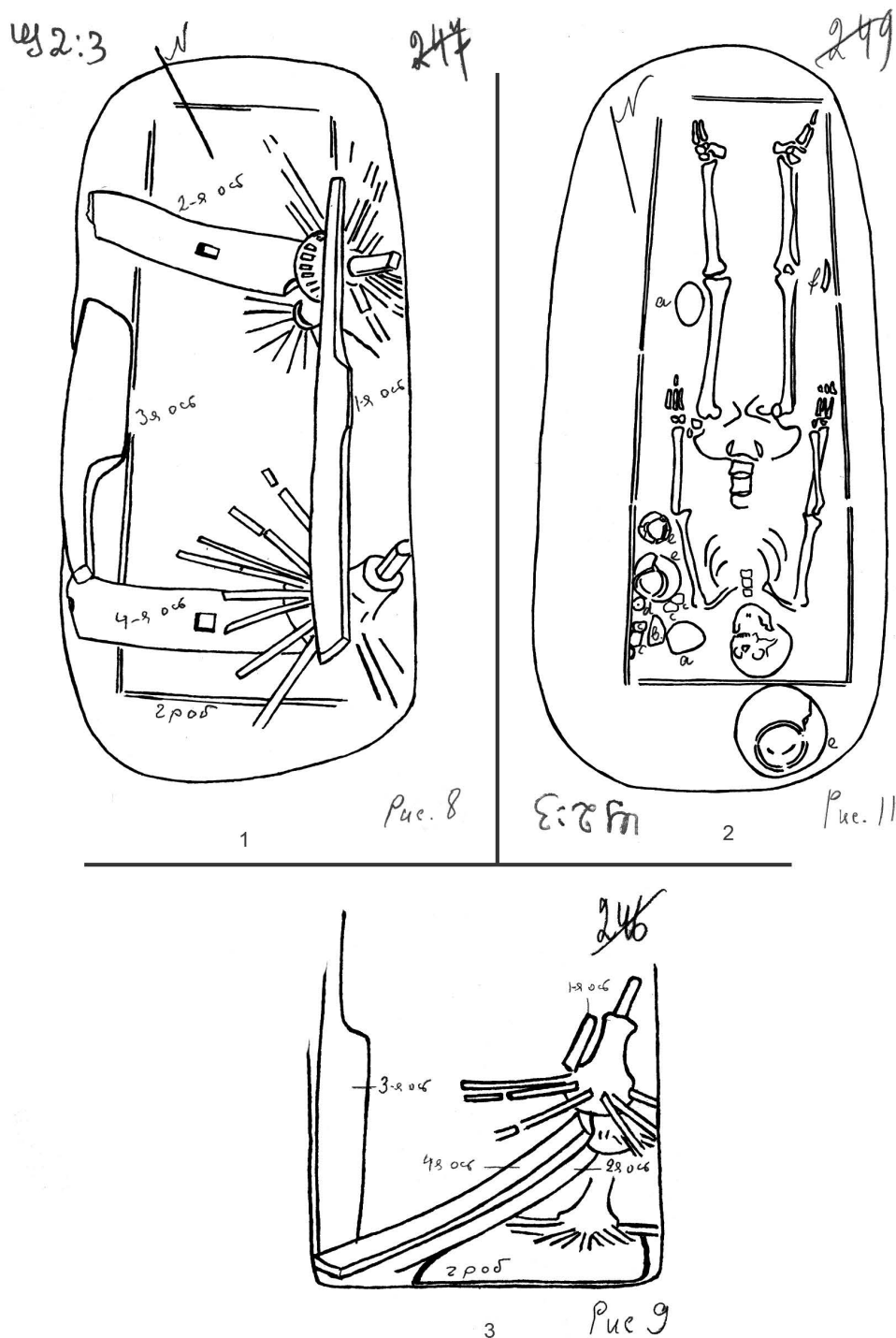

Рис. 3. С. Меркель, курган G2, погребение 3. Рисунки к полевому отчету Пауля Рау 1929 года:
 1 – схема расположения частей повозки в яме погребения (Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1929, д. 149, л. 207);
 2 – план погребения (Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1929, д. 149, л. 210);
 3 – разрез (Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1929, д. 149, л. 208)

Fig. 3. Village of Merkel, kurgan G2, grave 3. Drawings for the Paul Rau report on excavations 1929:
 1 – location of the vehicle parts in the grave pit (Scholarly archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. F. 2. 1929, d. 149, l. 207);
 2 – plan of the grave (Scholarly archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. F. 2. 1929, d. 149, l. 210);
 3 – cross-section (Scholarly archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. F. 2. 1929, d. 149, l. 208)

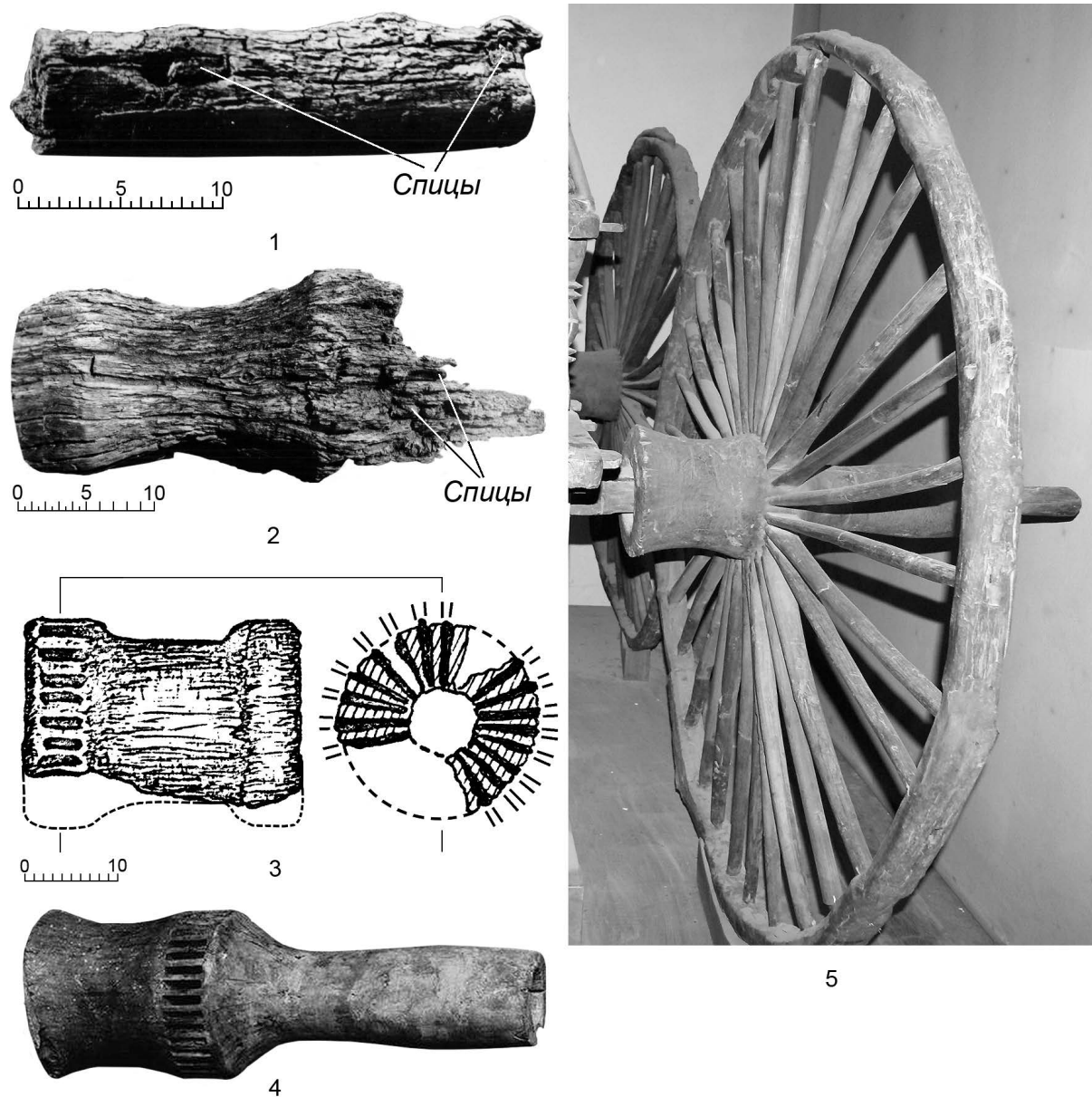

Рис. 4. Ступицы и ободья колес повозок из сарматских курганов и их аналоги:
 1, 2 – часть обода колеса (1) и ступица (2), с. Политотдельское, курган 4, погребение 13
 (по: [Комаров и др., 1990, рис. 54,1,2]); 3 – хут. Антонов, курган 3, погребение 3
 (по: [Мамонтов, 1994, с. 25, рис. 5,3]);
 4 – Пятый Пазырыкский курган (по: [Гук, Николаев, 2012, с. 455, рис. 1,2]);
 5 – то же (архив Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа)*
 (1–5: компьютерная графика автора)

Fig. 4. Wheel naves and rims of vehicles from Sarmatian kurgans and their parallels:
 1, 2 – part of the wheel rim (1) and the same nave (2), Village of Politotdel'skoe, kurgan 4, grave 13
 (after: [Komarov et al., 1990, fig. 54,1,2]); 3 – farmstead of Antonov, kurgan 3, grave 3 (after: [Mamontov, 1994, p. 25, fig. 5,3]);
 4 – Fifth Pazyryk Kurgan (after: [Guk, Nikolaev, 2012, p. 455, fig. 1,2]);
 5 – Fifth Pazyryk Kurgan (archive of the Department of Archeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage)*
 (1–5: computer graphics by the author)

Примечание. * – фотографии для печати были любезно предоставлены мне Николаем Николаевичем Николаевым (Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа), которого я благодарю за интерес к моей работе и помощь в подготовке статьи.

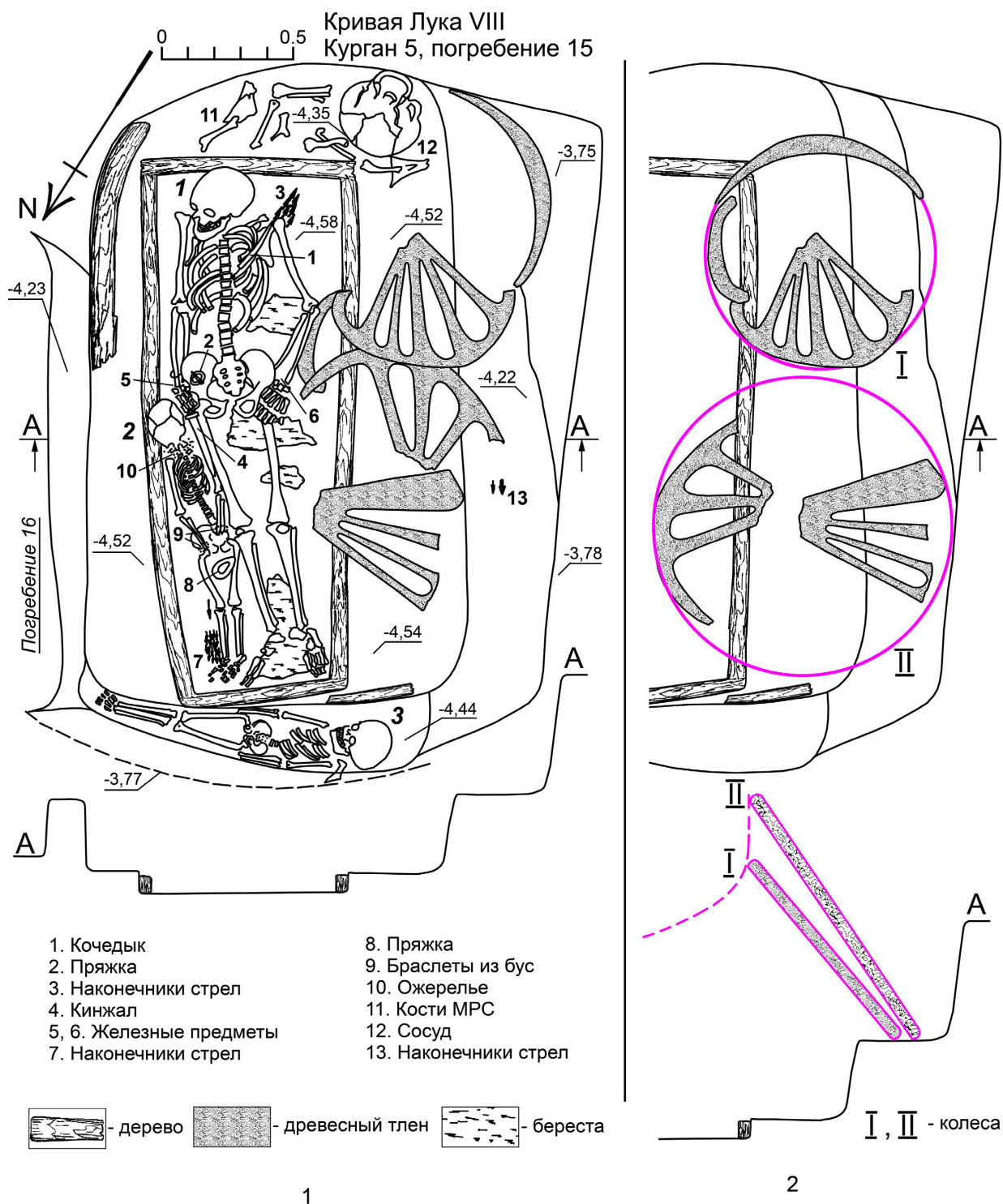

Рис. 5. Могильник Кривая Лука VIII, курган 5, погребение 15:

1 – план погребения (по: [Федоров-Давыдов и др., 1975, рис. 67];
2 – реконструкция расположения колес в могильной яме (1–2: компьютерная графика автора)

Fig. 5. Kurgan cemetery Krivaia Luka VIII, kurgan 5, grave 15:

1 – plan of the grave (after: [Fedorov-Davydov et al., 1975, fig. 67];
2 – the reconstruction of wheels location in the grave pit (1–2: computer graphics by the author)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балонов Ф. Р., 1980. Колесный транспорт сарматской эпохи // Археология Южной Сибири. Кемерово : Кемеров. гос. ун-т. С. 69–87.
- Балонов Ф. Р., 1996. Культ коня и колесницы в скифо-сарматскую эпоху у народов евразийских степей и предгорий : дис. ... канд. ист. наук в форме доклада. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т. 29 с.
- Грязнов М. П., 1955. Колесница ранних кочевников Алтая // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. VII. С. 30–32.
- Гук Д. Ю., Николаев Н. Н., 2012. Повозка из Пятого Пазырыкского кургана // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб. : ИИМК РАН, Периферия. С. 454–457.
- Детлова Е. В., Кузьминых С. В., Малов Н. М., 2019. П.С. Рыков и П.Д. Рау в зеркале переписки с учеными Западной Европы (А.М. Тальгрэн, Г. Мергарт, Э.Х. Миннз, Т. Арне) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 15. Саратов : Изд-во СГУ. С. 224–298.
- Клепиков В. М., 2017. Погребения раннесарматской культуры Нижнего Поволжья с деталями повозки в закладе могильной камеры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, Регионоведение. Международные отношения. Т. 22, № 3. С. 20–35. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.3.2>
- Кожин П. М., 1969. О сарматских повозках // Древности Восточной Европы. К семидесятилетию Алексея Петровича Смирнова. МИА. № 169. М. : Наука. С. 92–95.
- Комаров А. М., Кузьмина О. В., Иванов А. Ю. 1990. Отчет о раскопках курганных могильников у с. Политотдельское (Николаевский район), Хохлачевский (Среднеахтубинский район), у хутора Молокановский (Октябрьский район), Казачий (Котельниковский район) и одиночного кургана у с. Песковатка (Калачевский район) в зонах строительства оросительных систем в Волгоградской области в 1989 г. Волгоград, 1990 // Архив ВОКМ. № 102.
- Мамонтов В. И., 1994. Курганный могильник Антонов I // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4. Волгоград : Перемена. С. 15–46.
- Миняев С. С., Сахаровская Л. М., 2007. Ханьская колесница из могильника Царам // Археологические вести. Вып. 14. С. 130–140.
- Рау П. Д., 1929. Отчеты о раскопках 1928 и 1929 гг. с дневником, чертежами, рисунками и фотографиями // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 149.
- Синицын И. В., 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов : Изд-во СГУ. 134 с.
- Смирнов К. Ф., 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья. МИА. № 60. М. : Изд-во Акад. наук СССР. С. 206–322.
- Смирнов К. Ф., 1960. Быковские курганы // Памятники Нижнего Поволжья. МИА. № 78. М. : Изд-во Акад. наук СССР. С. 169–268.
- Степанов П. Д., 1925. Изделия из дерева в курганах Сусловского могильника. В: Рыков П.С. Суловский курганный могильник // УЗСаратГУ. Т. IV. Вып. 3. С. 76–81
- Федоров-Давыдов Г. А., Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., 1975. Отчет о раскопках курганов в урочище «Кривая Лука» в Черноморском районе Астраханской области в 1974 г. Москва, 1975. Т. 1–3 // Архив Астраханского музея-заповедника.
- Liu Yonghua, 2002. Zhongguo Gu Dai Che Yu Ma Ju. Shanghai Shi : Shanghai ci shu chu ban she. 200 p.
- Wagner M., 2004. Wagenbestattungen im bronzezeitlichen China. In: Fansa M., (Hrsg.) Rad und Wagen: Der Ursprung einer Innovation; Wagen im Vorderen Orient und Europa. Oldenburg-Mainz-Isensee : P. von Zabern. S. 107–122.

REFERENCES

- Balov F.R., 1980. Kolesnyi transport sarmatskoi epokhi [Wheel Transport of the Sarmatian Era]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Kemerovo, KSU, pp. 69-87.
- Balov F.R., 1996. *Kult konya i kolesnitsy v skifo-sarmatskuyu epokhu u narodov evraziiskikh stepey i predgoriy : dis. ... kand. ist. nauk v forme doklada* [The Horse and Chariot Cult in the Scythian-Sarmatian Era in the Population of Eurasian Steppes and Foothills. Cand. hist. sci. diss. in the form of a sci. report]. Saint Petersburg, SPbSU. 29 p.

- Griaznov M.P., 1955. Kolesnitsa rannikh kochevnikov Altaya [Chariot of the Early Altay Nomads]. *Soobshheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Reports of the State Hermitage Museum], vol. VII, pp. 30-32.
- Guk D. Yu., Nikolaev N.N., 2012. Povoзка iz Pyatogo Pazyrykского kurgana [A Chariot from the Fifth Pazyryk Kurgan]. *Kutury Stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiyami* [Cultures of Steppe Eurasia and their Interaction with Ancient Civilizations]. Vol 2. Saint-Petersburg, IHMK RAS, Periferiya Publ., pp. 454-457.
- Detlova E. V., Kuzminykh S. V., Malov N.M., 2019. P.S. Rykov i P.D. Rau v zerkale perepiski s uchenymi Zapadnoi Evropy (A.M. Tal'gren, G. Mergart, E.Kh. Minnz, T. Arne) [P.S. Rykov and P.D. Rau as Reflected in Correspondence with West European Scientists (A.M. Tallgren, G. Merhart, E.H. Minns, T.J. Arne)]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeiskoi stepi* [Archeology of the East European steppe], vol. 15. Saratov, SSU, pp. 224-298.
- Klepikov V.M., 2017. Pogrebeniya rannesarmatskoy kul tury Nizhnego Povolzhya s detaliami povozki v zaklade mogilnoy kamery [The Funeral Ceremony of Early Sarmatian Culture With the Items of the Carriage in the Top of the Burial Chamber (the Lower Volga Region)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 22, no. 3, pp. 20-35. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.3.2>
- Kozhin P.M., 1969. O sarmatskikh povozkakh [On the Sarmatian vehicles]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy. K semidesyatiletyu Alekseya Petrovicha Smirnova* [Antiquities of Eastern Europe. Festschrift for Aleksey Petrovich Smirnov on the occasion of his 70th birthday]. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, no. 169. Moscow, Nauka Publ., pp. 92-95.
- Komarov A. M., Kuzmina O. V., Ivanov A. Iu., 1990. Otchet o raskopkakh kurgannykh mogilnikov u s. Politotdelskoe (Nikolaevskiy rayon), Khokhlachevskiy (Sredneaktubinskiy rayon), u khutora Molokanovskiy (Oktyabrskiy rayon), Kazachiy (Kotelnikovskiy rayon) i odinochnogo kurgana u s. Peskovatka (Kalachevskiy rayon) v zonakh stroitelstva orositelnykh sistem v Volgogradskoy oblasti v 1989 g. [Report on the Excavation of Kurgans near the village of Politotdelskoye (Nikolaevsky District), Khokhlachevsky (Sredneaktubinskiy District), nearby the farmstead of Molokanovsky (Oktyabrsky District), Kazachiy (Kotelnikovsky District) and a Single Kurgan near the village of Peskovatka (Kalachevsky District) in the Areas of Irrigation Systems Construction in the Volgograd region in 1989. Volgograd]. *Arkhiv VOKM*, no. 102.
- Mamontov V.I., 1994. Kurganny mogilnik Antonov I [Kurgan Cemetery Antonov I]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey* [Antiquities of the Volga-Don steppes]. Iss. 4. Volgograd, Peremena Publ., pp. 15-46.
- Miniaev S.S., Sakharovskaya L.M., 2007. Khanskaya kolesnitsa iz mogilnika Tsaram [Han Chariot from the Tsaram Kurgan Cemetery]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], iss. 14, pp. 130-140.
- Rau P.D., 1929. Otchety o raskopkakh 1928 i 1929 gg. s dnevnikom, chertezhami, risunkami i fotografiyami [Reports on Excavations of 1928 and 1929 with Diary, Drawings, Pictures, and Photographs]. *Archive of the Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences*. F. 2, Op. 1, no. 149.
- Sinitsyn I.V., 1947. *Arheologicheskie raskopki na territorii Nizhnego Povolzhya* [Archaeological Excavations in the Lower Volga Region]. Saratov, SSU. 134 p.
- Smirnov K.F., 1959. Kurgany u sel Ilovatka i Politotdelskoe Stalingradskoi oblasti [Kurgans near Ilovatka and Politotdelskoe Villages of the Stalingrad District]. *Drevnosti Nizhnego Povolzhia* [Antiquities of the Lower Volga Region]. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, no. 60. Moscow, AS USSR, pp. 206-322.
- Smirnov K.F., 1960. Bykovskie kurgany [Bykov Kurgans]. *Pamiatniki Nizhnego Povolzhia* [Monuments of the Lower Volga Region]. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, no. 78. Moscow, AS USSR, pp. 169-268.
- Stepanov P.D., 1925. Izdeliya iz dereva v kurganakh Suslovskogo mogilnika [Wooden Crafts in the Kurgans of Suslovsky Kurgan Cemetery]. In: Rykov P.S. Suslovskiy kurganny mogilnik [Suslovsky Kurgan Cemetery]. *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Records of Saratov State University]. Vol. IV, iss. 3, pp. 76-81.
- Fedorov-Davydov G.A., Dvornichenko V.V., Malinovskaya N.V., 1975. Otchet o raskopkakh kurganov v urochishhe «Krivaya Luka» v Chernoiarskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1974 g. Moscow, 1975 [Report on Excavations of Kurgans in the Place of Krivaya Luka of the Chernoyarsk District of the Astrakhan Region in 1974. Moscow, 1975]. Vol. 1, 2, 3. *Arkhiv Astrakhanskogo Museia-Zapovednika*.
- Liu Yonghua, 2002. *Zhongguo Gu Dai Che Yu Ma Ju*. Shanghai Shi, Shanghai ci shu chu ban she. 200 p.
- Wagner M., 2004. Wagenbestattungen im bronzezeitlichen China. In: *Fansa M., (Hrsg.) Rad und Wagen: Der Ursprung einer Innovation; Wagen im Vorderen Orient und Europa*. Oldenburg-Mainz-Isensee, P. von Zabern. S. 107-122.

Information About the Author

Boris A. Raev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St., 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, boris_raev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6006-6173>

Информация об авторе

Борис Аронович Раев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, boris_raev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6006-6173>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.11>

UDC 930.26(470+571):929.6
LBC 63.48(2)-419

Submitted: 29.04.2020
Accepted: 24.11.2020

POLYHEDRON SEALS OF THE TRANSCAUCASIAN ORIGIN DATED 2nd-1st CC BC FROM THE BURIALS OF THE NOMADS OF ASIAN SARMATIA OF THE 1st – FIRST HALF OF THE 2nd CENTURY AD ¹

Mikhail Yu. Treister

German Archaeological Institute, Berlin, Germany

Abstract. The article features the gem of rather rare forms, namely so-called prisms, polyhedra, scaraboids and bifacial gems which were found in the burials of the Asian Sarmatia nomads. The author describes an attempt to attribute seals in the form of polyhedra from Sarmatian burials dated back to the 1st – first half of the 2nd century AD within the Lower and Upper Don and the Lower Volga regions. Polyhedra belong to the forms of gems, which became widespread in the Classical era, both among Greek and so-called Greek-Persian gems. In the 2nd – 1st centuries BC the seals in the form of polyhedra were widely distributed across the Caucasus and, especially, in Transcaucasia region. According to the finds, they are represented by numerous items made of carved stone, as well as of dark blue glass, milky white and greenish color. Moreover, there are also known rectangular forms of prints of such seals on the bulls, in particular which were excavated from the palace at Dedoplist Gora in Caucasian Iberia, dated to the 1st century BC – 1st century AD. The analysis of the shapes, materials and subjects of the images on the seals from the Sarmatian burials considered in the current article suggests that they were made in Transcaucasian workshops of the 2nd – 1st centuries BC. The probable Transcaucasian origin of the seals and their dating to the late Hellenistic period are an indirect confirmation of the hypothesis previously expressed by the author about the early cylindrical, conical seals and scaraboids of the mid-2nd – mid-1st millennium BC found in Sarmatian burials of the 1st century BC – 2nd century AD, originating from the sanctuaries of Transcaucasia.

Key words: burials of the Middle Sarmatian period, Lower and Upper Don region, Lower Volga region, gems of rare forms, polyhedra, glyptics, Caucasus, Transcaucasia.

Citation. Treister M. Yu., 2020. Pechati-mnogogranniki zakavkazskogo proiskhozhdeniya II–I vv. do n. e. iz pogrebeniy kочевников Aziatskoy Sarmatii I – pervoy poloviny II v. n. e. [Polyhedron Seals of the Transcaucasian Origin Dated 2nd – 1st CC BC from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia of the 1st – First Half of the 2nd Century AD]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 200-217. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.11>

УДК 930.26(470+571):929.6
ББК 63.48(2)-419

Дата поступления статьи: 29.04.2020
Дата принятия статьи: 24.11.2020

ПЕЧАТИ-МНОГОГРАННИКИ ЗАКАВКАЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ II–I ВВ. ДО Н.Э. ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ I – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II В. Н.Э. ¹

Михаил Юрьевич Трейстер

Германский археологический институт, г. Берлин, Германия

Аннотация. Обращает на себя внимание тот факт, что в погребениях кочевников Азиатской Сарматии были найдены геммы довольно редких форм, так называемые призмы, многогранники, скарабеоиды и двусторонняя гемма. В статье представлена попытка атрибуции печатей в форме многогранников из сарматских погребений I – первой половины II в. н.э. на Нижнем и Верхнем Дону и в Нижнем Поволжье. Многогранники относятся к формам гемм, получившим распространение еще в классическую эпоху как среди греческих,

так и среди так называемых греко-персидских гемм. Во II–I вв. до н.э. печати в форме многогранников получают широкое распространение на Кавказе и особенно в Закавказье. Они представлены многочисленными изделиями как из резного камня, так и из стекла темно-синего, молочно-белого и зеленоватого цвета. Известны и прямоугольной формы оттиски таких печатей на буллах, в частности из раскопок дворца I в. до н.э. – I в. н.э. в Дедоплис Гора в Кавказской Иберии. Анализ формы, материалов и сюжетов изображений на рассматриваемых в статье печатях из сарматских погребений дает основание предполагать их изготовление в мастерских Закавказья во II–I вв. до н.э. Вероятное закавказское происхождение печатей и их датировка позднеэллинистическим временем являются косвенным подтверждением ранее высказанной автором гипотезы о возможном происхождении ранних цилиндрических, конических печатей и скарабеоидов середины II – середины I тыс. до н.э., найденных в сарматских погребениях I в. до н.э. – II в. н.э., из святилищ Закавказья.

Ключевые слова: погребения среднесарматского периода, Нижнее и Верхнее Подонье, Нижнее Поволжье, геммы редких форм, многогранники, глиптика, Кавказ, Закавказье.

Цитирование. Трейстер М. Ю., 2020. Печати-многогранники закавказского происхождения II–I вв. до н.э. из погребений кочевников Азиатской Сарматии I – первой половины II в. н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 200–217. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.11>

Введение. Начиная со II в. до н.э. обычай украшения ювелирных изделий (кроме перстней) получает особенно широкое распространение именно в Северном Причерноморье, где геммами украшались броши, звенья, наконечники и подвески гривен или ожерелий, а также браслеты, пряжки, косметические флаконы и даже детали конской узды. Большинство этих изделий происходит с территории Боспорского царства и из сарматских погребений Северного Причерноморья [Трейстер, 2007].

Обращает на себя внимание тот факт, что в погребениях кочевников Азиатской Сарматии были найдены геммы довольно редких форм (рис. 1), так называемые призмы (Сады [Разуваев, 1992, с. 235, 237, рис. 2, 19–20; Медведев, 2008, с. 47, рис. 35, 8–9], Кобяковский могильник [Прохорова, Гугуев, 1992, с. 150–151, рис. 10, 6; Прохорова, 1998, с. 290–295, рис. 1, вверху; Cat. Paris, 2001, p. 229–230, no. 245; Kat. Frankfurt, 2003, S. 152, Nr. 115]), многогранники (Сады [Разуваев, 1992, с. 235, 237, рис. 2, 27, 3, 3; Медведев, 2008, с. 47, рис. 35, 7], Кобяковский могильник [Прохорова, Гугуев, 1992, с. 150–151, рис. 10, 5; Прохорова, 1998, с. 295–299, рис. 1, внизу; Cat. Paris, 2001, p. 230, no. 246; Kat. Frankfurt, 2003, S. 152–153, Nr. 116], Комсомольский [Дворниченко и др., 2002, с. 227, рис. 7, 31]), скарабеоиды (Барановка I [Сергацков, 2000, с. 24, 141, рис. 23, 13; Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 77, табл. 14А, а; Дзиговский, Островерхов, 2010, с. 160, рис. 11, 2; с. 166; Археологическое наследие ... , 2013, с. 116 (ил.), № 276] и Чеботарев-V [Балахванцев и др., 2017; Трейстер,

2019]), а также двусторонняя гемма (Вербовский I [Мамонтов, Шинкарь, 2014, с. 137, рис. 3, 8; с. 138, рис. 5, 4; с. 139–140, № 11; с. 142–143]).

В данной публикации мы рассмотрим печати в форме многогранников, имеющих в основании параллелепипед или куб, оформленные в верхней части в виде пирамиды с четырьмя боковыми гранями, как правило с горизонтально срезанной вершиной, и квадров. Таким образом, эти многогранники имеют одну нижнюю грань, на которой вырезалось изображение, восемь боковых граней и могут также иметь небольшую узкую верхнюю грань. В том случае, если эти многогранники имеют в основании параллелепипед, канал отверстия проходит по длинной оси. В литературе их определяли по-разному. Фасетированные квадры (*Facettierte Quader*) (по П. Цаццоффу), или таблоиды (по Д. Бордману), или многогранники (по Н.М. Никулиной) относятся к формам гемм, получившим распространение еще в классическую эпоху как среди греческих (сердолик, халцедон, зеленое стекло) [Zazoff, 1983, S. 153, Abb. 44b; S. 154, Anm. 147; Taf. 35, 9; Boardman, 2001, p. 289, pl. 515; p. 295, pl. 649], так и среди так называемых греко-персидских гемм (агат, халцедон, голубое стекло) [Zazoff, 1983, S. 189, Anm. 146; S. 190–191, Abb. 51a-b; Taf. 44, 1; 45, 1; Spier, 1992, p. 60, no. 116; p. 62, no. 122; Никулина 1994, с. 87–94, рис. 466–469, 471–474 (форма 19); Boardman, 2001, p. 315, figs. 290–291; p. 317, fig. 295; p. 319, fig. 304; p. 321, fig. 310; p. 353, pl. 893; p. 355, pl. 948; p. 356, pl. 976; Dzhavakhishvili, 2007, p. 121–124, no. 4, figs. 5, 7].

Печать в форме многогранника из погребения в кургане у пос. Сады на окраине Воронежа. Многогранник из глухого синего стекла с изображением кормящей жеребенка лошади (рис. 2,2, 3,2) [Разуваев 1992, с. 235, 237–238, рис. 2,27, 3,3; Медведев, 2008, с. 47, рис. 35,7] вместе с двумя аметистовыми призмами, у которых изображения вырезаны на двух сторонах [Разуваев, 1992, с. 235, 237, рис. 2,19–20; Медведев, 2008, с. 47, рис. 35,8–9], был найден в датируемом I в. н.э. погребении мужчины 40–45 лет в кургане № 4/1988 у пос. Сады на окраине Воронежа. Многогранник имеет прямоугольное основание и срезанную вершину, в результате чего образована небольшая верхняя горизонтальная грань прямоугольной формы. Данная печать не сохранилась – в нашем распоряжении есть рисунок, опубликованный в статье Ю.Д. Разуваева, и сделанный автором раскопок гипсовый оттиск, на котором изображение представлено в довольно смазанном виде. Не вызывает сомнения, что на печати представлены самка копытного животного и ее детеныш, сосущий вымя матери. По мнению автора публикации, это сцена с кобылой и жеребенком. Вероятно, исследователь прав, так как пропорции тела животного не соответствовали бы, например, изображению коровы с теленком.

Представленный на печати мотив получил популярность на Ближнем Востоке, в Египте и в Передней Азии [Keel, 1980; Curtis, 1984, p. 24; Root, 2001, p. 192–194] еще с начала III тыс. до н.э. Он был распространен в искусстве Ирана, например на золотом кубке из гробницы № 2 некрополя Марлик [Negahban, 1996, p. 60, ill. 4; p. 77, no. 14], на печати из Нух-и Джан [Curtis, 1984, p. 24, no. 233, fig. 4], и Ближнего Востока: на рельефах из слоновой кости из Нимруда и Арслан-Таша [Barnett, 1975, p. 126–127; 1982, p. 48–49; Wicke, 2013, S. 558, Abb. 338], на печати из гробницы IV Нимруда [Hussein, 2016, p. 44, pl. 178b] – в первые столетия I тыс. до н.э. Наконец, он был представлен также в античном искусстве [Kat. Berlin, 1983, S. 165–166, Nr. 159 (D. Gordon Mitten, с обзором)], в ахеменидской глиптике и в глиптике греко-персидского стиля, например на цилиндрической печати из голубого халцедона, хранящейся в Иерусали-

ме, с изображением кобылы с жеребенком и орла [Boardman, 2000, p. 163, fig. 5.20], на происходящем из кургана № 24/1876 некрополя Нимфея золотом перстне с обсидиановым скарабеоидом, на одной стороне которого вырезано изображение теленка, сосущего вымя коровы, на другой – символа Ахурамазды [Отчет ... , 1877, табл. III,7–8; Силантьева, 1959, с. 56, рис. 24,2; Treister, 2010, p. 254, no. 10 (с лит.)]. Не позднее III тыс. до н.э. в искусстве Ближнего Востока появляются и сцены с изображением антилопы [Bielińska, 2013, p. 122–125, figs. 1–3], газели [Strandberg, 2009] и овцы [Animals in Ancient Art III ... , 1996, p. 169–170, no. III.264 (D. Gordon Mitten, с обзором)], кормящих своих детенышей, в близкой иконографии.

В античной глиптике мотив кобылы, кормящей жеребенка, появляется не позднее VII–VI вв. до н.э. (стеклянный скарабеоид в Женеве [Vollenweider, 1967, p. 155–156, no. 210, pl. 80]), известен в классическое время (стеклянный скарабеоид с о. Киферы в Мюнхене [Brandt, 1968, S. 56–57, Nr. 259, Taf. 30; Габриэлян, 2013, с. 200, табл. III,17]) и по крайней мере до I в. н.э. (гемма из плазмы римской мастерской I в. н.э. в Вене [Zwierlein-Diehl, 1991, S. 91, Nr. 1837, Taf. 37]). Близкая по форме найденной в кургане на окраине Воронежа стеклянная печать с изображением кобылы, кормящей жеребенка, происходит из столицы эллинистической Армении – Арташата [Хачатрян, 1974, с. 102, рис. 6]; здесь же была найдена и серия глиняных булл с оттисками с аналогичным мотивом [Хачатрян, Неверов, 2008, с. 92, 184, № VII,574–575,577; Габриэлян, 2013, с. 200, табл. III,20]. Среди обнаруженных в Арташате булл имеются и оттиски печатей с изображением лани с детенышем [Хачатрян, Неверов, 2008, с. 188, № VII,629]. Таким образом, и форма печати, и мотив позволяют отнести ее к работе закавказской мастерской и датировать в рамках II–I вв. до н.э.

Печать в форме многогранника из погребения № 2/1993 у пос. Комсомольский. Печать из гагата в форме многогранника с основанием квадратной формы и с верхней частью в форме четырехгранной пирамиды была найдена в датированном второй половиной I – началом II в. н.э. погребении № 2/1993 у пос. Комсомольский [Дворничен-

ко и др., 2002, с. 227, рис. 7,31]. На основании печати вырезаны две схематически переданные стоящие человеческие фигурки (рис. 2,3, 3,4). Изображения очень близких стилистически фигур имеются на бронзовых печатях в Британском музее, которые атрибутируются как произведения глиптики ахеменидского времени, вероятнее всего – сиро-палестинского происхождения [Collon, Curtis, 2017, p. 767–768, no. 2, fig. 2; p. 778–779].

Материал, из которого вырезана печать, очень редко использовался в глиптике, хотя известны редкие примеры, датирующиеся еще III тыс. до н.э., найденные как на Кавказе, так и в Средней Азии [Hiebert, 2002, p. 1–3, figs. 1–3; p. 11–12]. Судя по находкам из Гордиона, гагат использовался для изготовления печатей в Малой Азии и во II тыс. до н.э. [Dusinberre, 2005, XIII, p. 37–38, nos. 7–8], и позднее: известны скарабеоид ахеменидского времени [Dusinberre, 2005, p. 25–26, 59–60, no. 39, fig. 49, a–b; 2010, p. 332–333, fig. 31.13] и коническая печать, которую относят к эллинистическому времени [Dusinberre, 2005, p. 74–75, no. 68, fig. 78, a–b]. Широкое распространение гагата в Малой Азии и Закавказье дает основание предполагать, что печать, найденная в Нижнем Поволжье, происходит из этого региона.

Печать в форме многогранника из погребения в кургане № 10/1987 Кобяковского могильника. Многогранник из кварца, найденный в погребении кургана № 10/1987 Кобяковского могильника, по своей форме очень близок к рассмотренному выше многограннику из кургана у пос. Сады. На нижней грани печати представлено изображение лежащего в профиль вправо копытного с поджатыми под себя задними и правой передней конечностью, левая передняя нога вытянута вперед. На загравке копытного животного изображена стоящая также в профиль вправо хищная птица (орел?) с загнутым клювом и коротким хвостом (рис. 2,1, 3,3) [Прохорова, Гугуев, 1992, с. 150, 151, рис. 10,5; Прохорова, 1998, с. 295–299, рис. 1, внизу; Kat. Frankfurt, 2003, S. 152–153, Nr. 116]. По мнению Т.А. Прохоровой [1998, с. 296], лежащее животное – это осел, о чем свидетельствуют его большие уши, а также отсутствие рогов, с чем трудно не согласиться, хотя и высказы-

вались соображения, что это мог быть онагр или даже олень [Kat. Frankfurt, 2003, S. 152]. На мой взгляд, представленное копытное без рогов и с длинными ушами может быть и самой лани. Птица, как предположила исследовательница, является либо орлом, либо вороном [Прохорова, 1998, с. 296].

Точных аналогий представленной сцене мне найти не удалось. Что же касается композиции, то хищная птица (орел), стоящая на крупе или на рогах барана, изображалась довольно часто на сасанидских геммах: это могла быть целая фигура лежащего барана [Vollenweider, 1967, p. 87, no. 102, pl. 44; Zwielerlein-Diehl, 1991, S. 204, Nr. 2412 с лит., Taf. 140] или только голова с сидящей на рогах птицей [Zwielerlein-Diehl, 1991, S. 204, Nr. 2413–2414, Taf. 140], что позволяет предполагать переднеазиатское происхождение этого мотива. Действительно, на сердоликовом скарабеоиде из коллекции В.В. Павлова (в собрании Музея Востока в Москве), датированном IV–III вв. до н.э., изображен лежащий олень, на спине которого представлена в профиль стоящая птица [Никулина, 1994, рис. 482; Берзина, 2010, с. 56–57, № 21]. Подобное же изображение лежащего с поджатыми конечностями оленя и представленной в профиль птицы, сидящей на нем, имеется и на оттиске парфянской печати из Нисы [Массон, Пугаченкова, 1954, с. 163, рис. 10]. С другой стороны, детали изображения птиц на указанных выше сценах не указывают на то, что это хищная птица, и сидит она не на загравке, а ближе к хвосту животного. Также и положение вытянутой передней ноги животного на кобьяковском многограннике не характерно для изображений лежащих копытных животных (преимущественно оленей) в глиптике греко-персидского стиля, где вытянутая вперед одна из передних конечностей изображалась приподнятой и согнутой в коленном суставе [Никулина, 1994, рис. 476, 484; Boardman, 2001, p. 355–357, pls. 941, 948, 981, 982, 985, 986; в том числе и на упомянутом выше скарабеоиде из коллекции В.В. Павлова]. Сопоставимо, пожалуй, лишь положение правой передней ноги газели на халцедоновом скарабеоиде в Музее Метрополитен [Никулина, 1994, рис. 475; Richter, 2006, p. 29, no. 113, pl. 19].

Изображение орла, сидящего на голове оленя, представлено на монетах Кротона [Imhoof-Blumer, Keller, 1889, S. 28, Taf. IV, 29], встречается, но очень редко и в римской скульптуре [Basis mit Hirschkopf und Adler]. На многофигурном рельефе первых веков н.э. из Тира изображена стоящая в профиль вправо лань (?), кормящая сидящего под ней младенца, а на ее спине *en face* представлена фигура орла с опущенными крыльями [Seurig, 1963, p. 23–24, pl. II, 1]. При раскопках поселения Эд-Дур в ОАЭ в слое II–III вв. н.э. была найдена каменная скульптура с изображением орла, сидящего на букрании [Lecomte, 1993, p. 196, 205, fig. 2]. Напротив, для Малой Азии такие образы характерны – отсюда происходят бронзовые статуэтки с изображением орла, сидящего на голове козла, и орла, сидящего на полной фигуре козла, из коллекции Хильпрехта [Warden, 1997, p. 57, nos. 189–191, pl. 21], а также орла, сидящего на голове быка, из этой же коллекции [Warden, 1997, p. 55–56, nos. 184–187, pl. 21; 2002, p. 130, fig. 4; p. 131] и из собрания Университета Мюнстера [Whybrew, 2016, S. 927–936, Taf. 113, 1–3], а также с известным происхождением – из Киликии [Lafli, Feugère, 2006, p. 95–96, nos. 94–95, figs. 27–28] и Пафлагонии [Kara et al., 2013, p. 177, fig. 5]. Изображение орла, сидящего на крупе или на голове оленя, встречаются в Малой Азии начиная с бронзового века, в частности в хеттском искусстве [Warden, 1997, p. 57–58, nos. 192–193, pls. 21–22]. Подобные изображения получают широкое распространение в памятниках искусства из Малой Азии, где их связывают с культом Юпитера Долихена [Blömer, Crowther, 2014, p. 349–354, 363–364; Whybrew, 2016, S. 930–932], а также из Закавказья последних столетий до н.э. – I в. н.э.: на бронзовых фигурках, как правило, с изображением оленя и орла, сидящего на его крупе или рогах [Хачатрян, 2003, с. 164–165, табл. II, 1.4–5.7; Хачатрян, Неверов, 2008, с. 51–52], на рельефах [Blömer, Crowther, 2014, p. 346–347, pls. 55, 2, 59].

Особенно важно то, что рассматриваемые изображения встречаются на печатях в форме многогранников, которые восходят к более ранним печатям ахеменидского времени и получают широкое распространение на Кавказе и в Закавказье (в Грузии [Максимо-

ва, 1941; Лордкипанидзе, 1963; Boardman, 2001, p. 322; Javakhishvili, 2002, p. 71–80; 2015, p. 12–13, 31, pl. I, 14; p. 33, III, 21–25], Азербайджане (Мингечаур) [Бабаев, 1965] и Армении [Хачатрян, 1965; Хачатрян, 1974; 1976, с. 127–131; Манукян, 1988; 1992, с. 8–12; Хачатрян, Неверов, 2008, с. 49; Габриэлян, 2013; Демирханян, 2016, с. 60, 78, 94–98, табл. 25, 1]) во II–I вв. до н.э. Они представлены многочисленными изделиями как из резного камня, так и из стекла темно-синего, молочно-белого и зеленоватого цвета. Так, на стеклянной печати из Ошакана в Армении изображена птица на спине у скачущего оленя [Хачатрян, 1965, с. 276, рис. 5; Есаян, Калантарян, 1988, с. 58, 65, табл. XLVII, 11; Габриэлян, 2008, с. 155, табл. I, 14]. Аналогичная печать происходит из Гориса [Хнчикян, 1981, с. 312–314, рис. 3, 1; Хачатрян, 2003, табл. I, 21; Габриэлян, 2008, с. 155, табл. I, 12]. По находкам в Армении известны и другие печати [Хачатрян, 2003, табл. I, 22–26] и оттиски печатей [Хачатрян, Неверов, 2008, с. 48–50] с аналогичным сюжетом. На буллах из Арташата имеются оттиски гемм с изображением птицы, сидящей на козле [Хачатрян, Неверов, 2008, с. 190–191, VII, № 653–657]. Среди оттисков на буллах из раскопок дворца I в. до н.э. – I в. н.э. Дедоплис Гора в Кавказской Иберии имеется оттиск прямоугольной формы печати-многогранника с изображением козла [Javakhishvili, 2008, p. 200, 220, no. 30, pls. 82–83].

Отсутствие прямых аналогий затрудняет датировку печати-многогранника из Кобяковского могильника. Круг аналогий изображениям хищной птицы, сидящей на голове или крупе копытного животного, позволяет предполагать происхождение мотива печати из Малой Азии, Закавказья, Кавказа или Парфии. Форма печати, казалось бы, не позволяет датировать ее позднее IV в. до н.э., однако на печатях такой формы, вырезанных в греко-персидском стиле, изображения помещались, как минимум, на шести гранях, а очень часто – на всех десяти. На рассматриваемой печати, так же как и на печатях из курганов у пос. Сады и Комсомольский, изображение имеется лишь на нижней широкой грани. Все это, а также распространение близких сюжетов на стеклянных печатях II–I вв. до н.э., найденных на территории Армении, позволяет

предполагать возможность происхождения кобьяковской печати из Закавказья и ее датировки позднеэллинистическим временем.

Какие еще печати из сарматских погребений могут происходить из Закавказья? Не исключено, что не только многогранные печати, но и скарабеоиды позднеклассического – эллинистического времени могли попасть к сарматам также из Закавказья. К ним относится халцедоновый скарабеоид с почти округлым основанием из кургана № 3 могильника Барановка I. На плоской стороне вырезано изображение хищной птицы (орла?), терзающей рыбу (рис. 3, I) [Сергацков, 2000, с. 24, 141, рис. 23, I3; Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 77, табл. 14А, а; Дзиговский, Островерхов, 2010, с. 160, рис. 11, 2; с. 166; Археологическое наследие ... , 2013, с. 116 (ил.), № 276]. Материал (халцедон) и форма (скарабеоид) дают основания полагать, что скарабеоид на момент погребения представлял собой антикварную вещь и вряд ли может датироваться позднее V–IV вв. до н.э., хотя точных аналогий на скарабеодах классического времени мне не удалось найти. Более того, изображение на скарабеоиде из Барановки очень схематично по сравнению с изображениями на скарабеодах греческого классического и греко-персидского стилей.

Сама форма печати – почти округлая – также примечательна. Греческие и греко-персидские скарабеоиды имеют обычно овальную форму основания, хотя среди последних встречаются и экземпляры с почти округлым основанием, как правило с изображением в стиле *a globolo* (например: [Zazoff, 1983, S. 186–189, Anm. 130, 132, 144, Abb. 50d, Taf. 45, 3.5; Boardman, 2001, p. 322, 356, pls. 981–983]). Округлую форму имеют некоторые скарабеоиды из Северо-Восточной Анатолии и Армении, в частности датированная по надписям печать III в. до н.э., происходящая из окрестностей Эрзерума и хранящаяся в Отделе Востока Эрмитажа [Манукян, 1992, с. 7]. Каменные скарабеоиды почти округлой формы обнаружены в погребениях из Ошакана (горный хрусталь, сцена схватки человека с кабаном) [Есяян, Калантарян, 1988, с. 66, табл. XLII, I] и Сисиана (сердолик, сцена сражения) [Khachatryan, 2011, p. 63–64, pls. III, 9, V, 8], в изображениях кото-

рых прослеживается влияние греко-персидской глиптики. И по форме, и по стилю изображения являются, скорее всего, изделиями III–I вв. до н.э. [Хачатрян, 1974; Манукян, 1992, с. 12; Chacatrijan, 2000, S. 43–49, Abb. 1–2]. В этой связи отметим происходящий из погребения первой половины III в. н.э. некрополя Алма-Кермен в Юго-Западном Крыму высокий сердоликовый скарабеоид, также почти округлый в плане, на основании которого вырезано очень схематичное изображение двух сидящих, обращенных друг к другу сфинксов или грифонов [Зайцев и др., 2007, с. 255, рис. 17, 5, 31] – сюжет изображения явно восходит к одному из распространенных сюжетов на печатях из Малой Азии VI–V вв. до н.э. [Boardman, 2001, p. 306, 351, pl. 834; Özgen, Öztürk, 1996, p. 140, no. 95].

Закключение. Предполагаемое закавказское происхождение многогранных печатей и скарабеоидов эллинистического времени из погребений кочевников I – первой половины II в. н.э. на Нижнем и Верхнем Дону и в Нижнем Поволжье является косвенным подтверждением высказанной нами ранее гипотезы о возможном происхождении ранних цилиндрических, конических печатей и скарабеоидов середины II – середины I тыс. до н.э., найденных в сарматских погребениях I в. до н.э. – II в. н.э., из святилищ Закавказья [Трейстер, 2019, с. 26].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФФИ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную возможность работать в экспозиции и фондах музеев, в которых хранятся рассмотренные в статье печати, Д.В. Васильеву, Э.Р. Чиняковой (Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник), Н.В. Хабаровой †, А.В. Жадаевой (Волгоградский областной краеведческий музей), А.П. Медведеву (Воронежский государственный университет), М.В. Герасименко (Государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, Таганрог). Особая благодарность – Ю.Д. Разуваеву – за предоставление прорисовки и слепка печати из кургана у пос. Сады.

The present publication was made in frames of the project funded by the DFG (German Science Foundation) and the Russian Humanitarian Scientific Foundation “Forms and ways of cultural contacts of the nomads of Asian Sarmatia. Imports in the Sarmatian monuments of the 2nd century BC – 3rd century AD” (FL-334/15-1). The project partner from the Russian side – B.A. Raev. The author expresses his sincere gratitude for the opportunity given to us to work in the exhibitions and depots of the museums, in which

the seals discussed in the article are kept: D.V. Vasiliev, E.R. Chinyakova (Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve), N.V. Khabarova †, A.V. Zhadaeva (Volgograd Regional Museum of Local Lore), A.P. Medvedev (Voronezh State University), M.V. Gerasimenko (State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, Taganrog). Special thanks to Yu.D. Razuvaev – for providing a drawing and a cast of the lost seal from the Burial-mound near Sady.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

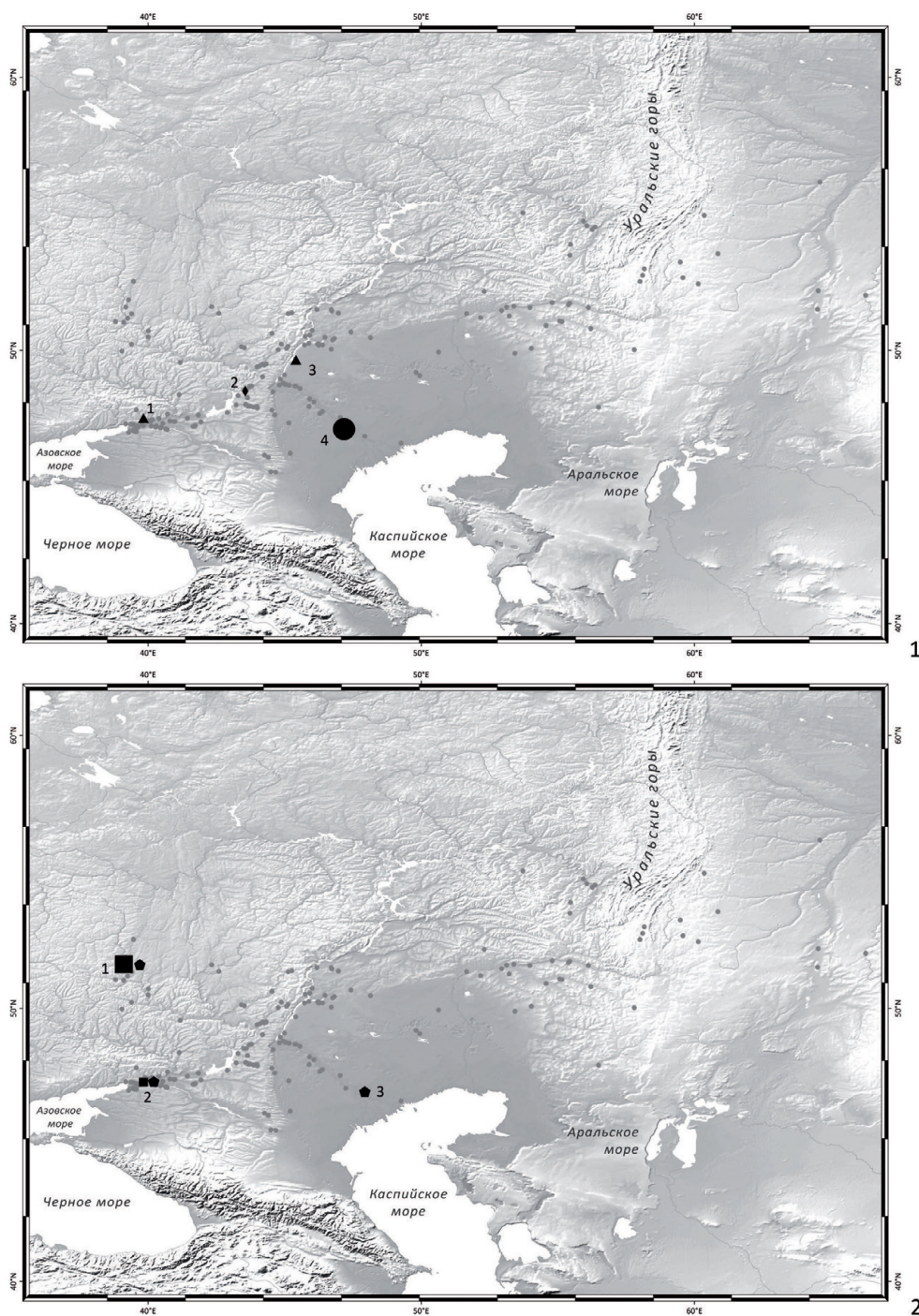

Рис. 1. Геммы и печати редких форм в погребениях кочевников Азиатской Сарматии:
Карта 1. Цилиндрические печати (круг), скарабеоиды (треугольник), двусторонняя гемма (ромб):
1 – Чеботарев V; 2 – Вербовский 1; 3 – Барановка I; 4 – Косика.
Карта 2. Призмы (квадрат) и многогранники (пятиугольник): 1 – Сады; 2 – Кобяковский могильник;
3 – Комсомольский. Карты: М.Ю. Трейстер, 2020, подоснова – Г.П. Гарбузов

Fig. 1. Gems and seals of rare shapes in the burials of the nomads of Asian Sarmatia:

Map 1. Cylindric seals (circle), scaraboids (triangular), bifacial gem (rhombus):
1 – Chebotarev V; 2 – Verbovskiy 1; 3 – Baranovka I; 4 – Kosika.
Map 2. Prisms (quadrate) и polyhedra (pentagon): 1 – Sady; 2 – Kobyakovo cemetery;
3 – Komsomolskii. Maps: M.Yu. Treister, 2020, background – G.P. Garbuzov

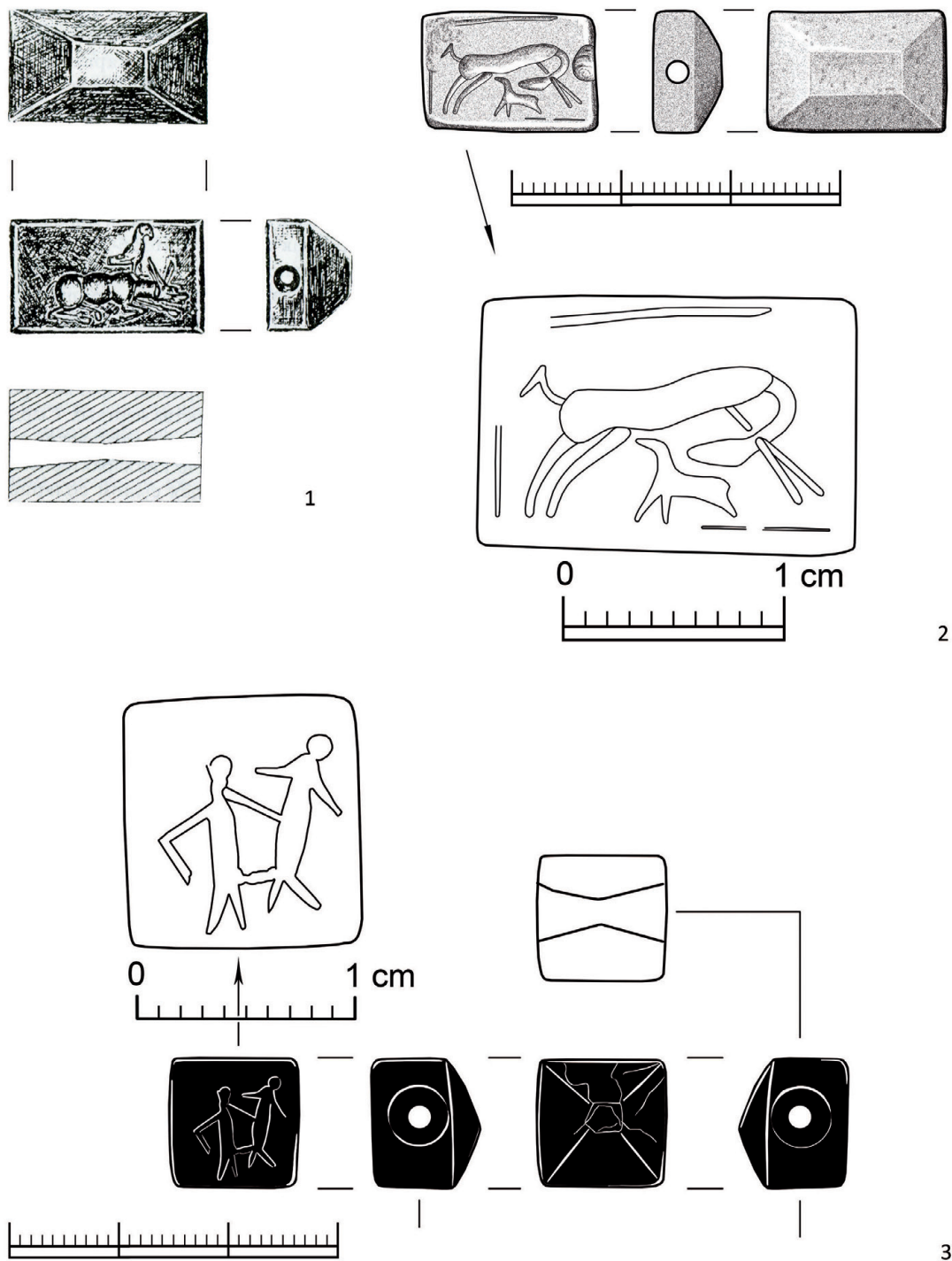

Рис. 2. Прорисовки многогранных печатей из сарматских погребений Подонья:

- 1 – Кобяковский могильник, курган № 10/1987 (по: [Прохорова, 1998, рис. 1, внизу];
 2 – Сады, курган № 4/1988 (рисунок Ю.Д. Разуваева, доработан Н.Е. Беспалой, 2015);
 3 – Комсомольский, погребение № 2/1993. Астрахань, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, инв. № 42918 (рисунок Н.Е. Беспалой, 2015)

Fig. 2. Drawings of the polyhedron seals from the Sarmatian burials of the Don basin:

- 1 – Kobyakovo cemetery, kurgan no. 10/1987 (after: [Prokhorova, 1998, fig. 1, below]);
 2 – Sady, kurgan no. 4/1988 (drawing by Yu.D. Razuvaev, adopted by N.E. Bespalaya, 2015);
 3 – Komsomolskii, burial no. 2/1993. Astrakhan, Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv. no. 42918 (drawing by N.E. Bespalaya, 2015)

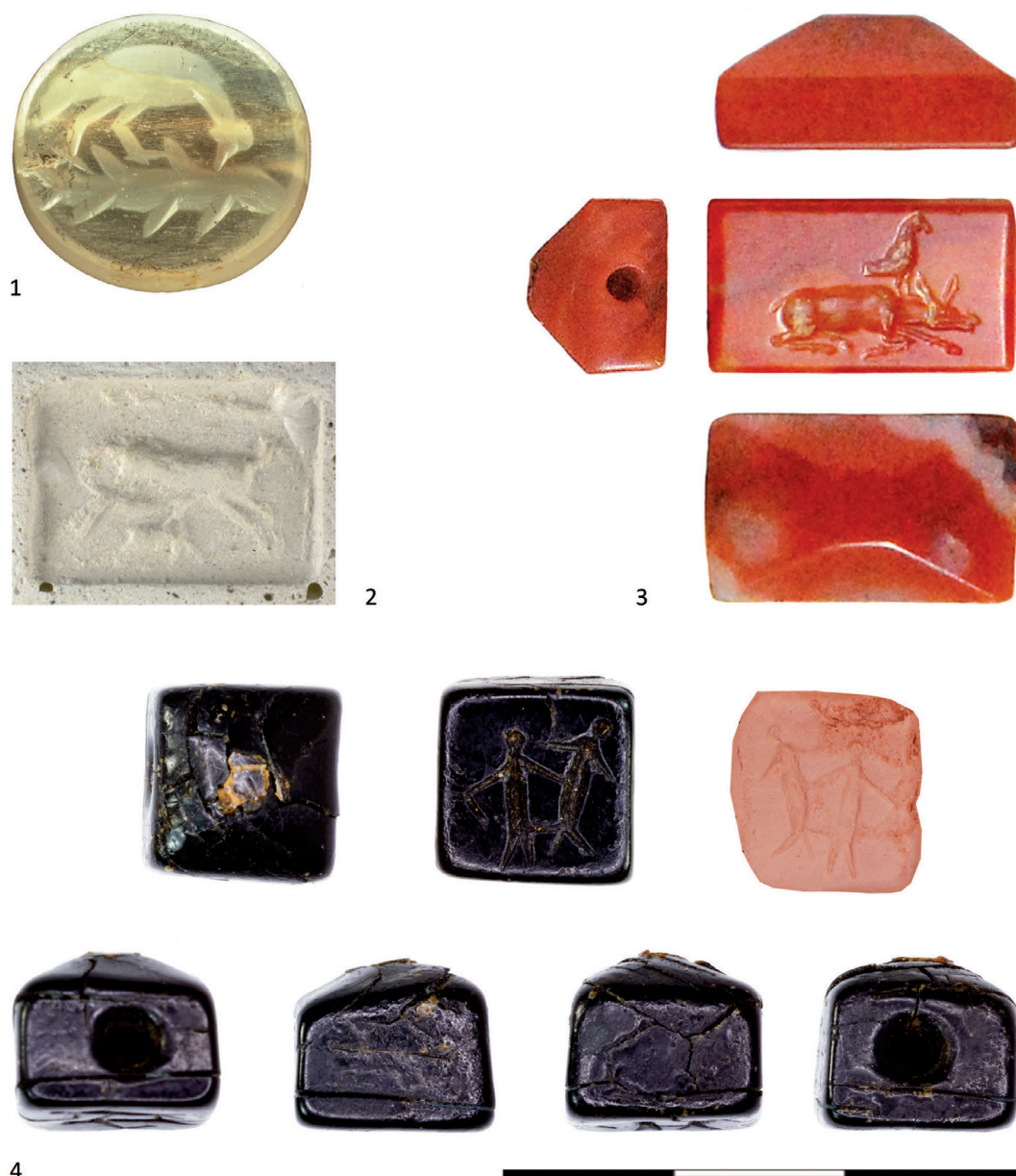

Рис. 3. Скарабеоид и многогранные печати из сарматских погребений Подонья и Нижнего Поволжья:
 1 – Барановка I, курган № 3/1982, погребение № 1. Волгоград, Волгоградский областной краеведческий музей, инв. № 25800/20 (фото Н.В. Хабаровой); 2 – Сады, курган № 4/1988, оттиск, печать утрачена (фото М.Ю. Трейстера, 2015); 3 – Кобяковский могильник, курган № 10/1987. Таганрог, Государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, инв. № КП-1642/174, А – 4146/174 (фото В.К. Гугуева);
 4 – Комсомольский, погребение № 2/1993. Астрахань, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, инв. № 42918 (фото М.Ю. Трейстера, 2015)

Fig. 3. A scaraboid and polyhedron seals from the Sarmatian burials of the Don and Lower Volga basins:

1 – Baranovka I, kurgan no. 3/1982, burial no. 1. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv.-no. 25800/20 (photo by N.V. Khabarova); 2 – Sady, kurgan no. 4/1988, impression; the seal lost (photo by M. Treister, 2015); 3 – Kobyakovo cemetery, kurgan no. 10/1987. Taganrog, State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, inv. no. КП-1642/174, A – 4146/174 (photo by V.K. Guguev);
 4 – Komsomolskii, burial no. 2/1993. Astrakhan, Astrakhan, Astrakhan State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv. no. 42918 (photo by M. Treister, 2015)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея, 2013. Волгоград : Издатель. 288 с.
- Бабаев И., 1965. О трех стеклянных многогранных печатях, найденных в Мингечауре // Археологические исследования в Азербайджане. Баку : Изд-во АН Азербайджанской ССР. С. 128–133.
- Балахванцев А. С., Мимоход Р. А., Успенский П. С., 2017. Древнееврейская печать из сарматского погребения на Нижнем Дону // Российская археология. № 4. С. 155–159.
- Берзина С. Я., 2010. Древние геммы Востока. М. : Памятники исторической мысли. 208 с.
- Габриэлян А., 2008. Расписная булла из Эребуни // Историко-филологический журнал. № 3. С. 148–159. (На арм. яз.)
- Габриэлян А., 2013. О некоторых многогранниках из Армении // История и культура. Арменоведческий журнал : сб. науч. ст. № 1. С. 193–208. (На арм. яз.)
- Дворниченко В. В., Плахов В. В., Сергацков И. В., 2002. Сарматские погребения у поселка Комсомольский Астраханской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. С. 224–250.
- Демирханян А. Г., 2016. Северо-Восток Еревана в эпоху Арташесидов. Материальная и духовная культура по данным античного поселения в Аван-Ариндже (II в. до н.э. – начало I в. н.э.) : дис. ... канд. ист. наук. Ереван. 122 с.
- Дзиговский А. Н., Островерхов А. С., 2010. «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом // Stratum plus. № 3. С. 145–174.
- Есаян С. А., Калантарян А. А., 1988. Ошакан I. Основные результаты раскопок 1971–1983 гг. Археологические раскопки в Армении. Вып. 18. Ереван : Изд-во АН Армянской ССР. 131 с.
- Зайцев Ю. П., Волошинов А. А., Кюнелът Э., Масякин В. В., Мордвинцева В. И., Фирсов К. Б., Флесс Ф., 2007. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) I–III вв. н.э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Т.Н. Высотской. Археологические исследования. Симферополь : Универсум. С. 249–290.
- Лордкипанидзе М. Н., 1963. Иберийские копии с малоазийских гемм позднеахеменидского времени // Вестник отделения общественных наук АН Грузинской ССР. № 6. С. 134–154. (На груз. яз.)
- Максимова М. И., 1941. Стеклянные многогранные печати, найденные на территории Грузии // Известия Института языка, истории и материальной культуры Грузии АН Грузинской ССР. Вып. 10. С. 75–92.
- Мамонтов В. И., Шинкарь О. А., 2014. Два сарматских погребения из курганного могильника Вербовский I // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 14. С. 132–144.
- Манукян А. Б., 1988. Каменные и стеклянные многогранные печати, обнаруженные в Армении // Третий Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке : тез. докл. Ереван : Изд-во АН Армянской ССР. С. 74–75.
- Манукян А. Б., 1992. Глиптика древней Армении (VI в. до н.э. – III в. н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван. 21 с.
- Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1954. Оттиски парфянских печатей из Нисы // Вестник древней истории. № 4. С. 159–169.
- Медведев А. П., 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М. : Таус. 235 с.
- Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В., 2006. Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь : Тарпан. 140 с.
- Никулина Н. М., 1994. Искусство Ионии и ахеменидского Ирана. М. : Искусство. 144 с.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1877 г. (Публ. 1880). СПб. 296 с.
- Прохорова Т. А., 1998. Резные камни из погребения в кургане 10 Кобяковского могильника // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15. Азов : Азовский краеведческий музей. С. 290–300.
- Прохорова Т. А., Гугуев В. К., 1992. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // Советская археология. № 1. С. 142–161.
- Разуваев Ю. Д., 1992. Курганы I в. н.э. у южной окраины г. Воронежа // Советская археология. № 1. С. 234–239.

- Сергацков И. В., 2000. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 395 с.
- Силантьева Л. Ф., 1959. Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов. Материалы и исследования по археологии СССР. № 69. М. ; Л. : Изд-во Академии Наук СССР. С. 5–107.
- Трейстер М. Ю., 2007. Вставки гемм (за исключением перстней) // Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Производство торевики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. Т. I. Симферополь, Бонн : Тарпан. С. 295–305.
- Трейстер М. Ю., 2019. Скарабеоид из погребения № 1 кургана № 1/2015 могильника Чеботарев-V (о ближневосточных печатях в погребениях среднесарматского времени) // Российская археология. № 1. С. 20–31. DOI: 10.31857/S086960630004111-1
- Хачатрян Ж., 1965. Многогранные печати, найденные в Армении // Историко-филологический журнал. № 1. С. 271–277. (На арм. яз.).
- Хачатрян Ж., 1974. Замечания о глиптике Армении эллинистического периода // Известия Академии наук Армянской ССР. Серия Общественные науки. № 7. С. 97–104. (На арм. яз.).
- Хачатрян Ж., 1976. Античный некрополь (результаты раскопок 1956–1972 гг.). Гарни V. Ереван : Изд-во АН Армянской ССР. 133 с.
- Хачатрян Ж. Д., 2003. Печати, геммы и статуэтки с различными композициями орла // Историко-филологический журнал. № 2. С. 163–180. (На арм. яз.).
- Хачатрян Ж., Неверов О.Я., 2008. Архивы столицы Древней Армении Арташата. Археологические памятники Армении. Вып. 20. Ереван : Гитутюн. 272 с.
- Хнкиян О. С., 1981. Новонайденный памятник в Горисе // Историко-филологический журнал. № 4. С. 305–314. (На арм. яз.).
- Animals in Ancient Art from the Leo Mildenberg Collection, 1996. Part III. Mainz : von Zabern. 193 p.
- Barnett R. D., 1975. A Catalogue of the Nimrud Ivories, With Other Examples of the Ancient Near Eastern Ivories in the British Museum. 2nd ed. London : British Museum. 262 p.
- Barnett R. D., 1982. Ancient Ivories in the Middle East and Adjacent Countries. Qedem. Monographs of the Institute of Archaeology, The Hebrew University of Jerusalem 14. Jerusalem : Hebrew University, Institute of Archaeology. 99 p.
- Basis mit Hirschkopf und Adler. URL: <https://arachne.dainst.org/entity/1094868> (accessed 29.04.2020).
- Bielińska D., 2013. Suckling Antelopes from Tell Arbid. A Rare Iconographic Motif from the Third Millennium BC // Études et travaux. T. XXVI. P. 121–128.
- Blömer M., Crowther C., 2014. Eagles on Stags. An Underground Sanctuary in Perrhe, Commagene // Kult und Herrschaft am Euphrat. Dolichener und Kommagenische Forschungen VI; Asia Minor Studien 73. Bonn : Habelt. P. 343–372.
- Boardman J., 2000. Persia and the West. London : Thames & Hudson. 255 p.
- Boardman J., 2001. Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. 2nd ed. London : Thames & Hudson. 480 p.
- Brandt E., 1968. Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Bd. I. Staatliche Münzsammlung München. Griechische Gemmen von minoischer Zeit bis zum späten Hellenismus. München : Prestel. 183 S.
- Cat. Paris, 2001. L'or des Amazones. Paris : Editions Findakly/Paris musées. 300 p.
- Chacatrijan Z., 2000. Achaimenidische Traditionen im postachaimenidischen Armenien // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 32. S. 43–49.
- Collon D., Curtis J., 2017. Some Bronze Stamp Seals of Achaemenid Date // At the Dawn of History: Ancient Near Eastern Studies in Honour of J.N. Postgate. Winona Lake : Eisenbrauns. P. 765–780.
- Curtis J., 1984. Nush-I Jan III. The Small Finds. London : British Institute of Persian Studies. 71 p.
- Dusinberre E. R. M., 2005. Gordion Seals and Sealings: Individuals and Society. University Museum Monograph 124. Philadelphia : University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. 208 p.
- Dusinberre E. R. M., 2010. Anatolian Crossroads: Achaemenid Seals from Sardis and Gordion // The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East. Proceedings of a Conference at the British Museum. 29th September – 1st October 2005. London : Bloomsbury Publishing PLC. P. 323–335.
- Dzhavakhishvili K., 2007. Achaemenian Seals Found in Georgia // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 13. P. 117–128.

- Hiebert F., 2002. The Context of the Anau Seal // *Sino-Platonic Papers*. No. 124. P. 1–34.
- Hussein M. M., 2016. *Nimrud. The Queens Tombs*. Baghdad : Iraqi State Board of Antiquities and Heritage; Chicago : The Oriental Institute. 186 p.
- Imhoof-Blumer F., Keller O., 1889. *Tier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen des klassischen Altertums*. Leipzig : B. G. Teubner. 168 S.
- Javakhishvili K., 2002. Gems cast of blue glass // *Dziebani. The Journal of the Centre for Archaeological Studies Georgian Academy of Sciences*. No. 9. P. 71–80.
- Javakhishvili K., 2008. Engraved Gems and Impressions of Seals on Clay Bullae // *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach : Beier & Beran. P. 191–221.
- Javakhishvili Q., 2015. Glyptical Monuments of Georgia // *Iberia-Colchis*. No. 11. P. 5–36. (in Georgian).
- Kara Y., Feroğlu M. A., Pataci S., Laflı E., 2013. Hadrianoupolis metal buluntuları: ön değerlendirmeler // *Türkiye Arkeolojisi*nde metal: Arkeolojik ve Arkeometrik Çalışmalar (III. Odtü Arkeometri Çalıştayı, 3–5 Ekim 2013). Ankara : ODTÜ Arkeometri. P. 173–185.
- Kat. Berlin, 1983. *Tierbilder aus vier Jahrtausenden. Antiken der Sammlung Mildenberg*. Mainz: von Zabern. 227 S.
- Kat. Frankfurt, 2003. *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt : Archäologisches Museum. 175 S.
- Keel O., 1980. *Das Böcklein in der Milch seiner Mutter und Verwandtes*. Fribourg, Göttingen : Universitätsverlag / Vandenhoeck Ruprecht. 163 S. DOI: <https://doi.org/10.5167/uzh-138423>
- Khachatryan Z., 2011. The Tomb of Sisian (Second Half of the 1st Century B.C.) // *Parthica*. Vol. 13. P. 9–86.
- Laflı E., Feugère M., 2006. Statues et statuettes en bronze de Cilicie avec deux annexes sur la main de Comana et les figurines en bronze du Musée de Hatay. *BAR International Series 1584*. Oxford: Archaeopress. 106 p.
- Lecomte O., 1993. Ed-Dur, les occupations des 3e et 4e s. ap. J.-C: Contexte de trouvailles et matériel diagnostique // *Materialien zur Archäologie der Seleukiden- und Partherzeit in Südbabylonien und im Golfgebiet*. Tübingen : Wasmuth. P. 195–217.
- Negahban E. O., 1996. *Marlik: The Complete Excavation Report*. University Museum Monograph 87. Philadelphia : University Museum, University of Pennsylvania. 366 p.
- Özgen I., Öztürk J., 1996. *Heritage Recovered. The Lydian Treasure*. Istanbul : U. Okman. 247 p.
- Richter G. M. A., 2006. *Catalogue of Engraved Gems Greek, Etruscan and Roman*. 2nd ed. Roma : L'Erma²⁷ di Bretschneider. 143 p.
- Root M. C., 2001. *Animals in the Art of Ancient Iran // A History of the Animal World in the Ancient Near East*. Handbook of Oriental Studies I, 64. Leiden, Boston, Köln : E. J. Brill. P. 169–210.
- Seyrig H., 1963. *Antiquités syriennes*. 82–85 // *Syria*. T. 40. P. 17–32.
- Spier J., 1992. *Ancient Gems and Finger Rings. Catalogue of the Collections*. The J. Paul Getty Museum. Malibu : The J. Paul Getty Museum. 184 p.
- Strandberg Á., 2009. *The Gazelle in Ancient Egyptian Art Image and Meaning*. Uppsala Studies in Egyptology 6. Uppsala : Uppsala Universitet. 262 p.
- Treister M., 2010. Achaemenid and Achaemenid-inspired Gold- and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire // *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*. Black Sea Studies 11. Aarhus : Aarhus University Press. P. 223–279.
- Vollenweider M.-L., 1967. *Musée d'art et d'histoire de Genève. Catalogue raisonné des sceaux, cylindres, intailles et camées*. T. I. Genève : Musée d'art et d'histoire. 217 p.
- Warden P. G., 1997. *The Hilprecht Collection of Greek, Italic, and Roman Bronzes in the University of Pennsylvania Museum*. University Museum Monograph 98. Philadelphia : University Museum, University of Pennsylvania. 92 p.
- Warden P. G., 2002. *Roman Provincial Bronzes in the Hilprecht Collection, University of Pennsylvania Museum // From the Parts to the Whole*. Acta of the 13th International Bronze Congress, held at Cambridge, Massachusetts, May 28 – June 1, 1996. *Journal of Roman Archaeology Suppl. Ser. 39*. Vol. 2. Portsmouth : Journal of Roman Archaeology. P. 128–134.

- Whybrew S. D., 2016. Adler auf Stieren – Zu drei Votivfigürchen im Besitz des Archäologischen Museums der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster // „Man kann es sich nicht prächtig genug vorstellen!“ Festschrift für Dieter Salzmännchen zum 65. Geburtstag. Marsberg : Scriptorium. S. 927–936.
- Wicke D., 2013. Elfenbeinschnitzereien in der Eisenzeit // Archéologie et Histoire de la Syrie. I. La Syrie de l'époque néolithique à l'âge du fer. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag. S. 549–570.
- Zazoff P., 1983. Die antiken Gemmen. Handbuch der Archäologie. München : C.H. Beck. 446 S.
- Zwierlein-Diehl E., 1991. Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien. Bd. III. München : Prestel. 334 S.

REFERENCES

- Arheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Local Lore Museum], 2013. Volgograd, Izdatel' Publ. 288 p.
- Babaev I., 1965. O trekh steklyannykh mnogogrannykh pechatyakh, naidennykh v Mingechaure [About the Three Glass Multifaceted Seals Found in Mingachevir]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Azerbaidzhane* [Archaeological Research in Azerbaijan]. Baku, Academy of Sciences of Azerbaijan SSR, pp. 128-133.
- Balakhvantsev A.S., Mimokhod R.A., Uspenskii P.S., 2017. Drevneevreiskaya pechat' iz sarmatskogo pogrebeniya na Nizhnem Donu [A Hebrew Seal from a Sarmatian Burial on the Lower Don]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 155-159.
- Berzina S.Ya., 2010. *Drevnie gemmy Vostoka* [Ancient Gems of the East]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ. 208 p.
- Gabrielyan A., 2008. Raspisnaya bulla iz Erebuni [A painted Bulla from Erebuni]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal* [Historical and Philological Journal], no. 3, pp. 148-159. (in Armenian).
- Gabrielyan A., 2013. O nekotorykh mnogogrannikakh iz Armenii [About Some Polyhedrons Found in Armenia]. *Istoriya i kul'tura. Armenovedchiskii zhurnal* [History and Culture. Journal of Armenian Studies], no. 1, pp. 193-208. (in Armenian).
- Dvornichenko V.V., Plakhov V.V., Sergatskov I.V., 2002. Sarmatskie pogrebeniya u poselka Komsomol'skii Astrakhanskoi oblasti [Sarmatian Burials at Komsomolsky Settlement of Astrakhan Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 5, pp. 224-250.
- Demirkhanyan A.G., 2016. *Severo-Vostok Erevana v epokhu Artashesidov. Material'naya i dukhovnaya kul'tura po dannym antichnogo poseleniya v Avan-Arindzhe (II v. do n.e. – nachalo I v. n.e.): dis. ... kand. ist. nauk.* [The North-East of Erevan in the Artaxiad Period. Material and spiritual Culture according to the Data of the ancient settlement in Avan-Arindzh (2nd Century BC – early 1st Century AD). Cand. hist. sci. dis. Erevan]. 122 p.
- Dzigovsky A.N., Ostroverkhov A.S., 2010. «Strannye komplekсы»: o semantike predmetov i pamyatnikov v tselom [“Odd Complexes”: about the Semantics of Objects and Monuments in General]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 145-174.
- Esayan S.A., Kalantaryan A.A., 1988. Oshakan I. Osnovnye rezul'taty raskopok 1971–1983 gg. [Oshakan I. Main Results of the Excavations of 1971–1983]. *Arkheologicheskie raskopki v Armenii* [Archaeological Excavations in Armenia], iss. 18. Erevan, Academy of Sciences of the Armenian SSR. 131 p.
- Zaitsev Yu.P., Voloshinov A.A., Kyunel't E., Masyakin V.V., Mordvintseva V.I., Firsov K.B., Fless F., 2007. Pozdneskifskii nekropol' Zavetnoe (Alma-Kermen) I–III vv. n.e. v Yugo-Zapadnom Krymu. Raskopki 2004 g. [Late Scythian Necropolis Zavetnoe (Alma-Kermen) of the 1st–3rd Centuries AD in South-Western Crimea. 2004 Excavations]. *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchaetsya 80-letiyu T.N. Vysotskoi. Arkheologicheskie issledovaniya* [Ancient Taurike. Dedicated to the 80th Anniversary of T.N. Vysotskaya. Archaeological Researches.] Simferopol, Universum, pp. 249-290.
- Lordkipanidze M.N., 1963. Iberiiskie kopii s maloaziiskikh gemm pozdneakhemenidskogo vremeni [Iberian Copies of Asian Minor Gems of the Late Achaemenid Period]. *Vestnik otdeleniya obshchestvennykh nauk AN Gruzinskoi SSR* [Bulletin of the Department of Social Sciences of the Academy of Sciences of the Georgian SSR], no. 6, pp. 134-154. (in Georgian).

- Maksimova M.I., 1941. Steklyannye mnogogrannye pechati, naidennye na territorii Gruzii [Glass multifaceted seals found in the Territory of Georgia]. *Izvestiya Instituta yazyka, istorii i material'noi kul'tury Gruzii AN Gruzinskoi SSR* [Proceedings of the Institute of Language, History and Material Culture of Georgia, Academy of Sciences of the Georgian SSR], iss. 10, pp. 75-92.
- Mamontov V.I., Shinkar O.A., 2014. Dva sarmatskikh pogrebeniya iz kurgannogo mogil'nika Verbovskiy I [Two Sarmatian Burials from Verbovsky I Kurgan Cemetery]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 14, pp. 132-144.
- Manukyan A.B., 1988. Kamennye i steklyannye mnogogrannye pechati, obnaruzhennye v Armenii [Stone and Glass Multifaceted Seals, discovered in Armenia]. *Tretii Vsesoyuznyi simpozium po problemam ellinisticheskoi kul'tury na Vostoke. Tezisy dokladov* [The Third All-Union Symposium on Hellenistic Culture in the East. Abstracts]. Erevan, Academy of Sciences of the Armenian SSR, pp. 74-75.
- Manukyan A.B., 1992. *Gliptika drevnei Armenii (VI v. do n.e. – III v. n.e.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Glyptics of Ancient Armenia (6th Century BC – 3rd Century AD). Cand. hist. sci. dis. abstr.]. Erevan. 21 p.
- Masson M.E., Pugachenkova G.A., 1954. Ottiski parfyanskikh pechatei iz Nisy [Impressions of Parthian Seals from Nisa]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], no. 4, pp. 159-169.
- Medvedev A.P., 2008. *Sarmaty v verkhov'yakh Tanaisa* [Sarmatians in the upper Tanais]. Moscow, Taus Publ. 235 p.
- Mordvintseva V.I., Khabarova N.V., 2006. *Drevnee zoloto Povolzh'ya iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [The Ancient Gold of the Volga Region. The Collection of Volgograd Regional Museum of Local Lore]. Simferopol, Tarpan Publ. 140 p.
- Nikulina N.M., 1994. *Iskusstvo Ionii i akhemenidskogo Irana* [The Art of Ionia and Achaemenid Iran]. Moscow, Iskusstvo Publ. 144 p.
- Otchet Imperatorskoy arheologicheskoy komissii za 1877 god [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1877]. (Published in 1880). Saint Petersburg. 296 p.
- Prokhorova T.A., 1998. Rezne kamni iz pogrebeniya v kurgane 10 Kobayakovskogo mogil'nika [Engraved Stones from the Burial in Barrow 10 of the Kobayakovo Necropolis]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 gg.* [Historico-Archaeological Studies in Azov and in the Lower Don Region in 1995–1997], iss. 15. Azov, Azov Local Lore Museum Publ., pp. 290-300.
- Prokhorova T.A., Guguev V.K., 1992. Bogatoe sarmatskoe pogrebenie v kurgane 10 Kobayakovskogo mogil'nika [A Rich Sarmatian Burial in the Kurgan 10 of Kobayakovo Cemetery]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 142-161.
- Razuvaev Yu.D., 1992. Kurgany I v. n.e. u yuzhnoi okrainy g. Voronezha [The Kurgan of the 1st Century A. D. to the South of Voronezh Town]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 234-239.
- Sergatskov I.V., 2000. Sarmatskie kurgany na Ilovle [The Sarmatian Kurgans in the Ilovlya Basin]. Volgograd, VolSU. 395 p.
- Silant'eva L.F., 1959. Nekropol' Nimfeya [The Necropolis of Nymphaion]. *Nekropoli bosporskikh gorodov. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archeology of the USSR. The Necropolies of the Bosporan Cities], no. 69. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, pp. 5-107.
- Treister M.Yu., 2007. Vstavki gemm (za isklyucheniem perstnei) [Gem Inlays (excluding Finger Rings)]. *Mordvintseva V.I., Treister M.Yu. Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e. T. I.* [Items of Toreutics and Jewelry Art in the Northern Black Sea Region. 2nd c. BC – 2nd c. AD]. Vol. 1. Simferopol, Bonn, Tarpan Publ., pp. 295-305.
- Treister M.Yu., 2019. Skarabeoid iz pogrebeniya № 1 kurgana № 1/2015 mogil'nika Chebotarev-V (o blizhnemostochnykh pechatyakh v pogrebeniyakh srednesarmatskogo vremeni) [A Scaraboid from Burial 1 of Burial-Mound 1/2015 of the Chebotarev V Cemetery in the Lower Don Area (about the Near Eastern Seals in the nomadic burials of the Middle Sarmatian Period)]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 20-31. DOI: 10.31857/S086960630004111-1
- Khachatryan Zh., 1965. Mnogogrannye pechati, naidennye v Armenii [Multifaceted Seals Found in Armenia]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal* [Historical and Philological Journal], no. 1, pp. 271-277. (in Armenian).
- Khachatryan Zh., 1974. Zamechaniya o gliptike Armenii ellinisticheskogo Perioda [Remarks Concerning the Glyptics of Armenia of the Hellenistic Period]. *Izvestiya Akademii nauk Armyanskoi SSR. Seriya Obshchestvennyye nauki* [The News of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. Series Social Sciences], no. 7, pp. 97-104. (in Armenian).

- Khachatryan Zh., 1976. *Antichnyi nekropol' (rezul'taty raskopok 1956–1972 gg.). Garni V* [Ancient Necropolis (Results of Excavations in 1956–1972). Garni V]. Erevan, Academy of Sciences of the Armenian SSR. 133 p.
- Khachatryan Zh., 2003. Pechati, gemmy i statuetki s razlichnymi kompozitsiyami orla [Seals, Gems and Figurines with various Compositions with Eagles]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal* [Historical and Philological Journal], no. 2, pp. 163-180. (in Armenian).
- Khachatryan Zh., Neverov O. Ya., 2008. *Arkhivy stolitsy Drevnei Armenii Artashata. Arkheologicheskie pamyatniki Armenii* [The Archives of Artashates, the Capital of Ancient Armenia. Archaeological Monuments of Armenia], iss. 20. Erevan, Gitutyun Publ. 272 p.
- Khnikyan O.S., 1981. Novonaidennyi pamyatnik v Gorise [The Newly Found Site in Goris]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal* [Historical and Philological Journal], no. 4, pp. 305-314. (in Armenian).
- Animals in Ancient Art III, 1996. *Animals in Ancient Art from the Leo Mildenberg Collection*. Part III. Mainz, von Zabern. 193 p.
- Barnett R.D., 1975. *A Catalogue of the Nimrud Ivories, With Other Examples of the Ancient Near Eastern Ivories in the British Museum*. 2nd ed. London, British Museum. 262 p.
- Barnett R.D., 1982. *Ancient Ivories in the Middle East and Adjacent Countries*. Qedem. Monographs of the Institute of Archaeology, The Hebrew University of Jerusalem 14. Jerusalem, Hebrew University, Institute of Archaeology. 99 p.
- Basis mit Hirschkopf und Adler*. URL: <https://arachne.dainst.org/entity/1094868> (accessed 29 April 2020).
- Bielińska D., 2013. Suckling Antelopes from Tell Arbid. A Rare Iconographic Motif from the Third Millennium BC. *Études et travaux*, t. XXVI, pp. 121-128.
- Blömer M., Crowther C., 2014. Eagles on Stags. An Underground Sanctuary in Perrhe, Commagene. *Kult und Herrschaft am Euphrat*. Dolichener und Kommagenische Forschungen VI; Asia Minor Studien 73. Bonn, Habelt, pp. 343-372.
- Boardman J., 2000. *Persia and the West*. London, Thames & Hudson. 255 p.
- Boardman J., 2001. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical*. 2nd ed. London, Thames & Hudson. 480 p.
- Brandt E., 1968. *Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Bd. I. Staatliche Münzsammlung München. Griechische Gemmen von minoischer Zeit bis zum späten Hellenismus*. München, Prestel. 183 S.
- Cat. Paris, 2001. *Lor des Amazones*. Paris, Editions Findakly/Paris musées. 300 p.
- Chacatrijan Z., 2000. Achaemenidische Traditionen im postachaimenidischen Armenien. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, Bd. 32, S. 43-49.
- Collon D., Curtis J., 2017. Some Bronze Stamp Seals of Achaemenid Date. *At the Dawn of History: Ancient Near Eastern Studies in Honour of J.N. Postgate*. Winona Lake, Eisenbrauns, pp. 765-780.
- Curtis J., 1984. *Nush-I Jan III. The Small Finds*. London, British Institute of Persian Studies. 71 p.
- Dusinberre E.R.M., 2005. *Gordion Seals and Sealings: Individuals and Society*. University Museum Monograph 124. Philadelphia, University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. 208 p.
- Dusinberre E.R.M., 2010. Anatolian Crossroads: Achaemenid Seals from Sardis and Gordion. *The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East. Proceedings of a Conference at the British Museum. 29th September – 1st October 2005*. London, Bloomsbury Publishing PLC, pp. 323-335.
- Dzhavakhishvili K., 2007. Achaemenian Seals Found in Georgia. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 13, pp. 117-128.
- Hiebert F., 2002. The Context of the Anau Seal. *Sino-Platonic Papers*, no. 124, pp. 1-34.
- Hussein M.M., 2016. *Nimrud. The Queens Tombs*. Baghdad, Iraqi State Board of Antiquities and Heritage; Chicago, The Oriental Institute. 186 p.
- Imhoof-Blumer F., Keller O., 1889. *Tier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen des klassischen Altertums*. Leipzig, B. G. Teubner. 168 S.
- Javakhishvili K., 2002. Gems cast of blue glass. *Dziebani. The Journal of the Centre for Archaeological Studies Georgian Academy of Sciences*, no. 9, pp. 71-80.

- Javakhishvili K., 2008. Engraved Gems and Impressions of Seals on Clay Bullae. *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach, Beier & Beran, pp. 191-221.
- Javakhishvili Q., 2015. Glyptical Monuments of Georgia. *Iberia-Colchis*, no. 11, pp. 5-36. (in Georgian).
- Kara Y., Feroğlu M.A., Pataci S., Lafli E., 2013. Hadrianoupolis metal buluntuları: ön değerlendirmeler. *Türkiye Arkeolojisinde metal: Arkeolojik ve Arkeometrik Çalışmalar (III. Odtü Arkeometri Çalıştayı, 3–5 Ekim 2013)*. Ankara, ODTÜ Arkeometri, pp. 173-185.
- Kat. Berlin, 1983. *Tierbilder aus vier Jahrtausenden. Antiken der Sammlung Mildenberg*. Mainz, von Zabern. 227 S.
- Kat. Frankfurt, 2003. *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt, Archäologisches Museum. 175 S.
- Keel O., 1980. *Das Böcklein in der Milch seiner Mutter und Verwandtes*. Fribourg, Göttingen, Universitätsverlag / Vandenhoeck Ruprecht. URL: <https://doi.org/10.5167/uzh-138423>.
- Khachatryan Z., 2011. The Tomb of Sisian (Second Half of the 1st Century B.C.). *Parthica*, vol. 13, pp. 9-86.
- Lafli E., Feugère M., 2006. *Statues et statuettes en bronze de Cilicie avec deux annexes sur la main de Comana et les figurines en bronze du Musée de Hatay*. BAR International Series 1584. Oxford, Archaeopress. 106 p.
- Lecomte O., 1993. Ed-Dur, les occupations des 3e et 4e s. ap. J.-C: Contexte de trouvailles et matériel diagnostique. *Materialien zur Archäologie der Seleukiden- und Partherzeit in Südbabylonien und im Golfgebiet*. Tübingen, Wasmuth, pp. 195-217.
- Negahban E.O., 1996. *Marlik: The Complete Excavation Report*. University Museum Monograph 87. Philadelphia, University Museum, University of Pennsylvania. 366 p.
- Özgen I., Öztürk J., 1996. *Heritage Recovered. The Lydian Treasure*. Istanbul, U. Okman. 247 p.
- Richter G.M.A., 2006. *Catalogue of Engraved Gems Greek, Etruscan and Roman*. 2nd ed. Roma, L'Erma" di Bretschneider. 143 p.
- Root M.C., 2001. Animals in the Art of Ancient Iran. *A History of the Animal World in the Ancient Near East*. Handbook of Oriental Studies I, 64. Leiden, Boston, Köln, E. J. Brill, pp. 169-210.
- Seyrig H., 1963. Antiquités syriennes. 82–85. *Syria*, t. 40, pp. 17-32.
- Spier J., 1992. *Ancient Gems and Finger Rings. Catalogue of the Collections. The J. Paul Getty Museum*. Malibu, The J. Paul Getty Museum. 184 p.
- Strandberg Å., 2009. *The Gazelle in Ancient Egyptian Art Image and Meaning*. Uppsala Studies in Egyptology 6. Uppsala, Uppsala Universitet. 262 p.
- Treister M., 2010. Achaemenid and Achaemenid-inspired Gold- and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire. *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*. Black Sea Studies 11. Aarhus, Aarhus University Press, pp. 223-279.
- Vollenweider M.-L., 1967. *Musée d'art et d'histoire de Genève. Catalogue raisonné des sceaux, cylindres, intailles et camées*. T. I. Genève, Musée d'art et d'histoire. 217 p.
- Warden P.G., 1997. *The Hilprecht Collection of Greek, Italic, and Roman Bronzes in the University of Pennsylvania Museum*. University Museum Monograph 98. Philadelphia, University Museum, University of Pennsylvania. 92 p.
- Warden P.G., 2002. Roman Provincial Bronzes in the Hilprecht Collection, University of Pennsylvania Museum. *From the Parts to the Whole. Acta of the 13th International Bronze Congress, held at Cambridge, Massachusetts, May 28 – June 1, 1996*. Journal of Roman Archaeology Suppl. Ser. 39, vol. 2. Portsmouth, Journal of Roman Archaeology, pp. 128-134.
- Whybrew S.D., 2016. Adler auf Stieren – Zu drei Votivfigürchen im Besitz des Archäologischen Museums der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster. „Man kann es sich nicht prächtig genug vorstellen!“. *Festschrift für Dieter Salzmann zum 65. Geburtstag*. Marsberg, Scriptorium, S. 927-936.
- Wicke D., 2013. Elfenbeinschnitzereien in der Eisenzeit. *Archéologie et Histoire de la Syrie. I. La Syrie de l'époque néolithique à l'âge du fer*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, S. 549-570.
- Zazoff P., 1983. *Die antiken Gemmen*. Handbuch der Archäologie. München, C.H. Beck. 446 S.
- Zwierlein-Diehl E., 1991. *Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien*. Bd. III. München, Prestel. 334 S.

Information About the Author

Mikhail Yu. Treister, Doctor of Sciences (History), Researcher, German Archaeological Institute, Podbielskiallee 69–71, 14195 Berlin, Germany, mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de, <https://orcid.org/0000-0001-7451-3325>

Информация об авторе

Михаил Юрьевич Трейстер, доктор исторических наук, научный сотрудник, Германский археологический институт, Podbielskiallee 69–71, 14195 г. Берлин, Германия, mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de, <https://orcid.org/0000-0001-7451-3325>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.12>

UDC 902.6-903.2/903.53
LBC 63.4(2)

Submitted: 30.05.2020
Accepted: 24.11.2020

UPPER CHRONOLOGICAL BOUNDARY OF SARGATHA CULTURE

Svetlana V. Sharapova

Institute of History and Archaeology Urals Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article deals with the antiquity of Sargat culture of forest-steppe in the Trans-Urals and Western Siberia. The established concepts of chronological framework cover the interval from the 5th century BC to 4th-5th centuries AD. Recent studies, both in the main territory and outside the Sargat area, provide evidences for clarifying the upper chronological boundary of the culture. The bright Late Sarmatian appearance of some Sargat burial complexes allows to consider Late Sarmatian finds of the Southern Urals as a reference; rich material has been accumulated on them, as well as detailed chronology. Late Sargathian monuments are found only in two regions - Tobol and Ishim rivers basins. The proposed correction is based on archaeological material which is external data (relative chronology) towards radiocarbon analysis (absolute chronology). In the archaeological collections of Sargat burials there are no any artifacts, the beginning of the period of existence of which falls on the 3rd century AD. There is no such evidence in the settlements either. Furthermore, judging by the available materials, the number of such complexes is small and the inventory is quite poor. The article gives a detailed analysis of burials from seven kurgan cemeteries located in Tobol and Ishim rivers basins, which might be attributed to the latest group marking the upper chronological boundary. In the second half of the 3rd century AD, the main features of the Sargat culture are fading and blurred, besides, it is absent in most of the forest-steppe territory to the east of the Urals. In conclusion the author suggests that if the assumptions are correct, the disappearance of the bright expressive complexes that defined the image of the Sargat social and cultural system, looks quite sharp. The Sargat monuments of the 4th century AD and later are not found across vast forest-steppe territory.

Key words: Early Iron Age, Sargat culture, Trans-Ural and Western Siberia forest-steppe, burials, accompanying inventory, dating.

Citation. Sharapova S.V., 2020. Verhnyaya hronologicheskaya granitsa sargatskoy kul'tury [Upper Chronological Boundary of Sargatha Culture]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 218-246. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.12>

УДК 902.6-903.2/903.53
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 30.05.2020
Дата принятия статьи: 24.11.2020

ВЕРХНЯЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Светлана Владимировна Шарапова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются древности саргатской культуры лесостепного Зауралья и Западной Сибири. Устоявшиеся представления о хронологических рамках охватывают интервал V в. до н.э. – IV–V вв. н.э. Исследования последних лет, как на основной территории, так и за пределами саргатского ареала, дают основания для уточнения верхней хронологической границы культуры. Яркий позднесарматский облик некоторых саргатских погребальных комплексов позволяет рассматривать позднесарматские находки Южного Приуралья референтными, по ним также накоплен богатый материал и детально проработана хронология. Поздние саргатские памятники есть только в двух районах – Притоболье и Приишимье. Предлагаемая корректировка базируется с учетом внешних по отношению к радиоуглеродному методу данных, то есть по археологическому материалу. В коллекциях саргатских могильников не известны предметы, начало периода бытования которых приходится на III в. н.э. Нет таких свидетельств и на поселениях. Судя по имеющимся материалам, количество таких комплексов невелико, инвентарь довольно беден. В статье анализируются погребения из семи курганных могильников в Притоболье и Приишимье, которые могут быть отнесены к

поздней группе, и маркирующие верхнюю хронологическую границу. Во второй половине III в. н.э. происходит угасание и размывание основных черт саргатской культуры, она отсутствует на большей части лесостепи к востоку от Урала. Если мои допущения верны, то исчезновение ярких выразительных комплексов, определявших облик саргатской социокультурной системы, выглядит довольно резко. На обширном лесостепном пространстве саргатские памятники IV в. н.э. и позже не известны.

Ключевые слова: ранний железный век, саргатская культура, лесостепь Зауралья и Западной Сибири, погребения, сопроводительный инвентарь, датировка.

Цитирование. Шарапова С. В., 2020. Верхняя хронологическая граница саргатской культуры // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 218–246. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.12>

В раннем железном веке в лесостепи Зауралья и Западной Сибири обитало население, чьи древности в археологической систематике именуются саргатской культурой (рис. 1). В результате исследований многих поколений археологов был очерчен ареал распространения памятников, дана характеристика материальной культуры и погребальной обрядности, систематизирован вещевой комплекс, предложены гипотезы о происхождении и основной вектор связей. Поселения и могильники концентрируются главным образом вдоль крупных рек – Тобол, Ишим, Иртыш, а также по средним течениям Исети и Оми. В географическом отношении это пространство соотносится с ландшафтными провинциями лесостепи, что определило археологическое различие районов, отразившееся в особенностях погребального обряда, орнаментации керамики и конструкций жилищ, а также в динамике культуры [Корякова, 1988; Матвеева, 1993б, 1994; Могильников, 1992а; Полосьмак, 1987].

Поселения саргатской культуры представлены неукрепленными поселками и городищами – мысовыми и береговыми с замкнутой линией обороны, с разным количеством площадок¹. Возрастание площади поселков связывается с существованием центров торговли и ремесла [Берлина, 2010, с. 7]. Одной из отличительных черт домостроительства считается устойчивое сочетание одно- и двухкамерных построек с различной глубиной котлована (рис. 2). Многокамерные сооружения соединялись коридорами-тамбурами [Корякова, 1994а, с. 259–275, рис. 14, 15]. Жилища на посаде аналогичны тем, что реконструированы для укрепленной площадки [Корякова и др., 2009, с. 34–87]. Вопрос о наличии земледелия [Могильников, 1992а, с. 307] по-прежнему открыт, поскольку палинологические данные не выявили следов культурных злаковых расте-

ний в слоях зауральских городищ [Косинцев и др., 2003, с. 131]. Население сочетало подвижное скотоводство с охотой и рыболовством [Корякова и др., 2009, с. 262–266]. Согласуется с этими фактами и состояние зубочелюстной системы у индивидов из погребений, для которых регулярным было потребление продуктов животноводства при минимуме пищи из злаков. Тем не менее частота гипоплазийных дефектов эмали, железодефицитных состояний позволили говорить о недостатке сбалансированного питания [Ражев, 2009, с. 356–360]. Косвенным подтверждением служат способы раскола костей для добывания костного мозга и жира. Интенсивность их употребления тесно связана с недостаточным обеспечением пищей [Корякова и др., 2009, с. 266].

Погребальный обряд предполагал ингумацию с последующим возведением кургана или захоронение в уже имеющейся насыпи [Корякова, 1994б, с. 149–153; Матвеева, 1994, с. 134–141]. В целом в саргатской культуре преобладает ориентировка умерших головой в северный и северо-западный сектор. Отклонения от господствующих направлений связывают не только с локальными проявлениями обрядности [Корякова, 1988, с. 50, табл. 1], но и с круговым расположением периферийных захоронений, большинство из которых было совершено позднее центральных с соблюдением планировочной структуры подкурганной площадки [Булдашев и др., 1997, с. 67, 69–70; Корякова и др., 2009, с. 203]. Подавляющее количество погребений в курганах принадлежит взрослым людям. Тафокомплекс демонстрирует заметное преобладание мужских скелетов над женскими (соотношение полов 1 : 1,75), а также недопредставленность останков стариков и детей [Ражев, 2009, с. 50–55]. Дисбаланс между количеством людей, похороненных в курганах и проживавших на посе-

лениях, позволил предположить существование альтернативных форм захоронений для большей части саргатского социума [Ражев, Ковригин, 1999]. Данное заключение согласуется с упомянутой половозрастной спецификой курганной выборки. Представляется, что племенной нобилитет, связанный генеалогией со степняками («ираноязычные кочевые группы») [Корякова, 1988, с. 159; 1994б, с. 114–115, 152], «кочевники степей Казахстана и Южного Урала» [Могильников, 1992а, с. 293, 301]), занимал доминирующее положение, определив особенности саргатской обрядовой практики, отличной от традиции местного населения [Ковригин и др., 2006; Корякова и др., 2010]. Позднее эта гипотеза получила дальнейшее развитие. Так, А.Н. Багашев в ходе краниологического изучения индивидов из саргатских могильников выявил компоненты, связанные с сакским и савромато-сарматским населением [Багашев, 2000, с. 188]. При этом значительное сходство разных географических и хронологических серий внутри саргатской курганной выборки позволило говорить о единстве их расового облика («сибирский лесостепной» краниокомплекс в составе группы восточных европеоидов) [Ражев, 2009, с. 236]. Немногочисленные пока результаты палеогенетических исследований выявили внешнее генетическое влияние как в составе генофонда мтДНК саргатского населения, так и в результате генотипирования Y-хромосомы, при сохранении вариантов, характерных для лесостепных групп Барабы, Прииртышья и Притоболья [Пилипенко и др., 2017; Шаропова и др., 2020]. Изучение погребальной обрядности позволило заключить, что ее проявления близки канонам, распространенным в кочевнической среде. Сопроводительный инвентарь, в котором заметную долю составляют предметы вооружения и конская сбруя, повторяет расхожие образцы [Корякова, 1988, с. 159; Могильников, 1972; 1992а, с. 302–303] и демонстрирует репрезентативные инсигнии, связанные с мужской субкультурой лесостепного и степного населения железного века Евразии [Шаропова, 2018]. Помимо обрядности и домостроительства характерные черты саргатской культуры включают лепную керамику. Во всех немногочисленных неграбленных погребениях (например, могильники Сидоров-

ка и Исаковка I в Прииртышье) наряду с беспрецедентным по богатству инвентарем импортного происхождения всегда находились лепные саргатские сосуды. Без них эти погребения, без сомнения, могли быть определены как оставленные кочевниками.

Устоявшиеся представления о хронологических рамках саргатской культуры охватывают интервал V в. до н.э. – IV–V вв. н.э. [Корякова, 1994б, с. 129; Матвеева, 2000, с. 125–126; 2017; Могильников, 1992а, с. 296]. В ее развитии выделены этапы формирования или предсаргатский – VII–VI вв. до н.э.; подъема или саргатско-гороховский – V–III вв. до н.э.; стабилизации или собственно саргатский – II в. до н.э. – II–III в. н.э.; трансформации или распада, именуемый позднесаргатским, – IV–V вв. н.э. [Корякова, 1991, с. 33–47; 1994б, с. 129]. Существующая схема была выстроена с учетом относительной хронологии. В ней доминирует осознание того, что могло быть раньше, а что позже. Увы, наши знания о том, как все это могло соотноситься с реальным временем, крайне ограничены. Оттого временные интервалы зачастую очень широки, поскольку отражают общую тенденцию с учетом результатов изучения синхронных культур. Среди исследователей нет единства в определении границ периодов, наиболее обсуждаемыми остаются ранние и поздние этапы. Большинство свидетельств активной жизнедеятельности саргатского населения приходится на IV в. до н.э. – I–II вв. н.э. Этот временной диапазон в целом совпадает с периодом подъема и стабилизации культуры, археологически он фиксируется лучше. Беднее представлены периоды распада и трансформации. К сожалению, саргатская проблематика вышла из раскопчного мейнстрима: в противоположность количественному накоплению источников наметилась тенденция изучения «вглубь» материалов, полученных прежде. Появившиеся на этом пути исследования дают основания для уточнения верхней хронологической границы саргатской культуры, в том числе в пределах основной территории распространения. Некоторые мнения решительного пересмотра верхней хронологической границы не лишены оснований.

Критический анализ поздних саргатских комплексов и их датировок предприня-

ли А.П. Зыков и Н.В. Федорова при обращении к материалам севера Западной Сибири [Зыков, Федорова, 2001]. Обсуждая этническое окружение таежного населения, авторы провели хронологическое сопоставление с археологическими памятниками лесостепной зоны и допустили возможность сужения хронологических границ саргатской культуры. Прежде всего, поздние памятники саргатской культуры известны только в двух районах – в Притоболье и Приишимье, – да и те датируются концом II – началом III в. н.э. По их мнению, в Омском Прииртышье саргатская культура прекращает свое существование не позднее II в. н.э., поскольку на I–II вв. н.э. здесь приходится распространение памятников позднекулайского населения. В результате саргатские группы, обитавшие в лесостепном Прииртышье, теряют свою культурную самобытность [Зыков, Федорова, 2001, с. 20]. Следующий аргумент связан со спецификой контактов населения по обе стороны Уральских гор. В саргатских могильниках Ипкульский и Абатский 3 известен пьяноборский и кара-абызский импорт [Корякова, 1988, рис. 20, 13, 15; Матвеева, 1994, рис. 58, 21; и т. д.]. Относительно недавно в Притоболье были получены материалы, в которых есть находки, происходящие с территории Прикамья, и это комплекс рубежа эр – бескурганное погребение Сопининского 1 могильника [Корякова и др., 2009, с. 230–232, рис. 9, 12]. Однако вещей мазунинской культуры, которая сменяет кара-абызскую и пьяноборскую в III–IV вв. н.э./V в. н.э., в саргатских памятниках нет. Памятники с классическим набором признаков культуры в лесостепи Притоболья позднее середины III в. н.э. неизвестны [Зыков, Федорова, 2001, с. 19–20].

Справедливые возражения против датировки II–IV вв. н.э. Абатского 3 могильника были высказаны А.А. Ковригиным [Ковригин, 2007]. Он обратил внимание, что в коллекции присутствуют явно архаичные для этого времени вещи – бронзовые наконечники стрел и костяные псалии. Немногочисленный ранний материал происходит из разрушенных погребений кургана 2 [Матвеева, 1994, с. 63–65, рис. 38, 15, 16, 18, 21]. Напротив, типологически монолитный комплекс бронзовых зеркал определяет возраст погребений, где они были

найжены (кург. 2, погр. 5 и 17, кург. 6, погр. 10) [Матвеева, 1994, рис. 36, 18, 40, 16, 59, 9], в пределах I в. до н.э. – I–II вв. н.э. Из всей коллекции только несколько предметов имеют дату II в. н.э. и моложе [Ковригин, 2007, с. 195–197]. К ним отнесены железные удила с большими кольцами-псалиями (кург. 6, погр. 8), плоский наконечник ремня (кург. 1, погр. 5) [Матвеева, 1994, рис. 30, 39, 54, 11, 57, 2]. С учетом датировки предметов вооружения и воинского снаряжения, саргатские погребения абатских курганов отнесены к хроноинтервалу III–II вв. до н.э. – II–III вв. н.э., при этом инвентарь основной части могил соотносится с I в. н.э. [Ковригин, 2007, с. 198].

В.Е. Маслов пересмотрел датировку инвентаря из погр. 10 кург. 6 Абатского 3 могильника. Наряду с менее выразительными находками вещевой комплекс этого захоронения включал ханьский меч с бронзовым перекрестием, железный кинжал, бронзовое зеркало бактрийского типа, поясную пряжку с лаковым покрытием и гравировкой [Матвеева, 1994, с. 93–96, рис. 58, 8, 59]. Вопреки мнению Н.П. Матвеевой, верхняя дата этого погребения не может выходить за пределы I в. н.э. [Маслов, 2018, с. 34]. Как видно, разные авторы солидарны в оценке хронологической позиции поздних погребений могильника.

Систематизируя пестроту лесостепных образований эпохи железа, С.Г. Боталов отметил, что термин «археологическая культура» (АК) «сегодня является недостаточно широким и универсальным». В качестве альтернативы им был предложен историко-культурный горизонт (ИКГ) для изложения своего видения верхней даты саргатской культуры [Боталов, 2016, с. 468, 473]. Диссонанс вносит не столько сама возможность использования ИКГ, сколько понятийные расхождения. Так, в хрестоматийном определении Л.С. Клейна, горизонт представляет собой одномоментный хронологический срез, то есть «суть идеи горизонта – в синхронности его объектов» [Клейн, 2012, с. 293]. Однако у С.Г. Боталова для обоснования ИКГ привлекается типологически разнообразная зауральская лесостепная керамика. При этом столь характерная для эпохи морфологическая и орнаментальная непрерывность керамических комплексов декларируется, но не учитывается. Более того,

методическое своеобразие и произвольное обращение с фактами вынуждают относиться к доводам автора с известной осторожностью. Исходя из принципа последовательной сменяемости культур, С.Г. Боталов заполнил лакуну в хронологической шкале лесостепных древностей. Позднесаргатская фаза доведена до рубежа III–IV вв. н.э., «когда также повсеместно начинает складываться бакальский ИКГ» [Боталов, 2016, с. 473]. С одной стороны, принято считать, что бакальские памятники оставлены группой населения, унаследовавшего часть саргатских традиций [Сальников, 1956, с. 211–214; Могильников, 1987, с. 179–183]. С другой – бакальские древности, нижняя граница которых отнесена к IV–V вв. н.э., остаются слабо изученными, а их количество невелико [Рафикова, 2011]. В качестве одного из поселений, где фиксируется и формируется бакальский керамический комплекс, приводится Павлиново городище [Боталов, 2016, с. 473]. Пример спорный, поскольку раскопки памятника не выявили ни на посадке, ни на цитадели объектов с бакальскими сосудами. В ходе морфологического анализа керамической коллекции были определены только единичные бакальские фрагменты, происходящие с периферии посады, причем их нахождение в верхних руинированных слоях свидетельствует, что к середине I тыс. н.э. поселок прекратил свое функционирование. Основу коллекции разновременных объектов Павлинова городища составляет саргатская керамика [Корякова и др., 2009, с. 107–134]. Также неоднозначна датировка I–VI вв. н.э. Большого Бакальского городища, предложенная С.Г. Боталовым, для определения периода бытования саргатских и бакальских комплексов [Боталов и др., 2008]². Судя по описанию и иллюстрациям керамического инвентаря в публикации, саргатских сосудов в коллекции памятника нет [Боталов и др., 2008, с. 16–27, рис. 4–14]. Вопрос о соотношении выявленных объектов с выделенными керамическими группами, понимании стратиграфии авторами работ на Большом Бакальском городище остается открытым.

Собрав представительную серию радиоуглеродных дат из памятников Притоболья, Приишимья и Барабы, Н.П. Матвеева вернулась к проблемам хронологии культуры [Мат-

веева, 2017]. После обобщения комбинированных дат начало IV в. н.э. было определено периодом смены культуры раннего железного века средневековой в северной части лесостепи и подтаежной зоне. Сместив позднюю дату саргатской культуры к первой половине IV в. н.э., она в целом согласилась с теми исследователями, которые склонны к пересмотру верхней хронологической границы. Однако, по мнению Н.П. Матвеевой, в II–III вв. н.э. происходит лишь ослабление культуры, угасание растянулось на полвека – век [Матвеева, 2017, с. 15–16].

В этой связи уместно рассмотреть некоторые особенности радиоуглеродного датирования. Прежде всего необходимо иметь в виду не только проблему «искажающих эффектов», когда радиоуглеродные даты не совпадают с археологическими, даже многократно проверенными разными методами [ван дер Плихт и др., 2016; Марсадилов, 2016; и др.]. В ряде случаев сохранность археологического материала предопределяет случайность формирования наших выборок в целом и образца для датирования в частности. Для радиоуглеродного анализа саргатских древностей чаще всего используется органика – кость или остатки древесины. Сейчас уже не отрицается, что для образцов кости человека необходима поправка на изотопное фракционирование [ван дер Плихт и др., 2016, с. 16–18], что невозможно для образцов, по которым нет данных о соотношении изотопов углерода и азота, а также результатов датирования костей животных или растений из того же контекста. Последнее весьма справедливо практически ко всем датированным радиоуглеродным способом саргатским объектам.

В такой неоднозначной ситуации представляется возможной корректировка с учетом внешних по отношению к радиоуглеродному методу данных, то есть по археологическому материалу. Здесь стоит отметить, что методика датирования поздних саргатских памятников за последние десятилетия принципиально не изменилась. Чаще всего хронология погребений устанавливается по верхнему пределу бытования вещей, определяемому по аналогиям. Подобная практика неизбежно делает датировки завышенными. Ситуация сохранилась и после расширения

корпуса источников и включения в него памятников, раскопанных относительно недавно. Исключение составляют некоторые типы стеклянных бус, имеющих широкий интервал бытования, а время и место их производства вызывают значительные расхождения (ср.: [Ковригин, 2007; Матвеева, 2017]). Вынужденно оперируя материалами по классификации северопричерноморских бус Е.М. Алексеевой [Алексеева, 1978] – единственным в своем роде фундаментальным трудом, – не стоит упускать из виду, что основная часть бус в саргатских могильниках происходит из других регионов. Как показало исследование Н.П. Довгалюк, многие образцы связаны своим происхождением с мастерскими в Египте, на Ближнем Востоке, возможно, в Китае и Индии [Довгалюк, 1995, с. 15]. А.А. Ковригин справедливо отметил, что развитие школ стеклоделия на разных территориях не обязательно должно совпадать [Ковригин, 2007, с. 197]. Н.П. Матвеева, оспаривая доводы оппонента, настаивает на позднем диапазоне бытования ряда бус из погребений Абатского 3 могильника, аналогии которым усматривает все же в Северном Причерноморье [Матвеева, 2017, с. 13].

Представляется, что за неимением убедительных датировок отдельных памятников, а также с учетом яркого позднесарматского облика некоторых саргатских погребальных комплексов, референтными могут быть позднесарматские находки Южного Приуралья, ограничивающие преимущественно нижнюю дату позднего этапа саргатской культуры. По ним в настоящее время не только накоплен богатый материал, но и детально проработана хронология [Малашев, Яблонский, 2008; Малашев, 2013]. Кроме того, сходство сарматских и саргатских древностей в типологическом контексте археологии железного века Евразии не отрицается. Анализ доступных источников по саргатской культуре выявил комплексы, относимые к погребениям поздней хронологической группы. Они известны в материалах семи могильников. Их небольшое количество позволяет рассмотреть все.

Самым северным в ареале саргатских древностей является Ипкульский могильник, расположенный в подтаежной зоне Нижнего Притоболья. Саргатские признаки есть в по-

гребениях курганов 1–5, 13, 18, 20, 24, датированных авторами раскопок III–IV вв. н.э. [Корякова, 1988, с. 86; Чикунова, 2017, с. 106, 108, рис. 3–8, 13, В, Г, Е, табл. 1]. Имеющиеся в коллекции детали сбруйного набора и ременных гарнитур (бронзовые накладки со штифтом, бронзовые кольца, бронзовые пряжки с округлой или овальной рамкой), двухчастные наконечники-подвески с расширением округлой формы в нижней части изделия аналогичны позднесарматским образцам середины – второй половины III в. н.э. [Малашев, 2000, с. 209, 210]. В рамках этого же интервала могут рассматриваться серия деформированных черепов и сохранившиеся керамические традиции, устойчивость которых не исключает принадлежность этих объектов к поздней группе саргатских погребений. Другие хронологически поздние и/или инокультурные (карымские, кушнареновские) признаки позволяют определить время функционирования могильника и несколько позднее – вплоть до IV в. н.э.

Самые южные некрополи, в которых есть захоронения, относимые к саргатским, расположены в степях Северного Казахстана. Погребения курганов 2 и 4 могильника Покровский, 5 и 6 могильника Явленка 1 на основании вещевого комплекса датированы второй половиной II – III в. н.э. [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 58–63, 142, рис. 18, I, III]. Принадлежность к кругу саргатских древностей устанавливается по лепным сосудам с уплощенным дном и резным орнаментом в виде фестонов и костяным наконечникам стрел, стандартным для саргатских колчанов.

Вслед за А.А. Ковригиным допускаю, что в Абатском 3 могильнике к группе поздних саргатских захоронений можно отнести погребение 5 кургана 1 и погребение 8 кургана 6. Напомню, в инвентаре этих комплексов присутствуют бронзовый наконечник ремня и железные двусоставные удила с большими кольцами (ср.: [Ковригин, 2007, с. 197; Матвеева, 1994, с. 99–100; Малашев, Яблонский, 2008, с. 50, 56]). Вопросы датировки этих и других элементов воинской субкультуры будут рассмотрены ниже на примере притобольских материалов.

В Притоболье саргатские комплексы, маркирующие верхнюю хронологическую границу культуры, представлены впускными по-

гребениями поздней группы в могильниках Савиновский (кург. 5, погр. 3), Тютринский (кург. 3, погр. 3 и 4; кург. 10, погр. 3) [Матвеева, 1993б, с. 155], Гаевский 1 (кург. 3, погр. 4, кург. 6, погр. 1 и 2, кург. 7, погр. 3) [Булдашев и др., 1997, с. 65, 67–68].

Выделяя две хронологические группы в Савиновском могильнике, Н.П. Матвеева, тем не менее, исключила вероятность позднесаргатского компонента, определив верхнюю датировку некрополя I–II вв. н.э. [Матвеева, 1993б, с. 155; 2000, с. 124–126; 2017, с. 15]. Однако разрушенное погребение 3 кургана 5 содержало весьма выразительный инвентарь, позволивший первоначально установить дату II–III вв. н.э. [Матвеев, Матвеева, 1991, с. 44]. Вещевой комплекс включал бронзовые парные наконечники-подвески [Матвеев, Матвеева, 1991, с. 21, рис. 16,2,3], которые в рамках саргатской хронологии рассматриваются в качестве хронологического репера. Плоские бронзовые пластины с одним округлым краем и прорезью на другом конце типологически неоднородны, различаются и их функциональное назначение – это и элементы крепления поясной гарнитуры, и обувные наконечники. Они известны в погребениях первых веков н.э. в пределах ареала распространения саргатской культуры [Булдашев и др., 1997, с. 45, рис. 28,2,3; Матвеева, 1994, с. 53, рис. 30,39], а также степного пояса [Гушина, Засецкая, 1994, с. 116, табл. 17,161; Малашев, Яблонский, 2008, с. 56, рис. 203,11–18; Максименко, Безуглов, 1987, с. 185, рис. 2,18,19; Могильников, 1992б, с. 456, табл. 106,8]. Считается, что пропорции части наконечников-подвесок не были постоянными на протяжении всего периода их бытования, потому форма этих предметов весьма показательна для хронологической оценки. Относительно длинные наконечники без расширения в нижней части характерны в основном для середины III в. н.э. [Малашев, 2000, с. 209, 210]. С другой стороны, признается, что наконечники-подвески становятся распространенной принадлежностью ременных наборов евразийских кочевников с I в. н.э. В таком виде доживают до середины II в. н.э., когда происходит их модификация и начинается повсеместное использование металлического зажима для крепления с ремнем [Малашев, 2000, с. 209, 210;

Малашев, Яблонский, 2008, с. 57]. Между тем в саргатских погребениях (Савиновский, кург. 5, погр. 3; Абатский 3, кург. 1, погр. 5; Гаевский 1, кург. 7, погр. 3) наконечники ремней именно таких форм – удлиненные и без зажимов для ремней [Матвеева, 1993б, с. 24, рис. 10,13,14; 1994, с. 53, рис. 30,39; Булдашев и др., 1997, с. 45, рис. 28,3,4]. Другим предметом для уточнения датировки могла бы быть бронзовая пряжка с подвижным язычком. Однако точные аналогии данному экземпляру не известны. Можно лишь добавить, что стилистически близкие образцы рамчатых пряжек лировидной формы изредка встречаются в сарматских памятниках I в. до н.э. – II в. н.э. Волго-Донского междуречья [Мошкова, 1989а, с. 189, табл. 82–37], хуннских I в. н.э. Монголии [Кызласов, 1955, с. 218, рис. 20,4; Миняев, Елихина, 2010, с. 177], среди «южноалтайских репликатов» II–IV вв. н.э. [Сорокин, 1977, с. 63, рис. 8]. Допуская возможную позднюю датировку изделия, погребение 3 кургана 5 Савиновского могильника может быть отнесено к середине II в. н.э. – второй половине III в. н.э., вероятно, без финала столетия.

Погребения Тютринского могильника были отнесены Н.П. Матвеевой к позднему этапу по типологии инвентаря и дополнены радиоуглеродным анализом [Матвеева, 1993б, с. 156, рис. 30,18–31,33–40, 32,14; 2017]. Интерес для оценки хронологии могут представлять круглая рамчатая железная пряжка с подвижным язычком без щитка (кург. 10, погр. 4), бронзовое зеркало с валиком по краю и ручкой-штырем (кург. 10, погр. 3), а также фаянсовый амулет в виде фигурки Гарпократа (кург. 3, погр. 3) из разрушенных захоронений. Аналогии этим предметам за пределами саргатской территории датируются II–III вв. н.э. [Малашев, 2016, с. 50–53, 145, рис. 78,1; Хазанов, 1963, с. 65; Бурков, 2014, с. 183].

К числу памятников, которые можно считать опорными для понимания исторических процессов финала раннего железного века, относится Гаевский 1 могильник в Притоболье [Булдашев и др., 1997]. Публикация результатов палеогенетического анализа двух индивидов из непо потревоженных погребений 1 и 2 кургана 6 (рис. 3, 4) не только позволила скорректировать прежнюю датировку захоро-

нений, но и изменить устоявшиеся на сегодняшний день представления о верхней хронологической границе культуры в целом [Шарпова и др., 2020]. Остановлюсь подробнее на этом вопросе, начав с характеристики инвентаря этих комплексов.

Предметы вооружения и конской упряжи из погребения 1 имеют аналогии как в материалах собственно саргатской культуры, так и в памятниках западного ареала степного пояса Евразии (рис. 5). Установленный по инвентарю временной диапазон I–III вв. н.э. [Булдашев и др., 1997, с. 67] может быть уверенно использован при выборе участка интервала, полученного по результатам радиоуглеродного датирования, осуществленного позднее. Калиброванные значения³ двух дат, полученных по костям человека, составляют 592–196BCcal (1 σ), 846BC–70ADcal (2 σ) (2320 $\pm$ 200, Ле-5515) и 56AD–258ADcal (1 σ), 50BC–401ADcal (2 σ) (1850 $\pm$ 100, Ле-6104). Образцы предсказуемо не проходят χ^2 -тест на согласование, следовательно, одна из дат ошибочна. Причину ошибки по прошествии времени и недостаточности данных об изотопном составе образца установить невозможно. Скорее всего, большое квадратическое отклонение – результат малого количества выделенного коллагена и, как следствие, большого разброса результатов измерений. Археологическим ожиданиям соответствует более поздняя дата, уточнение по которой в рамках полученного интервала статистически невозможно, но внешние по отношению к радиоуглеродному методу данные – период бытования инвентаря – не противоречат абсолютным значениям.

На этом пути наиболее показательными являются железный кинжал без навершия и перекрестия (рис. 5,14) и удила с глухими кольцами и дополнительной рамкой для ремня поводьев (рис. 5,20) и в меньшей степени – круглорамчатая пряжка (рис. 5,5). Изготовленная из железа, из-за плохой сохранности она плохо атрибутируема. Прогиб язычка не определяется, однако он подвижный, его длина доходит до середины сечения. Из-за коррозии также довольно трудно определить наличие/отсутствие щитка. Всевозможные округлые пряжки с подвижным язычком появляются с рубежа эр [Мошкова, 1989а, с. 189]. В сар-

гатских погребениях они сопровождают вещи II в. до н.э. – II в. н.э. [Корякова, 1988, с. 76]. Сравнительно короткие язычки, наряду с другими признаками – округлая рамка, прогиб язычка в средней части, без щитка или с металлическим щитком – известны среди образцов второй половины II – первой половины III в. н.э. и позднее [Малашев, 2000, с. 209; Малашев, Яблонский, 2008, с. 51].

Мечи и кинжалы без металлического навершия и перекрестия являются характерными типами позднесарматских комплексов [Малашев, 2013, с. 12], массово встречаются на протяжении II–IV вв. н.э. [Хазанов, 1971, с. 20]. Для подобных клинков на территории Западной Сибири период бытования был установлен в пределах I–IV вв. н.э. [Корякова, 1988, с. 67].

Распространение больших колец железных удил приходится на рубеж эр [Граков, 1977, с. 67]. В саргатских погребениях они встречаются совместно с предметами I в. до н.э. – IV в. н.э. [Корякова, 1988, с. 70]. Экземпляр удила из Гаевского 1 могильника отличает небольшой диаметр колец (всего 5–6 см), наличие специальной рамки для крепления ремней, что сближает его с уздечными наборами позднесарматского времени Южного Приуралья [Малашев, Яблонский, 2008, с. 50].

Присутствие костяных наконечников стрел в колчанном наборе и именно в таком сочетании также свидетельствует в пользу поздней датировки комплекса (рис. 5,6,13).

Костяные концевые накладки сложносоставного лука тоже не противоречат предложенной временной оценке, несмотря на то что их появление в саргатских погребениях относят ко II в. до н.э. [Корякова, 1988, с. 65] или даже к III в. до н.э. [Могильников 1992а, с. 302]. В Гаевском 1 могильнике оба комплекта происходят из кургана 6 (рис. 5,15–18, 6,22–25).

В пользу поздней даты рассматриваемого захоронения свидетельствуют и выявленные особенности погребального сооружения. Разного рода заплечики и уступы при оформлении могил использовались в саргатской погребальной практике довольно часто. Отличительной чертой являются довольно низкие асимметричные заплечики и узкая (по меркам саргатской культуры) погребальная каме-

ра⁴. Близкие по основным параметрам могилы известны в лесостепи Притоболья и Приишимья в поздних погребениях, датируемых первыми веками н.э. [Мошкова, Генинг, 1972, с. 87–118; Матвеева, 1993б, с. 155; 1994, с. 119; Ковригин и др., 2006, с. 192–193, 196–197]. В степи узкие могильные ямы, наряду с другими известными особенностями погребального обряда и обычаем деформации, относятся к основным диагностическим признакам позднесарматской культуры [Смирнов, Попов, 1972, с. 24; Малашев, Мошкова, 2010, с. 38; Малашев, 2013, с. 8]. В головном краю погребения 1 имеется нишеобразное расширение для установки заупокойных даров, что также выходит за рамки саргатских погребальных канонов. Несмотря на то что речь не идет о полном соответствии формам погребальных сооружений, тем не менее, наличие ниш в могилах находит параллели в памятниках джетысарской культуры. Подкурганые сырцовые склепы населения Юго-Восточного Приаралья характеризуются массовым использованием ниш: примерно половина сооружений приходится на ямы с нишами, но есть и ямы без них [Левина, 1996, с. 92, 107].

С учетом изложенного выше, можно допустить, что погребение 1 кургана 6 Гаевского 1 могильника было совершено не ранее второй половины II – первой половины III в. н.э. Прочий инвентарь (нож, полусферические стержневые бляшки, бронзовый гвоздик) (рис. 5, 1–3, 9) не противоречит предложенной дате.

По инвентарю (рис. 6, 7) датировка погребения 2 определена в рамках II–III вв. н.э. [Булдашев и др., 1997, с. 67]. Радиоуглеродная дата, полученная по костям человека, имеет калиброванные значения 2 BC cal–60 AD cal (1σ), 45 BC cal–77 AD cal (2σ) (1980±30, Le-5516). С одной стороны, возраст, установленный инструментальным методом, соответствует датировке по аналогиям; с другой – полученный интервал несколько удревает комплекс. Нередко самое простое – отбраковка не укладываемого в ожидаемую концепцию радиоуглеродного определения, но и здесь возможна корректировка по археологическому материалу.

Во-первых, наблюдается тождественность основных категорий инвентаря погребений 1 и 2 кургана 6 Гаевского 1 могильника.

Почти все находки известны как в памятниках лесостепного Зауралья и Западной Сибири, так и за пределами саргатской ойкумены. Во-вторых, разнообразный сопроводительный инвентарь все же содержит предметы, хоть и имеющие широкий диапазон бытования, но их присутствие в данном комплексе позволяют определить временной интервал совместного нахождения. Помимо упомянутых удилов с кольчатыми псалями и дополнительными металлическими зажимами для ремня поводьев (рис. 6, 21) и рамчатых пряжек, сюда могут быть отнесены железный меч без металлического навершия и перекрестия, а также железные наконечники срезни из колчанного набора. В-третьих, умерший мужчина имел прижизненную деформацию черепа, которую вкупе с узкой прямоугольной ямой относят к ведущим признакам позднесарматского культурного комплекса, что уже упоминалось.

В Западной Сибири находки железных кольчатых удилов с дополнительными зажимами известны от лесостепи до северной тайги вплоть до XVIII в. Это самый распространенный тип удилов, оканчивающихся кольцами [Зыков и др., 2017, с. 204]. Железные кольчатые удила с дополнительными зажимами или рамками представлены различными вариантами в сарматской упряжи [Мошкова, 1989б, с. 386, табл. 81, 42, 43, 49]. В частности, в могильнике Покровка 10 в позднесарматских погребениях находились удила с разным диаметром колец (3,7–5,2 см и 9 см). Причем зажимы, по одному на кольцо, отмечены как раз на крупных псалях в погребении воина в кургане 43 [Малашев, Яблонский, 2008, с. 18]. Использование крупных колец (от 9 см диаметром) отличает узду, известную в памятниках лесостепной и лесной зоны Заволжья и Приуралья, но это не исключает существования наравне с ними удилов с кольцами меньших размеров к востоку от Волги с III в. н.э. и позднее [Малашев, Яблонский, 2008, с. 50]. В целом в рассматриваемых гаевских экземплярах обращает на себя внимание конструкция удилов с кольчатым трензелем, а именно крепление зажима или прямоугольной рамчатой петли не к кольцу, а к окончанию грызла. В синхронных памятниках европейской части сте-

пи и прилегающих территорий (Северный Кавказ, Крым, лесостепная и лесная зоны Волго-Уралья) конструкция удила с кольчатым трензелем выглядит иначе: зажимы, относящиеся к ремням оголовья и повода, крепятся непосредственно к кольцу⁵. Исключением являются только удила иного типа – с колесовидными псалиями серии 1 по И.Р. Ахмедову, где два разновеликих металлических зажима крепятся к окончаниям грызл [Akhmedov, 2007, p. 68, pl. 56.8]. Скорее всего, на данных образцах саргатских удила металлические зажимы или петли служили для крепления ремней оголовья, а ремень повода соединялся непосредственно с кольцами. Учитывая такую специфику конструкции удила с кольчатым трензелем, их можно было бы считать самостоятельным вариантом описываемого типа удила, диагностирующим локальную традицию культуры. Однако в коллекциях других саргатских памятников подобные образцы не описаны и мне не известны.

Пряжки железные, безязычковые или с подвижным язычком, по форме рамки представлены округлым, овальным или прямоугольным экземплярами (рис. 6–13, 17, 18). Преимущественно все относятся к поясной гарнитуре. Маленькая овальная с подвижным язычком, возможно, относилась к португее. Все образцы известны в позднесарматских погребениях и не выходят за пределы III в. н.э. [Малашев, 2000, с. 221].

Бронзовые обоймы (рис. 6, 7–12), изготовленные из пластины, относятся к деталям узды и нагаек. Широко встречаются в позднесарматских памятниках от Нижнего Подонья до Южного Приуралья [Мошкова, 1989б, с. 198; Малашев, Яблонский, 2008, с. 51; и др.]. В саргатских могильниках они есть в Приишимье, маркируя комплексы I–III вв. н.э. [Матвеева, 1994, с. 44–45].

Железный меч без металлического навершия и перекрестия (рис. 7, 28) относится к характерному типу позднесарматского клинкового оружия [Хазанов, 1971, с. 20]. Близкий по морфологии экземпляр представлен в коллекции позднесарматского могильника Покровка 10 [Малашев, Яблонский, 2008, с. 59, 286]. На саргатской территории бытование подобных образцов приходится на I–IV вв. н.э. [Корякова, 1988, с. 67]. Судя по публикации, в

могильнике Абатский 1 в саргатских могилах (кург. 3, погр. 4 и 11) находились аналогичные плохо сохранившиеся клинки. Комплексы датированы автором в пределах I–III вв. н.э. [Матвеева, 1994, с. 17–20, 22–25]. Гаевский меч обоюдоострый; истлевший кожаный ремень, обмотанный вокруг пяты клинка, выполнял функцию перекрестья; кожаная накладка была частью портупейной конструкции [Булдашев и др., 1997, с. 53].

Вытянутые пропорции костяных наконечников (рис. 7, 8–11, 16–18, 23–27) аналогичны тем, что были в колчане из погребения 1. Присутствие в колчанном наборе закрытого комплекса железных наконечников срезней – с раздвоенным (вильчатый/двурогий) и долотовидным пером (рис. 7, 6, 7) – привносит определенную остроту обсуждению вопросов датировки. Прежде всего, в опубликованных материалах саргатской культуры подобные экземпляры не известны. Такие формы получают распространение не ранее середины I тыс. и происходят с территорий к северу, востоку и югу от ареала саргатских древностей [Булдашев и др., 1997, с. 49]. Аналогичными экземплярами, укладываемыми в хронологические рамки саргатской культуры, являются железные срезни, известные по сборам с кулайского городища Няксимволь и представленные в фондах Свердловского областного краеведческого музея⁶. Тот факт, что железные срезни находились в одном наборе с железными черешковыми трехлопастными (рис. 7, 1–5) и костяными (рис. 7, 8–27) наконечниками, не противоречит, а, скорее, подкрепляет предложенную датировку.

В анализируемых погребениях из кургана 6 могильника Гаевский 1 присутствуют признаки позднесарматской культуры, что позволяет их синхронизировать с позднесарматскими древностями второй половины II – III в. н.э.⁷ Принадлежность этих объектов к саргатской культуре и ее позднему этапу очевидна, равно как и рассмотренных выше немногочисленных захоронений в Савиновском и Тютринском могильниках в Притоболье и Абатском 3 могильнике в Приишимье. Археологически синхронные им погребения некрополей Ипкульский, Покровский и Явленка 1, расположенных на северной и южной границах саргатского ареала, демонстрируют лишь диспер-

сное существование осколков саргатской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье.

В этой связи интересно рассмотреть временной рубеж бытования саргатских стереотипов на поселениях, среди которых по степени изученности выделяются Павлиново и Коловское городища в Притоболье [Корякова и др., 2009; Матвеева и др., 2005]. Что касается материалов Рафайловского городища, которое Н.П. Матвеева включила в число опорных в хронологии саргатской культуры [Матвеева, 2017, табл.], остается сожалеть об отсутствии развернутой публикации этого интересного памятника эпохи железа лесостепного Зауралья. Материалы многолетних раскопок опубликованы только в сжатой форме, а время существования поселка на основании коллекции находок было отнесено к V–III вв. до н.э. [Матвеева, 1993а, с. 161]. Позже, с учетом данных радиоуглеродного анализа, верхняя дата была определена в диапазоне III–IV вв. н.э. [Матвеева, 2017, с. 15]. Судя по керамическому инвентарю поселения, типологически весьма разнородному и разновременному, в коллекции присутствует значительная доля сосудов прыговского типа с характерной гребенчато-шнуровой орнаментацией [Матвеева, 1993а, с. 158, рис. 7, 1, 6, 15–17]. К большому сожалению, в публикации отсутствует столь необходимый анализ соотношения керамики разных типов и выявленных объектов. Остается только догадываться, из каких сооружений происходят сосуды и каково их стратиграфическое соотношение с комплексом саргатской посуды. За неимением убедительных дат для прыговской керамики, можно обратиться к материалам раскопок Прыговского городища, где получены надежно стратифицированные данные соотношения зауральских типов керамики и объектов городища [Daire et al., 2002, p. 207–241]. Нижняя дата полученных прыговских материалов может быть смещена к отрезку времени не ранее II в. до н.э. – рубежу эр [Шарапова, 2000, с. 24], то есть на каком-то этапе они синхронны саргатским⁸. Без анализа керамической коллекции Рафайловского городища и ее соотношения с обнаруженными там объектами сугубо саргатская принадлежность этого памятника исключается.

Время окончательного запустения крепости Павлиново городища, судя по датировкам построек внутри нее, отнесено ко второй половине I в. до н.э. – рубежу эр. После этого жизнь продолжалась только на посаде в I в. н.э. с заходом во II в. н.э. В пределах раскопанной части поселка сооружений, достоверно относящихся к верхней дате (II в. н.э.), не обнаружено, как нет и следов обитания позднее [Корякова и др., 2009, с. 169]. Приводимые Н.П. Матвеевой датировки объектов Коловского городища также согласуются с этими сведениями. Даты, относящиеся к основанию оборонительной стены, вала первой и третьей площадок цитадели, указывают на прекращение существования поселка во II в. н.э. [Матвеева и др., 2005, с. 58, 91; 2008, с. 152–153; Матвеева, 2017, с. 15].

Рассмотренные материалы подтверждают раннее наблюдение об отсутствии в саргатских могильниках вещей, начало периода бытования которых приходится на III в. н.э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 19]. Нет таких свидетельств и на поселениях [Daire et al., 2002; Корякова и др., 2009; Матвеева и др., 2005; 2008]. Очевидно, что на рубеже II–III вв. н.э., на который приходится финальная фаза стабилизации саргатской культуры, по истечении короткого промежутка времени произошло исчезновение этого мощного социополитического организма. Весьма вероятно, вторая половина III в. н.э. знаменует постсаргатское время на обширном лесостепном пространстве. На макроуровне еще сохраняется присутствие не столь выразительного как прежде саргатского компонента по периферии общности – на подтаежных (Ипкульский могильник) и степных (могильники Покровский и Явленка 1) территориях. Так, часть саргатских групп, продвинувшаяся на север лесостепи, сохраняла свои традиции дольше, что отразилось в материалах поселений, датированных серединой I тыс. н.э. [Корякова и др., 1988]. В целом можно говорить, что саргатские традиции нашли выражение в курганном обряде и керамике населения, осевшего по обе стороны Урала. Этот процесс способствовал новому очагу культурогенеза, охватившего к VI в. н.э. широкую территорию северной лесостепи [Зыков, 2012, с. 47–50; Матвеева, Зеленков, 2018, с. 75].

Выше упоминалось, что саргатская погребальная атрибутика II–III вв. н.э. в значительной степени имеет выраженный позднесарматский облик. Реконструкции характера взаимоотношений лесостепного и степного населения на основании археологических данных имеют гипотетический характер, однако сам факт не оспаривается исследователями обеих культур. Допускается, что «часть населения саргатской культуры могла быть вовлечена в состав мигрантов и приняла участие в оформлении некоторых сторон позднесарматской культуры», так же как и факт совпадения финала существования степной и лесостепной культур [Малашев, Мошкова, 2010, с. 49; Малашев, 2013, с. 22]. Современные исследования позднесарматских памятников южноуральских степей не позволяют говорить о распространении их в регионе позже конца III в. н.э. [Малашев, 2009; 2013]. Несмотря на большие допущения, обусловленные искаженным характером археологической выборки по сравнению с реальной ситуацией, обращает на себя внимание связанность процессов в лесостепи и степи. В лесостепном ареале отмечается незначительное количество памятников позднего этапа саргатской культуры. Для степных территорий зафиксирован отток позднесарматского населения из Южного Приуралья [Малашев, 2009, с. 49–50; 2013, с. 6]. Различные по своей причинности факторы привели к фрагментарности саргатского компонента как на основной территории, так и на периферии лесостепи, а также к сокращению ареала позднесарматской культуры. Относительно недавно факт последнего стали объяснять неблагоприятными для кочевого хозяйства процессами гумидизации, охватившими Южное Приуралье со второй половины III в. н.э. и в финале столетия достигшими волго-донских степей [Кривошеев, Борисов, 2019]. Примечательно, что на смену точки зрения о хуннском нашествии в качестве основной причины распада саргатской культуры [Могильников, 1992а, с. 311] появилось мнение о комплексе причин. В их число включаются дестабилизация в восточных районах Евразии и ухудшение природно-климатических условий в лесостепи [Булдашев и др., 1997, с. 154; Матвеева и др., 2005, с. 11–12, 209]. Свидетельства локального увлажнения были получены

в ходе анализа споро-пыльцевого спектра образцов, взятых из погребенной почвы курганов Притоболья. По мнению почвоведов, присутствие пыльцы лабазника и спор сфагновых мхов в выделенном спектре маркирует увлажненность [Корякова и др., 2009, с. 245]. Однако эти данные нуждаются в сравнении с результатами целенаправленных исследований природной среды в пределах всего ареала саргатской культуры, что пока не проводилось. Тем не менее анализ притобольских материалов позволил Н.П. Матвеевой заключить, что в раннем железном веке природные условия способствовали вовлечению лесостепных групп в историю населения прилегающих степей [Матвеева и др., 2005, с. 9–11].

По-видимому, саргатская культура в качестве целостного культурного явления с начала III в. н.э. отсутствует на большей части лесостепи к востоку от Урала. Судя по известным материалам, количество таких комплексов невелико, инвентарь довольно беден. Общепринято (и это подтверждается археологическим материалом), что Зауральская лесостепь была занята немногочисленной группой лесного населения, оставившего памятники с кашинско-прыговской (гребенчато-шнуровой) керамикой; лесостепи Омского Прииртышья и северной части Барабы заселили выходцы из северных таежных районов с керамикой позднекулайского облика. С IV в. н.э. отдельные элементы культуры, фиксируемые в подкурганном обряде погребения и схожих керамических традициях, сохраняются в подтаежной и степной зонах Тоболо-Ишимья (бакальские, карымские группы), либо интегрируются в местной среде к западу от Уральских гор (неволинские, кушнаренковские группы). В принципе, высказанное суждение не контрастирует с позицией Л.Н. Коряковой, Н.П. Матвеевой, В.А. Могильникова – расцвет саргатской культуры пришелся на II в. до н.э. – II в. н.э. Отличия касаются оценочно-содержательной коннотации следующего этапа, который вместо привычного названия позднесаргатским следовало бы именовать постсаргатским. Во второй половине III в. н.э. происходит угасание и размывание основных черт саргатской культуры. Если мои допущения верны, то исчезновение ярких выразительных комплексов, определявших облик саргатской социокультур-

ной системы, выглядит довольно резко. На обширном лесостепном пространстве саргатские памятники IV в. н.э. и позже мне не известны.

Таким образом, синхронность заключительного этапа саргатской культуры и позднесарматской культуры Южного Приуралья второй половины II – III в. н.э. не исключается. Однако материалов, позволяющих раскрыть механизм взаимодействия (которое не отрицается) лесостепных и степных групп, пока явно недостаточно. Время, предшествующее финалу III в. н.э. и до сложения бакальской культуры в лесостепи, можно рассматривать «темными веками». Все вышесказанное допускает корректировку верхней хронологической границы саргатской культуры до середины – второй половины III в. н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Площадки – на поселениях взаимосвязанные части замкнутого жилого пространства, ограниченного линией или линиями валов и рвов или естественными барьерами [Стоянов, 1970, с. 239].

² В публикации отсутствует хроностратиграфический анализ бакальской керамики (группа 1, к которой отнесено 86 % сосудов, на самом деле включает и другие типологические группы зауральской керамики – гороховскую, кашинскую, прыговскую [Боталов и др., 2008, рис. 4,2, 6,11, 8,4,15,18,19]). Однако планиграфическое распределение дано всего для шести бакальских сосудов, которые залежали не на полу, а в верхнем заполнении хозяйственного сооружения, на что С.Г. Боталов и соавторы не обратили внимание [Боталов и др., 2008, с. 19, 33]. Данное обстоятельство вызывает сомнение в выделении бакальского горизонта и его синхронизации с кушнаренковско-караякуповской керамикой, как

минимум, в пределах раскопанной части городища. Основной комплекс, включая бакальскую керамику, вопреки утверждениям С.Г. Боталова [Боталов и др., 2008, с. 34], находился в слое в переотложенном состоянии.

³ Калибровка проведена в программе OxCal 4.3.2 [Bronk Ramsey, 2017], калибровочная кривая IntCal13 [Reimer et al., 2013].

⁴ Удлиненно-прямоугольные могилы варьируют по своим размерам; узкими считаются те, у которых ширина камеры составляет около ½ их длины [Мошкова, 1989а, с. 178]. Среди погребальных памятников Зауралья Гаевский 1 могильник выделяется статистическими значениями абсолютных размеров ям поздней хронологической группы при небольших показателях среднего квадратического отклонения. В них почти половину пространства ямы занимал лук, помещавшийся слева от умершего [Булдашев и др., 1997, с. 132–136, табл. 14].

⁵ Пользуясь случаем, выражаю благодарность В.Ю. Малашеву за помощь в детализации конструктивных особенностей удила.

⁶ Памятники кулайской культуры занимают таежную зону Северо-Западной Сибири, обсуждение их датировки имеет дискуссионный характер, однако «пульсация» ареала схожих по облику культур приходится на II–I вв. до н.э. – первую половину IV в. н.э. [Зыков, 2012, с. 44–45].

⁷ В раскопанных гаевских курганах им одновременно два сильно разграбленных захоронения – кург. 3, погр. 4 и кург. 7, погр. 3 [Булдашев и др., 1997, с. 65, 68].

⁸ Для Прыговского городища по костям собаки из объекта с прыговской керамикой получена радиоуглеродная дата – 16 AD cal–116 AD cal (1σ), 34 BC cal–136 AD cal (2σ) (1950±40, Ле-5039). Стремление отнести памятник к саргатской культуре [Матвеева, 2000, с. 31, рис. 6; Могильников, 1992а, карта 20] едва ли оправданно. Среди раскопанных объектов саргатских сооружений нет [Ковригин, Шаропова, 1998, с. 51].

ИЛЛЮСТРАЦИИ

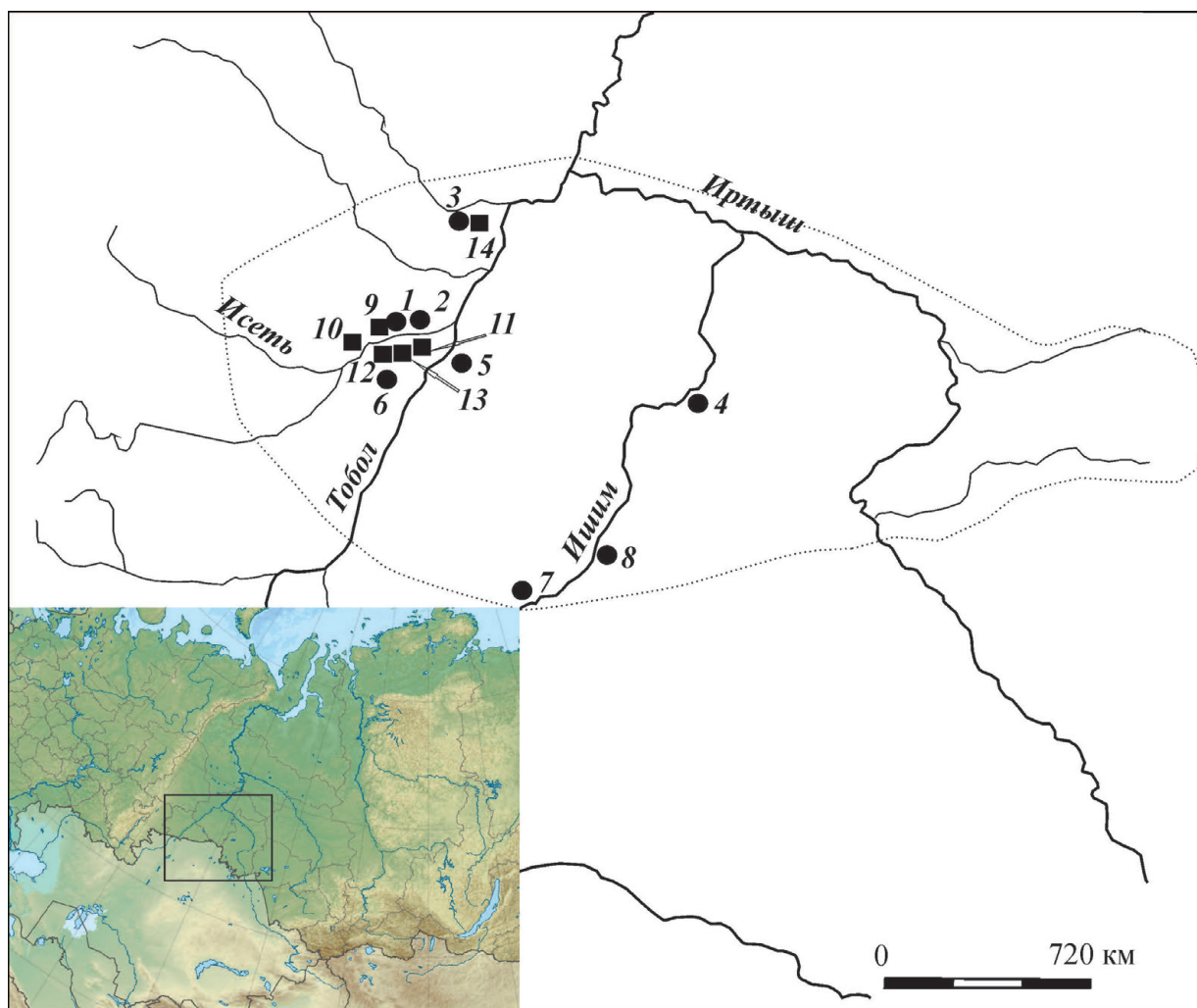

Рис. 1. Схема распространения древностей саргатской культуры и памятников, упоминаемых в статье:

Могильники: 1 – Сопининский 1; 2 – Гаевский 1; 3 – Ипкульский; 4 – Абатский 3;

5 – Савиновский; 6 – Тютринский; 7 – Покровский 1; 8 – Явленка 1.

Городища: 9 – Павлиново; 10 – Прыговское; 11 – Большое Бакальское; 12 – Рафайловское; 13 – Коловское

Fig. 1. Map of the Sargat culture distribution and sites mentioned in the text:

Kurgan cemeteries: 1 – Sopininsky 1; 2 – Gaevsky 1; 3 – Ipkul'sky; 4 – Abatsky 3;

5 – Savinovsky; 6 – Tutrinsky; 7 – Pokrovsky; 8 – Yavlenka 1.

Fortresses: 9 – Pavlinovo; 10 – Prygovsky; 11 – Bol'she-Bakal'sky; 12 – Rafaylovsky; 13 – Kolovsky

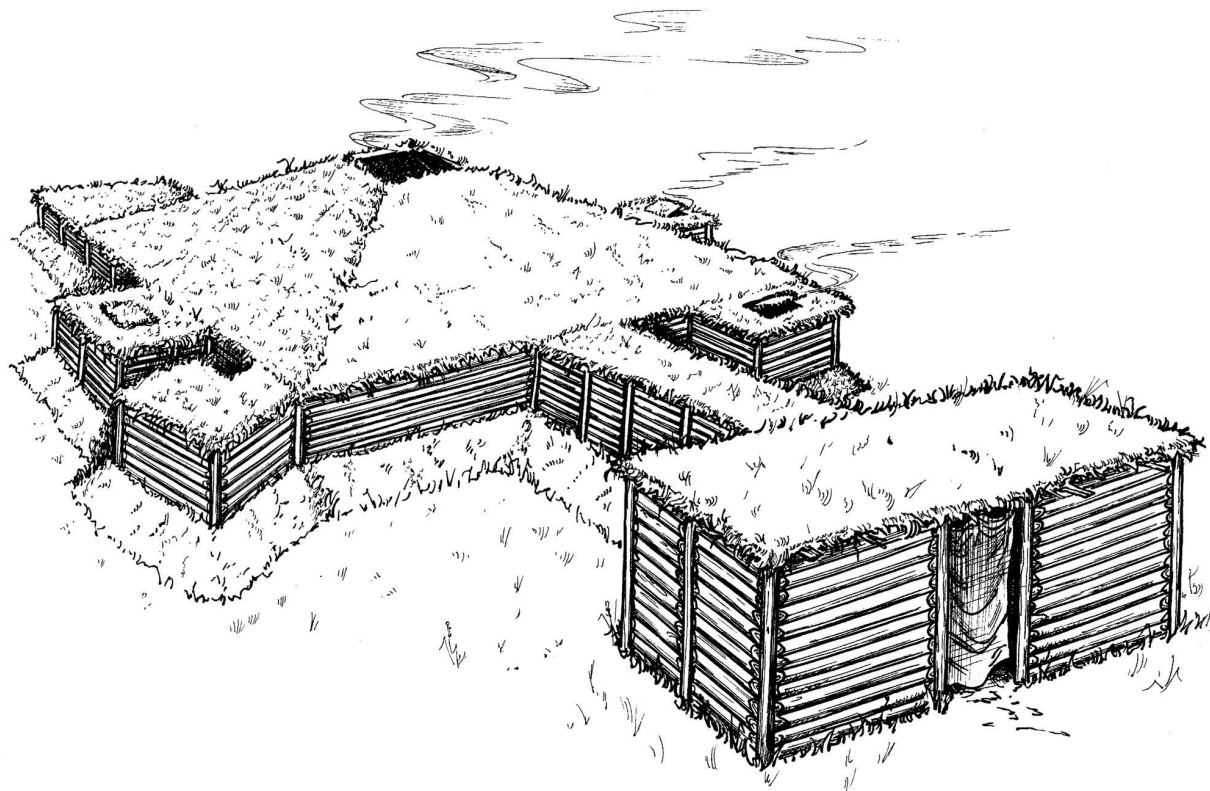

Рис. 2. Павлиново городище. Графическая реконструкция постройки 5 [Корякова и др., 2009, рис. 3.11]

Fig. 2. Pavlinovo fortress. Artistic reconstruction of house no. 5 [Koryakova et al., 2009, fig. 3.11]

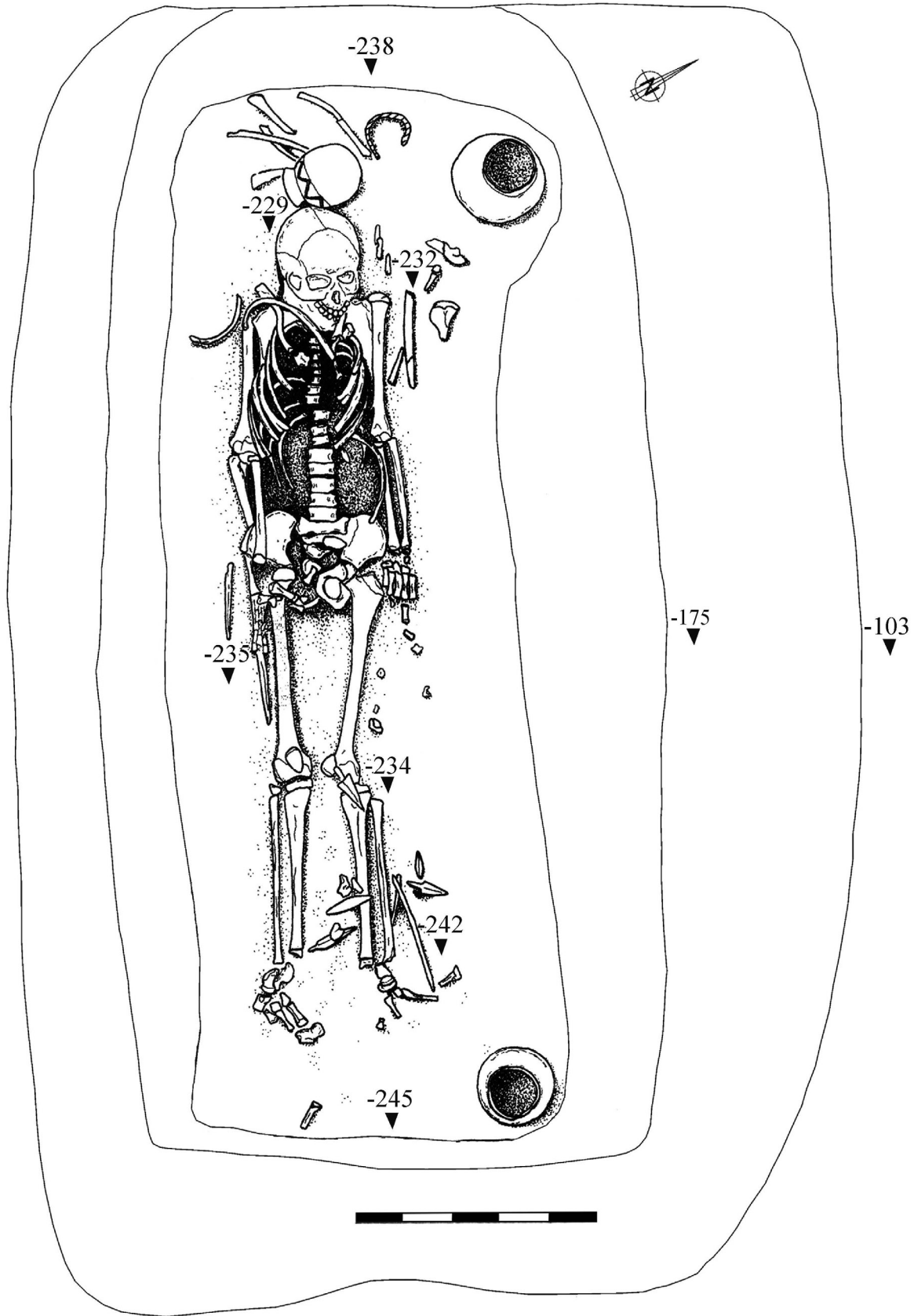

Рис. 3. Гаевский 1 могильник. Курган 6. Погребение 1 [Булдашев и др., 1997, рис. 16,2]

Fig. 3. Gaevsky 1 kurgan cemetery. Kurgan 6. Burial 1 [Buldashev et al., 1997, fig. 16,2]

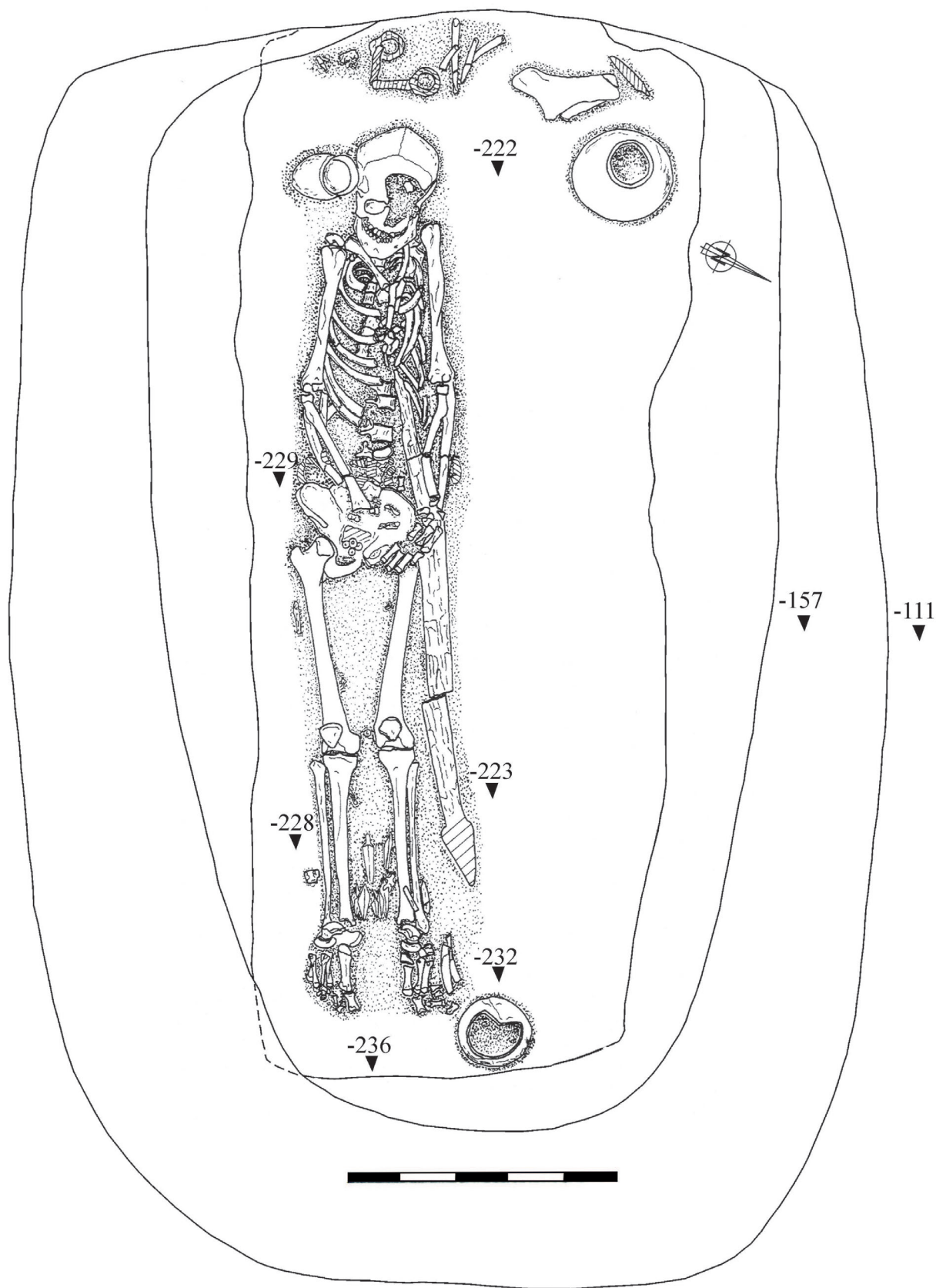

Рис. 4. Гаевский 1 могильник. Курган 6. Погребение 2 [Булдашев и др., 1997, рис. 17,4]

Fig. 4. Gaevsky 1 kurgan cemetery. Kurgan 6. Burial 2 [Buldashev et al., 1997, fig. 17,4]

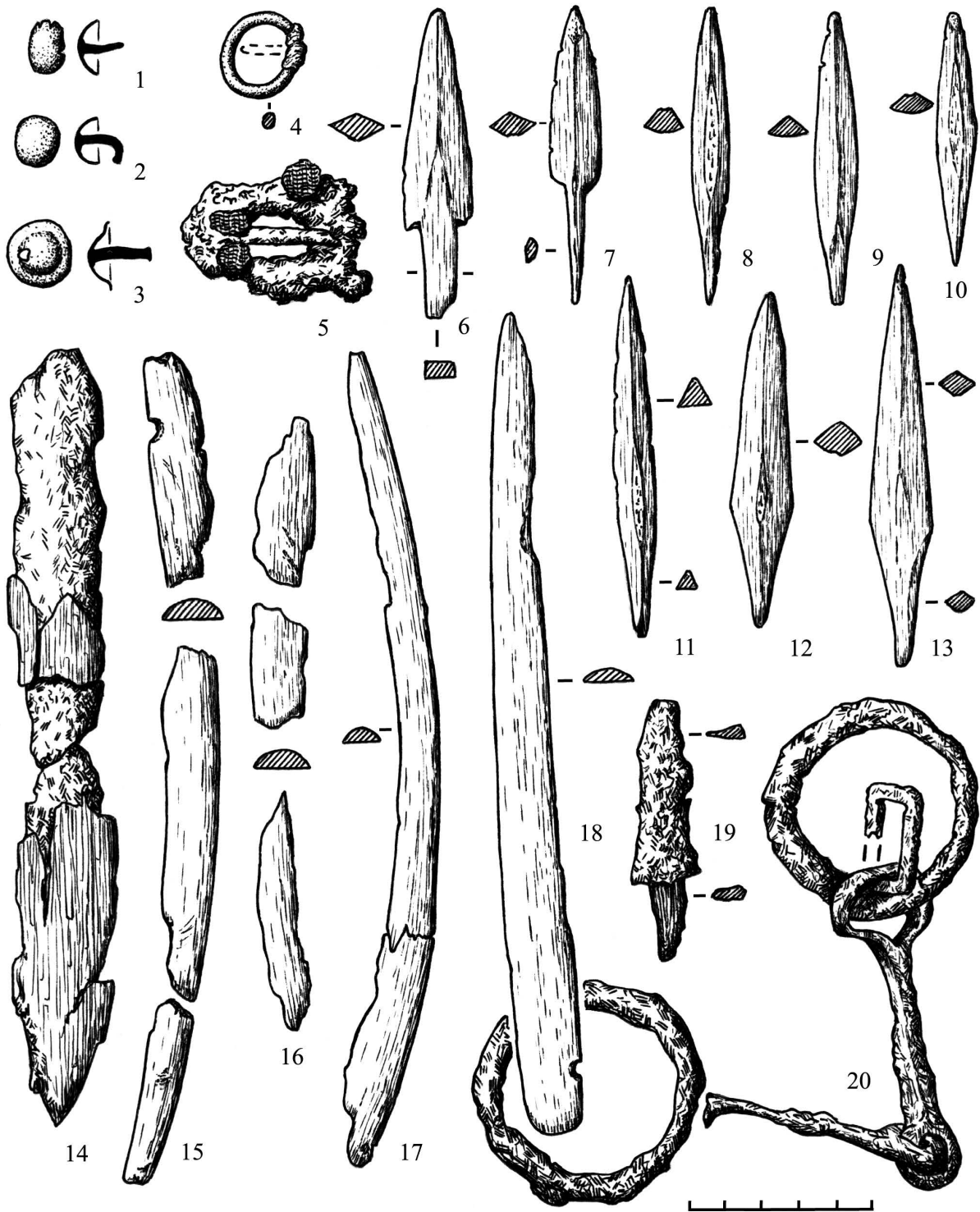

Рис. 5. Гаевский 1 могильник. Курган 6. Инвентарь погребения 1:

1–3 – бронза; 4 – бронза, кожа; 5, 14, 19, 20 – железо; 6–13, 15–18 – кость [Булдашев и др., 1997, рис. 18]

Fig. 5. Gaevsky 1 kurgan cemetery. Kurgan 6. Grave goods from burial 1:

1–3 – bronze; 4 – bronze, leather; 5, 14, 19, 20 – iron; 6–13, 15–18 – bone [Buldashev et al., 1997, fig. 18]

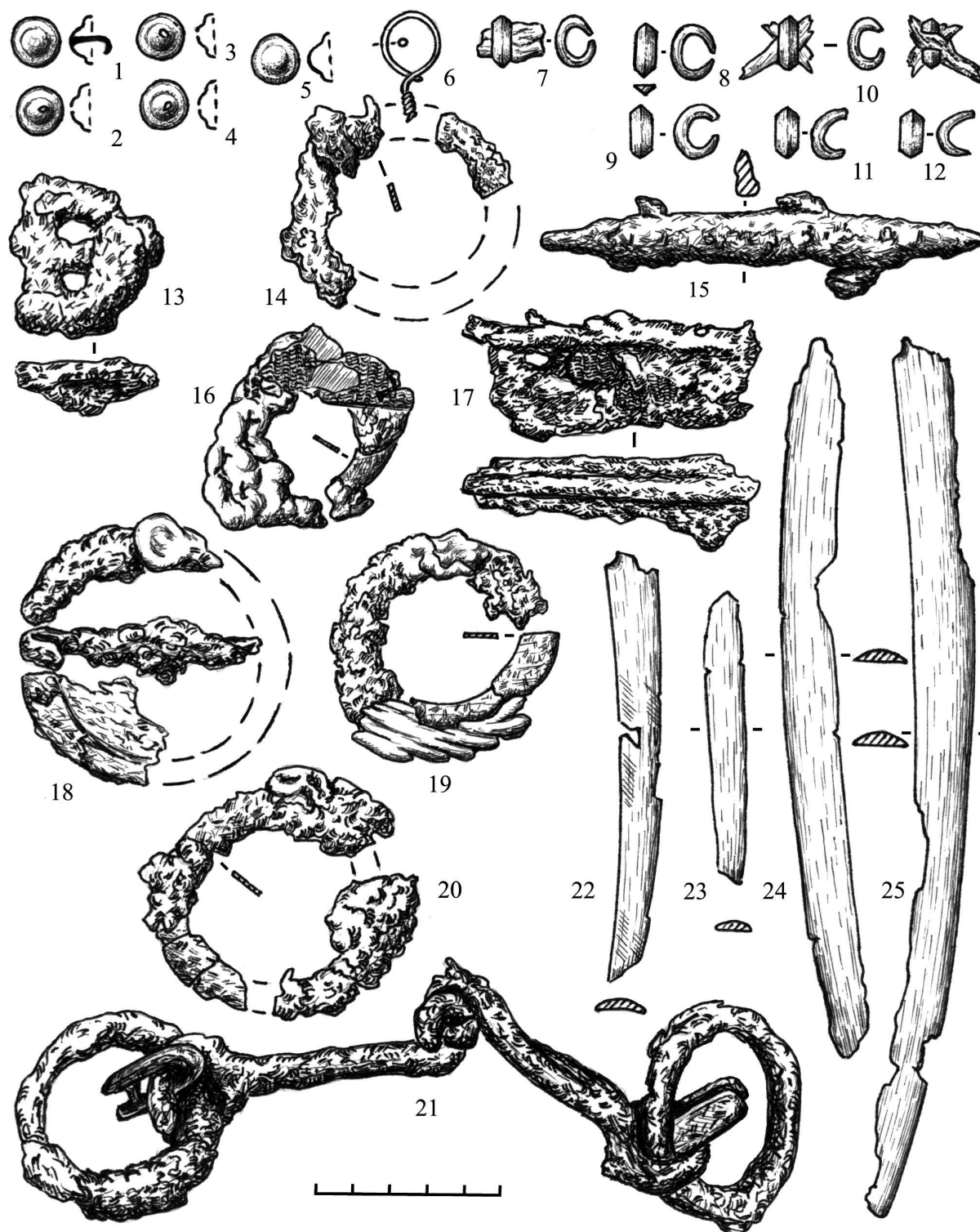

Рис. 6. Гаевский 1 могильник. Курган 6. Инвентарь погребения 2:
 1-5, 8, 9, 11, 12 – бронза; 6 – бронза, серебро; 7-10 – бронза, кожа; 13-21 – железо;
 22-25 – кость [Булдашев и др., 1997, рис. 19]

Fig. 6. Gaevsky 1 kurgan cemetery. Kurgan 6. Grave goods from burial 2:
 1-5, 8, 9, 11, 12 – bronze; 6 – bronze, silver; 7-10 – bronze, leather; 13-21 – iron;
 22-25 – bone [Buldashev et al., 1997, fig. 19]

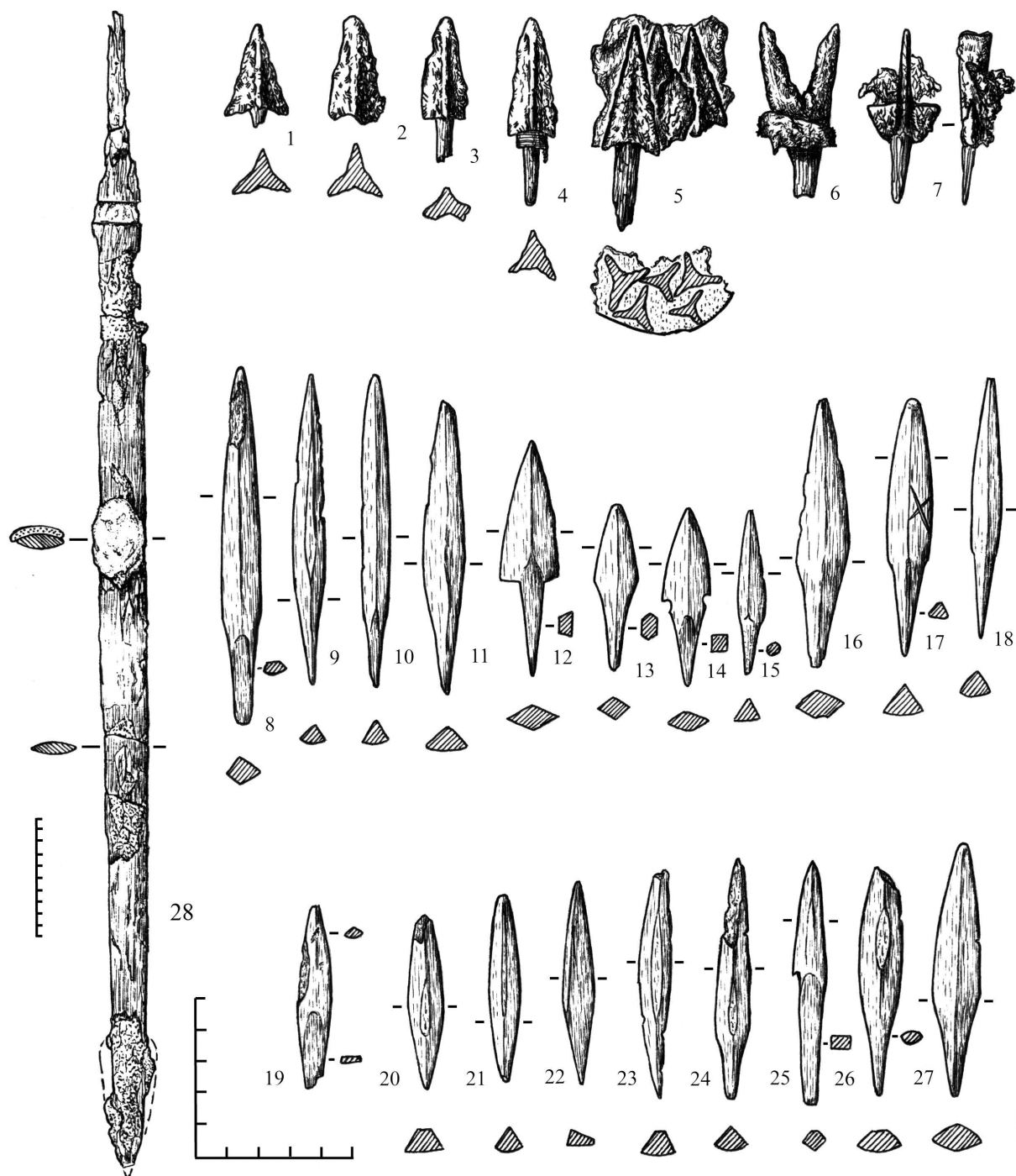

Рис. 7. Гаевский 1 могильник. Курган 6. Инвентарь погребения 2:
1–7, 28 – железо; 8–27 – кость [Булдашев и др., 1997, рис. 20, 21]

Fig. 7. Gaevsky 1 kurgan cemetery. Kurgan 6. Grave goods from burial 2:
1–7, 28 – iron; 8–27 – bone [Buldashev et al., 1997, fig. 20, 21]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1–12. М. : Наука. 120 с.
- Багашев А. Н., 2000. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск : Наука. 374 с.
- Берлина С. В., 2010. Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень. 18 с.
- Боталов С. Г., 2016. Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культуругенеза). Челябинск : Рифей. С. 468–531.
- Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю., 2000. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Рифей. 267 с.
- Боталов С. Г., Тидеман Е. В., Лукиных А. А., Вохменцев М. П., 2008. Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры. Челябинск ; Шадринск : Рифей. С. 6–44.
- Булдашев В. А., Ковригин А. А., Корякова Л. Н., Косинцев П. А., Курто П., Махонина Г. И., Ражев Д. И., Потро Ж.-П., Шарапова С. В., 1997. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург : Екатеринбург. 180 с.
- Бурков С. Б., 2014. Амулеты и талисманы из «египетского фаянса» с территории Осетии // Народы Кавказа: история, этнология, культура. К 60-летию со дня рождения В.С. Уарзиати : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А. С. 177–186.
- ван дер Плихт Й., Шишлина Н. И., Зазовская Э. П., 2016. Радиоуглеродное датирование: хронология археологических культур и резервуарный эффект. Труды ГИМ. Вып. 203. М. : Палеограф. 112 с.
- Граков Б. Н., 1977. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Западной Европы). М. : Изд-во МГУ. 235 с.
- Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб. : Фарн. 172 с.
- Довгалоук Н. П., 1995. Стекланные украшения Западной Сибири эпохи раннего железного века (по материалам саргатской культуры) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 18 с.
- Зыков А. П., 2012. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековое и новое время. Екатеринбург : Уральский рабочий. 232 с.
- Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В., 2017. Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). М. : Наука : Восточная литература. 559 с.
- Зыков А. П., Федорова Н. В., 2001. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург : Сократ. 176 с.
- Клейн Л. С., 2012. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога. В 2 кн. Донецк : Изд-во Донец. нац. ун-та. Кн. 1 – 622 с. ; Кн. 2 – 599 с.
- Ковригин А. А., 2007. К датировке Абатского 3 могильника // XVII Уральское археологическое совещание : материалы науч. конф. Екатеринбург ; Сургут : Магеллан. С. 194–198.
- Ковригин А. А., Корякова Л. Н., Курто П., Ражев Д. И., Шарапова С. В., 2006. Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа : Гилем. С. 187–203.
- Ковригин А. А., Шарапова С. В., 1998. Культурно-хронологические комплексы Прыговского городища // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та. С. 47–53.
- Корякова Л. Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. 240 с.
- Корякова Л. Н., 1991. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Екатеринбург : Изд-во ИИиА УрО РАН. 52 с.
- Корякова Л. Н., 1994а. Поселения и жилища Тоболо-Иртышской лесостепи // Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т. 1, кн. 1 : Поселения и жилища. Томск : Изд-во Том. ун-та. С. 259–275.
- Корякова Л. Н., 1994б. Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т. 2 : Мир реальный и потусторонний. Томск : Изд-во Том. ун-та. С. 113–169.
- Корякова Л. Н., Морозов В. М., Суханова Т. Ю., 1988. Поселение Ипкуль XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения. Свердловск : Изд-во УрГУ. С. 117–129.

- Корякова Л. Н., Дэйр М.-И., Ковригин А. А., Шарапова С. В., Берсенева Н. А., Пантелеева С. Е., Ражев Д. И., Курто П., Хэнкс Б., Ефимова Е. Г., Каздым А. А., Микрюкова О. В., Сахарова А. О., 2009. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса). Екатеринбург ; Сургут : Магеллан. 298 с.
- Корякова Л. Н., Шарапова С. В., Ковригин А. А., 2010. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // Уральский исторический вестник. № 2 (27). С. 62–71.
- Косинцев П. А., Корякова Л. Н., Валдайских В. В., Иванов И. В., Каздым А. А., Корона О. М., Махонина Г. И., Панова Н. К., Табанакова Е. Д., Хэнкс Б., 2003. Комплексные исследования Павлиновского городища // Экология древних и современных обществ : материалы конф. Вып. 2. Тюмень : ИПОС СО РАН. С. 132–139.
- Кривошеев М. В., Борисов А. В., 2019. Климатический оптимум как фактор кризиса экономики степных кочевников // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24, № 3. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>.
- Кызласов Л. Р., 1955. Сырский Чаа-Тас // Советская археология. № XXIV. С. 197–256.
- Левина Л. М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М. : Восточная литература. 396 с.
- Максименко В. Е., Безуглов С. И., 1987. Позднесарматские погребения на р. Быстрой // Советская археология. № 1. С. 183–192.
- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д : Терра. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., 2009. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // Российская археология. № 1. С. 47–52.
- Малашев В. Ю., 2013. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 25 с.
- Малашев В. Ю., 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М. : ИА РАН. 208 с.
- Малашев В. Ю., Мошкова М. Г., 2010. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 37–56.
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М. : Восточная литература. 365 с.
- Марсадалов Л. С., 2016. Проблемы объяснения ряда «искажающих эффектов» при радиоуглеродном датировании археологических объектов // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Междунар. науч. конф. Вып. 5, ч. 2. Тюмень : Изд-во ТюмГУ. С. 107–113.
- Маслов В. Е., 2018. К вопросу о происхождении поясных накладок со сценой охоты из Сибирской коллекции Петра I // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 250. С. 25–42. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.25-42>.
- Матвеев А. В., Матвеева Н. П., 1991. Савиновский могильник саргатской культуры. Итоги полевых исследований. Тюмень : ИПОС СО РАН. 53 с.
- Матвеева Н. П., 1993а. Рафайловское городище – памятник саргатской культуры Среднего Притоболья // Российская археология. № 1. С. 148–163.
- Матвеева Н. П., 1993б. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск : Наука. 175 с.
- Матвеева Н. П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск : Наука. 152 с.
- Матвеева Н. П., 2000. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск : Наука. 399 с.
- Матвеева Н. П., 2017. Радиоуглеродная хронология памятников саргатской культуры (Западная Сибирь) // Российская археология. № 4. С. 3–20.
- Матвеева Н. П., Берлина С. В., Рафикова Т. Н., 2008. Коловское городище. Древности Ингальской долины: Археолого-палеоэкологическое исследование. Вып. 2. Новосибирск : Наука. 240 с.

- Матвеева Н. П., Зеленков А. С., 2018. О западносибирских инвазиях в Приуралье в эпоху Великого переселения народов // Вестник Пермского университета. История. Вып. 1 (40). С. 71–86. DOI: <http://doi.org/10.17072/2219-3111-2018-1-71-85>.
- Матвеева Н. П., Ларина Н. С., Берлина С. В., Чикунова И. Ю., 2005. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск : Изд-во СО РАН. 228 с.
- Миняев С. С., Елихина Ю. И., 2010. К хронологии курганов Ноин-Улы // Записки ИИМК РАН. СПб. : Дмитрий Буланин. Вып. 5. С. 169–182.
- Могильников В. А., 1972. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. М. : Наука. С. 66–86.
- Могильников В. А., 1987. Лесостепное Зауралье (бакальская культура) // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М. : Наука. С. 179–183.
- Могильников В. А., 1992а. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. : Наука. С. 274–311.
- Могильников В. А., 1992б. Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. : Наука. С. 254–273.
- Мошкова М. Г., 1989а. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. : Наука. С. 177–191.
- Мошкова М. Г., 1989б. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. : Наука. С. 191–202.
- Мошкова М. Г., Генинг В. Ф., 1972. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. № 153. М. : Наука. С. 87–118.
- Пилипенко А. С., Черданцев С. В., Трапезов Р. О., Молодин В. И., Кобелева Л. С., Поздняков Д. В., Полосьмак Н. В., 2017. Палеогенетическое исследование родства погребенных из курганов саргатской культуры в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 45 (4). С. 132–142. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2017.45.4.132-142>.
- Полосьмак Н. В., 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск : Наука. 144 с.
- Ражев Д. И., 2009. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург : УрО РАН. 492 с.
- Ражев Д. И., Ковригин А. А., 1999. Курганные могильники саргатской культуры и социально-демографическая структура древнего общества // Экология древних и средневековых обществ : тез. докл. конф., посвящ. 275-летию РАН. Тюмень : ИПОС СО РАН. С. 171–175.
- Рафикова Т. Н., 2011. Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень. 19 с.
- Сальников К. В., 1956. Исетские древние поселения // Советская археология. № 25. С. 189–215.
- Смирнов К. Ф., Попов С. А., 1972. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. Материалы и исследования по археологии СССР. № 153. М. : Наука. С. 3–26.
- Сорокин С. С., 1977. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Аврора. Вып. 18. С. 57–67.
- Стоянов В.Е., 1970. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та. С. 238–253.
- Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология. № 9. С. 58–71.
- Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М. : Наука. 172 с.
- Чикунова И. Ю., 2017. Ипкульский курганный могильник (результаты раскопок 2010–2011 гг.) // ABORIGIN: археолого-этнографический сборник. Вып. 9. Тюмень : Изд-во ТюмГУ. С. 79–110.
- Шарапова С. В., 2000. Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья (опыт статистического анализа) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 27 с.
- Шарапова С. В., 2018. Биоархеология населения лесостепного Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура) // Stratum Plus. № 3. С. 323–350.

- Шаропова С. В., Пилипенко А. С., Ражев Д. И., Трапезов Р. О., Черданцев С. В., 2020. Два мужских погребения из кургана саргатской культуры: биоархеологический и палеогенетический обзор // *Stratum Plus*. № 3. С. 379–404.
- Akhmedov I., 2007. Le harnachement de Tsibilium. A propos de la formation du type “pontique” de harnachement de l’époque des Grandes Migration // Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium. L’étude du site. Vol. 2. Oxford (BAR International Series S1721). P. 67–72.
- Bronk Ramsey C., 2017. OxCal 4.3. URL: <http://c14.arch.ox.ac.uk> (accessed 10 Sept. 2019).
- Daire M.-Y., Koryakova L., Buldashov V., Courtaud P., Epimajov A., Gonzalez E., Kovrigin A., Kosintsev P., Langouet L., Makhonina G., Marguerie D., Pautreau J.-P., Rajev D., Sharapova S., Uge M.-C., 2002. Habitats et necropolis de l’Age du Fer au Carrefour de l’Eurasie. Les fouilles de 1993 à 1997. Memoires de la mission archeologique francaise en Asie Centrale. Tome XI. Paris : Diffusion de Broccard. 291 p.
- Reimer P. J., Bard E., Bayliss A., 2013. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // *Radiocarbon*. № 55 (4). P. 1869–1887.

REFERENCES

- Alexeeva E.M., 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Antic Beads of the Northern Black Sea Region]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. 71–12. Moscow, Nauka Publ. 120 p.
- Bagashev A.N., 2000. *Paleoatropologiya Zapadnoy Sibiri: lesostep' v epokhu rannego zheleza* [Paleoanthropology of the Western Siberia: Forest-Steppe During Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ. 374 p.
- Berlina S.V., 2010. *Zhilaya i oboronitel'naya arkhitektura naseleniya zapadnosibirskoi lesostepi v rannem zheleznom veke (po materialam sargatskoi kultury): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Living and Defensive Architecture of the West Siberian Population During the Iron Age (Based on Materials of the Sargat Culture). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Tumen. 18 p.
- Botalov S.G., 2016. Istoriko-kul'turnye gorizonty v epokhu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya lesostepnogo Zaural'ya [Historical-Cultural Horizons During the Iron and Middle Ages in Forest-Steppe Trans-Urals]. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep'. Rannii zheleznyi vek i srednevekovie (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the Southern Urals. Forest, Forest-Steppe. Early Iron and Middle Ages (Problems of the Culturegenesis)]. Chelyabinsk, Rifev Publ., pp. 468-531.
- Botalov S.G., Gutsalov S.Yu., 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepey* [Hun-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan Steppe]. Chelyabinsk, Rifev Publ. 267 p.
- Botalov S.G., Tideman E.V., Lukinykh A.A., Vokhmentsev M.P., 2008. Novye materialy issledovaniy Bolshogo Bakal'skogo gorodischa [New Materials of the Bol'shoy Bakal'sky Fortress Investigation]. *Problemy bakal'skoi kultury* [Bakal'skaya Culture Problems]. Chelyabinsk; Shadrinsk, Rifev Publ., pp. 6-44.
- Buldashev V.A., Kovrigin A.A., Koryakova L.N., Kosintsev P.A., Courtaud P., Makhonina G.I., Razhev D.I., Pautreau J.-P., Sharapova S.V., 1997. *Kul'tura zaural'skikh skotovodov na rubezhe er. Gaevsky mogil'nik sargatskoy obschnosti: antropologicheskoye issledovanie* [The Culture of Trans-Uralian Cattle and Horse Breeders on the Turn of Erae. The Gayevsky Burial Ground of the Sargat Entity: Anthropological Research]. Ekaterinburg, Ekaterinburg Publ. 180 p.
- Burkov S.B., 2014. Amulety i talismany iz «egipetskogo fayansa» s territorii Osetii [Amulets and Mascots Made of “Egyptian Faience” in Ossetia]. *Narody Kavkaza: istoriya, etnologiya, kul'tura. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya V.S. Uarziati: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Population of the Caucasus: History, Ethnology, Culture. On 60-s Anniversary of V.S. Uarziati. Proceedings of the International Conference]. Vladikavkaz, RAS Publ., pp. 177-186.
- van der Plicht J., Shishlina N.I., Zazovskaya E.P., 2016. *Radiouglerodnoye datirovanie: khronologiya arkheologicheskikh kul'tur i rezervuarniy effect* [Radiocarbon Dating: Chronology of Archaeological Cultures and Reservoir Effect]. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum], iss. 203. Moscow, Paleograph Publ. 112 p.
- Grakov B.N., 1977. *Ranniy zheleznyy vek (kultury Zapadnoy i Yugo-Zapadnoy Evropy)* [Early Iron Age (Cultures of the West and South-West Europe)]. Moscow, MSU. 235 p.
- Guschina I.I., Zasetskaya I.P., 1994. «Zolotoe kladbische» rimskoy epokhi v Prikubanye [“Golden Cemetery” of the Roman Time in the Kuban Region]. Saint Petersburg, Farn Publ. 172 p.

- Dovgalyuk N.P., 1995. *Steklyannye ukrasheniya Zapadnoy Sibiri epokhi rannego zheleznogo veka (po materialam sargatskoi kul'tury): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Glass Decoration of the West Siberia During the Early Iron Age (Based on Materials of the Sargat Culture). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 18 p.
- Zykov A.P., 2012. *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Srednevekovoe i novoe vremya* [Barsova Gora: Essay on Archaeology of the Ob' River Basin at Surgut. Medieval and New Ages]. Ekaterinburg, Uralskiy Rabochiy Publ. 232 p.
- Zykov A.P., Kosintsev P.A., Trapavlov V.V., 2017. *Gorod Sibir – gorodische Isker (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie)* [Fort of Sibir – Isker Fortress (Historical-Archaeological Research)]. Moscow, Nauka Publ. 559 p.
- Zykov A.P., Fedorova N.V., 2001. *Kholmogorsky klad: kolleksiya drevnostei III–IV vekov iz sobraniya Surgutskogo khudozhestvennogo museya* [Kholmogory Treasure: Collection of the III-IV Centuries Antiquities from Surgut Fine Art Museum]. Ekaterinburg, Sokrat Publ. 176 p.
- Klein L.S., 2012. *Arkheologicheskoe issledovanie: metodika kabinetnoi raboty arkheologa. V 2 kn.* [Archaeological Research: Methods of the Desk-Top Work of an Archaeologist. In 2 vols]. Donetsk, DNU. Vol. 1. 622 p.; vol. 2. 599 p.
- Kovrigin A.A., 2007. K datirovke Abatskogo 3 mogil'nika [About Dating of the Abatsky 3 Cemetery]. *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshanie: materialy nauch. konf.* [XVII Urals Archaeological Meeting. Proceedings of the Scientific Conference]. Ekaterinburg; Surgut, Magellan Publ., pp. 194-198.
- Kovrigin A.A., Koryakova L.N., Courtaud P., Razhev D.I., Sharapova S.V., 2006. Aristokraticheskie pogrebeniya iz mogil'nika Karasie 9 [Aristocratic Burials in Karasie 9 Cemetery]. *Yuzny Ural i sopredel'nye territorii v skifosarmatskoe vremya: sb. st. k 70-letiyu A.Kh. Pshenichnyuka* [Southern Urals and Outside Territories in Scythian-Sarmatian Ages: Articles to 70 Anniversary of A.Kh. Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., pp. 187-203.
- Kovrigin A.A., Sharapova S.V., 1998. Kulturno-khronologicheskie komplekсы Prygovskogo gorodischā [Cultural-Chronological Complexes of the Prygovsky Fortress]. *Vzaimodeistvie sargatskikh plemen s vneshnim mirom* [Interaction of the Sargat Tribes with Outside World]. Omsk, OSU, pp. 47-53.
- Koryakova L.N., 1988. *Ranny zhelezny vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura)* [Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia (Sargat Culture)]. Sverdlovsk, Ural State University. 240 p.
- Koryakova L.N., 1991. *Kul'turno-istoricheskie oschnosti Urala i Zapadnoy Sibiri (Tobolo-Irtyshskaya provintsiya v nachale zheleznogo veka)* [Kultural and Historical Groups of the Urals and Western Siberia (Tobol and Irtysh Rivers Basin During the Beginning of the Iron Age)]. Ekaterinburg, RAS Publ. 52 p.
- Koryakova L.N., 1994a. Poseleniya I Zhilisha Tobolo-Irtyshskoy lesostepi [Settlements and Dwellings of Tobol-Irtysh Forest-Steppes]. *Ocherki kulturogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. T. 1, kn. 1: Poseleniya i zhilisha* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia. Vol. 1, book 1: Settlements and Dwellings]. Tomsk, TSU, pp. 259-275.
- Koryakova L.N., 1994b. Uralo-Irtyshskaya lesostep [Ural-Irtysh Forest-Steppes]. *Ocherki kulturogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. T. 2: Mir realnyy i potustoronniy* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia. Vol. 2: Real World and the Beyond]. Tomsk, TSU, pp. 113-169.
- Koryakova L.N., Morozov V.M., Sukhanova T.Yu., 1988. Poselenie Ipkul' XV – pamyatnik perekhodnogo perioda ot rannego zheleznogo veka k srednevekov'u v Nizhnem Pritobol'e [Ipkul' XV Settlement – Site of the Transition Period from Early Iron to Middle Ages in Low Tobol River Basin]. *Materialnaya kul'tura drevnego naseleniya* [Material Culture of the Ancient Population]. Sverdlovsk, Ural State University, pp. 117-129.
- Koryakova L.N., Daire M.-I., Kovrigin A.A., Sharapova S.V., Berseneva N.A., Panteleeva S.E., Razhev D.I., Courtaud P., Hanks B., Efimova E.G., Kazdym A.A., Mikryukova O.V., Sakharova A.O., 2009. *Sreda, kul'tura i obschestvo lesostepnogo Zaural'ya vo vtoroy polovine I tys. do n.e. (po materialam Pavlinovskogo arkheologicheskogo kompleksa)* [Environment, Culture and Society of the Forest-Steppe Trans-Urals During I Millennium BC (Based on Materials of the Pavlinovo Archaeological Complex)]. Ekaterinburg; Surgut, Magellan Publ. 298 p.
- Koryakova L.N., Sharapova S.V., Kovrigin A.A., 2010. Prygovsky 2 mogil'nik: kochevniki i lesostep' [Prygovsky 2 Burial Ground: Nomads and Forest-Steppe]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], no. 2 (27), pp. 62-71.
- Kosintsev P.A., Koryakova L.N., Valdaiskikh V.V., Ivanov I.V., Kazdym A.A., Korona O.M., Makhonina G.I., Panova N.K., Tabanakova E.D., Hanks B., 2003. Kompleksnyye issledovaniya Pavlinovskogo gorodischā [Complex Investigation of the Pavlinovsky Fortress]. *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obschestv: materialy konf.* [Ecology of the Past and Modern Societies. Proceedings of the Conference], iss. 2. Tumen', Institute of the Problems of Northern Developments Siberian Branch of RAS, pp. 132-139.

- Krivosheev M.V., Borisov A.V., 2019. Klimaticheskiy optimum kak factor krizisa ekonomiki stepnykh nomadov [Climatic Optimum as a Factor of the Economic Crisis of Steppe Nomads in the 4th Century AD]. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, vol. 24. no. 3, pp. 47-57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>.
- Kyzlasov L.R., 1955. Syrskiy Chaa-Tas [Syrsky Chaa-Tas]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. XXIV, pp. 197-256.
- Levina L.M., 1996. *Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priural'ya. Itysyacheletie do n.e. – Itysyacheletie n.e.* [Ethnocultural History of East Aral Sea. I millennium BC – I millennium AD]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 396 p.
- Maksimenko V.E., Bezuglov S.I., 1987. Pozdnesarmatskie pogrebeniya na r. Bystroy [Late Sarmatian Burials in the Mounds Along the Bystraya River]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 183-192.
- Malashev V.Yu., 2000. Pereodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of Belt Gear of the Late Sarmatian Age]. *Sarmaty i ikh sosedy na Donu* [Sarmatians and Their Neighbors at Don River Basin]. Rostov-na-Donu, Terra Publ., pp. 194-232.
- Malashev V.Yu., 2009. Pozdnesarmatskaya kul'tura: verkhnaya khronologicheskaya granitsa [Late Sarmatian Culture: Upper Chronological Boundary]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 47-52.
- Malashev V.Yu., 2013. *Pozdnesarmatskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya vo II–III vv. n.e.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Late Sarmatian Culture of the Southern Cis-Urals During II–III Centuries AD. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 25 p.
- Malashev V.Yu., 2016. *Pamyatniki srednesarmatskoy kultury severokavkazskikh stepei i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e.* [Sites of the Mid Sarmatian Culture in North Caucasus Steppe and its Traditions in Kurgan Cemeteries in North-Eastern Caucasus During Second Half of the II – Mid V Centuries AD]. Moscow, Institute of Archaeology Publ. 208 p.
- Malashev V.Yu., Moshkova M.G., 2010. Proiskhozhdenie pozdnesarmatskoy kul'tury (k postanovke problemy) [Origin of Late Sarmatian Culture (Formulation of a Problem)]. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kultury (po arkheologicheskim i estestvennonauchnym dannym): materialy seminara Tsentra izucheniya istorii i kultury sarmatov. Vyp. III* [The Formation and Development of the Late Sarmatian Culture (Based on Archaeological and Natural Science Data): Materials of the Seminar of the Center for Studying History and Culture of the Sarmatians. Iss. 3]. Volgograd, VolSU, pp. 37-56.
- Malashev V.Yu., Yablonsky L.T., 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10* [The Steppe Population of the South Urals Area in the Late Sarmatian Time: On the Materials from Pokrovka 10 Cemetery]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 365 p.
- Marsadolov L.S., 2016. Problemy ob'yasneniya ryada «iskazhayuschikh effektov» pri radiouglerodnom datirovanii arkheologicheskikh ob'ektov [Problems of “Deforming Effects” Explaining Using Radiocarbon Dating of Archaeological Objects]. *Ecologiya drevnykh i traditsionnykh obschestv: materialy V Mezhdunar. nauch. konf.* [Ecology of the Past and Traditional Societies. Proceedings of the V International Scientific Conference], iss. 5, part 2. Tumen', TSU, pp. 107-113.
- Maslov V.E., 2018. K voprosu o proiskhozhdenii poyasnykh nakladok so stsenoy okhoty iz Sibirskoy kolleksii Petra I [Revisiting the Issue of Origin of Belt Mounts Featuring Hunting Scenes from the Siberian Collection of Peter I]. *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 250, pp. 25-42. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.250.25-42>.
- Matveev A.V., Matveeva N.P., 1991. *Savinovskiy mogil'nik sargatskoy kul'tury. Itogi polevykh issledovaniy* [Savinovsky Burial Ground of the Sargat Culture. Results of Field Research]. Tumen', Institute of the Problems of Northern Developments Siberian Branch of RAS. 53 p.
- Matveeva N.P., 1993a. Rafaylovskoe gorodische – pamyatnik sagatskoy kul'tury Srednego Pritobol'ya [Rafaylovsky Fortress – the Site of Sargat Culture of Middle Tobol River Basin]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 148-163.
- Matveeva N.P., 1993b. *Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole* [Sargat Culture at Middle Tobol River Basin]. Novosibirsk, Nauka Publ. 175 p.
- Matveeva N.P., 1994. Ranniy zheleznyi vek Priishim'ya [Early Iron Age of Ishim River Basin]. Novosibirsk, Nauka Publ. 152 p.

- Matveeva N.P., 2000. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke* [Social-Economic Structures of the West Siberian Population During Early Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ. 399 p.
- Matveeva N.P., 2017. Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnikov sargatskoy kul'tury (Zapadnaya Sibir') [Radiocarbon Chronology of Sites of the Sargatka Culture of Western Siberia]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 3-20.
- Matveeva N.P., Berlina S.V., Rafikova T.N., 2008. *Kolovskoye gorodische. Drevnosti Ingal'skoy doliny: arkheologo-paleoekologicheskoe issledovanie* [Kolovsky Fortress. Sites of Ingala Valley: Archaeological-Paleoecological Research]. Vol. 2. Novosibirsk, Nauka Publ. 240 p.
- Matveeva N.P., Zelenkov A.S., 2018. O zapadnosibirskikh invazyakh v Priural'e v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [About West Siberian Invasions to the Cis-Urals During Great Folk Movement]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Newsletter of the Perm University. History], no. 1 (40), pp. 71-86. DOI: <http://doi.org/10.17072/2219-3111-2018-1-71-85>.
- Matveeva N.P., Larina N.S., Berlina S.V., Chikunova I.Yu., 2005. *Kompleksnoe izuchenie usloviy zhizni drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri (problemy sociokul'turnoy adaptatsii v rannem zheleznom veke)* [Complex Investigation of Mode of Life of the Ancient Population in Western Siberia (Problems of Socio-Cultural Adaptation During Early Iron Age)]. Novosibirsk, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. 228 p.
- Minyaev S.S., Elikhina Yu.I., 2010. K khronologii kurganov Noin-Uly [About Chronology of the Noin-Ula Kurgans]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy Akademii Nauk* [Notes of the Institute of Material Culture History of the Russian Academy of Sciences], iss. 5. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., pp. 169-182.
- Mogilnikov V.A., 1972. K voprosu o sargatskoy kul'ture [Revisiting the Issue of Sargat Culture]. *Problemy arkheologii i drevney istorii ugrov* [Problems of the Ugrian Archaeology and Ancient History]. Moscow, Nauka Publ., pp. 66-86.
- Mogilnikov V.A., 1987. Lesostepnoe Zaural'e (bakal'skaya kul'tura) [Forest-Steppe Trans-Urals (Bakal'skaya Culture)]. *Finno-ugry i balty v epokhy srednevekov'ya. Arkheologiya SSSR* [Fenno-Ugrians and Balts During Middle Age. Archaeology of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., pp. 179-183.
- Mogilnikov V.A., 1992a. Lesostep' Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Forest-Steppe of the Trans-Urals and Western Siberia]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arkheologiya SSSR* [Steppe Belt of Asiatic Part of USSR During Scythian-Sarmatian Age. Archaeology of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., pp. 274-311.
- Mogilnikov V.A., 1992b. Khunnu Zabaykal'ya [Huns of the Trans-Baikal]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arkheologiya SSSR* [Steppe Belt of Asiatic Part of USSR During Scythian-Sarmatian Age. Archaeology of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., pp. 254-273.
- Moshkova M.G., 1989a. Srednesarmatskaya kul'tura [Mid Sarmatian Culture]. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arkheologiya SSSR* [Steppe of European Part of USSR During Scythian-Sarmatian Age. Archaeology of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., pp. 177-191.
- Moshkova M.G., 1989b. Pozdnesarmatskaya kul'tura [Late Sarmatian Culture]. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arkheologiya SSSR* [Steppe of European Part of USSR During Scythian-Sarmatian Age. Archaeology of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., pp. 191-202.
- Moshkova M.G., Gening V.F., 1972. Abatskie kurgany i ikh mesto sredi lesostepnykh kul'tur Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Abatsky Kurgans and Their Correlation with Forest-Steppe Cultures of the Trans-Urals and Western Siberia]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [Sites of the Southern Cis-Urals and Western Siberia During Sarmatian Age]. Materialy i Issledovaniya po Arkheologii, iss. 153. Moscow, Nauka Publ., pp. 87-118.
- Pilipenko A.S., Cherdantsev S.V., Trapezov R.O., Molodin V.I., Kobeleva L.S., Pozdnyakov D.V., Polosmak N.V., 2017. Paleogeneticheskoye issledovanie rodstva pogrebennykh iz kurganov sargatskoy kul'tury v Barabinskoy lesostepi (Zapadnaya Sibir') [Kinship Analysis of Human Remains from Sargat Mounds, Baraba Forest-Steppe, Western Siberia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], vol. 45, no. 4, pp. 132-142. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2017.45.4.132-142>.
- Polosmak N.V., 1987. *Baraba v epokhy rannego zheleza* [Baraba During Early Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ. 144p.

- Razhev D.I., 2009. *Bioantropologiya naseleniya sargatskoy obschnosti* [Bioanthropology of the Population of the Sargat Entity]. Ekaterinburg, Urals Branch of RAS. 492 p.
- Razhev D.I., Kovrigin A.A., 1999. Kurgannye mogil'niki sargatskoy kul'tury i sotsial'no-demographicheskaya struktura drevnego obschestva [Kurgan Cemeteries of Sargat Culture and Social-Demographic Structure of the Past Society]. *Ecologiya drevnikh i srednevekovykh obschestv* [Ecology of the Past and Medieval Societies. Abstracts of Papers of the Conference Devoted to 275 Anniversary of Russian Academy of Sciences]. Tumen', Institute of the Problems of Northern Developments Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, pp. 171-175.
- Rafikova T.N., 2011. *Bakal'skaya kul'tura lesostepnogo i podtaezhnogo Tobolo-Ishim'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Bakal'skaya Culture of the Forest-Steppe and Taiga Zones of Tobol and Ishim Rivers Basin. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Tumen'. 19 p.
- Salnikov K.V., 1956. Isetskie drevnie poseleniya [Ancient Settlements of Iset' River Basin]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 25, pp. 189-215.
- Smirnov K.F., Popov S.A., 1972. Savromato-sarmatskie kurgany u s. Lipovka Orenburgskoy oblasti [Sauromatian-Sarmatian Kurgans Nearby Lipovka Orenburg Region]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [Sites of the Southern Cis-Urals and Western Siberia During Sarmatian Age]. Materialy i Issledovaniya po Arkheologii, iss. 153. Moscow, Nauka Publ., pp. 3-26.
- Sorokin S.S., 1977. Pogrebeniya epokhi velikogo pereseleniya narodov v rajone Pazyryka [Burials of the Great Folk Movement Age in Pazyryk Area]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Volume of the State Hermitage]. Leningrad, Avropa Publ., iss. 18, pp. 57-67.
- Stoyanov V.E., 1970. Klassifikatsiya i periodizatsiya zapadnosibirskikh lesostepnykh pamyatnikov rannego zheleznoogo veka [Classification and Chronology of the Forest-Steppe Sites in Western Siberia During the Iron Age]. *Problemy khronologii i kul'turnoj prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoy Sibiri* [Problems of the Cultural and Chronological Attribution of the West Siberian Archaeological Sites]. Tomsk, Tomsk University, pp. 238-253.
- Khazanov A.M., 1963. Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [Genesis of the Sarmatian Bronze Mirrors]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 9, pp. 58-71.
- Khazanov A.M., 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essey on Sarmatian Warfare]. Moscow, Nauka Publ. 172 p.
- Chikunova I.Yu., 2017. Ipkul'skiy kurganny mogil'nik (resul'taty raskopok 2010–2011 gg.) [Ipkul'sky Burial Ground (Results of the 2010-2011 Excavations)]. *ABORIGIN: arkheologo-etnographicheskii sbornik* [ABORIGIN: Archaeological-Ethnographic Volume], iss. 9, Tumen', Tumen' State University, pp. 79-110.
- Sharapova S.V., 2000. *Keramika rannego zheleznoogo veka lesostepnogo Zaural'ya (opyt statisticheskogo analiza): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Iron Age Trans-Uralian Forest-Steppe Ceramics (Experience of Statistical Analysis). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Izhevsk. 27 p.
- Sharapova S.V., 2018. Bioarkheologiya naseleniya lesostepnogo Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura) [Bioarchaeology of the Forest-Steppe Trans-Uralian and West Siberian Population (Sargat Culture)]. *Stratum Plus*, no. 3, pp. 323-350.
- Sharapova S.V., Pilipenko A.S., Razhev D.I., Trapezov R.O., Cherdantsev C.S., 2020. Dva muzhskikh pogrebeniya iz kurgana sargatskoy kul'tury: bioarkheologicheskyy i paleogeneticheskyy obzor [Two Male Burials from the Sargat Culture's Burial: Bioarchaeological and Paleogenetic Review]. *Stratum Plus*, no. 3, pp. 379-404.
- Akhmedov I., 2007. Le harnachement de Tsibilium. A propos de la formation du type "pontique" de harnachement de l'époque des Grandes Migration. *Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium. L'étude du site. Vol. 2*. Oxford (BAR International Series S1721), pp. 67-72.
- Bronk Ramsey C., 2017. *OxCal 4.3*. URL: <http://c14.arch.ox.ac.uk> (accessed 10 September 2019).
- Daire M.-Y., Koryakova L., Buldashov V., Courtaud P., Epimajov A., Gonzalez E., Kovrigin A., Kosintsev P., Langouet L., Makhonina G., Marguerie D., Pautreau J.-P., Rajev D., Sharapova S., Uge M.-C., 2002. *Habitats et necropolis de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie. Les fouilles de 1993 à 1997*. Memoires de la mission archeologique francaise en Asie Centrale. Tome XI. Paris, Diffusion de Broccard. 291 p.
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., 2013. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years Cal BP. *Radiocarbon*, no. 55 (4), pp. 1869-1887.

Information About the Author

Svetlana V. Sharapova, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Center of Archaeology of Metal Age, Institute of History and Archaeology Urals Branch of RAS, S. Kovalevskaya St, 16, 620990 Ekaterinburg, Russian Federation, svetlanasharapova01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9227-3767>

Информация об авторе

Светлана Владимировна Шарапова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник центра археологии эпохи металла, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, ул. С. Ковалевской, 16, 620990 г. Екатеринбург, Российская Федерация, svetlanasharapova01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9227-3767>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.13>UDC 903'1(47+57):726.823
LBC 63.442(2)-427Submitted: 01.11.2020
Accepted: 24.11.2020

A CRYPT WITH THIRD-CENTURY COINS IN THE CEMETERY OF OPUSHKI ¹

Igor N. Khrapunov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. The cemetery of Opushki is located about 15 km east of Simferopol, in the Crimean foothills. In the process of excavations, carried out since 2003, a variety of funerary constructions belonging to different archaeological cultures have been discovered. The crypt researched in the current article contained four burials, which were especially interesting because of the find of six coins inside of them. The excavation above the burial chamber of this vault discovered a child's burial accompanied with varied grave goods, similarly to those made in the crypt. The burials discussed in the present study were made in the second half of the third century AD. The second half of the 3rd century AD was the period represented in Crimea by the smallest number of complexes in comparison with the previous and the following periods. Varied grave goods from the crypt and the child's grave greatly expand our notion of the material culture of those people who inhabited the Crimean foothills in that half of the century, which is difficult to be discovered by archaeological methods. Furthermore, the crypt No. 133 belongs to a big group of grave constructions which were widely spread in Crimea in the Late Roman period. Their distinctive feature is a short *dromos*. Initially, the latter crypts appeared in the first half of the 3rd century AD. However, several of them as well belong to the second half of the 3rd century AD. In the fourth century AD, the majority of burials were made in such crypts close to the Crimean foothills. Many researchers interpret specific construction of these crypts as an evidence of the penetration into Crimea of the forefathers of mediaeval North Caucasian Alans. The material culture of the population of the Crimean foothills in the Late Roman period could be interpreted as eclectic, developed under the influence from various factors. Its sources were ancient and the Sarmatian cultures. Besides, the research showed that there were found some local hand-made vessels, analogies of which were never found outside of the peninsula. Some of the artefacts had penetrated to Crimea area from the areas populated by Germanic tribes.

Key words: Crimea, Roman period, cemeteries, funeral rites, grave goods, Sarmatians, Alans, Germans, intercultural connections.

Citation. Khrapunov I.N., 2020. Sklep s monetami III v. n. e. iz mogil'nika Opushki [A Crypt with Third-Century Coins in the Cemetery of Opushki]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 247-278. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.13>

УДК 903'1(47+57):726.823
ББК 63.442(2)-427Дата поступления статьи: 01.11.2020
Дата принятия статьи: 24.11.2020

СКЛЕП С МОНЕТАМИ III в. н.э. ИЗ МОГИЛЬНИКА ОПУШКИ ¹

Игорь Николаевич Храпунов

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Могильник Опушки расположен приблизительно в 15 км к востоку от Симферополя, в Крымских предгорьях. В процессе раскопок, ведущихся с 2003 г., открыты разнообразные погребальные сооружения, относящиеся к разным археологическим культурам. Публикуемый склеп, в котором совершили четыре погребения, особенно интересен сделанной в нем находкой шести монет. Над погребальной камерой склепа раскопано погребение ребенка, сопровождаемое, как и погребения в склепе, разнообразным инвентарем. Публикуемые погребения были совершены во второй половине III в. н.э. Вторая половина III в. н.э. – это время, представленное в Крыму наименьшим количеством комплексов, если сравнить с предшествующим и последующим периодами. Разнообразный погребальный инвентарь из склепа и детской могилы значительно расширяют наши представления о материальной культуре людей, населявших предгор-

ный Крым в этой трудноуловимой археологическими методами половине столетия. Склеп № 133 принадлежит большой группе погребальных сооружений, распространенных в Крыму в позднеримское время. Их отличительной чертой является короткий дромос. Первые склепы такой конструкции появились в первой половине III в. н.э. Ко второй половине III в. н.э. тоже относятся немногие из них. В IV в. н.э. в таких склепах в крымских предгорьях производилось большинство захоронений. Многие исследователи видят в конструкции склепов свидетельство проникновения в Крым предков средневековых северокавказских алан. Материальную культуру населения крымских предгорий позднеримского времени можно назвать эклектичной, сложившейся под воздействием разных факторов. Ее источниками служили античная и сарматская культуры. На месте были произведены не имеющие аналогий за пределами полуострова лепные сосуды. Некоторые вещи попали в Крым с территорий, заселенных германцами.

Ключевые слова: Крым, римское время, могильники, погребальные обряды, погребальный инвентарь, сарматы, аланы, германцы, межкультурные контакты.

Цитирование. Храпунов И. Н., 2020. Склеп с монетами III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 247–278. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.13>

Могильник Опушки расположен приблизительно в 15 км к востоку от Симферополя, в Крымских предгорьях. В процессе раскопок, ведущихся с 2003 г., открыты разнообразные погребальные сооружения, относящиеся к разным археологическим культурам. В том числе и склепы описанного ниже типа. Они находятся в центре дискуссий об этнических процессах, происходивших в Крыму в III–IV вв. н.э. Публикуемый склеп особенно интересен сделанной в нем находкой шести монет, что позволяет уточнить давно обсуждаемую хронологию подобных погребальных сооружений.

Описание погребального сооружения. Могила № 133. Склеп (рис. 1, 2, 5). Прямоугольная в плане входная яма ориентирована с запада на восток. Ее размеры $2,2 \times 1,0$ м, глубина в материке 1,6 м, от современной дневной поверхности – 3,05 м. В торцевой, западной стене входной ямы на высоте 0,65 м от дна сделана ступенька шириной 0,2 м. Дно входной ямы незначительно понижалось к входу в дромос. У северной стены входной ямы, в ее заполнении, на высоте 0,2 м находился лепной сосуд (рис. 6,1). Кроме того, в заполнении входной ямы обнаружены фрагменты амфор, гончарных, краснолаковых и лепных сосудов. Дромос сделан в восточной стене входной ямы. Вход в него был закрыт двумя крупными плитами. В щели между плитами и стенами входной ямы заложили небольшие камни. Размеры дромоса составляли $0,9 \times 0,9$ м.

Погребальная камера прямоугольная в плане. Ее размеры $3,2 \times 2,7$ м. Длинная ось погребальной камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы. Пол погребальной камеры расположен на 0,3 м ниже пола

дромоса. Переход оформлен в виде ступеньки. Погребальная камера заполнена рухнувшим сводом.

В погребальной камере обнаружены погребения четырех людей. Все они похоронены в конструкциях, которые можно условно назвать гробами. Сохранился тлен от стенок на высоту 0,05–0,1 м. Все погребения ориентированы головами на запад, то есть к входу в погребальную камеру.

Погребение I совершено у северной стены погребальной камеры (рис. 3,1). Размеры гроба составляли $1,9 \times 0,4$ м. Сохранились кости черепа, плечевые, тазовые, ребра, длинные кости ног. Кости стоп и пальцев на ногах, а также некоторые ребра перемещены. Тазовые кости покрыты слоем черного органического тлена. От позвоночника сохранился костный тлен. Судя по положению сохранившихся костей, погребение было совершено в вытянутом положении на спине. Череп повернут лицевой стороной влево. Ноги, вероятно, были согнуты в коленях и завалились влево. У южной стенки внутри гроба лежал камень. У правой плечевой кости найдены бронзовая пряжка (рис. 8,9) и серебряное кольцо с зажимом (рис. 8,8). Еще три серебряные пряжки лежали на тазовых костях (рис. 8,1,2,4, 14,1). Железный предмет находился на месте живота (распался). Слева от тазовых костей обнаружены серебряные накладка и фрагмент наконечника ремня (рис. 10,8). Под левой бедренной костью зачищены остатки железного стержневидного предмета (распался). У северной стенки гроба лежал костяной гребень (рис. 10,11, 14,5). В ногах найдена серебряная обойма (рис. 8,16).

Гроб с погребением II располагался вплотную к гробу с погребением I с юга (рис. 3,II). Ширина гроба 0,55 м. Его длину измерить нельзя, так как восточная стенка не сохранилась. В юго-западном углу гроба справа от черепа лежал камень. Сохранились кости черепа, позвоночник, ребра, тазовые кости, длинные кости рук и ног, а также ступни. Погребение совершено в вытянутом положении на спине.

На месте правого плеча расчищены оселок (рис. 9,13) и нож (рис. 11,5). На северной стенке гроба лежали кость животного и нож (рис. 11,4). У левой плечевой кости расчищены бусина (рис. 12,3) и фрагменты, вероятно, от трех железных ведерковидных подвесок (рис. 12,4) (от одной подвески сохранился только обломок нижней части).

Слева от таза находились два серебряных наконечника ремня (рис. 10,6,7) и подвеска от еще одного наконечника (рис. 10,1, 13,8), справа от правой бедренной кости – две серебряные пряжки (рис. 8,3,15, 14,2), в ногах слева – нож (рис. 11,2) и две железные пряжки (рис. 9,1,5). Справа от стоп, под стенкой гроба лежал камень. В головах погребенного за гробом находились кость животного и нож (рис. 11,7).

Гроб с погребением III находился вплотную к гробу с погребением II с юга (рис. 4,III). Ширина гроба составляла 0,5 м, его длину измерить невозможно, так как восточная стенка не сохранилась. От погребенного остались смещенные обломки черепа и ребер, а также тазовые кости, кости рук и ног. Погребение совершено в вытянутом положении на спине. Под южную стенку гроба был положен камень. За гробом, в головах находились кость животного, нож (рис. 11,6) и два лепных сосуда (рис. 10,10, 12,1), рядом расчищена яичная скорлупа, а также след от сгоревшего деревянного предмета. Скопление предметов обнаружено на левой бедренной кости, в том числе кремневый отщеп (рис. 12,21), серебряная (рис. 8,14) и бронзовая (рис. 8,12) пряжки и железный стержневидный предмет (рис. 9,12). На правом колене лежал топор (рис. 11,1), под ним бронзовое кольцо с зажимом (рис. 8,11) и рядом с ним серебряное кольцо с зажимом (рис. 8,13). Справа от правых берцовых костей находился нож (рис. 11,3),

слева от левых берцовых костей – кремневый отщеп (рис. 12,14), железная пряжка (рис. 9,3) и мелкие обломки бронзового предмета, в ногах – железная пряжка (рис. 9,4).

Гроб с погребением IV располагался на 0,4 м южнее гроба с погребением III (рис. 4,IV). Размеры гроба составляли 1,9 × 0,35 м. От погребенного сохранились перемещенные кости черепа, обломки таза, два ребра, длинные кости рук и ног. Погребение совершили в вытянутом положении на спине. На месте груди обнаружена железная фибула (рис. 10,9).

В ногах на слое органического тлена черного цвета расчищены железный стержневидный предмет с остатками деревянной рукояти (рис. 9,14), железные пряжки (рис. 9,2,8), кремневый отщеп (рис. 12,25), точильный камень (рис. 9,10), многочисленные бусы (рис. 12,5–13,15–20,22–24,26–34,14,7). Бусы лежали компактно, но не как обычно на костях ног, а в стороне в северо-восточном углу гроба. Среди перечисленных предметов расчищены лежавшие «стопкой» (рис. 13,7) шесть монет: по одной Юлии Домны (рис. 13,1), Филиппа I Араба (рис. 13,3), Траяна Деция (рис. 13,6) и три Гордиана III (рис. 13,2,4,5).

Пространство вдоль южной стены погребальной камеры занимали кости лошади. Череп находился в юго-западном углу. Сохранились кости от всего скелета. Создается впечатление, что вдоль стены погребальной камеры сложили куски изрубленной туши в относительном анатомическом порядке. На черепе у рта лежали бронзовое кольцо со щитком (рис. 8,7) и железная пряжка (рис. 9,9), на челюсти лежала серебряная обойма (рис. 8,10), в районе лопатки обнаружены обломки железной пряжки (рис. 9,6), на тазовых костях – серебряная обойма (рис. 8,6).

На высоте 0,9 м от пола погребальной камеры обнаружены зубы ребенка, рядом с ними на одном уровне находились различные вещи (рис. 1). Границы могилы в рухнувшем своде проследить не удалось. В качестве погребального инвентаря были использованы краснолаковые ойнохоя (рис. 6,4) и миска (рис. 6,5), железный нож (рис. 6,6), керамическое пряслице (рис. 6,2), бусы (рис. 7,6–27, 14,6), серебряная подвеска-лунница (рис. 7,4), железная фибула (рис. 7,5), бронзовый наконечник ремня (рис. 6,3), две серебряные серь-

ги, лицевые стороны которых покрыты золотой орнаментированной фольгой и украшены сердоликовыми вставками (рис. 7,1,2), серебряный перстень, щиток которого украшен сердоликом (рис. 7,3).

Сделаны антропологические определения двух костяков. Погребение II – мужчина 45–55 лет; погребение III – мужчина 50+ лет.

Из описания видно, что речь идет о двух погребальных сооружениях, склепе и детской могиле. Их относительная хронология не ясна. Детская могила могла быть выкопана позже склепа, над его погребальной камерой. Возможен и другой вариант. Детскую могилу выкопали раньше, а строители склепа устроили под ней погребальную камеру. Отдать предпочтение одному из вариантов невозможно. В обоих случаях свод склепа через какое-то время после его сооружения рухнул и детская могила провалилась.

Публикуемый склеп, состоящий из входной ямы, дромоса и погребальной камеры, относится к группе погребальных сооружений позднеримского времени, хорошо известной в Крымских предгорьях. Только в могильнике Нейзац открыто 87 таких склепов. Они являются одним из самых характерных элементов нейзацкой археологической культуры [Мульд, 2016, с. 40–45; Храпунов, 2019, с. 33]. Несмотря на общее конструктивное сходство и зафиксированные обряды, которые можно назвать, в целом, стандартными, каждый склеп имеет, как правило, какие-то индивидуальные особенности. В нашем случае это погребение всех людей в деревянных конструкциях. Аналоги им, конечно, известны и в склепах, и в подбойных, и в грунтовых могилах. В большинстве склепов остатков дерева нет. Там, где гробы зафиксированы, в них, как правило, хоронили одного-двух из четырех-восьми погребенных в склепе.

Остатки деревянных конструкций вполне логично принято именовать гробами. Смущает то обстоятельство, что ни в одном случае не отмечены следы ни дна, ни крышки. В нашем случае положение останков погребенного I предполагает, что он был положен в гроб на спину с согнутыми в коленях ногами. Следовательно, крышки у такой конструкции быть не могло.

Ориентация склепов и, как следствие, похороненных в них людей зависела от ориентации склона, в котором устроен могильник, и не является культурообразующим признаком. Однако следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев погребенных укладывали ногами к входу в погребальную камеру. Ситуация, когда всех погребенных поместили головой к входу, является редчайшим исключением из правил.

Обращает на себя внимание наличие останков лошади, разрушенной на куски и сложенной в относительном анатомическом порядке у южной стены погребальной камеры. Случай редкий, но не уникальный. Точно такая же ситуация зафиксирована в склепах IV в. н.э. № 78 в могильнике Дружное [Храпунов, 2002, с. 33, рис. 58] и № 4 в могильнике Нейзац [Храпунов, 2008а, с. 360, рис. 2]. Кроме того, в погребальных камерах нескольких разграбленных склепов этих могильников обнаружено значительное количество лошадиных костей, что позволяет предполагать наличие конских погребений.

Позы погребенных, кроме погребения I, положение погребального инвентаря, за исключением бус в погребении IV, и его ассортимент, наличие костей животных рядом с ножами обычны для нейзацкой археологической культуры.

Перейдем к анализу погребального инвентаря из погребальной камеры.

Серебряные и бронзовые пряжки. Изучением пряжек римского времени занимались многие исследователи. Их усилиями выявлены признаки, отражающие морфологические, стилистические и хронологические особенности изделий. Общим признаком для подавляющего большинства пряжек позднеримского времени является овальная утолщенная в передней части рамка. Им обладают все публикуемые пряжки. В числе важных особенностей можно назвать прогнутость язычка. Этот признак характерен для пряжек III в. н.э. В склепе № 133 язычок прогнут, да и то незначительно, только у одной бронзовой пряжки (рис. 8,9). Степень загнутой конца язычка за рамку отражает хронологическую позицию пряжки. В общем виде можно сказать, что чем больше конец язычка загнут, тем моложе пряжка. У трех пряжек конец язычка ле-

жит на крае рамки (рис. 8,4,12,14), в остальных случаях он загнут, но незначительно, порой едва заметно (рис. 8,1-3,5,9,15, 14,1-4). Прямоугольная, порой орнаментированная площадка и ступенчатый срез в тыльной части язычка (рис. 8,1,2,5,9,15) считаются поздними признаками для пряжек позднеримского времени, характерными для IV в. н.э. Ювелирный прием фасетировки, как на двух публикуемых пряжках (рис. 8,3,15), был чрезвычайно распространен в конце II – III в. н.э., в IV в. н.э. встречается в качестве редчайшего исключения. Уже приходилось отмечать, что сочетание «ранних» и «поздних» признаков в одних комплексах, а порой и на одних экземплярах, характерно для III в. н.э. В IV в. н.э. пряжки стандартизируются [Храпунов, 2016, с. 103].

Отдельного внимания заслуживают пряжки, на конец язычков которых нанесены по две точки, по-видимому, имитирующих глаза и придающих язычку черты зооморфизма (рис. 8,4,12,14). Пряжки с зооморфными язычками, конечно, хорошо известны и на территории Римской империи, и в Барбарикуме. Возникла даже дискуссия об их происхождении [Васильев, 2010, с. 103, 104; Kazanski, 2011]. Однако в Крыму в позднеримское время они буквально единичны [Труфанов, Колтухов, 2001–2002, с. 286, 294, рис. 12,11].

Обоймы. Обнаружены три серебряные обоймы. Эти изделия, изготовленные из согнутых пополам пластин, имевшие валик в месте перегиба и скрепленные одной заклепкой каждое (рис. 8,6,10,16).

Наиболее ранние изделия такого типа обнаружены в Золотом кладбище на Кубани [Гущина, Засецкая, 1994, кат. № 21, 397, 546], в III–V вв. они распространяются на Северном Кавказе [Абрамова, 1997, с. 117; Габуев, Малашев, 2009, с. 125], на Нижнем Дону характерны для комплексов IV в. н.э. [Безуглов, Захаров, 1988, с. 19]. В Крыму они найдены в комплексах III в. н.э. могильника Нейзац [Храпунов, 2006, с. 110, рис. 4,13; 2011а, с. 14, рис. 15,7,12,15,19-2], склепах IV в. н.э. могильников Суворово [Зайцев, 1997, с. 110, рис. 61] и Дружное [Храпунов, 2002, с. 44], в подбойной могиле IV в. н.э. некрополя Алмалык-Дере [Maćzyńska et al., 2016, S. 111, Taf. 64,3], многочисленны в погребениях V в. н.э.

боспорских склепов [Засецкая, 1993, с. 44, 61, 91, табл. 13,34, 28,128,129, 61,358].

Обоймы надевались на края кожаных и деревянных предметов, поэтому в них сохраняется иногда кожаный, иногда древесный тлен.

Наконечники ремней. Пара серебряных двухчастных, украшенных фасетками и насечками наконечников. Подвески имеют треугольное расширение в нижней части (рис. 10,6,7, 13,9,10). Соответствуют типу Н6 по классификации В.Ю. Малашева, который датируется, по его мнению, концом III – первыми десятилетиями IV в. н.э. [Малашев, 2000, с. 197, 202, 207]. Ближайшие аналогии публикуемым наконечникам происходят из склепа, раскопанного В. Шкорпиллом в Керчи в 1841 г. [Малашев, 2000, рис. 12Б]. Вероятно, к тому же или очень близкому типу принадлежал серебряный фрагментированный наконечник, от которого сохранились части фасетированной пластины и треугольной подвески (рис. 10,8). Еще от одного наконечника сохранилась только серебряная подвеска, которая не дает возможности определить тип, но ясно, что она датируется в пределах III–IV вв. н.э. (рис. 10,1, 13,8).

Гребень костяной (рис. 10,11, 14,5) относится к типу Томас III. Изделия этого типа датируются Сигрид Томас второй половиной IV – V в. н.э. [Thomas, 1960, S. 104–114]. Максимальная концентрация гребней типа Томас III отмечена в ареале черняховской культуры. Судя по материалам этой культуры, гребни с выступающей средней частью спинки появились раньше, чем думала Томас, но в пределах IV в. н.э. Прослежена тенденция, в соответствии с которой, чем выше центральная часть спинки, тем более поздним временем датируется изделие [Магомедов, 2001, с. 84]. В нашем случае утрачена как раз выступающая часть спинки. Поэтому детали выяснить нельзя.

Все исследователи согласны с тем, что костяные гребни попали в Крым с территорий, заселенных восточногерманскими племенами [Кропоткин, 1978, с. 153; Пиоро, 1990, с. 101, 103; Казанский, 1999, с. 277].

Фибула железная, к сожалению, настолько деформирована коррозией, что определить ее тип не представляется возможным (рис. 10,9).

Топор железный с прямым верхним краем, серповидным лезвием и выделенным обухом (рис. 11,1). Последняя особенность сближает его почти со всеми топорами позднеримского времени, найденными в Крыму (сводку см.: [Kazanski, 1994, s. 456–458]; новые находки: [Вознесенская, Левада, 1999, с. 256, 257; Храпунов, 2002, с. 51–52; Мыц и др., 2006, с. 123; Контны, Савеля, 2006, с. 136–138]), а также в Абхазии [Воронов, Шенкао, 1982, с. 27]. Уже приходилось писать о том, что крымские и абхазские топоры в подавляющем большинстве случаев отличаются от синхронных им германских, они, по-видимому, местного производства [Храпунов, 2010, с. 548; 2011б, с. 32].

Ведерковидные подвески железные (рис. 12,4). Украшения этого типа были широко распространены в Европейском Барбарикуме, в том числе и в Крыму. Опушкинские находки соответствуют типу А, варианту II по классификации И. Байлке-Фойгт [Veilke-Voigt, 1998, S. 52]. В Крыму железные vederковидные подвески встречаются гораздо реже, чем бронзовые. Они использовались на протяжении всего позднеримского периода [Стоянова, 2016, с. 130–132]. Работая с черняховскими материалами, О.В. Гопкало отметила, что маленькие подвески, подобные публикуемому, датируются более ранним временем, чем крупные экземпляры, диаметр которых превышает 1,5 см [Гопкало, 2008, с. 64].

Стрелковидная подвеска из гагата (рис. 10,2). Соответствует типу 84 по классификации Е.М. Алексеевой. Такие подвески были достаточно распространены в Северном Причерноморье. Они датируются, по мнению Е.М. Алексеевой, преимущественно I в. н.э. [Алексеева, 1978, с. 18].

Кремни (рис. 12,14,21,25). Обработанные кремни не раз находили в крымских могилах римского времени. Назначение их оставалось не ясным. Петр Мончинский и Беата Полит обратили внимание на весьма распространенную, особенно в склепах IV в. н.э., категорию находок – железные стержневидные предметы с деревянными ручками. Обычно их называли шильями (см., например: [Храпунов, 2011б, с. 40]). Оказалось, что весьма часто железные стержневидные предметы, также как в публикуемом склепе (рис. 9,

12, 14), находят в одних комплексах с кремневыми изделиями. Это обстоятельство, а также аналогии из Центральной и Северной Европы, позволили предположить, что в Крыму в качестве погребального инвентаря использовались огнива, состоящие из железных стержневидных кресал с деревянными ручками и кремней. Для высекания огня применялись отщепы, пластины, орудия на пластинах, бифациальные орудия, в одном случае нуклеус. Вероятнее всего, их находили на месте стоянок каменного века, хотя нельзя исключить производство, например, отщепов и в римское время [Maćzyński, Polit, 2016a; 2016b].

Монеты ².

№ 1 (рис. 13,1).

Определение: Юлия Домна. Выпуск ок. 211–217 гг., времени правления ее сына Каракаллы. Место чеканки: Рим. Серебро. Номинал: денарий.

Л. с.: Бюст императрицы, задрапированный, вправо; волосы уложены аккуратными волнами и низко спущены сзади. По сторонам надпись: IVLIA PIA – FELIX AVG. Точечный ободок.

О. с.: Диана в рост, в фас, голова влево, в обеих руках держит факел. По сторонам надпись: (D)I[ANA] LVC[IF](ERA).

Сохранность: хорошая. Края заготовки обрезаны неровно. Обе стороны немного неотцентрированы, в результате верхняя часть изображения оказалась вне монетного кружка. По краям о. с. значительные фрагменты коричневой патины. Диаметр: 18–20 мм, толщина: 1 мм. Вес: 2,26 г. Соотношение осей: 12 : 12.

Аналогия в каталоге: [Mattingly, Sydanham, 1936, p. 272, no. 373A, pl. XIII.16].

Аналогия в Крыму: Нейзац, мог. 62, № 2 [Храпунов, 2009, с. 57, рис. 1,4, с. 58, № 4].

№ 2 (рис. 13,5).

Определение: Гордиан III. Выпуск 240 г. Место чеканки: Рим. Серебро. Номинал/тип: антониниан. Юбилейный выпуск в честь тысячелетия Рима.

Л. с.: Бюст императора в лучистой короне, задрапированный, в кирасе, вправо. Вокруг надпись: IMP. CAES. M. ANT. GORDIANVS AVG. Точечный ободок.

О. с.: Рома (олицетворяла город Рим), в воинской одежде и шлеме, сидит на щите

над чертой, влево; в левой руке держит скипетр, в протянутой правой – Победу, которая протягивает ей венки. Вокруг надпись: ROMAЕAETERNAE. Точечный ободок.

Сохранность: очень хорошая. Обе стороны немного неотцентрированы. Незначительные следы коричневой патины. Диаметр: 21–23 мм, толщина: 2 мм. Вес: 3,94 г. Соотношение осей: 12 : 1.

Аналогии в каталоге: [Mattingly et al., 1949, p. 5, 19, no. 38, pl. 1.14].

№ 3 (рис. 13,4).

Определение: Гордиан III. Третий выпуск (240 г.). Место чеканки: Рим. Серебро. Номинал/тип: антониниан.

Л. с.: Бюст императора в лучистой короне, задранированный, в кирасе, вправо. Вокруг надпись: IMP. GORDIANVS PIVSFELAVG. Точечный ободок.

О. с.: Фигура Либералитас (олицетворяла щедрость), в рост, задранированная, голова влево, в правой руке держит абак, в левой – рог изобилия. Вокруг надпись: LIBERALITAS AVG. III. Точечный ободок.

Сохранность: очень хорошая. О. с. немного не отцентрирована. Незначительные следы коричневой патины. Диаметр: 21–23 мм, толщина: 2 мм. Вес: 3,76 г. Соотношение осей: 12 : 12.

Аналогии в каталоге: [Mattingly et al., 1949, p. 23, no. 67, pl. 2.1, о дате: р. 5–6; Фролова, Абрамзон, 2003, с. 116–117, № 31].

Аналогия в Крыму: Совхоз «Севастопольский» (Совхоз № 10), грунтовая могила с каменным ящиком № 47 [Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 265, № 14].

№ 4 (рис. 13,2).

Определение: Гордиан III. Выпуск 242–244 гг. Место чеканки: Антиохия. Серебро. Номинал/тип: антониниан.

Л. с.: Бюст безбородого императора в лучистой короне, задранированный, вправо. Вокруг надпись: IMP. GOR[DIANV]SPIVSFELAVG. Точечный ободок.

О. с.: Фигура императора в рост, вправо, в правой руке держит копье, в левой – шар. Вокруг надпись: SAECVLI (F–E)–LICITAS. Точечный ободок.

Сохранность: хорошая. Отчеканена на овальной заготовке, немного не отцентрирована. Легенда частично стерта. Незначитель-

ные следы коричневой патины. Диаметр: 21–24 мм, толщина: 1 мм. Вес: 2,32 г. Соотношение осей: 12 : 1.

Аналогии в каталоге: [Mattingly et al., 1949, p. 37, no. 216, pl. 3.16].

№ 5 (рис. 13,3).

Определение: Филипп I Араб. Недатированный выпуск, 244–247 гг. Место чеканки: Рим. Серебро. Номинал/тип: антониниан.

Л. с.: Бюст бородатого императора, в лучистой короне и кирасе, задранированный, вправо. Вокруг надпись: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Точечный ободок.

О. с.: Фигура Эквитас, в рост, задранированная, в короне, влево, в левой руке держит рог изобилия, в протянутой вперед правой – весы. Вокруг надпись: AEQVITAS AVGG. Точечный ободок.

Сохранность: хорошая. Обе стороны немного неотцентрированы. Незначительные следы коричневой патины. Диаметр: 21–22 мм, толщина: 1 мм. Вес: 2,58 г. Соотношение осей: 12 : 1.

Аналогии в каталоге: [Mattingly et al., 1949, p. 71, no. 27b].

№ 6 (рис. 13,6).

Определение: Траян Деций. Выпуск 249–251 гг. Место чеканки: Рим. Серебро. Номинал/тип: антониниан.

Л. с.: Бюст императора, в лучистой короне и кирасе, задранированный, вправо. Вокруг надпись: [IMP]C. M. Q. TRAI[ANVS]DECIVS AVG. Точечный ободок.

О. с.: Фигура Паннонии (олицетворение соответствующей провинции) в рост, влево, задранированная, в правой руке держит венок (?), в левой – воинский штандарт. Вокруг надпись: PANNON(I)AE. Точечный ободок.

Сохранность: плохая. Поверхность покрыта зеленой и коричневой патиной. Отчеканена на овальной заготовке, края обрезаны неровно. Обе стороны плохо отцентрированы. Диаметр: 21–23 мм, толщина: 1 мм. Вес: 2,74 г. Соотношение осей: 12 : 1.

Аналогии в каталоге: [Mattingly et al., 1949, p. 122, no. 20].

Кольца с зажимами серебряные и бронзовые (рис. 8,7,8,11,13).

Аналогичные предметы являются обычной находкой в позднесарматских погребениях восточноевропейской степи и особенно в

крымских комплексах III–V вв. н.э. Их крепили к конской сбруе, к ремням, надетым на людей, к краям деревянных сосудов (см., например: [Безуглов, 1988, с. 107, рис. 3,20,21; Храпунов, 2002, рис. 73,5, 75,15, 80,4,7, 143,5, 170,5, 177,2, 182,2; Высотская, 1998, рис. 5,14; Скрипкин, 1984, с. 41, рис. 15,16; Гудкова, Фокеев, 1984, с. 47, рис. 14,16; Гущина, Засецкая, 1994, кат. № 73, 550, 556 и др.; Веймарн, 1963, с. 27, 37, рис. 21,2,3; Лобода, 1977, с. 245, рис. 6,20; Засецкая, 1993, с. 44, табл. 13,31; Айбабин, Хайрединова, 1998, рис. 16,3,4,16–18; Габуев, Малашев, 2009, с. 27, рис. 35,5–8; Бруяко и др., 2017, с. 252, рис. 3,7–9; Ворошилов, 2018, с. 51, рис. 5,4,5; Maćczyńska et al., 2016, S. 111, Taf. 64,2]).

Лепные сосуды (рис. 6,1, 10,10, 12,1).

Лепные сосуды по форме, составу глины, характеру обработки поверхности соответствуют многим экземплярам, найденным в погребениях Крымских предгорий. Они являются одним из самых характерных признаков нейзацкой археологической культуры. Подавляющее большинство лепных сосудов обнаружено в погребениях IV в. н.э. В погребениях III в. н.э. они встречаются редко [Власов, 1999; Храпунов, 2019, с. 34, 37, 43].

Бусы (рис. 10,3–5, 12,3,5–13,15–20,22–24,26–34, 14,7).

В погребении II найдена одна бусина, использовавшаяся, вероятно, в качестве застежки [Хайрединова, 1995, с. 80; Стоянова, 2004, с. 302]. Рядом с костями ног скелета в погребении IV обнаружены лежавшие компактно 563 бусины и многочисленные фрагменты от разложившихся экземпляров. Ими, очевидно, был обшит какой-то предмет из органического материала. Основу набора бус составляли стеклянные цилиндрические и призматические экземпляры, а также шаровидные из стекла с внутренней металлической прокладкой. Они дополнялись 14-гранными и шаровидными из одноцветного стекла. В целом состав бус соответствует второй группе, выделенной А.А. Стояновой по материалам крымских комплексов конца II – первой половины III в. н.э. и группе 5 бус из могильника Нейзац [Стоянова, 2010, с. 406; 2011, с. 120]. Отличие заключается в наличии в публикуемом комплексе 52 короткоцилиндрических гагатовых бусин.

В детском погребении над погребальной камерой найдены следующие вещи.

Краснолаковая ойнохоя понтийского производства (рис. 6,4). Точных аналогий найти не удалось. В то же время нельзя не отметить, что по форме тулова этот сосуд соответствует кувшинам типа 2 по классификации О.В. Шарова [Шаров, 2007, с. 46–49], форме 39 по классификации Д.В. Журавлева [Журавлев, 2010, с. 89, 90]. Много таких кувшинов обнаружено в крымских комплексах III в. н.э., но в некрополе Дружное они найдены в могилах IV в. н.э. [Храпунов, 2002, с. 59, 60].

Миска краснолаковая (рис. 6,5). Относится к группе понтийской сигиллаты А. Соответствует форме 14 по классификации Д.В. Журавлева с датой: конец I – середина III в. н.э. [Журавлев, 2010, с. 54, 55].

Фибула железная (рис. 7,5). Сильно коррозирована и фрагментирована. Определить ее тип не удалось.

Серьги серебряные (рис. 7,1,2). Состоят из проволочной дужки и овального щитка. Замок сделан в виде крючка, которым заканчивается дужка, с петелькой, припаянной к щитку. Щиток состоит из двух пластин – тыльной и лицевой. Лицевая пластина покрыта серебряной позолоченной фольгой, крепившейся двумя гвоздиками с полусферическими шляпками. Фольга украшена рельефным тисненым орнаментом. В центре щитка располагалось гнездо со вставкой. Во вставках в обеих серьгах находились сердолики, но разных оттенков красного. К дужкам подвешены подвески в виде стилизованных гроздей винограда. В могильнике Опушки найдены, кроме публикуемой, еще три пары однотипных серег. Все они опубликованы [Храпунов, Стоянова, 2018]. Вещи из предгорного Крыма, изготовленные в догуннском полихромном стиле, представляют собой украшения. В этом заключается ареальное отличие от территории Боспорского царства, Нижнего Подонья, Северо-Западного Причерноморья, где преобладают детали конской сбруи, дополняемые предметами вооружения и украшениями. Во всех ареалах вещи в догуннском полихромном стиле датируются преимущественно второй половиной III – первой половиной IV в. н.э. Изготавливались они в античных центрах, на что, наряду с прочим, указывают подвески в

виде виноградных гроздьев на публикуемых серьгах.

Наконечника ремня бронзового фрагмент (рис. 6,3). Сохранилась пластинчатая подвеска с прямоугольным отверстием возле верхнего края для соединения с обоймой. Относится к типу Н1 по классификации В.Ю. Малашева. Такие наконечники ремней характерны для позднесарматской культуры. Датируются в пределах второй половины II – первой половины III в. н.э. [Малашев, 2000, с. 197, 199]. Соответствует типу Х наконечников ремней из могильника Нейзац [Храпунов, 2008б, с. 68].

Перстень серебряный (рис. 7,3). Пластинчатый. Края пластины не замкнуты, раскованы и образуют овальный щиток, к которому припаян каст овальной формы, сделанный из поставленной на ребро пластинки и окруженный рифленой проволокой. В каст вставлен сердолик. Перстень принадлежит обладающей общими стилистическими признаками группе украшений, изготовленных, по всей видимости, на Боспоре [Трейстер, 2011; 2015, с. 153]. Последнее обстоятельство позволяет предположить боспорское происхождение и описанной выше пары серег, с которыми перстень составлял парюру. Аналогичное украшение обнаружено в могиле № 124 могильника Опушки [Храпунов, 2018а, с. 142, рис. 10,5].

Подвеска серебряная в виде лунницы (рис. 7,4). Такие подвески, правда, как правило, большего размера, были распространены на значительных территориях, в том числе и в Крыму. Крымские находки датируются III в. н.э. [Стоянова, 2016, с. 135, 136].

Подвески янтарные восьмерковидные (рис. 7,27, 14,6). Традиционно рассматриваются как вещи, проникавшие в Крым с территорий, заселенных германцами. В Крыму найдено несколько сотен экземпляров, почти исключительно в погребениях IV в. н.э., преимущественно детских [Стоянова, 2016, с. 129].

Бусы (рис. 7,6–26). Набор бус из детского погребения уникален, во всяком случае для Крыма, за счет абсолютного преобладания изделий из янтаря. Из этого материала, не считая 26 восьмерковидных подвесок, сделана 201 бусина из 275 обнаруженных. Стоит добавить, что многие янтарные бусы разло-

жились на мелкие фрагменты и учету не поддавались.

Датировка. Главным ориентиром для датировки захоронений в погребальной камере служат сложенные «столбиком» шесть монет, самая поздняя из которых датируется 249–251 гг. н.э. Погребение IV с монетами располагалось вплотную к погребению лошади, находившемуся у южной стены погребальной камеры. От остальных погребений его отделял проход шириной 0,4 м. Погребения I–III располагались вплотную друг к другу. Следовательно, можно предположить, что погребения IV и конское совершались не в одно время с остальными тремя. Однако установить, какие из них совершались раньше, а какие позже невозможно. Поэтому при датировке склепа приходится оперировать всеми находками, сделанными при его раскопках. Наиболее ранними из них являются бусы, набор которых, по аналогиям, можно датировать второй половиной II – первой половиной III в. н.э. В данном случае они найдены рядом с монетами. Следовательно, обшитый бусами предмет использовался не ранее начала второй половины III в. н.э. Набор пряжек следует отнести к III – началу IV в. н.э. Наконечники ремней датируются концом III – первыми десятилетиями IV в. н.э. Самая поздняя находка в погребальной камере – это гребень, который, по существующим материалам, не может датироваться раньше IV в. н.э. Аналогии лепным сосудам также происходят из комплексов IV в. н.э. Обоймы, кольца с зажимами, ведерковидные подвески датируются в пределах III–V вв. н.э. и время совершения захоронений в склепе не уточняют. Таким образом, время сооружения склепа и совершения в нем погребений следует отнести ко второй половине III – началу IV в. н.э.

В погребении ребенка, совершенном над погребальной камерой склепа, есть ранние вещи. Это краснолаковая миска и наконечник ремня, которые относятся ко времени до середины III в. н.э. Подвеска-лунница датируется III в. н.э. Серьги, изготовленные в полихромном стиле позднеримского времени, принято датировать второй половиной III – первой половиной IV в. н.э. Правда, исследования последних лет несколько размывают принятые хронологические границы. Комплекс из

Нижнего Подонья, где найдена узда в аналогичном стиле, вполне можно датировать первой половиной III в. н.э. [Демиденко, 2016]. Имитация поясной гарнитуры с территории Боспорского царства, сделанная с помощью характерных для полихромного стиля позднеримского времени пряжек и наконечников ремней, обнаружена в погребениях более поздних, чем середина IV в. н.э. [Трейстер, 2017, с. 310]. В пределах III–IV вв. н.э. датируется краснолаковая ойнохоя. Восьмерковидные янтарные подвески в Крыму происходят из погребений главным образом IV в. н.э. Таким образом, погребение ребенка совершили, скорее всего, во второй половине III в. н.э., но не исключена и несколько более ранняя и несколько более поздняя дата.

Заключение. Вторая половина III в. н.э. – это время, представленное наименьшим количеством комплексов, если сравнивать с предшествующим и последующим периодами. Точнее сказать, наши возможности выделять комплексы второй половины III в. н.э. очень ограничены. Проблема в малом количестве типов вещей, которые начали производить в это время (монеты, лучковые подвзятые двучленные фибулы, ранние типы прогнутых подвзятых фибул, изделия в догуннском полихромном стиле, поздний вариант узкогорлых светлоглиняных амфор типа Д). Между тем многие вещи, производство которых началось в первой половине III в. н.э., продолжали изготавливать и во второй половине столетия, не изменились типы погребальных сооружений. Можно сказать почти наверняка, что среди раскопанных могил гораздо больше датирующихся второй половиной III в. н.э., чем удается выделить исходя из сегодняшнего уровня знаний. Важно и то, что хронологические реперы второй половины III в. н.э. сочетаются в комплексе из склепа № 133 и из детского погребения с большим количеством вещей, имеющих более широкую дату. Таким образом, расширяются наши представления о материальной культуре людей, населявших предгорный Крым в этой трудноуловимой археологическими методами половине столетия.

Рядом со склепом № 133 находился склеп № 124, также сопровождаемый разнообразным инвентарем [Храпунов, 2018а]. Оба склепа близки по времени сооружения, в них най-

дено немало очень похожих или аналогичных вещей. Инвентарь публикуемых погребений значительно расширяет имеющуюся источниковую базу.

В публикуемом детском погребении и в склепе № 124 найдены парюры, состоящие из перстня и пары серег. Они сделаны в одном стиле, украшены крупными сердоликовыми вставками. Предгорный Крым представляет собой один из ареалов вещей, изготовленных в полихромном стиле позднеримского времени, причем отличается ярко выраженными особенностями. В отличие от территории Боспорского царства, Нижнего Подонья, Северо-Западного Причерноморья, в предгорном Крыму найдены исключительно украшения, преимущественно серьги. Сложен вопрос о месте производства украшений. Вероятнее всего, мастерские находились в различных античных центрах. В нашем случае на античное производство серег, бесспорно, указывают подвески в виде виноградных гроздей. Выше уже говорилось о том, что перстни, скорее всего, относятся к боспорскому производству. Учитывая, что перстень и пара серег в обоих случаях в могильнике Опушки составляли комплект, есть все основания думать, что на Боспоре были изготовлены все украшения.

В Крыму вещи в полихромном стиле позднеримского времени следует отнести к маркерам высшего социального статуса их владельца. В подавляющем большинстве случаев, как и в публикуемом, они найдены в детских погребениях. Следовательно, статус передавался по наследству [Храпунов, Стоянова, 2018, с. 261].

Конструктивно склеп № 133 принадлежит большой группе погребальных сооружений, распространенных в Крыму в позднеримское время. Их отличительной чертой является короткий дромос между входной ямой и погребальной камерой. Первые, единичные склепы такой конструкции появились в первой половине III в. н.э. Ко второй половине III в. н.э. тоже относятся немногие из них, что, возможно, объясняется отмеченной уже трудностью выделения этого периода по археологическим данным. В IV в. н.э. в таких склепах в крымских предгорьях производилось большинство захоронений. Многие исследователи видят в конструкции склепов свидетельство проник-

новения в Крым предков средневековых северокавказских алан. У такой точки зрения имеются оппоненты [Храпунов, 2018б].

На примере публикуемых погребений можно попытаться понять источники материальной культуры, сложившейся у населения крымских предгорий в позднееримское время. Для крымских варваров стали привычными, обиходными многие изделия античного производства. Среди публикуемых такими являются краснолаковые сосуды, стеклянные бусы, монеты. Серьги и перстень, украшенные сердоликами, обиходными не назовешь, тем не менее, они были произведены в античной мастерской, скорее всего, на Боспоре.

Серия вещей связана по происхождению с северо-западными по отношению к Крыму, заселенными германцами территориями. Это гребень, янтарные восьмерковидные и железные ведерковидные подвески, а также, вероятно, огнива.

Наибольшее количество из найденных в детском погребении и в склепе № 133 вещей характерны для сарматского ареала и земель, испытывавших значительное сарматское влияние. Это многочисленные пряжки, обоймы, наконечники ремней, кольца с зажимами. Отдельно заслуживает быть отмеченным при-

ем фасетировки серебряных и бронзовых изделий – один из главных признаков позднееримской археологической культуры.

Несомненно, крымскими варварами были произведены не имеющие аналогий за пределами полуострова лепные сосуды и, вероятно, топор.

Таким образом, материальную культуру населения крымских предгорий позднееримского времени можно назвать эклектичной, сложившейся под воздействием разных факторов. В какой мере различные по происхождению компоненты материальной культуры отражают этническую ситуацию – вопрос, требующий специального изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Исследования могильника Опушки в Крыму: итоги и перспективы» (№ 20-49-910003).

The study was supported by RFBR in the framework of the project “Studies of the Opushki Cemetery in the Crimea: Results and Prospects” (No. 20-49-910003).

² Определения и описания монет сделаны Н.И. Храпуновым.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

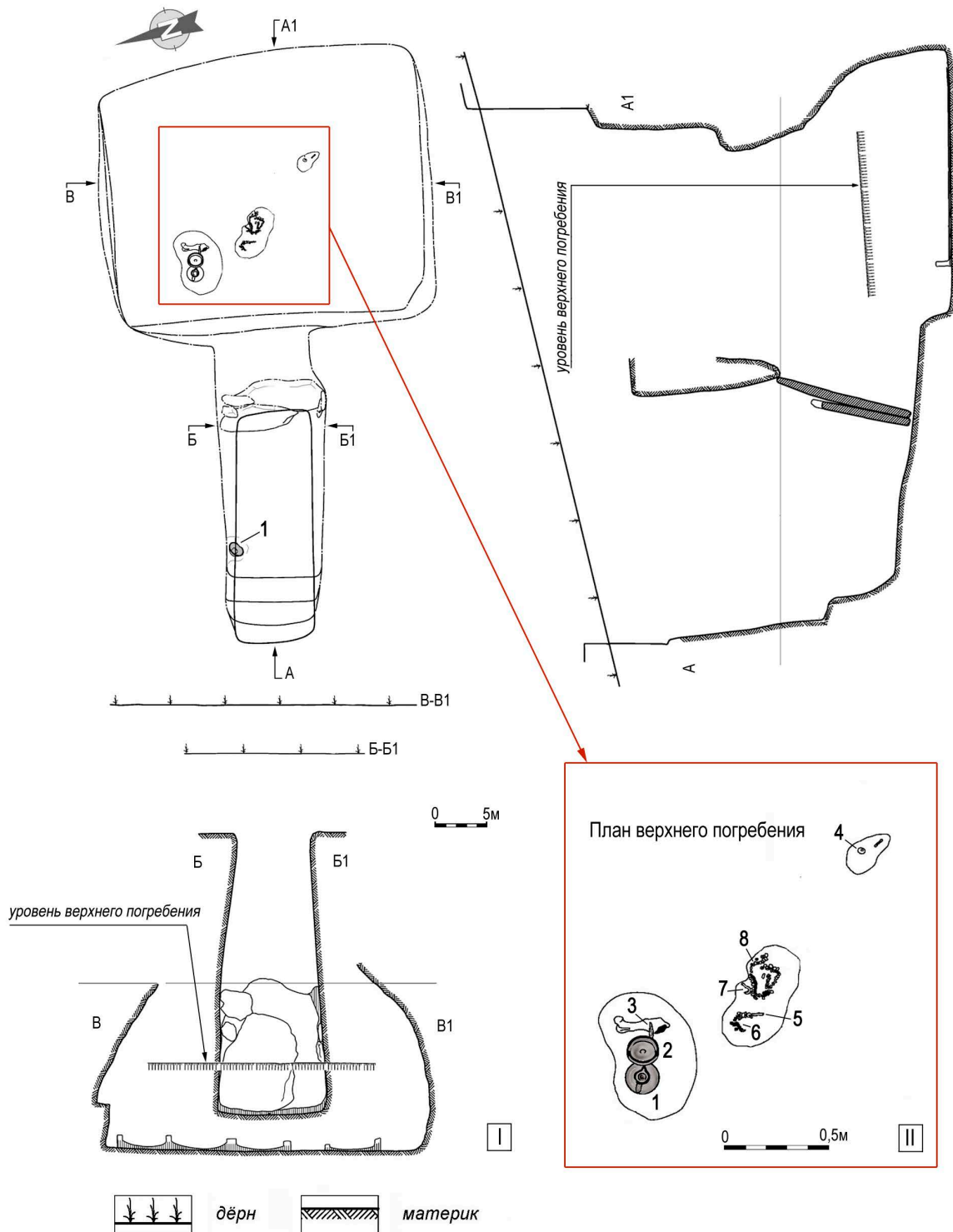

Рис. 1. Могильник Опушки, склеп № 133:

I – план и разрезы: 1 – горшок лепной; II – план верхнего погребения: 1 – ойнохоя краснолаковая; 2 – миска краснолаковая; 3 – нож железный; 4 – пряслице керамическое; 5, 8 – бусы; 6 – подвеска-лунница; 7 – фибула железная (чертеж С.А. Мульда)

Fig. 1. The cemetery of Opushki, burial vault no. 133:

I – ground plan and cross-sections: 1 – hand-formed pot; II – ground plan of the top burial: 1 – red-slip oenochoe; 2 – red-slip bowl; 3 – iron knife; 4 – ceramic spindle whorl; 5, 8 – beads; 6 – lunula pendant; 7 – iron fibula (drawing: S. A. Mul'd)

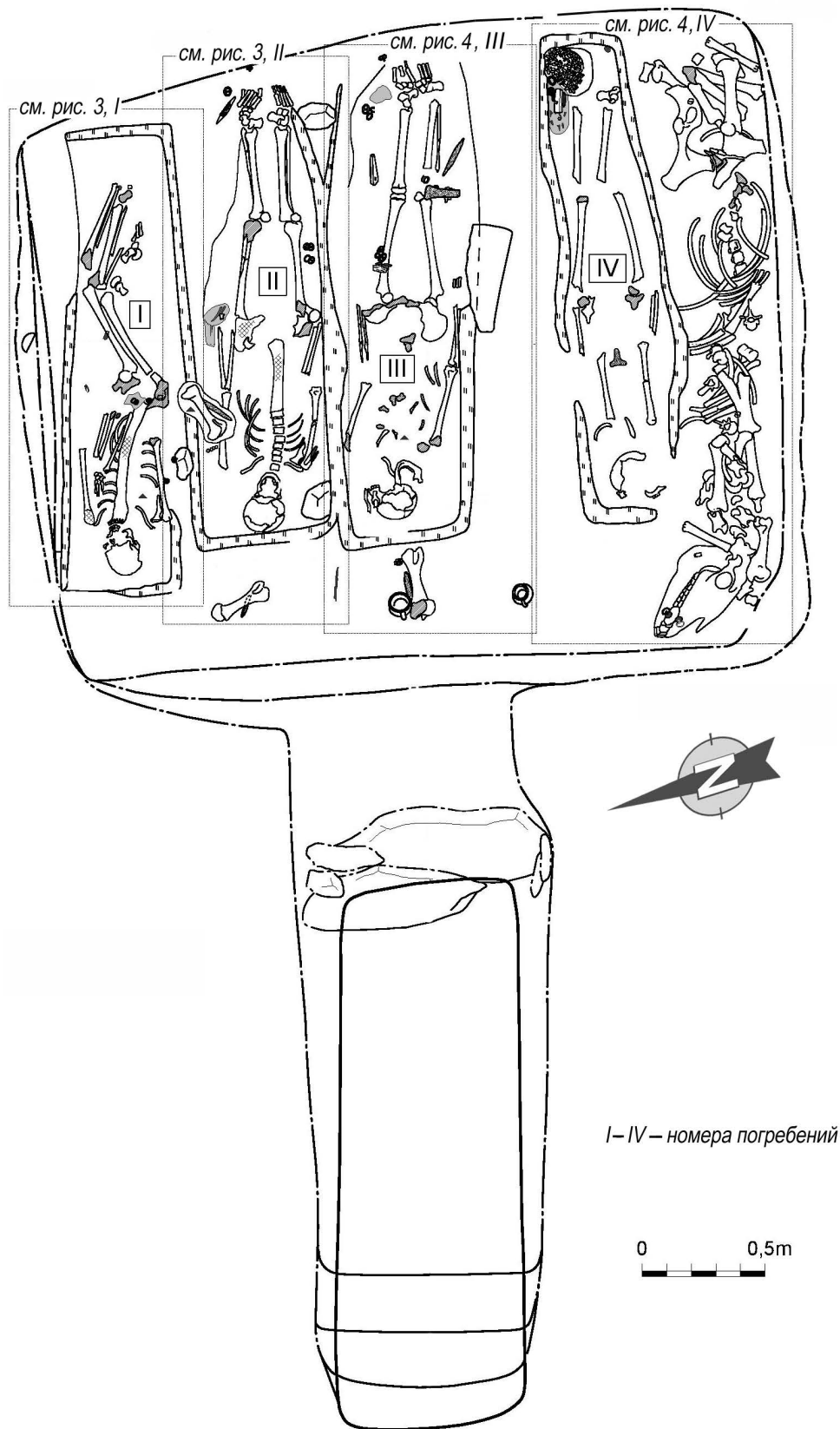

Рис. 2. Могильник Опушки, склеп № 133. Общий план погребений в камере (чертеж С.А. Мульда)
Fig. 2. The cemetery of Opushki, burial vault no. 133. General plan of the burials in the burial chamber
(drawing: S.A. Mul'd)

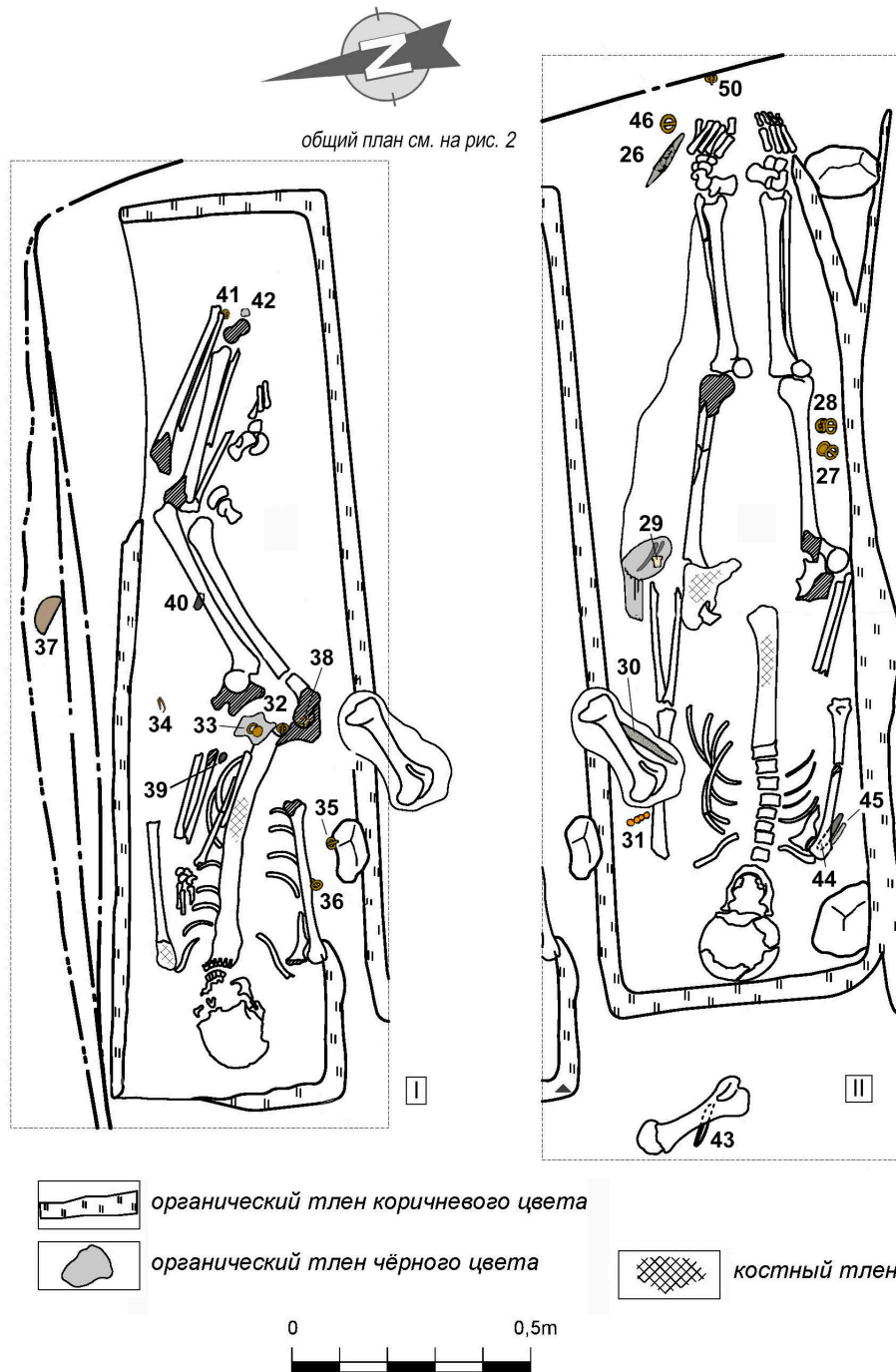

Рис. 3. Могильник Опушки, склеп № 133. Погребения в камере:

I-II – номера погребений. 26, 30, 45 – ножи железные; 27, 28 – пряжки серебряные;
 29 – наконечник ремня из белого металла; 31 – бусы; 32, 33, 35, 38, 41 – пряжки металлические;
 34 – накладка на ремень металлическая; 36 – кольцо с зажимом серебряное; 37 – гребень костяной;
 39 – предмет железный; 40 – предмет железный стержневидный; 42 – обойма серебряная; 43 – нож железный;
 44 – оселок каменный; 46, 50 – пряжки железные (чертеж С.А. Мульда)

Fig. 3. The cemetery of Opushki, burial vault no. 133. The burials in the burial chamber:

I-II – burial numbers. 26, 30, 45 – iron knives; 27, 28 – silver buckles;
 29 – strap-end of a white metal; 31 – beads; 32, 33, 35, 38, 41 – metal buckles;
 34 – metal belt fitting; 36 – metal ring with a clamp; 37 – bone comb;
 39 – iron artefact; 40 – iron rod-shaped artefact; 42 – silver clip; 43 – iron knife;
 44 – stone whetstone; 46, 50 – iron buckles (drawing: S.A. Mul'd)

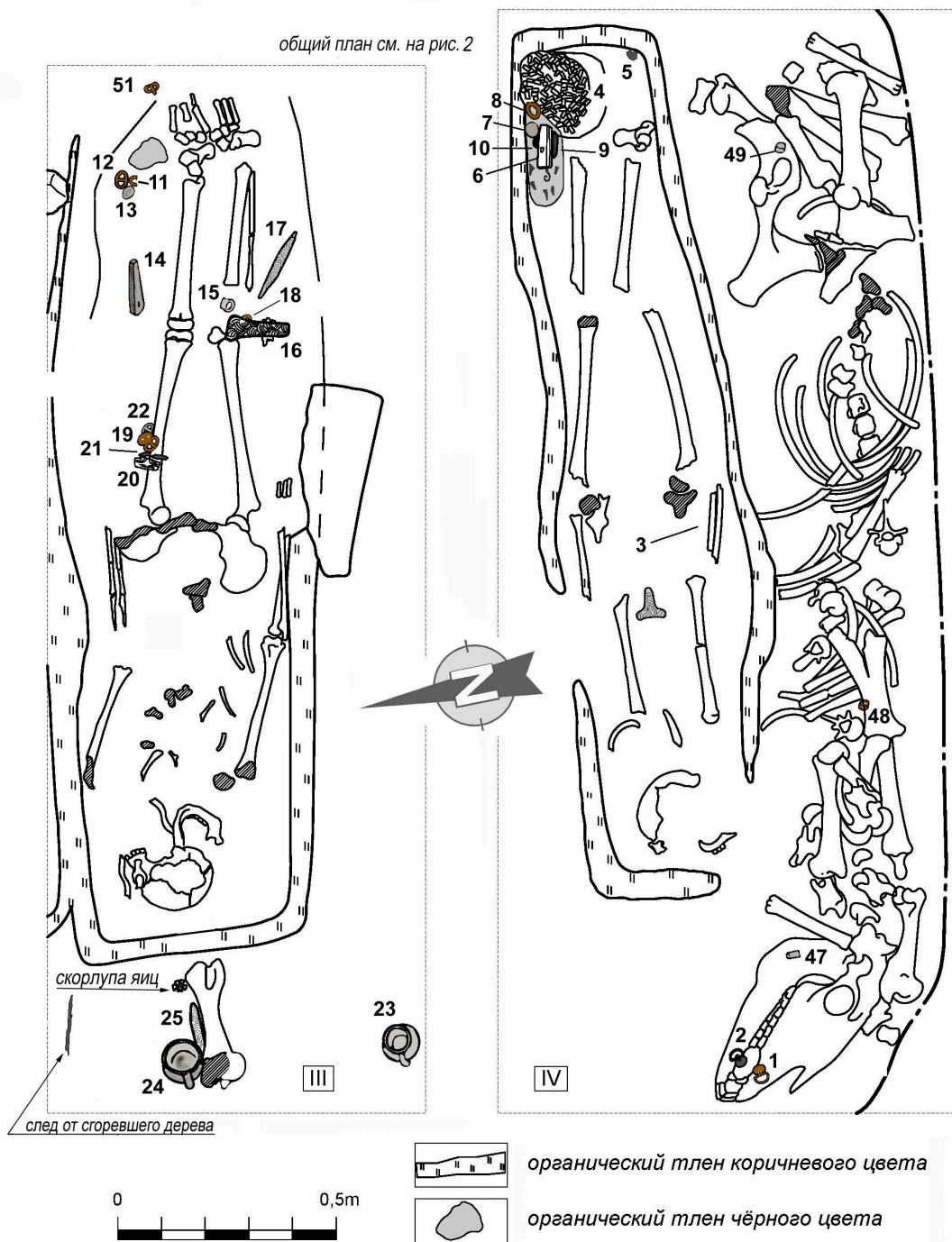

Рис. 4. Могильник Опушки, склеп № 133. Погребения в камере:

III–IV – номера погребений. 1 – кольцо бронзовое; 2, 5, 8, 12, 48, 51 – пряжки железные; 3 – фибула железная; 4 – бусы; 6 – камень точильный; 7 – монеты; 9, 13, 20 – отщеп кремневый; 10, 21 – предметы железные стержневидные; 11 – предмета бронзового фрагменты; 14 – оселок каменный; 15 – кольцо серебряное; 16 – топор железный; 17, 25 – ножи железные; 18 – кольцо с зажимом бронзовое; 19 – пряжка бронзовая; 22 – пряжка серебряная; 23, 24 – сосуды лепные; 47, 49 – обоймы серебряные (чертеж С.А. Мульда)

Fig. 4. The cemetery of Opushki, burial vault no. 133. Burials in the burial chamber:

III–IV – burial numbers. 1 – bronze ring; 2, 5, 8, 12, 48, 51 – iron buckles; 3 – iron fibula; 4 – beads; 6 – grindstone; 7 – coins; 9, 13, 20 – stone flake; 10, 21 – iron rod-shaped artefacts; 11 – bronze artefact fragments; 14 – stone whetstone; 15 – silver ring; 16 – iron axe; 17, 25 – iron knives; 18 – bronze ring with a clamp; 19 – bronze buckle; 22 – silver buckle; 23, 24 – hand-made vessels; 47, 49 – silver clips (drawing: S.A. Mul'd)

Рис. 5. Могильник Опушки, склеп № 133:

1 – входная яма и каменный заклад в камеру; 2 – погребения в камере (фото С.А. Мульда)

Fig. 5. The cemetery of Opushki, burial vault no. 133:

1 – entrance pit and the stone barrier blocking the passage to the burial chamber;
2 – burials in the burial chamber (photo: S.A. Mul'd)

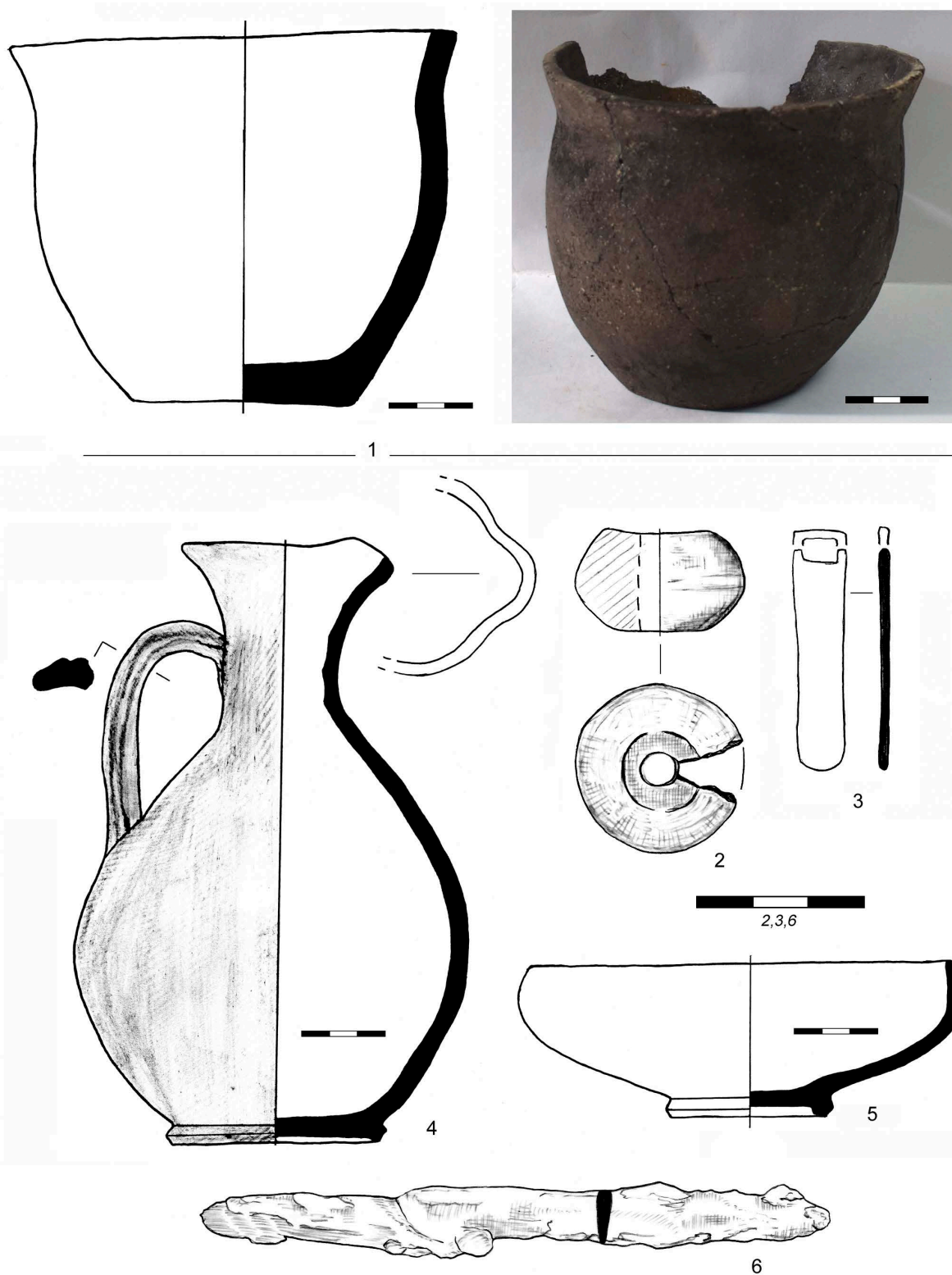

Рис. 6. Могильник Опушки, склеп № 133. Погребальный инвентарь:

1 – входная яма, лепной сосуд; 2–6 – погребение над сводом камеры: 2 – пряслице керамическое; 3 – наконечник ремня; 4 – ойнахоя; 5 – краснолаковая миска; 6 – железный нож (рисунок С.Б. Шабанова)

Fig. 6. The cemetery of Opushki, burial vault no. 133. Grave goods:

1 – entrance pit, hand-formed vessel; 2–6 – burial above the burial chamber vaulting: 2 – ceramic spindle whorl; 3 – strap-end; 4 – oenochoe; 5 – red-slip bowl; 6 – iron knife (drawing: S.B. Shabanov)

Рис. 7. Могильник Опушки, склеп № 133. Инвентарь погребения над сводом камеры:
 1, 2 – серьги серебряные; 3 – серебряный перстень; 4 – лунница серебряная; 5 – железная фибула;
 6–11, 13–25 – бусы; 12, 26, 27 – подвески из янтра (рисунок, фото А.А. Стояновой, С.Б. Шабанова)

Fig. 7. The cemetery of Opushki, burial vault no. 133. Grave goods from the burial
 above the burial chamber vaulting:

1, 2 – silver earrings; 3 – silver finger-ring; 4 – silver lunula pendant; 5 – iron fibula;
 6–11, 13–25 – beads; 12, 26, 27 – amber pendants (drawing and photo: A.A. Stoyanova, S.B. Shabanov)

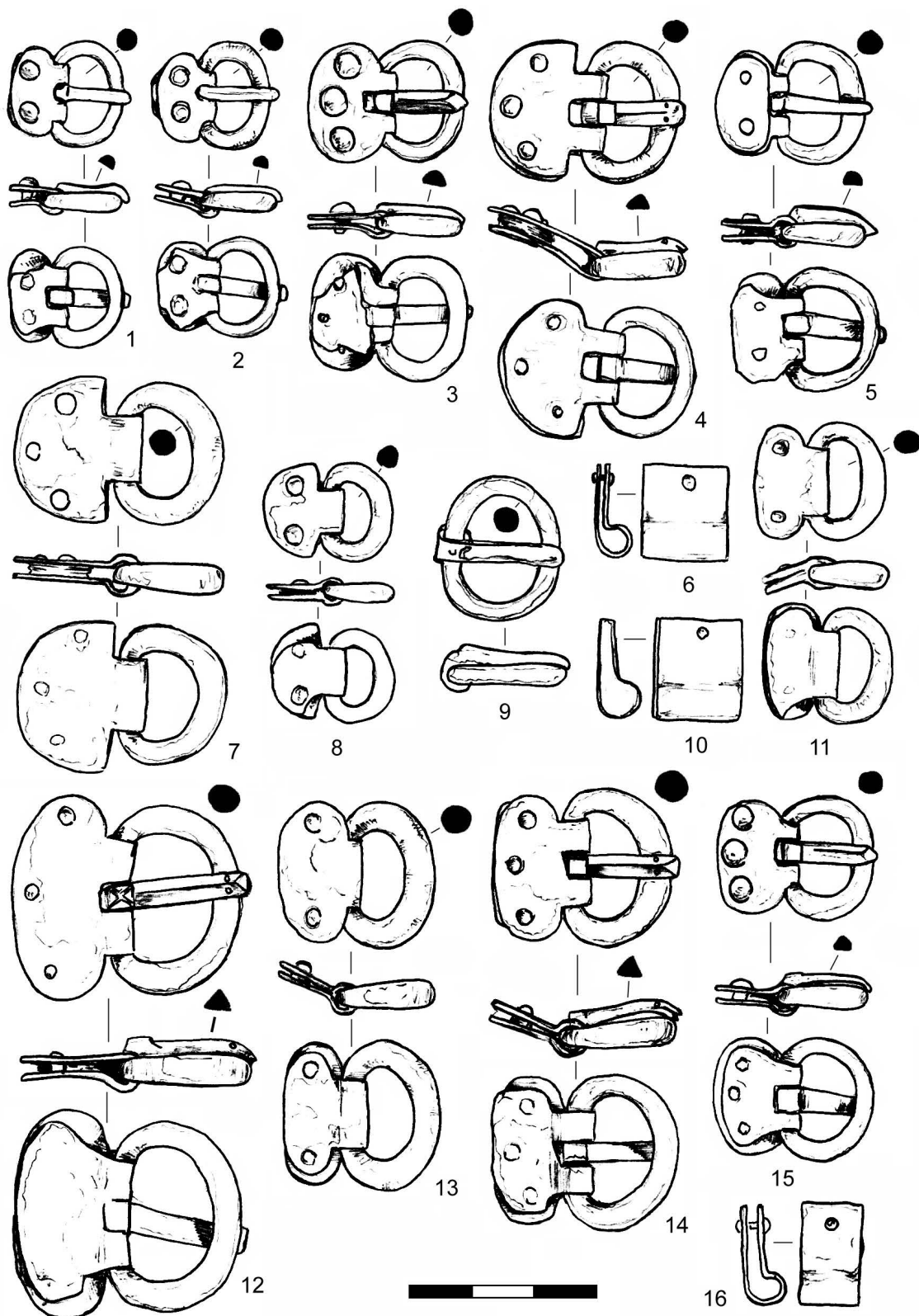

Рис. 8. Могильник Опушки, склеп № 133. Инвентарь погребений в камере:

1–5, 9, 12, 14, 15 – пряжки; 7, 8, 11, 13 – кольца с зажимами; 6, 10, 16 – обоймы (рисунок С.Б. Шабанова)

Fig. 8. The cemetery of Opushki, burial vault no. 133. Grave goods from the burials in the burial chamber:

1–5, 9, 12, 14, 15 – buckles; 7, 8, 11, 13 – rings with clamps; 6, 10, 16 – clips (drawing: S.B. Shabanov)

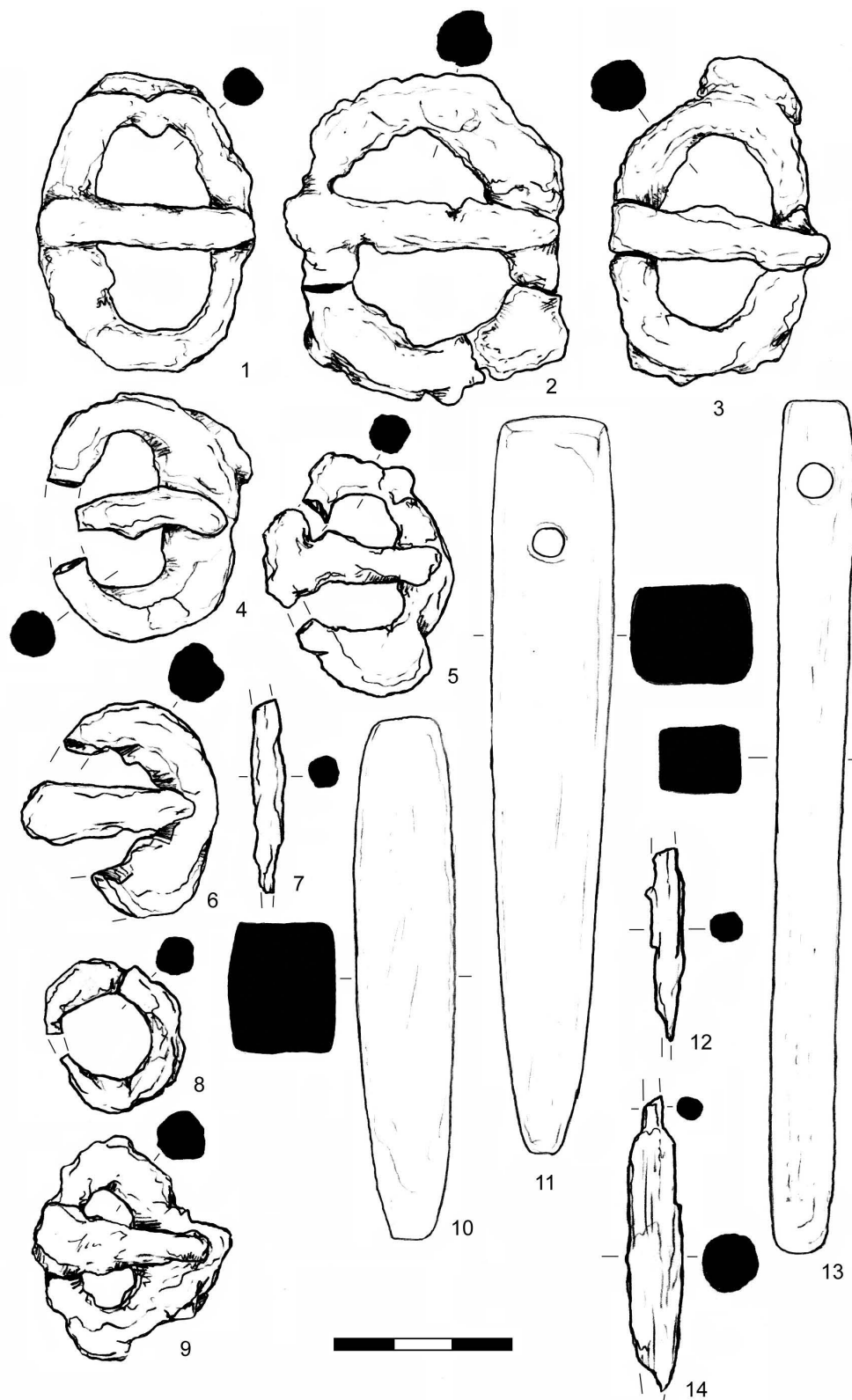

Рис. 9. Могильник Опушки, склеп № 133. Инвентарь погребений в камере:

1-6, 8, 9 – пряжки железные; 7, 12, 14 – предметы железные стержневидные; 10 – камень точильный;
6, 11, 13 – оселки каменные (рисунок С.Б. Шабанова)

Fig. 9. The cemetery of Opushki, burial vault no. 133. Grave goods from the burials in the burial chamber:

1-6, 8, 9 – iron buckles; 7, 12, 14 – iron rod-shaped artefacts; 10 – whetstone;
6, 11, 13 – stone grindstones (drawing: S.B. Shabanov)

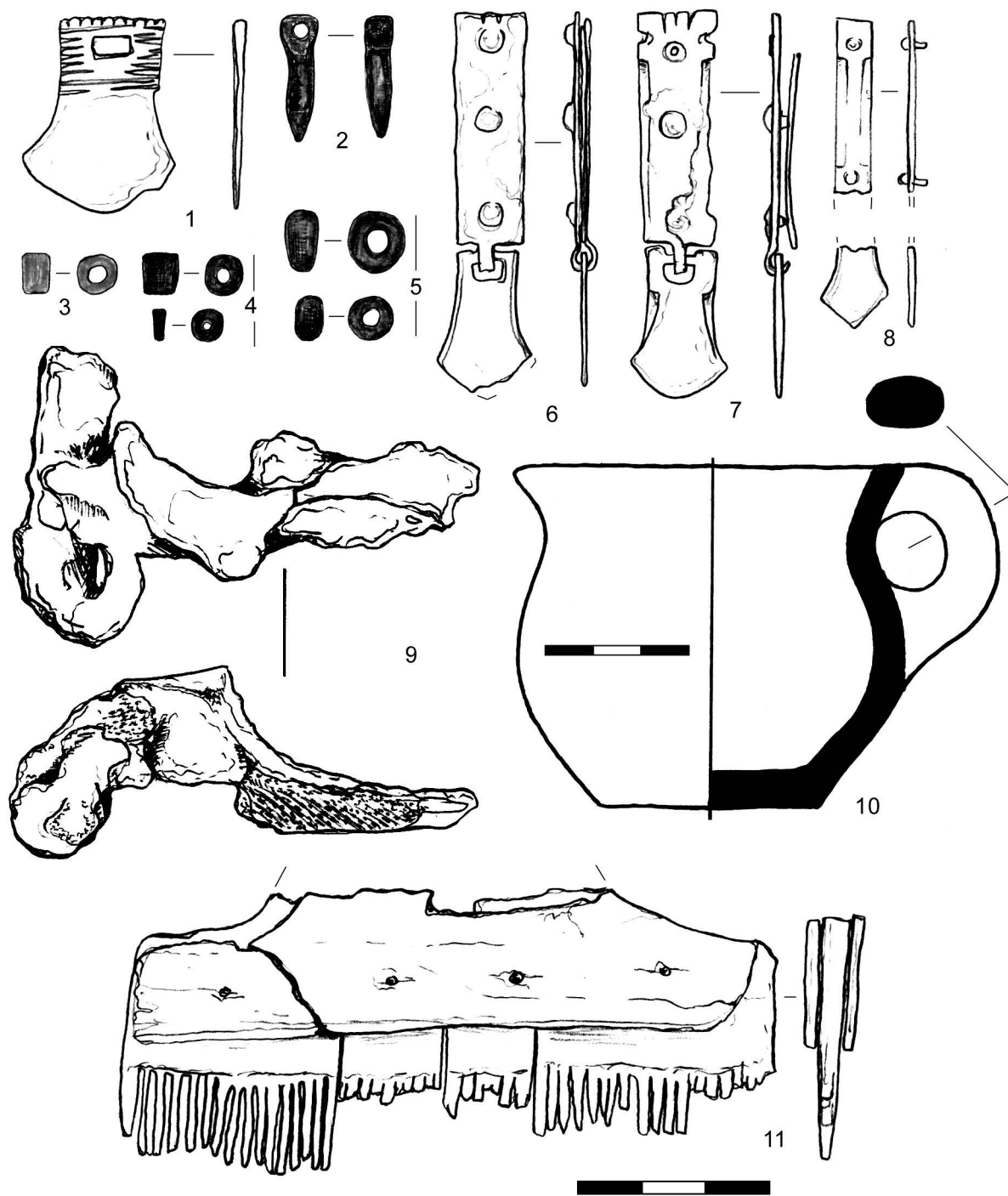

Рис. 10. Могильник Опушки, склеп № 133. Инвентарь погребений в камере:

1 – подвеска серебряная; 2 – подвески гагатовые; 3 – бусина из янтаря; 4, 5 – бусы из гагата;
6, 7 – наконечники ремней; 8 – накладка на ремень и фрагмент наконечника; 9 – фибула железная;
10 – лепной сосуд; 11 – гребень костяной (рисунок С.Б. Шабанова)

Fig. 10. The cemetery of Opushki, burial vault no. 133. Grave goods from the burials in the burial chamber:

1 – silver pendant; 2 – jet pendants; 3 – amber bead; 4, 5 – jet beads;
6, 7 – strap-ends; 8 – belt-fitting and belt-end fragment; 9 – iron brooch;
10 – hand-formed vessel; 11 – bone comb (drawing: S.B. Shabanov)

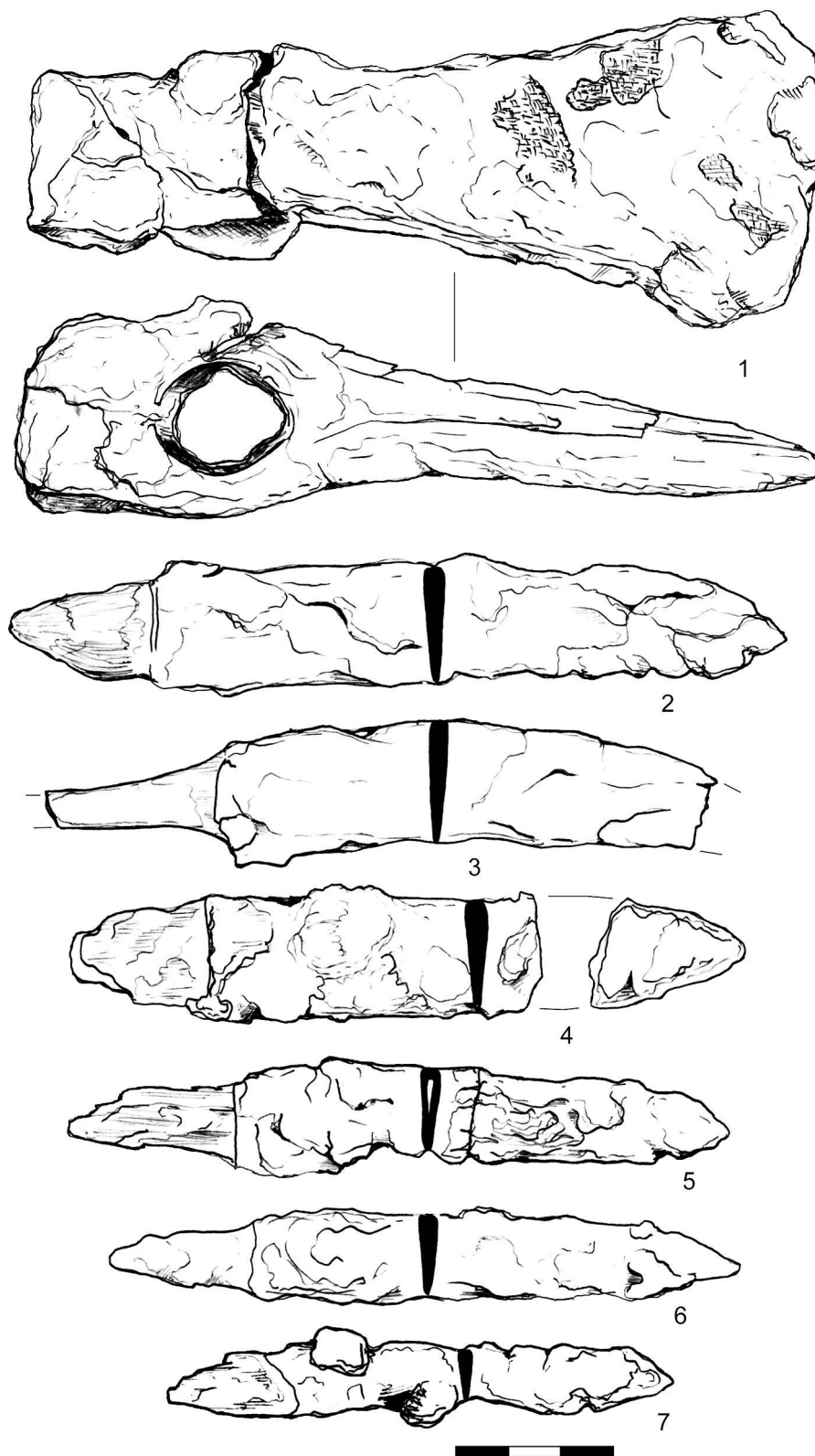

Рис. 11. Могильник Опушки, склеп № 133. Инвентарь погребений в камере:
1 – топор железный; 2–7 – ножи железные (рисунок С.Б. Шабанова)

Fig. 11. The cemetery of Opushki, burial vault no. 133. Grave goods from the burials in the burial chamber:
1 – iron axe; 2–7 – iron knives (drawing: S.B. Shabanov)

Рис. 12. Могильник Опушки, склеп № 133. Инвентарь погребений в камере:

1 – кувшин лепной; 2 – точильный камень; 3, 5–13, 15–20, 22–24, 26–34 – бусы; 4 – подвески ведровидные из железа; 14, 21, 25 – отщепы кремневые (рисунок А.А. Стояновой, С.Б. Шабанова)

Fig. 12. The cemetery of Opushki, burial vault no. 133. Grave goods from the burials in the burial chamber:

1 – hand-made pitcher; 2 – grindstone; 3, 5–13, 15–20, 22–24, 26–34 – beads; 4 – iron bucket-shaped pendants; 14, 21, 25 – flint flakes (drawing: A.A. Stoyanova, S.B. Shabanov)

Рис. 13. Могильник Опушки, склеп № 133. Инвентарь погребений в камере:

1–6 – монеты серебряные; 7 – монеты до реставрации; 8–10 – подвеска и наконечники ремней из серебра
(фото А.А. Стояновой)

Fig. 13. The cemetery of Opushki, burial vault no. 133. Grave goods from the burials in the burial chamber:

1–6 – silver coins; 7 – coins before the restoration; 8–10 – silver pendant and strap-ends (photo: A.A. Stoyanova)

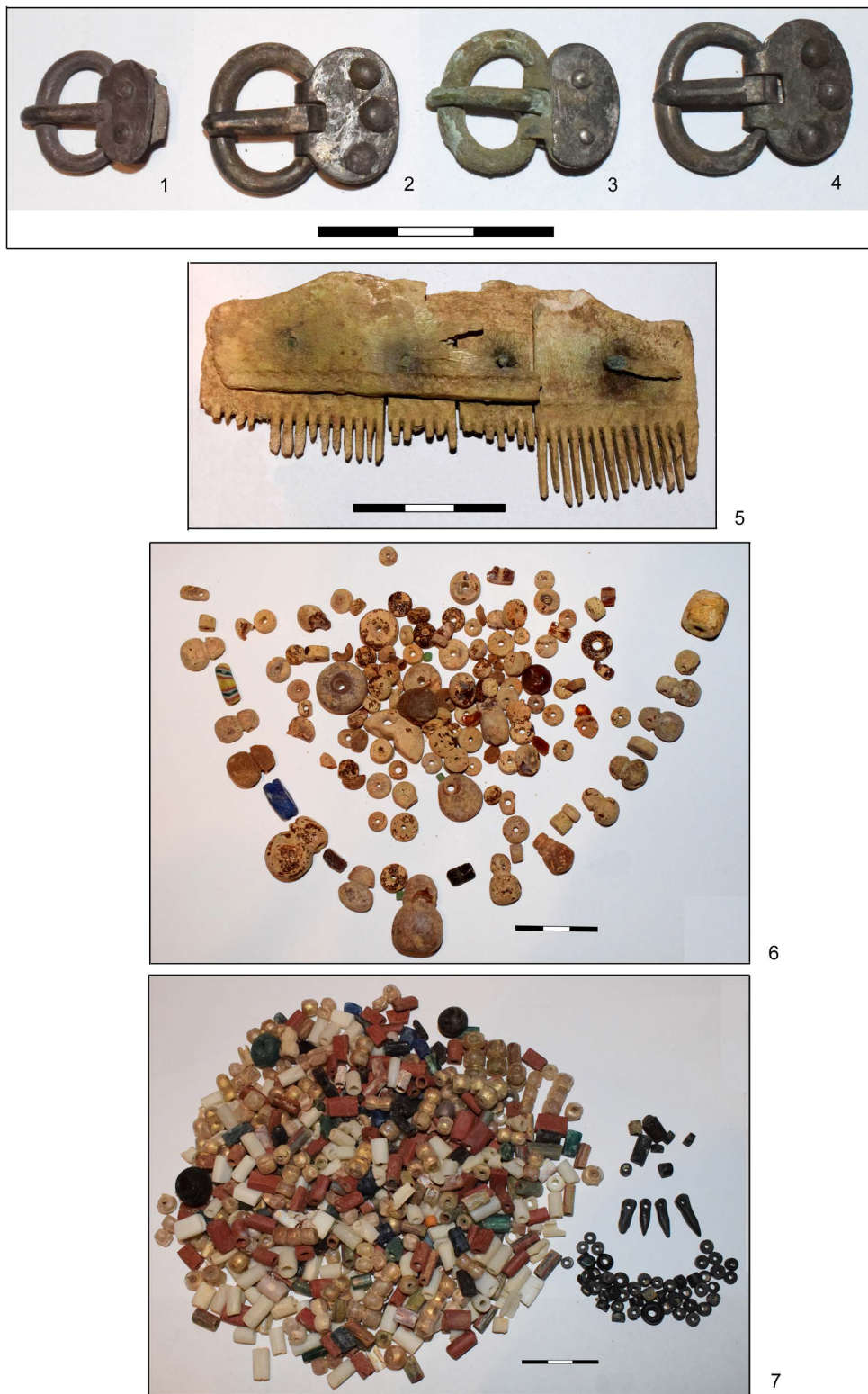

Рис. 14. Могильник Опушки, склеп № 133. Погребальный инвентарь:
1-4 – пряжки; 5 – костяной гребень; 6 – набор бус из погребения над сводом;
7 – набор бус из погребения в камере (фото А.А. Стояновой)

Fig. 14. The cemetery of Opushki, burial vault no. 133. Grave goods:
1-4 – buckles; 5 – bone comb; 6 – set of beads from the burial above the vaulting;
7 – set of beads from the burial in the burial chamber (photo: A.A. Stoyanova)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М. 165 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 1998. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. VI. С. 274–311.
- Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-12. М. : Наука. 100 с.
- Безуглов С. И., 1988. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // *Советская археология*. № 4. С. 103–115.
- Безуглов С., Захаров А., 1988. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // *Известия Ростовского областного музея краеведения*. Вып. 3. Ростов н/Д : Рост. кн. изд-во. С. 5–28.
- Бруйко И. В., Дзиговский А. Н., Мадыда-Легутко Р., 2017. *Studia Baltica et Pontica* (Сармато-германский комплекс на городище Картал в низовьях Дуная) // *Stratum plus*. № 4. С. 233–264.
- Васильев А. А., 2010. Удила из княжеского погребения у с. Кишпек, Кабардино-Балкария (балто-черноморские контакты и некоторые вопросы датировки европейских древностей рубежа III–IV вв. н.э.) // *Германия – Сарматия*. Вып. II. Калининград ; Курск. С. 97–111.
- Веймарн Е. В., 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // *Археологічні пам'ятки УРСР*. Т. XIII. С. 15–89.
- Власов В. П., 1999. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н.э. Дружное в Крыму // *Сто лет черняховской культуре*. Киев. С. 322–371.
- Вознесенская Г. А., Левада М. Е., 1999. Кузнечные изделия из могильника Чатырдаг: попытка типологического анализа и технология производства // *Сто лет черняховской культуре*. Киев. С. 252–276.
- Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // *Древности эпохи Великого переселения народов V–VII веков*. М. : Наука. С. 121–165.
- Ворошилов А. Н., 2018. Воинское захоронение с плетью из Фанагории // *Фанагория. Результаты археологических исследований. Материалы по археологии и истории Фанагории*. Т. 7, вып. 4. М. : Ин-т археологии РАН. С. 39–55.
- Высотская Т. Н., 1998. Склепы из могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. VI. С. 256–273.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М. : Таус. 468 с.
- Гопкало О. В., 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев. 252 с.
- Гудкова А. В., Фокеев М. М., 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. Киев : Наукова думка. 118 с.
- Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб. : Фарн. 172 с.
- Демиденко С. В., 2016. Воинское погребение с парадной конской упряжью позднесарматского времени в бассейне реки Курмоярский Аксай // *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 244. С. 195–221.
- Журавлев Д. В., 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. : (По материалам позднесарматских некрополей Бельбекской долины). Симферополь. 320 с.
- Зайцев Ю. П., 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // *Археологические исследования в Крыму*. 1994 год. Симферополь. С. 102–116.
- Засецкая И. П., 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н.э. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. III. С. 23–105.
- Казанский М. М., 1999. Готы на Боспоре Киммерийском // *Сто лет черняховской культуре*. Киев. С. 277–297.
- Контны Б., Савеля Д. Ю., 2006. Вооружение из могильника в Килен-Балке // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. XII. Ч. 1. С. 129–160.
- Кропоткин В. В., 1978. Черняховская культура и Северное Причерноморье // *Проблемы советской археологии*. М. : Наука. С. 147–163.
- Лобода И. И., 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // *Советская археология*. № 4. С. 236–252.
- Магомедов Б. В., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skladowskiej. 290 с.

- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ремненных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д : Терра : Гефест. С. 194–232.
- Мульд С. А., 2016. Погребальные сооружения могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Симферополь : Наследие тысячелетий. С. 37–75.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В., 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб. : Изд-во СПбИИ РАН : Нестор-История. 208 с.
- Пиоро И. С., 1990. Крымская Готия. Киев : Лыбидь. 197 с.
- Скрипкин А. С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 149 с.
- Стоянова А. А., 2004. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V. С. 263–319.
- Стоянова А. А., 2010. Наборы бус в костюме населения предгорного Крыма во II в. до н.э. – IV в. н.э. // Боспорские исследования. Вып. XXIV. С. 401–410.
- Стоянова А. А., 2011. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н.э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь : Доля. С. 115–151.
- Стоянова А. А., 2016. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Симферополь : Наследие тысячелетий. С. 122–165.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2003–2004. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. № 4. С. 27–277.
- Трейстер М. Ю., 2011. Об одной группе боспорских золотых перстней II–III вв. н.э. // Боспорские исследования. Вып. XXV. С. 312–322.
- Трейстер М. Ю., 2015. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2. Золото Фанагории. М. : Ин-т археологии РАН. С. 77–181.
- Трейстер М. Ю., 2017. Позднеантичные золотые погребальные пояса // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 88. С. 310–322.
- Труфанов А. А., Колтухов С. Г., 2001–2002. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму // Stratum plus. № 4. С. 278–295.
- Фролова Н. А., Абрамзон М. Г., 2003. Римские монеты в собрании Государственного исторического музея. Каталог. Ч. III. От Пертинакса до Нумериана. М. : Российская политическая энциклопедия. 341 с.
- Хайрединова Э. А., 1995. Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь : Таврия. С. 59–87.
- Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skladowskiej. 313 с.
- Храпунов И. Н., 2006. Склеп III в. н.э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVI/1. С. 104–118.
- Храпунов И. Н., 2008а. Склеп IV в. н.э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. С. 356–392.
- Храпунов И. Н., 2008б. Наконечники ремней из могильника Нейзац // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XIV. С. 61–79.
- Храпунов И. Н., 2010. Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica. Lodz; Warszawa. S. 535–555.
- Храпунов И. Н., 2011а. Склеп с погребениями III–IV вв. н.э. из могильника Нейзац. Симферополь : Доля. 72 с.
- Храпунов И. Н., 2011б. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь : Доля. С. 13–113.
- Храпунов И. Н., 2016. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Симферополь : Наследие тысячелетий. С. 97–121.
- Храпунов И. Н., 2018а. Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). III. Симферополь : ИП Бровко А.А. С. 137–169.
- Храпунов И. Н., 2018б. Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). IV. Симферополь : ИП Бровко А.А. С. 133–145.

- Храпунов И. Н., 2019. Археологическая культура позднеимперского времени в предгорном Крыму // Российская археология. № 1. С. 32–49.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2018. Украшения в позднеимперском полихромном стиле из могильника Опушки в Крыму // *Stratum plus*. № 4. С. 255–262.
- Храпунов И. Н., 2009. Монеты из могильника Нейзац (находки 1996–2008 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 3 (25). С. 55–82.
- Шаров О. В., 2007. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: хронология комплексов с римскими импортами. СПб. : Нестор-История. 208 с.
- Beilke-Voigt I., 1998. Frühgeschichtliche Miniaturobjekte mit Amulettcharakter zwischen Britischen Inseln und Schwarzem Meer. Bonn : Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. 342 S.
- Kazanski M., 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin ; Marburg : Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg. S. 429–484.
- Kazanski M., 2011. Kishpek, Ekazhevo and Varpelev: on the problem of Pontic-Scandinavian relations in the Late Roman Period // *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansad ; Simferopol : Dolya Publishing House. P. 91–101.
- Maćczyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I., 2016. Das Frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz : Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 205 S.
- Maćczyński P., Polit B., 2016a. Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries // Крым в сарматскую эпоху. II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Симферополь : Наследие тысячелетий. С. 76–96.
- Maćczyński P., Polit B., 2016b. Wytwory krzemienne z cementarzyska z późnej starożytności Nezac na Krymie // *Wiadomości Archeologiczne*. T. LXVII. S. 175–193.
- Mattingly H., Sydanham E. A., 1936. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. Pt. I : Pertinax to Geta. London : Spink & Son. 406 p.
- Mattingly H., Sydanham E. A., Sutherland C. H. V., 1949. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. Pt. III : Gordian III – Uranius Antonius. London : Spink & Son. 246 p.
- Thomas S., 1960. *Studien zu den Germanischen Kämmen der Römischen Kaiserzeit // Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege*. Bd. 8. S. 54–215.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1997. *Rannie alany Severnogo Kavkaza III–V vv. n.e.* [The Early Alans of the North Caucasus 3rd–5th Centures AD]. Moscow. 165 p.
- Aibabin A.I., Khairedinova E.A., 1998. Rannie komplekсы могилника u sela Luchistoe v Krymu [Early Complexes of the Cemetery Near the Village of Luchistoe in Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archeology, History and Ethnography of Tauria], vol. VI, pp. 274–311.
- Alekseeva E.M., 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient Beads in the Northern Black Sea Area]. *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov*, iss. 71–12. Moscow, Nauka Publ. 100 p.
- Bezuglov S.I., 1988. Pozdnesarmatskoe pogrebenie znatnogo voina v stepnom Podonye [A Late Sarmatian Burial of a Noble Warrior in the Steppe Belt of the Don Basin]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 103–115.
- Bezuglov S., Zakharov A., 1988. Mogilnik Zhuravka i final pozdnesarmatskoy epokhi v Pravoberezhnom Podonye [The Cemetery Zhuravka and the Final of the Late Sarmatian Period on the Right-Bank Don Area]. *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya* [Proceedings of the Rostov Regional Museum], vol. 3. Rostov-na-Donu, Rostov. kn. izd-vo, pp. 5–28.
- Bruyako I.V., Dzigovskiy A.N., Madyda-Legutko R., 2017. Studia Baltica et Pontica (Sarmato-germanskiy kompleks na gorodishche Kartal v nizovyakh Dunaya) [Studia Baltica et Pontica (Sarmatian-Germanic Complex at the Kartal Hillfort on the Lower Danube)]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 233–264.

- Vasilyev A. A., 2010. Udila iz knyazheskogo pogrebeniya u s. Kishpek, Kabardino-Balkariya (balto-chernomorskie kontakty i nekotorye voprosy datirovki evropeyskikh drevnostey rubezha III–IV vv. n. e.) [Horse Bits from a Princely Grave Near the Village of Kishpek in Kabardino-Balkaria (the Baltic Sea – Black Sea Contacts and Some Aspects of the Chronology of European Antiquities from ca. 300 AD)]. *Germania – Sarmatia*, iss. II. Kaliningrad; Kursk, pp. 97-111.
- Veymarn E. V., 1963. Arkheologichni roboty v rayone Inkermana [Archaeological Works in the Area of Inkerman]. *Arkheologichni pamyatky URSS* [Archaeological Sites of the USSR], vol. XIII, pp. 15-89.
- Vlasov V. P., 1999. Lepnaya keramika iz nekropolya III–IV vv. n. e. Druzhnoe v Krymu [Hand-Formed Pottery from the Third-to-Fourth-Century AD Cemetery of Druzhnoe in the Crimea]. *Sto let chernyakhovskoy culture* [The Centenary of the Cherniakhov Culture]. Kiev, pp. 322-371.
- Voznesenskaya G. A., Levada M. E., 1999. Kuznechnye izdeliya iz mogilnika Chatyrdag: popytka tipologicheskogo analiza i tekhnologiya proizvodstva [The Forged Ware from the Cemetery of Chatyrdag: An Attempt of Typological Analysis and the Production Technique]. *Sto let chernyakhovskoy culture* [The Centenary of the Cherniakhov Culture]. Kiev, pp. 252-276.
- Voronov Yu. N., Shenkao N. K., 1982. Vooruzhenie voinov Abkhazii IV–VII vv. [The Weaponry of Abkhazian Warriors from the Fourth to Seventh Century]. *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniya narodov V–VII vekov* [The Antiquities from the Great Migration Period, the Fifth to Seventh Century]. Moscow, Nauka Publ., pp. 121-165.
- Voroshilov A. N., 2018. Voinskoe zakhoronenie s pletyu iz Fanagorii [A Warrior's Grave with a Whip from Fanagoria]. *Fanagoriya. Rezultaty arkheologicheskikh issledovaniy. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [Phanagoria: the Results of the Archaeological Researches. Materials in Archaeology and History of Phanagoria], vol. 7, iss. 4. Moscow, Institute of archaeology RAS, pp. 39-55.
- Vysotskaya T. N., 1998. Sklepy iz mogilnika Sovkhoz № 10 (Sevastopolskiy): problem etnosa i khronologii [Vaults of Sovkhoz 10 (Sevastopolskiy) Cemetery: Problems of Ethnos and Chronology]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archeology, History and Ethnography of Tauria], vol. VI, pp. 256-273.
- Gabuev T. A., Malashev V. Yu., 2009. *Pamyatniki rannikh alan tsentralnykh rayonov Severnogo Kavkaza* [The Early Alanic Sites in the Central Areas of the North Caucasus]. Moscow, Taus Publ. 468 p.
- Gopkalo O. V., 2008. *Busy i podveski chernyakhovskoy kultury* [The Beads and Pendants of the Cherniakhov Culture]. Kiev. 252 p.
- Gudkova A. V., Fokeev M. M., 1984. *Zemledeltsy i kochevniki v nizovyakh Dunaya I–IV vv. n. e.* [The Farmers and Nomads in the Lower Danube Area from the First to Fourth Century AD]. Kiev, Naukova dumka. 118 p.
- Gushchina I. I., Zasetkaya I. P., 1994. «Zolotoe kladbishche» rimskoy epokhi v Prikubanye [“Gold Cemetery” of the Roman Time in the Kuban Region]. Saint Petersburg, Farn Publ. 172 p.
- Demidenko S. V., 2016. Voinskoe pogrebenie s paradnoy konskoy upryazhyu pozdnesarmatskogo vremeni v basseine reki Kurmoyarskiy Aksay [A Warrior's Grave with Ceremonial Horse Trappings of the Late Sarmatian Period in the Kurmoyarskiy Aksay River Basin]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 244, pp. 195-221.
- Zhuravlev D. V., 2010. *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n. e.: (Po materialam pozdneskifskikh nekropoley Belbekskoy doliny)* [Terra Sigillata of the South-Western Crimea in the 1st – 3rd Centuries A.D. (Finds from Late Scythian Necropolis of the Belbek-River Valley)]. Simferopol. 320 p.
- Zaytsev Yu. P., 1997. Okhrannye issledovaniya v Simferopolskom, Belogorskom i Bakhchisarayskom rayonakh [Rescue Archaeology in Simferopol, Belogorsk and Bakhchisaray Districts]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god* [Archaeological Researches in Crimea. 1994]. Simferopol, pp. 102-116.
- Zasetkaya I. P., 1993. Materialy Bosporskogo nekropolya vtoroy poloviny IV – pervoy poloviny V v. n. e. [Materials from Bosphorus Necropolis of the Second Half of the 4th the First Half of the 5th Centuries AD]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. III, pp. 23-105.
- Kazanskiy M. M., 1999. Goty na Bospore Kimmeriyskom [The Goths at the Cimmerian Bosphorus]. *Sto let chernyakhovskoy culture* [The Centenary of the Cherniakhov Culture]. Kiev, pp. 277-297.
- Kontny B., Savelya D. Yu., 2006. Vooruzhenie iz mogilnika v Kilen-Balke [Weaponry from Kilen-Balke Cemetery]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XII, part 1, pp. 129-160.

- Kropotkin V.V., 1978. Chernyakhovskaya kultura i Severnoe Prichernomor'ye [The Cherniakhov Culture and the Northern Black Sea Area]. *Problemy sovetskoy arkheologii* [The Problems of the Soviet Archaeology]. Moscow, Nauka Publ., pp. 147-163.
- Loboda I. I., 1977. Raskopki mogilnika Ozernoe III v 1963–1965 gg. [The Excavations of the Cemetery of Ozernoe III in 1963–1965]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 236-252.
- Magomedov B.V., 2001. *Chernyakhovskaya kultura. Problema etnosa* [The Cherniakhov Culture: the Problem of the Ethnos]. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skladowskiej. 290 p.
- Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [The Periodization of Belt Sets of the Late Sarmatian Era]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [The Sarmatians and Their Neighbors on the Don]. Rostov-na-Donu, Terra Publ.; Gefest Publ., pp. 194-232.
- Muld S.A., 2016. Pogrebalnye sooruzheniya mogilnika Neyzats [Burial Structures of the Cemetery of Neyzats]. *Krym v sarmatskuyu epokhu. II. 20 let issledovaniy mogilnika Neyzats* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400). II. 20 Years of Researches at the Cemetery of Neyzats]. Simferopol, Nasledie tsysyacheletiy Publ., pp. 37-75.
- Myts V.L., Lysenko A.V., Shchukin M.B., Sharov O.V., 2006. *Chatyr-Dag – nekropol rimskoy epokhi v Krymu* [Chatyr-Dag: A Necropolis of Roman Period in the Crimea]. Saint Petersburg, SPbIH RAS, Nestor-Istoriya Publ. 208 p.
- Pioro I.S., 1990. *Krymskaya Gotiya* [Crimean Gothia]. Kiev, Lybyd' Publ. 197 p.
- Skripkin A.S., 1984. *Nizhnee Povolzhe v pervye veka nashey ery* [The Lower Volga Area in the First Centuries AD]. Saratov, SSU. 149 p.
- Stoyanova A.A., 2004. Busy i podveski iz mogilnika Neyzats (po materialam raskopok 1996–2001 gg.) [Beads and Pendants from the Cemetery of Neyzats (of the Materials of Excavations in 1996-2001)]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], iss. V, pp. 263-319.
- Stoyanova A.A., 2010. Nabory bus v kostume naseleniya predgornogo Kryma vo II v. do n.e. – IV v. n.e. [Sets of Beads in the Costumes of the Population on the Piedmont of the Crimea in the 2nd Century BC 4th Century AD]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], iss. XXIV, pp. 401-410.
- Stoyanova A.A., 2011. Akssessuary zhenskogo kostyuma II – pervoy poloviny III v. n.e. iz mogilnika Neyzats [The Second and the First Half of the Third Century AD Female Costume Accessories from the Cemetery of Neyzats]. *Issledovaniya mogilnika Neyzats* [Exploring the Cemetery of Neyzats]. Simferopol, Dolya Publ., pp. 115-151.
- Stoyanova A.A., 2016. Podveski iz mogilnika Neyzats [Pendants from the Cemetery of Neyzats]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). II. 20 let issledovaniy mogilnika Neyzats* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400). II. 20 Years of Researches at the Cemetery of Neyzats]. Simferopol, Nasledie tsysyacheletiy Publ., pp. 122-165.
- Strzheletskiy S.F., Vysotskaya T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I., 2003–2004. Naselenie okrugy Khersonesa v pervoy polovine I tsysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovkhoz № 10») [The Population in the Neighborhood of Chersonesos Tauricus in the First Half of 1st Millenium A. D. (By Materials of the Necropolis “Sovkhoz No. 10”)]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 27-277.
- Treister M.Yu., 2011. Ob odnoy gruppe bosporskikh zolotykh perstney II–III vv. n.e. [About One Group of the Bosporos Gold Finger Rings of the 2nd-3rd Centuries AD]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], iss. XXV, pp. 312-322.
- Treister M.Yu., 2015. Zoloto Fanagorii. Tipologicheskii, stilisticheskii i khronologicheskii analiz [The Gold of Phanagoria: Its Typological, Stylistic, and Chronological Analysis]. *Fanagoriya. Rezultaty arkheologicheskikh issledovaniy. T. 2. Zoloto Fanagorii* [Phanagoria. The Results of the Archaeological Researches. Vol. 2. The Gold of Phanagoria]. Moscow, Institute of Archaeology RAS, pp. 77-181.
- Treister M.Yu., 2017. Pozdneantichnye zolotyie pogrebalnye poyasa [Late Antique Funeral Belts from the Bosporos]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage Museum], vol. 88, pp. 310-322.
- Trufanov A.A., Koltukhov S.G., 2001–2002. Issledovanie pozdneantichnogo nekropolya u s. Kurskoe v yugovostochnom Krymu [A Study of the Late Antique Necropolis at the Village Kurskoe in the South-Eastern Crimea]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 278-295.
- Frolova N.A., Abramzon M.G., 2003. *Rimskie monety v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Katalog. Part III. Ot Pertinaksa do Numeriana* [The Roman Coins in the State Historical Museum Collection. Catalogue. Part 3: From Pertinax to Numerian]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ. 341 p.

- Khayredinova E.A., 1995. Busy iz mogilnika Druzhnoe [The Beads from the Cemetery of Druzhnoe]. *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma* [The Problems of Archaeology of the Ancient and Mediaeval Crimea]. Simferopol, Tavriya Publ., pp. 59-87.
- Khrapunov I.N., 2002. *Mogilnik Druzhnoe (III–IV vv. n.e.)* [The Cemetery of Druzhnoe]. Lublin, Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skladowskiej. 313 p.
- Khrapunov I.N., 2006. Sklep III v. n.e. iz mogilnika Neyzats [A Vault 3rd Century A. D. in the Cemetery of Neyzats]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], iss. XVI/1, pp. 104-118.
- Khrapunov I.N., 2008a. Sklep IV v. n.e. iz mogilnika Neyzats [A Vault 4th Century A. D. in the Cemetery of Neyzats]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], iss. XXI, pp. 356-392.
- Khrapunov I.N., 2008b. Nakonechniki remney iz mogilnika Neyzats [Strap-Ends from the Cemetery of Neyzats]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XIV, pp. 61-79.
- Khrapunov I.N., 2010. Oruzhie iz mogilnika Neyzats [Weaponry from the Cemetery of Neyzats]. *Terra Barbarica*. Lodz, Warszawa, s. 535-555.
- Khrapunov I.N., 2011a. *Sklep s pogrebeniyami III–IV vv. n.e. iz mogilnika Neyzats* [A Vault with the Third and Fourth Century AD Burials in the Cemetery of Neyzats]. Simferopol, Dolya Publ. 72 p.
- Khrapunov I.N., 2011b. Nekotorye itogi issledovaniy mogilnika Neyzats [Some Results of the Researches of the Cemetery of Neyzats]. *Issledovaniya mogilnika Neyzats* [Exploring the Cemetery of Neyzats]. Simferopol, Dolya Publ., pp. 13-113.
- Khrapunov I.N., 2016. Serebryanye i bronzovye pryazhki iz mogilnika Neyzats [Silver and Bronze Buckles from the Cemetery of Neyzats]. *Krym v sarmatskuyu epokhu. II. 20 let issledovaniy mogilnika Neyzats* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400). II. 20 Years of Researches at the Cemetery of Neyzats]. Simferopol, Nasledie tysyacheletiy Publ., pp. 97-121.
- Khrapunov I.N., 2018a. Sklep s veshchavi v dogunnskom polikhromnom stile iz mogilnika Opushki [A Burial Vault with Goods in the Pre-Hunnic Polychrom Style in Opushki Cemetery]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). III* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400). III]. Simferopol, IP Brovko A.A. Publ., pp. 137-169.
- Khrapunov I.N., 2018b. Sklepy s korotkimi dromosami v Krymu i na Severnom Kavkaze [Burial Short-Corridor Vaults in the Crimea and in the North Caucasus]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). IV* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400). IV]. Simferopol, IP Brovko A.A. Publ., pp. 133-145.
- Khrapunov I.N., 2019. Arkheologicheskaya kultura pozdnerimskogo vremeni v predgornom Krymu [Archaeological Culture of the Late Roman Period in the Piedmont Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 32-49.
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2018. Ukrasheniya v pozdnerimskom polikhromnom stile iz mogilnika Opushki v Krymu [Adornments of the Late Roman Polychrome Style in the Cemetery of Opushki in the Crimea]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 255-262.
- Khrapunov N.I., 2009. Monety iz mogilnika Neyzats (nakhodki 1996–2008 gg.) [Coins from the Necropolis of Neyzats (1996-2008)]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], iss. 3 (25), pp. 55-82.
- Sharov O.V., 2007. *Keramicheskii kompleks nekropolya Chatyr-Dag: khronologiya kompleksov s rimskimi importami* [The Pottery Complex of the Cemetery of Chatyr-Dag: A Chronology of Assemblages with Roman Imports]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 208 p.
- Beilke-Voigt I., 1998. *Frühgeschichtliche Miniaturobjekte mit Amulettcharakter zwischen Britischen Inseln und Schwarzem Meer*. Bonn, Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. 342 p.
- Kazanski M., 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion. *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin, Marburg, Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg, pp. 429-484.
- Kazanski M., 2011. Kishpek, Ekazhevo and Varpelev: on the Problem of Pontic-Scandinavian Relations in the Late Roman Period. *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansad; Simferopol, Dolya Publishing House, pp. 91-101.

- Maćczyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I., 2016. *Das Frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 205 p.
- Maćczyński P., Polit B., 2016a. Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries. *Krym v sarmatskuyu epokhu. II. 20 let issledovaniy mogilnika Neyzats* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400). II. 20 Years of Researches at the Cemetery of Neyzats]. Simferopol, Nasledie tysyacheletiy Publ., pp. 76-96.
- Maćczyński P., Polit B., 2016b. Wytwory krzemienne z cementarzyska z późnej starożytności Nejsac na Krymie. *Wiadomości Archeologiczne*, vol. LXVII, pp. 175-193.
- Mattingly H., Sydanham E.A., 1936. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. Pt. I: Pertinax to Geta. London, Spink & Son. 406 p.
- Mattingly H., Sydanham E.A., Sutherland C.H.V., 1949. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. Pt. III: Gordian III – Uranius Antonius. London, Spink & Son. 246 p.
- Thomas S., 1960. Studien zu den Germanischen Kämmen der Römischen Kaiserzeit. *Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege*, vol. 8, pp. 54-215.

Information About the Author

Igor N. Khrapunov, Doctor of Science (History), Professor, Department of Ancient and Medieval History, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Akademika Vernadskogo Avenue, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, igorkhrapunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3961-6297>

Информация об авторе

Игорь Николаевич Храпунов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, igorkhrapunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3961-6297>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.14>

UDC 902/904
LBC 63.4(2)

Submitted: 27.07.2020
Accepted: 24.11.2020

**BURIALS OF THE EARLY IRON AGE
OF THE KURGANS CEMETERY “BOGOMOLNYE PESKI-I”**

Alexey A. Timofeev

Astrakhan Museum-Reserve, Astrakhan, Russian Federation

Damir S. Soloviov

Astrakhan Museum-Reserve, Astrakhan, Russian Federation

Georgiy V. Stukalov

Astrakhan Museum-Reserve, Astrakhan, Russian Federation

Dmitriy V. Vasiliev

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

Victor Yu. Bochkarev

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

Abstract. The article is dedicated to the publication of the materials of burials from the Early Iron Age, discovered during excavations of a crumbling kurgan which is a part of the cemetery “Bogomolnye Peski-I” close to the village of Nikolskoye, Enotavsky district, Astrakhan region. In total, 14 burials were investigated during the rescue excavations, two of them relate to the Middle Ages, other seven belong to the Bronze Age. The article describes in detail 5 burials of the Early Iron Age. The dating of the burials is defined based on the materials and details of the burial rite. The earliest burial (No. 2) dates back to the Savromat era. It contained a decapitated rams carcass and a molded pot which is typical of assumed era. The rest of the burials belong to the Middle Sarmatian period (1st – 2nd centuries AD). One of the Middle Sarmatian burials was completely destroyed by robbers in ancient times. It was possible to find a lot of gold stripes of clothes among its containment, as well as a bronze cauldron with a tamga. Plaques and stripes are not typical of either the Savromat or the early Sarmatian cultures. Indeed, they are widely used in prestigious burials of the Middle Sarmatian culture. The burials No. 5 and No. 13, accompanied by a rich inventory, are of the greatest interest. A set of gold decorations for a funeral veil and a belt set of gold with turquoise inserts were found in burial No.5, which belong to the products of the Sarmatian polychrome style, typical of the Middle Sarmatian period. In addition, a gilded bronze dish related to Roman provincial dishes and an alabaster vessel were discovered there – a typical find of the Middle Sarmatian era. In burial No. 12, the most interesting findings, in addition to a large number of various beads, are intaglio gemstones made of red glass with plots of ancient mythology depicted on them, which are unique in their own way. Moreover, an interesting vessel shaped as a bird (duck) was found there as well. The close analogs to the latter are known in cemeteries of the 1st – 2nd centuries AD in the Kuban region. A feature of this kurgan is a large number of inlet burials of the Middle Sarmatian culture, whereas in general, the burials under individual mounds predominate in the Middle Sarmatian epoch.

Key words: early Iron Age, barrow, Lower Volga region, Sarmatians, burial rite.

Citation. Timofeev A.A., Soloviov D.S., Stukalov G.V., Vasiliev D.V., Bochkarev V.Yu., 2020. Zahoroneniya epohi rannego zhelezного века kurgannogo mogil'nika «Bogomol'nye peski-I» [Burials of the Early Iron Age of the Kurgans Cemetery "Bogomolnye Peski-I"]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 279-305. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.14>

УДК 902/904
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 27.07.2020
Дата принятия статьи: 24.11.2020

ЗАХОРОНЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «БОГОМОЛЬНЫЕ ПЕСКИ-I»

Алексей Анатольевич Тимофеев

Астраханский музей-заповедник, г. Астрахань, Российская Федерация

Дамир Сергеевич Соловьев

Астраханский музей-заповедник, г. Астрахань, Российская Федерация

Георгий Владимирович Стукалов

Астраханский музей-заповедник, г. Астрахань, Российская Федерация

Дмитрий Викторович Васильев

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

Виктор Юрьевич Бочкарев

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов погребений эпохи раннего железного века, обнаруженных в ходе раскопок разрушавшегося кургана в составе могильника «Богомольные пески-I» около села Никольское Енотаевского района Астраханской области. Всего в ходе спасательных раскопок было исследовано 14 погребений, из которых два относились к эпохе средневековья, семь – к эпохе бронзы. В статье подробно описываются 5 захоронений эпохи раннего железного века. Датировка захоронений основана на вещевом материале и деталях погребального обряда. Наиболее раннее захоронение (№ 2) датируется савроматской эпохой. В нем обнаружены обезглавленная туша барана и характерный для этого времени лепной горшок. Остальные погребения относятся к среднему сарматскому периоду (I–II вв. н.э.). Одно из среднесарматских погребений было совершенно разрушено грабителями в древности. В его заполнении удалось обнаружить множество золотых нашивок от одежды, из этого же захоронения происходит бронзовый котел с тамгой. Бляшки и нашивки не характерны ни для савроматской, ни для раннесарматской культуры. Они широко начинают использоваться в престижных погребениях среднесарматской культуры. Особенно интересны сопровождавшие богатый инвентарем погребения № 5 и № 13. В погребении № 5 был найден комплект золотых украшений погребального покрывала и поясной набор из золота с бирюзовыми вставками, которые относятся к изделиям сарматского полихромного стиля, типичным для среднесарматского времени. Кроме того, здесь обнаружен бронзовый таз, относящийся к римской провинциальной посуде, и алебастровый сосудик – типичная находка для среднесарматской эпохи. В погребении № 12 наиболее интересными находками, помимо большого количества разнообразных бус, являются геммы-инталии из красного стекла с изображенными на них сюжетами античной мифологии, которые являются уникальными в своем роде. Кроме того, здесь же обнаружен интересный сосуд в виде птицы (утки). Близкие аналогии ему известны в могильниках I–II вв. н.э. на Кубани. Особенностью данного кургана является большое количество впускных погребений среднесарматской культуры в нем, в то время как в общем в среднесарматское время существенно преобладают захоронения под индивидуальными насыпями.

Ключевые слова: ранний железный век, курган, Нижнее Поволжье, сарматы, погребальный обряд.

Цитирование. Тимофеев А. А., Соловьев Д. С., Стукалов Г. В., Васильев Д. В., Бочкарев В. Ю., 2020. Захоронения эпохи раннего железного века курганного могильника «Богомольные пески-I» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 279–305. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.14>

Весной 2019 г. в рамках реализации проекта «Астраханские курганы» археологической экспедицией Астраханского музея-заповедника, ООО «Археоцентр» и исторического факультета Астраханского государственного университета (руководитель исследований – научный сотрудник Астраханского музея-заповедника А.А. Тимофеев) проводились охранные раскопки кургана 1 в курганном могильнике «Богомольные пески-I» в Енотаевском районе Астраханской области в 3,5 км к юго-востоку от южного выезда из с. Никольское.

Неоценимую помощь в исследованиях оказали А.С. Скрипкин и М.В. Кривошеев, которые консультировали астраханских коллег как в методическом плане, так и в вопросах культурно-исторической интерпретации обнаруженных захоронений на этапе подготовки к раскопкам, непосредственно в ходе исследований и по их завершению.

Курганный могильник (рис. 1) располагается на невысоком, покрытом древними дюнами водоразделе, ориентированном с юго-запада на северо-восток на правом берегу р. Волги, в 2,5 км к западу от надпойменной террасы. Он состоит из трех курганов высотой около 50–80 см и около 40 м в диаметре. Курганы вытянуты цепочкой с ЮЗ на СВ и отстоят на 20 м друг от друга. Курган № 1 занимал центральное положение в группе, с ЮЗ располагается курган № 3, с СВ цепочку замыкает курган № 2.

В настоящее время могильник сильно поврежден – на кургане № 3 построен фермерский дом, курган № 2 практически полностью срыт, рядом с курганной группой располагаются постройки чабанской точки и загон для овец. Территория памятника очень сильно замусорена и изрыта.

Собственно, с существованием чабанской точки и связано открытие некрополя. Осенью 2018 г. ее хозяин-арендатор решил соорудить на возвышенности недалеко от дома несанкционированный скотомогильник (позже выяснилось, что он начал копать яму на вершине кургана № 1). При помощи экскаватора была вырыта яма глубиной 3 метра, в которой позже были захоронены погибшие животные. При этом на поверхность были выброшены кости человека и два бронзовых котла. Один из этих котлов хозяин продал на метал-

ломом, а второй (меньший) попал в руки сознательного гражданина, передавшего его в Астраханский музей-заповедник (рис. 4).

В ходе спасательных раскопок в кургане (рис. 2) было выявлено 14 погребений, из которых одно – № 14 – оказалось совершенно разрушенным более поздними захоронениями и не содержало костяка. Был обнаружен только небольшой участок могильной ямы, заполненной рыхлой супесью с примесью красной охры. Видимо, именно это захоронение, относившееся к эпохе бронзы, и являлось центральным в кургане.

Еще шесть погребений относились к эпохе бронзы, пять – к эпохе раннего железного века, два – к эпохе средневековья.

Первоначальная насыпь кургана высотой около 80 см возведена в эпоху среднего бронзового века (полтавкинская культура). Вокруг насыпи был сооружен кольцевой ров шириной до 2 м и диаметром 25 м. С южной стороны рва имелась перемычка шириной около 2 м. Досыпка кургана произведена в раннем железном веке. Высота кургана выросла на 20–30 см, диаметр составил от 35 до 43 м. Вторая насыпь была также окружена рвом шириной около 2 м. Этот ров перемычек не имел. Дополнительный этап формирования насыпи связан с одним из погребений раннего железного века. Курган подвергся частичному ограблению, о чем свидетельствует большая грабительская воронка, которая прослеживалась на поверхности в виде впадины глубиной около 30 см и диаметром 13–15 метров.

Данная статья посвящена публикации захоронений эпохи раннего железного века. Ниже приводится их описание в порядке полевой нумерации.

Погребение № 2. Расположено в 4,2 м к югу от центрального репера. Выявлено на уровне с отметки -67 по отметку -73. СЗ часть погребения полностью разрушена ямой скотомогильника. Сохранившаяся часть могильной ямы имела форму усеченного овала. Ширина ямы 120 см, сохранившаяся длина – 85 см. Яма ориентирована по линии СЗ – ЮВ (рис. 3,1).

Дно ямы плоское, зафиксировано на отметке -142 от ЦР. На дне могильной ямы находился скелет женщины 45–50 лет¹. Скелет погребенной лежал на левом боку головой на

ВЮВ, лицевые кости обращены влево, к ЮЗ. От правой руки сохранилась только плечевая кость, она расположена поверх ребер погребенной и ориентирована по направлению к тазу. Левая рука отведена от туловища под прямым углом и согнута в локте, кисть обращена вниз. Отсутствует вся нижняя часть скелета от ребер, кости ниже локтя правой руки, кисть левой руки.

В ЮЮЗ углу ямы, перед лицом погребенной были расчищены кости скелета барана. Судя по их положению, баран был обезглавлен, туша разрублена на крупные куски. За головой погребенной, у торцевой ЮВ стенки могильной ямы обнаружен: терочник (жертвенник?) из камня (рис. 3,3) размером 19 × 11 см, который стоял на ребре, будучи прислонен к стенке ямы, за ним, у самой стенки ямы, так же на ребре, находилось бронзовое зеркало диаметром 6 см с центральной стержневидной ручкой (рис. 3,2), железный нож длиной 14,5 см (рис. 3,5) располагался с внешней стороны от терочника, вплотную к нему. Лепной сероглиняный горшок (рис. 3,7) высотой 15 см стоял на дне ямы в ее ЮВ углу. На костях шеи барана (ближе к голове погребенной) был обнаружен железный ножичек длиной 5,5 см (рис. 3,6); с противоположной стороны рядом с костями барана лежали два фрагмента железного шила (рис. 3,1) (не сохранилось). Видимо, эти предметы были воткнуты в куски туши барана. У затылочной кости погребенной обнаружен каменный оселок длиной 4,5 см (рис. 3,4).

Погребение № 3. Расположено в 2,4 м к ЮЗ от центрального репера. Остатки погребения выявлены в заполнении грабительской ямы по скоплению человеческих костей на отметке -131 от ЦР. Установить границы и ориентировку погребения не представляется возможным, так как оно было полностью разрушено грабителями еще в эпоху раннего железного века. В отвалах грабительской ямы были обнаружены артефакты, имеющие происхождение из данного погребения: археологически целое черноглиняное лепное пряслице усеченно-биконической формы размером 2,2 см (рис. 5,6); золотые ромбовидные нашивки размером 6 × 5 мм в количестве 29 единиц (рис. 5,1); золотые полусферические нашивки диаметром 4–6 мм в количестве

35 единиц (рис. 5,2); золотые нашивки в виде стилизованного грифона длиной 8–9 мм и шириной 6–7 мм в количестве 34 единиц (рис. 5,3); золотые нашивки в виде квадрата с квадратным отверстием в центре размером 1 × 1 см в количестве 7 единиц (рис. 5,4); а также 4 бесформенных фрагмента золотой фольги размером 8 × 3 мм, 1 × 1,5 мм, 16 × 9 мм, 1 × 4 мм (рис. 5,5).

Погребение № 5. Расположено в 4,7 м к ЮВ от центрального репера. Выявлено на уровне с отметки -59 по отметку -64 от ЦР. Яма имела неправильную форму, близкую к овальной, и была ориентирована продольной осью по линии север-юг. Стенки ямы наклонные, неровные, сужаются до отметки -143, ниже – стенки вертикальные до дна ямы. Восточный борт ямы имеет относительно ровную ступеньку на отметке -80. Дно ямы ровное, зафиксировано на уровне отметки -224 в южной части и слегка опускается к северу до уровня отметки -226. Длина ямы 2,5 м, ширина посередине 2,2 м. Заполнение ямы представляло собой рыхлую легкую светло-коричневую супесь. При расчистке заполнения ямы на уровне -115 у западного борта, -130 у восточного борта и -143–144 в центральной части могильной ямы фиксируются остатки деревянного перекрытия (рис. 6,1). Видимо, изначально перекрытие было выполнено из деревянных досок, уложенных поперек ямы, и опиралось на расширяющиеся кверху стенки ямы. Затем оно провалилось и сильно просело в центральной части.

На дне могильной ямы расчищен костяк мужчины 40–45 лет. Погребенный был уложен на спину, головой ориентирован на юг (рис. 6,2). Правая рука вытянута, будучи немного отставленной от корпуса. Левая рука отставлена сильнее и слегка согнута в локте, локтевая и лучевая кости лежат параллельно корпусу. Ноги слегка согнуты, обращены вправо. Положение тела позволяет предположить, что плечи и голова погребенного располагались на высокой подушке – плечевой пояс приподнят, череп также приподнят и склонен лицевыми костями к груди.

В ЮЗ и ЮВ углах могильной ямы, справа от плечевой кости правой руки, между плечевой костью правой руки и ребрами зафиксированы нашивки из золотой фольги

в виде многолепесткового цветка, диаметром 10 мм, в количестве 48 единиц (рис. 9,7). Нашивки образовывали правильные скопления – видимо, они были нашиты на погребальное покрывало.

В районе тазовых костей и бедренной кости правой ноги был зафиксирован поясной набор из четырех элементов: 1) пряжка ременная округлой формы со вставкой из бирюзы диаметром 5,1 см (рис. 9,5); 2) поясной оконечник в виде щита из золотой фольги с бирюзовыми вставками размером 2,1 × 2,5 см (рис. 9,4); 3) накладка золотая в виде пластины в форме вытянутой трапеции, узкая часть закруглена, размером 4,3 × 1,2 см (рис. 9,6); 4) оконечник ремня из тонкого листового золота в виде головы верблюда с бирюзовыми вставками и органической основой размером 3,9 × 2 см (рис. 9,2).

Справа от правой бедренной кости был обнаружен железный однолезвийный кинжал длиной 26 см (рис. 7,6), от истлевших деревянных ножен сохранились четыре железные накладки округлой формы, покрытые золотой фольгой и бирюзовыми вставками (рис. 9,1), диаметром 1,7–2,2 см, заклепки штампованные в виде полусферы с ножкой из золота на железной основе (рис. 9,8) диаметром 0,5–0,7 см и заклепки-гвоздики из золота размером – 0,6 × 0,7 см, 0,5 × 0,7 см (рис. 9,3).

На костях ног были зафиксированы скопления мелких фрагментов золотых нитей, которыми могло быть расшито упоминавшееся выше погребальное покрывало. Фрагменты таких же золотых нитей встречались повсеместно на одном уровне в ходе расчистки.

Слева от голени левой ноги на дне ямы был расчищен алебастровый сосудик (рис. 7,4), высотой 4 см, в виде горшочка с шаровидным туловом, расширяющимся кверху горлышком и выемками по краю венчика, имитирующими пальцевые вдавления на керамике. На плечике сосуда расположена гребневидная ручка неясно выраженной формы, возможно – зооморфная. Рядом с алебастровым сосудиком располагался фрагмент оселка из серого камня длиной 4,5 см (рис. 7,3). Между правой кистью руки и восточным бортом на уровне дна ямы расчищена красноглиняная лепная курильница (рис. 7,5) в виде невысокого цилиндрического стаканчика, укра-

шенная тремя концентрическими бороздками по тулову и наколами палочкой сверху по губе венчика. Диаметр тулова курильницы – 5,8 см.

К северному борту могильной ямы был прислонен стоящий бортом на дне бронзовый таз диаметром 35 см (рис. 8). Дно таза плоское, стенки тулова вертикальные, венчик имеет валикообразное утолщение снаружи. По валику проходит орнаментальный пояс в виде прочеканенных кружочков. Под венчиком расположена горизонтальная концентрическая бороздка. Изнутри на донце таза посередине нанесен чеканкой орнамент в виде многолепестковой розетки. На внутренней стороне таза выявлены остатки позолоты. Таз сильно деформирован и имеет следы зарубов от кинжала или топора, скорее всего это результат ритуального «убийства» вещи, которая должна сопровождать хозяина в мир иной.

В засыпи могильной ямы был зафиксирован фрагмент железного стержня (рис. 7,1) длиной 4,5 см и железное кольцо диаметром 2,5 см. В ходе просеивания засыпи погребения через сито были обнаружены золотые нашивки в виде многолепесткового цветка диаметром 10 мм, аналогичные найденным в ЮЗ и ЮВ углах могильной ямы.

Погребение № 12. Расположено в 7,3 м к ЮВ от центрального репера. Выявлено при зачистке на отметке от -104 по отметку -115 от ЦР. Яма имела неправильную подпрямоугольную форму со скругленными углами. Яма ориентирована продольной осью по линии СВ – ЮЗ (рис. 10,1).

Дно ямы неровное, зафиксировано на уровне отметки -124 в СВ части и опускается в центральной части до уровня отметки -136, а затем поднимается до отметки -131 ЮЗ части.

Стенки ямы наклонные, неровные, сужаются ко дну. ЮВ часть могильной ямы разрушена. Заполнением могильной ямы служил желто-коричневый комковатый песок с мелкими карбонатными конкрециями. Длина ямы 185 см, ширина посередине 65 см.

На дне могильной ямы был обнаружен скелет подростка 14–15 лет плохой сохранности. Костяк лежал на спине головой на ЮЮЗ. Руки были вытянуты вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно друг другу, берцовые кости немного разведены в стороны, стопы обращены носками наружу. Череп чуть при-

поднят, склонен к груди. Между правой рукой и костями таза находился железный кинжал (рис. 10,2) длиной 38 см; в районе колена левой ноги зафиксировано скопление железных трехлопастных черешковых наконечников стрел в количестве 13 единиц длиной около 2,5 см (рис. 10,3). От левого бедра вдоль левой бедренной кости до колена фиксируются остатки кожи от горита. Между пальцами левой руки и бортом ямы обнаружено 2 фрагмента железной пряжки, размеры фрагментов 2,6 × 0,6 см и 1,6 × 0,6 см. Слева от стопы левой ноги обнаружен гончарный сероглиняный кувшин (рис. 10,5) с туловом биконической формы, раструбовидным горлом и петлевидной ручкой на плечике. Максимальный диаметр тулова – 18 см. На внешней поверхности ручки прослеживается орнамент в виде двух групп из трех параллельных бороздок, дважды нанесенных под прямым углом друг к другу. На плечике располагается лаконичный орнамент в виде концентрической слабо прочерченной бороздки и трех групп спаренных кружочков с точками посередине. Справа от правой берцовой кости обнаружена лепная сероглиняная миска диаметром 17,5 см (рис. 10,4). Миска имеет усеченно-биконическую форму, венчик склонен внутрь, губа венчика закруглена, по внешней стороне под венчиком нанесены две горизонтальные концентрические бороздки.

Погребение № 13. Расположено в 8 м к западу от центрального репера. Выявлено на уровне с отметки -128 по отметку -131 от ЦР. Яма имела прямоугольную форму со скругленными углами и была ориентирована продольной осью по линии СВ – ЮЗ. Дно ямы относительно ровное, зафиксировано на уровне отметки -179 в СВ части и слегка поднимается к ЮЗ до уровня отметки -175. Стенки ямы наклонные, неровные, сужаются ко дну. Длина ямы 110 см, ширина посередине 70 см. Заполнение ямы представляло собой рыхлую легкую светло-коричневую супесь.

На дне могильной ямы, ближе к восточной стенке ямы, был расчищен костяк ребенка 2,5–3 лет плохой сохранности (рис. 11). Скелет находился в положении «вытянуто на спине» и был ориентирован головой на ЗЮЗ. Правая рука чуть отведена в сторону и немного согнута в локтевой части, левая рука

вытянута вдоль туловища. Ноги вытянуты параллельно друг другу. Череп чуть приподнят, голова склонена к груди – видимо, под головой изначально находилась подушка.

В области левого запястья зафиксировано скопление гемм-инталий овальной формы (рис. 12) из темного полупрозрачного стекла с продольным сквозным цилиндрическим отверстием, с двух сторон украшенных резными изображениями сюжетов античной мифологии в количестве пяти единиц. Размеры гемм от 1,9 до 2,5 см. Также были обнаружены коралловая пронизка (рис. 14,2) с золотыми обоями и две обоямы (рис. 13,36–37) от второй пронизки (она была плохой сохранности и рассыпалась при попытке снятия). Здесь же, у левого запястья, были найдены пронизка из коралла, бусы из стекла, бисер из стекла (рис. 13,1–10). Слева от черепа у восточного борта могильной ямы обнаружено скопление бусин: сердоликовые бусины, агатовая бусина, гагатова пронизка и чуть ниже – стеклянные бусины.

Слева и справа от черепа обнаружены серьги кольцевидной формы с двумя удлиненными расходящимися нижними концами длиной 2,9 см (рис. 14,1). Серьги выполнены из золотого дрота, округлого в сечении, диаметром 0,2 см.

Справа от черепа (рис. 13,27–34) располагалось ожерелье из коралловых пронизок в количестве 12 единиц, длина пронизок – от 0,9 см до 2,4 см. В районе шеи обнаружены 4 бусины из стекла, один фрагмент стеклянной бусины и две стеклянные подвески, которые образовывали ожерелье вместе с коралловыми пронизками. В ЮЗ углу могильной ямы (рис. 13,23–26) найдены агатовая бусина, сердоликовые бусины, пронизка гагатова и стеклянная бусина. На запястье правой руки зафиксированы остатки браслета из аметистовых (14 единиц) и сердоликовых бусин (23 единицы) (рис. 13,21,22). Справа от запястья правой руки на дне ямы лежала стеклянная бусина. Слева от костей таза и бедренной кости левой ноги зафиксировано скопление бусин из горного хрусталя, а также стеклянная глазчатая и костяная бусины (рис. 13,15–18). В этом же скоплении бусин был обнаружен серебряный колокольчик размером 2,7 см с железным язычком; гагатовый резной сосуд

с крышечкой – филиakterий высотой 2 см и диаметром 3 см (рис. 13,18). Изделие представляет собой резной толстостенный сосуд полусферической формы с крышечкой (толщина стенок от 0,4 см до 0,8 см). Отсутствует фрагмент тулова и венчика (примерно четверть сосуда). По внешней стороне прямоугольного в поперечном сечении венчика проходит округлый в сечении валик. Под валиком на расстоянии 0,6 см друг от друга расположены два сквозных цилиндрических отверстия диаметром около 0,2 см. Поверхность сосуда полностью украшена рельефным орнаментом: по обеим сторонам тулова сосуда прослеживается волотообразный орнамент (схематичное изображение головы барана с рогами); по центру сферы сосуда расположен рельефный ромб с вытянутыми лучами-углами, делящий поверхность сосуда на четыре сегмента; по центру ромба расположена рельефная окружность диаметром около 1 см. Округлая полая крышечка сосуда представляет собой невысокую округлую, слегка истончающуюся закраину с округлой полусферической шляпкой диаметром 2 см. На закраине, на расстоянии около 0,2 см от края, имеются два сквозных отверстия диаметром около 0,2 см, расположенные на расстоянии 0,3 см друг от друга.

На тазовых костях также обнаружена сердоликовая бусина (рис. 13,19).

В разных местах вокруг погребенной были найдены следующие бусины: бусина из сердолика; бусина из стекла; бусина из стекла; пронизки из стекла (рис. 13,11–14). Видимо, эти бусины и пронизки были нашиты на погребальное покрывало-саван.

Стеклянный бисер обнаружен в районе подола одежды погребенной и в засыпи на уровне костей (рис. 13,20). Возможно, он имеет отношение к украшению одежды или того же погребального покрывала.

За головой погребенной с правой стороны на дно ямы был установлен лепной сероглиняный зооморфный кувшин в виде птицы (утки) (рис. 15). Тулово сосуда имеет уплощенно-сферическую форму. Пояс максимального расширения проходит посередине тулова. Горло высокое, слив оформлен в виде трубочки, напоминающей птичий клюв. К донцу сосуда примазаны три округлые в

сечении ножки: две в передней части, одна в задней (высота ножек – 1,5 см). Одна из ножек отколота у основания, другая – у края. Поверхность сосуда покрыта сплошным лощением. В верхней части горла, под венчиком, расположен орнамент в виде двух тонких желобков шириной 0,3 см, опоясывающих сосуд. К горлу и тулову сосуда примазана лентовидная овальная в сечении вертикальная ручка. На ручке расположены два упора для пальцев: верхний упор для большого пальца представляет собой налест на ручке, визуально напоминающий схематичное изображение головы, по бокам которого примазаны два округлых глаза; нижний упор для безымянного пальца представляет собой небольшой истончающийся к краю налест подпрямоугольной в плане формы. От трех точек у нижнего основания ручки сосуда проходит орнамент в виде примазанных валиков, делящих сосуд на три сегмента: один сегмент представляет собой половину окружности тулова (к этой части примазано горло), два других – четвертинки (длина валиков – 7 см, 6 см, 6 см). В верхней части валика (шириной 0,6 см и высотой около 0,4 см) имеется уплощенная площадка шириной 0,3 см, на которой расположены тонкие насечки. По краю валика проходят наколы тонким стеком. Один из валиков заканчивается на хвостике птицы. По бокам сосуда (на уровне двух центральных валикообразных налепов, продолжением которых они визуально являются) имеются налепы, имитирующие крылья птицы (3 см × 1 см × 0,5 см), по центру которых проходят аналогичные наколы стеком. Напротив горла сосуда имеется подпрямоугольный в плане налест в виде птичьего хвостика (1,5 × 2,5 × 0,6 см). Хвостик украшен косыми насечками (по обеим сторонам от валика). Наколы тонким стеком, как и на валиках, расположены по уплощенной площадке, а также у основания налепа (по всему периметру). Диаметр венчика сосуда – 5,3 см, высота горла сосуда – 5,5 см, диаметр тулова – 12 см. Длина носика – 2,5 см, ширина носика у основания – 2,7 см. Толщина венчика – 0,4 см. На тулове, под горлом сосуда, имеется налест-тамга в виде полумесяца, обращенного концами вниз, с вертикальной чертой, идущей так же вниз от центра.

В ногах, слева от костяка погребенной, находился большой керамический кувшин очень плохой сохранности. Стенки кувшина совершенно раскрошились, горло осело внутрь (рис. 11,2).

Датировка описанных выше погребальных комплексов основана на вещевом материале и некоторых деталях погребального обряда. Самым ранним является погребение № 2, которое может быть отнесено ко времени савроматской культуры. Основанием для такого заключения является нахождение в этом погребении обезглавленной туши барана, что весьма характерно для погребального обряда савроматской культуры. Лепной горшок также находит широкий круг аналогий в памятниках этой культуры [Смирнов, 1964, рис. 63, 65]. Не совсем типичным для савроматской культуры является наличие бронзового зеркала со «стержневидной ручкой». Наиболее близкой аналогией ему является редкий тип зеркал с центральной ручкой, состоящей из двух столбиков [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 29,2]. Авторы датируют этот тип зеркал VI в. до н.э.

Остальные четыре погребения относятся к среднесарматской культуре. О принадлежности погребения № 3 к этой культуре свидетельствует наличие большого количества нашивных разнотипных бляшек. Их находки не характерны ни для савроматской, ни для большей части раннесарматской культуры, они широко начинают использоваться в престижных погребениях среднесарматской культуры (I в. – первая половина II в. н.э.) [Смирнов, 1964, с. 139].

Погребение № 5 по обряду и ряду вещей из него убедительно датируется среднесарматским временем. Бронзовый таз относится к римской восточной провинциальной посуде (*Ostwelle*). Ближе всего оно к типу 70 по типологии Х. Эггерса. Аналогичная посуда именуется мисками (*Schüsseln*) и датируется I в. н.э. [Simonenko, 2008, S. 7, 19–20, Taf. 47,1, 49,1, 141,2]. Алебастровый сосудик – типичная находка в памятниках среднесарматского времени I в. – первой половины II в. н.э. [Скрипкин, 1990, с. 99; Глухов, 2005, с. 67, 68]. Предметы от пояса из золота с бирюзовыми вставками из этого погребения относятся к изделиям сарматского полихромного стиля,

типичным для среднесарматского времени [Засецкая, 1989, с. 35–47]. Кувшин и миска из погребения № 12 также находят широкие аналогии в памятниках среднесарматской культуры Волго-Донского региона [Скрипкин, 1990, с. 154, рис. 16,9,10; Глухов, 2005, с. 72–73, 78–81, рис. 64,1–7, 76,5–8].

Наиболее интересны в погребении № 13 находки геммы, использовавшихся в качестве бус, и глиняный сосуд в виде птицы (утки). Близкие аналогии геммам с двухсторонними изображениями нам не известны. Сосуды в виде птицы известны в погребальных комплексах на Кубани (станции Тифлисская и Ладожская) и из курганного могильника «Королева могила» в Нижнем Поволжье [Раев, 2018]. Курганы на Кубани, в которых найдены кувшины этого типа, входят в группу памятников, именуемых «Золотым кладбищем», время сооружения курганных захоронений в котором приходится преимущественно на I–II вв. н.э. [Гущина, Засецкая, 1994, с. 37, табл. 30,305]. Остальные находки в этом погребении не противоречат указанной дате.

Литой бронзовый котел, обнаруженный местными жителями в этом кургане и переданный в Астраханской краеведческий музей, относился к одному из нарушенных среднесарматских погребений. Он имел кубковидную форму с расширяющейся книзу высокой ножкой (рис. 4). Тулово усеченно-сферическое, венчик отогнут наружу. На плечиках имеются две симметрично расположенные петлевидные ручки. На венчике сохранилась одна вертикальная петлевидная ручка округлого сечения с тремя выступами с уплощенными шляпками в верхней части. На противоположной стороне венчика имеется след от второй отломленной ручки. Тулово котла и ножка соединялись двумя клепками, располагающимися изнутри в донной части сосуда. Под венчиком, на плечике между боковыми ручками, имеется рельефная тамга в виде креста. Котел был преднамеренно смят с боков и сильно деформирован, на венчике имеются три трещины. Размеры котла: диаметр венчика – 18 см, диаметр ножки – 9,5 см, общая высота – 27 см.

Котлы такой формы и размеров известны в погребениях среднесарматской культуры. С.В. Демиденко относит их к типу XI.1. А сво-

ей типологии. Ряд котлов этого типа датируется второй половиной I – первой половиной II в. н.э. Близкой аналогией астраханскому котлу является случайная находка котла у с. Ярошевка Киевской области. Он тех же пропорций, имеет две боковые петлевидные ручки, под венчиком тамга в виде косоугольного креста. Две верхние ручки отбиты. Этот котел обычно датируют I в. н.э. [Демиденко, 2008, с. 22, 114, 226].

Отличительной особенностью данного кургана является большое количество впуск-

ных погребений среднесарматской культуры в нем, в то время как в общем в среднесарматское время существенно преобладают захоронения под индивидуальными насыпями, составляя 77,2 % [Скрипкин, 2017, с. 167].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Антропологические определения выполнены д.и.н. С.В. Васильевым и к.б.н. С.Б. Борущкой (Институт этнологии и антропологии РАН).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

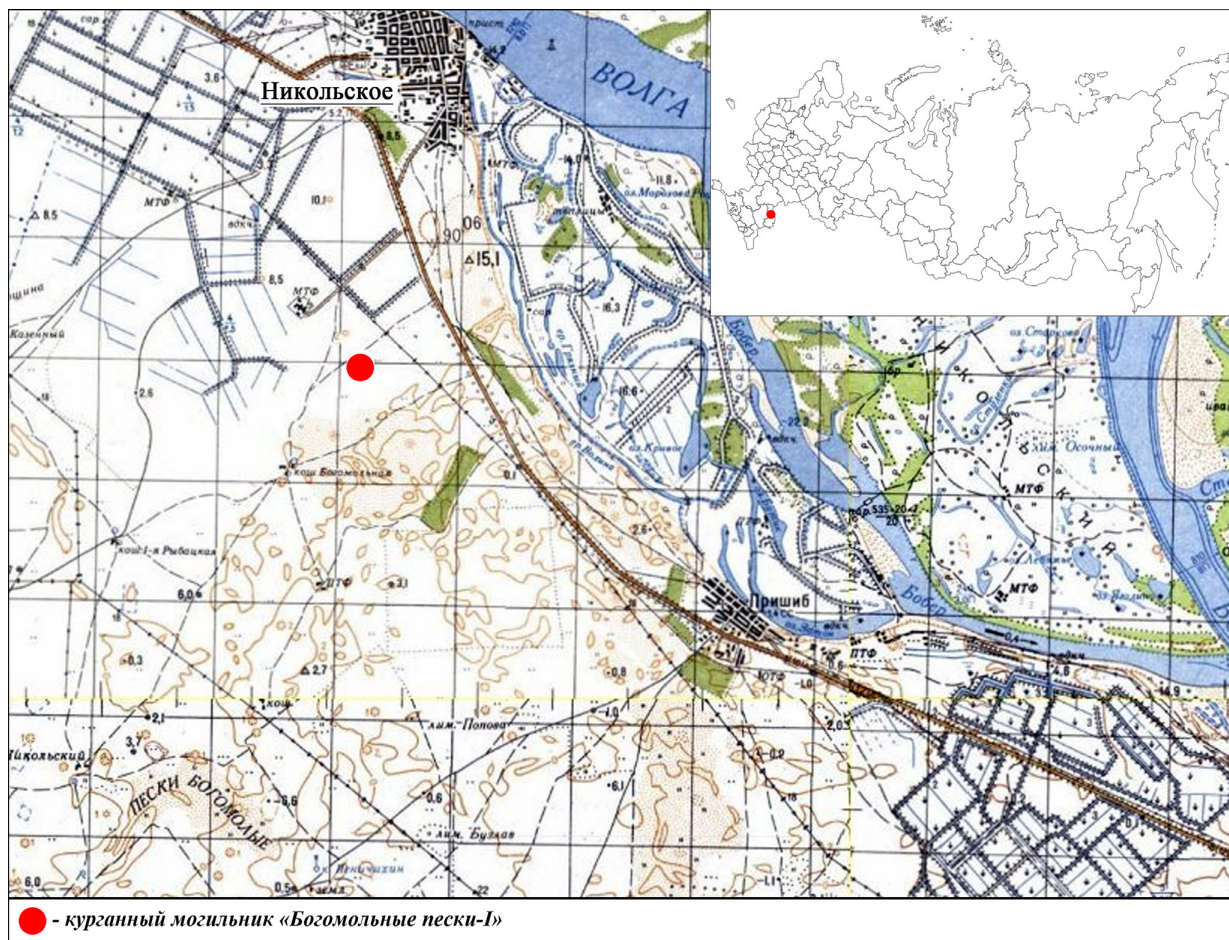

Рис. 1. Схема расположения курганного могильника «Богомольные пески-I»

Fig. 1. Layout of the “Bogomolnye Peski-I” kurgan cemetery

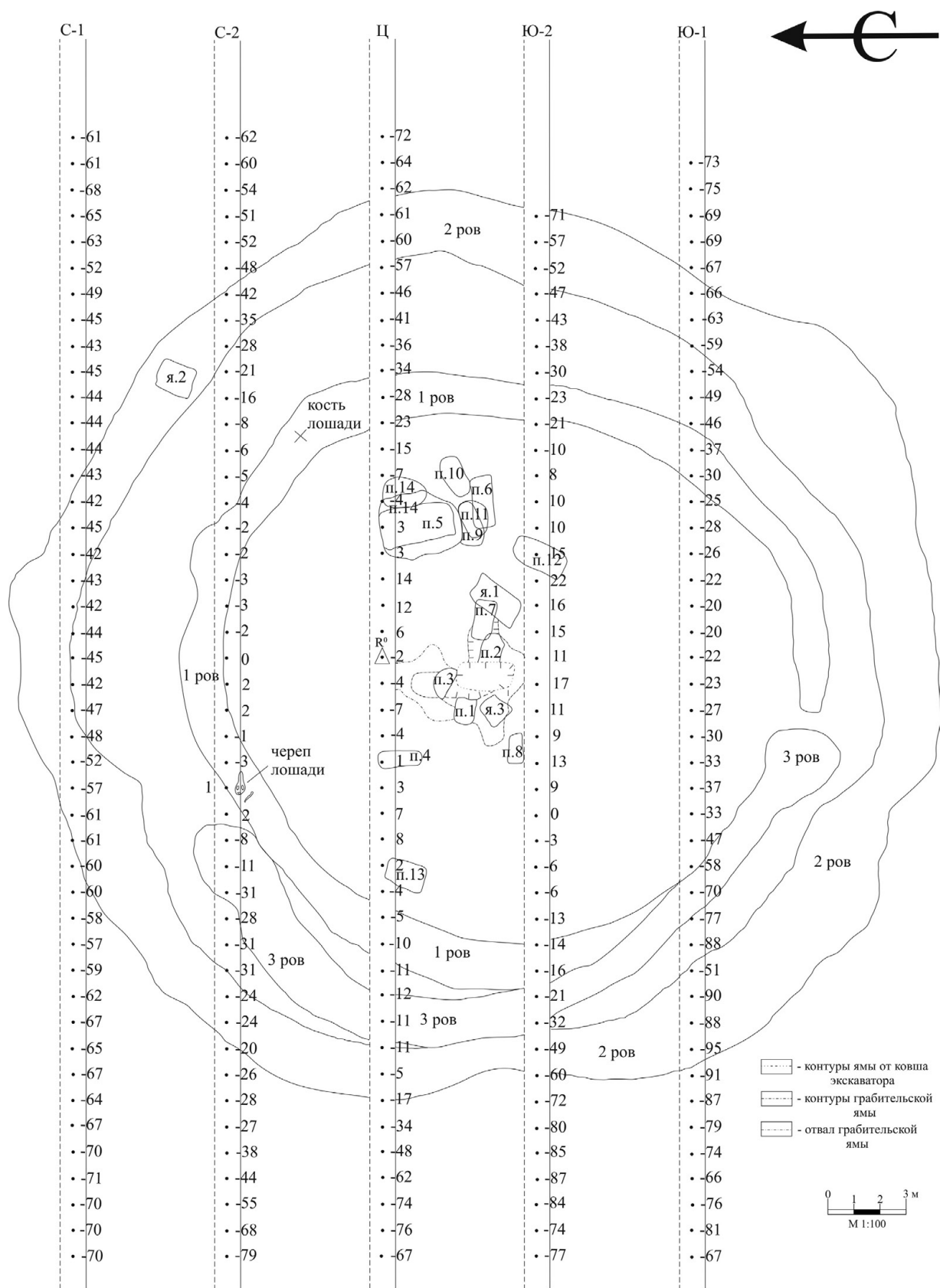

Рис. 2. План кургана 1 из курганной группы «Богомольные пески-I»

Fig. 2. Plan of kurgan 1 from the cemetery "Bogomolnye Peski-I"

Погребение 2.

Находки:

- 1 - зеркало бронзовое;
- 2 - терочник каменный;
- 3 - точильный камень;
- 4 - нож железный;
- 5 - шило железное;
- 6 - ножичек железный;
- 7 - сосуд лепной сероглиняный

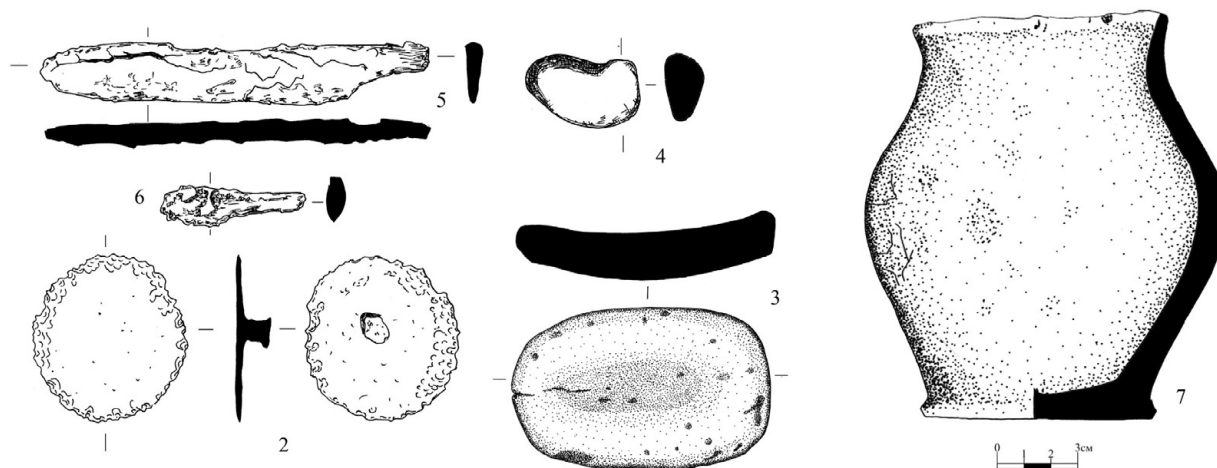
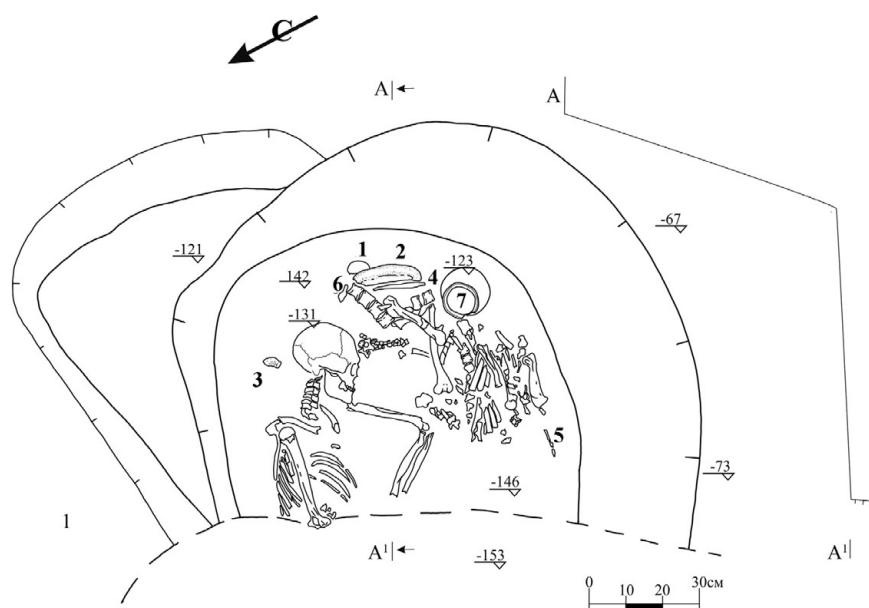

Рис. 3. Погребение 2. План и инвентарь:

1 – план погребения; 2 – зеркало бронзовое; 3 – терочник каменный; 4 – точильный камень; 5 – нож железный; 6 – ножичек железный; 7 – сосуд лепной сероглиняный (рисунки выполнены А.Г. Жировой)

Fig. 3. Burial 2. Plan and inventory:

1 – plan of burial; 2 – bronze mirror; 3 – stone teal; 4 – whetstone; 5 – iron knife; 6 – iron knife; 7 – gray-clay molded vessel (Drawings by A.G. Zhirova)

Рис. 4. Погребение 3. Котел бронзовый малый
Fig. 4. Burial 3. Small bronze cauldron

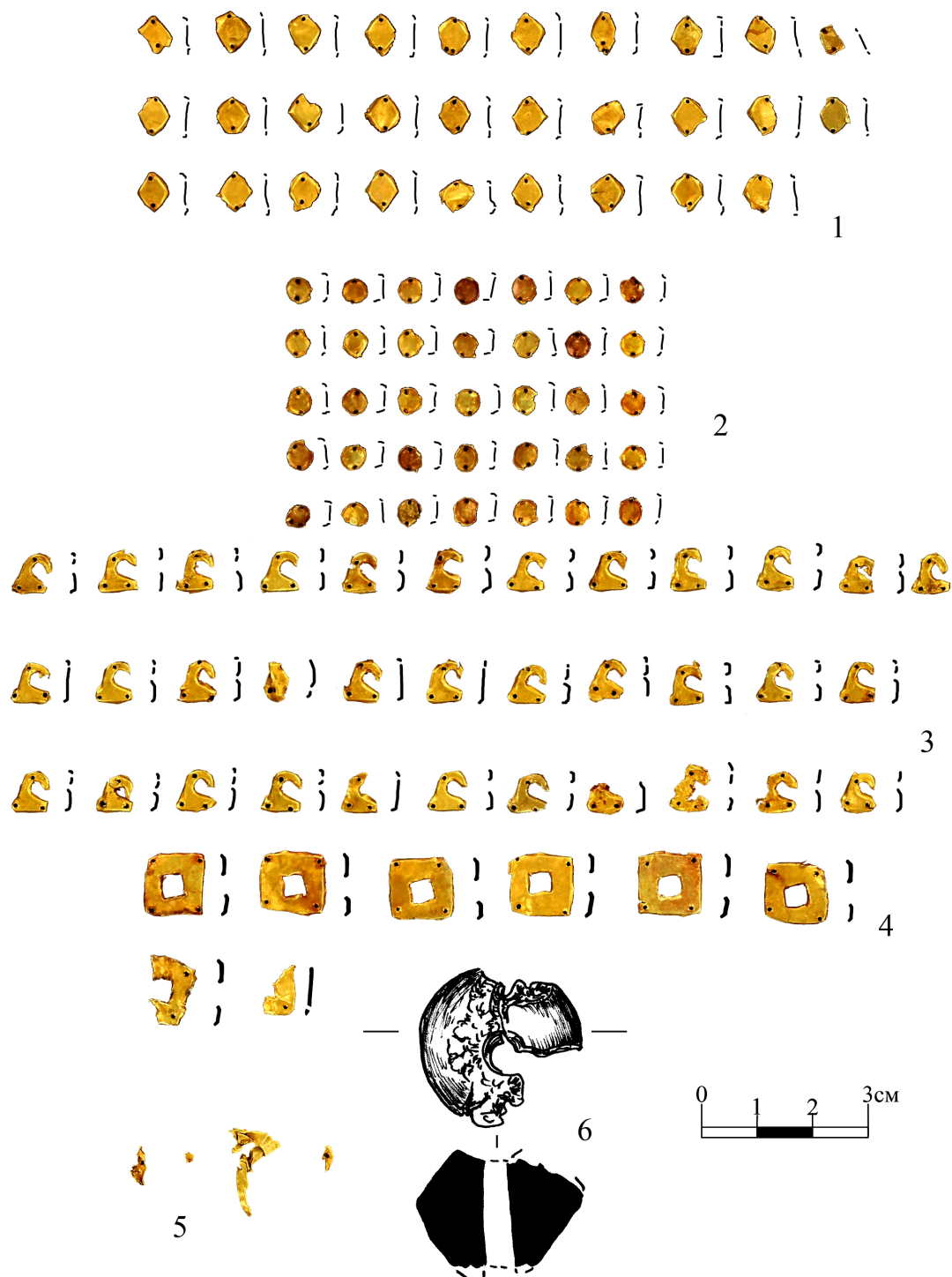

Рис. 5. Погребение 3. Находки из просева заполнения грабительской ямы:

- 1 – нашивки ромбовидной формы из золотой фольги; 2 – нашивки выпуклые овальной формы из золотой фольги;
 3 – нашивки в виде стилизованной головы грифона из золотой фольги;
 4 – нашивки квадратной формы из золотой фольги; 5 – фрагменты нашивок из золотой фольги;
 6 – пряслице лепное керамическое (рисунки выполнены А.Г. Жировой)

Fig. 5. Burial 3. Finds from the sifting of the filling of the predatory pit:

- 1 – diamond-shaped patches made of gold foil; 2 – convex oval patches made of gold foil;
 3 – stripes in the form of a stylized griffin's head made of gold foil; 4 – square-shaped patches made of gold foil;
 5 – fragments of gold foil stripes; 6 – stucco ceramic spindle (Drawings by A.G. Zhirova)

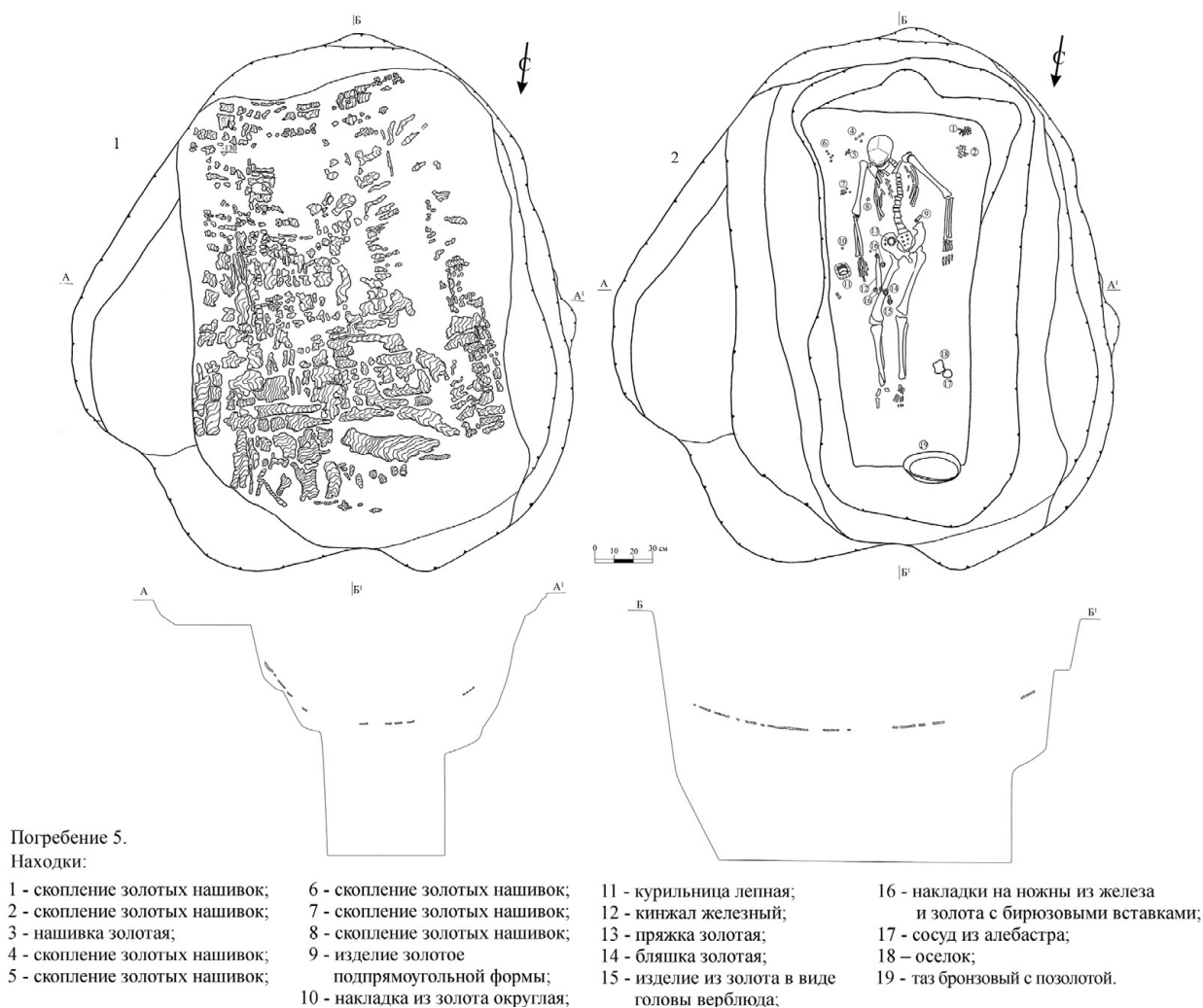

Рис. 6. Погребение 5. План:

1 – ситуация с деревянным перекрытием; 2 – ситуация после полной расчистки (рисунок выполнен А.Г. Жировой)

Fig. 6. Burial 5. Plan:

1 – situation with the wooden above grave construction; 2 – situation after complete clearing (Drawing by A.G. Zhirova)

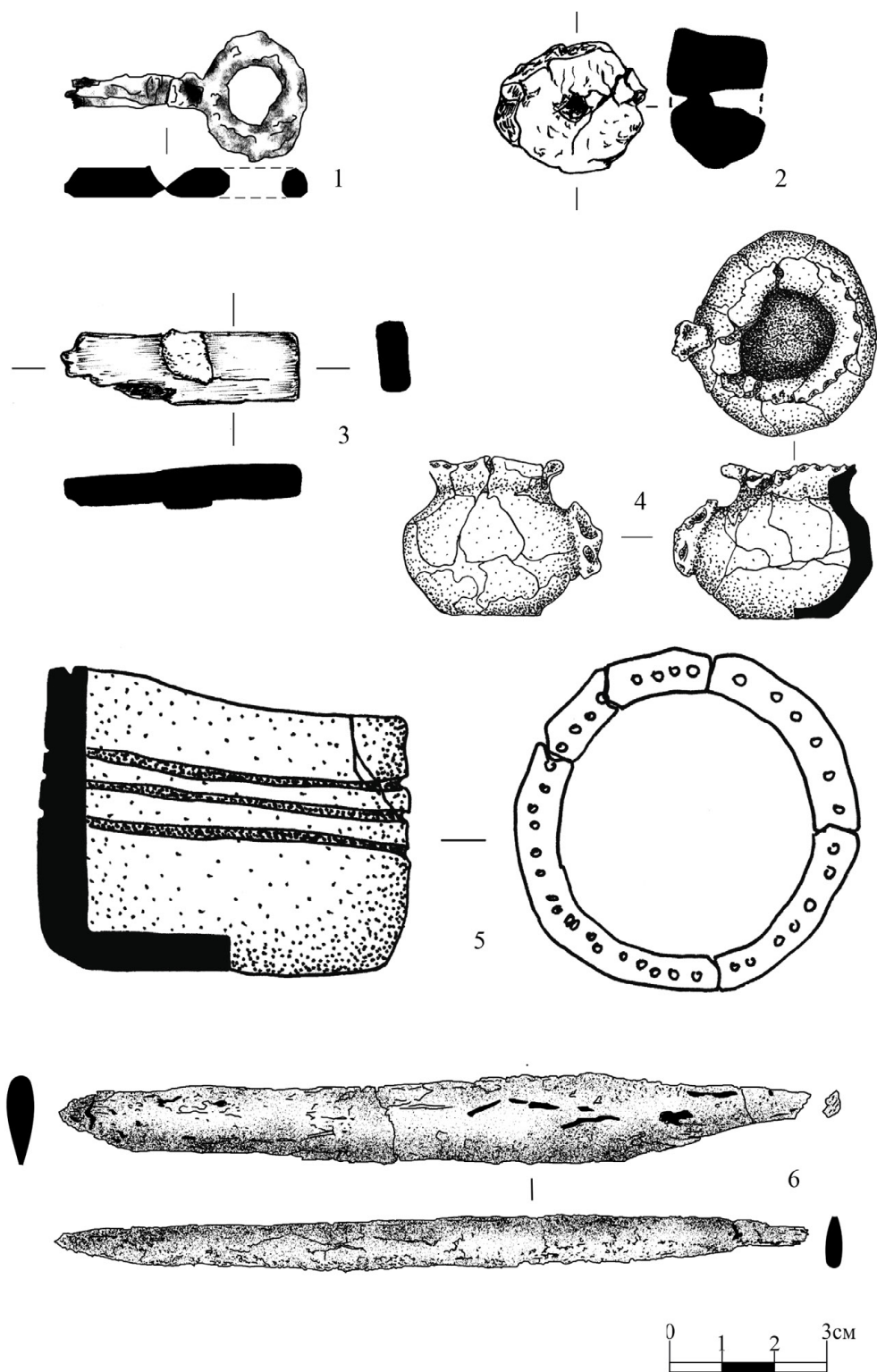

Рис. 7. Погребение 5. Инвентарь:

- 1 – кольцо железное со стержнем; 2 – пряслице керамическое; 3 – фрагмент оселка каменного;
 4 – сосудик алебастровый; 5 – курильница керамическая лепная;
 6 – кинжал железный (рисунки выполнены А.Г. Жировой)

Fig. 7. Burial 5. Inventory:

- 1 – iron ring with a rod; 2 – ceramic spindle; 3 – a fragment of a grindstone;
 4 – alabaster vessel; 5 – ceramic molded incense burner; 6 – iron dagger (Drawings by A.G. Zhirova)

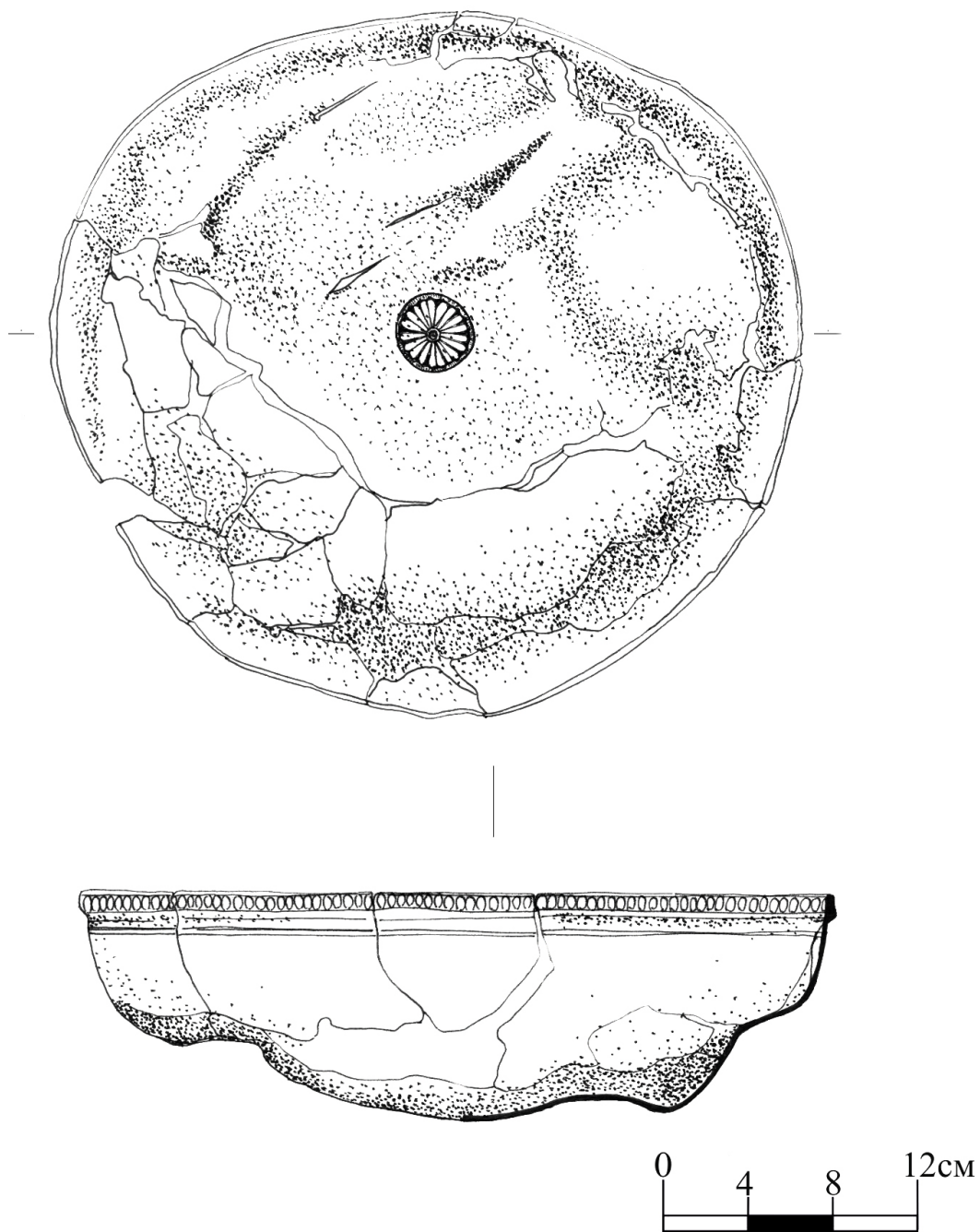

Рис. 8. Погребение 5. Таз бронзовый с позолотой (рисунок выполнен А.Г. Жировой)
Fig. 8. Burial 5. A bronze basin with gilding (Drawing by A.G. Zhirova)

Рис. 9. Погребение 5. Инвентарь:

- 1 – накладки железные с обкладкой из золотой фольги;
 2 – изделие в виде головы верблюда из золота с бирюзовыми вставками; 3 – заклепки-гвоздики золотые;
 4 – поясной оконечник из золотой фольги с бирюзовыми вставками;
 5 – пряжка ременная из золота с бирюзовой вставкой; 6 – пластина золотая;
 7 – нашивки из золотой фольги (всего 48 шт.); 8 – заклепка полусферическая золотая
 (рисунки выполнены А.Г. Жировой)

Fig. 9. Burial 5. Inventory:

- 1 – iron lining with gold foil lining;
 2 – product in the form of a camel's head made of gold with turquoise inserts; 3 – gold stud rivets;
 4 – a belt tip made of gold foil with turquoise inserts;
 5 – belt buckle made of gold with a turquoise insert; 6 – gold plate;
 7 – gold foil stripes (48 pcs.); 8 – hemispherical gold rivet (Drawings by A.G. Zhirova)

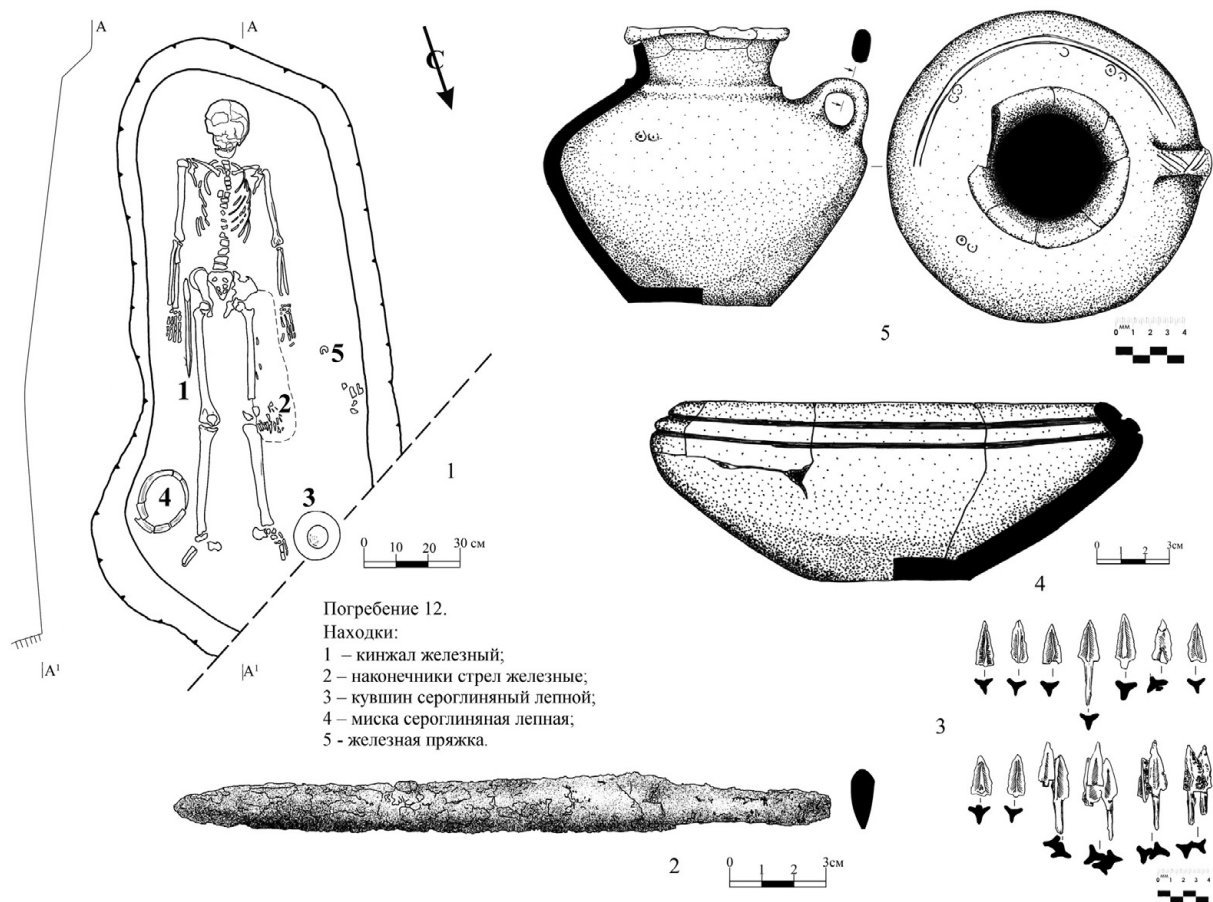

Рис. 10. Погребение 12. План и инвентарь:

1 – план погребения; 2 – кинжал железный; 3 – наконечники стрел железные; 4 – миска сероглиняная лепная;
5 – кувшин сероглиняный лепной (рисунок выполнен А.Г. Жировой)

Fig. 10. Burial 12. Plan and inventory:

1 – plan of the grave; 2 – iron dagger; 3 – iron arrowheads; 4 – gray-clay molded bowl;
5 – gray-clay molded jug (Drawing by A.G. Zhirova)

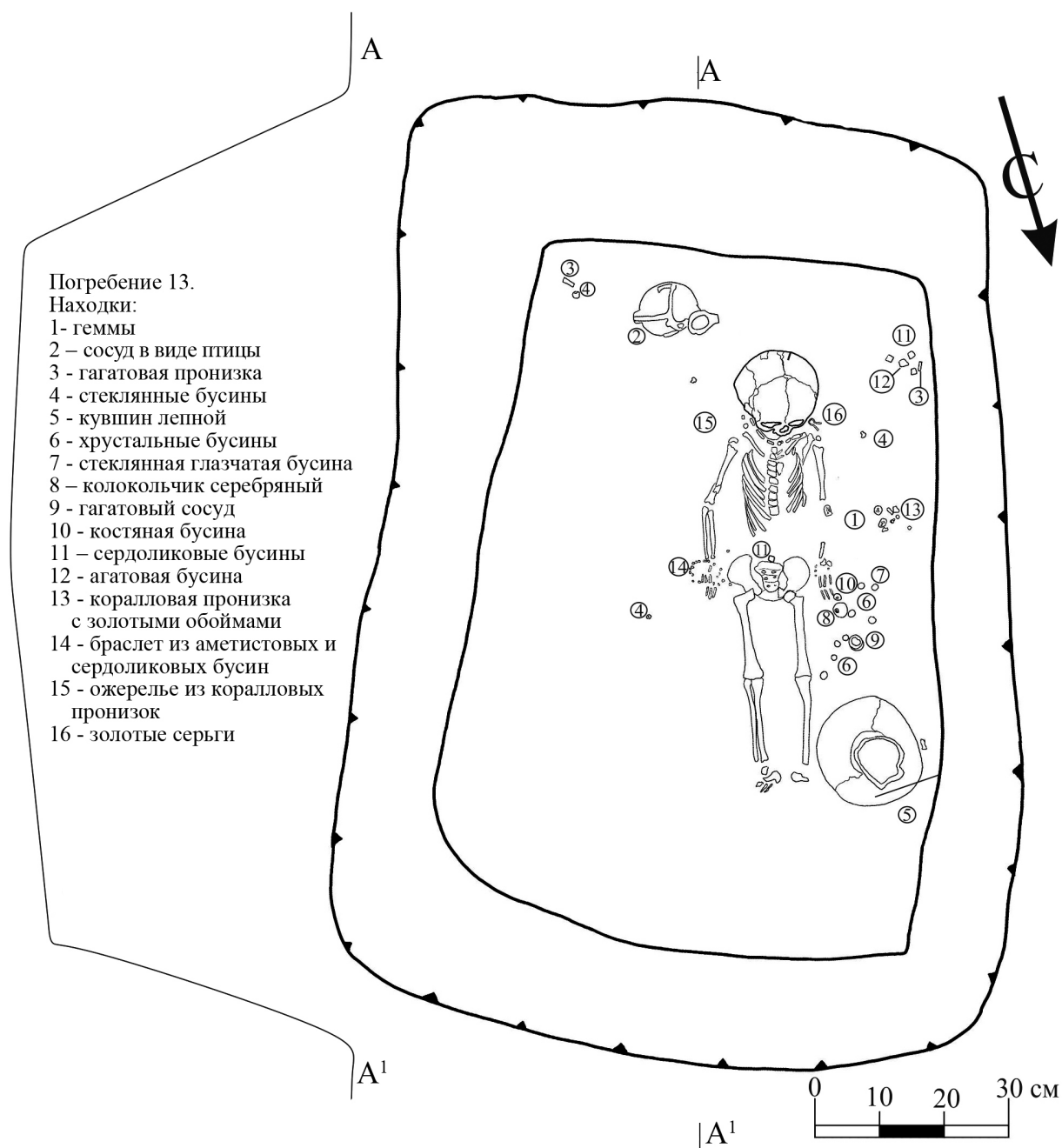

Рис. 11. Погребение 13. План:

- 1 – геммы; 2 – сосуд в виде птицы; 3 – гагатая пронизка; 4 – стеклянные бусины; 5 – кувшин лепной;
6 – бусины из горного хрусталя; 7 – стеклянная глазчатая бусина; 8 – колокольчик серебряный;
9 – гагатый сосудик-филактерий; 10 – костяная бусина; 11 – сердоликовые бусины; 12 – агатовая бусина;
13 – коралловые пронизи с золотыми обоями; 14 – браслет из аметистовых и сердоликовых бусин;
15 – ожерелье из коралловых пронизок; 16 – серьги золотые (рисунок выполнен А.Г. Жировой)

Fig. 11. Burial 13. Plan:

- 1 – gems; 2 – ornithomorphic vessel; 3 – jet thread; 4 – glass beads; 5 – molded jug;
6 – rhinestone beads; 7 – glass eye bead; 8 – bell, silver;
9 – jet phylactery vessel; 10 – bone bead; 11 – carnelian beads; 12 – agate bead;
13 – coral threads with gold clips; 14 – bracelet of amethyst and carnelian beads;
15 – necklace of coral beads; 16 – gold earrings (Drawing by A.G. Zhirova)

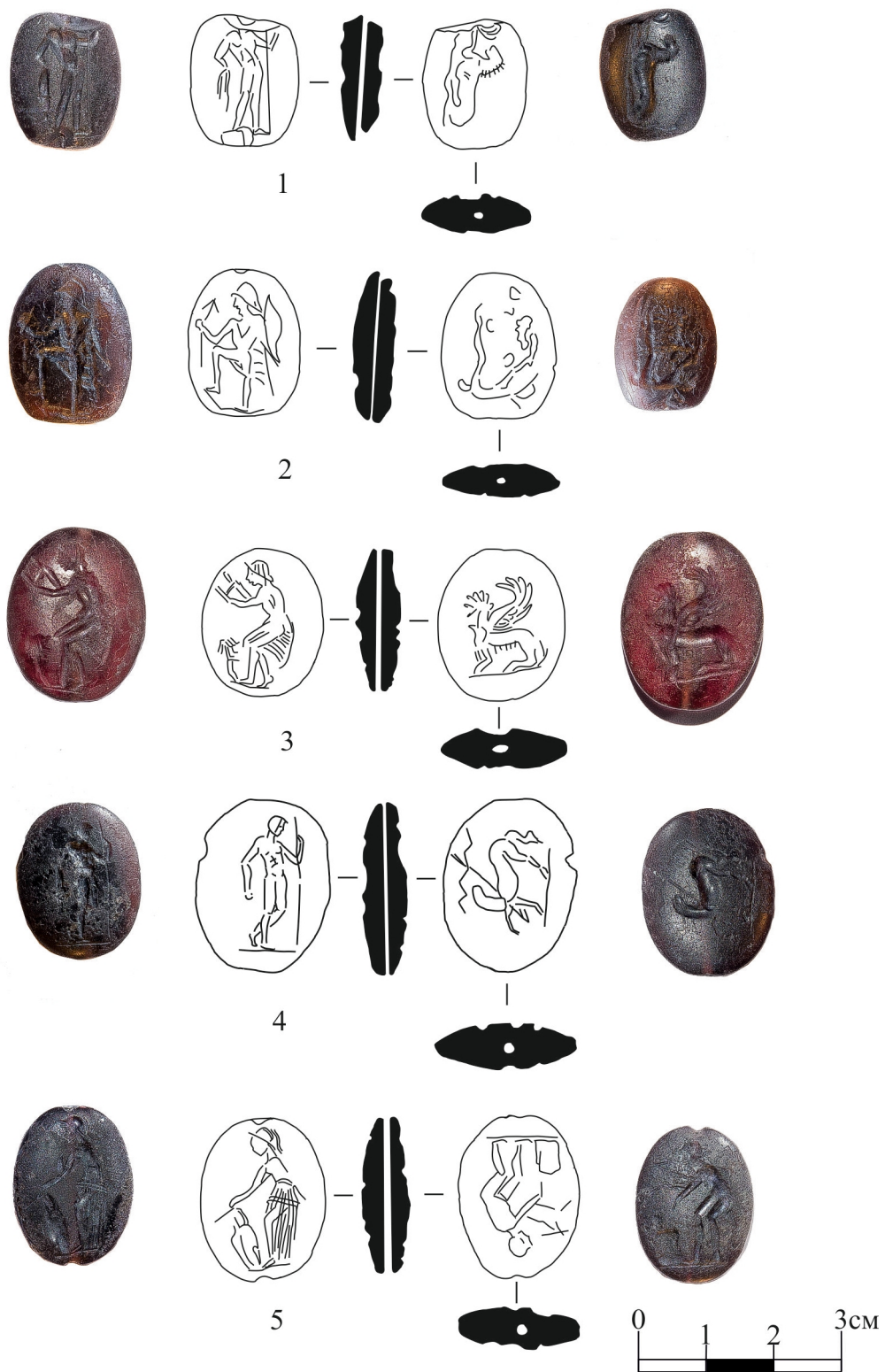

Рис. 12. Геммы из красного стекла с античными сюжетами (рисунок выполнен А.Г. Жировой)

Fig. 12. Gemmas of red glass with antique themes (Drawing by A.G. Zhirova)

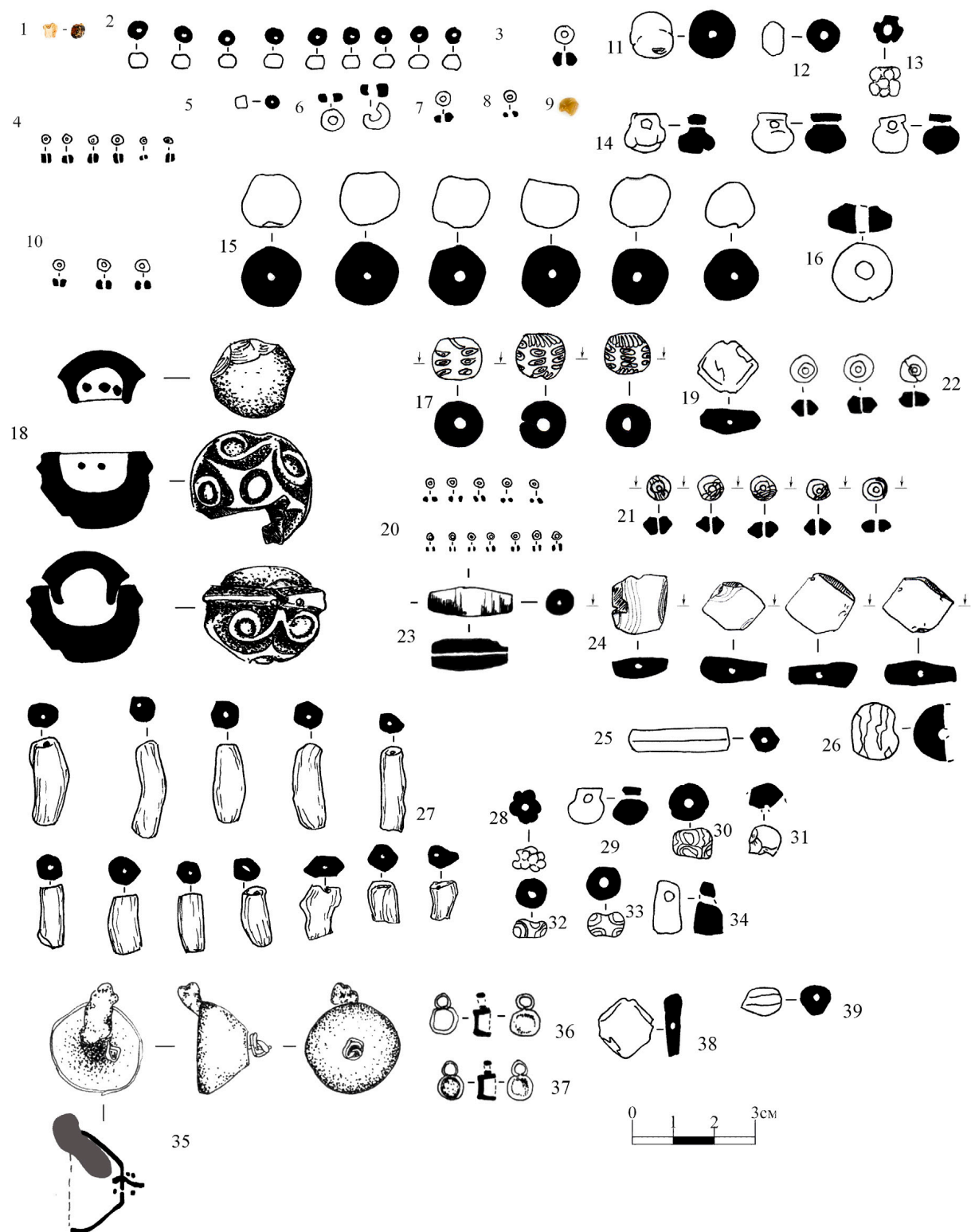

Рис. 13. Погребение 13:

Бусы у левого запястья: 1 – пронизка из коралла; 2 – бусины из стекла; 3 – бусина из стекла; 4 – бисер из стекла; 5 – бусина из стекла; 6 – бусины из стекла; 7 – бусина из стекла; 8 – бисер из стекла; 9 – фрагмент бусины из стекла; 10 – бусины из стекла. Бусы с савана: 11 – бусина из сердолика; 12 – бусина из стекла; 13 – бусина из стекла; 14 – пронизки из стекла. Скопление бус у левого бедра: 15 – бусы из горного хрусталя; 16 – бусина костяная; 17 – бусины стеклянные; 18 – миниатюрный сосудик-филактерий и крышечка из гагата. Бусины на животе: 19 – сердоликовая бусина. Бусы с подола и из засыпи: 20 – стеклянный бисер. Бусы у правой руки: 21 – сердоликовые бусы (всего 23 шт.); 22 – аметистовые бусы (всего 14 шт.).

Скопление у ЮЗ угла ямы: 23 – агатовая бусина; 24 – сердоликовые бусины;
25 – пронизка агатовая; 26 – бусина стеклянная.
Ожерелье на шее: 27 – пронизки коралловые; 28 – бусина из стекла; 29 – подвеска из стекла;
30 – бусина из стекла; 31 – фрагмент бусины из стекла; 32 – бусина из стекла; 33 – бусина из стекла;
34 – подвеска из стекла. Скопление с геммами: 35 – колокольчик серебряный; 36 – обойма золотая;
37 – обойма золотая; 38 – бусина сердоликовая; 39 – бусина стеклянная (рисунки выполнены А.Г. Жировой)

Fig. 13. Burial 13:

Beads at the left wrist: 1 – coral thread; 2 – glass beads; 3 – glass bead; 4 – glass beads; 5 – glass bead; 6 – glass beads;
7 – glass bead; 8 – glass beads; 9 – a fragment of a glass bead; 10 – glass beads.
Beads from the shroud: 11 – carnelian bead; 12 – glass bead; 13 – glass bead; 14 – glass beads.
Beads at the left thigh: 15 – rock crystal beads; 16 – bone bead; 17 – glass beads; 18 – miniature phylactery vessel and jet lid.
Belly beads: 19 – carnelian bead. Beads from the hem and from the grain: 20 – glass beads.
Beads on the right hand: 21 – carnelian beads (23 pieces in total); 22 – amethyst beads (14 pieces in total).
Accumulation at the southwest corner of the pit: 23 – agate bead; 24 – carnelian beads; 25 – jet piercing; 26 – glass bead.
Necklace on the neck: 27 – coral beads; 28 – glass bead; 29 – glass pendant; 30 – glass bead; 31 – a fragment of a glass bead;
32 – glass bead; 33 – glass bead; 34 – glass pendant.
Cluster with gems: 35 – silver bell; 36 – gold clip; 37 – gold clip; 38 – carnelian bead; 39 – glass bead
(Drawings by A.G. Zhirova)

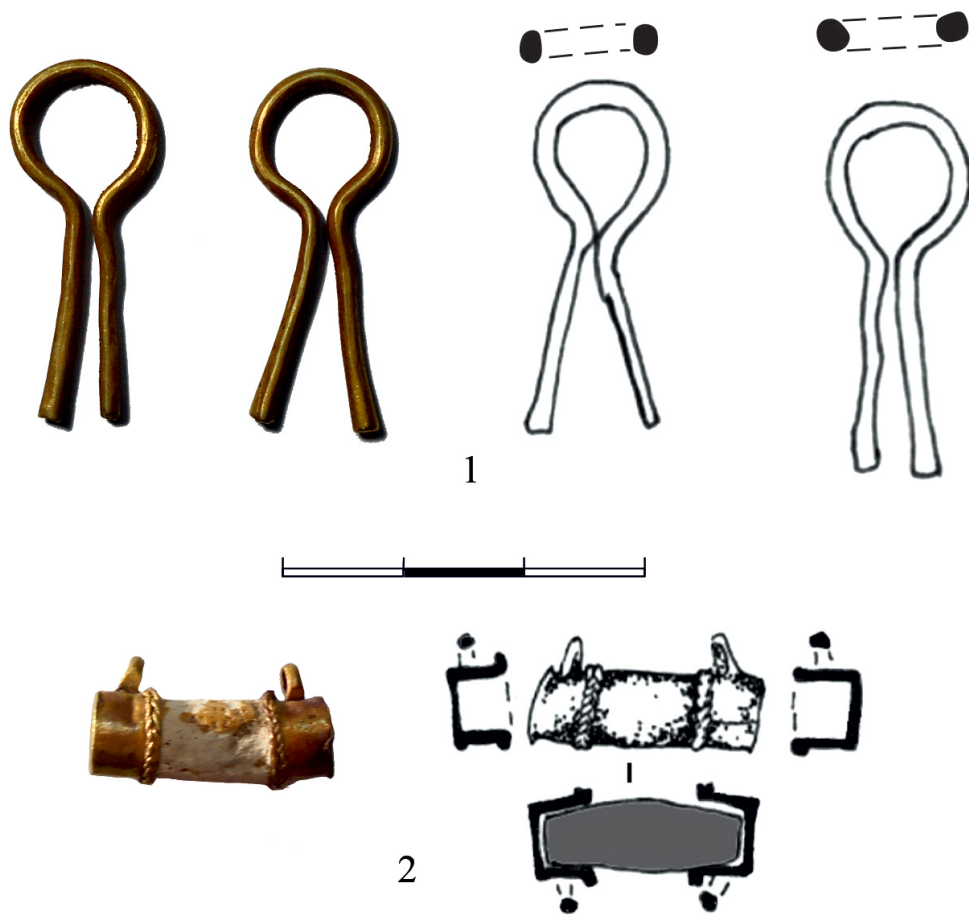

Рис. 14. Погребение 13:

1 – серьги золотые; 2 – подвеска коралловая в золотых обоямах (рисунки выполнены А.Г. Жировой)

Fig. 14. Burial 13:

1 – gold earrings; 2 – coral pendant in gold clips (Drawings by A.G. Zhirova)

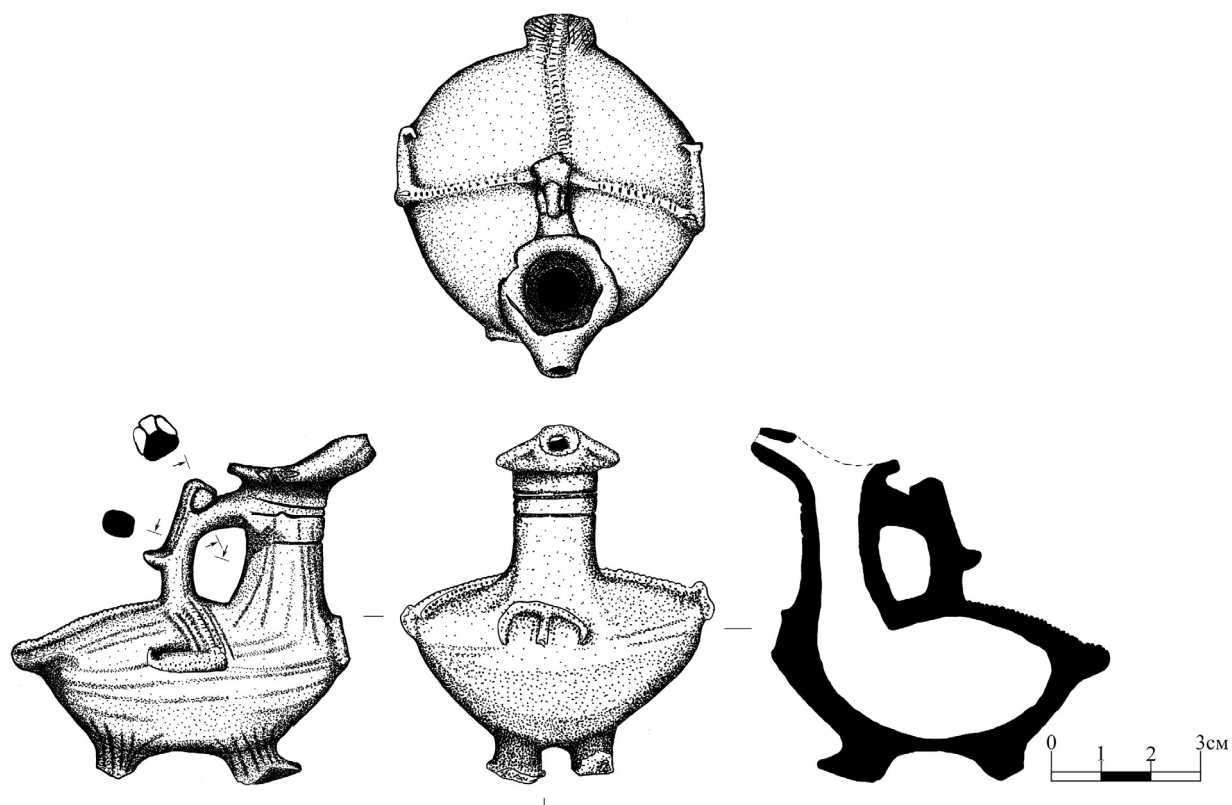

Рис. 15. Погребение 13. Сероглиняный лощеный сосуд (рисунок выполнен А.Г. Жировой)

Fig. 15. Burial 13. Glazed gray-clay vessel (Drawing by A.G. Zhirova)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Демиденко С. В., 2008. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М. : ЛКИ. 328 с.
- Глухов А. А., 2005. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. Волгоград : Науч. изд-во. 249 с.
- Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб. : Фарн. 172 с.
- Засецкая И. П., 1989. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // Советская археология. № 3. С. 35–47.
- Раев Б. А., 2018. Зооморфный кувшин из с. Сидоры (Нижнее Поволжье). К постановке проблемы керамического импорта из Прикубанья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 17, № 2. С. 82–93. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.2.7>
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов : Изд-во СГУ. 300 с.
- Скрипкин А. С., 2017. Сарматы. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 292 с.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука. 380 с.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. Свод археологических источников. Д1-9. М. : Наука. 39 с. 30 табл.
- Simonenko A., 2008. Römische Importe in Sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Simonenko A., Marčenko I. I., Limberis N. Ju., 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Grabern. Archäologie in Eurasien, Band 25. Mainz : Verlag Philipp von Zabern. S. 1–264.

REFERENCES

- Demidenko S.V., 2008. *Bronzovyye kotly drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya (V v. do n.e. – III v. n.e.)* [Bronze cauldrons of the ancient tribes of the Lower Volga and Southern Urals (V c. BC – III c. AD)]. Moscow, LKI Publ. 328 p.
- Glukhov A.A., 2005. *Sarmaty mezhdurech'ya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n.e.* [Sarmatians between the Volga and Don rivers in the 1st - first half of the 2nd century]. Volgograd, Nauchnoye izdatel'stvo Publ. 249 p.
- Gushchina I.I., Zasetzkaya I.P., 1994. «*Zolotoye kladbishche*» *Rimskoy epokhi v Prikuban'ye* [“Golden cemetery” of the Roman era in the Kuban region]. Saint-Petersburg, Farn Publ. 172 p.
- Zasetzkaya I.P., 1989. Problemy sarmatskogo zverinogo stilya (istoriograficheskiy obzor) [Problems of the Sarmatian Zoomorphic Style (historiographic survey)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], no 3, pp. 35-47.
- Raev B.A., 2018. Zoomorfniy kuvshin iz s. Sidory (Nizhneye Povolzh'ye). K postanovke problemy keramicheskogo importa iz Prikuban'ya [Zoomorphic Jug from the Village Sidory (the Lower Volga Region). To the Problem of Ceramic Import from the Kuban Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 17, no. 2, pp. 82-93. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.2.7>
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya* [Asian Sarmatia]. Saratov, Saratov State university. 300 p.
- Skripkin A.S., 2017. *Sarmaty* [The Sarmatians]. Volgograd, Volgograd State university. 292 p.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Sauromats. Early history and culture of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 380 p.
- Smirnov K.F., Petrenko V.G., 1963. *Savromaty Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya* [Sauromats of the Volga and Southern Urals]. Collection of archaeological sources. D1-9. Moscow, Nauka Publ. 39 p. + 30 Tabl.
- Simonenko A., 2008. Römische Importe in Sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.Ju., 2008. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Grabern*. Archäologie in Eurasien, Band 25. Mainz, Verlag Philipp von Zabern. S. 1-264.

Information About the Authors

Alexey A. Timofeev, Researcher of the Fund Department, Astrakhan Museum-Reserve, Sovetskaya St., 15, 414000 Astrakhan, Russian Federation, al-mahrusa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5833-2911>

Damir S. Soloviov, Researcher of the Department of History, Astrakhan Museum-Reserve, Sovetskaya St., 15, 414000 Astrakhan, Russian Federation, arheocentr@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9024-695X>

Georgiy V. Stukalov, Researcher of the Fund Department, Astrakhan Museum-Reserve, Sovetskaya St., 15, 414000 Astrakhan, Russian Federation, stukalov-georgiy2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9838-2320>

Dmitriy V. Vasiliev, Candidate of Sciences (History), Head of School “Archaeology of Low Volga Region”, Astrakhan State University, Tatischeva St., 20a, 414056 Astrakhan, Russian Federation, hvdv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2346-8856>

Victor Yu. Bochkarev, freelance employee of the School “Archeology of the Lower Volga Region”, Astrakhan State University, Tatischeva St., 20a, 414056 Astrakhan, Russian Federation, hvdv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8585-8537>

Информация об авторах

Алексей Анатольевич Тимофеев, научный сотрудник отдела фондов, Астраханский музей-заповедник, ул. Советская, 15, 414000 г. Астрахань, Российская Федерация, al-mahrusa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5833-2911>

Дамир Сергеевич Соловьев, научный сотрудник отдела истории, Астраханский музей-заповедник, ул. Советская, 15, 414000 г. Астрахань, Российская Федерация, arheocentr@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9024-695X>

Георгий Владимирович Стукалов, научный сотрудник отдела фондов, Астраханский музей-заповедник, ул. Советская, 15, 414000 г. Астрахань, Российская Федерация, stukalov-georgiy2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9838-2320>

Дмитрий Викторович Васильев, кандидат исторических наук, руководитель Школы «Археология Нижнего Поволжья», Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20а, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, hvdv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2346-8856>

Виктор Юрьевич Бочкарев, внештатный сотрудник Школы «Археология Нижнего Поволжья», Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20а, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, hvdv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8585-8537>

www.volsu.ru

ЗАМЕТКИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.15>

UDC 069.51:94(3)
LBC 79.17

Submitted: 26.05.2020
Accepted: 24.11.2020

GIFT TO THE CHIEF: A ROMAN AMPHORA WITH THE SESTIUS STAMP FROM THE PUSHKIN SMFA ¹

Sergey Yu. Monakhov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. The amphorae collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts (SMFA) stores the rarest for the Black Sea region sample of Roman amphora of the first half of the 1st century BC with the Latin stamp SES “anchor”. Judging by the presence of traces of marine mollusks on the outer surface, the vessel comes from the sea. Under the act of transfer the amphora was received in the Pushkin State Museum of Fine Arts from the Kremlin Museums in 1965. The stamp makes it possible to confidently define the vessels origin from the workshops of the Roman colony Cosa (modern Tuscany territory), which belonged to the famous plebeian Sestius family, who Cicero corresponded with. Additionally, it has been suggested that the amphora may originate from the famous Grand Congloue shipwreck near Marseille, explored in the post-war period by J.I. Cousteau.

Key words: Grand Congloue shipwreck, Roman amphorae, Sestius family, chronology, amphora type Dressel 1.

Citation. Monakhov S. Yu., 2020. Podarok vozhdyu: rimskaya amfora s kleymom Sestiya iz GMII [Gift to the Chief: A Roman Amphora with the Sestius Stamp from the Pushkin SMFA]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 306-310. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.15>

УДК 069.51:94(3)
ББК 79.17

Дата поступления статьи: 26.05.2020
Дата принятия статьи: 24.11.2020

ПОДАРОК ВОЖДЮ: РИМСКАЯ АМФОРА С КЛЕЙМОМ СЕСТИЯ ИЗ ГМИИ ¹

Сергей Юрьевич Монахов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В амфорном собрании ГМИИ им. Пушкина хранится редчайший для Причерноморья образец римской амфоры первой половины I в. до н.э. с латинским клеймом SES «якорь». Судя по наличию на внешней поверхности следов морских моллюсков, сосуд происходит из моря. По акту передачи амфора поступила в ГМИИ из музеев Кремля в 1965 году. Клеймо позволяет уверенно определять сосуд происходящим из мастерских римской колонии Коса в современной Тоскане, которые принадлежали известному плебейскому роду Сестиев, с которыми переписывался Цицерон. Высказано предположение, что амфора может происходить из знаменитого кораблекрушения Гран-Конглуэ близ Марселя, исследованного в послевоенное время Ж.-И. Кусто.

Ключевые слова: кораблекрушение Гран-Конглуэ, римские амфоры, род Сестиев, хронология, Дрессель-1.

Цитирование. Монахов С. Ю., 2020. Подарок вождю: римская амфора с клеймом Сестия из ГМИИ // Нижне-волжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 306–310. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.15>

В коллекции ГМИИ имеется амфора, которая выделяется своей удивительной морфологией, совершенно не характерной для известных причерноморских амфорных древностей. У нее вытянутое цилиндрическое тулово, высокий клювовидный, слегка отогнутый наружу нависающий венеч, горло высокое, сужается книзу. На месте перехода от горла к плечу желобок, в месте перехода от плеча к тулову уступ, ножка с небольшим расширением и гладкой подошвой. Высота сосуда 1 002 мм, диаметр тулова 276 мм, диаметр венца 173 мм. На венце четкое рельефное клеймо латинскими буквами SES с эмблемой «якорь» справа (рис. 1). На внешней поверхности сохранились следы морских ракушек, очевидно, что амфора поднята из моря.

Такие формы крайне редко представлены в северопричерноморских материалах. Нечто похожее есть в Ольвии [Lawall et al., 2010, p. 404, pl. 301, L-369, L-370], где они отнесены к продукции Великой Греции. Но ольвийские находки не являются полной аналогией амфоре из ГМИИ, тем более что и клеймо на венце передано не греческими, а латинскими буквами.

Прежде чем дать атрибутику этому сосуду, наверное, будет не лишним упомянуть о его происхождении. В инвентарных книгах ГМИИ сведения крайне ограничены. Отмечается, что амфора передана из музеев Кремля в 1965 году. Однако по информации Н.В. Александровой сосуд являлся подарком И.В. Сталину от «коммунистов провинции Гроссето» и поступил на выставку в 1950 году. Очевидно, что предназначался он к 70-летию юбилею И.В. Сталина, но оформлен был несколько позже. После этого юбилея было принято решение сделать выставку подарков вождю на площадях ГМИИ, что и было реализовано. Однако учет подарков на выставке практически не велся при огромном вале этих вещей (информация Н.В. Александровой). Выставка функционировала до 1953 г., когда она была демонтирована и экспонаты отправили опять в музей Кремля. А амфора каким-то образом была забыта в ГМИИ, где оказалась включенной в инвентарь значительно позднее – в 1965 году.

Несколько фраз о дарителях. Нынешняя провинция Гроссето является самой южной в составе исторической области Тоскана. В ан-

тичное время на территории Гроссето важнейшим центром была римская колония Коса на берегу Тирренского моря, выведенная в бывшую Этрурию в 273 году. Эта колония была важнейшим экономическим центром, тем более что там имелся мощный порт. К этому сюжету мы еще вернемся, а пока обратимся к амфоре.

Амфоры такой специфической формы, безусловно, не имеют отношения к хорошо известным образцам керамической тары греческих полисов Великой Греции [Olcese, 2010]. Зато они надежно идентифицируются как римские амфоры позднеэллинистического времени типа Dressel 1 [Manacorda, 1981, Taf. 3, 7; Empereur, Hesnard, 1987, p. 29, pl. 7, no. 31; Ру, 1993, p. 54; Alpözen et al., 1995, S. 104, Fig. 32; Olmer, 2013, p. 316, fig. 3], которые выпускались во множестве мест. И самая известная и массовая находка таких амфор именно с такими клеймами – это кораблекрушение у скалы Гран-Конглуэ в 10 милях от Марселя на глубине 42 м, которое было исследовано с 1952 по 1960 г. под руководством Ж.-И. Кусто, Ф. Дюма и Ф. Бенуа. С этого корабля длиной 23 м было поднято 1 700 целых амфор разных типов и несколько сотен образцов простой и чернолаковой столовой посуды, которые первоначально воспринимались как груз одного корабля. Предположительно этот груз состоял из примерно 3 000 амфор.

Вопрос о хронологии кораблекрушения долгое время был предметом дискуссии. Ф. Бенуа первоначально относил единый, как он считал, «комплекс» кораблекрушения примерно к 200 г. до н.э. и интерпретировал буквы SES как сокращение имени Марка Сестия, упомянутого в делосской надписи начала II в. до н.э. [Benoît, 1961]. Были и другие точки зрения, в соответствии с которыми датировка груза корабля определялась в интервале от 230 до 140-х гг. до н.э. Лишь Э. Тевенот и Е. Уилл настаивали на том, что в данном случае имело место смешение грузов нескольких крушений, а основной груз с партией римских амфор с клеймами Сестия более чем в 1 000 экз. должен датироваться от самого конца II до середины I в. до н.э. [Will, 1979, p. 339 ff.]. Главный вывод Е. Уилл в ее статье 1979 г. состоял в том, что поднятый у Гран-Коглуэ корабельный груз явно разновременен,

поскольку там помимо римских сосудов с клеймами SES с эмблемой «якорь» присутствует около 400 греко-италийских амфор еще III в. до н.э., а также родосские амфорные клейма конца III – начала II в. и др.

В разных районах Западного Средиземноморья, особенно в Галлии и Испании, неоднократно встречались клейма с сокращением имени Сестия в сопровождении разных эмблем. Но самая высокая концентрация находок клейм Сестия именно с эмблемой «якорь» происходит из раскопок 1970-х гг. в припортовой части колонии Косы в Этрурии, которые дали значительное количество клейм с этим именем – большее, чем во всем остальном Западном Средиземноморье. Эти раскопки, проводившиеся на протяжении 22 лет американской экспедицией под руководством А.М. Маккан, дали такое количество материала по римским амфорам типа Дрессель-1, что это позволяло утверждать: именно здесь, в районе Косы, находились керамические мастерские, где производились амфоры, клеймившиеся именем Сестия [Manacorda, 1978, p. 122 ff.; 1981, p. 4 ff.; Will, 1979, p. 341 ff.; McCann, 1988, p. 102 ff.; Will, Slane, 2019]. Из писем Цицерона нам известно, что его друг Публий Сестий владел имением в районе Косы [Cic. Att. XV.27.1], на этом основании современные исследователи делают вывод, что этот известный и достаточно богатый политический деятель, претор 54 года, как и его предки, был одновременно и крупным бизнесменом, владел землями на территории бывшей Этрурии, а также керамическими мастерскими по производству амфорной тары, предназначенной для вывоза на внешний рынок какой-то продукции [Will, 1979, p. 348 ff.; McCann, 1988; Will, Slane, 2019]. Скорее всего, этот вывод должен относиться не только к Публию Сестию, но и к его предку (прадеду, деду?) Марку и отцу Луцию.

Однако этот вывод представляется не совсем однозначным. Дело в том, что для сенатора считалось предосудительным заниматься бизнесом в современном понимании, а ведь Луций Сестий был до 90 г. плебейским трибуном, а его сын Публий – претором. Поэтому вполне вероятно, что хозя-

ином масштабного бизнеса, связанного с амфорным производством, был представителем другой ветви рода Сестиев в статусе всадника либо же кто-то из вольноотпущенников этой семьи, носивший то же имя². Ну и наконец, о продукте, который вывозился в амфорах. Это не обязательно должно было быть исключительно вино. Страбон пишет, что Коса славилась масштабными рыбными промыслами [Strab. V.2.8], поэтому не исключено, что вторым продуктом был соус гарум, который также вывозился в амфорах. Кстати говоря, американской экспедицией были обнаружены в ходе раскопок крупные рыбные емкости и бассейны для разведения тунца [McCann, 1988, p. 105].

Проанализированный Д. Манакорда хронологический контекст находок клейм Сестия в разных районах Галлии и Испании позволяет считать временем расцвета бизнеса этой семьи вторую четверть I в. до н.э. [Manacorda, 1978, p. 127 ff.].

И последний момент в этой истории с римской амфорой из мастерской Сестия. Дело в том, что амфора из ГМИИ имеет четко выраженные признаки длительного пребывания под водой, хотя в документах упоминается, что «она найдена при раскопках». Возникает предположение, что она происходит из знаменитого крушения у Гран-Коглуэ, где как раз и найдено абсолютное большинство известных амфор с клеймами Сестия. Противоречие только одно – плановые и масштабные работы Ж.-И. Кусто здесь начались лишь в 1952 г., а юбилей Сталина, как известно, состоялся в декабре 1949 года. Однако известно, что само кораблекрушение было зафиксировано намного раньше, сразу после окончания войны. Возможно, это трофей рыбаков, который и стал подарком вождю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00096).

The research was supported by RSF (project No. 18-18-00096)

² На эту вероятность обратил мое внимание Е.В. Смыков, которому я весьма признателен.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

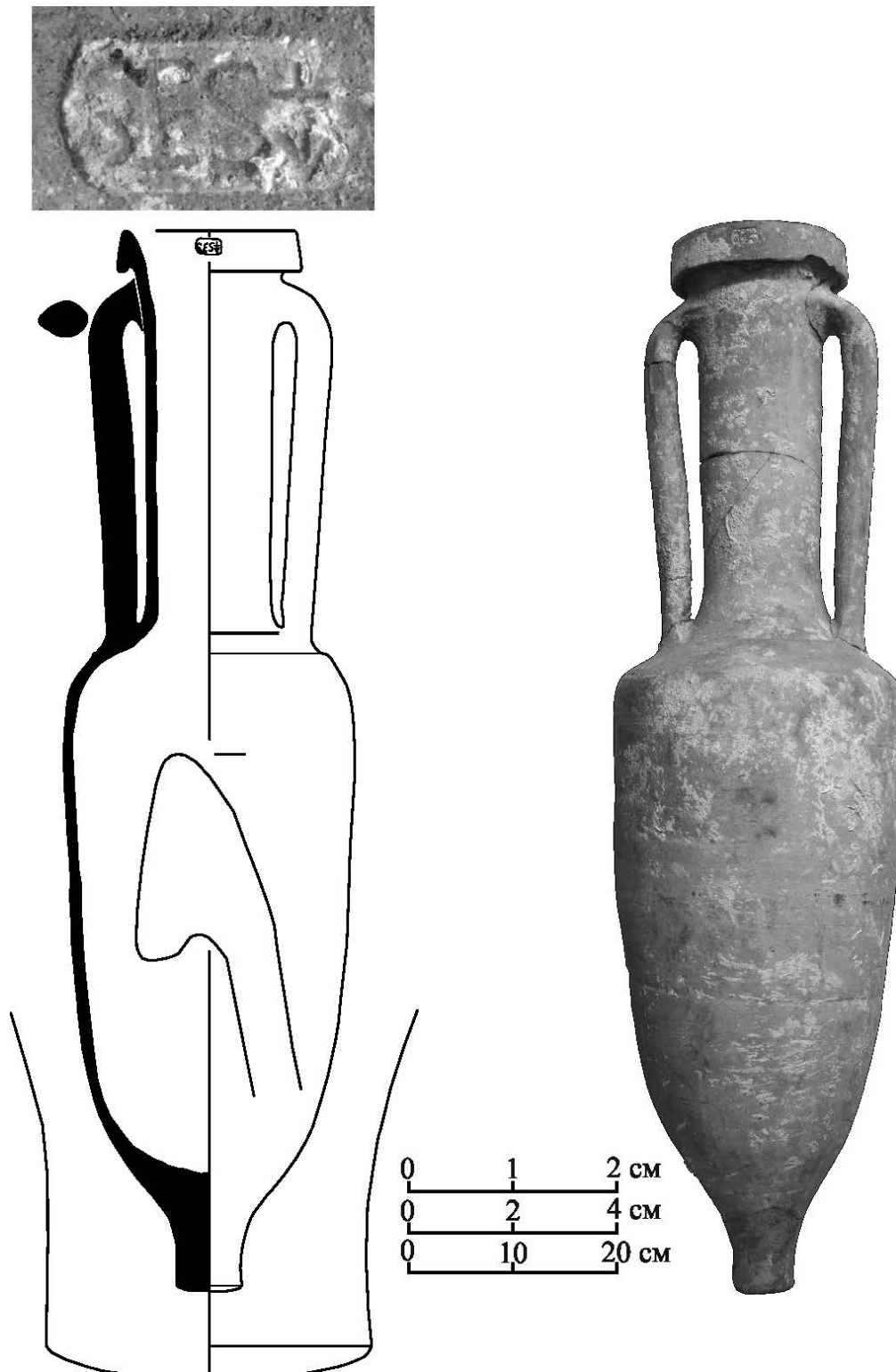

Рис. 1. Римская амфора с клеймом Сестия из ГМИИ
(фото из отдела искусства и археологии античного мира ГМИИ)

Fig. 1. Roman amphora with the stamp of Sestius from SMFA
(photo from the Department of Arts and Archeology of Ancient World of SMFA)

REFERENCES

- Alpözen T. Oğuz, Özdaş A. Harun, Berkaya B., 1995. *Commercial amphoras of the Bodrum Museum of Underwater Archaeology. Maritime Trade of the Mediterranean in Ancient Times*. Ankara, Dönmez offset. 128 p.
- Benoît F., 1961. *Fouilles Sous-Marines: L'Épave du Grand Congloué à Marseille / Gallia*. Supp. XIV. Paris, Centre nat. de la Recherche scientifique (Comité Technique). 211 p., 106 fig. 34 pl.
- Empereur J.-Y., Hesnard A., 1987. Les amphores hellénistiques. *Ceramiques hellénistiques et romaines*. II. Annales littéraires de L'Université de Besançon, pp. 9-72.
- Lawall M.L., Lejpuskaja N.A., Diatropov P.D., Samojlova T.L., 2010. Transport amphoras. *The lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD*. (I). *Black Sea Studies*. Vol. 13. Aarhus, Aarhus University Press, pp. 355-407.
- McCann A.M., 1988. Roman Port of Cosa. *Scientific American*, iss. 3, pp. 102-109.
- Manacorda D., 1978. The Ager Cosanus and the Production of the Amphorae of Sestius: New Evidence and a Reassessment. *Society for the Promotion of Roman Studies*, iss. 68, pp. 122-131.
- Manacorda D., 1981. Produzione agricola, produzione ceramica e proprietaria nell'ager Cosanus nel I a.C. Società romana e produzione schiavistica. II. *Merci, mercato e scambi nel Mediterraneo*. Roma; Bari, pp. 3-54 e, 263-273.
- Olcese G., 2010. *Le anfore greco italiche di Ischia: archeologia e archeometria. Artigianato ed economia nel Golfo di Napoli*. Roma, Edizioni Quasar di Severino Tognon. 479 p.
- Olmer F., 2013. La circulation des vins italiques en Provence, Languedoc et Gaule central aux IIIe et IIe siecles avant J.-C.: un point sur les volumes et les provenances. *Immensa Aequora Workshop. Ricerche archeologiche, archeometriche e informatiche per la ricostruzione dell'economia e dei commerce nel bacino occidentale del Mediterraneo (meta IV sec. a.C. - I sec. d.C.)*. *Atti del convegno Roma 24-26 gennaio 2011*. Roma, Centre Camille Jullian, pp. 315-323.
- Py M., 1993. Amphores italiques. *Dicocer* (Lattara 6). Lattes, pp. 53-55.
- Will E.L., 1979. The Sestius Amphoras: A Reappraisal. *Journal of Field Archaeology*, vol. 6, no. 3, pp. 339-350.
- Will E.L., Slane K.W., 2019. *Cosa. The Roman and Greek Amphoras*. Michigan, Ann Arbor. 213 p., 69 pl.

Information About the Author

Sergey Yu. Monakhov, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of Ancient World History, Director of Institute of Archaeology and Cultural Heritage, Saratov State University, Astrachanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation, monachs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8098-828X>

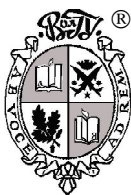
Информация об авторе

Сергей Юрьевич Монахов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира, руководитель института археологии и культурного наследия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, monachs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8098-828X>

Миссия журнала «Нижеволжский археологический вестник» – создание благоприятных условий для научного общения, популяризации и обмена новейшими достижениями в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; обогащение науки новыми археологическими источниками; ознакомление широкого круга исследователей с новациями и достижениями в области теории и практики современной археологии.

Редакционная политика журнала направлена на популяризацию исторических знаний и оперативный обмен новейшими разработками в евразийской степной археологии между отечественными и зарубежными учеными и заинтересованными читателями. Степи Евразии являются важнейшим регионом, история которого непосредственно влияла на процессы культурогенеза и этногенеза как в древности, так и в средневековье, связывая цивилизации Востока и Запада. Археологические исследования на данной территории остаются ценным источником реконструкции многих исторических процессов и важным фактором для понимания современных процессов мировой интеграции в Евразийском регионе.

Журнал приветствует естественнонаучные исследования в области археологии и исторических реконструкций.

С целью обеспечения высокого качества публикуемых материалов рецензентами выступают ведущие российские и зарубежные специалисты в различных областях знаний и периодах истории. Публикация полевых исследований допускается при наличии в статье глубокого анализа материалов с учетом достижений мировой науки.

Цели журнала – освещение и обсуждение актуальных теоретических и практических проблем археологии, использование естественнонаучных методов в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; информирование научной общественности о достижениях в области полевой и теоретической археологии в древности и средневековье.

Задачи журнала:

- публикация аналитических научных статей, рецензий и критических обзоров;
  - оперативное введение в научный оборот результатов полевых археологических исследований;
  - организация дискуссий по наиболее актуальным проблемам археологии евразийских степей и сопредельных территорий;
  - развитие научных контактов между специалистами в области археологии и естественнонаучных дисциплин;
  - обзор прошедших и анонс предстоящих научных мероприятий по археологии и междисциплинарным исследованиям;
  - поддержание высокого уровня научных публикаций.
-
-

The mission of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* is to create favorable conditions for scientific communication, promoting and exchanging the latest achievements in the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to enrich the science with new archaeological sources; to present the most recent advances and innovations in the contemporary Archaeology to a wide range of researchers.

The aim of the journal is to cover and discuss current research issues related to Archaeology and scientific methods applied to the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to inform the scientific community on the achievements of field and theoretical Archaeology in ancient times and the Middle Ages.

The editorial policy of the journal is aimed at the historical knowledge popularization and rapid exchange of the latest developments in the Eurasian steppe Archaeology between Russian and foreign scholars. The Eurasian steppes are a very important region. Its history had a direct impact on the processes of culture-genesis and ethnogenesis both in ancient times and in the Middle Ages and connected Eastern and Western civilizations. Archaeological research in this territory remains a valuable source of reconstructing many historical processes and a key factor for understanding modern world integration processes in the Eurasian region.

The journal welcomes natural scientific research applied to Archaeology and historical reconstructions.

To ensure the high quality of published materials the international team of leading experts in various disciplines, fields and historical periods provide their reviews. We publish field studies only if the article contains the in-depth analysis of materials and takes into account the achievements of the world science.

The objectives of the journal are to:

- publish research papers, reviews and critical notes;
  - present research findings to end users in the most useful way;
  - create a platform for discussing challenges related to the Archaeology of the Eurasian steppes and adjacent territories;
  - develop scientific contacts between experts in Archaeology and Natural Sciences;
  - review the past scientific events in Archaeology and interdisciplinary studies and announce the future ones;
  - maintain the high level of academic publications.
-

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

1. Редакционная коллегия журнала «Нижеволжский археологический вестник» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (nav@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции nav@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Нижеволжский археологический вестник».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://nav.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN*

1. The Editorial Staff of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* publishes only original articles.
  2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
  3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
  4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
  5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
  6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
  7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
  8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
  9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail nav@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
  10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail nav@volsu.ru, the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *The Lower Volga Archaeological Bulletin* print periodical.
- The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.
- The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.
- The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://nav.jvolsu.com/index.php/en> (section "For Author").
